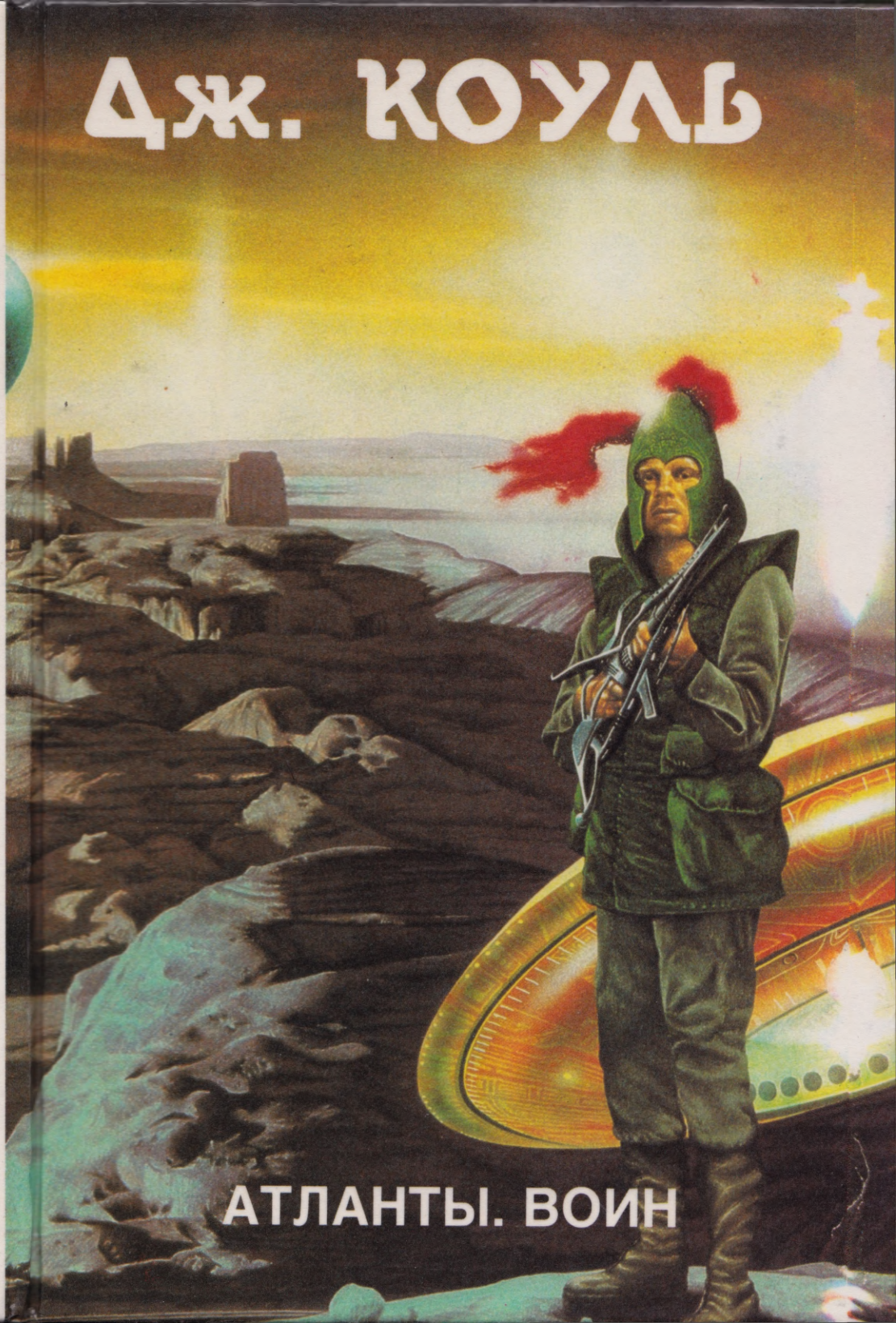
Дж. КОУЛЬ · АТЛАНТЫ. ВОИН

МВ

Дж. КОУЛЬ



АТЛАНТЫ. ВОИН

МОСКВА
ТОО «ТРАНСПОРТ»
1995

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

20

Дж. КОУЛЬ

АТЛАНТЫ. ВОИН

КНИГА ДВАДЦАТАЯ

ISBN 5-85550-030-6

© ТОО «Транспорт»

Идя навстречу неминуемой смерти, гвардия кричала: «Да здравствует император!» История не знает ничего более волнующего, чем эта агония, исторгающая приветственные крики.

В. ГЮГО, «Отверженные»

АТЛАНТЫ. ВОИН

Дорогой читатель!

Этой книгой издательство «ТРАНСПОРТ» открывает серию фантастических романов Коуля В. Джонса. Надеемся, что Вам придутся по вкусу эти произведения, в которых причудливо переплетаются фантастика и история, утопия и легенды, тонкий психологизм и авантюрный сюжет.

Роман «АТЛАНТЫ. ВОИН» является второй книгой цикла «АТЛАНТЫ». Многие герои его были персонажами романа «АТЛАНТЫ. ОСТРОВ» и поэтому мы решили кратко изложить содержание первого произведения цикла.

В результате поражения в вооруженном межпланетном конфликте группа атлантов, среди которых и главный герой романа Русий, вынуждена покинуть родину. Оставив разрушенную столицу, они пробираются на секретную базу в горах, где спрятан космический крейсер «Марс». В назначенный час крейсер с 45 членами экипажа и пассажирами на борту оставляет планету и, обманув преследователей, скрывается в просторах космоса. После долгих скитаний, пережив множество опасностей, атланты находят планету, как две капли воды похожую на оставленную Атлантиду. Космические скитальцы решают поселиться здесь и возродить погибшую цивилизацию. Атланты дают планете имя Земля.

На Земле в это время уже существуют зачатки разумной организованной жизни. Атланты вмешиваются в естественный ход развития и создают общество, основным принципом которого провозглашается идея Высшего Разума. Техническое преимущество ставит атлантов над аборигенами, которые почитают пришельцев как богов. Этому также способствует временной парадокс, увеличивающий жизненный срок очутившихся на Земле атлантов до десятков тысяч лет.

Сначала атланты покоряют население острова, названного ими Атлантидой. Постепенно под их властью оказываются другие земли — Крит, Египет, часть Западного материка (Южная Америка). Возникает гигантское могучее государство, формально основанное на законах справедливости, а фактически на силе. Опасаясь быть отторгнутыми планетой, атланты скрывают большую часть своих технических достижений, в том числе космический крейсер, который спрятан ими на одном из островов неподалеку от западного побережья Африки. Атланты полагают,

что достаточно научных знаний и высокой общественной организации, чтобы править миром.

Государство, созданное ими — образец высокой утопии. Это правление философов, воспетое Платоном. Основой государства служит принцип целесообразности, оправдывающий во имя достижения конечной цели любую несправедливость. Во главе государства атлантов или, как они сами себя именуют, титанов стоит Командор, в прошлом правитель планеты Атлантида. Командор считается атлантом, но на самом деле он существо совсем иного рода — выходец с планеты Зрентша... Когда-то, давным-давно зрентшианцы оставили свою родную планету и расселились по Вселенной. Обладая сверхъестественными способностями, среди которых следует выделить умение замедлять время, а также умение создавать гибельную для всего живого дезинтегрирующую волну, они подчинили своей власти многие цивилизации. Главным определяющим свойством зрентшианца является жажда власти. Покуда зрентшианец обладает властью, он бессмертен. Командор — не единственный зрентшианец, принимающий участие в описываемых событиях. Главный враг атлантов, захвативший их планету, Черный Человек в разговоре с Русием признается, что он также является зрентшианцем. Во время межзвездных скитаний Русий и его товарищи избавляются от еще одного зрентшианца — брата Командора Ария, претендовавшего на власть над атлантами. Позднее, уже на Земле Русий узнает, что он сын Командора и, значит, тоже зрентшианец.

Текут столетия. Атланты преобразуют Землю. Они пытаются подарить своим подданым счастье, но понимают его иначе, чем люди, невольно претендуя на звание богов. Они создают абсолютно тоталитарное государство с четкой иерархией и искусственными моральными ценностями. Государство опирается на совершенную экономику и военную силу, и потому кажется несокрушимым.

Люди не в силах разрушить это чуждое Земле образование, но гибель атлантической цивилизации несут сами атланты. Правитель Египта атлант Кеельсее решает избавиться от назойливой опеки центральной власти и тайно подготавливает нападение на Атлантиду. Эскадры Кеельсее и средиземноморских пиратов разбивают атлантический флот и высаживают на остров десант. Неожиданно для атлантов их города открывают ворота неприятелю, в армии начинаются мятежи, восстают «низшие» — бесправная категория провинившихся людей, используемых на самых тяжелых работах. Большая часть Атлантиды оказывается в руках восставших против владычества атлантов землян.

Неспокойно и в столице Атлантиды — Городе Солнца. Она великолепно укреплена, ее стены защищают отборные части, но внутри Города зреет заговор, во главе которого атлантка Леда, в прошлом — возлюбленная Русия. Леда возглавляет самое могущественное ведомство — Внутреннюю Службу Дворца. По какой-то причине она ненавидит Русия и эта ее ненависть перекидывается на всех атлантов. С помощью Леды восставшие проникают в Город и начинают штурм дворца. В ожесточенном бою погибают многие атланты. Прочие ждут помощи крейсера, но безрезультатно, Кеельсее блокировал связь с ним. В этот миг Русий разоб-

лачает Леду, та пытается бежать и исчезает в огненном смерче, созданном Черным Человеком.

Оставшиеся в живых атланты покидают город на воздушном катере как раз в тот миг, когда известие о происходящем на Атлантиде наконец-то достигает крейсера. Крейсер устремляется на помощь, однако, на подлете к острову, его уничтожает член экипажа, потомок убитого атлантами аборигена. Взрыв реакторов приводит к грандиозной катастрофе. Атлантида погружается на морское дно, гигантские волны обрушиваются на побережье Средиземноморья и довершают уничтожение цивилизации. На этом читатель расстается с атлантами и их великой, но неудавшейся затеей. Утопия нашла свой конец, однако ее создателей ждут впереди новые приключения.

Проходят века. Зарождаются иные культуры, появляются новые народы, возникают могучие государства. Мир вступает в известную нам эпоху.

Сюжет второй, публикуемой, книги разворачивается вокруг событий греко-персидских войн (первая половина 5 века до н. э.) Читателю предстоит столкнуться с множеством персонажей, многие из которых реальны, другие выдуманы, но вполне могли существовать в реальности. Динамика событий чрезвычайно обширна — они происходят в Персии, Иудее, Вавилонии, Греции, параллельных мирах. Великие воины и прекрасные женщины, цари и пираты, воры и заговорщики, люди и боги, чудовища и ненаходящие пристанища души сплетают в единый клубок историю и причудливую фантазию вымысла.

Мы надеемся, что эта книга не оставит равнодушными как любителей фантастики, так и увлекающихся историческими произведениями. Истинное удовольствие получат и те, кто отдают предпочтение мистике и триллеру. И, наконец, настоящий сюрприз ждет любителей фэнтези.

В 1995—1996 годах издательство «ТРАНСПОРТ» планирует выпустить следующие произведения цикла «АТЛАНТЫ» — «АТЛАНТЫ. ОСТРОВ», «АТЛАНТЫ. КУТГАР», «АТЛАНТЫ. ИМПЕРАТОР».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОСТОК. ПАРСА

ПРОЛОГ

Эпоха Востока

На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с Востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню, высотою до небес; и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у них язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же, и смешаем там язык их, так, чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их оттуда Господь по всей земле...

БИБЛИЯ. Бытие, 11, 1—8

История Земли знавала пять эпох. Так считал Гесиод. Так считал Овидий. Так считали древние.

Первым было **поколенье людей золотое**, чья участь могла вызвать лишь зависть. То было поколение, коему судьба предназначала жить вечно.

Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили,
А умирали как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем неизвестен.[1]

ЗОЛОТОЙ ВЕК — термин, ставший нарицательным. Эпоха безоблачного счастливого существования человечества. Но это была не та эпоха, к которой относим себя мы. Это время правильней считать праэпохой. Люди Золотого века были рождены не землею. Их породил космический хаос для того, чтобы они обуздали хаос земной, и они ни на мгновенье не переставали чувствовать себя гостями этого мира. Они поклонялись Кроносу — незыблемому Времени — и тем богам, имени которых история до нас не донесла. Пралюди пытались обуздать дикое естество природы, чуждой им, найти гармонию между естеством и сознанием. Они верили в Разум и Силу.

Их победа была близка. Во имя Разума они покорили хаос Времени и Крон сменил Урана.

Это была великая эпоха, эпоха атлантов и лемурийцев, обитателей Гондваны и гипербореев, эпоха ТИТАНОВ. Кто они были, неведомые нам, о которых не сохранилось даже преданий? Боги? Пророки? Боголюди? А, может быть, сверхлюди или возомнившие себя таковыми?

В своем стремлении обуздать первозданный хаос они встали наперекор Вечности и она стерла их с лика Земли. Титаны пали под напором хтонических стихий и канули в небытие. И лишь время им судья.

Гигантские катастрофы, спустившие на дно целые континенты, превратили эту эпоху в прошлое.

Время хаоса, космических сил и подземных стихий минуло. Еще клокотали вулканы и падали в океан пурпурнохвостые кометы, но уже настало время упорядочения, обуздания хаотических сил. На смену Разуму, рожденному Космосом шел Разум Земной, единый и всеобъемлющий, облеченный в форму богоданного закона.

После того, как Сатурн был в мрачный Тартар
низвергнут,
Миром Юпитер владел, — серебряный век народился...[1]

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК — при этих словах видится закат, но закат прекрасный. Нередко случается так, что закат прекраснее восхода, ведь он предвещает ночь, за которой последует неведомый день. Закат таит в себе тайну. Он подобен блеклым отблескам отраженных диском луны солнечных лучей, что высвечивают истину ярче полуденного светила.

Серебряный век Земли был куда более прозаичен. Его лишь с натяжкой можно назвать эпохой. То было время малых племен, малых войн и малых расстояний. То была эпоха обнищания духа и возврата к патриархальной дикости. Люди перестали поклоняться Космосу и обратили свои взоры к Земле. Время дикости — наивной и нетронутой.

На тысячелетия Земля застыла в мертвом оцепенении, не в силах рвануться вперед. Стояло солнце, замерли звезды. Поколение мертвых людей, возвращающихся в пальмовые рощи.

Нужен был взрыв, взрыв великий и очищающий. Мертвые люди были не вправе царить на земле. И они исчезли подобно своим предшественникам. То было время грандиозных катастроф, сотрясавших землю потопами, извержениями, землетрясениями. Хотя катастрофы эти были лишь слабым отзвуком катаклизмов, сотрясавших некогда цивилизацию, но они произвели на людей страшное впечатление, они заставили их встрепенуться и пасть ниц пред силой Земли. Ведь это были слабые люди, **люди Земли**, непознавшие бездну Космоса. Человек преклонился перед стихиями, а так как они ему были непонятны,

обожествил их. Через эпоху Ноя, Прометея и Энкиду разбуженное и уверовавшее в иррациональный фетиш человечество вступило в век медный, век древних сатрапий.

Закованные в медь когорты шли с Востока, где встает солнце...

Восход солнца.

Эпоха, которую мы считаем нашей, зародилась именно там, где восходит солнце — на Востоке. Поднявшись из-за высоких горных хребтов светило смешало в пробирке тысячу капель живой природы, уронило каплю разума, создав пестрый, словно лоскутное одеяло, человеческий мир. Мир хаоса и разрушения, мир порядка и созидания. Наш мир.

Египтяне и аккадцы, шумеры и евреи, финикийцы и вавилоняне, лидийцы и мидяне, скифы и ассирийцы, киммерийцы, арабы, хетты, массагеты, армяне, бактрийцы, арии, индийцы, сотни более мелких племен и народов. Невообразимая смесь обычаев, верований, образов жизни. Ни одна другая часть Земли просто не в состоянии породить подобный хаос. Лишь Восток.

Восток — родина человека и зверя, добра и зла, силы и слабости. Адам и Ева, если они действительно существовали, жили на Востоке. Здесь творил Демиург и пал на землю ироничный ангел. Здесь же были ад и эдем.

Почему именно Восток? А не Север с его исполинской мощью? Не доколумбова Америка, давшая миру действительно великие цивилизации? Не жаркая Африка, которая возможно была родиной прачеловека? Не Запад, чья грозная мощь спустя века перевернет мир?

Почему Восток? Этого не в силах объяснить никто. Мы вправе лишь предполагать.

То был район невиданной стихийной активности. Рожденные союзом Космоса и Земли силы превратили его в бурлящий котел, полный бурь и смерчей.

Лишь на такой закваске мог появиться человек нашей эпохи, движимый неисчислимыми мириадами чувств и желаний.

Восток занял наибольший отрезок **нашей** эпохи. Сто поколений безраздельного господства Востока. Сто поколений господства медных людей.

С копьями. Были те люди могучи и страшны. Любили
Грозное дело Арея[1], насильщину. Хлеба не ели.
Крепче железа был дух их могучий. Никто
приближаться
К ним не решался: великою силой они обладали,
И необорные руки росли на плечах многомощных.[2]

Опираясь на силу они покоряли слабейших, а когда мир стал принадлежать грозным остриям медных копий, они попытались

покорить стихии. Иначе чем объяснить огромные, поражающие воображение сооружения — все эти пирамиды, зиккураты, колоссы, грандиозные стелы и высеченные в толщах скал храмы. Что это как не попытка обуздать Время и Космос, земную твердь и глубинный мир? То была попытка отыграться за поражение, нанесенное человеку в праэпоху.

Восток был дерзок в своем стремлении и время наказало его. Время пошло быстрее. Оно стало слишком стремительным, чтобы воздвигать пирамиды и грандиозные храмы, оно замельтешило сотнями новорожденных — жадных и нахрапистых, без оглядки кидающихся в кипящий страстями омут Востока.

Незыблимый и неспешный, словно Хапи, Восток превратился в клубок противоречий, неразрешимых и сокрушающих. Один за другим на арену выходили новые народы — молодые и яростные. Эпоха Египта и Шумера сменилась владычеством гиксосов, семитов, митанни, хеттов, кровавой поступью ассирийских легионов, развратом блудодейного Вавилона.

Все как в библейском мифе. Люди собирались построить башню, мечтая покорить небо, и тогда Демиург смешал их языки, заставив бросить все силы на то, чтобы договориться между собой. Но как трудно договориться разноязыким народам! Как трудно даже в наше время. А в эпоху Востока это было невозможно. Слишком горяча была кровь, слишком доступны наслаждения и слишком мало ценилась жизнь. Слишком мало...

С тех пор эра величия Востока окончилась. Началась эпоха смут, калифов на час, варварской пышности и жестокости. Люди лишились естественных ценностей — веры в добро, дружбу, справедливость. Они стали поклоняться жестоким, но слабым богам, богам, что сдирали кожу с захваченных пленников. Слабость пыталась казаться сильной через жестокость.

Восток стал неспособен на самостоятельное развитие. Он погряз в самом себе, задохнулся в насыщенном миазмами воздухе Междуречья. Закованные в медь когорты сгорели в горниле междоусобных войн, их поглотили безбрежные пески и бездонное море.

Восток потерял свою созидающую силу, дарованную ему землею. Отныне он мог порождать лишь химерические идеи.

Время Востока обращалось в прошлое. На смену ему шло время Запада.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Так говорил Заратустра[1]

Да возрадуется Ахура-Мазда[2], и отвратится Анхра-Манью[3] воплощением Истины по воле достойнейшей.

Радости Солнца бессмертного, светлого, чьи кони быстры, — молва и хвала, радость и слава.

Как наилучший господь промолвит мне служащий жрец, как наилучший глава по Истине промолвит пусть знающий верующий.

Мы молимся Солнцу,
Бессмертному Свету,
Чьи кони быстры.
Когда Солнце светит,
Когда солнце греет,
Стоят божества
Все сотнями тысяч
И счастье вбирают,
И счастье дарят
Земле, данной Маздой,
Для мира расцвета,
Для истины роста.

Как наилучший Господь промолвит мне служащий жрец, как наилучший глава по Истине промолвит пусть знающий верующий.

Молитву и хвалу, мощь и силу
прошу Солнцу бессмертному,
светлому, быстрому конному.
Истина — лучшее благо.
Благо будет, благо тому, чье Истине лучшее благо.

АВЕСТА.[4] Гимн Солнцу. Яшт 6.

По пыльной, разбитой конскими копытами дороге шел человек. В это раннее утро мир еще спал, ни единая душа не попалась человеку навстречу за время его пути.

Странник был неприметен собой. Затешись он в людскую толпу, и вряд ли кто обратил внимание на его простое, изборожденное годами и ветром лицо. Обыкновенный маг, каких сотни в парсийских городах. Замызганный белый халат, тростниковый посох, редкая старческая щетина на щеках и подбородке. Вот только глаза. Глаза были необычны. Огромные, пронзительные, с неестественно-голубыми, почти белого цвета зрачками. Они источали ум, властность, силу. Эти глаза могли покорить, навязать свою волю, могли заставить сердце биться радостной дрожью. Если требовалось, эти глаза могли и убить.

И еще. Они совершенно не боялись солнца. Так поговаривали и странник охотно подтверждал эти слухи. И словом, и делом.

Как, например, сейчас. Утреннее — холодное, но уже ослепительное — солнце встало ровно в конце дороги по какой шагал странник, и он, не мигая, словно слепец, устремил взор в раскаленный диск, на фоне которого появились стены Парсы, столицы Персиды.

Странник приободрился и прибавил шаг. Долгий путь ничуть не утомил его. Несмотря на прожитые годы, определить точно число которых он, пожалуй, затруднился бы и сам, странник был полон сил. Он мог без труда проделать вдесятеро большее путешествие, чем это. Маги-лежебоки пускали сплетни, что он переносится по небу, подобно демону. Что ж, странник не отрицал и этого.

Стоявший на обочине крестьянин, вышедший на пахоту, низко поклонился страннику. Тот ответил на поклон плавным движением руки и крестьянин вдруг почувствовал, что его перестал мучить голод. Поклонившись еще ниже он прошептал в спину удаляющемуся страннику:

— Хвала мудрейшему и великому!

Но странник не слышал этих слов, он шел дальше.

Парса была сравнительно молодым городом. Еще поколение назад на этом месте было лишь небольшое торговое селение. Как-то эти края посетил царь Дарий. Место чрезвычайно понравилось ему и он велел заложить здесь царский город. При Дарии была возведена часть дворца и началось строительство оборонительных стен. Окончательный вид столица приобрела при преемнике Дария Ксерксе, который правил Парсийской империей уже шестой год.

Ночная стража еще не закончилась. Но маг не собирался ждать, когда сонные стражники соизволят открыть окованные медью ворота, как это делали семеро опоздавших засветло попасть в город торговцев-мидян. Не обращая внимания на их презрительные к бедности взгляды странник подошел к воротам. И стукнул в них своим посохом. Раздался высокий металлический звук. Стоявшие на стене караульные встрепенулись. Прозвучала короткая команда и створки ворот распахнулись. Стражники склонились в низком поклоне. Сопровождаемый изумленными взорами торговцев странник вошел в город.

Вслед за первой стеной находилась вторая — высотой более тридцати локтей[1]. Воины, охранявшие эту стену так же беспрепятственно пропустили странника.

Городской рынок только просыпался. Торговцы съестными припасами раскладывали на лотках свой товар — мясные окорока и птицу, сладости и пышные лепешки; купцы с далекого Гирканского моря подвешивали на бечевах духовитые осетровые балыки и выставляли глиняные вазочки с крупной, почти в горох величиной, черной икрой. Чуть дальше шли ряды, где продавали одежду, конскую сбрую, украшения, но странника они не интересовали. Он направился туда, где торговали мясом, где витал пряный запах стылой крови.

Его узнавали и здесь. Каждый торговец считал своим долгом поклониться ему, хотя многие потом бросали неприязненные взгляды в его согбенную глазами спину.

Миновав мясные ряды, странник подошел к бойне. Здесь он обнаружил того, кто ему был нужен. Сидевший у кучи отбросов нищий вздрогнул, когда тростниковый посох уперся в едва прикрытый лохмотьями бок.

— Здравствуй, Зели.

Нищий быстро обернулся, вскочил на ноги и низко склонил немытую голову.

— Да живет вечно дестур-мобед[1].

— Отведи меня туда, где мы можем поговорить, — велел странник, бросив быстрый взгляд в сторону, где, похоже, мелькнул белый халат мага.

— Я знаю такое место, наставник.

— Иди вперед, я последую за тобой.

Подобрав с земли несколько мясных объедков нищий сунул их в висящую через плечо торбу и направился к невысокому глиняному дувалу. Попадавшиеся навстречу горожане старательно обходили оборванца, опасаясь коснуться его. Зели был гербедом — послушником, посвященным богу тьмы Ариману. О гербедах Аримана шла дурная молва, что они могут принести несчастье лишь одним прикосновением к человеку. Прорезав толпу прохожих, постепенно заполнившую рынок, Зели подошел к дувалу и ловко перемахнул через него. Спустя мгновение его примеру последовал странник. Перед тем, как перекинуть не по-старчески легкое тело вниз, он обернулся назад и успел заметить, что человек в белом халате, толкаясь локтями, прорывается через толпу.

Дувал был сооружен таким образом, что неизбежно становился западней для непосвященного в его тайну. Если с внешней стороны глиняная стенка достигала всего двух с половиной локтей, то изнутри она обрывалась глубокой ямой. В яме виднелись черные отверстия воровских лазов, уходящих глубоко под землю.

Оказавшись в яме, Зели шустро влез в одну из этих нор, но его спутник задержался. Он прижался спиной к стене и терпеливо ждал, и в конце концов его ожидание было вознаграждено — в яму шлепнулся облаченный в белый халат преследователь. Оглушенный внезапным падением, он попытался подняться на ноги, но не успел. Блеснула сталь, оборвавшая короткий всхрип. Тот, кого именовали наставник, наклонился к убитому и внимательно, словно запоминая, рассмотрел его лицо. Затем он достал крохотный стеклянный пузырек и вылил его содержимое на голову трупа. Произошла мгновенная реакция. Кожа обуглилась и распалась, обнажая мышечные волокна, которые в свою очередь расползлись гнилыми ошметками. Спустя мгновение на земле лежало еще теплое тело, на плечах которого красовался полуразвалившийся череп. Странник сунул узкое лезвие стилета в тростниковые ножны — получился посох — и исчез в норе.

Зели ждал его в небольшой пещере. Он не осмелился поинтересоваться чем была вызвана задержка, а наставник не стал давать объяснений и спросил:

— Что-нибудь узнал?

— Как и велел дестур-мобед.

— Говори.

— Маги соберутся через два солнца в полночь в пещере близ Козлиного ручья. Это в десяти милях от Парсы.

— Я знаю это место. — Заметив, что Зели нерешительно порывается сделать добавление к ранее сказанному наставник спросил:

— Что-нибудь еще?

— В зале, где беседовали маги, толстые стены. Поэтому я расслышал лишь часть разговора, но мне показалось, что они несколько раз упомянули имя сиятельного Артабана, хазарапата[1] царя Ксеркса.

— Артабана? — переспросил странник. При этом он не казался слишком удивленным. — Я подозревал о том, что он замешан в заговоре магов. Ладно, я займусь этим делом лично. У тебя все?

— Да, наставник.

— Хорошо. Ариман благодарит тебя. — Нищий упал на колени и поцеловал ногу странника. — Служи ему верно и впредь, и он не забудет тебя.

Помедлив наставник добавил:

— У входа в лаз лежит труп. Избавься от него.

Сказав это, странник исчез, словно растворился в воздухе. Зели пожал плечами и полез наружу. Когда он увидел жутко обезображенное тело, его вырвало.

Прямо на ухмыляющийся череп.

* * *

На самом деле странник не совершал никаких трюков для того, чтобы исчезнуть из подземной пещеры. Он просто дождался, когда Зели опустит глаза долу и бесшумно шмыгнул в лаз. Выйдя с базара он пошел по широкой, выложенной камнем улице мимо вилл вельмож, мимо святилищ Ахурамазды и Митры. Вскоре он подошел к гигантской платформе, на которой располагался комплекс царского дворца.

Попасть на платформу можно было лишь одним путем — по огромной, сложенной из базальтовых блоков лестнице, которую охранял отряд бессмертных. Вооруженные луками и короткими копьями с серебряным яблоком под острием эти воины составляли личную гвардию персидских царей. Всего их насчитывалось десять полков по тысяче человек каждый. Охрану дворца нес первый полк бессмертных, набранный из сыновей самых влиятельных сановников. После десяти лет верной службы бессмертные назначались фратараками[1], командирами воинских отрядов, многие из них позднее становились сатрапами[2]. Число бессмерт-

ных было неизменно. Если бессмертный погибал в бою, выбывал из полка по болезни или по какой другой причине, его место тут же занимал другой воин. Десять тысяч — ни одним меньше, ни одним больше. Бессмертные были символом мощи и незыблимости государства, провозгласившего наступление парсийской эпохи.

Странник беспрепятственно миновал бессмертных, почтительно расступившихся перед ним, и стал подниматься по лестнице. Шаг за шагом — ровно сто одиннадцать ступеней. Магическое число!

Стены врезанной в платформу лестницы украшали барельефы, изображавшие военные и дворцовые стены, а также статуи древних магических божеств — крылатых грифонов, баранов, быков и козлов, сфинкса и подземного льва с острым хвостом скорпиона.

Сзади послышался цокот копыт. Странник обернулся. Сидя верхом на коне, по лестнице взбирался богато разодетый вельможа. Вот он поравнялся со странником, бросил на него презрительный взгляд и поскакал дальше. Хотел поскакать... Его лошадь вдруг заартачилась, встала на дыбы и сбросила седока на каменные плиты. Проделав это, животное мгновенно успокоилось и застыло на месте. Пряча улыбку странник продолжил свой путь. Едва он поравнялся с изрыгающим проклятья вельможей, как тот мгновенно согнулся в низком поклоне и пробормотал:

— Прости, что не узнал тебя, просветленный.

Странник кивнул головой и прошел мимо. Вельможа обжег его спину ненавидящим взглядом. Но странник уже привык к подобным проявлениям неприязни и не обращал на них никакого внимания.

Взобравшись по лестнице на платформу он прошел через портик, украшенный четырьмя огромными статуями быков и очутился в тачаре — личных покоях царя.

Здесь роскошь сочеталась с комфортом. В просторных залах тачары не было громоздких каменных или электровых изваяний, вместо хладного мрамора пол был покрыт светло-серой штукатуркой, а стены обиты теплым деревом. Из небольших арочных окон лился мягкий свет, блики которого терялись в драпировках из пурпурной шерсти.

В приемной зале было немноголюдно. Присутствовавшие здесь люди разбились на несколько групп. Одну составляли близкие родственники царя Арсам, Гиперанф и Гистасп. Облаченные в длинные, расшитые золотом хламиды они негромко переговаривались. При появлении мага все трое после некоторых колебаний приветствовали его поклоном головы. Странник ответил им тем же. Неподалеку от родственников царя стояли пятеро или шестеро вельмож. Большинство из них также поклонились вошедшему, лишь Артифий, сын Артабана поспешно отвернулся.

У стены возле статуи крылатого барса скучал в одиночестве человек, чьи скромные одежды, резко контрастирующие с богатыми хламидами сановников, свидетельствовали о том, что он родом с запада. Его тело облегал простой льняной хитон, на ногах были легкие сандалии. Он казался скромной пичугой в окружении пышных павлинов. То был спартанский царь Демарат, изгнанный из родного города. Скользнув по магу безразличным взглядом, спартанец вернулся к прежнему занятию — устав созерцать надутые физиономии эфергетов[1] и родственников царя он предпочитал рассматривать вооружение стоявших у дверей, что вели во внутренние покои, бессмертных.

Окинув комнату взором и кивнув эвергетам в знак приветствия странник встал у стены. Ждать пришлось недолго. Распахнулась дверь и в залу вошел начальник личной охраны царя Артабан. Парсийские вельможи склонились в низком поклоне. Лицо спартанца скривила презрительная гримаса, которую он даже не попытался скрыть. Глядя на него, маг не сумел удержаться от улыбки. Он прекрасно понимал гордого воина, привыкшего склонять голову лишь перед друзьями, павшими на поле брани. Магу был также неведом придворный поклон. Он мог пасть на колени лишь пред сильным, но время сильного еще не пришло.

Даже самые большие недруги не могли отрицать, что Артабану самой судьбой предназначено быть государственным мужем. Он намного превосходил всех прочих сановников: и умом — острым, властным, быстрым в выборе решений, — и внешностью. Высокого роста он был статен, дороден; большая холеная, окрашенная хной борода подчеркивала мужественные очертания лица, нос был подобен острому орлиному клюву, глаза светились мыслью, но могли метать и молнии.

Артабан оглядел собравшихся, задержав взгляд на маге, после чего сказал:

— Великий царь, царь царей, царь двадцати трех провинций, сын Дария, внук Виштаспы, богоравный Ксеркс моими устами выражает свою волю и объявляет, что сегодня будут приняты Гистасп, сын Дария, Арсам, сын Дария, Анаф, сын Отана и Артифий, сын Артабана. Остальным повелеваю явиться на следующее утро.

Недовольно ворча вельможи, которым было отказано в приеме, разошлись. Ушел и Демарат. Маг остался стоять на месте. Вновь взглянув в его сторону Артабан провозгласил:

— Царь повелевает войти в его покои Гистаспу, сыну Дария.

Следом за Гистаспом были приняты и другие сановники. Выходили они очень быстро, что свидетельствовало о том, что царь торопится и не склонен вступать в длинные разговоры. Маг догадывался о причине подобной спешки. Падежный информатор из числа приближенных царя сообщил, что в царский гарем доставлены две очаровательные ионянки. Судя по всему Ксерксу не терпелось отправиться к своим новым наложницам.

Зала опустела. Остались лишь бессмертные, да невозмутимый маг. Давая отдых ноющим от ходьбы ногам он прислонился к безобразному каменному туловищу какого-то монстрообразного божества. Лица бессмертных дрогнули от этого кощунства. Негромко скрипнула створка приотворяемой двери, появился Артабан.

— Ты еще не ушел, Заратустра? — деланно удивился он.

— И не уйду. — Маг усмехнулся. — Не ради этого я проделал многочасовой путь.

— О, я понимаю тебя! — Артабан махнул рукой, приказывая бессмертным удалиться, и дружески тронул Заратустру за локоть. — Дорога, пройденная ногами отшельника несоизмеримо дольше, чем та, что проскакал конь Гистаспа или Гиперанфа. Поверь мне, я искренне сочувствую тебе, великий маг, но ничем не могу помочь. Царю не терпится устремиться в сребростенный гарем.

— Да, великий царь падок до ионянок, — невозмутимо согласился Заратустра.

Пальцы Артабана, сжимавшие локоть странника, ощутимо дрогнули. Вельможа конечно же подозревал, что Заратустра имеет соглядатаев среди придворных, но не думал, что они столь осведомлены — ведь девушек доставили из Сард лишь ночью. Однако Артабан быстро совладал с собой. Коротко рассмеявшись он поспешно сменил столь щекотливую тему разговора.

— У повелителя много забот. Увы, он не всегда располагает временем выслушать советы своих мудрых слуг.

Заратустра, прекрасно знавший, что именно Артабан решает, кто попадет, а кто не попадет на прием к царю, заметил:

— Я слышал, что в последнее время великий царь стал прислушиваться к советам одним и совершенно забыл о других.

— Недоумеваю, Заратустра, кого мог забыть великий князь.

— Ну, например, Мардония или Мегабиза.

— В твоих словах отсутствует истина, маг. Как может повелитель забыть о Мегабизе, сыне благородного Зопира, оказавшего столь значительную услугу его деду Курушу, или Мардония, долгие годы верно служившего высокочтимому отцу? Они, как и прежде, пользуются благорасположением повелителя.

Маг проигнорировал эту напыщенную тираду.

— Почему же в таком случае они не могут увидеть своего господина в течение уже многих лун?

Артабан всплеснул руками.

— Повелитель очень занят и, как ему ни горько от осознания этого, он не всегда может позволить себе выслушать речи своих верных слуг. Он просил передать свое искреннее сожаление, что не может принять тебя, великий маг.

— Подозреваю, он даже не знает о том, что я здесь, — пробормотал Заратустра.

Начальник охраны возмутился.

— Как может Заратустра подвергать сомнению мою искренность?!

— О нет, почтенный Артабан! Я сетую на твою забывчивость!

— Достаточно! — сорвав с себя вежливую маску закричал вельможа. — Я не намерен больше терпеть подобных оскорблений. Ступай вон или тебя вышвырнут из дворца!

Заратустра медленно повернул голову и устремил на Артабана пристальный взгляд. Сила этого взгляда давила на сановника, словно каменная глыба, руки и ноги его дрожали, лоб покрылся испариной. Но, собрав свою волю в комок, он выстоял.

— Убирайся! Или я крикну стражу!

— Будь осторожней, Артабан, — нараспев прошептал Заратустра. — Иногда, нужно немного яду; он вызывает приятные сны. И, в конце концов много яду, для приятной смерти.[1]

Резко повернувшись Заратустра вышел, оставив все еще дрожащего Артабана в одиночестве.

Но маг не отказался от своих попыток пробиться к царю Ксерксу. Используя гипнотические способности он заставил раздеться одного из бессмертных, повстречавшегося ему вблизи дворца. Облачаясь в цветастый халат, Заратустра без особого труда миновал одурманенную его взором стражу и прошел мимо к женским покоям. Здесь он сбросил одеяние воина и смело шагнул через порог.

Стоявший неподалеку от двери евнух бросился навстречу с мечом в руке. Но Заратустра отбросил толстяка незаметным движением ладони. Рухнув на выложенный глиняными плитками пол и ошеломленно взирая на руку, в которой мгновение назад был зажат кривой меч, евнух послушно выслушал все то, что ему сказал маг.

— Немедленно доложи повелителю, что его хочет видеть маг Заратустра.

Евнух уполз за шелковые занавеси, привезенные из далекого Таия, а вскоре появился оттуда пятясь задом. Следом за ним показался великий царь Ксеркс, лишенный, правда, в этот момент особого величия. Оправляя складки льняной одежды он недовольно посмотрел на Заратустру и сказал:

— Ты преступаешь все мыслимые границы, маг! Разве тебе не известно, что проникшего в наш гарем ожидает медленная мучительная смерть?

— Известно, великий царь, — ничуть не смущенный таким началом ответил Заратустра. — Но я не имел иной возможности созерцать светлый лик наместника Ахурамазды. И, кроме того, каких бед может натворить в гареме столетний старец Заратустра, чья мужская сила и в молодые годы была меньше сотой доли тех достоинств, какими обладает великий царь!

То была довольно грубая лесть, но царю, который слышал лишь комплименты не слишком славящихся умом придворных,

она показалась верхом изящества. Ксеркс самодовольно улыбнулся и погладил окладистую бороду.

— Ты отвлек нас от важных государственных дел, но мы рады слышать твои речи. Говори, какая необходимость привела тебя к нам, Заратустра, но прошу тебя, покороче.

— Я буду быстр, словно царская мысль! — Заратустра чуть склонил голову. — В последнее время до меня доходят слухи, что великий царь вновь отложил подготовку похода против эллинов. Осмелюсь напомнить великому царю, что руки этих нечестивцев осквернили святыни Ахурамазды в Сардах. Не выказав никакого раскаяния за содеянное, они осмелились восстать с оружием в руках против великого Дария, за что и были сокрушены мощью парсийских армий, но вновь не проявили ни малейшего сожаления.

Ксеркс нетерпеливо перебил мага:

— Я знаю, знаю это! Но мы считаем, что поход на эллинов преждевременен. Необходимо дождаться, когда их подточат внутренние междоусобицы и тогда эллинские города сами падут к нашим ногам.

— Осмелюсь заметить, что великий царь слушает слова дурных советников, а честные слуги царя, желающие поведать правду, не допускаются до основания золотого трона. Я говорю о тех, кто знает истинное положение дел в Элладе. Это извечно преданные великому царю Мегабиз и Мардоний, а также спартанец Демарат.

— М-да. — Царь задумчиво тронул рыжевато-черный ус. — Я действительно давно не видел Мардония. Почему?

Вопрошающий взор Ксеркса остановился на лице мага и Заратустра мгновенно послал мысленный импульс — всего одно слово «Артабан», а вслух сказал:

— Дурные советники не допускают его до глаз великого царя.

— Артабан... — послушно промолвил Ксеркс. — А причем здесь Артабан?

— Не знаю, великий царь, — надевая смиренную личину ответил Заратустра.

— Эй, Кобос! — крикнул царь едва живому от страха евнуху. — Перестань дрожать. На этот раз я прощаю тебя, и позови сюда Артабана!

— Но как я смею...

— Я сказал: позови! Передай ему: царь дозволяет.

Ксеркс замолчал и не промолвил ни единого слова до тех пор, пока в дверях не появился Артабан. При виде Заратустры, невозмутимо рассматривавшего драгоценные гобелены, которыми были украшены стены гарема, вельможа побледнел от гнева.

— Артабан, — вальяжно развалясь в кресле протянул царь, — Заратустра обвиняет тебя, что ты не допускаешь ко мне моих слуг.

— Это ложь! — мгновенно отреагировал хазарапат.

— Нет, правда! — возразил маг.

— К-хе! — Царь хмыкнул и не без ехидства оглядел злобно взирающих друг на друга противников. — Для того, чтобы выяснить кто из вас лжет, а кто говорит правду, я готов выслушать вас обоих. Говори, Артабан.

Вельможа в волнении прошелся по зале, полы золотого халата развевались, прикрывая пурпурный атлас шароваров.

— Я уже докладывал великому царю, что при дворе, а также среди жрецов существует сильная группировка, жаждущая ввергнуть благоденствующую Парсу в пучине разорительных войн. Громко крича о возмездии за осквернение святынь в Сардах и гибель парсийских воинов в Аттике, эти люди призывают к новому походу на Элладу, который, и это не только мое мнение, не принесет ничего, кроме огромных трат и людских потерь. Эллины — народ, не похожий ни на один другой. Цивилизованные лишь внешне они таят в своей душе первобытный хаос. Эллин согласен подчиниться решению горлопанов из народного собрания, но никогда не покорится власти разумного правителя. Ему противна сама мысль покориться кому-либо выше себя. Он привык подчиняться массе, но не личности. Именно поэтому я всегда считал и считаю, что Эллада не стоит того, чтобы быть покоренной мечом парсийского воина. Раздираемая распрями и братоубийственными войнами она сама упадет к ногам великого царя, призвав его вначале в качестве верховного судьи, а затем и владыки. — Артабан сделал краткую паузу, после чего еще с большим воодушевлением продолжил. Походы в далекие страны несли лишь смуты и разорение великой империи. Война против кочевников-массагетов стоила жизни великому Курушу. Во время волнений в Кемте по воле рока погиб Камбиз. Его смерть едва не привела к гибели государства, раздираемого самозванщиной и сепаратизмом сатрапий. Лишь благодаря энергии царя Дария удалось воссоздать то, что завещали нам предки. Но даже мудрейший Дарий совершил ошибку, задумав завоевать припонтийских скифов. Этот поход стоил жизни тысячам наших воинов и едва не вверг страну в пламя новых смут. Так зачем же повторять ошибки наших предшественников?

Артабан закончил говорить и низко поклонился. Ксеркс был чрезвычайно доволен красноречием своего фаворита. Растянув толстые губы в улыбке, он произнес, обращаясь к Заратустре:

— Ну как, сможешь ли ты опровергнуть сказанное Артабаном?

Заратустра внутренне усмехнулся.

— Смогу, великий царь. Вот Артабан говорил сейчас о жертвах. Да, они были. Но жертвы неизбежны в любом большом деле, будь то война, строительство дворца или рытье морского канала. Стоит ли думать о незначительных жертвах, понесенных в предприятии, сулящем огромные выгоды. Великий царь спросит: какие ? — Заратустра посмотрел на Ксеркса, тот кивнул. —

Завоеванная Эллада станет прекраснейшей жемчужиной в короне великого царя. Благодатная земля, окруженная щедрым морем, населенная трудолюбивыми данниками. Эллада будет приносить доход больший, чем Вавилония и Кемт вместе взятые. Эллада — это чудесные ювелирные изделия и чернолаковая посуда, оружие и доспехи, оливки и рыба. Наконец, это тысячи прекрасных девушек и крепких мужчин. И неправ Артабан, утверждая, что эллины будут до последнего вздоха защищать свою свободу. Разве не дали землю и волю по первому требованию Фессалия и Бестия, Эгина и Аргос? Лишь славная доблестью воинов Спарта да горделивые Афины не изъявили покорности. Казнив послов они покорно ждали развязки событий и лишь нелепый случай тому виной, что злокозненные афиняне смогли отразить натиск парсийского войска. Но тогда греки ожидали расплаты за Сарды. Страх перед возмездием вселил в их робкие сердца некое подобие мужества. Они устрашились не рабства, а смерти. Если же теперь царь объявит, что Ахурамазда простил эллинам оскорбление его храмов, и афиняне, и спартанцы склонят головы перед его солнцеподобным ликом.

Но покорение Эллады лишь начало. Вслед за эллинскими городами придет черед щедрых равнин Италии, Галлии и Иберии. Преодолев Геракловы столбы парсийские всадники ворвутся с запада в земли ливийских финикиян, а с востока подойдет флот, состоящий из эллинских эскадр. Ведь Парсия уже не будет зависеть от прихотей финикийских наварxов. И недалек тот день, когда Срединное море станет Парсийским морем.

Укрепив тылы, Парса обратит свой взор на восток и на север. Закованные в звонкую медь фаланги эллинов разобьют скифские полчища и бросят головы их царей к ногам владыки Парсы. Конные орды с крылатыми быками на алых штандартах покорят Инд и далекий Киау. Весь мир будет лежать у ног великого царя. Весь мир!

То будет день, когда на смену слабому, похотливо желающему человеку придет существо высшего порядка, волею, умом и сердцем равное солнцеподобному Ахурамазде. Этот человек не будет знать ни жалости, ни печали, ему будут чужды сомнения и укоры совести. Он изменит мир по своему образу и подобию, он покорит природу, замедлит течение быстрых рек и сокрушит заслонившие солнце горы. Этот человек будет смел и правдив и мир подчинится его воле.

Свободная от счастья рабов, избавленная от идолов и поклонения, бесстрашная и ужасная, великая и одинокая; такова воля правдивого![1]

И стадо найдет своего пастыря. И пойдет за ним, готовое к новым жертвам и свершениям...

Заратустра следил за реакцией царя и с радостью видел, что Ксеркс поддается его речам. Глаза царя затуманились, грезя о коленопреклоненных народах, о тысячах тысяч невольников,

длинной вереницей тянущихся мимо несокрушимых стен Парсы, о кипах воздушного шелка из Киау, о грудах алмазов из Инда, о прекрасных эллинских и италийских наложницах. Сладкие речи мага совершенно покорили царя, помутив его разум пеленой властолюбия.

Это видел и Артабан. Вся его хитроумная политика, основанная на спокойном и мирном переваривании проглоченных Парсой земель рушилась подобно горному оползню. Вновь польется кровь, запылают пожары. В хаосе битв и кровавых погромов к власти прорвутся другие — сильные, что сейчас по воле судьбы вынуждены пребывать на вторых ролях. Они сбросят маски проповедников и увенчают свою голову царской тиарой. Так думал Артабан. Он смотрел на завороженного речами мага Ксеркса и размышлял, что предпринять. Спасительная мысль, как всегда, пришла неожиданно. Щелкнув пальцами Артабан подозвал к себе Кобоса и быстро зашептал ему на ухо.

— Луна и солнце, небо и звезды — все это будет принадлежать повелителю мира! — продолжал тем временем маг. Его голос мастерски вибрировал, то понижаясь до едва слышного шепота, то взлетая до высокого крика.

— Да не обратит великий царь гнев на своего ничтожного слугу!

Заратустра осекся. Ксеркс мотнул головой, точно освобождаясь от наваждения и повернулся на голос. Толстый евнух сладко улыбался, сгибая спину в низком поклоне.

— Что тебе, Кобос?

Евнух согнулся еще сильнее.

— Новые наложницы, повелитель. Только что прибыли из далекой Бактрии.

Маг едва не захлебнулся от ярости, но поймав внимательный взгляд Артабана, изобразил на лице улыбку. Проклятый фаворит ловко сумел отвлечь внимание царя. Заратустра не сомневался, что при слове «наложницы» Ксеркс начисто забыл обо всем, о чем столь долго распинался маг.

— Хорошенькие? — по-кошачьи улыбаясь, спросил царь.

Евнух не ответил, а лишь восторженно закатил глаза. Царь хотел что-то добавить, но замялся и посмотрел на Заратустру, затем на Артабана. Взгляд его был весьма красноречив. Сановник мгновенно воспользовался ситуацией.

— Я думаю, великому царю угодно остаться одному?

— Да, Артабан. Благодарю тебя, Заратустра, за умные речи. Артабан доложит тебе о нашем решении.

Не говоря ни слова, маг склонил голову и вышел. Артабан последовал вслед за ним. Он нарочито почтительно проводил мага до царской лестницы, желая убедиться, что тот не попытается вернуться во дворец. Так и не сумев сдержать своего ликования он бросил вслед Заратустре:

— Тебе сообщат о моем решении!

Маг не обернулся и не ответил на эти слова.

Когда он шел по дороге обратно в свою пещеру, белый диск солнца светил ему прямо в глаза. Он возвращался домой, где его ждали друзья — лев и орел, — ибо нет друзей-людей у того, кто грезит сотворить сверхчеловека.

Дружба делает людей равными, а кто может быть равен создателю.

Лишь лев и орел.

* * *

Зайчишка напрасно пытался спрятаться под цветущими ветками акации. Орел настиг его и крепко долбанул точеным клювом. Зажав еще трепещущее тельце в когтях, птица взмыла вверх.

Здесь слепила раскаленная лава солнца, а горный ветер играл перьями в воздушных потоках.

Керль! Керль! Издав крик, орел опустился на камень перед пещерой. Птичий клекот привлек внимание второго обитателя горного жилища — льва. Огромная буро-желтая кошка с косматой гривой вылезла наружу и сладко потянулась. Сверкнул ряд отличнейших зубов. Не обращая на льва никакого внимания орел проковылял в пещеру и положил добычу рядом с двумя другими тушками зайцев.

В душе он слегка презирал льва. Тот был весьма ленив. Даже угроза голодной смерти вряд ли смогла заставить его опуститься в долину и поймать косулю или жирного кабана. Орел не сомневался, что лев предпочтет лечь на землю, положив крупную голову на лапы, и умереть, размышляя при этом о суетности жизни. Лев был немного философ. Орел презирал философию, но ни за что не признался бы в этом. Особенно льву, который был его другом. Философом считал себя и третий обитатель пещеры, что поднимался сейчас к ней по узкой извилистой тропинке. Зоркие глаза орла узрели его, ноздри льва втягивали воздух, напоенный запахом человека.

Повторимся, человек также считал себя философом, но орел знал, что тот кривит душой. Может быть, и не подозревая о том, что кривит. Ибо философ должен чураться людской суеты, а человек лез в нее всеми фибрами души. Философ — беспристрастен, а человек был яростен. Он был скорее воин, чем философ. Орел любил воина, лев любил философа. Оба они любили человека.

Убеленная сединой голова появилась на уровне площадки.

— Привет, Заратустра, — керлькнул орел и выказывая свою радость хлопнул могучими крыльями. Лев широко улыбнулся. Лицо мага осталось бесстрастной маской. У него было неважное настроение. И орел, и лев почувствовали это. Они скрылись в глубине пещеры, чтобы не раздражать своего друга.

Заратустра разжег небольшой костерок и повесил над ним одного из пойманных орлом зайцев, предварительно ободрав с

него шкуру и нанизав на вертел. Благословленный Ахурамаздой огонь испек мясо в считанные мгновения. Маг оторвал заячью лапку и вкусно хрустнул косточкой. Вопреки его ожиданиям этот звук не привлек внимания друзей. Тогда он крикнул вглубь пещеры:

— Орел, иди ко мне! И ты тоже, волосатый бездельник!

Друзья незамедлительно откликнулись на приглашение. Орел устроился по левую руку от мага, лев лег справа. Старательно заработали клюв и пасть.

— Хорошая была охота! — Маг погладил орла по лысеющей голове. Птица издала счастливый клекот. — А у меня сегодня сплошные неудачи. Этот пресыщенный парсийский царек думает лишь о сладком. Женщина и кипрское вино — вот предел его вожделений. Он даже не мечтает о запахе сырого мяса.

— Чудак! — пробормотал, проталкивая в глотку кусок сырого мяса, лев.

— Нет, чудачеством это не назовешь. Он потерял вкус к жизни. Когда человека манит лишь наслаждение, он обречен. Его не прельщает игра ума, кровавый бой или лихая погоня за ускользающим ветром. Он грезит лишь о мягкой постели, о женщине, чьи губы пахнут покорностью и сладким лотосом, о пресной водичке из дворцового фонтана. Кровь, пот, железо — лишь слова для него. Он не испытал их воочию. Именно при таких правителях обращаются в тлен царства.

— Он подобен червяку, забившемуся в глубокую нору, — заметил, прерывая трапезу, орел.

Рык льва был похож на человеческий смех.

— Заратустра уже говорил это.

Орел не обиделся. Он знал, что у него не очень глубокий ум, зато сильные крылья и острые когти. Поэтому он сказал:

— Пусть мои когти будут подобны уму Заратустры.

Маг усмехнулся и вновь погладил его голову, рождая во льве нездоровую зависть.

— Орлу бы занять престол. И не потребовалось бы никакого Заратустры, чтобы двинуть медночешуйчатые легионы на север, запад и восток.

— Я без тебя — ничто, — заметил орел.

— Как и я без вас, друзья мои.

Заратустра обратил внимание на то, что лев лежит обиженный и погладил его гриву. Лев улыбнулся.

— Я принес этому червяку на блюдечке силу, власть, волю, а он променял их на кисейные юбки. О Космос, как можешь ты выносить человека, отвергающего силу ради женских бедер, а власть — ради сонного существования! И ладно, если бы это было спокойствие философа, ведь неизбежно грядет тот день, когда философ породит гневную бурю, но ведь то спокойствие жирной бабы в бархатных штанах, которую природа по ошибке

наградила мужскими признаками. И был там еще один. Он весьма мудр. Даже я не откажу ему в мудрости. Но он боится войны и жаждет мира, не понимая, что любой мир есть лишь средство к новой войне. Так показалось мне.

— Ты говоришь о сановнике, что правит империей? — спросил лев.

— О нем.

— Тогда ты ошибаешься. Готов дать вырвать себе все клыки, он не боится войны. Он боится ее итогов. Ведь он мыслит логично, — лев вымолвил последнее слово сладко, с урчанием. Что последует сразу вслед за окончанием войны, победоносной войны? Держава непременно окрепнет. При условии, что во главе ее будет разумный правитель. Он урежет права сатрапов, покарает мятежников, уменьшит налоги и унифицирует религиозные культуры. Ведь нет распрей более страшных, чем те, что разгораются между приверженцами разных идолов. Он сделает это постепенно, не оскорбляя примитивной веры народов. Империя, сплоченная властью умного правителя и единой религией, непобедима. Непобедима до тех пор, пока ее не развалит пресыщение и роскошь. А умный правитель не допустит пресыщения. Из тебя бы вышел неплохой царь, Заратустра.

Маг успехнулся и отдал остатки своего зайца льву.

— А из тебя самый лучший в мире советник, лев.

— Я не буду утверждать, что ты мне льстишь. Хр-р-р-м! Все же жареное мясо более пресно по сравнению с сырым. Твой соперник, Заратустра, мыслит моими словами. Пока он у трона, парсийские полки не двинутся на Элладу.

Заратустра утвердительно кивнул головой.

— Он достойный враг. Враг, достойный ненависти. Сильный человек должен иметь лишь таких врагов, которых нужно ненавидеть, а не презирать. И я имею такого врага, а прочих презираю. Жаль, но мне придется расстаться с этим врагом, он слишком мешает моим планам.

Орел встрепенулся своими могучими крыльями.

— Заратустра, позволь, я выклюю ему глаза!

— Там слишком много лучников, у них верная рука. Я справлюсь с ним сам.

Лев захохотал.

— Наш Заратустра мастер менять маски!

Маг внимательно посмотрел на него. От этого взгляда по коже льва пробежали мелкие морщинки. Он сжался, словно приготовившись к прыжку.

— Ты умен. Даже слишком умен!

Лев отвернул гривастую голову и сделал вид, что не обращает внимания на зловещий тон Заратустры.

— Завтра встанет солнце, — внезапно произнес маг. — Пора спать.

Небрежно раскидав ногой остатки костра, Заратустра прошел

в пещеру и улегся на охапку сухих ясеневых листьев. Рядом пристроился лев, у ног — орел.

Вскоре звери забылись сном. Тогда Заратустра неслышно встал с постели, вышел на край скалы и взвился в воздух.

Лев приоткрыл глаза.

— Так говорил Заратустра.

Горящие в темноте звериные огоньки следили за полетом мага, пока он не исчез в звездной россыпи.

— Так говорил Заратустра, — вновь повторил лев и уснул.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вокруг одни заговоры

7. Ахура-Мазда молвил:
«Мне имя — Вопросимый,
О, верный Заратустра,
Второе имя — Стадный,
А третье имя — Мощный,
Четвертое — я Истина,
А в-пятых — Всё-Благое,
Что истинно от Мазды,
Шестое имя — Разум,
Седьмое — я Разумный,
Восьмое — я Ученье,
Девятое — Ученый,
8. Десятое — я Святость,
Одиннадцать — Святой я,
Двенадцать — я Ахура,
Тринадцать — я Сильнейший,
Четырнадцать — Беззлобный,
Пятнадцать — я Победный,
Шестнадцать — Всесчитающий,
Всевидящий — семнадцать,
Целитель — восемнадцать,
Создатель — девятнадцать,
Двадцатое — я Мазда...

АВЕСТА. Гимн Ахура-Мазде. Яшт 1.

Демарат не оскорбился и не схватился за меч, как это не раз бывало прежде, когда богато одетый перс пренебрежительно толкнул его плечом. Он уже научился не обращать внимания на издевки и мелкие оскорбления со стороны знатных вельмож, не признававших людьми всех тех, кто не принадлежал к племени ариев, чьими потомками считали себя надменные персы.

Арии — могучий народ, некогда пришедший с востока. Никто не знал точно, откуда они взялись, было лишь известно, что прародителем степняков был великий волшебник Арий, пришедший из бездн Космоса. Он дал ариям силу и подвинул их на великие завоевания.

Повинуясь его заветам племена ариев двинулись из своих диких степей во все стороны света. Одни перешли Инд и осели на благодатных южных замлях. Другие устремились к Гирканскому морю. Третьи — на восток, к границам сказочно богатого Киауа.

Более других удача сопутствовала племенам, повернувшим на запад. Они захватили Парсу, а затем в жестокой битве разгромили мидийские войска. Армия непобедимого Куруша втоптала в землю кости воинов златообильного лидийца Креза, наполнив сокровищницу Пасарагд сказочными богатствами. Гоня перед собой полки, набранные из побежденных народов, арии захватили весь великий восток. Осененная паучьей свастикой богини Анахиты империя протянулась на огромных пространствах от

Инда на юге до предгорьев Кавказа на севере, от Кемта и Фракии на западе до далекой Согдианы на востоке.

Империя именовалась парсийской, но правили ею арии. Арием был царь, ариями были ближайшие советники, почти все, за редким исключением, сатрапы и эвергеты, судьи и фратараки. Арии составляли гвардию и лучшую часть войска. Арии-маги возжигали огонь на жертвенниках Ахурамазды и лили козлиную кровь на черные алтари Аримана.

Вместе с упорством и ассирийской жестокостью арии принесли с собой непомерную жажду власти и прозрение к людям.

Человек — ничто. Он рожден лишь для того, чтобы подчиняться воле ария — сверхчеловека. Лишь сверхчеловек имеет право на достойное существование, прочие же — двуногие, люди-насекомые — должны пресмыкаться пред ним. Неосвященные божественным огнем Ахурамазды они не более, чем грязные животные, недостойные даже того, чтобы их трупы растерзали клыки диких животных. Так говорили маги и первый среди них — Заратустра.

Воинственные духом арии надеялись сохранить себя в замкнутой касте. Они же обращали внимание на то, как тлетворное влияние роскоши и пресыщенности разъедает образ сверхчеловека. Они не понимали, что давая выход инстинкту превосходства над прочими людьми, они настраивают против себя другие народы империи. Сами того не замечая, они рыли себе могилу, в которую спустя полтора столетия их столкнут длинные сариссы македонской фаланги.

Поправив на плече сбившийся от толчка плащ, спартанец двинулся дальше. Вскоре он подошел к входу в святилище Ахурамазды.

Парсийские капища разительно отличались от храмов Эллады. Окруженные легкими колоннами эллинские храмы являли собой гармонию света и мрака, воздуха и замкнутого пространства. Архитектурные ордеры лучше любых слов свидетельствовали о характере того или иного эллинского племени. Строгий, мощный, подобный копью воина, дорический. Он преобладал в славящейся суровыми нравами Спарте. Воздушный, ажурный, с легко угадываемыми восточными мотивами, ионический. Варварски пышный, безумно-дионисийский коринфский стиль.

Беломраморные колонны, легкие фризы, портики, украшенные статуями куросов или кариатид — все это придавало эллинским храмах легкость и законченность. То были жилища богов, сошедших к людям и эллины действительно верили, что боги время от времени спускаются с белоснежного Олимпа, дабы выпить чашу хиосского со своими любимцами — смертными царями и героями.

Совершенно иными были святилища арийских демонов. Их нельзя было считать храмами в истинном значении этого слова. Демонам воздвигали капища — огороженные высокой оградой

ямы, где находились жертвенник и статуя божества. Принося жертвы маги горячо молили своего покровителя о милости.

Подобными были прежде и святилища Ахурамазды. Та же глубокая яма, ибо вид человека не должен осквернять капище, полное отсутствие стен и колонн. Весь мир — храм, — говорили маги. Зачем огораживать его стенами?! Так было прежде.

Но с недавнего времени капища демона света изменили свой облик. На место традиционных ям пришли каменные башни с тяжелыми глухими стенами и массивными сводами. Мутные потоки света лились сквозь зарешеченные окна, неугасимый огонь, денно и нощно поддерживаемый служками в пурпурных одеждах, бросал блики на выбеленный потолок. Эти храмы были еще довольно примитивны, но в них ощущалось предверие будущего восточного великолепия — золотых статуй, расписанных серебром колонн, пышных парчовых драпировок.

Подобные святилища уже появились далеко на востоке. В них поклонялись Ариману. Дерзкие языком маги кричали, что вскоре то же ожидает и святилища Ахурамазды.

Демарет терпеть не мог душных парсийских храмов, поэтому он не стал заходить внутрь, а спрятался в тень персиковых деревьев, росших неподалеку.

Он пришел в это место не ради праздного любопытства. Накануне вечером в окно дома, подаренного парсийским царем беглецу-спартиату, влетела стрела с привязанной к ней запиской, текст которой гласил:

«Восточный храм Ахурамазды.
Полдень.
Следи за спиной».

Внизу пергамента виднелся оттиск свинцовой печати — две скифских стрелы, скрещенные с парсийским мечом. То был знак Мардония, одного из самых влиятельных сановников Парсы и единомышленника Демарата.

За домом царя-изгнанника велось непрерывное наблюдение. Тайная служба хазарапата контролировала каждый его шаг. Парсийский вельможа знал об этом и поэтому решил передать послание столь необычным способом.

Демарат выполнил предписание в точности. Он очутился у храма Ахурамазды ровно в полдень, а по дороге сумел избавиться от надоедливых соглядатаев, сбив их с толку внезапно накинутым на плечи парсийским халатом.

Верный своим обещаниям Мардоний не заставил себя долго ждать. К храму подскакали несколько всадников. Признав в одном их них Мардония Демарат вышел из-за деревьев. Вельможа увидел его и тут же спрыгнул на землю. Они двинулись навстречу друг друга и обменялись взаимными приветствиями.

— Надеюсь, я не опоздал?

Для ария Мардоний был весьма вежлив. Но Демарат пре-

красно понимал, что подобный тон предназначен лишь для него, человека, который нужен вельможе и который признан им равным по отваге и происхождению.

Мардоний был сыном Гаубарувы, одного из самых влиятельных парсийских сановников, участвовавшего в злополучном походе Куруша на массагетов, и дочери Дария Артозостры. Достигнув зрелого возраста,он сочетался браком с одной из дочерей Дария, приходившейся ему одновременно двоюродной теткой. Подобные браки не считались среди арийской знати зазорными, а, напротив, всячески поощрялись. Кровь и семя сверхчеловека должны были оставаться в племени, а не подпитывать своей энергией обреченные на вымирание народы.

Как и отец Мардоний успел стяжать военную славу. Он считался лучшим парсийским полководцем. Войска, возглавляемые Мардонием, покорили Фасос и Македонию. Лишь две нелепых случайности — жестокий шторм, раскидавший парсийский флот да жестокая рана в бедро, полученная Мардонием в суматошном бою с бригами — воспрепятствовали осуществлению планов покорения Эллады. Мардоний был вынужден вернуться в Парсу. Вполне вероятно, что именно его отсутствие позволило аттическим эллинам нанести тяжкое поражение парсийскому войску под Марафоном.

Отпустив охрану взмахом руки Мардоний предложил Демарату пройти в храм.

— Здесь небезопасно. У Артабана везде глаза и уши. Храмовые жрецы позаботятся о том, чтобы наш разговор остался тайной.

Демарат не стал возражать и последовал за персом. У входа в храм их поджидал невысокий человек, прибывший вместе с Мардонием. Надвинутый на голову капюшон и скрывающая нижнюю часть лица повязка не позволяли увидеть лицо незнакомца, свободные складки длинного, почти до пят, плаща прятали очертания фигуры.

— Подожди нас в храме, — велел Мардоний. Его спутник слегка склонил голову.

Все трое вошли внутрь святилища. Восточный храм Ахурамазды был известен тем, что в жертвеннике горел неугасимый огонь. Ослепительно чистое, не дающее ни копоти, ни дыма, пламя вырывалось из беломраморной чаши жертвенника. В природе не было травы или дерева, сгорающих столь прозрачным пламенем. Это был высший огонь, рождаемый Космосом и Землею.

Храм был практически пуст. Лишь несколько служек-гербедов с завязанными, дабы не осквернить священного огня, тряпицами ртами сидели вокруг жертвенника, сосредоточенно созерцая гудящее пламя. Спутник Мардония разложил поставленный у стены коврик и сел рядом с ними. Сам вельможа в это время шептался с облаченным в белый халат жрецом. Проницательные

глаза служителя Ахурамазды стремительно перебегали с Мардония на Демарата. В конце концов он кивнул и показал рукой вглубь храма, где виднелась небольшая дверь.

Вернувшись к спартанцу, Мардоний шепнул:

— Мы сможем спокойно побеседовать во дворике храма. Наставник проследит за тем, чтобы нас не побеспокоили. Когда будем проходить мимо священного огня, будь любезен, прикрой рот рукой.

Демарат поступил так, как велел перс. Прикрывая ладонью рот, они проскользнули мимо жертвенника, и вышли в огороженный со всех сторон высоким каменным забором двор храма.

Здесь властвовал стойкий сладковатый запах. Человека, непривычного к смерти, могло замутить. Но Демарат, повидавший на своем веку немало жестоких схваток остался внешне спокоен, хотя, если честно признаться, и ему стало немного не по себе от увиденного.

Место, в котором они очутились, служило для погребения трупов. Погребения по арийскому обряду. Арии не устраивали погребальных костров и не хоронили своих покойников в землю. Роль могильщиков у них исполняли звери. Иногда дикие, а в данном случае собаки, посвященные Ахурамазде. Арии считали собаку единственным чистым животным. Всех остальных зверей надлежало убивать, но страшная кара ожидала того, кто хоть ненароком обидел собаку.

Два десятка огромных, грязно-серых, безобразного вида псов лежали в дальнем углу дворика. Ближе к храму были распластаны на земле несколько трупов. Конечности и головы их были придавлены камнями, чтобы собаки не растащили кости и не осквернили таким образом землю. Время от времени одна из жутких псин лениво поднималась на лапы, подходила к ближайшему трупу и вырывала из него кусок мертвой плоти. Насытившись, она возвращалась на прежнее место.

За происходящим наблюдал специальный жрец — вестник смерти. Как только собаки объедали с трупа большую часть плоти, он отправлялся к родственникам умершего, которые жили вблизи храма на специально построенном постоялом дворе. Все эти дни, что покойник находился в храме, они считались нечистыми. Им было запрещено омывать руки и лицо, а пищу, нанизанную на деревянные палочки, им подавали прямо в рот гербеды. Приход вестника смерти воспринимался с огромным, но тщательно скрываемым облегчением. Теперь они могли забрать останки умершего, предать их земле и, пройдя недолгую очистительную процедуру, вернуться в свои дома, но требовалось много времени, иногда целая луна, прежде чем псы Ахурамазды очищали кости от скверны.

Стараясь не вдыхать глубоко, чтобы не засорить гнилостными миазмами легкие, Демарат процедил сквозь зубы:

— Ну и местечко ты выбрал!

— Зато здесь нас никто не подслушает.

— Да, это уж точно! — Спартанец с отвращением фыркнул. — Ну, говори, зачем звал?

— Когда ты в последний раз был у царя?

— Вчера.

— И он, конечно, не принял тебя?

— Так и есть. Артабан отказал мне в аудиенции, заявив, что царь занят важными государственными делами.

— Потаскухами в своем гареме! — воскликнул Мардоний.

Демарат промолчал. То, что легко сойдет с рук родственнику царя, может стоить жизни изгнаннику.

— Если не предпринять никаких мер, наш план рухнет, — продолжал Мардоний.

— Что я могу предпринять, вельможа? Я беглец и не имею ни воинов, ни богатства, ни связей.

— От тебя этого и не требуется. Все это имеем я и мои сторонники. Мне нужны твои меч и отвага.

— Это единственное, что у меня осталось. Ты можешь располагать мною как пожелаешь.

Мардоний испытующе посмотрел в глаза спартиата.

— Я иногда поражаюсь тебе, царь Демарат. Я отнюдь не склонен считать тебя подлецом и предателем, но как ты можешь желать бед своей родине! Неужели обида на людскую глупость и неблагодарность сильнее любви к родной земле?

— Это непростой вопрос, вельможа. И я отвечу так. Я иду с тобой лишь потому, что верю: преданные прочими эллинскими государствами Афины, что из гордости развязали эту безумную вражду, падут, а Спарта договорится с царем Парсы. И одним из условий этого договора будет мое возвращение в Лакедемон.

— Ты полагаешь, царь станет разговаривать со спартиатами на равных?

— Непременно на равных. Иначе спартиаты вообще не будут разговаривать.

— А если он пожелает разрешить спор силой оружия?

— Спартанские гоплиты раздавят парсийское войско.

Мардоний покачал головой.

— В твоих словах гордыня и безумие. Империя может выставить армию в сто крат большую, чем войско спартиатов.

— Тогда спартиаты истребят половину этой армии и сложат головы на поле боя.

— А ты?

Демарат не раздумывал ни мгновения.

— Я умру с мечом в руках рядом с ними.

— Красиво... Ничего не скажешь, красиво! Да будет на то воля Ахурамазды, чтобы все вышло именно так, как полагаешь ты. Я не хочу сражаться со спартиатами. Меня вполне устроит, если в мою сатрапию войдут Аттика, Беотия и Фессалия. Пелопоннес можешь оставить себе.

— Спасибо, — скривил губы Демарат.

Возникла невольная пауза, вызванная тем, что одна из собак вгрызлась в труп с непередаваемо отвратительным хрустом. Сглатывая тошнотворный комок, Демарат спросил:

— Что я буду должен сделать?

— Все зависит от того, как будут развиваться события. Если Артабан не опомнится и не прислушается к нашим предостережениям, придется его убрать. Я подобрал нескольких надежных людей и был готов возглавить их сам. Но проклятая нога! Если мы потерпим неудачу, я не смогу спастись от преследования бессмертных. Нужен смелый решительный воин, который возглавит покушение. Я посчитал, что мне не найти на эту роль лучшего человека, чем ты.

Спартиат задумался. Он может отказаться от этого предложения и провести остаток жизни полугостем-полупленником в опостылевшей Парсе. Он может согласиться и потерять голову. Но при нем останется его честь. Честь воина, незапятнанная трусостью.

— Я согласен, — ответил он.

— Я надеялся на это, — обрадовавшись, сказал Мардоний. — Но сначала мы испробуем другое средство.

— Какое?

— Сейчас увидишь. Пойдем отсюда. Здесь пахнет падалью.

Едва они вернулись в храм, как спутник Мардония поднялся с земли и присоединился к заговорщикам. Оказавшись под сетью персиковых деревьев, вельможа нежным движением снял легкий платок, открывая девичье лицо. Девушка рассмеялась и откинула капюшон, рассыпав по плечам волну каштановых волос.

Демарат остолбенел от восхищения. Вряд ли когда в своей жизни он встречал красоту, подобную этой.

Незнакомка явно была эллинкой, но чуть скуластые щеки и мило вздернутый носик свидетельствовали о том, что в ее жилах примешана кровь степных народов. Ее кожа была нежнее самого тонкого шелка, чуть припухлые капризные губки пели гимн сладости поцелуев. Серо-зеленые глаза светились умом, нежностью и чем-то неуловимо женским. Когда она улыбнулась, обнажая безупречно ровные зубы, на ее щеках образовались крохотные ямочки, и сердце Демарата дрогнуло сладкой негой.

Девушка догадалась о чувствах спартиата и улыбнулась еще раз. Ее улыбка могла быть вызывающей и застенчивой. Она звала и отталкивала, приказывала и умоляла.

— Хороша? — полувопрошая, сказал Мардоний, коснувшись рукой нежной щеки.

— «Да», — хотел ответить Демарат, но голос осекся и он лишь кивнул.

— Ты бы смог устоять перед такой девушкой?

Спартанец откашлялся, чувствуя на себе чуть насмешливый взгляд незнакомки.

— Пожалуй, нет.

— Пожалуй! — иронично воскликнул Мардоний, и тут же посерьезнел. — Поверь мне, нет такого человека, кто смог бы устоять бы перед ее чарами. Она наш первый козырь.

Демарат взял вельможу за локоть и увлек в сторону.

— Ты хочешь подложить ее под Артабана?

В его голосе звучали гневные нотки. Перс с любопытством взглянул на обычно хладнокровного спартанца.

— Бери выше. Она должна пленить сердце самого царя.

— Такая красота достанется этому жирному борову?

Вельможа еле заметно усмехнулся.

— Успокойся, эллин. Эта малютка не столь наивна, как кажется. Умом и хитростью она под стать любому государственному мужу, а в любовных утехах заткнет за пояс самых опытных куртизанок Иштар. Если ей не помешают, она окрутит царя словно ягненка. Не пройдет и двух дней, как он будет выполнять все ее прихоти. Я говорю об этом столь уверенно, потому что знаю. Я и сам исполняю все ее прихоти. Если все пройдет удачно, я сделаю ее царицей, своей царицей. Это женщина, достойная царствовать. — Мардоний перехватил взгляд, брошенный спартиатом на девушку. — И не смотри на нее такими глазами, иначе она сведет тебя с ума. Как свела меня. Как свела многих. Не смотри на нее так, иначе я выхвачу свой меч!

В голосе перса звучала болезненная ревность.

— Хорошо, я не буду смотреть на нее, — сказал Демарат. Былая уверенность, пошатнувшаяся было под неземным очарованием этой женщины, вернулась к нему. — Женщинам нет места в сердце спартиата, рожденного сражаться и умереть на поле брани. Можешь не беспокоиться, Мардоний, я уже забыл ее глаза.

Но оба они понимали, что этих глаз забыть невозможно.

— Будь наготове. Если вдруг внезапно наш заговор будет раскрыт и слуги Артабана схватят меня, беги из Парсы. Артабан не пощадит тебя. — Лицо Мардония скривилось, он прошептал:

— Дэв меня побери, я сам не понимаю о чем говорю. Прости, мне отчего-то не по себе. Я не могу даже вообразить, чтобы расстаться с этой женщиной хоть на миг, но она крутит мною как хочет.

— Я понимаю тебя, — сказал Демарат.

— Тогда прощай. Если понадобишься, стрела всегда найдет твой дом.

Вельможа отвесил легкий поклон и вернулся к своей спутнице. Тотчас же появились телохранители, ведущие на поводу двух скакунов. Демарат проводил удаляющуюся кавалькаду взглядом и пошел прочь.

Едва он скрылся из виду как из-под ограды храма вылезла одна из собак Ахурамазды. Зверь обнюхал землю и поднял массивную голову. Взгляд его был по-человечески тяжел, сыто рыгнув запахом мертвичины пес затрусил по дороге в направлении реки.

Здесь его ждал человек, сидевший в небольшой лодке. Несколько долгих мгновений лодочник и пес смотрели в глаза друг другу. Затем собака издала рык и отправилась обратно, а лодочник вернулся к прерванному занятию — ловле рыбы.

Клев был дурной, словно перед грозой.

* * *

Неподкованные копыта мула негромко стучали по сухой глине дороги. Время от времени маг подстегивал животное, заставляя его бежать быстрее. Он должен был успеть к месту дотемна, чтобы осмотреться, а между тем солнце уже село за покатые зубцы гор и стремительно надвигалась ночь. Вот и приметный валун — ориентир, помогающий не сбиться с дороги. Маг повернул мула направо. Проехав еще немного он спешился. Впереди чернела зияющая дырами провалов горная осыпь. Маг привязал мула к дереву и неторопливо двинулся вперед. Накинутая поверх халата темно-серая накидка делала его невидимым на фоне чернеющего неба.

Дойдя до осыпи маг остановился и стал напряженно всматриваться вперед. Вскоре он обнаружил белый лоскут одежды. То был человек, сидевший на корточках перед входом в одну из пещер. Определив время по взошедшим к этому моменту звездам, маг лег на землю и приказал себе заснуть — пробуждение его в это утро было ранним, день выдался тяжелым, а голова должна была быть свежей.

Проснулся он точно в назначенный час. Освежив лицо водой из протекавшего рядом ручейка, он принялся ждать. Вскоре послышался стук конских копыт. Подъезжали два всадника. Стреножив лошадей они оставили их у подножия осыпи, а сами вскарабкались наверх. Было отчетливо слышно как они назвали сидевшему у входа в пещеру стражу свои имена, после чего исчезли в недрах горы. Следом появились еще несколько всадников, затем целая группа. Прорезая звездное небо на осыпь опустились несколько теней, которые также не замедлили представиться. Притаившийся у ручья человек услышал имена известных магов.

Постепенно поток гостей ослабевал, пока не прекратился вовсе. Из пещеры вышел некто, басовито бросивший охраннику:

— Брат Воллу не появлялся?

— Нет, — чуть шепелявя ответил страж.

— Подождем еще немного.

С этими словами бас исчез в глубине горы. Выждав еще несколько мгновений маг поднялся с земли и решительно направился к пещере. От нарочито неосторожного движения покатился вниз камень. Шепелявый голос незамедлительно спросил:

— Кто?

— Брат Воллу, — ответил маг.

Он подошел к стражу и дал возможность разглядеть себя.

Тусклого света луны было вполне достаточно, чтобы охранник убедился, что перед ним действительно брат Воллу, маг похабного, но могущественного демона Воллу, которого воплощали в камне неизменно с возбужденным фаллосом.

— Проходи, — буркнул он, уступая дорогу, после чего крикнул, обратясь лицом к пещере:

— Брат Воллу! Тридцать второй!

Маг шагнул в темноту подземного коридора. Двигаться приходилось ощупью, касаясь руками стены. Миновав несколько поворотов, он очутился в просторной подземной зале, освещенной чадящими маслянистыми факелами. Собравшиеся приветствовали его, привстав с грубо отесанных каменных блоков. Брат Воллу вежливо поклонился, после чего занял одно из свободных мест.

Общество, собравшееся этой ночью в пещере, было до крайности однообразным. Похожие одна на другую постные физиономии с неизменно выбритыми подбородком и щеками разнили лишь года; одеяния, казалось, были куплены в одной лавке. То собрались маги, жрецы демонических божеств, стремительно теряющих свою силу под натиском приверженцев Ахурамазды. Но один человек выделялся из этой безликой толпы своими одеянием и внешностью. На нем был темно-синий парчовый халат, голову украшала небольшая конической формы шапочка, ноги были обуты в крепкие сафьяновые сапоги. Манеры гостя говорили о его знатности, властный взгляд выдавал человека, привыкшего повелевать, а булатная, с золотой рукоятью, сабля свидетельствовала о том, что он воин. Брат Воллу не упустил из виду, что гость приехал сюда не один, а в сопровождении целой группы вооруженных всадников, которые остались неподалеку от пещеры.

— Братья! — обратился к присутствующим, привставая со своего места маг Митра, пользовавшийся славой спокойного и рассудительного и поэтому постоянно избираемый на место председателя.

— Братья, тревога за судьбу патронов-демонов и священных храмов собрала нас здесь. Могущественный демон света Ахурамазда прилагает все возрастающие усилия, чтобы лишить прочих демонов тех крупиц власти, которые он им еще оставил. Его космический разум вторгся в сознание владыки востока Ксеркса и поработил его. Изо дня в день летят на землю поверженные идолы, рушатся священные капища и храмы. Огненное воинство Ахурамазды ведет настоящую охоту за демонами и их слугами. Не все из вас, очевидно, знают о прискорбном происшествии, случившимся пять солнц назад. Возглавляемые верным псом Ахурамазды Заратустрой язаты поймали и заключили в золотую клетку демона-грифона Иллиса. Неисчислимые мириады мгновений длилась пытка огненными бичами. Вчера демон Иллис умер, и один из наших братьев потерял своего хозяина.

Все непроизвольно повернули головы к магу Иллису, лицо которого было белее халата. Митра провозгласил:

— Наш брат знает как должен поступить!

Маг Иллис медленно, словно завороженный кивнул головой. Поднявшись со своего места, он снял с пояса ярко-алый шнурок, соорудил из него петлю и накинул ее на шею. Затем он потянул за конец веревки. Петля охватила горло. Лицо мага посинело, но он тянул за шнурок до тех пор, пока не рухнул на землю без сознания.

— Поможем брату! — воскликнул Митра.

Проворно поднялись два мага. Один из них схватил голову несчастного Иллиса, другой — кончик шнура. Вскоре жертва захрипела, а затем из разрезанного тонкой веревкой горла ударил фонтанчик крови. Маги положили труп на землю и как ни в чем не бывало уселись на каменные глыбы.

— Да встретится душа брата Иллиса с духом своего хозяина на полях Гародманы! — молитвенно подняв вверх подагрические руки провозгласил Митра.

Маги скрестили на груди пальцы и почтили память усопшего товарища. Выждав ради приличия несколько мгновений Митра начал говорить вновь.

— Посредством окна света великий Ахурамазда предложил нам прекратить сопротивление и покориться на его условиях.

— Нет! — визгливо завопил маг Апаоша, скандальный и неумный, точно как и свой хозяин, демон засухи Апаоша. — Не покоримся!

Этот выкрик остался без поддержки. Митра строго взглянул на выскочку и продолжил:

— Эти условия таковы. Наши хозяева отказываются от претензий на власть в солнечном мире, а за это Ахурамазда создает специально для них мир Голубой, населяет его людьми и прочими тварями. Тем миром будет править маги, а этим — Ахурамазда.

— И Ариман! — вставил кто-то из магов.

— Точно! — поддержал другой. — Сапоги всегда договорятся между собой!

Поднялся шум. Маги заспорили, пытаясь перекричать друг друга. Митра урезонивал их. Наконец ему удалось восстановить некое подобие тишины.

— Что порешим, братья маги?

Собравшиеся замялись. Сейчас, когда требовалось и аргументированно высказать свое мнение, они заколебались, боясь принять на себя ответственность первого слова. Все исподтишка поглядывали в сторону Тонга, чей хозяин, крылатый бык, считался умнейшим из демонов.

— Тонга! — нерешительно позвал Митра.

Но маг молчал. Глаза его были закрыты, мысли витали в заоблачных далях. В отличие от большинства магов Тонга мог теле-

патировать и в данное мгновение советовался с хозяином. Все терпеливо ждали. Наконец маг открыл глаза.

— Мы считаем предложение Ахурамазды вполне приемлемым, но! — Тонга сделал паузу. — Где гарантии, что демон света сдержит свои обещания? Где гарантии, что, разрядив свои энергетические вихри, наши демоны не окажутся в золотой клетке? Кто может поручиться, что их не похитит Ариман? Мы не даем четкого ответа: отклонить или принять предложение Ахурамазды. Мы присоединимся к общему мнению.

Маги вновь зашумели. Заглушая прочие вопли буйный Апаоша орал:

— Долой Аримана! Долой Ахурамазду с его ультиматумом! Да здравствует всеобщий бунт!

Зрелище неиствующих белоголовых старичков поначалу рассмешило гостя. Он несколько раз улыбнулся, затем внезапно разозлился. Встав с покрытого мягкой подушкой камня, он поднял руку, призывая к вниманию. Удивленные маги почти мгновенно замолчали. Лишь кто-то вполголоса шепнул, видно отвечая на вопрос кто это:

— Сам Артабан.

— Я почему-то думал, — начал вельможа, — что приглашен на тайное совещание, цель которого выработать меры для противодействия натиску могущественных, враждебных нам сил. Но глядя на это сборище не могу избавиться от мысли, что попал на один из парсийских базаров или на собрание крикунов-эллинов на агоре в Милете! Вы надеетесь придти к соглашению с Ахурамаздой? Глупцы, он не оставит вам и вашим демонам и малой толики власти, что вы обладаете сейчас. Он запрячет вас в бочку голубого мира и заткнет единственное отверстие золотым гвоздем, после чего спалит этот сосуд с дрянью на своем священном огне. Неужели вы еще не раскусили этого светозарного демона?! Он жаждет абсолютной власти. Власти над Парсой, провинциями, всем земным миром. Он покорил иные измерения и жаждет воцариться в этом. Через своего адепта хитроязыкого Заратустру он пытается внушить тупому царю Парсы мысль о том, чтобы сокрушить демонические капища, объявив демонов злыми дэвами. Тогда он сможет овладеть духовной Аурой Востока и уже ничто не сможет помешать ему овладеть всем миром. С той же целью он подбивает царя идти походом на Элладу, а затем, я уверен, предложит совершить походы в Инд и Киау. И когда мир окажется у его ног, он скинет глупого царя, усмирит сатрапов и эвергетов и будет управлять земной твердью один. А власть над твердью даст ему власть над Космосом. Я призываю вас, маги, опомнитесь! Сопротивляйтесь Ахурамазде и его воинству, иначе непомерное властолюбие демона света обречет вас на гибель. А вместе с вами погибнут Восток и Запад, Юг и далекие Северные земли. И виноваты в этом будете лишь вы, преклонившие колена перед Ахурамаздой!

— Но как?! Как мы можем сопротивляться?! — визгливо заорал Апаоша. — Если ты такой умный, Артабан, объясни нам — как?!

— Разрушайте веру в очищенный огонь. Оскверняйте его падалью и нечистой пищей. Не отдавайте трупы на съедение дикому зверью. Сжигайте их или хороните в землю. И скверной повеет от пламени, и скверной повеет от земли, захваченной Ахурамаздой. Как только встанет заря, три мага должны явиться во дворец. Я сделаю все, чтобы великий царь выслушал их. И надо, наконец, избавиться от злоязыкого Заратустры, смущающего царя своими речами!

Слова Артабана вселили в магов некое подобие надежды. Они одобрительно загалдели, да так, что пламя факелов метнулось на стены. Лишь язвительный Апаоша, который никак не мог успокоиться в своем неудовлетворенном честолюбии, заорал:

— Ну наконец-то стадо нашло своего пастыря!

Никто из магов не обратил внимания на эту выходку, но вдруг Артабан исторг дикий вопль. Он кричал, указывая рукой на Апаоша:

— Хватайте его! Это шпион Заратустры!

Маги изумленно смотрели на брызжущего слюной вельможу. Так смотрят на помешанных. Апаоша пытался рассмеяться, но короткий смех оборвался кашлем. Затем маг покрутил пальцем у своей головы, показывая присутствующим, что он думает об этом ненормальном сановнике. Но во взглядах братьев уже появилась подозрительность. Кое-кто уже привстали с мест, готовые схватить Апаошу.

Мертвящую тишину прорезали три четких удара — это Воллу грижды стукнул посохом о пол. В тот же миг пещера озарилась ослепительным светом. Словно тысяча солнц, раскиданных по стенам, вдруг открыли свои глаза. Сотни, невесть откуда взявшихся духов-язатов, набросились на заговорщиков, опутывая их шелковыми сетями.

Маги с воплем кинулись к выходу. Снаружи уже доносился глухой гул. Это страж и три подоспевших ему на помощь демона сражались с окружившими пещеру духами Ахурамазды. Ускользнувшие от сетей маги бросались в темноту степи. Но и здесь ожидала опасность. Место тайного сборища было оцеплено отрядами рыжебородых — всадников-слуг Аримана. Рыжебородые не старались пленить магов, подобно язатам, а беспощадно избивали их кривыми саблями.

Над степью разгулялся ураганный ветер. То подоспевшие к месту сражения демоны вступили в схватку со слугами Ахурамазды и Аримана. Их сила была много больше, чем сила язатов и совершенно несравнима с возможностями человека. Но язаты превосходили демонов числом, а также организованностью; рыжебородые стреляли отравленными стрелами, яд которых мог поразить даже демона. Потеряв несколько товарищей, демоны

были вынуждены отступить, но их вмешательство позволило бежать многим магам. Ушел, отбивая атаки рыжебородых, и отряд Артабана, чудом выхвативший вельможу из невообразимой схватки людей и сверхъестественных существ.

Утреннее солнце явило пригнавшему на водопой стадо пастуху фантастическую картину. На изрытом чудовищными вихрями пятачке валялись десятки трупов, раскиданная в беспорядке одежда, оружие. Кое-где рядом с лужами крови виднелись пятна черной и голубой жидкости, похожей на колдовское зелье.

Вознеся горячую молитву Митре, пастух в страхе бежал с этого места, а спустя мгновение пошел дождь, какого еще никогда не было в этих краях. Он смыл разноцветные пятна, растворил одежды, а затем тела и кости павших. Последней исчезла медь, источенная в мелкую желтую пыль.

* * *

Маг Заратустра спланировал на крохотную площадку перед Башней Света. В прежние времена он не задумываясь влетел бы прямо в одно из окон парадной залы, но после памятного налета демонов, когда их атаку удалось отбить лишь с помощью плазменных полей, Ахурамазда запретил кому бы то ни было проникать в башню по воздуху. Для придания веса своему табу он расставил по периметру стен сотню лучников, готовых утыкать стрелами любого, кто посягнет на владения бога света.

Проваливаясь в горячий песок, Заратустра подошел к воротам и ударил в них посохом. Обитые медью створки распахнулись. Под зоркими взглядами светловолосых стражников маг подошел к контрольному блоку и всунул в специальное отверстие кисть руки. То была еще одна мера предосторожности, придуманная мудрым Ахурамаздой. Всем его постоянным гостям наносился на руку тонкий слой специальной невидимой человеческому глазу краски, которая при их последующих визитах расшифровывалась рецепторами контрольного блока. Если бы вдруг оказалось, что под маской гостя прибыл некто — незванный, блок принимал необходимые меры. Окажись лазутчик человеком, и его рука мгновенно превратится в кровавый фарш. Если же это будет принявший людской облик демон, деэнергизаторы мгновенно лишат его энергетического поля и заключат в золотую клетку.

Тоненькие щупальцеобразные отростки обследовали пальцы проверяемого. Из небольшого металлического раструба вырвался язычок пламени. Это означало, что прибывший прошел проверку. Закованные в позолоченные доспехи стражники отвесили поклон и расступились.

Ахурамазда был осведомлен о прибытии мага и ждал его в своем кабинете — небольшой, сплошь заполненной толстенными фолиантами и магическими приспособлениями комнате. Бог света сидел за столом и глядел в небольшую полупрозрачную сферу, в которой мелькали колдовские картинки. Услышав лег-

кую поступь мага, Ахурамазда поднял голову. Заратустра встал против стола и скрестил руки на груди.

Бог света поднял голову. Лицо его было спрятано под ослепительно белой маской. Окинув мага взором неестественно глубоких глаз, он вновь стал смотреть в волшебную сферу. Там как раз появилось изображение двух длиннобородых ахуров, мерно опускающих светящиеся бичи на извивающийся комок. После долгой паузы, особенно нестерпимой в мертвящей тишине, бог света сказал:

— Я недоволен тобой.

— Меня это совершенно не волнует, — бесцеремонно отрезал маг.

— Как же ты мог провалить операцию по захвату враждебных магов!

— Кто мог знать, что проклятый Артабан поднимет крик? — вопросом на вопрос ответил маг.

— Не надо было бросаться красивыми фразами, пригодными лишь для шарлатанских проповедей. Склонность к позе когда-нибудь погубит тебя.

— Ты думаешь, это был я? — усмехнулся Заратустра. — Невысокого же ты обо мне мнения. Твои язаты тебя неправильно информировали. Апаоша — обычный маг. Я был под маской Воллу.

— Это ничего не меняет. Благодаря твоей неосмотрительности мы упустили более половины магов!

— Но часть их все же попала в твои руки. Как и, по крайней мере, один демон.

— Два демона, — поправил Ахурамазда. — Еще пятеро погибли от плетей язатов и отравленных стрел рыжебородых. Но это не снимает с тебя вины за ошибку.

— Так накажи меня! Прикажи своим ахурам распять меня на скале! — невозмутимо предложил маг.

— И чтоб твой орел выклевал у тебя сердце? — засмеявшись, предложил Ахурамазда. — Такое уже было. Ладно, забудем про это досадное недоразумение. У тебя есть ко мне какое-то дело?

— Нет. Я прилетел узнать новости и поразвлечься.

— Поразвлечься? Можем начать хоть сейчас. Я как раз собирался отправиться в комнату истины и узнать, что пожелают сказать мне демоны.

— Пойдем, — согласился Заратустра.

Бог света поднялся из-за стола. Его гигантская, слегка расплывчатая фигура заняла добрую треть ограниченного стенами пространства. Мгновение он приводил в порядок силовые поля, подгоняя себя под человеческие размеры. Покончив с этим занятием, он взял светящийся жезл и вышел из комнаты.

Для того чтобы попасть в комнату истины, требовалось пройти через всю Башню. Это сооружение было мало похоже на высокие цилиндры средневековых донжонов. По сути это был

огромный дворец, скорее — комплекс дворцов, стены которых представляли собой единую оборонительную линию. Высота этого сооружения достигала ста локтей, длина стен составляла половину парасанга[1]. Башня включала в себя личные покои Ахурамазды, напичканные самыми различными колдовскими устройствами, крыло, где размещались слуги, и крыло, отведенное для гостей. На самом верху Башни находилась сокровищница, доверху наполненная золотом и драгоценными камнями, среди которых были и минералы, совершенно неизвестные людям. Бог света использовал их в своих магических заклинаниях. Подземелья Башни использовались в качестве кладовых. Здесь хранились фрукты и мясо, зерно и пряности. В винном погребе размещались тысячи огромных бочек веселящего зелья. Надежная охрана сторожила залу, где Ахурамазда варил волшебное зелье — хаому, многократно продлевающую жизнь человека. Здесь же находилась и тюрьма. Именно туда держали путь Ахурамазда и его спутник.

Широкие, вырубленные в гранитной скале ступени привели их в сумрачное подземелье, тускло освещаемое редкими, висящими на стенах факелами. Стены сочились сыростью. Тишина, нарушаемая лишь слабым потрескиванием факелов, создавала гнетущее впечатление. У любого человека, попавшего в подобное место, неизбежно захолонуло бы сердце. Но Заратустра и бог света чувствовали себя вполне нормально. Маг добрую половину своей долгой жизни провел в пещерах и подземельях, ему был неведом страх замкнутого пространства, он дышал спертым воздухом столь же свободно, словно стоял на горной вершине. Ахурамазда был бог, а богам не дано бояться.

Взяв по факелу, они начали спускаться еще ниже — туда, откуда веяло холодом, где тонко журчали подземные воды. Лестница вывела их на площадку, на которой стояли ахуры. Половина стражей была вооружена мечами — на тот случай, если взбунтуются пленники-люди, половина — огненными плетьми, которыми приводили в повиновение демонов.

— Хочешь посмотреть на магов? — спросил Ахурамазда. — Двое из них умерли от ран, четверо отреклись от своих демонов и дали клятву служить мне, но двое продолжают упорствовать.

— Нет! — Заратустра пренебрежительно махнул рукой. — Пойдем к демонам.

— Как хочешь.

Ахурамазда свернул в правый тоннель, ведший к месту заключения демонов. Он был настолько узок, что путники едва не касались плечами стен.

— Довольно холодно, но демонам это не мешает, — заметил Ахурамазда, закрывая дверь подземной камеры, входить в которую ахурам, за исключением нескольких особо доверенных, было строго запрещено. Затем бог коснулся небольшой золотистой точки на стене. Из хрустальных плафонов хлынул неесте-

ственно белый свет, рожденный ни солнцем, ни пламенем, а сверхъестественными космическими силами.

Заратустра несколько раз уже бывал здесь. Обстановка камеры за многие десятилетия совершенно не претерпела изменений. Посреди ее стояли стол и три золоченых кресла, вдоль дальней стены — двенадцать золотых клеток — склепанных из металлических колец контейнеров, в которые заключались пойманные демоны. Десять из них были пусты, в двух находились небольшие полупрозрачные комочки.

— Успокоились, — сказал бог света, кивая головой в сторону заполненных контейнеров. — Как обычно вначале здорово буянили, но, убедившись, что им не по силам прорвать энергетическое поле, утихомирились.

— Кто к тебе попал?

— Богатая добыча! Сам Митра. А также Тонга, демон-бык.

— Как это их угораздило? Они ведь считали себя самыми мудрыми.

— Митра дежурил у входа в пещеру. По словам язатов он почти не сопротивлялся. Мне кажется, он хотел, чтобы его схватили. Тонга оказался чересчур предан своему магу. Когда тот попросил помощи, Тонга немедленно явился на зов. Этот дрался отчаянно и раздробил энергетические блоки доброму десятку язатов.

Маг не особо прислушивался к словам Ахурамазды. Подойдя к столу, он взял деэнергизатор — насаженный на массивную черную рукоять металлический стержень, и направился к клеткам.

— В какой из них тонга?

— Слева.

Заратустра несколько раз ткнул прутом сквозь ячеи клетки. Демон завизжал.

— Чудный голосок! — заметил мучитель. — Что ты собираешься с ними делать?

— С Митрой мы почти договорились. Он признает мое верховенство, а за это я сохраняю за ним теплое местечко в Чинквате. Тонга сопротивляется.

Заратустра удивился.

— Странно. Мне он показался самым благоразумным из демонов.

— Так оно и было. Должно быть его озлобила смерть мага.

— Маг Тонга погиб?

— Да. Его зарубили рыжебородые.

— Туда ему и дорога! Он всегда корчил из себя недотрогу. А с демоном, думаю, можно договориться.

Ахурамазда махнул рукой.

— Бесполезно.

— Может, я все же попробую?

Пожав плечами, бог света сказал:

— Как хочешь. Только будь осторожней. Держи его под контролем.

Заратустра не счел нужным ответить. Прикоснувшись рукой к замку, он снял энергетическое поле.

— Выходи!

Не дожидаясь, когда маг пустит в ход деэнергизатор, демон вылетел из клетки.

— Прими форму.

Энергетический сгусток стал трансформироваться, пока не превратился в здоровенного быка со сложенными за спиной крыльями.

— Как воняет навозом! — глумливо воскликнул Ахурамазда, закрывая нос маски рукой.

Маг не поддержал шутку. Следя за тем, чтобы Тонга не попытался освободиться, он сказал:

— Привет, Тонга.

— Привет, оборотень, — отозвался бык.

Заратустра поморщился.

— Ты груб. Зачем же так? Все мы можем менять маски.

— Но не все — душу.

— Верно, — согласился маг. — Скажи мне, Тонга, почему ты сопротивляешься нашей воле? Демон света предложил тебе почетные условия сдачи. Ты можешь стать третьим после Ахурамазды и Аримана.

Крылатый бык не сразу ответил на вопрос. Полузакрыв бархатные веки, он погрузился в подобие транса. Глухо зазвучали слова.

— Когда-то, много веков назад, бессмертный Эрван породил демонов и даровал им вечную жизнь. Многие годы демоны существовали в мире и согласии. Если между ними и случались мелкие недоразумения, то они тут же разрешались мудрым Эрваном. Но настал день, когда демоны-близнецы, обозначавшие границу мрака и света, захотели возвыситься над прочими. Хитростью они свергли своего отца Эрвана, создали армию верных слуг и объявили войну другим демонам. Они подчинили своей воле ирреальный и цветные миры, время и пространство. Они уже близки к тому, чтобы покорить мир людей и предначертания вечности. Они понимают, что за этим стоит безраздельная власть, и рвутся к этой власти. Они пришли к согласию с такими же злонамеренными сверхсуществами из иных сфер. Лишь демоны, да немногие сильные духом люди противостоят их злокозненным планам, пытаясь предотвратить слияние миров, которое неизбежно приведет к катастрофе. Ведь рациональный и иррациональный миры могут существовать лишь вне зависимости друг от друга.

Тонга замолчал. Заратустра и бог света в один голос хмыкнули.

— Во имя Разума, зачем ты читал нам эту лекцию, Тонга? —

спросил Ахурамазда. — Надеялся найти благодатную аудиторию? Мы вовсе не намереваемся вступать с тобой в дискуссию по поводу взаимоотношения рациума и иррациума, времени и параллельных пространств. Глупо в который раз доказывать тебе, что никакого Эрвана не существовало. Эрван — это время. Время было и есть. Я и Ариман покорили его. Уже давно. Хотя время не признает категории «давно». Мы создали себе помощников-демонов, но они вышли из-под нашего контроля. Теперь же мы стремимся восстановить справедливость и подчинить отщепенцев своей власти. Я не намерен более слушать твой бред. Ответь: покоришься ли ты моей воле?

Крылатый бык отрицательно покачал головой.

— Нет.

— Ты хорошо подумал?

— У меня было достаточно времени для раздумий.

— Тогда прощай!

Ахурамазда кивнул магу. Заратустра большим пальцем передвинул до упора рычажок, вделанный в рукоять деэнергизатора.

— Жаль, Тонга, что у нас не вышло разговора.

С этими словами маг коснулся кончиком металлического прута бычьей головы. Раздался негромкий треск. Тело быка скорчилось, словно в ужасной муке, и превратилось в энергетический комок, окруженный со всех сторон голубоватой сверкающей аурой. Комок становился все меньше и меньше, пока вовсе не исчез. Заратустра осторожно передвинул рычаг в прежнее положение.

— Ну вот, здесь хватит на два десятка язатов.

— Извлеки-ка второго умника, — приказал Ахурамазда.

Маг взял со стола новый деэнергизатор и распахнул дверцу второй клетки.

— Прими форму.

Выскочивший из клетки серебристый комок мгновенно повиновался, превратившись в невысокого с одутловатым лицом старичка.

Ахурамазда грозно спросил:

— Ты все видел?

— Да, — дрожащим голосом ответил старичок.

— Хочешь последовать за ним?

— Нет!

— Хорошо, — подвел демон света итог этому краткому диалогу. — Тогда немедленно свяжись со своим магом и прикажи ему явиться в Башню. Это первое. Я запрещаю тебе использовать энергетические формы. Отныне ты должен появляться лишь в этом облике. Это второе. Впрочем, — Ахурамазда задумался и решил, — в случаях, когда тебе придется перемещаться на большие расстояния, можешь принимать энергетическую форму. Но лишь с моего ведома!

— Спасибо! — Старичок низко поклонился.

— Верно служи мне и я сдержу свое обещание, — сохраню за тобой пост председателя в Чинквате.

— Спасибо!

— А теперь исчезни!

В нескольких дюймах от пола возникло световое окно. Старичок поспешно нырнул в него.

— Видишь, как все просто! — рассмеялся Ахурамазда. — Скорый и праведный суд. Кстати, если уж разговор зашел о суде, я бы посоветовал тебе поскорее разобраться с Артабаном. Он нам мешает.

— Без тебя знаю. Им займутся люди Мардония. Если они не справятся, к делу подключусь я.

Бог фамильярно хлопнул своего мага по плечу.

— Смотри, чтобы на этот раз без недоразумений!

— Все будет следано чисто, — ответил Заратустра.

Погасив волшебный свет, они вышли из камеры. На одной из ступеней Ахурамазда вдруг остановился. Уставившись себе под ноги огромными черными бельмами нечеловеческих глаз, он вымолвил:

— Здесь кто-то был.

— С чего ты взял? — удивился маг.

— Я вижу его следы. Ведь демон в состоянии видеть то, что вне границ ощущения человека. Я вижу свежий теплый след босой человеческой ноги. Тот, кто здесь был, снял сапоги, чтобы не шуметь.

Заратустра надоело играть в загадки.

— Кто он?

— Ахур. Один из стражников. Негодяй подслушивал.

Ахурамазда быстро зашагал вверх. Заратустра следовал за ним. Едва они достигли площадки, где размещалась стража, бог велел:

— Отвернись.

Маг не стал задавать лишних вопросов, а быстро выполнил приказание. Он прекрасно знал, что намеревается сделать демон света и чем это грозит ему, если он осмелится ослушаться.

Послышались глухие звуки падающих тел.

— Идем дальше.

Заратустра повернул голову. На площадке валялись трупы стражников. Вместо бородатых лиц чернели провалы. Не испытывая никаких эмоций от увиденного, маг последовал за богом света.

Очутившись в своих покоях, Ахурамазда первым делом приказал убрать трупы и выставить новую стражу. Затем он спросил мага:

— Ну что, развлечемся?

— А зачем я по-твоему здесь?

— Тогда к Ариману!

Испытывая знакомую легкую тошноту, Заратустра закрыл лицо руками. Когда же он вновь открыл глаза, стены залы исчезли. Маг и демон стояли на ослепительно зеленой лужайке. В заоблачных горах бушевала весна.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О любви, о царе Дарии, о скифском походе и о судьбе милетянина Гистиэя

Мудрец счастлив, довольствуясь немногим, а глупцу всего мало: вот почему почти все люди несчастны.

ФРАНСУА ДЕ ЛАРОШФУКО

— Мне все надоело, Артабан!

Царь лежал на обитой шелком тахте. Он скучал, и ничто не могло развеселить его. Артабан перепробовал уже все средства: и танцы сладострастных лидиек, и петушиные бои, и нежные ласки новых наложниц. Все без толку. Ксеркс по-прежнему ныл, уставясь в резной потолок:

— Мне скучно!

И тогда хазарапат прибег к последнему, самому верному средству. Он достал из сокровенного ларя стеклянный пузырек с порошком лотоса. Бросив тщательно отмеренную щепотку в бокал вина, он поднес тот бокал царю.

— Выпей, великий царь!

— Что это? Вино забвения?

— Да, повелитель.

Обрадовавшись, Ксеркс ухватился за бокал и единым махом осушил его. Вскоре веки царя сомкнулись, и он забылся в сладких грезах.

Артабан стоял подле кушетки и брезгливо смотрел на жирного телом царя. Дождавшись, когда тот начал храпеть, он ушел.

А Ксеркс тем временем вознесся в заоблачные дали Гародманы. Все здесь было точно так, как представлял он в своих грезах. Пристанище праведных Гародмана походило на большой остров, затерянный в бескрайнем океане цветных облаков. Землю покрывали яркие растения, с веток деревьев свешивались огромные персики, груши и почему-то дыни. Меж стволов мелькали собаки и огромные тигры. Тигры улыбались и оттого выглядели совсем нестрашными. Царь осмелился погладить одного из них. Тигр басовито заурчал и потерся мягкой шерстью о его ногу.

Невидимые крылья доставили царя в воздушный дворец Митры. О, Ксеркс никогда не видел подобного великолепия! Стены дворца были сложены из огромных блоков неведомого пурпурного камня, крыша блестела золотом. Золото было и внутри дворца. Несчетное множество слитков и колец, браслетов и монет с солнечным ликом Ахурамазды. Небрежно сваленное кучами у беломраморных колонн, разбросанное по полу и у серебряных лестниц оно искрилось, играло, издавая глухой бархатный звон, когда ноги царя касались его желтой поверхности.

Здесь все было из золота — столы и кресла, сундуки и вазы.

Даже цветы — и те были составлены из отлитых искусным мастером золотых лепестков и бутонов. Поначалу такое обилие драгоценного металла поражало и восхищало царя, но постепенно начало утомлять.

Ксеркс наклонился к золотому фонтану. Пахнущая золотом вода совершенно не утолила жажду. Осмотревшись, он заметил неподалеку столик, сплошь заставленный вазами с солнечными плодами. Царь устремился к нему. Окинув плотоядным взором фруктовое великолепие, он выбрал огромный персик с нежной бархатистой кожицей, пахнущий солнцем. Он поднес плод ко рту и — о ужас! — царские зубы соприкоснулись с хладным металлом. Ошеломленный он отшвырнул от себя персик, тот покатился по полу с мелодичным звоном. Не веря в реальность происходящего, царь хватал плод за плодом. Все они превращались в его руках в золото. Закричав от страха, Ксеркс рухнул на золотой пол и забылся.

Очнулся он от звонкого смеха. Осторожно приоткрыл глаза. Все та же сверкающая золотом зала, тихий перезвон драгоценных подвесок люстр, да задорный девичий смех неподалеку.

Люди? Царь сноровисто перекатился на четвереньки. Они спасут его!

Следуя за ускользающими звуками смеха, царь бежал по нескончаемому дворцу. Одна за другой мелькали великолепные залы, отделанные белым, розовым и черным мрамором, темно-бурым гранитом, самшитовым и сандаловым деревом. Вдоль каменных стен стояли драгоценные статуи неведомых могучих героев и прекрасных голубоглазых женщин. Они были отлиты из ярко-белого металла, одеяние статуй покрывали тысячи изумрудов и рубинов, руки были выложены слоновьей костью, вместо глаз сверкали огромные бриллианты, отчего взор их уподоблялся зраку ночных оборотней. Постаменты статуй были покрыты мозаикой из яшмы и бирюзы.

Царь бежал дальше, мимо коллекций неведомого оружия; отделанные чернью мечи и щиты были столь огромны, что могли принадлежать лишь титанам.

И везде было золото. Сверкающее, словно огонь, золото. Порой ноги царя тонули в нем по колено. Тогда золотые щупальца вцеплялись в его кожу и пытались не пустить дальше. Сотни, тысячи сверкающих изображений Ахурамазды смотрели на него и шептали:

— Куда ты спешишь? Останься с нами!

Но царь упорно вырывался из их объятий.

Наконец бесчисленные залы остались позади. Он стоял на берегу небольшого лесного озерца, с наслаждением вдыхая свежий, не отравленный золотом воздух.

Послышался звонкий смех. Из-за песчаной косы показалась стайка девушек. Столь прекрасных, каких царю никогда не приходилось видеть прежде. Они были совершенно наги, солнце

играло на влажной коже. Смеясь девушки окружили царя и начали водить хоровод. Их совершенные тела манили царя, ввергая его в сладкую истому. Не сознавая, что делает, Ксеркс скинул тяжелый парчовый халат и начал медленно расстегивать петли на нижней рубахе. Красавицы смотрели на его толстое чрево и заливались веселым смехом. Затем они набросили на себя невесть откуда взявшиеся прозрачные хитоны и убежали. Осталась лишь одна, самая желанная, чьи ноги и тело царь уже сотни раз покрыл мысленно поцелуями. Она прижалась к груди и запрокинула очаровательную головку. Чуть припухлый, словно розовый бутон, рот приоткрылся в ожидании поцелуя. Царь потянулся губами к этому рту и...

Ксеркс открыл глаза. Он лежал на обитой шелком кушетке в своей опочивальне. На столике у изголовья стоял отвратительно пахнущий золотом бокал. Ощущая дикое напряжение в чреслах, он застонал:

— О, какой был сон! Какой сон! Какая жен...

Царь осекся на полуслове. Если наваждение золотого сна исчезло, то девушка из него определенно переместилась в реальность. На всякий случай Ксеркс трижды зажмурил глаза. Видение не исчезало. Девушка по-прежнему сидела на краешке кресла и чуть насмешливо смотрела на царя.

— Иди ко мне, — хрипло сказал царь, все еще опасаясь, что это призрак, который тут же исчезнет. Но «призрак» не исчезал. Премило улыбнувшись, она отрицательно показала головой.

— Кто ты?

— Мечта.

— Не уходи.

Девушка погрустнела. Ксеркс заволновался.

— Ведь ты не исчезнешь?

— Это зависит от тебя, царь. Мечта не всегда вольна в своих поступках.

Все еще не веря тому, что видит, Ксеркс поднялся с кушетки. Девушка шагнула ему навстречу. Пальцы царя коснулись ее талии. Вне всякого сомнения это была живая, слепленная из сладострастной плоти девушка.

Царь ощутил, что его охватывает неодолимое желание.

— Пойдем со мной.

Взяв незнакомку за руку, он попытался увлечь ее к кушетке. Но девушка не повиновалась его воле. Неожиданно сильным движением она освободилась из рук царя.

— Но я могу заставить тебя! — пригрозил Ксеркс.

Незнакомка негромко рассмеялась.

— Мечту не приневолишь.

— Да кто ты такая и как здесь очутилась?

Царь повернулся к двери, чтобы окликнуть стражу, но гостья опередила его.

— Я мечта. Мечта из далеких земель. А попала сюда по воле твоего верного слуги Мардония.

— Храбрый Мардоний! Он не забыл о своем царе. Но кто ты? Чья дочь?

Ответ был подобен хлесткой пощечине.

— Мой отец был распят по твоему приказу в Сардах. Я Таллия, дочь милетского тирана Гистиэя!

И Ксеркс все вспомнил...

* * *

История эта началась много лет назад, когда Ксеркс был стройным и ловким юношей. В те времена Парсой правил его отец, великий Дарий. Покончив с самозванцем-магом, захватившим царский престол, и укрепив свою власть, царь Дарий стал подумывать о том, чтобы увеличить пределы державы. Поход на восток не имел смысла — арии еще не успели закрепиться в Дрангиане и Арахозии. На юге границы Парсы вышли к теплому морю. Оставались запад и север. Здесь проживали три народа, земли которых царь Дарий желал превратить в свои сатрапии — эллины, западные цуны и полудикие кочевники скифы. Захватить Карфаген было невозможно из-за преграждавших дорогу пустынь, которые уже погубили армию Куруша. Был еще морской путь, но финикийские наварх и наотрез отказывались участвовать в походе против соплеменников. Дарий не хотел портить отношений с мореходами. Огромные выгоды сулил поход на Элладу, но парсийские полководцы все как один указывали на вероятность нападения скифов, которые давно точили акинаки, выжидая лишь удобного момента, чтобы двумя волнами — через Кавказ и Балканы — хлынуть в Азию.

Поэтому, прежде чем начать вторжение в земли эллинов, царь решил обезопасить северные границы империи. К скифам было отправлено посольство с требованием предоставить землю и воду. Как и ожидал Дарий кочевники превратили послов в утыканных стрелами степных ежей. Повод к войне был найден. Да в нем, собственно говоря, не было особой надобности.

По велению царя собралось огромное войско. Двенадцать народов, больших и малых, не считая мидян и персов. Облако пыли, поднимаемое ногами воинов и конскими копытами, было столь велико, что затмевало солнце.

Переправившись через Боспор по мосту, сооруженному самосцем Мандроклом, завоеватели направились к устью Истра, по дороге покорив племена гетов, скирмиадов и нипсеев. Уверовавший в силу своего войска царь приказал наводить мосты через Истр. Эллин фортификатор блестяще справился со своей задачей и на этот раз, обеспечив надежную переправу через широкую быструю реку. Едва парсийское войско оказалось на правом берегу, как Дарий приказал разрушить мост, заявив:

— Солнечные отряды Ахурамазды прошьют скифские степи

насквозь и вернутся домой чрез хребты Кавказа, покорив диких горцев.

Лишь красноречие митиленца Коя спасло парсов от горькой участи, невольно уготованной им своим царем. Понимая всю бесполезность уговоров, если в них будет содержаться хотя бы намек на возможность поражения парсийского войска, Кой сказал царю:

— Я ничуть не боюсь, что мы будем побеждены скифами в открытом сражении. Но зная подлые повадки кочевников, я опасаюсь, что они будут ускользать от нашего войска, воздерживаясь от сражений, и могут так запутать свои следы, что мы никогда не найдем дорогу к Кавказу.

Царь согласился с доводами Коя и повелел:

— Да будет мост сохранен в исправности, но если я не вернусь к нему через две луны, это будет означать, что войско избрало путь через хребты Кавказа. И тогда пусть стража разрушит переправу.

Поручив охрану моста ионийским тиранам, царь отправился на поиски скифов.

Но скифский орешек оказался не по зубам владыке Парсы. Уступая противнику числом, кочевники не спешили дать бой и заманивали врагов все дальше в дикие степи. При отступлении они засыпали колодцы, выжигали траву, облавами истребляли диких животных. Вскоре завоеватели почувствовали на своей шкуре последствия этой тактики скифов. Они стали испытывать нужду в пище и воде, огромное количество коней и верблюдов не могло найти траву для пропитания.

А скифы были неуловимы, словно призраки. Ловко сидящие на низкорослых лошадках всадники непрерывно нападали на конные разъезды парсов и исчезали прежде, чем подоспевала подмога. Захватчики стали впадать в отчаяние. Угрюмые воины шептались, что им никогда не вырваться из проклятой скифской степи.

Ежедневно выслушивая неутешительные донесения полководцев, Дарий в конце концов был вынужден признать, что скифские вожди переиграли его. На военном совете было принято решение оставить лагерь и отходить к Истру. Ночью парсийское войско тайно покинуло стан, бросив обоз и раненых, и, загоняя лошадей, покатилось к Истру.

Царь Дарий со страхом ощупывая два последних узелка на кожаной ленте, означавших, что по истечению двух солнц ионийцы разрушат мост и вернутся на родину.

А эллины тем временем были склонны принять именно такое решение.

Через несколько дней после ухода парсийского войска вглубь степей к переправе прибыл отряд скифов. Предводитель кочевников подскакал под самые стены предмостных башен и крикнул:

— Эллины! Мне известно о том, что царь Дарий велел вам охранять мост лишь две луны. Мы не нападем на вас, если вы

дадите обещание, что будете охранять мост лишь условленный срок, а по окончании его уйдете восвояси!

Посовещавшись тираны приняли условия скифов. Кочевники отошли в степь и стали там лагерем.

Настал условленный день. Ионийцы держали совет. Мнения тиранов разделились. Одни предлагали разрушить мост и, погубив царя Дария, освободить родину от парсийского гнета. Об этом говорил тиран Херсонеса Геллеспонтийского Мильтиад. Ему резко возражали другие, привыкшие опираться на лидийских лучников в борьбе против городской черни.

Тогда взял слово тиран Милета Гистиэй.

— Братья, я буду немногословен. Судьба предоставляет нам всего два выбора. Первый — мы принимаем предложение скифов и помогаем им погубить армию царя Дария. Тогда наша родина станет свободной, но многие из нас лишатся своей власти, отдав ее распоясавшейся черни. И другой — вступить в сражение со скифской конницей. Но все вы прекрасно понимаете, что трехтысячной фаланге не устоять перед атаками во много раз превосходящих кочевников. Поэтому я предлагаю следующее — разрушим мост до половины, чтобы скифы не смогли напасть на нас. Если царь Дарий вернется к Истру, восстановить мост будет недолго, если же он погибнет, вернемся в наши города и отдадимся на волю рока.

Большинство тиранов поддержало предложение Гистиэя. Мост был разрушен с таким расчетом, чтобы его защитники остались вне пределов досягаемости скифских стрел.

Все случилось именно так, как предполагал Гистиэй. Отбиваясь от наскоков скифов, бросая раненых и ослабевших, остатки войска Дария прибыли к Истру. Была ночь. Разведчики доложили, что моста нет, а со всех сторон подходят отряды скифов и их многочисленных союзников, решивших принять участие в разгроме агонизирующей армии. Чувствуя, что последние крупицы надежды покидают его, Дарий решил использовать последнее средство и призвал к себе глашатая-кемтянина, обладавшего дурной силы голосом. Кемтянин вышел на берег Истра и завопил что есть мочи. Прошло немало томительных мгновений, и из темноты появилась лодка. Сидевший на носу Гистиэй приветствовал царя жестом руки и тут же уплыл обратно. Наутро мост был восстановлен, парсы переправились через Истр и поспешили на родину. Отступление их более походило на бегство.

Насмешник Эсхил спустя полвека заметит:

Царь — и тот, нам говорят,
Чудом спасся и бежал
По фракийским полевым
Стужей скованным дорогам.

Очутившись в Сузах, Дарий немедленно вызвал к себе оказавших ему столь большие услуги Гистиэя и Коя. Кой был назначен

тираном Митилены, а Гистиэй, которого вполне удовлетворяла тирания в Милете, стал эвергетом царя.

Щедро награжденный и обласканный Гистиэй развил бурную деятельность, основав новый город во Фракии. Замыслы Гистиэя вызвали опасения сатрапов, которые общими усилиями смогли убедить царя, что милетский тиран строит новый город лишь для того, чтобы, усилив свое могущество, поднять мятеж против парсийского владычества.

Дарий поверил и повелел Гистиэю прибыть во дворец. Криво улыбаясь, он сказал:

— Гистиэй, друг мой, расставшись с тобой, я вдруг остро ощутил, как мне не хватает твоих мудрых советов. Оставь Милет и будь моим верным советником и сотрапезником.

Быть сотрапезником царя великая честь. Ею были удостоены даже не все братья Дария. Но ониец прекрасно понимал, что это лишь предлог, чтобы убрать его из Милета.

Кипучая натура Гистиэя требовала действия, которого, пребывая при дворе Дария, он был совершенно лишен. А душа требовала власти. Эллин стал думать о том, как бы вырваться из драгоценной клетки, сооруженной для него царем. В конце концов в его голове родился коварный план. Он решил спровоцировать антиперсидское восстание в Милете, рассчитывая, что ему удастся убедить Дария, что только один он, Гистиэй, способен навести там порядок.

В Милете в то время правил зять Гистиэя Аристагор, у которого были нелады с сатрапом Мегабатом, двоюродным братом царя. Но как передать Аристагору призыв к восстанию?

Изворотливый ум Гистиэя нашел выход и из этой ситуации. Собственноручно обрив голову преданному слуге, он записал на этом своеобразном пергаменте послание милетянам. Целую луну слуга словно чумной ходил в островерхом колпаке. Как только волосы отросли, Гистиэй приказал ему отправляться в путь.

Благополучно преодолев все кордоны, слуга склонил наскоро остриженную голову перед Аристагором. Тот не колебался ни мгновения. В тот же вечер эллины захватили парсийский флот, стоявший на якоре близ Милета, и провозгласили независимость Милета. Вслед за Милетом восстали Абидос, Илион, Фокея, Эфес, Галикарнас и другие ионийские города. Восставшие изгнали парсийские гарнизоны и отправили посланцев за помощью в Элладу.

Особые надежды возлагались на Спарту. Спартиаты поначалу колебались. Слишком заманчивым выглядело предложение разгромить царскую резиденцию в Сардах. Аристагор уже не сомневался в успехе своей миссии, но имел неосторожность проговориться, что от побережья до Сард более десяти дней пути. Традиции запрещали спартиатам удаляться от моря более, чем на двухдневный переход, и поэтому они отказали ионянам в помощи. Злые языки поговаривали, что ссылка на традиции — не

более, чем предлог. На деле спартиаты побоялись, что стремительная парсийская конница отрежет их от кораблей.

Поддержку оказали лишь Афины и Эритрея. Но присланные ими двадцать пять триер были каплей в море. Ионийцам пришлось рассчитывать только на свои силы.

Собрав ополчение, они выступили походом на Сарды. Город был взят приступом, разграблен и сожжен. Погибли многие святыни, в том числе храмы Ахурамазды. Подобное кощунство вызвало негодование лидийцев, которые без всяких понуканий со стороны царя и сатрапа Артафрена собрали большое войско, настигшее обремененных добычей ионян близ Эфеса и наголову разгромившее их.

Завязалась долгая ожесточенная война. Как и рассчитывал Гистиэй Дарий отпустил его в Ионию с наказом замирить взбунтовавшиеся города. Милетянин прибыл в сожженные Сарды. Сатрап Артафрен, пересидевший осаду в акрополе, не без умысла спросил тирана, почему восстали ионяне. Изобразив на лице удивление, Гистиэй ответил, что не имеет на этот счет ни малейшего понятия. Тогда Артафрен сказал ему:

— С мятежом дело обстоит просто. Сшил эту обувь ты, а надел ее Аристагор.

В ту же ночь Гистиэй бежал из Сард. Он думал возглавить восстание в Милете, но милетяне не приняли его, потому что уже привыкли жить без тиранов. Не удалось и восстание, подготовляемое Гистиэем в Сардах, так как Артафрен арестовал и казнил всех его друзей, которые составляли костяк заговора.

Лишившись поддержки родного города и став отщепенцем, Гистиэй не отчаялся. Ему удалось раздобыть несколько триер, с которыми он стал грабить парсийские суда. Экстиран пиратствовал до тех пор, пока не пришло известие о падении Милета. Понимая, что парсы развязали себе руки и что вскоре на его поиски будут отправлены финикийские эскадры, Гистиэй оставил пиратский промысел. Он пустился в откровенные авантюры, попытавшись захватить сначала Хиос, а затем Лесбос. Потерпев неудачу, он предпринял вылазку на материк.

Вот здесь-то его и подстерегала беда. Едва эллины отошли от своих кораблей на несколько лиг, как были атакованы неприятельским войском. Поначалу гоплиты стойко отражали натиск парсийской пехоты, но удар лидийских всадников обратил их в бегство.

Гистиэй мог принять достойную смерть от меча, но струсил. Увидев мчащихся наперерез всадников, он заорал:

— Остановитесь! Я... Гистиэй.

Он надеялся, то Дарий помилует его. Скорей всего, попади он к царю, так бы оно и вышло. Но судьбе было угодно распорядиться иначе. Ненавидевший Гистиэя Артафрен решил казнить пленника. Его поддержал и находившийся в Сардах царевич Ксеркс, чье слово было почти равно царскому. По велению

Артафрена Гистиэй был распят на дворцовой площади. Голову скончавшегося в страшных муках тирана доставили царю, который выразил неудовольствие действиями сатрапа, и приказал предать ее достойному погребению.

Так закончил свою бурную жизнь тиран Гистиэй, чье непомерное честолюбие стало одной из причин длившихся более, чем полвека греко-парсийских войн.

* * *

— Я знал твоего отца, — сказал Ксеркс после долгой паузы. Милетский тиран словно живой предстал пред его глазами. Высокий, статный, гордый лицом, с чуть тронутыми сединой смоляными волосами. Таким он оставался даже в день казни.

— А я не знала его, — ответила девушка. — Он оставил Византий, когда меня еще не было на свете.

— Кто же твоя мать? Ты совершенно не похожа на эллинку.

— Во время пребывания у Византия Гистиэй грабил плывущие со Скифского Понта[1] корабли. На одном из них была моя мать. Еще совсем юной ее захватили скифы во время набега на одно из северных племен, чье имя пока неизвестно в этом мире. Своеобразная красота полонянки возбуждала скифских мужей. Ревнуя их, жены потребовали избавиться от нее, и мою мать продали на рынке в Пантикапее. Прельстившийся варварской красотой купец-эллин сделал ее своей наложницей. Затем она попалась на глаза делосскому наварху. Он перекупил у купца его рабыню. Какое-то время делосец жил в Пантикапее, но пришло время возвращаться на родину. Его корабль был остановлен триерами Гистиэя в проливах. Сам наварх был убит, а моя мать попала в руки главаря пиратов. Его, как и многих других, не оставила равнодушным красивая пленница, и он сделал ее своей возлюбленной. С ним моя мать была действительно счастлива. Она с нежной улыбкой вспоминала это время. Но все хорошее рано или поздно кончается. Гистиэй был вынужден бежать из Византия. Поручив мою мать покровительству одного из своих друзей, он отбыл к берегам Ионии. А вскоре Византий захватили Парсы. Они перебили большую часть мужчин, а женщин ожидала неволя. Вместе с сотнями других пленниц мою мать погнали в Сарды. А по дороге родилась я... Тебе интересно, царь?

— Да. — Судя по выражению лица Ксеркс не лукавил. Таллии даже показалось, что в глазах царя блестели слезы. — И какова была дальнейшая судьба твоей матери?

— Когда мне было семь или восемь лет, она умерла. Я же осталась жить в доме одного знатного лидийца. Едва расцвела моя девичья красота, он пожелал сделать меня своей наложницей. Я отказалась. Он пытался приневолить меня, а убедившись, что ему это не удастся, послал зарабатывать деньги на ступенях храма Иштар. Что ж, это было более приятно, чем заниматься

развратом с толстым похотливым стариком. Я могла выбрать себе любовника по душе.

— Постой, но если мне не изменяет память, посвященные Иштар должны отдаваться любому, пожелавшему их. — Воображение царя нарисовало пикантные сцены. Масляные глазки его оживились.

— Запомни! — Таллия сжала жирный подбородок царя крохотной крепкой ладонью. — Ни один мужчина не мог и не может овладеть мною вопреки моему желанию. Многие пытались сделать это, но я быстро охлаждала их неумеренные порывы.

— Каким образом? — Сально улыбаясь, царственный развратник ухватился пятерней за бедро девушки.

В тот же миг он охнул от боли и неожиданности. Ловким движением Таллия вывернула царю руку, бросила его на тахту, а сама взгромоздилась сверху.

Первым побуждением Ксеркса было позвать на помощь бессмертных. Но он тут же подумал, какие пересуды может вызвать эта нелепая сцена среди сплетников-придворных. К тому же прикосновение стройных ножек гостьи к его спине было очень и очень приятным. Не менее сладкое чувство вызвал сам факт столь необычного обращения. У него никогда не было столь своенравных женщин.

Освободив руку, он перевернулся на спину и как можно нежнее коснулся скрытого кисейной тканью живота девушки.

— Ты подобна пламени. Твои глаза прекрасны, словно безоблачное небо, губы нежнее цветущего розового бутона, а кровь насыщена жгучим перцем. Я люблю тебя...

— И? — чуть насмешливо глядя в глаза очумевшему от страсти царю спросила девушка.

— Что и?

Таллия раздельно, четко выговаривая слова, сказала:

— И я выполню любое твое желание!

— И я выполню любое твое желание, — послушно повторил Ксеркс.

И в тот же миг он получил награду. Губы Таллии коснулись его жаждущего рта. Поцелуй был мимолетен, словно мгновение. Затем девушка бесцеремонно оттолкнула царя.

— Об остальном поговорим позже! А теперь — желание первое...

ЭССЕ
о женщине с голубыми волосами

Я помню девочку с голубыми волосами. С румянцем. Словно сошедшую с яркого конфетного фантика. Она улыбалась и, дразнясь, показывала красный мяч. Под цвет ее банта. Словно сгусток крови в фарфоровых волосах. Она была прекрасна, словно

блестящая обертка мечты. Она манила. Ее хотелось развернуть и съесть. А можно и вместе с хрустящей бумажкой. Она была недосягаема. Она была прекрасна и высокомерна от осознания своей красоты. Кто-то назвал ее мечтою.

Наверное, она и была мечтой. Она ушла в сиреневый туман и я забыл о ней. А затем я встретил девушку. Девушку с голубыми волосами и знакомой улыбкой. Мужчины бросали ей под ноги цветы, а она ступала по их согбенным спинам. И ноздри ее раздувались. Чуть-чуть, чтобы не портить прелести лица.

Обожание обтекало ее елеем. Елей брызгал в устремленные на нее чистые взгляды и делал их масляными. А она улыбалась, радостно и с превосходством, заставляя взгляды опускаться в землю.

Ее любили, ее обожали. Как игрушку. Ибо настоящая любовь требует ответной улыбки. Живой, человеческой. И теплых волос. Желто-рыжих. А ее волосы были подобны льду.

Поэты слагали ей песни, она замораживала их своей холодной улыбкой, и они падали к ее ногам звездными бриллиантами. А она нанизывала их на свое платье. Платье ледяной принцессы!

Художники рисовали ее портреты, и она холодно глядела с полотен, и дети плакали, видя ее ледяную улыбку.

Восторженные дарили ей свои сердца. Ее дыхание превращало их в ледышки. Нет, она не носила эти холодные кристаллы под своей юбкой, подобно прекрасной Марго — наш век не признает китовый ус; она приковывала их к стальной цепи и восторженные становились ее глашатаями. И верили, что срывали ответный поцелуй с ее уст.

Она не дарила свою ночь. Никому. Даже за жизнь. Даже за смерть. Она считала недостойным разменяться на подобные мелочи. Что значит жизнь по сравнению с ее красотой. Мгновение и вечность. Мгновение не стоит вечности. Так думала она.

Было лето. Была зима. И снова было лето.

И однажды она встретила его. Он не был красив. Он не обладал фигурой атлета. Ее взгляд скользнул по нему и прошел мимо. Мимо... Но вдруг вернулся. Она увидела в нем то, чего не видела в других. Она не увидела в нем привычного обожания. Его серые глаза были умны, а губы презрительно кривились. О, сколько подобных губ она перевидела! О, эти демонические красавцы с нарочито меланхоличным взглядом и скепсисом губ, будто бы внимавших не одному веку. Их хватало на мгновенье. И по прошествии его они обмазывали ее взглядами, а губы нервно облизывались воспаленным языком.

Она посмотрела на него, требуя: ну-ка, сдайся! Ну-ка, раздень меня взглядом!

Он лишь жестко улыбнулся в ответ.

Ее глаза замутились, обиженные: как, неужели я не нравлюсь тебе?

— А почему ты должна мне нравиться? — скривились в ответ губы.

Она умоляла: ну упади у моих ног и я подарю тебе все, что захочешь: власть, богатство, славу... Я, наконец, подарю тебе мою любовь! — Как трудно выговорить эти слова. Она никогда не говорила их. Их говорили ей другие.

— Твою любовь? — засмеялся он. — Я не люблю пластмассовых цветов. Они хороши лишь в венках. Но даже в гроб кладут лишь живые цветы, ибо и мертвому нужно живое.

Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

— Пойдем со мной в мой замок, — попросила она.

— Я не люблю холод. Я не хочу жить в ледяном замке. Прощай, меня ждет море.

И он ушел.

И она пошла за ним.

Она ушла за ним от всего: от славы, от обожателей, от дворцов, от экипажей; она ушла от своего мира. Ушла ради того, чтобы увидеть похотливую улыбку на его лице, и восторжествовать.

Они поселились на берегу моря. Она готовила ему обед и стирала белье. Ей было тяжело, но красота ее не уходила. Она оставалась прежней. Ей надо было быть во всеоружии.

А вечерами они говорили.

Ее самолюбие страдало, она пыталась понять, почему он равнодушен к ней.

Она жаждала его ответа, подобно сфинксу.

— Почему?

Он пожимал плечами:

— Не знаю.

— Но ведь я красива?

— Да, весьма.

— Нет, но я красивее всех женщин в мире?

— Возможно.

— Неужели я не привлекаю тебя?

— Нет, в тебе нет того, что я больше всего ценю в женщине. В тебе нет изюминки.

— А что это такое, изюминка?

— Я не знаю. У одной изюминкой может быть улыбка, у другой — глаза, у третьей — движение руки... Это то, за что мы любим женщин.

— А красота?

— Она статична. Она хороша лишь для статуй. Или королев. Но не для той, которую должно любить.

— Но неужели нельзя любить королев?

— Нет, их корона ослепляет, а бархат платья заковывает фигуру статуей.

Она молила его:

— Найди во мне то, что ищешь!

А он смеялся:

— Я не нахожу в тебе ничего такого.

И она засмеялась. Горько. Впервые. Как обманутая женщина. И странный огонек мелькнул в его глазах. А губы холодно кривились.

— Я словно влюбленная кошка, — призналась она. Он пожал плечами. — Полюби меня.

Он взял ее. Но без блеска в глазах, без той дрожи, которая пенит кровь.

У них были дети. Двое: мальчик и девочка. И дети стали большими. Однажды он спросил ее:

— В чем ты видишь смысл своей жизни?

— В любви к тебе, — как само собой разумеющееся ответила она. — А ты?

— Знаешь, а ведь когда-то давно я любил девушку. Любил до безумия. Она являлась ко мне во всех моих снах. Она грезилась мне наяву.

— Она бросила тебя?

— Подожди. Я знал, что она неспособна любить. Я был горд, я не хотел ползать у ее ног, и я заставил себя казаться равнодушным. — Она молчала. — Я был холоден и скептичен. Мои чувства отдали свою силу моему уму. И сила их была такова, что моя мысль превзошла все, бывшее когда-либо на этом свете. Но мое сердце стало холодным. Я добился чего хотел. Она стала моей. Она бросила все ради меня. Но в этой борьбе я потерял главное — свою любовь. Я не способен любить. Я люблю не сердцем, а разумом.

Она молчала. И он спросил:

— Ты бросишь меня?

Вместо ответа она погладила его волосы. Счастлив человек, дарящий свою любовь. Она любила безмерно. Она улыбнулась своему отражению в матовом мире зеркала. Нежная рука стерла крохотную морщинку с прекрасного лба. Она спросила:

— Так есть ли во мне изюминка?

Он не ответил, но она поняла.

«Есть. В твоей любви».

Банально, но, увы, они умерли в один день.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Тени мертвого города

Устранившись мира, не прикасайся к нему; ибо страсти удобно опять возвращаются.

Св. ИОАНН ЛЕСТВИЧНИК

Как и обещал хозяин, купец Раммера, в назначенном месте Ардета ждала лодка. Точно у трех причудливо сросшихся пальм, что виднелись неподалеку от дороги. Дороги в никуда.

Когда-то, сотни лет назад, здесь был мост, соединивший берега бурной реки. Время подточило каменные опоры, настил из тиковых бревен рухнул в воду, а ветер довершил разрушение. И теперь дорога обрывалась в речной бездне.

Путаясь в стеблях осоки, Ардет спустился к воде. Угрюмый косматый лодочник молча указал ему на носовую банку. Как только финикиец сел, тот опустил в воду весло и начал грести. Он намеревался причалить у остатков быка исчезнувшего моста, поэтому ему приходилось грести против течения.

— Как поживает твоя семья? — спросил финикиец, когда молчание стало невыносимым.

Лодочник не ответил. Но Ардет не отчаялся.

— Как тебя зовут?

— Хумут-Табал![1] — буркнул лодочник.

Ардет вздрогнул. Мрачная внешность собеседника вполне соответствовала шутке. Разговаривать сразу расхотелось.

Наконец лодка причалила к берегу. Лодочник молча ткнул рукой, указывая куда надо идти. Но в его подсказках не было нужды. С приречного холма город был как на ладони.

То был печально известный Дур-Шаррукин, некогда столица могущественного государства, а теперь обиталище призраков и злых демонов. Основанный некогда великим ассирийским царем Саргоном, вскоре после смерти владыки город был брошен жителями. Время не пощадило его, но, даже и спустя столетие, город производил величавое, а, точнее говоря, величаво-жуткое впечатление.

Безвестный ассирийский Гипподам[2] спланировал его со свойственной всему ассирийскому четкостью. Город представлял собой правильный четырехугольник. С востока в него была врезана цитадель — огромная, мощно укрепленная платформа, на которой находились царский дворец и храмы. Раммера предупредил Ардета, что нужный человек будет ждать его в верхней зале зиккурата[3], что высился на западной оконечности платформы. Проверив, легко ли выходит из ножен кривой меч, финикиец направился к городу.

Ардет не считал себя трусом, но по доброй воле он ни за что

на свете не взялся бы за выполнение подобного поручения. Но он был слишком многим обязан купцу Раммера, а кроме того, тот обещал заплатить сразу после возвращения пятьдесят полновесных дариков — огромные деньги! Было бы глупо от них отказаться.

Размышляя таким образом, финикиец подошел к городским воротам. Заваленные грудами песка они были приотворены ровно настолько, чтобы Ардет мог без труда проникнуть внутрь.

Вблизи город производил еще более гнетущее впечатление. Время почти не тронуло сложенных из массивных каменных глыб стен домов и башен. Казалось, жители оставили его только вчера и в любой момент могут вернуться. Ардет живо представил себе бородатых ассирийцев с окропленными кровью копьями в руках, память о невероятной жестокости которых продолжала жить даже спустя столетия, и его кожа покрылась холодными пупырышками. Шаги гулко отдавались в каменном безмолвии, создавая иллюзию ирреальности происходящего. Их звук был подобен стуку маятника, он невольно зачаровывал.

Но ничего ужасного по пути не встречалось, и Ардет постепенно успокоился. С любопытством поглядывая по сторонам, он пересек весь город и подошел к цитадели. Попасть на платформу можно было двумя путями — по широкой многоступенчатой лестнице или по пандусу, который предназначался для царских колесниц. Ардет выбрал пандус.

Цитадель была создана с таким расчетом, что для того чтобы попасть в любой из трех храмов, прежде нужно было выйти на дворцовую площадь, к которой вел узкий проход, замкнутый по бокам высокими стенами. Финикиец вполне оценил мудрость строителей города. Даже ворвавшись в цитадель врагам нужно было пролить немало крови, чтобы проникнуть в центр комплекса. Ведь им пришлось бы двигаться под непрерывным огнем ассирийских лучников, а выход из прохода мог защитить небольшой отряд воинов.

Отсюда Ардет вышел к центральному фасаду царского дворца. Это было грандиозное и некогда, очевидно, роскошное сооружение. Но за многие столетия дворцовые сокровища были разграблены — сначала преемниками Саргона, а затем алчными ворами. От былого великолепия остались лишь роскошные, искусно выложенные из цветного кирпича барельефы, да огромные шеду — каменные изваяния добрых духов в облике быков с человеческими головами. Каждый из шеду имел по пять ног, и поэтому, глядя на них, казалось, что изваяния движутся. Ардет никогда не видел столь мастерски выполненных шеду даже в Вавилоне. Он стоял и рассматривал изваяния, как вдруг его плеча коснулась чья-то рука. Ардет вскрикнул и обернулся, выхватывая меч. И в тот же миг устыдился своего испуга.

Перед ним стояла невысокая женщина, одетая в старомодную, длиной до щиколот, рубаху, в уши ее были вдеты массивные

золотые серьги в форме полумесяцев. Подобную одежду и украшения можно было встретить лишь на старинных мозаиках. Черные глаза женщины были полны неги, а губы дышали страстью.

— Кто ты? — спросил Ардет.

— Я здесь живу, — сказала женщина.

— А я полагал, этот город давно заброшен.

— Да, почти. — Женщина медленно растянуло губы в улыбку. — Какая нужда привела сюда такого красавчика?

— Мне нужно передать послание.

— Кому?

— Тому, кто ждет на вершине башни.

Ардету показалось, что в глазах незнакомки мелькнуло сожаление.

— А, отшельнику...

— Ты знаешь его?

Женщина кивнула головой.

— Да.

— Проводи меня к нему.

— Хорошо, идем.

Она легкими шагами двинулась вперед. Ардет шел следом, невольно заглядываясь на округлые бедра, зазывно покачивающиеся при ходьбе. Они были столь соблазнительны, что могли совратить даже импотента. За всю дорогу он и его спутница не перемолвились и словом. И лишь когда они очутились у подножия гигантской каменной пирамиды, она сказала:

— Надеюсь, мы еще увидимся.

— Я тоже надеюсь, — поспешно произнес Ардет.

— Иди наверх. Отшельник живет там.

Время зиккуратов уже минуло. Впрочем, как и время пирамид. Карабкаясь на вершину огромной рукотворной горы, Ардет задавался вопросом: что за цель преследовали люди, воздвигая эти каменные монстры? Жаждали познать неведомое? Хотели возвыситься над богами? Или то была лишь прихоть владык? Но что бы ни двигало их помыслами, эти величественные и необъяснимые в своем стремлении ввысь сооружения будут вызывать восторженное недоумение потомков.

Преодолев три стоступенчатых яруса, Ардет достиг самого верха каменной башни и огляделся вокруг. От вида, представшегося его глазам, захолонуло дух. Город лежал как на ладони.

Идеально правильная планировка улиц, жилых кварталов, оборонительных сооружений создавала впечатление, что Дур-Шаррукин создан не людьми, а какими-то высшими силами, внезапно отрекшимися от своего детища.

В вершины эиккурата были великолепно видны и окрестности. Песок, сплошь песок. Трудно было поверить, что здесь некогда была плодородная равнина, покрытая посевами пшеницы и цветущими садами. Заброшенный город со свистящими унылым ветром желобами улиц, земля, поглощенная барханами и солн-

цем, создавали ощущение неестественности. Подобных мест — мертвый город в оправе из мертвого песка — в этом мире вообще не должно было существовать. Но вопреки божьему помыслу и здравому смыслу они были, в чем Ардет мог убедиться лично.

С трудом оторвав взгляд от завораживающего зрелища, Ардет двинулся по каменному карнизу, опоясывавшему вершину зиккурата. Где-то здесь должен был быть вход в святилище. А вот и он. С отчаянно бьющимся сердцем Ардет нырнул в неширокий проем и очутился в сумрачном помещении.

Должно быть это была единственная часть мертвого города, где не властвовали безысходность и запустение. Пол был чисто подметен, стены поблескивали свежей краской. Посреди помещения располагался мраморный стол, вид которого породил у финикийца смутные воспоминания. Ардет присмотрелся повнимательнее и понял, что не ошибся, — этот стол некогда был жертвенником, о чем вполне определенно свидетельствовали четыре узких желоба для стока крови. Теперь на нем стояли медная чаша и расписанный цветами кувшин. Более в комнате ничего не было. И никого.

Ардет кашлянул. Из ниши, скрытой выступом стены, показался человек. Он был высок, а его худобу не мог скрыть даже просторный плащ с капюшоном, надвинутым на лицо.

— Где письмо? — спросил он без всяких предисловий.

— Я должен отдать его отшельнику, — робко заметил финикиец.

— Я и есть отшельник. Давай его сюда.

Ардет достал из-под плаща сверток и вложил его в худую жилистую руку хозяина башни. Тот проверил, на месте ли печати, затем вскрыл защитный чехол и извлек табличку. Для того, чтобы ознакомиться с ее содержанием, ему потребовалось лишь мгновение.

— Пойдем! — велел он Ардету.

— Куда? — осведомился тот, недоверчиво поглядывая на загадочного человека.

— В мою обитель. Раммера просит, чтобы я оказал тебе гостеприимство.

— Но я думал сразу отправиться обратно.

— Успеешь. Я должен написать ответ.

По длинному извилистому ходу хозяин повел финикийца вглубь башни. Вскоре они очутились в зале, мало смахивающей на жилище отшельника. Скорее это были покои сказочно богатого владыки. Мрамор и серебро, шелковые занавеси и статуэтки из слоновой кости, золото, сверкающее повсюду. У Ардета перехватило дыхание.

— Нравится? — спросил отшельник.

Финикиец сглотнул и кивнул головой.

— Так оставайся у меня и все это будет твоим. Мне нужны верные слуги.

Что и говорить, это внезапное предложение было очень заманчивым. Даже небольшой толики этих сокровищ было достаточно, чтобы скупить половину торгового флота Сидона. Но Ардет тут же вспомнил о холодном дыхании душных улиц Мертвого города и покачал головой.

— Нет, не могу. Меня ждут.

— Как знаешь. По крайней мере, присядь.

Гость не возражал и устроился на удобном ложе, покрытом драгоценной эмалью.

— Вино? Фрукты? — спросил отшельник.

«Откуда здесь могут быть фрукты?» — подумал Ардет и ответил:

— Нет, спасибо.

— Как знаешь, — вновь сказал отшельник. Он подошел к свисающей с потолка медной цепи и потянул ее вниз. В одной из стен образовался проем, давший путь солнечному свету. Вместе с ним в залу ворвался ветер, заигравший пламенем укрепленных на стенах факелов. Отшельник устроился в кресле неподалеку от Ардета.

— Расскажи мне, что происходит в мире. Твой хозяин слишком скуп на слова, а я не получал никаких известий вот уже два года.

— Да я не так уж много знаю, — пробормотал Ардет.

— Рассказывай о том, что знаешь.

— Ну, наша торговля идет успешно...

— С кем сейчас торгует Финикия?

— Со всем миром, но мой хозяин более имеет дело с карфагенскими купцами.

— Жемчужина Африки все процветает?

— Да, Карфаген становится богаче и богаче.

— Пуны не собираются устремить свои взгляды на север или восток?

Ардет поперхнулся.

— Но ведь на востоке владения парсийской империи.

— Ну и что? У пунов великое будущее. Они еще потрясут основы и более великой державы. Что происходит там, где заходит солнце?

— Великая Греция процветает. Особенно Сиракузы.

— Как поживает философ Эмпедокл?

— Я не знаю такого.

— Жаль. Я когда-то был с ним знаком. Когда-то... Так парсы собираются на Элладу?

— Пока непонятно. Говорят, царь под давлением хазарапата выступает против похода.

— Соберутся. Заратустра заставит Ксеркса сделать так, как хочет он. Я его слишком хорошо знаю. — Отшельник замолчал и погрузился в раздумье. Внезапно он резко поднял голову, солнечные лучи упали на его лицо, и Ардет содрогнулся. Оно было безжизненным, словно стены Мертвого города.

— Ты когда-нибудь слышал об Арии?

Финикиец задумался, а затем промолвил:

— Так, кажется, звали какого-то волшебника.

— Какого-то! Коротка же людская память! — с горечью в голосе произнес отшельник. — Ты мне нравишься и я расскажу тебе одну историю, а за то, что ты выслушаешь меня, я позволю тебе взять любую из приглянувшихся вещей.

В глазах Ардета зажглись алчные огоньки.

— Я слушаю тебя.

Отшельник устроился поудобнее и начал:

— Земля не всегда была такой, какой ее знаешь ты. Она меняла свой облик подобно тому, как змея скидывает каждый год выцветшую кожу. Исчезают горы, иссекают реки, осушаются целые моря. А в других местах вдруг вырастают высокие каменные кряжи, бьют фонтанами рожденные землей источники, речные струи заполняют водой провалы. Так было всегда, так есть и сейчас, только человеческая жизнь слишком коротка, чтобы это заметить.

Жизнь эта подобна судьбе озер или гор. Жизнь одного человека скоротечна. Она не дольше мимолетного взора. Жизнь народа сопоставима с жизнью реки. Она зарождается, питает влагой луга и поля и потом иссякает. Но на это требуются сотни мгновений. И река оставляет после себя русло. А народ — память. Жизнь человечества — вот что нельзя измерить. Невозможно сказать, когда она зародилась и никому не суждено назвать день ее смерти. Ведь человечество бессмертно. Оно как море. Да что там море! Моря ведь иссякают под натиском горных разломов. Жизнь человечества сравнима с солнцем, звездами, космическим эфиром. Она не умирает, а переходит в иное состояние и в нем продолжается. Как жаль, что человеку не дано окинуть ее взором. Должно быть, это было бы очень занятно.

Я раздумывал над этим долгие годы. Годы, проведенные в одиночестве и безмолвии. И я многое понял. Я понял, зачем рождается и живет человек. Зачем? Ради богатства, власти, наслаждений? Все это суета и это не есть определение сути его существования. Человек живет ради того, чтобы изменить мир, сбить его с предопределенного роком пути. Нельзя обвести вокруг пальца рок? Но как этого хочется!

Я обманывал судьбу множество раз. Я разжигал вражду между кровными братьями, но выяснялось, что рок уже прежде меня предопределил неизбежность их ссоры. Я созывал под знамена племена и вел их на цветущие богатые страны. Но получилось, что эти страны насквозь прогнили своей роскошью и давно требовали подпитки свежей кровью. Сотни тысяч людей, прельщенных моей силой, прорывали тоннель сквозь горы, чтоб по нему устремилась чистая вода. Но судьба уже назначила этим скалам быть прорытым насквозь.

Однажды я повстречал мудреца, который поведал мне исто-

рию великого волшебника Ария. Рожденный червем, обреченный пресмыкаться перед сильными, Арий сумел достичь вершин человеческой мудрости. Он проник в глубины познания, он сумел раскрыть стремления и желания. Годы созерцания за бесплодными попытками человечества достичь счастья натолкнули Ария на мысль, что счастлив может быть лишь тот, кто имеет в жизни цель, великую цель. И тогда он оставил пустыню и вышел к людям. Арий сказал им: слушайте слово мое. Я дам вам слово, а оно даст вам власть. Возьмите мечи и завоюйте подобных себе. У нас нет мечей — ответили они ему. Арий дал им мечи и научил их сражаться. И сказал: вот вам цель — покорите мир и заставьте его почитать имя мое и вы будете счастливы, ибо я говорю от вашего имени. Ваше да будет моим, мое да будет вашим. И люди взяли его мечи и пошли во все стороны. И нарекли они себя его именем — арии. Он думал, что обрел силу, а на деле он потерял ее. Ведь он покинул свое уединение, что делало его сильным и окунулся в людскую суету. Он перестал видеть солнце и обратил свои глаза на землю. А ведь его сила была в солнце.

Арий оторвался от лучей, что давали ему силу и мудрость. А потерявший силу неспособен увлечь за собой сильных. Потерявший мудрость неспособен дать им силу. Я плачу над теми, кто потерял свою мудрость.

Он вышел из освещенной солнцем тени на лучи, застрявшие в гребнях скал. Философ силы открыто провозгласил себя правителем. Но горестна судьба тех, кто рвется к власти, уповая на силу и мудрость людей. Ведь верх всегда одерживает тот, кто ставит на пороки.

Пришли двое — те, кому сила нужна была лишь ради власти. Они обещали ариям золото и женщин, бурдюки, полные сладкого вина и горы истекающего жиром мяса. Да! — закричали степняки, еще вчера певшие славу силе и мудрости. И они возжелали всего того, от чего их предостерегал Арий. Великий волшебник сгинул в суете сотен тысяч пороков.

Я выслушал эту историю и вдруг познал истину. Ты хочешь перевернуть мир и заставляешь его крутиться в твоих сильных пальцах, излобляя многих, чьи сердца полны зависти. Зачем, сказал я себе, нужна власть? Власть зримая и осязаемая. Власть, мановением руки посылающая на смерть толпы людей. Ведь эта власть очевидна и недруги заботятся о противодействии ей. Не лучше ли обладать властью тайной и от этого сильной и неуязвимой? Властью, что может повергнуть ниц того, кто движет армиями? И я поселился здесь. И обзавелся сотнями преданных мне слуг. Достаточно одного моего слова и падут бездыханны десять самых могущественных властителей мира. Достаточно моей воли и земля по локоть пропитается кровью. Вот она, власть, и нет никакой другой!

И, — отшельник перехватил руку подкравшегося к нему сзади с занесенным над головой мечом Ардета, — лишь эту власть

можно считать равной року. Ведь она делает роком меня. Это я держу в руке иглу и ножницы, которыми перекраиваю нить судьбы по-своему усмотрению. Я!

Глупец!

Отшельник с силой отбросил от себя побелевшего от невыносимой боли в сжатой нечеловеческой силы пальцами руке Ардета.

Глупец! Не я ли предлагал тебе силу, равную которой не имеет ни один царь. А ты пожелал вместо нее блестящее золото.

Глупец! Ведь истинное наслаждение не в том, чтобы носить золотые одежды, а в том, чтобы носящие золотые одежды падали ниц у твоего вырезанного из столетнего дуба кресла.

Глупец! Ты будешь взирать на их трясущиеся лица и за твоей спиной не будут стоять стражники. А они, вооруженные острыми мечами, все равно будут дрожать от страха, потому что твой меч незримо завис над головой каждого. Это есть истинная власть. Это есть истинная сила. Это есть истина.

Глупец!

Отшельник смолк.

— Смилуйся! Прости меня! — дрожа от страха, выдавил финикиец. — Блеск золота помутил мой разум. Я хочу быть твоим слугой.

— У сильного не может быть таких слуг. В твоих глазах тлеет золотой огонь. Тебе милей женщина, а не быстрый конь, золотая чаша, а не острый меч, сладкое вино, но не мудрое слово. Так бери же свою чашу и ступай!

— А письмо?

— Передай Раммере на словах, что я отправляюсь на восток. Он знает куда. Меня не будет ровно столько, чтобы изменить нить судьбы так как хочу я. — Отшельник подумал, а затем махнул рукой. — А, впрочем, ничего не передавай!

Ардет схватил украшенную голубыми сапфирами чашу, на которую ему указал отшельник и бросился со всех ног прочь из башни.

* * *

О, как она любила ночь! Время влюбленных, поэтов и воров. Время оборотней. Время, когда падают звезды.

Впрочем, ей не было дела до звезд. Ночь интересовала ее больше с практической стороны. Ночью было темно, а темнота порождает страх.

Страх же был ее союзником.

Этот человек не мог уйти далеко. Так сказал отшельник.

Он так и сказал, дождавшись, когда она явится на его зов:

— Ты привела ко мне дурного вестника. Быть может, я бы и сохранил ему жизнь, но купец просит, чтобы он не вернулся из Мертвого города. Поэтому этот человек твой. Я нарочно задержал его до сумерек. Насладись им и не мешкая возвращайся ко мне.

И отшельник отпил глоток доброго вина. Он очень любил вино и женщин.

Она прекрасно видела в темноте, просторное платье совершенно не сковывало движений, а быстрые ноги едва касались каменных плит, испускавших дневное тепло.

Она обогнала мужчину, который плохо ориентировался в городе, и преградила ему дорогу.

— Куда ты так спешишь, прекрасный незнакомец? Или отшельник оказал тебе дурной прием?

Мужчина какое-то время напряженно рассматривал ее, затем облегченно вздохнул, узнавая.

— Это ты. Твой отшельник ненормальный. Как и весь этот город.

— А я?

Она прекрасно знала, что ее бедра волнующе проступают сквозь складки одежды, а глухой под самую шею ворот не в состоянии скрыть высокой груди.

— Ты прекрасна! — признался он.

— Так в чем же дело? — Она зазывно качнула бедрами. Улыбка обнажила ровные острые зубки, блеснувшие в лунном свете. Мужчина облизал губы.

— Но мне надо идти. Я спешу передать послание отшельника.

— Я же не собираюсь отнимать у тебя много времени. А взамен ты получишь наслаждение, равное которому не испытывал ни разу в жизни.

— Отшельник предлагал мне силу, а ты предлагаешь наслаждение...

— Но, как я понимаю, ты отказался от силы. Неужто ты откажешься и от наслаждения?

Мужчина ухмыльнулся.

— Пожалуй, нет. Куда идти?

— Никуда, — сказала она. — Прямо здесь.

— На мостовой?

— Эти камни мягче пуха.

— Ну хорошо, давай.

Мужчина положил наземь драгоценную чашу и снял с себя меч. Она неторопливо, возбуждая его, освободилась от одежды.

Он набросился на нее словно голодный зверь. Она стонала от истомы, чувствуя его плоть, волны нечеловеческого сладострастия сотрясали ее тело и передавались партнеру. Вскоре он закричал от наслаждения, но она не прекращала неистовых ласк. Нежное упругое тело высасывало из мужчины все соки. Он пытался остановиться, но не мог. Она овладела им, сотрясая мужскую плоть непрерывной страстью.

И тогда Ардет закричал от страха. Он понял, в чьи объятия завлек его Мертвый город. Это была Лиллит, женщина-инкуб — демон сладострастия. Ни одному любовнику не удавалось освободиться из объятий Лиллит. Это была смерть, где боль уступала

место оргазму. И этот нескончаемый оргазм был страшнее любой боли.

Тело Ардета сотрясалось все реже, пока вовсе не затихло. Лиллит освободилась из мертвых объятий и поднялась с каменных плит. Она была голодна, как и прежде. Над ней довлел рок, разрешить который не мог никто. Даже сам отшельник, хотя он был очень сильным мужчиной.

И еще — он единственный без труда освобождался из ее объятий, ибо властвовал над своими желаниями.

Дрожа от возбуждения, Лиллит поднялась на вершину зиккурата. Он сидел у небольшого камина и глядел на огонь. Не оборачиваясь отшельник спросил:

— Принесла?

— Да.

Золотая чаша звякнула, упав на гору драгоценных побрякушек.

— Золото, вино и любовь, — провозгласил отшельник. — Вот три вещи, от которых не стоит отказываться даже ради силы. Золото, вино, любовь.

Он повернулся к Лиллит и привлек ее в свои объятия.

— Ты вся дрожишь. — Она нежно укусила его за нижнюю губу.

Глаза отшельника были бездонно-пусты. Он не любил сердцем и был равнодушнее камня.

Он занимался с нею любовью до самого утра. И пил вино из драгоценного кубка.

Любовь.

Вино.

Золото.

А утром он собрался в дорогу.

— Мой путь будет долог, — сказал он Лиллит.

Она заплакала.

— Мне будет так не хватать тебя. Когда ты вернешься?

— Когда-нибудь. И буду с тобой долго. Пока кости глупца не истлеют под солнцем.

— А потом.

— Придет другой глупец. Все бежит по кругу. Бег этот неизменен. И лишь я в состоянии прервать его. Но я не буду этого делать. Я слишком привык к этому городу.

В полдень отшельник ушел.

Кости Ардета растащили огромнокрылые грифы.

Плач оставленных городов

Пожары.

Потопы.

Войны.

Чумные моры и дрожь земли.

И Время.

Вы вынуждаете людей оставлять города, храмы человеческой души, возводимые навечно.

Люди строили город, думая о счастье. Это был их дом — на высоком холме или в безветренной лощине, с кривыми и грязными улочками или широкими гипподамовыми проспектами, защищенные высокими стенами или лишь человеческим духом.

Город — образ и подобие человека, его создавшего. То не деревня, безликая и единообразная. Город многолик, как и те, кем он основан.

Великие города минувшего:

осененный тенью пирамид Мемфис;

базарно-шумный Ур и огромный мегаполис Вавилона;

златообильные Микены и гордые духом Афины;

овеянная воинской славой Спарта;

ощетинившиеся хитроумными орудиями Архимеда Сиракузы;

собравший вокруг себя весь мир Рим...

Они были созданы навечно и никакие беды не могли заставить жителей покинуть свой город. Ровно как добрые дети не покидают родителей.

История знавала немало городов, умерших вместе со своими детьми.

«Карфаген должен быть разрушен!» — Катон твердил эту фразу с маниакальным упорством.

И Карфаген был разрушен. Но прежде пали в бою защищавшие его мужи, а жены и дети были проданы в рабство. И лишь тогда рухнули стены города. И были перепаханы и посыпаны солью. Чтобы не росла трава. Но посмеет ли расти трава на стенах доблестно погибшего города?!

То не было исключение. Свой Карфаген есть в каждой стране. Ионийский Тир, русский Козельск, испанская Сарагоса. Они славно жили и красиво ушли.

Красивая смерть. Смерть, достойная как человека, так и созданного им города.

Но почему люди оставляют города?

Как оставили Трою, Тиринф или Кносс.

Как оставили Дур-Шаррукин.

Жуткое запустение. Грязь и трупы павших животных. Обваливающиеся под ударами ветра крыши и стены. И забвение. Забвение, которое хуже смерти.

Города переполняются призраками. Смутными слепками былых времен. Полководцы и жрецы, купцы и ремесленники, вереницы пленников, окруженные копейщиками, куртизанки, дети, которым не суждено встретить зрелость. Толпа бестелесых призраков, поющих вразнобой тоскливые песни.

То не ветер, завывающий в узких проулках, то песня призраков, не пожелавших расстаться со своим домом.

Эту песню суждено петь каждому, кто покинет свой дом. И в небо взовьется тоскливое пение городов.

Они поют:

— И ветер гудит в проулках моих покинутых каменных стен.
И солнце скрипит пересохшими балками крыш.
И звуки камней из стен, рухнувших на мостовую.
Города уверяют, что они говорят, движутся, дышат.
Не верь!
Это плач.
Плач оставленных городов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Призрак у кровати. Явление первое

Размышляя всю ночь царь пришел к выводу, что вовсе неразумно ему идти войной на Элладу. Приняв новое решение, Ксеркс заснул. И вот ночью, как рассказывают персы, увидел он такое сновидение. Ксерксу показалось, что пред ним предстал высокого роста благообразный человек и сказал: «Так ты, перс, изменил свое решение и не желаешь идти войной на Элладу, после того, как приказал персам собирать войско? Нехорошо ты поступаешь, меняя свои взгляды, я и не могу простить тебе этого. Каким путем ты решил идти днем, того и держись!

ГЕРОДОТ, «История», 6,12

Что может сделать женщина, если захочет, выяснилось довольно скоро.

Не минуло и трех солнц со дня появления ионянки в царских покоях, а Ксеркс велел Артабану собрать государственный совет. Вельможа удивился подобному желанию царя. За последние годы совет не собирался ни разу, все дела вершил Артабан, естественно, царским именем.

Искушенный в интригах вельможа сразу понял, откуда веет ветер. Тем же вечером он сказал Ксерксу:

— Повелитель, не спорю, она удивительно хороша собой, но нельзя же позволить, чтобы женщина вмешивалась в государственные дела, вершимые умудренными опытом мужами.

Его слова произвели неожиданный эффект. Царь покраснел, что само по себе было удивительно, и, с трудом сдерживая гнев, ответил:

— Артабан, ты стал позволять себе много лишнего. Я, конечно, помню, что в наших жилах течет одна кровь, но всему есть предел. Кресты на рыночной площади еще помнят тепло тел распятых!

Подобным тоном царь не разговаривал с Артабаном никогда. Вельможа не на шутку обеспокоился. Всю ночь он мучительно искал выход из положения, но так ничего и не придумал.

Сразу после царского завтрака, во время которого Ксеркс был необычайно молчалив, во дворец стали прибывать вызванные на совет вельможи. Первыми явились Мардоний, Артафрен и Гидарн — лидеры военной партии. За ними пришел тесть Ксеркса Отан, всегда старавшийся при обсуждении спорных вопросов держаться середины.

Состроив слащаво-вежливую мину, хазарапат встретил вельмож и проводил их в Белую залу, где по традиции заседал госу-

дарственный совет. Не дожидаясь, пока гости рассядутся, он вновь вышел в приемную, где в это время начали собираться его сторонники. Здесь были четыре сына Артабана, братья царя Арсам, Гиперанф, Гаубарува, Ахемен, Гистасп и Ариабигн, а также начальник бессмертных Тимаст. Самым последним появился Мегабиз, сын Зопира. Отведя и этих гостей в Белую залу, Артабан скорым шагом направился в женскую половину дворца.

Его предположения подтвердились. Царь был здесь. Он занимался обычным в последние дни делом — любовался прелестями Таллии, которая расчетливо не обращая внимания на своего поклонника, подкрашивала насмешливые губки. Бросив на девушку неприязненный взгляд, Артабан поклонился.

— Друзья и родственники ждут своего повелителя!

— Сейчас иду, — буркнул Ксеркс, недовольный, что его отрывают от столь приятного занятия.

Артабан стоял на месте. Ксеркс раздраженно обернулся к нему.

— Я же сказал тебе: сейчас приду. Ступай!

— Милый... — Томно протянула Таллия. Она оставила свое занятие и строго смотрела на царя. — Я думаю, тебе надо поспешить. Нехорошо проявлять неуважение к своим верным слугам. Иди, я буду ждать тебя.

Девушка улыбнулась и царь мгновенно расцвел.

— Хорошо, любимая. Тешу себя надеждой, что, возвратясь, получу награду.

— Лети, мой сокол! — ласково велела ионянка и шепотом, для себя добавила:

— Надежда умирает последней. Жирная скотина!

Ни царь, ни Артабан не расслышали этих слов. Едва они вышли, Таллия достала платок и резким движением, словно убирая какую-то гадость, стерла краску с губ.

Тем временем слуги облачали царя в парадные одежды. Сначала они умаслили его нагое тело ароматическими мазями. Затем царь поднял вверх руки и два гиганта-эфиопа опустили на его плечи рубаху из тончайшей льняной ткани. Длинная, почти до пят, она была окрашена драгоценным пурпуром, спереди от шеи до подола шла широкая белая полоса. Оттолкнув слишком усердных слуг, Ксеркс собственноручно натянул алые шаровары, после чего позволил обуть себя в кожаные на толстой подошве сапоги, прибавившие царю добрых два дюйма роста. Поверх нижней рубахи на него одели шитый золотом синий парчовый халат. Запястья охватили рубиновые браслеты, на груди был укреплен массивный золотой диск, символизирующий солнце, голова была покрыта драгоценной тиарой. В довершение всего на царя накинули пурпурный плащ, застегнув его по эллинскому обычаю на шее. Искусный невольник-сириец быстро подкрасил охрой бороду и подвил курчавящийся волос. Нежно касаясь пальцами

царского лица, он наложил на него толстый слой белил, выделил черной краской брови, густо нарумянил щеки.

После всех этих манипуляций Ксеркс стал похож на ярко-раскрашенную разодетую куклу. Тяжело ступая — вес расшитых золотом одеж и украшений давал о себе знать — царь в сопровождении евнухов-телохранителей и Артабана направился в Белую залу.

При его появлении собравшиеся встали и отвесили низкий поклон. При этом руки они прятали в широких рукавах кандия[1], выражая тем самым свою покорность. Царь прошествовал к стоящему посреди залы трону, сплошь выложенному слоновьей костью, и сел. Тотчас же уселись и вельможи.

Уже одно то, как они заняли места, свидетельствовало, что знать разделилась на две группировки. По правую руку от царя сидели противники войны с Элладой, общим числом одиннадцать. Слева разложилась довольно разношерстная компания, где в одном ряду с Мардонием и его единомышленниками очутились Отан и Артабан. Последний, видимо, расположился здесь потому, что отсюда было удобней руководить своими сторонниками.

Испытывая желание поскорее покинуть эту компанию бородатых, злобно глядящих мужей и вернуться к своей прелестнице, Ксеркс начал:

— Арии, я собрал вас здесь, чтобы сообща решить терзающий нас вопрос: идти или не идти походом на Элладу, а если идти — когда. Я уже слышал немало слов в пользу и против этого предложения. Сегодня мы должны определиться окончательно. Твое первое слово, Артабан.

Хазарапат поднялся со скамьи, выказывая свое уважение собравшимся, оправил бороду и сказал:

— Великий царь! Ты уже знаешь мое мнение, как и доводы, которыми я руководствуюсь. Поэтому я буду краток. Нет, нет и нет! Эта война будет началом гибели империи. Если наши доблестные полководцы стремятся проверить силу парсийского оружия, пусть обратят свои взоры на Восток.

— Чтобы ионийцы и материковые эллины ударили нам в спину! — выпалил Мардоний.

— Ионийцы усмирены, а у эллинов не хватит ни средств, ни смелости для серьезной военной операции, — мгновенно отреагировал Артабан. — Я подаю голос против войны.

Вельможа сел. Ксеркс хлопнул в ладоши и велел:

— Пусть выскажутся мои братья!

У царя было десять родных и сводных братьев. Трое из них были в данный момент в опале, один находился в далекой Бактрии, все остальные присутствовали здесь.

Мнения братьев были почти одинаковы.

— Я против войны с эллинами, — сказал Гаубарува, сатрап Сирии, опасавшийся, что в случае войны его владения подвергнутся нападению эллинского флота.

— Нет, — в один голос сказали Ахемен и одноглазый Ариабигн.

— Сакские племена не хотят войны. — Таков был ответ Гистаспа.

Уважаемый за острый ум и храбрость, Масист также высказался против похода.

Лишь Гиперанф, всегда тонко чувствовавший перемену настроения царя, был уклончив.

— Повелитель знает, что я выступал против этой войны. Но в последнее время я много размышлял по этому поводу. Эллины год от года становятся все нахальнее. Их торговые корабли бороздят моря, нанося ущерб финикиянам и угрожая благосостоянию Парсы. Каждый эллинский полис обзавелся собственным военным флотом, причем эскадры афинян достигают двухсот триер, а эгинцев — ста двадцати. Это уже прямой вызов могуществу империи. Поэтому я склонен считать, что война против Эллады неизбежна. Вопрос лишь о сроках. Спешка здесь совершенно ни к чему. Нужно готовиться к вторжению тщательно, собрав большое войско и наведя мосты через проливы, и ни в коем случае не пускаться в рискованные морские авантюры, которые, как мы уже имели возможность убедиться, нередко заканчиваются, плачевно. Я за поход, если он будет угоден великому царю.

Гиперанф сел на свое место. Братья-царевичи возмущенно смотрели на отступника.

— Я удивлен твоими словами, Гиперанф! — воскликнул царь. — Хотя не могу не признать, что нашел в них немало здравого. А теперь пусть скажет свое слово храбрый Мардоний.

— Царь! — Зычный голос Мардония заполнил залу. — Я уже неоднократно сталкивался с эллинами на поле брани и имею право утверждать, что этому народу уготована великая судьба, судьба завоевателей. Если Восток не поглотит Элладу сейчас, спустя столетие Запад в лице Эллады поглотит Парсу. Поэтому мы должны спешить нанести удар первыми. И чем раньше мы выступим на Элладу, тем быстрее она падет к ногам царя. Если же мы отложим поход, как предлагает высокочтимый Гиперанф, на неопределенный срок, эллины успеют собрать силы для отпора. Вчера в мой дом прибыл гость из златовратых фив. Он поведал мне, что день и ночь стучат топоры на верфях Аттики и Пелопоннеса, и не гаснет огонь в горнах оружейников. Эллины готовятся к войне против Парсы. Пройдет год или два, и нам придется иметь дело с огромным флотом и единой, хорошо вооруженной армией. Сейчас же полисы погрязли в раздорах между собой. Многие из них поддержат парсийское войско лишь ради того, чтобы ослабить Афины и Спарту. Сейчас или никогда!

— В тебе говорят гордость и корысть, Мардоний! — не сдержавшись, закричал Артабан. — Ты спишь и видишь себя сатрапом Эллады. Отправляйся в этот поход один. Царь позволит тебе

набрать войско. Но оставь в заложники своих сыновей, а я оставлю своих. Если поход будет удачен, пусть падут головы моих сынов, если же он закончится провалом, пусть умрут твои чада!

Сыновья Артабана, которым не улыбалась перспектива сложить свои головы на плахе, переглянулись. Ксеркс поспешил успокоить разгорячившегося вельможу.

— К чему такие крайности, Артабан! Мардоний лишь высказал свою точку зрения. Я не разрешу ему отправиться в поход одному с небольшим войском. Слишком памятна судьба армии Датиса и Артафрена. Кстати, что скажет Артафрен.

— Война! — крикнул Артафрен, сын того самого Артафрена, чье войско потерпело поражение под Марафоном. — Я жажду смыть эллинской кровью невольный позор моего отца!

— Молодец! — похвалил царь. — Гидарн?

— Я за поход.

— Мегабиз, сын благородного Зопира?

— Я готов пожертвовать собой, чтобы сокрушить Элладу, как мой отец некогда изуродовал свое лицо ради покорения Вавилона.

Царь протестующе махнул рукой.

— В этом нет нужды. Что скажут сыновья Артабана?

Ради того, чтобы обеспечить своей партии подавляющее большинство на государственном совете, Артабан не гнушался никакими методами. Именно поэтому в Белой зале оказались четыре его сына и лишь опасение вызвать гнев царя помешало пригласить сюда всех восьмерых.

Сыновья Артабана были немногословны.

— Нет! — Так ответили Ариомард, Артифий, Тритантехм и воевода покоренных фракийцев Вассак.

Против похода проголосовал и осторожный Отан.

Хазарапат удовлетворенно потер руки, быстро прикинув соотношение голосов. Двенадцать участников совещания высказались против похода и лишь пять — за. Примерно так он и рассчитывал, хотя внутренне волновался — мало ли что придет в голову сумасбродным братьям царя. Чтобы обеспечить их поддержку, Артабан щедро одаривал царевичей золотом и дорогими безделушками. За счет царской сокровищницы, естественно.

После того как прозвучало последнее «нет» начальника бессмертных Тимаста, в зале установилась тишина. Какое-то время царь размышлял. Или делал вид, что размышляет. Вельможи затаили дыхание, ожидая какое решение он примет. Наконец Ксеркс поднялся из своего кресла, ударил драгоценным посохом о мрамор пола и провозгласил:

— Я выслушал ваши мудрые речи и принял решение. Я говорю — нет!

Тишину прорвало бурей противоречивых чувств. Братья царя встретили его слова дружными рукоплесканиями, Артабан побе-

доносно улыбнулся, сторонники войны исподлобья взирали на Мардония.

Ксеркс поднял руку, восстанавливая спокойствие.

— Я говорю нет тем, кто выступает против войны. Завтра же подготовить указы о созыве войска и отправить послов к эллинам. Я все сказал!

Не обращая более внимания на ошеломленные таким развитием событий советников, царь покинул Белую залу.

Любовь порой способна изменить ход истории!

* * *

Любовь победила, но Артабан был не из тех, кто смиряется перед поражением. Иначе он никогда бы не стал хазарапатом. Существовало множество способов заставить царя переменить свое решение. Артабан начал с уговоров.

Всеми правдами и неправдами он отрывал Ксеркса от покорившей царское сердце ионянки, упрашивая его отказаться от похода на Элладу. Сначала он убеждал царя сам, потом этим занялись спешно возвратившиеся во дворец царевичи Гаубарува и Гистасп, которые не побоялись прибегнуть к угрозам.

Одновременно Артабан спешно наводил справки о Таллии. Вскоре ему удалось выяснить, откуда она взялась. Подвергнутый жестокой порке Кобос признался, что за большую мзду, полученную от Мардония, провел девушку в царские покои. Да смерти запуганный евнух послушно повторил свое признание приведенному Артабаном царю. Не давая Ксерксу опомниться, вельможа пал на колени и обхватил его царственные ноги.

— Государь! В Парсе зреет заговор! Милости прошу!

— О чем ты? — спросил весьма ошарашенный происходящим Ксеркс.

— Злостный заговор против великого царя и его верного слуги. Мардоний и его друзья замышляют неслыханное злодейство. Мне донесли, что Мардоний подбил спартанца Демарата убить меня. Затем они попытаются свергнуть великого царя и посадить на его место одного из царских родственников.

— Чепуха, — не очень уверенно пробормотал Ксеркс. — Кто может претендовать на мой престол?

— Тот, кто согласится стать послушной игрушкой в руках заговорщиков. Например, Гиперанф. Завтра во время придворного бала заговорщики попытаются расправиться со мной.

— Так я приказываю арестовать их. Немедленно!

Артабан всплеснул руками.

— Ни в коем случае, государь! Как я тогда смогу доказать правоту своих слов? Прошу лишь об одном. Повелите, чтобы гости явились на бал без оружия. Те, кто осмелятся нарушить царскую волю, и будут заговорщики.

— Хорошо, я повелеваю. Доведи мою волю до ушей подданных, — пробормотал Ксеркс и внезапно добавил:

— А насчет похода, думаю, ты прав. Это все происки Мардония и его вояк. Любовь ослепила меня...

— Что сделать с девушкой? Бросить в подземелье?

— Нет, пока не трогай. Приставь к ней двух евнухов. Пусть не спускают с пленницы глаз!

Не мешкая ни мгновения, Артабан стал сыпать распоряжениями. Были задержаны гонцы, собиравшиеся отправиться в сатрапии с царским указом о сборе войска против эллинов. Вместо этого другие вестники отправились во дворцы вельмож, провозглашая:

— Великий царь повелевает явиться на бал без пожалованной тебе сабли и без поясного ножа.

Но Артабан не успокоился на этом. Ему требовалось форсировать события, заставить заговорщиков все же совершить попытку покушения именно завтра, иначе царь мог бы разувериться в услышанном. Через сеть подчиненных ему агентов хазарапат распространил слухи, что собирается обвинить Мардония и его сторонников в государственной измене и арестовать их.

Спустя какое-то время соглядатаи, следившие за домом опального вельможи, доложили, что из него вышли несколько слуг, направившиеся к виллам Мегабиза, Гидарна, Артафрена и спартанца Демарата. Сам Мардоний, оседлав вороного жеребца, помчался в загородное поместье Гиперанфа.

Доверенный помощник Артабана эллин-сикофант[1] Треофил схватил одного из посланцев. При нем оказалось письмо Мардония, текст которого гласил:

«Обстановка осложняется. Жду у себя на закате солнца».

Велев Треофилу отправить письмо по адресу, Артабан связался с магом Фулром. Едва тот прибыл во дворец, вельможа без всяких обиняков бросил:

— Мне нужна помощь твоего демона.

Демону поручалось проникнуть в дом Мардония и подслушать о чем будут говорить заговорщики.

Канцелярия хазарапата стала похожа на потревоженный улей. Туда-обратно сновали гонцы, прибегали с донесениями неприметные соглядатаи, суетились писцы и чиновники. Бессмертные, число которых было удвоено, бесстрастно взирали на этот бедлам.

Царь, поверивший в реальность заговора, беспрестанно требовал хазарапата к себе. Тот докладывал Ксерксу о происходящем. В послании Мардония царь не усмотрел никакой крамолы, а вот тот факт, что вельможа отправился к хитрецу Гиперанфу, разгневал царя. Он вновь попытался отдать приказ арестовать брата, Артабану с трудом удалось отговорить владыку от этой затеи.

— Завтра, великий царь! Завтра!

Явившись в очередной раз, Артабан провозгласил:

— Началось!

Вошедший следом бессмертный бросил на пол труп собаки. Это был один из псов, что пробовали царскую пищу, охраняя повелителя Парсы от отравителей.

— Околела, съев кусок медового пирога.

Чувствуя как на спине выступает холодный пот Ксеркс заорал:

— Арестовать! Казнить поваров! Казнить всех! Всех!

Не без труда утихомирив царя, Артабан продолжил свою хитрую игру. Подкрепляясь время от времени бокалом вина он плел паутину, в которой должны будут запутаться заговорщики.

То была на совесть сплетенная паутина!

* * *

Постукивая древком копья по каменному полу бессмертный совершал обход вверенного ему поста. Его звали Дитрав, а происходил он из знатного арийского рода, владевшего землями в Мидии и близ Гирканского моря. Именно эти два обстоятельства позволяли ему мерно шагать близ царских покоев.

Весь день во дворце творилось что-то невообразимое. Утром пронеслась весть о предстоящем походе на Элладу. Бессмертные, как и положено воинам, приветствовали ее радостными криками. Однако после полудня стали поговаривать о том, что царь недоволен Мардонием и, более того, подозревает его в дурных замыслах. Дворец наводнили шпионы Артабана. По приказу Тимаста в город были введены еще три полка бессмертных. Гистисп привел ко дворцу отряд сакских лучников.

Запахло кровавой междоусобицей, подобной той, что случилась много лет назад в самом начале правления царя Дария, когда маг Смердис захватил царский престол. Дарий и шестеро его сподвижников расправились с магом, положив начало многолетней смуте, едва не приведшей Парсу к гибели.

Упаси, Ахурамазда, от новой напасти!

Размышляя, но при этом не забывая посматривать по сторонам, воин дошел до конца коридора и повернул обратно. В длинных, отделанных шелком и бархатом залах было совершенно безлюдно. Дитрав оправил висевшую на поясе саблю с украшенной бирюзой рукоятью, сладко зевнул и подумал, что неплохо бы сейчас вместо того, чтобы торчать на этом, пусть почетном, посту провести ночку с горячей лидийской девкой, собирающей серебро себе на приданое. Дитрав подозревал, что упоминание о приданом было не более, как благовидным предлогом для распутства. В постели лидийки были чертовски хороши, их тела вытворяли такое, что не смогла бы проделать и дикая кошка. Воина даже передернуло от сладких воспоминаний. В прошлый раз ему попалась ядреная девка с такими бедрами...

Вообразить размер бедер Дитрав не успел. Из царских покоев донесся дикий крик. Кричать мог лишь царь, он против обыкновения в эту ночь спал один. Схватив копье наперевес бессмерт-

ный бросился на зов своего повелителя. Он не был одинок в своем порыве. Прочие бессмертные, охранявшие внутренние покои, оставили свои посты и также спешили на помощь.

Дмитрав первым подоспел к отделанной серебром двери. Он ухватился за ручку и потянул створку на себя, но в этот момент кто-то огромный и совершенно белый сбил его с ног. Сплетясь в клубок воин и напавший на него покатились по полу. Дитрав что есть сил молотил своего врага кулаками в живот и грудь. Тот отбивался и орал.

Наконец подоспела подмога. Бессмертные не без труда оторвали Дитрава от его противника. Воин взглянул на него и стал белее горного снега. Перед ним стоял сам царь Ксеркс — помятый, в разорванной ночной рубашке, с расквашенной физиономией.

«Я пропал» — обреченно подумал Дитрав, отчетливо представляя себе как его обезглавленное тело болтается в петле на рыночной площади. Однако царю было не до Дитрава. Он ошалело переводил взгляд с одного бессмертного на другого и повторял:

— Призрак! Призрак!

Прибежал полуодетый Артабан. Ругаясь, он разогнал растерявшихся охранников и повел царя назад в покои. Ксеркс слегка упирался и хазарапат не задумываясь, применил силу, взяв царя словно ребенка под правую руку. Так вышло, что по другую руку от перепуганного повелителя оказался Дитрав.

Едва они очутились во внутренних покоях, Артабан сразу усадил Ксеркса на кровать и дернул за шнурок сигнального колокольчика. Вбежавшему слуге он коротко бросил:

— Вина и моего лекаря! Скажи ему пусть захватит черный сундучок. Да, и вели принести побольше свечей.

Слуга моментально испарился. Вельможа и воин посмотрели друг на друга, затем на бормочущего несуразицу царя.

В покоях горели всего две свечи, но даже при их тусклом свете было видно как сильно напуган Ксеркс. Сквозь смуглую кожу лица пробивалась мертвенная бледность, руки мелко дрожали.

— Что с ним? — спросил Артабан.

Воин недоумевающе повел плечами.

— Не знаю.

— Призрак! Призрак! — вновь забормотал Ксеркс.

— Успокойся! — грубо одернул царя Артабан. — Нет здесь никакого призрака! Сейчас тебе будет легче.

В этот момент Хазарапат обратил внимание на синяки и ссадины, густо покрывающие лицо и руки царя.

— Кто его так? Призрак?

— Нет. — Дитрав помялся и коротко поведал о том, как царь налетел на него в коридоре, как Дитрав принял его за злоумышленника и как они катались по полу, угощая друг друга тумаками.

Вельможа не смог удержаться от улыбки. Затем посерьезнел.

— Должно быть, его что-то здорово испугало, если он ухитрился оторвать тебе рукав.

Бессмертный бросил взгляд на правое плечо, куда указывал Артабан. Действительно, прикрепленный медными кольцами к нагрудному доспеху рукав из мелких металлических чешуек, нашитых прямо на ткань халата, был почти совершенно оторван, держась лишь на паре звеньев.

В этот момент появились слуги с шандалами в руках. Расставив свечи, они быстро удалились. Дитрав хотел уйти вместе с ними, но Артабан велел ему остаться. Вслед за слугами прибежал лекарь. В одной руке он держал небольшой стальной сундучок, в другой — поднос, на котором стояли кувшин вина и бокал.

Приняв из его рук поднос, вельможа плеснул в бокал вина и отпил. Лишь после этого он протянул бокал царю.

— Выпей.

Тот замычал и замотал головой.

— Пей, тебе говорят!

Артабан почти силком влил вино в глотку царя. Затем он велел лекарю:

— Гейр, сделай ему золотой элексир.

Лекарь молча кивнул. Открыв сундучок, он извлек из него два небольших узелка. В одном из них оказалось комкообразное серое вещество, в другом — желтоватая пыль. Артабан пояснил воину, который с некоторым подозрением следил за действиями лекаря:

— То, что серого цвета, — хаома, нектар Ахурамазды, дарящий бессмертие, желтое — нектар мака. Он вносит в душу успокоение.

Бросив по щепотке каждого вещества в бокал с вином, Гейр отдал его своему господину. Тот поднес вино к губам царя и ласково уговаривал его, пока царь не выпил бокал до дна.

— Сейчас он успокоится, — сказал Артабан, ставя опустевший бокал на поднос. — Гейр, ты можешь идти.

На лице любопытного лекаря появилась тень неудовольствия, однако он не осмелился ослушаться и, поклонившись, вышел. Как только за ним закрылась дверь, Артабан налил бокал вина и залпом осушил его.

— Ужасная ночь! Как и прошедший день, — пожаловался он воину. Подумав Хазарапат налил еще один бокал и протянул его Дитраву.

— Как я смею, — смутился бессмертный.

— Пей! Скромность не всегда похвальна.

Воин повиновался.

— Молодец! — похвалил вельможа.

В этот момент царь, впавший после выпитого лекарства в сладкое забытье, приоткрыл глаза.

— Артабан, — жалобно простонал он.

— Я здесь, мой повелитель.

— А это кто?

Царь с подозрением оглядел Дитрава, заставив того затрястись от страха.

— Это твой спаситель, государь. А теперь поведай мне, что за призрак покусился на твою священную особу?

— Призрак? — пролепетал Ксеркс. В его голосе больше не слышалось прежнего ужаса, лекарство начало оказывать свое воздействие. Размеренно, словно в гипнотическом трансе, царь стал говорить.

— После того как мы с тобой обговорили, что следует сделать с заговорщиками, я отправился к себе в опочивальню. Женщины в эту ночь не интересовали меня, так как в сердце поселилась печаль по злокозненной, но столь прекрасной Таллии. Слуги умастили мое тело и облачили его в ночную рубашку. Затем они оставили меня. Я уснул. Не знаю, как долго продолжался мой сон, но проснулся я от легкого дуновения ветерка, точно кто-то открыл окно.

— Двадцать локтей над землей и двадцать стражников на земле. В окно невозможно залезть, — скороговоркой пробормотал Артабан.

Не обратив никакого внимания на реплику хазарапата, царь продолжал:

— Я открыл глаза. Мерцали свечи. Окно было закрыто. Как и дверь. Но я ощущал чье-то присутствие. Я хотел крикнуть стражу, но в этот миг он предстал передо мной. Это был огромный, огромный человек, облаченный в черный халат и такого же цвета плащ. Лицо его было скрыто маской, выражение которой было пределом безумной жестокости. Не раскрывая рта, ночной гость сказал мне, я помню его речь дословно: «Дерьмовый царек, я слышал, ты опять пытаешься отменить поход на Элладу. Запомни, если завтра же ты не отдашь повеление собирать войско, я приду вновь и отрежу твои свиные яйца». Свиные яйца. Причем здесь свиные яйца? — Ксеркс посмотрел на Артабана, словно сам удивляясь своим словам. — Затем его фигура вспыхнула и растворилась в столбе пламени.

Царь замолк, полусонно оглядел своих слушателей. Артабан прошелся по опочивальне, пристально вглядываясь в пол. Затем он подошел к Дитраву и шепнул:

— Все ясно. Царь переутомился. Здесь нет и следов пламени. Кроме того, ни один человек не смог бы проскользнуть мимо стражи. Так? Ведь вы не спали?

— Стража бодрствовала! — так же шепотом отчеканил бессмертный.

— Верю. Значит царю все пригрезилось. У него был очень трудный день. А значит, все надо забыть...

— А я ничего не видел, — мгновенно смекнув, куда клонит Артабан, сказал Дитрав.

— Молодец! Тебя зовут Дитрав? Я знавал твоего отца. По-

моему, из тебя мог бы получиться неплохой сотник бессмертных...

Не слушая благодарностей, слетающих с губ Дитрава, Артабан продолжал:

— Об этом надо забыть и царю. Налей вина!

Свежеиспеченный сотник повиновался и протянул бокал Артабану. Тот бросил в вино щепотку темно-красного порошка.

— Это пыльца лотоса. Она порождает сказочные сны, которые при пробуждении тут же забываются. Наутро царь совершенно не будет помнить, что случилось с ним ночью. Пей, повелитель!

Дитрав уловил в голосе вельможи иронию, смешанную с презрением.

Ксеркс послушно выпил. Руки его бессильно опустились, роняя зазвеневший бокал, и царь повалился на постель. Артабан закинул его ноги на перину, небрежно накинул сверху простыню.

— Пойдем отсюда.

Забрав недопитое вино и шандалы со свечами, они покинули царскую опочивальню. На лестнице, что вела в покои Артабана, хазарапат сказал Дитраву:

— Сейчас ты объявишь сотнику Куррану, что я назначаю тебя на его место. Сам он получит полк в Бактрии. Туда же, на восток должны отправиться все те, кто дежурил ночью в царских покоях. Кочевники вновь подняли голову и я думаю твои бывшие друзья не проживут слишком долго. Ты должен проследить лично, чтобы они отбыли из Парсы еще на рассвете. Я не хочу, чтобы по городу поползли слухи о сумасшествии царя.

— Все будет исполнено в точности! — Сотник поклонился.

— Значит, призрак! — хмыкнул Артабан. И задумчиво тронул пальцами губы. — Здесь можно было бы просто посмеяться над одуревшим от подозрительности царем, но я слышал о некоем существе, которое любит черные одежды и прячет свой лик под ужасной маской.

— Кто это? — чувствуя как холодеет сердце, спросил Дитрав.

— Бог тьмы Ариман!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Какой был бал!

После этих слов призрак, как показалось Ксерксу, улетел. На следующий день Ксеркс не придал никакого значения сну и, вновь созвав совет тех же персидских вельмож, сказал так: «Персы! Простите меня за внезапную перемену решения! Еще нет у меня зрелой мудрости, и люди, побуждающие начать войну, никогда не оставляют меня одного. Так, когда я услышал мнение Артабана, тотчас вскипела моя юношеская кровь и я нечаянно высказал старшему недостойные слова. Ныне же я должен признаться, что был не прав, и решил последовать его совету. Итак, я раздумал идти войной на Элладу, и вы можете спокойно оставаться дома».

ГЕРОДОТ, «История», 6, 13

Бросив поводья подбежавшему слуге, Мардоний ловко спрыгнул с коня и, чуть прихрамывая, направился по мощеной розовым туфом дороге, что вела в ападану — гигантский зал для официальных приемов, равного которому не было во всем обитаемом мире.

Шагал он неторопливо, пристально разглядывая стоявших вдоль дороги бессмертных, которых было много больше, чем обычно. Похоже, в этот день для охраны был привлечен не только весь первый полк, что само по себе было из ряда вон выходящим — обычно дежурили пять сотен, — но и дополнительные отряды. Въезжая на платформу, вельможа успел заметить у ее подножия кочевников-саков, чьи луки не уступали в меткости скифским. На городских улицах ему повстречались отряды мидян, вооруженных дротиками лидийцев, а даже черных, словно жирная грязь, эфиопов, облаченных в барсовые и львиные шкуры.

Все это воинство было введено в город ночью. Подобное обстоятельство не могло не тревожить Мардония, который, хотя и знал, что большая часть планов заговорщиков известна Артабану, но не думал, что тот предпримет столь решительные меры.

Накануне вечером он все же сумел встретиться с единомышленниками и обсудить, что им следует предпринять. Чары Таллии по каким-то причинам перестали действовать на царя. Мардоний подозревал, что здесь не обошлось без колдовских травок Артабана. В итоге хазарапат и царевичи убедили Ксеркса отменить свое решение о походе на Элладу. Мало того, шпионы донесли вельможе, что Артабан собирается представить царю заговор как попытку посадить на парсийский престол Мардония.

О том, чтобы пробиться к Ксерксу с объяснениями, не могло идти речи. Брат царя Гипераnф сообщил, что Артабан не допускает в покои царя никого, кроме самых верных своих сторонников, и что бессмертные получили приказ встретить стрелами любого, кто попытается проникнуть во дворец без ведома хазарапата. Гипераnф посоветовал Мардонию покаяться перед Артабаном и отказаться от своих планов.

Но Мардоний был не из тех, кто кается. Ругаясь из-за потерянного понапрасну времени, он уже в темноте вернулся в свой дворец. Гидарн, Мегабиз и Демарат ждали его. Гидарн привел с собой нескольких верных людей, которые дали согласие участвовать в нападении на Артабана. Не было лишь Артафрена, который, по мнению Мегабиза, струсил и решил отсидеться.

По городу уже шла ночная стража, когда внезапно появился маг Заратустра.

— Где же ты был днем! — упрекнул его Мардоний.

— У меня были дела в Ариане, — невозмутимо ответил маг.

Они расположились в глухой, без единого окна комнате. Таким образом Мардоний думал обезопаситься от возможных соглядатаев. Дождавшись, когда гости устроятся в мягких креслах, Мардоний начал было говорить. Внезапно поднялся невообразимый шум. Какие-то почти невидимые, чуть пульсирующие существа устроили под потолком комнаты потасовку. Их дикий визг и вопли привели собравшихся в сильное волнение, лишь Заратустра оставался спокоен. Глядя на него успокоились и другие. Какафония неестественных звуков закончилась также неожиданно, как и началась. Лишь теперь Заратустра счел нужным дать объяснение. Почесывая подозрительно красный нос, он сказал:

— В твой дом, Мардоний, проник враждебный нам демон, посланный, очевидно, Артабаном. Духи-язаты, служащие Ахурамазде, скрутили его. Теперь можно говорить спокойно. Нас никто не подслушает.

Мардоний благодарно кивнул головой.

— Артабан сумел переубедить царя Ксеркса и тот отменил свое повеление относительно похода на Элладу, — сказал Мардоний, адресуясь главным образом к Заратустре, так как другие были в курсе событий.

— Значит ионянка оказалась не столь уж сильным оружием, как полагал ты? — спросил маг.

— Проклятый хазарапат одурил царя каким-то зельем. Я не знаю мужчины, который смог бы устоять перед ее красотой.

— Тем не менее, — заметил Заратустра.

— Кроме этого, — продолжал Мардоний, — он каким-то образом узнал о наших планах относительно его собственной персоны. Он убедил царя, что мы намереваемся осуществить дворцовый переворот и настаивает на нашем аресте.

— Да, кстати, дом окружен. По дороге сюда я несколько раз

натыкался на вооруженных воинов. К счастью, они оказались слишком беспечны. Значит нам остается лишь один выход — расправиться с Артабаном. Люди готовы?

— Да. Трое из них находятся сейчас в моем доме. Их возглавит Демарат.

— Спартанцу я верю, — заметил Заратустра.

Демарат, чувствовавший некую неловкость из-за того, что не поприветствовал мага накануне во дворце, кивком головы поблагодарил его.

— Если эта попытка не удастся, — медленно промолвил маг, — у меня есть еще одна возможность убедить Артабана. Последняя возможность. В этом случае немедленно оставьте мысль убить его.

— А как мы узнаем, что он стал относиться к нам более благосклонно? — с иронией спросил Демарат.

— Он соберет вас и скажет: в этом году удивительно теплые ночи.

На этом заговорщики и расстались...

Мардоний продолжал неторопливо идти по розовой дорожке. Его обгоняли спешащие на бал вельможи. Кое-кто вежливо раскланивался с ним, другие, уже успевшие прослышать о грядущей опале военачальника, поспешно отворачивали голову.

Через поражающие своей грандиозностью Всемирные ворота Мардоний попал в тень ападаны. Огромная зала была уже заполнена гостями, которых собралось здесь не менее двух-трех тысяч. Наряду с приглашенными во дворец вельможами по зале сновало множество слуг, разносивших на подносах сладости и вино. Кое-где у колонн виднелись караулы бессмертных.

Грани гигантского усеченного куба, который представляла собой ападана, казалось источали роскошь. Пол залы был покрыт драгоценным салатовым мрамором, доставленным за четыреста парасангов с гор Арахозии, каменные стены обшиты деревом и окрашены растворенным серебром. Четыре двери ападаны, обращенные на стороны света, были обиты золотыми листами, на которых искусные мастера-индийцы вычеканили сцены охоты, войн и дворцовых развлечений. Семьдесят две беломраморные колонны поддерживали крышу, покрытую золоченой черепицей; на нее можно было попасть по восьми лестницам, выкрашенным красной, синей, золотистой и лазоревой краской.

Дворцовые балы в Парсе не имели ничего общего с подобными мероприятиями в Версале, Вене или Париже многие столетия спустя. То было другое время и другие нравы. Дворцовый бал в Парсе был своего рода политической конференцией, на которой вельможи выслушивали повеления своего царя, обменивались мнениями, завязывали полезные знакомства. Помимо этого были и развлечения. Гостей забавляли игрой на флейтах и трубах, ионийские танцовщицы исполняли перед ними воспаляющие

страсть танцы. Они единственные из женщин имели право находиться в изысканном мужском обществе, поглощая сладости, наваленные на круглых столиках и ощущая на себе воделенные взгляды мужчин. Женам и дочерям вельмож не было места на этом празднике. Для ария женщина — существо второго сорта, стоящее ниже благородной собаки. Как можно допустить, чтобы нечистая скудоумная тварь оскверняла своим присутствием место, где собрались достойные мужи.

Раскланиваясь с вельможами, Мардоний прошелся по зале. Перед ним почтительно расступались — большинство придворных сторонились его словно чумного. Но вот один из них двинулся прямо навстречу. То был Артабан.

Окружающие, затаив дыхание, смотрели, как произойдет встреча двух заклятых врагов, один из которых был близок к тому, чтобы повергнуть другого. Но вопреки их ожиданиям все вышло довольно мирно, можно сказать — пристойно.

Артабан первый поклонился Мардонию. Тот немедленно вернул хазарапату поклон. Сойдясь, они поцеловали друг друга в губы и пошли по зале, негромко переговариваясь. С их лиц не сходила вежливая улыбка. Глядя со стороны, можно было предположить, что встретились два хороших друга. А меж тем разговор был отнюдь не дружеский. Так говорит собака с загнанной в угол лисицей, не подозревая, что за ее спиной стоит разъяренный медведь, тень которого видит рыжая плутовка.

— Как поживает почтенный Мардоний? — приторно улыбаясь, спросил хазарапат.

— Благодарю. Хорошо. А как здоровье высокородного Артабана?

— Лучше чем когда-либо. Хорошо ли почтенный Мардоний провел ночь?

— Ужасно. Около полуночи в моей опочивальне стал выть какой-то демон. Лишь молитва сияющему Ахурамазде смогла избавить меня от его присутствия.

— А как здоровье благородных Мегабиза и Гидарна?

— Великолепно. Вчера вечером мы весело провели время, опустошив немало кувшинов с вином.

— Вот как! Вы пили вино?

— Да. И веселились.

— Веселиться всегда хорошо. А как поживает храбрый Демарат?

— Боюсь, он не сможет прийти на бал. У него страшно разболелась голова.

— Как жаль! Но верно он все же передумал. Мои люди донесли, что видели его в сопровождении еще нескольких человек неподалеку от ападаны. И представь себе, почтенный Мардоний, они все облачены в теплые длинные плащи, под которыми так удобно спрятать меч. И это в такой жаркий день. Уж не хотят ли они, почтенный Мардоний, нарушить царский указ?

— Не думаю. Скорей всего спартанец, чья родина лежит на севере, еще не привык к нашим теплым веснам.

— Не привык за десять лет?

— А что в этом удивительного! Спартанцы отличаются мужеством, но не сообразительностью. Высокородный Артабан, я слышал, ты увлекся ночными конными прогулками?

— О чем ты?

— Ночь. Степь. Сияние звезд... Я имею в виду твою поездку к Козьему ручью. Полагаю, скоро весь город узнает сколь романтична душа у высокочтимого хазарапата.

— Но раньше великий царь услышит пересказ разговора почтенного Мардония и спартанца Демарата во дворе храма Ахурамазды.

Враги посмотрели друг на друга и ласково улыбнулись. Они стоили один другого, и в иной ситуации трудно было предсказать, кто одержит верх. Но сейчас сила была на стороне Артабана. Тысячи вооруженных воинов по первому призыву были готовы поспешить ему на помощь.

С трудом скрывая ненависть Мардоний распрощался с ликующим противником. Необходимо было как-то предупредить Демарата, который был на крючке у дворцовой охранки, но Мардоний не видел способа как это сделать. Двенадцать отборных телохранителей хазарапата следили за каждым его шагом.

Утолив свое тщеславие над фактически поверженным врагом, Артабан решил перейти к выполнению своих должностных функций. С помощью бессмертных, которые бесцеремонно расталкивали всех оказавшихся на их пути, хазарапат пробился к находившемуся посреди залы возвышению из серого гранита, влез на него и поднял руку, призывая к вниманию.

Постепенно в зале установилась тишина, и Артабан начал говорить.

— Сиятельные вельможи, великий царь, царь царей, царь двадцати трех провинций богоравный Ксеркс собрал вас здесь, чтобы возвестить свою волю. Во имя Ахурамазды, Митры и прочих светлых демонов, по воле царя поход на Элладу отменяется. Парсы, мидяне и прочие народы империи могут спокойно трудиться во благо царя и свое собственное. Они не понесут лишних расходов и не сложат бесцельно головы на поле брани. Так возблагодарим же царя за оказанную ему милость!

Собравшиеся дружно пали на колени, восклицая:

— Да славится премудрый царь!

Большинство из них были искренне рады такому решению, так как вовсе не жаждали покидать свои уютные жилища ради завоевания ненужной им Эллады. Выждав положенные церемониалом мгновения, Артабан поднялся с колен, подавая прочим пример сделать то же самое.

Едва затих шорох оправляемой одежды, хазарапат продолжил:

— Другое повеление великого царя касается внутренних дел империи. Нам стало известно, что группа злоумышленников намеревается совершить государственный переворот и нанести многие беды державе. Дабы не допустить этого, великий царь повелевает арестовать и заключить в дворцовую тюрьму следующих сановников: Гиперанфа, сына Дария, царского родственника, Мардония, сына Гаубарувы, Могабиза, сына Зопира, спартанца-эвергета Демарата.

Следовавшие за Мардонием телохранители хазарапата стали приближаться к нему. Вельможа бессильно опустил руки, сожалея, что при нем нет меча, который избавил бы его от позорной смерти. Зажатые в руках стражей копья окружили его сверкающим кольцом. Глубоко вздохнув, Мардоний приготовился броситься на длинный, почти в локоть длиной стальной наконечник, но в это мгновение прямо над его ухом пропела стрела и один из бессмертных замертво рухнул на землю.

И тут же раздался дикий крик:

— Кочевники!

* * *

Их было пятеро. Пятеро решительных смуглолицых парней в разношерстной одежде. Они были родом с далеких Гирканских гор и плохо говорили по-парсийски. Так, по крайней мере, сказал спартиату Мардоний перед тем, как наделить заговорщиков синими плащами, подобными тем, что носят дворцовые слуги. Широкие кривые ножи, которые должны были вонзиться в Артабана, отлично спрятались под этими плащами. Сам Демарат не захотел в этот день облачаться в парсийскую одежду. Сегодня ему возможно предстояло умереть, и он хотел умереть эллином. Именно поэтому он надел пурпурный царский хитон, а поверх — длинный ниматион, скрывший легкий панцырь и короткий меч с клювообразной рукоятью.

Демарат посчитал, что будет лучше, если они проберутся ко дворцу по одному, и назначил место сбора у харчевни коротышки Клопа. Преодолев выставленные на улицах посты, в назначенный час явились четверо. Пятого или схватили, или он испугался. Демарат решил не ждать его и решительно повел свой отряд к царской лестнице. Все вельможи отправлялись на бал в сопровождении слуг, но число их не должно было быть более двух. У спартиата их оказалось четверо. В том случае, если стража придерется к этому обстоятельству, Демарат намеревался оставить двоих помощников у платформы. Однако командовавший бессмертными сотник лишь скользнул по спутникам Демарата ленивым взглядом и тут же отвернулся.

Спартиат не обольщался этой удачей. Он видел, что крутящиеся повсюду шпики с деланным безразличием отводят взоры от их явно бросающейся в глаза группки. От его внимания не укрылось и то, что как только они взобрались на плат-

форму, царскую лестницу тут же блокировал отряд лучников.

Им дали сделать лишь несколько шагов. Внезапно шедшие впереди люди разбежались в разные стороны и перед заговорщиками выросла стена закованных в железные панцыри секироносцев. То был отряд личной гвардии Артабана. Огромные, словно горы, воины столь гордились своей непобедимой мощью, что прозвали себя железными дэвами. В руках они держали длинные топоры с двумя лезвиями. Капитан дэвов сделал шаг вперед и крикнул:

— Спартанец Демарат и прочие изменники! Предлагаю вам добровольно сложить оружие и сдаться на милость хазарапата.

Горцы затравленно посмотрели на Демарата. Тот обернулся, ища путь к бегству. Но сзади уже выросла стена копий бессмертных. Оставалось лишь два выхода и оба не из приятных — или умереть, или сдаться. Последнее тоже означало смерть, так как царь Ксеркс был не из тех правителей, кто оставляет жизнь посягнувшим на его собственную.

Если смерть, то на щите! Спартиат сорвал с себя гиматион и выхватил верный меч-ксифос, выпустивший кишки не одному десятку врагов. Горцы не очень решительно, но все же последовали его примеру.

— Вперед! — скомандовал капитан.

Закованные в броню воины подняли над головою грозные секиры и двинулись на заговорщиков. Бессмертные так же сделали шаг. Две стены медленно сближались, грозя раздавить горстку заговорщиков.

И в это мгновение сзади послышался дикий вой, перекрывший лязг оружия. Спартиат стремительно обернулся. На дворцовую платформу влетели какие-то всадники, тут же начавшие полосовать бессмертных длинными кривыми мечами. В первое мгновение Демарат подумал, что Мардоний и Мегабиз решились на открытое выступление и напали на царский дворец, но его тут же разуверили крики парсийских воинов.

— Гиммери! — так кричали они, падая сраженные острой сталью.

Гиммери — так звали кочевников-киммерийцев, в далеком прошлом потрясавших своими набегами устои восточных государств. К настоящему времени они почти полностью исчезли, поглощенные другими народами, и лишь несколько небольших разбойничьих шаек, укрывшихся в отдаленных оазисах или под защитой горных хребтов, время от времени нападали на купеческие караваны. Одна из подобных банд и совершила дерзкий налет на царский дворец в Парсе.

Подобно другим полудиким кочевникам, киммерийцы были прирожденными воинами. Но если про скифов говорили, что они рождаются с луком в руке, то киммерийцы, должно быть, появлялись на свет с кривыми мечами. Их легкие чешуйчатые коль-

чуги были достаточно прочны, чтобы выдержать удар коротких парсийских копий, которыми были вооружены бессмертные, а выкованные из отличной индской стали мечи не знали пощады. В мгновение ока, сметя стоявшую к ним спиной шеренгу воинов, кочевники рассыпались по всей платформе, безжалостно рубя безоружных вельмож. Несколько самых отчаянных налетели на железных дэвов и тут же отскочили назад, потеряв двух собратьев. Но и секироносцы уже не были той непробиваемой стеной, что выросла перед заговорщиками несколько мгновений назад. Кривые мечи кочевников сделали свое дело. С десяток латников лежали замертво, остальные сбились в кучу, тщетно пытаясь защититься от стрел. Внимание Демарата привлек всадник, восседавший на великолепном вороном жеребце. Он выделялся среди прочих обличьем и умением стрелять из лука. Его тело защищал панцырь из ткани, чрезвычайно хлипкий на вид, но Демарат собственными глазами видел, как от него отскочили две черные стрелы, посланные подоспевшими сакскими лучниками. Почувствовав эти удары, всадник мгновенно обернулся и несколькими выстрелами перебил вскарабкавшихся на парапет платформы врагов. Движения его рук были стремительны, а глаз невероятно точен. Пряди русых волос, выбивавшиеся из-под затейливо украшенного шлема, напомнили спартанцу, где он мог видеть подобных всадников раньше. Точно так выглядели скифы, некогда приезжавшие в Спарту искать союза против парсов.

Следя за убийственно-изящной работой скифа, Демарат зазевался и едва не поплатился жизнью. Его небольшой отряд был атакован толпой железных дэвов. Заметив краем глаза выросшую за спиной тень, спартиат резко отпрыгнул в сторону. В тот же миг секира расколола мраморную плиту, на которой он только что стоял. Второго удара воин нанести не успел. Меч Демарата вонзился точно в сочленение панциря. Горцы также не бездействовали. За исключением одного, который валялся с расколотым черепом, остальные вовсю орудовали длинными ножами. Спартиат поспешил дать работу своему мечу. Несколько мгновений яростного боя и железная гвардия Артабана полегла под натиском кочевников и заговорщиков. Поприветствовав своих нечаянных союзников взмахами сабель, киммерийцы умчались к ападане, в стенах которой искали защиты безоружные вельможи.

Демарат взглянул на двух уцелевших сообщников, один из которых был ранен в руку.

— Мы должны найти Артабана.

Горцы безмолвно кивнули.

Но достичь цели заговорщикам не удалось. Вдоволь натешившись кровавой игрой и набив переметные сумы сорванными с убитых вельмож драгоценностями, киммерийцы устремились в бегство. Не успел Демарат опомниться, как на платформе не

осталось ни одного всадника. От ападаны бежали оправившиеся от неожиданности бессмертные.

— Быстрее в город! — крикнул спартиат и первый бросился к лестнице.

Но было уже поздно. По гранитным ступеням во весь опор мчались подоспевшие на подмогу мидийские всадники. Еще несколько мгновений — и они изрубят заговорщиков. Столь внезапно подарившая им спасение судьба вновь отвернулась от них.

— Проклятье!

В это мгновение один из горцев тронул спартанца рукой.

— Я знаю место, где мы можем укрыться.

— Так что же ты стоишь?! Быстрее туда!

Горец бросился бежать к беломраморной ротонде, излюбленному месту гуляний царских жен. Спартанец и раненый заговорщик следовали за ним по пятам.

— Это здесь.

Демарат захохотал.

— Ты предлагаешь нам спрятаться в этой беседке?!

— Нет, под ней.

Горец нажал ногой на каменную виньетку, украшавшую базу одной из колонн, и в тот же миг мраморная плита под Демаратом провалилась вниз. Спартиат с воплем полетел в темноту. Тотчас же на него обрушилось чье-то тело. Затем щелкнул замок и кисть левой руки пронзила острая боль — это второй горец приземлился точно на запястье Демарата.

Стараясь не шевелиться, дабы не выдать себя шумом, они безмолвно лежали на плотно утрамбованной земле. Точнее говоря, на земле лежал Демарат, оба горца расположились на нем. Боль в пострадавшей руке была столь сильной, что Демарат едва удерживался от стона.

Наверху метались бессмертные, пытаясь понять, куда же исчезли беглецы. Сквозь каменную плиту доносились их возбужденные голоса и звон оружия. К счастью для беглецов, у стражников было полно хлопот и они быстро ушли. Спартанец спихнул горца с распухшей руки, ощупал кисть и пальцы. Вроде бы все было цело. Значит только ушиб.

После этого Демарат попытался определить, куда они попали. Неуверенно протянув руку влево, он нащупал холодную влажную стену. То же самое ожидало его и справа. Третья стена подпирала его спину. До четвертой Демарат дотянуться не смог, но это не означало, что ее там нет.

— Где мы? — спросил он шепотом. — В каменном мешке?

Проводник-горец тихо рассмеялся.

— Вот еще! Это потайной лаз воров Каранды.

Каранда! Спартанец уже слышал ранее это слово. Карандой назывался самый грязный квартал города, где в хитросплетениях жалких лачужек и куч мусора обитали людские отбросы Парсы — воры, убийцы, проститутки, нищие и прочий опустившийся

люд. Жуткая слава притонов Каранды распространялась далеко за пределами Парсы. Здесь можно было выиграть в кости целое состояние и тут же совершенно беспричинно получить ножик в живот. Гулящие девки Каранды славились неистовым распутством, выполняя за мизерную плату любое пожелание клиента.

— Куда он ведет? — чуть громче, чем прежде спросил спартанец.

— А куда хочешь. Под Парсой проложена целая сеть подземных ходов, о которых правительству известно лишь то, что они существуют. Я могу вывести тебя в любую точку города, начиная от винных подвалов дворца и кончая притонами Каранды.

— Откуда горец знает ходы воров Каранды?

— Горец? — в голосе сообщника послышались нотки удивления. — А с чего ты взял, что мы горцы?

— Так мне сказал Мардоний.

— Он обманул тебя. Должно быть побоялся, что ты откажешься идти на это дело с такой компанией. Мы воры Каранды.

Демарат про себя попенял Мардонию за его ложь, но не мог не признать, что вельможа поступил если не очень честно, то по крайней мере, вполне практично. Спартанский царь действительно не опустился бы до того, чтобы состоять в заговоре вместе с ворами.

— Тогда веди нас куда-нибудь, как там тебя...

— Отшем.

— Веди нас, Отшем.

Вор задумался.

— Вести... Но куда? Появляться на поверхности сейчас небезопасно. В городе нас тут же схватят. Есть ход, ведущий под рекой в рощу Гаррона, но там тоже небезопасно. Жрецы Гаррона преданы своему магу, а тот служит Артабану. Можно было бы выйти наверх в Каранде, но я не могу поручиться, что кто-нибудь из воров не задумает выдать спартанского царя. Жулики Каранды связаны узами воровского братства, но эти узы не распространяются на прочих людей, пусть даже это будет мой гость. Ничто не помешает ворам выдать чужака царским сыщикам. Тем более, что ты замешан в политических делах, а воры не любят политики, она мешает работать.

— Почему же вы взялись за это дело? — спросил Демарат.

— Нам хорошо заплатили. Кроме того, в случае удачи Мардоний обещал наградить нас землей и людьми и сделать вельможами. На то, чтобы стать вельможами, пока рассчитывать не приходится, но плата останется при нас. Ладно, я знаю одно место, где мы можем переждать несколько дней, пока не утихнет. Пойдем!

Темнота была кромешной, почти густой на ощупь, но вор шагал уверенно, словно в его руке был факел. Демарат шагал за ним, держась за край плаща. Раненый замыкал шествие.

Подземная галерея петляла, однажды им пришлось переби-

раться через довольно высокую стену, преградившую путь, кое-где они брели по колено, а то и по пояс в воде. Наконец Отшем остановился.

— Мы пришли.

Он вцепился в чуть стоящий из стены камень и с трудом вытащил его. Затем последовал еще один и так до тех пор, пока в стене не образовался лаз, вполне достаточный, чтобы в него мог протиснуться человек. Вор осторожно заглянул в него и, убедившись в отсутствии какой-либо опасности, полез вперед. Демарат последовал за ним. Лаз был довольно длинный, не менее пятидесяти локтей и очень узкий. Демарат полз вслед за вором, время от времени натыкаясь на его ноги. Но вот послышался скрежет, и Отшем исчез, а впереди замаячил свет. Демарат удвоил усилия и втянул свое тело в небольшую, скудно освещенную комнату.

Зрелище, представшее его глазам, было способно поразить даже видавшего виды спартанского царя. Все пространство залы было завалено сокровищами. Золото и серебро, в монетах и слитках, дорогие украшения, сундуки, набитые бирюзой, яшмой и сапфирами, золотые чаши, полные бриллиантов и рубинов — все это напоминало сказочный сон.

Отшем тактично сделал вид, что не заметил изумления спартанца, и будничным тоном заметил:

— Это сокровищница царя Парсы. Я время от времени позволяю себе набивать здесь карманы.

* * *

Налет кочевников несколько расстроил планы Артабана, но, с другой стороны, принес определенные выгоды. Во время неразберихи сумели скрыться Мардоний и убийцы во главе с Демаратом, а кроме того хазарапат лишился многих своих телохранителей. Но зато ему удалось представить нападение кочевников как часть плана заговорщиков. Захваченный в плен молодой киммериец под угрозой немедленной смерти заявил в присутствии Ксеркса, что их нанял некий хромой вельможа и описал его внешность. Естественно, Артабан позаботился о том, чтобы описание точно соответствовало обличью Мардония.

Рассвирепев, царь приказал немедленно схватить и допросить в пыточной камере всех лидеров военной партии, включая царевича Гипоранфа. Был пленен в своем доме Мегабиз. Он сопротивлялся, и бессмертные нанесли вельможе несколько ран. Прямо во дворце были схвачены Гидарн и Артафрен.

Наблюдая, как мимо него проносят изувеченные трупы вельмож и бессмертных, царь впал в неистовый гнев и приказал арестовать еще троих братьев, которых подозревал в тайных помыслах овладеть троном. Одновременно в горы был направлен отряд всадников с приказом поймать и доставить к ногам царя мага Заратустру.

Без ведома Ксеркса по тайному распоряжению Артабана

была схвачена Таллия. Хазарапат не отказал себе в удовольствии лично присутствовать при аресте той, что едва не стала причиной его падения.

Оценивающе взглянув на девушку маслянисто-черными глазами, Артабан приказал:

— В клетку ее. И не вздумайте причинить вреда! Я, может быть, снизойду до того, чтобы взять ее в мой гарем.

Стражники уволокли разъяренную красавицу прежде, чем она успела плюнуть в бородатую физиономию вельможи.

По-видимому, ее считали привилегированной пленницей и поэтому поместили в весьма приличной комнате, где были и пушистые ковры, и мягкое ложе, и даже столик из эбенового дерева. Однако окно было забрано решеткой, а за крепкой дверью мерно прохаживались охранники.

Таллия была вне себя от ярости. Она искала и не могла найти тот просчет, положивший конец ее игре. Ведь поначалу все развивалось точно по намеченному ею плану. Как она и полагала, царек упал к ее ногам подобно переспелой груше. Для этого требовалось лишь несколько улыбок да туманных обещаний. Почувствовав на своей шкуре твердую руку очаровательной незнакомки, царь тут же оставил попытки овладеть ею силой. В его пресытившейся властолюбием и вседозволенностью душе пробудилась потребность быть от кого-то зависимым. Прекрасная ионянка как нельзя лучше подходила для этой роли.

Ксеркс валялся у ног Таллии, нежно целуя пропитанные душистыми благовониями розовые пальчики, он был готов выполнить любую ее прихоть. Почувствовав, что царь всецело в ее власти, ионянка велела ему объявить о походе на Элладу.

— Ты не добьешься моей любви до тех пор, пока мне не будут прислуживать самые знатные женщины Эллады. Будь разумным, мой ястреб, — добавила она, видя, что царь колеблется. — Неужели я не стою того, чтобы бросить к моим ногам какую-то Элладу!

Она одарила царя многообещающим взглядом, а затем и поцеловала. Его сомнения были сломлены. Наутро Ксеркс объявил вельможам о походе против эллинов.

Но затем внезапно все полетело кувырком. Интриган-хазарапат сумел одурманить царя лотосом и потоком лживых речей и свидетельств. Его слуги изолировали Таллию в женских покоях, не давая ей возможности увидеться с царем. В ларе ионянки откуда-то появился мешочек с подозрительным порошком. Едва она избавилась от опасной находки, высыпав смесь в фонтанчик с водой, как в покои нагрянули с обыском сыщики хазарапата. Они перерыли ее вещи, заглядывали под каждое кресло, даже отодрали от стен ковры, но ушли несолоно хлебавши.

Очень беспокоило Таллию и то, что исчез Кобос, через которого она поддерживала связь с Мардонием. Из злорадного намека

одного из евнухов она поняла, что Кобос попал в пыточный застенок.

А на следующее утро дворец подвергся нападению разбойников-кочевников. Несколько самых безрассудных смельчаков отважились проникнуть в личные покои царя. Бесссмертные с трудом смогли отстоять своего повелителя.

И вот, наконец, волосатые охранники бросили ее в эту темницу, мало напоминавшую тюремную камеру. Но Таллия не обольщалась, понимая, что это лишь начало. Ионянку вовсе не прельщала перспектива очутиться в гареме Артабана. Поэтому она задумала бежать.

Вскоре принесли ужин. Поднос с едой внес один из стражей, охранявших темницу. Таллия встретила его лежащей на кушетке. На лице ее была печаль — право, для этого потребовалось лишь слегка размазать краску под глазами, — прозрачная туника приоткрывала наготу бедра.

Бессмертный столь откровенно увлекся созерцанием прелестей девушки, что едва не поставил поднос мимо столика. Однако он вовремя опомнился, нацепил на себя суровость и поспешно вышел вон. Но вскоре Таллия заметила, что в дверной щелке прочно обосновался чей-то глаз. Отлично! Стражники заинтересовались ей.

Девушка с аппетитом съела кусок дичи и виноград, но совершенно не притронулась к вину. Оно должно было пригодиться ей в будущем. Покончив с ужином, она улеглась на ложе и сделала грустное лицо.

Рано или поздно часовые должны были клюнуть на эту приманку и попытаться развлечь скучающую и такую беззащитную пленницу. В том, что это произойдет, Таллия не сомневалась. Она слишком хорошо знала мужчин; знала их даже больше, нежели сама хотела.

Ждать пришлось совсем недолго. Тихо скрипнула отворяемая дверь и через порог проскользнул один из бессмертных. Он нерешительно потоптался у входа, затем приблизился к девушке.

— Прекрасная госпожа скучает?

Ионянка бросила на него откровенно оценивающий взгляд. Стражник был явно не в ее вкусе. Тупая надутая рожа и огромный зобообразный нос могли нагнать тоску на кого угодно. Но ей нужно было его обольстить, а как истинная профессионалка Таллия умела скрывать свои чувства.

— Да, мне грустно. — Она устремила на бессмертного взгляд, полный томной неги; у того непроизвольно дернулся кадык. Словно он хотел проглотить девушку целиком.

— Я могу помочь госпоже развеять ее тоску.

«Ну вот еще!» — про себя хмыкнула ионянка, а вслух сказала:

— Попробуй.

Бессмертный присел на краешек ложа и провел рукой по бедру Таллии. Она не стала протестовать против столь откровен-

ного жеста. Тогда он осмелился на более интимную ласку — его волосатая клешня скользнула от груди к впадине пупка и ниже. Ионянка перехватила ее смуглой ручкой совсем недалеко от намеченной парсианином цели.

— Ты спешишь, красавчик! Выпей для начала вина...

Дабы не возбуждать у воина подозрений, Таллия первой отпила из бокала, однако, передавая его воину, незаметно уронила в вино щепотку сонного порошка, который был спрятан в одном из ее перстней. Вино было великолепно, и бессмертный с видимым удовольствием осушил кубок до дна. Затем он обхватил волосатыми руками талию девушки и вознамерился осчастливить ее поцелуем. Однако порошок действовал быстро. Воин заснул прежде, чем успел осуществить свое намерение.

Как только он захрапел, Таллия спихнула грузное тело на кушетку и подошла к двери. На ее стук появился второй страж.

— Забери своего товарища! — потребовала девушка.

— Что с ним? — Воин изумленно взирал на храпящего напарника, который совсем недавно был полон сил и страсти.

— Не ожидала, что парсийские воины столь слабы в любви!

Бессмертный развязно ухмыльнулся.

— Могу доказать обратное.

Лукаво улыбаясь, Таллия предложила, как несколько мгновений назад и его напарнику:

— Попробуй!

Повторного приглашения не потребовалось. Бессмертный начал торопливо избавляться от халата. В этот момент девушка ударила его кулаком в шею. Со стороны этот удар мог показаться несильным, но воин обмяк и рухнул на пол.

Путь был свободен. Спрятав под туникой взятый у одного из воинов кинжал, ионянка выскользнула из камеры. По дороге ей не раз встречались бессмертные и дворцовые слуги. Девушка не обращала на них ни малейшего внимания. Столь уверенное поведение заставляло стражников думать, что хазарапат освободил пленницу. Наконец она вышла из подземелья в центральную галерею. Отсюда можно было попасть в ападану, тачару или личные покои хазарапата. А можно было просто уйти из дворца.

Мгновение девушка колебалась, а затем решительно направилась в покои, где жил Артабан. Как и прежде, никто не пытался остановить ее. Напротив, многие отвешивали царской фаворитке низкие поклоны.

У опочивальни хазарапата стояли на посту два железных дэва. Смело взглянув в их суровые, иссеченные ломкими бликами пламени факелов лица, девушка невозмутимо бросила:

— По повелению великого царя.

Воины чуть нерешительно переглянулись, вызвав звонкий смех Таллии.

— Неужели стражи опасаются, что слабая женщина может чем-то угрожать могучему Артабану!

— Ладно, иди! — разрешил один из охранников, огромного роста рыжеволосый муж, могучие руки которого были покрыты многочисленными шрамами. В его взгляде читалось: «Шлюшка покорилась судьбе и лезет в постель хозяина». Игриво проведя рукой по бычьей шее, Таллия прошмыгнула в открытую дверь.

Опочивальня Артабана была погружена в полумрак. Сам вельможа сидел в кожаном кресле у камина, спиною к девушке. Выхватив из-под туники кинжал, ионянка на цыпочках подбежала к своему заклятому врагу и замахнулась. То ли Артабан заметил зыбкую тень, то ли обладал звериным чутьем, но в последний миг он обернулся и перехватил руку с зажатым в ней клинком. Смеясь, хазарапат притянул девушку к себе. Она выронила оружие и пыталась пустить в ход крепкие кулачки. Мгновение они молча боролись. Но мужчина оказался сильнее. Его губы впились в уста девушки. Таллия тихо вскрикнула. В этот миг ее глаза встретились с глазами вельможи. В зрачках Артабана играл голубой огонь, а губы таили бездну неизведанного наслаждения.

И Таллия впервые в своей жизни покорилась мужской воле, покорилась, испытывая томную слабость в груди. Она ослабла и повисла на руках Артабана. А его глаза были подобны бездонному небу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Призрак у кровати, явление второе

С радостью услышав такие слова, персидские вельможи пали к ногам царя. Ночью, однако, Ксерксу во сне опять предстал тот же самый призрак и сказал: «Сын Дария! Так ты, кажется, действительно отказался от похода, не обратив внимания на мои слова, будто бы ты услышал их не от власть имущего? Знай же: если ты тотчас же не выступишь в поход, то выйдет вот что. Сколь быстро ты достиг величия и могущества, столь же скоро ты вновь будешь уничтожен.

ГЕРОДОТ,. «История», 6, 14

Лотос, дарующий забвение...

Лотос стер из памяти Ксеркса воспоминания об ужасном явлении призрака. Вместе с тем он погрузил царя в апатию. Весь последующий день владыка Парсы провел в полусне. Он почти не отреагировал на известие о нападении киммерийцев, а затем словно сомнабула равнодушно повторил в присутствии братьев подсказанные ему Артабаном распоряжения об аресте заговорщиков.

Действие наркотика прекратилось лишь к вечеру. Едва в голове царя прояснилось, его охватил страх. Страх, которому Ксеркс не мог найти объяснения. Страх, неизведанный ранее и в то же время смутно знакомый. Огромная невидимая черная клешня страха сдавила сердце царя, заставляя его кричать от ужаса. В былое время царь вызвал бы к себе Артабана, но после событий, произошедших в последние два дня, он не доверял никому, даже хазарапату. Поэтому Ксеркс послал за Гейром. Едва лекарь явился, владыка велел приготовить для него бодрящее вино. Несчастный медик задрожал от страха. Как объяснить великому царю, что хаому и прочие чудесные лекарства похитил прельстившийся на тонкую резьбу ларца киммериец. Гейр не решился рассказать об этом. К счастью, у него оказалась вытяжка горного мака, которую он употреблял сам в мгновения грусти. Уронив в вино несколько капель мутноватой жидкости, Гейр поднес бокал царю. Ксеркс торопливо выпил. Но подозрительность и смутный страх не оставили его, и поэтому он сказал лекарю:

— Сегодня ты будешь спать в моей опочивальне. Не возражай! — пригрозил царь, видя, что лекарь порывается открыть рот. — Если от твоего лекарства со мной что-нибудь случится, бессмертные изрубят тебя на тысячу мелких кусочков.

От этих слов ноги Гейра затряслись мелкой дрожью. Царю это понравилось. Он посмотрел на лекаря значительно доброжелательнее и добавил:

— Сейчас слуги принесут тебе ложе.

Наркотик подействовал быстро. Вскоре царь стал клевать носом. Приказав слугам омыть его дородное тело, он облачился в ночную рубаху и в тот же миг уснул. Постельничий с помощью лекаря положил царя на ложе и укрыл его покрывалом из верблюжьей шерсти. Затем слуга пожелал Гейру доброй ночи и удалился.

В опочивальне было душно. Окна, наглухо закрытые по приказу царя, не давали притока свежего воздуха. Помаргивая, Гейр смотрел на слегка коптящие свечи. Глаза его то и дело сонно смыкались, но напуганный угрозами царя ум настаивал на бодрствовании.

Должно быть, было уже далеко за полночь, когда глаза Гейра уловили какое-то зыбкое движение. Прямо у царского ложа возникла зыбкая тень. Нависнув над спящим, она принимала все более отчетливые очертания, пока не превратилась в гигантскую, облаченную в черную одежду, фигуру.

Насмерть перепуганный лекарь хотел вскрикнуть, но горло сжала удушливая спазма, а затем незнакомец повернул свое лицо к Гейру и кричать вообще расхотелось. Более страшного лица врачеватель не видел никогда в своей жизни. На нем застыло выражение нечеловеческой жестокости, черные губы кривились в усмешке, обнажая огромные черные же клыки. Глаза чудовища были подобны бездонной ночи.

Заставив случайного свидетеля подавиться страхом, незваный гость обернулся к царю. Лекарь не видел, что он сделал, но Ксеркс мгновенно проснулся. Он раскрыл рот, но подобно Гейру не смог издать ни звука. В глазах царя застыл неописуемый ужас.

Тогда черный человек негромко заговорил. Голос его был подобен скрежету пыточных колес.

— Царь, ты сделал большую ошибку, не вняв моим словам. Сейчас я намерен наказать тебя. Вот эти когти, — чудовище поднесло к лицу Ксеркса огромную руку, на которой вдруг быстро выросли огромные черные когти, — вырвут твою плоть. Отныне ты не сможешь любить ни одну женщину!

— Нет! — лишь сумел прошептать Ксеркс.

Огромная рука пронзила одеяло и вырвала из-под него окровавленный комок. Царь исторг истошный безмолвный крик.

— Это последнее предупреждение. Если не одумаешься, с тобой будет вот что!

Гость повернулся к Гейру. Глаза его вспыхнули ослепительным пламенем. Огненный вихрь поглотил Гейра, окутав ложе лекаря черным смрадным дымом. Когда дым рассеялся, выяснилось, что лекарь бесследно исчез. Лишь смятые простыни свидетельствовали, что мгновение назад на них лежал человек, а покрывало хранило форму тела несчастного лекаря.

— Так будет и с тобой! — повторил гость.

Он сцепил пальцы рук и в тот же миг исчез.

И лишь тогда царь завизжал. От боли, страха и унижения,

чувствуя, как его постель пропитывается теплой, остро пахнущей жидкостью.

— Плоть! Моя мужская плоть! — взывал он к вбежавшему Артабану. — Призрак лишил меня мужской плоти!

Начальник дворцовой стражи рывком сдернул с Ксеркса покрывало и не сдержал усмешки.

— Успокойся, повелитель. Все на месте. Но... — Артабан замолчал.

Ксеркс осмелился поднять голову и посмотреть туда, где начинались ноги, где было тепло от крови.

О ужас! То была не кровь. Царь лежал в луже собственной мочи. Ксеркс застонал.

Артабан тем временем окриком выгнал из опочивальни сбежавшихся слуг и воинов. Они остались наедине, да из темноты угла комнаты внезапно появилась стройная женская фигурка. Когда свет упал на лицо, Ксеркс узнал Таллию. Ионянка бесцеремонно рассмотрела конфуз царя и звонко расхохоталась. Насмерть перепуганный Ксеркс даже не подумал о том, чтобы покарать дерзкую насмешницу.

Тяжело дыша, он лежал в собственных испражнениях. Не скрывающий своего презрения Артабан стоял у царского ложа.

— А лекарь? — вдруг вспомнил Ксеркс.

— Что лекарь?

— Призрак забрал его!

Артабан снисходительно улыбнулся. Так улыбаются словам детей или душевнобольных.

— Повелителю пригрезилось. Несчастный Гейр пал жертвой налета киммерийцев. Его тело уже отдали священным собакам Ахурамазды.

Ксеркс внимательно посмотрел на начальника стражи. Что-то в его облике было незнакомо царю. В голосе Артабана появились какие-то новые нотки, он помолодел и даже — царь мог поклясться — раздался в плечах. Затем Ксеркс перевел взгляд на ликующую Таллию. И понял. Если не все, то очень многое.

— Артабан, — сказал Ксеркс бесцветным голосом. Вельможа, изобразив на лице усердное внимание, наклонился к царю. — Завтра мы начинаем собирать войско против эллинов.

— Не смею противиться воле мудрого повелителя, — ответил хазарапат.

Чтобы не видеть его насмешливой улыбки, Ксеркс смежил веки. И перед ним вновь предстал призрак.

Он будет являться царю еще долгих шесть лет.

* * *

Если наверху властвовал опирающийся на копья бессмертных царь, то под землей царями были воры. И первый среди них, царь воров Отшем. Он никогда не лез в вожаки и не стремился получить двойную долю. Но не было такого запора, который мог бы

устоять перед ловкими руками Отшема, не было такого препятствия, что оказалось бы неодолимым для его сноровки, не создана еще была ловушка, которую бы не смог разгадать его хитрый ум. И не было во всей Парсе вора, знавшего столь досконально подземные ходы, как знал их Отшем.

Поразив воображение спартанского царя великолепием парсийской сокровищницы Отшем тут же увел его оттуда. Будучи весьма частым гостем в этой зале, он знал, что через ровные отрезки времени, отмеренные песочными часами, ее обходят вооруженные стражники, проверяя, не пробрался ли в казнохранилище *какой-нибудь ловкий вор*.

Поэтому беглецы покинули, хотя и не без сожаления, сокровищницу, захватив лишь пару горстей легковесных золотых дариков, да три драгоценных чаши. Отшем тщательно замаскировал потайную дыру массивным сундуком.

— Здесь красиво, но золото, увы, не наполнит наших желудков, — сказал он, и его спутники тут же почувствовали сильный голод. Немудрено, они ели рано утром, а сейчас уже, по-видимому, подступало время вечерней трапезы. Не тратя время на пустые разговоры, Отшем проник в кладовую, где хранились мясные окорока и колбасы. После этого он навестил еще одну залу, разжившись двумя здоровенными сырами. В фруктовой кладовой он прихватил пару дынь и мешок сушеных фиников. Основательно нагрузив себя и своих спутников, Отшем повел их в одно, как он выразился, местечко, где можно было славно провести время.

Местечком этим, как сразу заподозрил Демарат, оказался винный погреб. Попасть в него оказалось потруднее, чем в царскую сокровищницу, потому что пришлось миновать зал, где хранилось молодое вино, расходуемое для обыденных нужд дворца. Здесь сновали слуги и по мнению Отшема было слишком шумно. Кроме того, царь воров оказался гурманом и наотрез отказался пить вино, предназначенное для дворцовых слуг.

— Что я вам, какой-нибудь бессмертный или казначей?! Царские виноделы мешают в эту бурду всякую несусветную пакость, вроде дубовой коры — для крепости.

Довольно безрассудно рискуя жизнями, они пробрались в подвал, где хранилось выдержанное вино. По совету Отшема заговорщики остановили свое внимание на огромной, в два человеческих роста, винной бочке с черным вином. Расстелив плащи, они уселись прямо за вожделенной емкостью. Отшем выстругал из деревянной щепы затычку и лишь после этого пробил бочку сильным ударом ножа. Наполнив золотые кубки, он заткнул бочку импровизированной пробкой, пояснив:

— А не то вино вытечет и на полу будет здоровенная лужа. Тогда я не смогу вернуться сюда еще раз.

Вино, как и обещал Отшем, оказалось превосходным. Дема-

рат ни разу не пробовал такого на царских пирах. Когда он сказал об этом Отшему, царь воров заверил его, что никогда и не попробует, так как самые лучшие вина исчезают в глотках самих виноделов.

Выпив пару кубков, Отшем стал разговорчив и поведал Демарату немало интересного. Поначалу он пожаловался на дороговизну и плохое качество парсийского вина. И то, и другое соответствовало истине. Арии лишь недавно пристрастились к вину — прежде винопитие порицалось магами — и стали выращивать лозу. До этого они довольствовались ячменным пивом. Горячительные напитки в Парсе действительно стоили несоизмеримо больше, чем в Элладе или, скажем, Кемте. Стоимость кувшина пива была равна стоимости кура[1] ячменя или фиников, а кувшин паршивого вина стоил в десять раз дороже.

Любитель пропустить чарочку, Отшем пожаловался, что бедняк часто не в состоянии позволить себе кружку пива. Демарат пожал плечами, подумав, что парсийский крестьянин не всегда может позволить себе кусок ячменного хлеба. Так как гастрономический вопрос не слишком интересовал царя, он спросил у Отшема про подземные ходы.

Вор поведал спартиату немало интересного. Оказалось, что часть ходов существовала еще до того, как Парса приняла нынешний облик. Под слоем земли и песка находились богатые залежи камня. Строители использовали этот камень для возведения дворцов и крепостных стен и прорыли под землей многочисленные тоннели, которые составили большую часть подземного города. Еще несколько подземных ходов были прорыты по приказу царя Дария. Он намеревался использовать их в случае волнений или осады Парсы вражескими войсками. По этим тоннелям можно было быстро перебросить отряды воинов, а в случае, если положение станет безвыходным, бежать из города. Когда же Парса усилилась, волнения и вторжения перестали угрожать ей. Царские тоннели забросили, а чертежи их были утеряны. И, наконец, множество ходов было прорыто разбойным людом Каранды. Почти все они вели к царской сокровищнице или в казнохранилища храмов. Поначалу эти ходы были известны многим карандинским ворам, но со временем большинство обладателей этой тайны закончили свою жизнь на виселице или кресте, и лишь немногие старожилы могли определить, какой ход ведет во дворец, а какой в казармы сирийского полка, где ранее помещался бордель храма Иштар.

Отшем, смакуя, рассказывал о своих приключениях в подземных переходах, о добыче, которую он не раз приносил из царской сокровищницы. Его товарищ, ослабший от потери крови, к тому времени уснул. Заметив это вор стал откровеннее, позволив себе раскрыть многие воровские секреты. Демарат с интересом присматривался к ловкому вору, подумав, что из Отшема мог бы выйти мудрый государственный муж или неплохой полководец.

Он был ловок, храбр, предприимчив и умен. А ведь судя по всему ему было лишь немногим больше двадцати.

— Послушай, Отшем, ты так молод. Откуда тебе ведомы тайны подземелий и многие другие секреты, которые знают лишь старики?

Лицо вора чуть дрогнуло. Расплескивая вино, он поспешно допил кубок. Очевидно его терзали нелегкие воспоминания.

— Мой отец Коргвус был самым ловким вором на востоке. Он мог украсть кошель даже со связанными за спиной руками, используя лишь зубы. Однажды я видел, как он снял золотую пектораль взглядом. Ни один вор до него не мог этого сделать, ни один не сможет этого сделать и сейчас. Это именно под его началом был прорыт тайный ход в дворцовую сокровищницу. Я был еще мальчишкой, когда он впервые взял меня на воровскую работу. Как сейчас помню: в ту ночь мы обокрали лавку купца-галантерейщика. Все было сделано столь быстро и тихо, что сторожа даже не проснулись. Затем я ходил с ним все чаще и чаще, пока не стал его равноправным помощником. Когда мне исполнилось пятнадцать лет, он впервые взял меня в царскую сокровищницу. Я спросил отца, почему мы не возьмем золота, сколько можем унести и не вернемся сюда еще и еще. Он рассмеялся и пояснил мне, что стоит нам сделать это, как воровство будет тут же замечено и по нашим следам бросятся толпы шпиков. Поэтому он брал немного — ровно столько, чтобы мы и наши родственники могли жить безбедно, не голодая.

Все же наши походы в сокровищницу не остались незамеченными. Должно быть, после очередной проверки казначей обнаружил, что недостает какой-то толики золота. По приказу царя была выставлена охрана. Но отец почувствовал присутствие стражников раньше, чем они заметили нас. Мы ушли и не появлялись там две луны. Затем стражу сняли, и мы вернулись к нашему доходному промыслу.

Царю вновь донесли, что золото продолжает исчезать. Людям Дарий уже не доверял, поэтому он приказал устроить в сокровищнице множество ловушек — капканов с острыми зубьями, ям, наполненных жидкой смолой, самострелов с зазубренными стрелами. Но отец без труда раскусил все эти хитрости, и золото продолжало исчезать в наших кошелях.

Прервав рассказ, Отшем перевел дух и наполнил чашу вином.

— Погубил его я. Моя неосторожность. Во время одного из очередных походов в сокровищницу я оступился и полетел в яму, на дне которой были вбиты заостренные медные колья. Отец бросился мне на помощь и попал ногами в один из капканов.

Все же он успел поймать мои руки, и стиснув зубы, держал до тех пор, пока я не выкарабкался наверх.

Эти капканы были сделаны из крепчайшей бронзы, разжать их хищные челюсти мог лишь снабженный инструментом кузнец.

Вот-вот должна была появиться стража. Я подступил к отцу с намерением отрезать ему ноги.

Нет, сказал он. Я истеку кровью, мне все равно не жить. Да и не хочу я окончить свои дни калекой. А ты, пытаясь спасти меня, попадешь к ним в лапы и виселица украсится еще одним трупом. Беги! Но прежде отсеки мне голову, чтобы петля не могла насладиться моей шеей.

Дрожа, я пытался отказаться, но отец был неумолим.

Если ты любишь меня, ты сделаешь это — сказал он мне. Спеши, я уже слышу шаги стражников. У входа в сокровищницу действительно слышался звон доспехов бессмертных.

Тогда я достал свой кривой нож и резанул отца по шее. Ему было очень больно, его сильное тело содрогалось в моих руках, но я не прекращал жестокой работы до тех пор, пока голова отца не отделилась от тела.

Тогда я схватил ее и бежал из проклятой сокровищницы, погубившей моего отца, и не возвращался в нее много лун.

— Но все же ты вернулся сюда!

— Да. Тело отца повесили на рыночной площади. За ноги. Шпионы не смогли опознать его и лишь воры заметили исчезновение легендарного Коргвуса. Минуло несколько лун и я вернулся в сокровищницу и унес столько золота, сколько смог. Это золото я передал восставшим ионянам. Думаю, они смогли снарядить на него не одну триеру. Так я делал еще не раз, отдавая похищенные деньги врагам парсийской империи.

— Но почему же ты в таком случае взялся убить Артабана? Ведь он выступает против похода на Элладу, завоевав которую Парса станет величайшим государством мира!

— Именно потому, что он против этого похода. Война с эллинами рано или поздно повергнет парсийское царство в тлен.

Демарат усмехнулся.

— Странно, мы делаем одно дело, преследуя при этом совершенно разные цели.

— Да, — согласился со спартиатом Отшем. — И то, чья цель окажется более реальной, зависит от стойкости эллинов. Я верю в твоих соплеменников, спартанец, почему же ты не веришь в них сам?

Демарат залпом выпил кубок вина.

— А кто сказал, что я не верю? Моя беда в том и состоит, что верю. Несмотря ни на что, верю!

— Твое горе, царь, что ты пытаешься заставить себя возненавидеть родину, но не слишком-то тебе это удается.

— Не твое дело, вор! — прорычал, свирепея, спартанец.

— Действительно, это не твое дело! — произнес чей-то голос из-за спины Демарата. Проклиная свою неосторожность, заговорщики дружно схватились за оружие и обернулись. Перед ними стоял Артабан, позади которого волновались серебряные наконечники копий бессмертных.

— Черное вино! — потянув носом, воскликнул вельможа. — Да у вас недурной вкус!

Демарат подбросил на ладони меч, прикидывая, сможет ли он броском пронзить живот начальника дворцовой стражи. Вельможа угадал его намерение и усмехнулся.

— Я вот что тебе скажу, Демарат: в этом году удивительно теплые ночи!

Яшт ночи, пропетый Заратустрой

Ночь. Что ты: время суток или стихия — черная, засасывающая бездна? Что ты: тень планеты или иное измерение? К тебе можно относиться как к факту, о тебе можно размышлять как о загадке. И слагать песни.

Ночь — время любви и черных кошек. Ночью рождаются гении и умирают злодеи. Ночь — черное покрывало покоя.

Ночью лучше думается, потому что это — не наше время; потому что днем нам некогда думать. Ночь — время творения. Бог тоже творил ночью. Ибо днем можно только строить. Он слишком прозаичен — день. А ночь — поэма. Она рождает причудливые фантасмагории. Она рождает демонов и птицу Феникс, а день убивает их кофе, выпитым за ночь.

Ночью мы слышим голоса. И мы узнаем в них друзей и врагов. Это — не сон, сон безличен, это — явь, но только в каком-то ином мире. Мы пересекаем грань нашего мира и входим в другой. Он здесь, совсем рядом, всего один шаг, но нам никогда не попасть в него днем, ибо днем мы скептичны, а ночью мы верим в сказки. А весь этот мир, он — сказка; сказка, рассказанная самому себе.

Мы слышим голоса, мы идем на их зов. И мы обнимаем женщин, которых так безнадежно любили днем, и мы мстим врагам, которые нам недоступны, и мы сажаем цветы на бесплодных скалах. Мы счастливы и величественны.

Поэтому Бог ненавидит сон. Ибо сон дает величие, а Бог не может вынести вознесшего Человека. Он готов отнять его, сон, но боится, что это породит безумие, коллапс; это породит страшный шум в ушах и придет Дьявол, и люди повернутся к нему лицом. А Бог будет заперт в своей золоченой клетке и его растворит Вселенная, ибо он стал безвластен.

И Дьявол ненавидит сон. Ибо сон делает человека счастливым. Ибо он переносит человека туда, где нет места Дьяволу. Там не любят падших. И Дьявол готов отнять у человека сон, но боится, ибо это заставит человека пасть на колени перед Богом. Тогда Дьявол попадет в огненный шар и растворится в кипящей магме.

Цените сон! Он дает нам познать непознаваемое!

Ночь рождает одиночество. А одиночество — признак гения.

Иначе он растратится в пустой болтовне. Ночью слагаются оды, а день наводит на них глянец традиций. Я люблю людей, правящих свои оды ночью! Ибо эти оды — вспышка в длинной череде тусклого света!

Ночь — пора влюбленных. Ночь — время зачатий. Днем человек стеснителен и скован, на нем лежит флер глупых традиций, ночью он наедине с собой, он — зверь во всей своей первозданной силе. Он любит неистово; так же, как и ненавидит. Ночью зачинается огонь.

Я люблю ночь. Ночью спокойно. Ночью думается. Ночью ты только с собой.

Ночью крепчают мускулы. Ночь — время вампиров и демонов. Бог лишил их сна, а они отняли у него величие и вознеслись над бренным миром.

Ночь — время оборотней, бегущих от серебряных стрел.

Ночь — мое время.

* * *

Заратустра имел много возможностей, чтобы расправиться с хазарапатом. Истинная сила мага лишь немного уступала силе того, кого считали его повелителем. Он продемонстрировал крохотную толику ее, вызвав ураган, который обрушил скалы на головы посланных Артабаном воинов.

Орел радостно бил крыльями, слыша стоны умирающих под камнями врагов, но лев был недоволен. Он сказал:

— Заратустра, ты используешь силу бога там, где мог победить волей человека.

И маг согласился со своим другом. Поэтому он не убил Артабана отравленной стрелой, которая могла пролететь сквозь любые стены. Поэтому он не послал к нему разумных скорпионов, подаренных Ариманом. Поэтому он не вызвал грозу, извергающую молнии, одна из которых должна была поразить строптивого вельможу.

Он решил разрешить этот спор как человек. Маг лишь позволил себе перенестись в Парсу по воздуху, так как уже темнело, а путь был неблизок. Заратустра не мог отложить разрешение спора на следующий день, ибо грядущая ночь могла стоить жизни многим его приверженцам.

Стремительный полет в темнеющем небе и он приземлился прямо перед дворцом, распугав немногочисленных зевак, еще не успевших вернуться в свои дома. Завтра об этом чуде станет известно всему городу, но завтра мага уже не будет. Офицеру, командовавшему отрядом бессмертных, было известно о приказе задержать Заратустру, но он не решился это сделать, подумав, что пусть захарапат сам разбирается со всемогущим магом.

— Пропустить! — рявкнул он побледневшим бессмертным и те с плохо скрываемым облегчением расступились.

Примерно та же картина повторилась и во дворце. Встречные

разбегались перед Заратустрой во все стороны. Лишь караул у покоев хазарапата попытался остановить его, но маг лишь взглянул на воинов, и они тут же позабыли, откуда родом и зачем находятся здесь.

Артабан был один. Он что-то писал. Увидев вошедшего Заратустру, вельможа все сразу понял. Пред ним стояла смерть, и он был не в силах убежать от нее. Артабан решил умереть как воин. Он вытащил из драгоценных ножен булатную саблю и бросился на своего врага. Но даже не используя своих сверхъестественных способностей, маг был намного сильнее противника. Отразив выпад вельможи зазвеневшим сталью бамбуковым посохом, Заратустра прыгнул ему за спину. В тот же миг его руки поймали шею Артабана. Раздался негромкий хруст, изо рта вельможи выскочила тоненькая струйка крови.

Маг перевернул убитого на спину и брезгливо вытер руки о край парчового халата. Затем он устремил взор на лицо Артабана. Взгляд его стал тяжел, глаза налились сверхъестественным блеском, на виске запульсировали набухшие жилы.

Летели мгновения, и вот лицо мага стало меняться. Чуть потрескивая, растягивались вширь кости черепа, увеличивался носовой хрящ, преломившийся округлой горбинкой, почернели ставшие более густыми волосы, неряшливая щетина превратилась в окладистую бороду. Подобные метаморфозы происходили и с телом. Плечи раздались, заставив треснуть ветхий халат, руки и ноги обросли слоем мускулов и жира, вырос дородный живот.

Свечи не успели прогореть на четверть дюйма, как превращение завершилось. Блеск в глазах исчез. Артабан сладко потянулся и, словно пробуя новые мышцы, прошелся по комнате. Время от времени он посматривал на своего мертвого двойника. Привыкнув к новому телу, он раздел покойника и облачился в его халат. Затем он завернул холодеющее тело в сорванный со стены ковер и крикнул стражей. Те вошли, глядя на него безумными глазами. Артабан кивнул головой на сверток.

— Возьмите это и следуйте за мной.

По потайному ходу, о существовании которого никто, кроме Артабана не знал, они вышли из дворца и очутились в городе. Было темно. Пару раз навстречу попадались патрули. Издалека признав идущего с факелом в руке хазарапата, воины почтительно кланялись и уступали дорогу.

Наконец, вельможа и несущие тело железные дэвы достигли восточного храма Ахурамазды. Вышедшего навстречу жреца Артабан приветствовал тайным жестом, и тот, не говоря ни слова, удалился, ибо знавший этот жест был близок к Богу. Войдя во двор храма, Заратустра велел:

— Бросьте ношу.

Воины молча выполнили приказание.

— Разверните.

Железные дэвы вытряхнули тело из ковра, не выказав ни

малейшего изумления. Маг отправил их со двора и свистнул в темноту.

На его зов появилась стая серошерстных собак.

— Ешьте, собачки! — ласково велел Заратустра и удалился.

Псы жадно вгрызлись в еще теплое тело. Все, кроме одного. Тот обнюхал труп, поднял глаза к круглой, словно блюдо, луне и тоскливо завыл.

То был единственный плач по покинувшему этот мир Артабану.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Самая короткая

> И показал мне Иисуса, великого иерея, стоящего перед Ангелом Господним, и сатану, стоящего по правую руку его, чтобы противодействовать ему.
>
> *КНИГА ПРОРОКА ЗАХАРИИ 3,1*

Верблюд, конечно, нечистое животное, но попробуй обойтись без него в пустыне, барханы которой начинаются почти сразу же за водами Мертвого моря. Левитам, возжигающим жертвенные огни в плодородных ханаанских долинах, легко рассуждать о нечистоте этого верного помощника купца и кочевника. В долинах много зелени и достаточно воды, а чтобы они стали делать, окажись без верблюда в бескрайней аравийской пустыне, где в избытке лишь один песок, мертвенно осыпающийся под ногами.

Держась руками за мохнатый верблюжий горб, Ефрем привстал и осмотрелся. Если глаза не лгали ему, то вдалеке виднелись стены города. Гадать, что это за селение, не приходилось. В полдень они напоили верблюдов из Дивонского источника. А за Дивоном находился лишь Атароф — суматошный град детей Рувимовых. Пару лет тому назад Ефрему уже случилось бывать здесь.

Ефрем поворотил верблюда и направился к купцу Иисусу из рода Иудиного. Иисус был хозяином верблюдов, товаров, скрытых в крепких тюках, и погонщиков, что приглядывали за животными. Он был и хозяином Ефрема, продавшего себя на семь лет в рабство единоверцу. Поравнявшись с купцом, восседавшим на редкостном белом дромадере, Ефрем сказал:

— Хозяин, Атароф на горизонте.

Иисус не снизошел до ответа рабу и лишь кивнул головой. Мерно ступая плоскими, словно лепешки, копытами, верблюды продолжили свой путь.

Постоялый двор был пропитан острой смесью запахов навоза, пота и странствий. Погонщики развьючили животных и задали им корму. Лишь после этого они поели сами. Солнце уже уползало за хребты невысоких гор, когда купец окликнул Ефрема. Тот подошел.

— Приготовь двух верблюдов. Будешь сопровождать меня.

— Куда мы поедем, хозяин?

— Не твое дело.

Ефрем пожал плечами, а когда купец отвернулся, скорчил ему в спину рожу.

Вскоре они выезжали с постоялого двора. Как раз в этот миг в ворота входил иноземный караван. Скакавший впереди других всадник в богатом плаще окликнул иудейского купца:

— Раммера? Какими судьбами?

— Ефрем, — обратился купец к слуге, — у нас будет важный разговор, а ты присмотри пока за верблюдами.

Ефрем поклонился и отошел. До него изредка долетали обрывки фраз. Он не понял, о чем идет речь, да и не мог понять. Язык, на котором говорили купец и его гость, был мертв, словно море у их ног. Этот язык был мертв уже десять тысячелетий.

* * *

— Ты выбрал себе неплохую маску. Сколько же мы не виделись?

— Пожалуй, лет двадцать. Не меньше.

— Как дела у жреца?

— А как поживает Командор?

— Ты совсем не изменился! Как и прежде — вопросом на вопрос.

— Старая привычка. Слышал, вы затеяли большую игру.

— Да. Поэтому я и нашел тебя.

— Как это мило с твоей стороны, что не забываешь старых друзей. Я весь во внимании.

— Хочу предупредить тебя, чтобы не путался под ногами.

— Вот как!

— Именно. Несколько раз это тебе сходило с рук. На этот раз не надейся. Я буду безжалостен.

— Благодарю за предупреждение. Но у меня свои планы и тебе нет в них места. Ты стал очень злым.

— Ты был таким всю жизнь. А я лишь с тех пор, как понял, что добиться чего хочешь можно лишь силой.

— И чего же ты хочешь?

— Власти.

— Не так уж много.

— Ты дашь слово, что не станешь мешать мне.

— Я не даю пустых обещаний.

— Значит, ты все же думаешь вмешаться в эту игру?

— Пока не знаю.

— Буду надеяться, что это честный ответ.

— Надейся.

— Ты такой же лжец и лицемер, как прежде.

— Надеюсь.

— Но ты можешь ответить честно хотя бы на один мой вопрос?

— Спрашивай.

— Ты виделся с отшельником?

— Нет.

— И не поддерживаешь с ним связи?

— Нет.

— Спасибо. По крайней мере, теперь я уверен, что он знает о моих планах и вы играете одну игру. Берегись, я сломаю тебе шею!

— Гляди, не сломай свою!

Окинув друг друга ненавидящими взглядами, оба канули в темноту. Один держал путь на запад, другой спешил на восток. Их дороги разошлись давно — еще в те времена, когда был Остров.

* * *

Этот храм был некогда одним из самых величественных в мире. Основанный мудрым царем Соломоном, он был сооружен из тесаного камня и медных колонн, стены и потолки были обшиты кедровыми досками, паркет сделан из драгоценного кипариса. Алтарь, подсвечники и щиты, украшавшие стены, были отлиты из чистого золота.

Но время не пощадило храм. Его разоряли израильтяне и кемтяне, жестоко грабили воины Дамаска и Ассирии. Столетие назад храм был до основания разрушен армией Навуходоносора. Вавилоняне не только превратили храм в кучу развалин, но и украли драгоценную утварь, используемую при богослужении.

Но Вавилон торжествовал недолго. По воле разгневанных богов он был взят армией Куруша. Мудрый царь-арий велел вернуть украденные сокровища и восстановить храм. Двадцать лет ушло на то, чтобы возвести новые стены. Но воссозданный храм был жалкой копией храма древнего, постоянным напоминанием о том бедственном состоянии, в котором находилась Иудея.

По каменной лестнице Иисус прошел в притвор храма. Здесь пахло Ладаном, который курился в дешевом медном алтаре. У алтаря стоял жрец Езмон, ради встречи с которым купец прибыл в Иерусалим.

Они достаточно хорошо знали друг друга, поэтому вели разговор без обиняков и без лишних предисловий.

— Великие события назревают, брат мой, — сказал Иисус.

Езмон молча кивнул. Он считал себя мудрым и поэтому всегда ждал, пока собеседник не раскроет свои планы до конца. Иисус не стал томить жреца понапрасну.

— Я располагаю точными сведениями, что грядет великая война, в который парсийский царь сломает себе шею. — Купец посмотрел на своего собеседника, желая понять, какую реакцию вызвали его слова; Езмон бесстрастно кивнул. — Неисчислимые тысячи парсов и их верных слуг полягут в скалистых теснинах Эллады, кровью пропитается земля, плачем наполнятся стены градов. Не пришло ли время скинуть иноземный гнет, тяжелым бременем лежащий на плечах детей Яхве? Не пора ли возродить могущество древнего Израиля, Израиля Саула, Давида и Соломона!

Иисус замолчал, давая понять, что он сказал все, что хотел. С хрустом распрямляя парчовые одежды, жрец встал из-за стола. Взгляд глубоко посаженных глаз пронзил купца.

— Это крамольные речи, купец Иисус, и не знай я тебя столько лет, то мог бы подумать, что говорю с провокатором,

посланным врагами Иудеи. Да, я мечтаю о том, чтобы возродить великий Израиль, я мечтаю о том, чтобы поднять из руин и пепла могущество нашего государства, но время для этого еще не пришло. Еврейский народ не единожды поднимался с оружием против иноземных угнетателей и к чему это привело? Был разрушен храм. Был разрушен город. Была истреблена треть народа, а две трети рассеяны по всему свету. Молитвами жрецов, левитов и всех истинно верующих царь Дарий вернул иудеям то, что принадлежало нам по праву. Так неужели мы настолько глупы, чтобы собственными руками сокрушить наше благополучие, пожертвовать им ради каких-то химерических идей?! Над Иудеей ныне не довлеет религиозный гнет, как это было прежде. Парсы весьма благосклонны к нашему вероучению, ибо в верах в Ахурамазду и в Яхве много общего. Что будет, если мы восстанем против Ахурамазды? Тем самым мы восстановим против себя Яхве и поразит нас Господь проказою, сумасшествием, слепотой и оцепенением сердца. И придут новые беды на землю иудейскую. Нет, парсийское владычество не есть то зло, с которым нам следует бороться. По воле Господа я обращаю огненный взор на отступников и отщепенцев, что приняли в лоно семей своих чужеродных жен, что осквернили уста свои восхвалениями чужих божеств, что возносят на алтарях своих нечистые жертвы. Вот против кого следует обратить гнев Господень!

— Ты глуп, жрец, — сказал Иисус. — В тебе нет величия Моисеева.

Сказав это, купец повернулся и вышел. Езмон тихо усмехнулся в бороду. Он был мудр. Он не хотел вражды с парсами, ибо их копья обеспечивали спокойствие в народе и доходы храма. Он не хотел вражды с парсами, ибо в его сундуке звенело парсийское серебро. Езмон любил сытно пообедать и провести ночь с молодой женщиной. А этот безумец гнал его в пустыню, подобно отроку Давиду. Эзмон был слишком стар для подобной судьбы. А кроме того, купец был нечестив. Он не обладал истинной верой. Жрец чувствовал это. А значит, следовало очиститься от скверны.

Езмон вышел во двор и отвязал черного с белой звездой во лбу теленка. Повалив его на алтарь, жрец полоснул острым кривым ножом жалобно мычащее животное по горлу. Хлынула темная кровь и глаза погасли. Езмон окропил алтарь кровью, затем быстро освежевал тельца и бросил нечистые внутренности и сало его на жертвенный огонь. По закону тушу следовало сжечь на тисовых поленьях во дворе храма, но зачем лишать себя куска молодой телятины.

— Прими, Господи, жертву за грех, совершенный купцом Иисусом. Прими и прости его гордыню и безумие.

Езмон улыбнулся в бороду, ибо:

«Священник, совершающий жертву за грех, должен съесть ее...»[1].

Так завещает Тора.

* * *

— Раммера?

Купец медленно обернулся.

— Так это все же был ты! Почему ты не ответил на мое приветствие на постоялом дворе в Атарофе?

— Какая тебе разница, Рекко? Впрочем, если хочешь знать об этом, давай отойдем в сторону.

Купец показал взглядом на стоящего рядом Ефрема. Рекко, гость из Сидона, понимающе кивнул головой.

Они скрылись за прибрежными скалами. Прошло совсем немного времени, и появившийся из-за камня иудей окликнул своего слугу.

— Поди сюда. Этому человеку стало плохо.

Ефрем поспешно побежал на зов хозяина, ломая голову, почему незнакомец вновь назвал его Раммера и, главное, почему хозяин на этот раз откликнулся на чужое имя. Или оно не чужое ему?!.

Эта неоконченная мысль была последней мыслью Ефрема. Через мгновение он лежал на остывающем трупе сидонского купца, а из перерезанного горла уходила жизнь.

Раммера-Иисус вытер нож о полу одежды слуги. Бог — свидетель, он не имел зла ни на одного из этих людей. Но он не любил оставлять свидетелей в живых. Бог — свидетель и этому. Вот только какой бог. Его уста восхваляли множество богов, а сердце не верило ни в одного. Он имел множество имен, но те, кто его знали многие тысячи лет, именовали его лишь одним, тем, что он любил более всего, тем, под которым он достиг наивысшего могущества, тем, с которым он однажды погубил мир. То было имя великого номарха легендарного Кемта Келастиса, и он любил его даже более, чем имя, данное при рождении — Кеельсее.

Он стоял на борту триеры и глядел на свинцовые предгрозовые волны. Корабль держал путь в Тир. Оттуда он поплывет дальше — на Крит, однако об этом купец еще не знал.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Из парсов в греки — 1

...И создал он образ, — подобной
Женщины свет не видал, — и свое полюбил он созданье.
Было девичье лицо у нее; совсем как живая,
Будто с места сойти она хочет, только страшится.
. . . . . .
В дом возвратившись, бежит он к желанному образу девы
И, над постелью склонясь, целует, — ужель потеплела?
Снова целует ее и руками касается груди, —
Вот поддается перстам, уступает — гимметский на солнце
Так размягчается воск, под пальцем большим принимает
Разные формы, тогда он становится годным для дела.
Стал он и радости полн и веселья, ошибки боится,
В новом порыве к своим прикасается снова желаньям.
Тело пред ним! Под перстом нажимающим жилы забились.
Тут лишь пафосский герой полноценные речи находит,
Чтобы Венере излить благодарность. Уста прижимает
Он наконец к неподдельным устам, — и чует лобзанья
Дева, краснеет она и, подняв свои робкие очи,
Светлые к свету, зараз небеса и любовника видит.

ОВИДИЙ, «Метаморфозы»

Царь присмирел с тех пор, как заметил странную перемену в Артабане. Сын Дария не отличался остротой ума, но ее и не требовалось, чтобы понять — э т о т Артабан не задумываясь вытащит из ножен меч. А кроме того, в ночных кошмарах то и дело являлась жуткая когтистая лапа, вырывающая окровавленную плоть. Ксеркс счел за лучшее полностью самоустраниться от дел, переложив их на плечи начальника стражи. Своих братьев, прорывавшихся на первых порах в его покои с упреками, он прогонял криком. А затем они перестали появляться, так как этого не хотел Артабан.

Единственным отрадным местом, где царь мог чувствовать себя более или менее спокойно, оставался гарем, хотя наложницы стали более дерзки, чем прежде, хотя здесь больше не было чаровницы-ионянки, проводившей свое время в компании Артабана или внезапно вошедшего в фавор к хазарапату Мардония. Почему вдруг начальник стражи полюбил своего воинственного врага, царь не мог понять. А, может быть, боялся понять.

Но внешне все было также, как и прежде. Вельможи падали ниц и целовали край золотой туфли, когда царь появлялся пред ними, придворные льстецы сочиняли небылицы о том, как обожает своего владыку народ, жрецы и маги предрекали ему долгое благополучное царствование. Все было как прежде...

Ленивые раздумия царя потревожил Кобес. Он был выпущен из застенка по приказу Артабана и вновь занял место старшего евнуха. Первым делом Кобос расправился с завистливыми соперниками, претендовавшими на его место и ради этого клеветав-

шими на него. Евнухи-интриганы были обезглавлены на рыночной площади, а Кобос стал единовластным распорядителем в царских покоях. Артабан правил державой, Кобос — дворцом.

Низко, с показным подобострастием, склонившись перед Ксерксом евнух вымолвил:

— Великий царь, хазарапат просит принять его.

Ксеркс пожевал губами, изображая раздумье, затем кивнул:

— Пусть войдет.

Артабан не вошел, а буквально влетел. Всем видом своим он выражал энергию и решимость. Отвесив небрежный поклон, хазарапат произнес:

— Великий царь, войско собралось и ждет тебя.

— Как, уже?

— Да, повелитель. Последние отряды будут у Сард не позже, чем через тридцать солнц. Пора отправляться в путь.

Ксеркс замялся.

— Но, может быть, Артабан сам поведет войско? Или Мардоний? А я буду молить Ахурамазду и Гаррона об успехе дела здесь, в Парсе.

— Это невозможно, государь. Великое войско должен возглавить сам великий царь, а не его слуги. Воины ждут своего владыку, который поведет их на нечестивых эллинов!

В волнении царь начал грызть ноготь. До этого момента его не оставляла надежда, что Артабан и Мардоний отправятся в поход без него, а он тем временем призовет на помощь верных ему парсийских князей, при содействии которых сможет избавиться от проклятого хазарапата. Царь подумал: а не заявить ли, что он тяжело болен, но, взглянув на Артабана, отказался от этой мысли. У вельможного лекаря всегда было наготове лекарство — острое и надежное, излечивающее раз и навсегда.

— Когда мы отправляемся?

— Прямо сейчас.

— Но я не собрался в дорогу!

— Слуги упаковали сундуки еще вчера. Бессмертные наточили копья и начистили мелом щиты. Сатрапы и фратараки предупреждены о намерении вашего величества отправиться в Сарды и позаботятся о покоях для великого царя и о пище для его гвардии.

Артабан замолчал и выжидающе посмотрел на Ксеркса. После долгой паузы царь неохотно выдавил:

— Хорошо, будь по твоему. Вели Кобосу приготовить повозки для наложниц и взять мази и притирания.

— Я уже распорядился.

Царь со вздохом поднялся с ложа и вбежавшие по знаку Артабана слуги стали облачать его...

Путешествие царя — дело хлопотное. Даже если это простой объезд сатрапий. И хлопотное вдвойне, если владыка выступает в поход.

Царский караван растянулся на добрых три парасанга. Впереди шли две тысячи отборных копейщиков, чьи кожаные доспехи были выкрашены серебряной краской.

Двадцать прекрасных ликом отроков несли серебряный алтарь с негасимым огнем. За алтарем шли тридцать жрецов Ахурамазды, а за ними — триста шестьдесят пять юношей с посеребренными щитами и мечами.

Царь ехал на колеснице, запряженной четверкой белых лошадей, самых прекрасных в мире. На нем был багряный плащ, а голову покрывала высокая митра, увенчанная короной. Царя сопровождали родственники и эвергеты; их одеяния и сбруя лошадей переливались золотом, серебром, дорогими камнями и пурпуром.

Позади шла первая тысяча бессмертных, поражавшая воображение наблюдавших за шествием земледельцев богатством доспехов и золотыми яблоками, украшавшими копья.

Следом двигался огромный обоз с тремя тысячами сундуков и вьюков, полных одежд, драгоценной посуды, украшений, ковров, сладких лакомств и любимых царем безделушек. Пятьдесят всадников-ариев охраняли караван мулов, везших на своих спинах тысячу серебряных и двести золотых талантов. При обозе находились шестьдесят две любимейшие наложницы Ксеркса, оберегаемые от посторонних глаз вооруженными кривыми мечами евнухами. Здесь же были мальчики для утех, соколы и гепарды. Буйволы тянули повозку с заключенным в прочную железную клетку огромным бурым, злобного нрава зверем, привезенным царю с далекого севера. Он издавал рев, от которого вздрагивали гепарды и шарахались в страхе кони.

За обозом тянулась длинная, громыхающая железом змея из девяти полков бессмертных, хвост ее составляли две тысячи закованных в чешуйчатые панцири всадников.

Но и это было еще не все. За воинами — насколько хватало глаз — тянулась бесконечная вереница кибиток, всадников, пеших путников. Здесь были слуги и наложницы вельмож, куртизанки, торговцы и просто сброд, который непрочь пошататься подобно рыбе-лоцману, хватающей объедки с акульего стола. В эту толпу затесалась добрая половина воров Каранды, споро срезающих кошели у зазевавшихся торговцев. Так что великий поход должен был обогатить не только царскую казну, не только вельмож, воинов и торговых людей. Свою толику награбленных богатств рассчитывали получить и воры. Вот только брать эту толику они предпочитали авансом.

Еще был далеко не вечер, когда Артабан внезапно приказал остановиться и начать разбивать шатры.

— Что такое? Еще рано. Почему мы не продолжим путь? — заволновался Ксеркс.

Хазарапат даже не взглянул в ее сторону.

— Нам надо докончить кое-какие дела.

Артабан подозвал к себе дворцового конюшего и приказал привести царского коня.

Ксеркс не решился ни возразить, ни осведомиться куда они должны отправиться. Вскоре царь и группа вельмож в сопровождении пятисот всадников во весь опор неслись к роще демона Гаррона — священного покровителя арийского рода, из которого происходили Ксеркс, Артабан и Мардоний.

Разбрасывая во все стороны ошметки влажной земли, кони подскакали к небольшому храму, из которого выбегали потревоженные шумом жрецы Гаррона. Артабан повернулся к подскакавшим лучникам-массагетам и махнул рукой. В воздухе запели стрелы, и жрецы рухнули бездыханны.

Царь и вельможи побледнели от ужаса. Спокойными остались лишь хазарапат, да закутанная в белоснежный арабский бурнус Таллия. Массагеты тем временем спешились и вбежали в храм. После недолгой борьбы они извлекли из его закоулков двух отчаянно сопротивляющихся жрецов и бросили их к копытам царского коня.

Артабан привстал с седла и провозгласил:

— Слушайте царский указ! С сего дня великий царь, владыка Парсы повелевает своим рабам поклоняться только светлому богу Ахурамазде и его верным слугам Митре, Анахите, Вэртрагне, Аши и прочим чистым демонам, числом четырнадцать. Почитание злобных демонов-дэвов отныне преследуется смертью, а их капища подлежат разрушению. И да будут их черные алтари сокрушены, а слуги умерщвлены! Да славится великий и созидающий Ахурамазда!

Хазарапат спрыгнул с коня, выхватил булатный меч и дважды рубанул им по головам жрецов. Те распростерлись на земле. В тот же миг толпа массагетов, вооруженных топорами и чеканами ворвалась в храм. С грохотом разлетались священные сосуды и мраморные изваяния. Сталь превратила алтарь в мелкую каменную крошку, деревянные перекрытия были обращены в щепу. В довершение воины ударили окованным медью бревном в стены, пробив в них бреши. Храм зашатался и рухнул.

Едва осела известковая пыль, взору ошеломленных зрителей предстало страшное зрелище — руины сокрушенного вдребезги храма, из-под которых торчали остатки медных сосудов и окровавленные тела жрецов.

То были руины сокрушенной веры.

Вельможи и воины-парсы стояли в оцепенении. Ни единого возгласа. Даже язычники-массагеты и те вдруг притихли, смущенно отирая окровавленные топоры о траву. Лишь треск осыпающихся камней, да клекот возбужденных вторжением в их владения лесных птиц.

Послышался тихий стон заваленного камнями страдальца. И Ксеркс очнулся.

— Слава великому Ахурамазде! — что есть сил закричал он.

Лицо царя налилось натужной кровью. — Слава мудрому и милосердному!

— Слава! — нерешительно подхватили вельможи. Постепенно их крики становились все громче, постепенно к ним присоединились голоса воинов.

И вскоре сотни глоток кричали хвалу демону света; демону, который отныне е с т ь бог. А Артабан и Таллия усмехались.

Летавший высоко в небе орел принес весть о разрушении капища льву. Лев усмехнулся и прошептал:

— Так говорил Заратустра.

* * *

«...по воле Ахурамазды, я этот притон дэвов разгромил и провозгласил: «Дэвов не почитай». Там, где прежде дэвы почитались, там совершил поклонение Ахурамазде и Арте небесной. И другое дело, что делалось дурно, я сделал, чтобы было хорошо. То, что я сделал, все я сделал милостью Ахурамазды. ... Говорит Ксеркс царь: Меня да хранит Ахурамазда от скверны и мой дом и эту страну. Об этом я прошу Ахурамазду. Это мне Ахурамазда да подаст».

(Надпись на каменной таблетке, обнаруженной в Парсе)

* * *

— Должно быть, в мире нет города более величественного, чем этот. Хотя его лето уже прошло, но осень все еще впечатляет. И могу поклясться — даже зима его будет прекрасна. Огромные, словно созданные титанами, развалины, покрытые белым, снежным слоем песка...

Говоря это, Таллия любовалась изящными барельефами, что украшали Дорогу процессий. А Демарат любовался ею.

— Я лишь однажды в жизни видела зрелище столь же великолепное. Это Мемфис, что в Кемте. Но там уже настала зима. Зима...

Она замолчала, словно о чем-то вспоминая, и глаза ее чуть погрустнели; затем резко повернула голову, ловя взгляд Демарата.

— Почему ты молчишь?

— Смотрю на тебя и думаю.

Таллия чуть усмехнулась.

— О чем?

— Прости за дерзость, но мне ужасно хотелось бы посмотреть какова будет твоя зима. Будет ли она прекрасной?

Ионянка изумленно посмотрела на своего спутника, словно открывая в нем что-то новое.

— Да, действительно дерзкое желание. И неожиданное. Неужели ты и впрямь хочешь увидеть меня старой?

Спартиат кивнул головой.

— Да.

— Но почему?

Демарат ответил не сразу. Взяв девушку за руку, он увлек ее за собой. Они шли по шумной многолюдной улице и горожане почтительно расступались. То ли потому, что массивная фигура спартиата и его меч внушали уважение, то ли оттого, что поодаль, шагах в двадцати за их спиной, шагали десять бессмертных. С трудом подавляя желание скользнуть ладонью вверх к шелковистой коже предплечья Таллии, Демарат с высоты своего роста изучал ее прекрасное, словно выточенное из паросского мрамора лицо, вдыхал сладкий запах светлых, рассыпанных по плечам волос. Ионянка лукаво подняла глаза и спартиат слегка покраснел. Скрывая улыбку, Таллия потребовала капризным голосом:

— Отвечай: почему?

Вопрошающие губки были столь желанны, что надо было быть воистину спартиатом, чтобы подавить в себе желание поцеловать их. Нет, пожалуй, надо было быть более, чем спартиатом.

— Когда я смотрю на тебя, мне становится страшно. Мне кажется, что тебе вечно суждено быть молодой.

— И что в этом дурного?

— С одной стороны — ничего. Это даже прекрасно. — Демарат понизил голос до шепота. — Страшно, если такая красота блекнет.

— А с другой? — Взгляд Таллии стал серьезен.

— Может быть, это эгоизм, но будь ты моей, мне хотелось бы, чтобы твоя красота осталась со мной. Чтобы ты была лишь для меня.

Таллия чуть грустно усмехнулась и отбросила движением головы волосы, упавшие на лицо.

— Это чистой воды эгоизм. Хотя я понимаю тебя. Очень хорошо понимаю. Ты отважился сказать то, о чем предпочитают молчать. Так думают все: и мужчины, и женщины. Ведь и те, и другие в меру эгоистичны. Только эгоизм их разный. Мужчины воспринимают свой как нечто само собой разумеющееся, женский эгоизм более скрытен, обычно мы прячем его под маской заботливости. Но это не означает, что его нет. Он есть и по силе своей превосходит мужской. Но люди обычно стесняются своего эгоизма и поэтому не высказывают мыслей, подобных твоей, вслух. И боятся их. А вот ты не испугался. Я люблю тебя, царь Демарат, за это.

Ее лицо озарила улыбка и спартиат счастливо рассмеялся.

— Как сладко услышать из твоих уст: люблю тебя. Повтори ты эти слова еще раз и более искренне, и мне кажется, за моей спиной выросли бы крылья.

— Я люблю тебя, царь Демарат, — повторила Таллия, сжимая крепкими пальчиками ладонь спартиата. — И я говорю это вполне искренне. Ты мне интересен. А я люблю лишь тех, кто мне интересны. Ты сильный, бесстрашный, с должным презре-

нием относишься к смерти. Ты много пережил. Но вся беда, твоя беда в том, что я люблю не только спартанца Демарата. Я люблю многих. А любила стольких, что тебе даже трудно вообразить.

— Ты любишь Мардония?

Ионянка вскинула брови.

— С чего ты взял? Конечно, нет.

— Чудно...

Оборвав фразу на полуслове, спартиат внезапно прижал левой рукой Таллию к себе, укрывая своим телом, а правой отбросил в сторону зазевавшегося паренька-лоточника, который едва не врезался в них. Бросок этот был столь свирепым, что несчастный отлетел чуть ли не на двадцать локтей, разбросав по мостовой медовые пирожки.

— Раззява! — проворчал Демарат, но тут же остановил бессмертных, вознамерившихся схватить торговца. — Оставьте его. Это случайность.

Бессмертные покорились, не отказав себе, правда, в удовольствии угостить лоточника парой увесистых оплеух, а заодно накололи на копья его сладости. Видя как расстроился паренек, Демарат бросил ему дарик. Лоточник ловко поймал монету и растворился в толпе, одобрительно зашумевшей при столь щедром жесте иноземца.

Таллия проследила за этой сценой с любопытством и Демарат мог поклясться, что она не слишком спешила освободиться из его объятий.

— Чудно, — повторил Спартиат, возвращаясь к прерванному разговору. — А Мардоний больше своей жизни любит тебя. Видишь, какую стражу он к нам приставил!

— Меня не надо любить больше жизни. Это скучно, подобная навязчивость утомляет. А стражу к нам приставил не Мардоний, а Артабан. И не потому, что боится за меня. Скорее, он боится, как бы я не выкинула какой-нибудь фокус.

Демарат искренне удивился.

— Вот как! А чем ты можешь навредить сиятельному Артабану?

— Ну мало ли чем. Ты ведь меня совсем не знаешь.

— Он знает тебя немногим больше, — с оттенком ревности заявил спартиат.

— Вот тут ты ошибаешься. Он знает меня хорошо. По крайней мере, ему известно на что я способна. Мы знакомы с ним очень давно. Он боялся меня еще тогда, когда не был отшлифован камень, по которому мы ступаем и не рвались ввысь несокрушимые колоссы пирамид.

— Ты должно быть шутишь! — пробормотал Демарат, не зная, как отнестись к подобному заявлению.

— Ничуть. Артабан, как он себя сейчас называет, и тогда был одиноким волком. Он и тогда не доверял никому, даже себе. А меня он просто боялся.

Таллия замолчала и потупила взор. Демарат вновь залюбовался ее красотой.

— Даже нелепые сказки, что ты рассказываешь, звучат в твоих устах столь прекрасно, что я готов слушать их вновь и вновь.

В зеленых глазах Таллии блеснул огонек.

— Хочешь, я расскажу тебе старую-старую сказку? — спросила она.

— Хочу.

Увлекшись беседой, они не заметили как дошли до платформы, на которой был разбит сад из диковинных растений.

— Присядем здесь, — сказала Таллия, опускаясь на мраморную скамью. — Я устала.

Она погладила ярко-зеленый лист, и он воспрянул от этой ласки.

— Говорят, этот сад был создан по велению царицы Семирамиды. Еще один пример был, превращенный в легенду. Царица никогда не мечтала ни о каком саде. Ей было не до развлечений. Но это уже другая сказка. А сейчас слушай...

Таллия положила изящную головку на плечо спартиата. То был естественный жест влюбленной женщины. У бессмертных округлились глаза. Они наверняка доложат об увиденном Артабану. Но Демарату было наплевать на это. Будь его воля, он согласился бы навеки врасти в эту скамью, подобно Пейрифою. Только чтоб рядом вечно была эта чудесная девушка, чьи губы тихо начали нежную песнь.

— Давным-давно, когда, точно не помню, но было это еще до подвигов Ахилла и даже до безумного поступка титана Прометея, давшего людям огонь. Быть может, это случилось, когда на земле был золотой век. Неважно. В небольшом городке жила девушка. И была она дивно хороша собой, столь прекрасна, что мужчины теряли голову и пронзали друг друга копьями, борясь за ее любовь. Но она не отвечала взаимностью на их домогания. Ведь это очень скучно, когда любовь пытаются завоевать копьем. Чтобы выиграть эту битву, нужна не только сила. А витязи того времени кичились своей силой и верили лишь в силу.

И однажды пришел в этот городок бродячий художник, зарабатывавший себе на ячменную лепешку тем, что высекал из камня фигурки идолов. Не скажу, что он был искусным мастером. Напротив, фигурки его были грубы, в них не хватало той гармонии, которая превращает камень в прекрасную статью. Он пришел, чтобы вытесать очередную пару идолов, заработать немного серебра и продолжить свой путь. Ведь все художники — бродяги.

Но, высекая идола, он увидел девушку и каменный монстр превратился в розу. Она подивилась, так как никогда не видела цветка, прекраснее этого. Ведь резец художника заставил трепетать каждый лепесток, наполнил душистым ароматом сплетенное из прозрачных мраморных пластин сердце.

Девушка замедлила шаг и посмотрела на художника. А тот взял резец и подошел к мраморной глыбе. Он смотрел на нее, а его руки сами делали то, что он видел, что хотел видеть. И рождалось чудо. И мрамор распускался завитками волнистых волос. Пепельная хладь превращалась в бархатистую кожу, а каменные губы страстно звали к поцелуям. Он выточил каждую мелкую черточку, он обозначил даже жилку, тонко бьющуюся на виске, а по мраморным паутинкам потекла живая кровь.

Люди признали: нет на земле творения, более прекрасного, чем это.

И девушка выбрала художника. Не потому, что он стал знаменит, а потому, что он понял ее душу.

Но...

Все рано или поздно заканчивается Но.

Он познал ее душу и воплотил ее в камне. Но ведь душа — не камень. Она дрожит, живет, меняется — сто перемен в одно мгновенье! Она учится любить и ненавидеть, страдать и заблуждаться.

Ее душа менялась. Быстрее, чем отрастают волосы. А он был тверд в своем убеждении, что постиг ее тайны. Но ведь душу нельзя постичь. Она непознаваема, словно космос, рождающий сверхновые звезды. Также и в душе рождаются чувства, которые никогда не встречались прежде.

Летели дни и он стал не узнавать свою возлюбленную. Она стала ему чужой. Его мечта воплотилась в статую, а эта девушка была не его мечтой. И так бывает: он влюбился в статую. А она ушла к другому. К тому, кто принимал ее такой, какая она есть, а не какая она была.

Вот и вся сказка.

— Я знаю, как его звали, — сказал Демарат.

Таллия с интересом взглянула на него.

— Как?

— Пигмалион.

— Ты очень неглуп, спартанец Демарат, — медленно выговорила ионянка. — И ты прав. Это действительно был Пигмалион. Но у моей сказки грустный конец. Боги так и не вдохнули жизнь в его мраморную Галатею. Ибо зачем оживлять то, что уже некогда было живым!

Спартиат поднес руку Таллии к своим губам.

— Это была прекрасная сказка.

— Это был прекрасный вечер. Я мечтаю о том, чтобы он когда-нибудь повторился.

Таллия вспорхнула со скамьи и побежала ко дворцу, где остановились царь и свита. Темнело и улицы почти опустели. И крохотные туфельки звонко стучали по мостовой.

Словно гранитные слезы, роняемые каменной Галатеей в ладони своего Пигмалиона.

* * *

Мардоний только что закончил докладывать хазарапату о состоянии войска...

Он вознесся высоко, быть может, так высоко, как и не мечтал. Царь внезапно назначил его своим первым полководцем, дав в помощники своего брата Масиста, Мегабиза, Тритантехма, сына Артабана, и Смердомена, сына Отана. Но командующий огромным войском, распоряжавшийся судьбами сотен тысяч воинов, должен был ежевечерне являться на доклад к тому, кто командовал всего одной тысячей. Одной! Но эта тысяча — воины с золотыми яблоками на копьях, лучшие из лучших, личная гвардия царя. А командует ею хазарапат — начальник царской стражи.

И Мардоний покорно шел к Артабану, докладывая ему сколько воинов отстало по дороге, сколько вина и мяса исчезло в бездонных желудках бессмертных и каковы настроения среди присоединившихся к войску бактрийцев.

Непрерывный марш от Суз до Вавилона утомил воинов и по предложению хазарапата было решено дать войску двухдневный отдых. Чинились обувь и одежда, лекари втирали мазь в стертые до крови ноги, кузнецы набивали подковы и меняли оси колесниц. Лишь об этом мог рассказать Мардоний в этот вечер.

Хазарапат выслушал его молча, не сделав ни одного замечания, затем пригласил к столу. Они сытно поели, а сейчас сидели у камина и потягивали терпкое вино.

Разговор не клеился. Слишком странный поворот произошел в их взаимоотношениях в последнее время. Ярые враги, они вдруг в один миг стали единомышленниками, почти что друзьями.

Мардоний хорошо помнил, как на следующий день после сорванного налетом киммерийцев бала сыщики поймали его за городом и доставили во дворец. Он собирался принять мучительную смерть, а вместо этого его встретили смеющиеся Демарат и Мегабиз, а затем принял лично хазарапат, на лице которого играла странная улыбка.

Странная. Мардоний до сих пор не мог освободиться от наваждения, что перед ним другой человек. Совершенно другой человек.

Артабан, как и прежде, был уверен в себе и властен, но в нем появилась какая-то непонятная сила, влияние которой ощущали все, кто находились рядом. Люди невольно втягивали головы в плечи, испытывая желание согнуться в поклоне, дикие скакуны забывали о своем неистовстве и с опаской косились в сторону вельможи, даже звонкие птицы — и те умеряли силу своего голоса.

И еще — Артабан внезапно стал рьяным сторонником похода на Элладу. По его воле закрутились шестеренки государственной машины, созывая полки, собирая дополнительные подати, создавая запасы оружия и продовольствия. Мардоний с долей ревности

наблюдал за тем, как этот загадочный человек сдвинул с места сотни тысяч вооруженных людей и заставил их устремиться к Сардам, где был назначен сбор войска; как сотни кораблей из Кемта, Финикии, Кипра, Киликии, Геллеспонта и Ликии собрались в ионийских гаванях, готовые расправить паруса и устремиться к берегам Эллады.

Надо отдать хазарапату должное — он всячески подчеркивал, что первенство в этой затее принадлежит Мардонию. Однако Мардоний чувствовал, как из главного вдохновителя похода он превращается в простого исполнителя воли Артабана. Эта новая роль не слишком нравилась ему, но он готов был смириться, лишь бы войско дошло до Фессалийских равнин, а там... Ведь не ради красного словца Артабан сказал ему, что царь ищет сатрапа Эллады. Стать властителем этой земли было давней мечтой Мардония, и он никогда не скрывал своих замыслов.

Обо всем этом думал вельможа, наблюдая как темнеет сочно-алый пламень прогорающих поленьев. И еще он думал о Таллии. И думы о ней занимали его воображение куда более, чем планы покорения Эллады. Если бы его поставили перед выбором — Таллия или Эллада, — он предпочел бы обладать ионянкой. Ведь он любил ее как ни одну женщину на свете, а она вдруг ушла к старику хазарапату. Неужели здесь повинна та магическая сила, что вдруг стала исходить из его глаз? Или... Или лукавая ионянка просто поставила на самого сильного — на ферзя, который в любое мгновенье может стать королем. Царь Артабан! — Неплохо звучит. Впрочем, царь Мардоний — звучит не хуже?

— Почтенный Артабан, как мы поступим с заболевшими лошадьми?

Хазарапат повернул лицо к Мардонию. Суть вопроса была столь ничтожна, что было нетрудно догадаться — это лишь предлог к более серьезному разговору.

— О чем ты хочешь поговорить со мной? — спросил Артабан.

Поставив кубок на стол, Мардоний скрестил на груди сильные руки.

— Хорошо, давай начистоту. Я хочу поговорить с тобой о Таллии.

— Слушаю тебя.

— Как случилось, что моя женщина оказалась в твоей постели?

— Спроси ее сам, — усмехнулся Артабан. — Ты купил ее?

— Да.

— Я заплачу тебе втрое больше.

— Я могу дать пять раз столько, сколько предлагаешь ты.

Артабан хмыкнул.

— Понятно. Значит, дело не в деньгах.

— Естественно. Деньги меня мало волнуют. Я хочу получить то, что по праву принадлежит мне.

— Однако, если меня не подводит память, ты отдал ее в царский гарем. Или я не прав?

Мардоний поспешно отвел глаза не в силах выдержать пристального взгляда Артабана.

— Она сама этого захотела.

— Вот видишь — все решает она. А не приходит ли тебе в голову мысль, что и в случае со мной все вышло так, как хотела она?

— Я слышал о том, что она пришла к тебе сама, — признался Мардоний, — но уверен, что здесь не обошлось без колдовских чар. Она слишком любила меня.

— Любила? — Артабан захохотал. — Эта всего лишь твои фантазии, Мардоний! Это женщина не любит никого. Она вообще не знает, что такое любовь. Она играет любовью. Если она и любила, то это было так давно, что... — Хазарапат осекся на полуслове, невольно дав понять, что едва не проговорился. — Я знаю, было время, когда она любила, теперь же она лишь тешит свое самолюбие, дергая за ниточки влюбленных в нее паяцев.

— Так ты не любишь ее? — чувствуя облегчение спросил Мардоний.

— Конечно нет. Я ее слишком хорошо знаю. Я могу полюбить ту, которая любит меня. На это я способен. Еще я могу полюбить ту, которая слабее меня, которая беззащитна перед лицом жестокого мира и которую мне хочется защитить. Думаю, я даже скорее полюблю такую, потому что в каждом сильном мужчине есть чувство орла, оберегающего свое гнездо. Но полюбить женщину, которая сильнее тебя? Не улыбайся! — горячась закричал Мардоний, видя как на лице Мардония появляется саркастическая усмешка. — Быть может, эта женщина самый сильный и опасный человек, которого когда-либо знал этот мир. Она соединяет в себе силу убеждения пророка, храбрость воина, хитрость и вероломство искушенного в интригах царедворца. Да что ты знаешь о ней?! О той, что смеясь ломала шеи богатырям! Которая повергла в прах величайшую в истории державу! Я уверен, если бы она захотела, чтобы мир стоял перед ней на коленях, мы с тобой давно бы целовали прах у ее ног!

Артабан вдруг прервал свою горячую речь и Мардоний понял, что хазарапат сказал ему много больше, чем хотел, много больше, чем мог.

— Ты нарисовал мне какое-то чудовище! — негромко бросил вельможа, чувствуя, как его душа поддается магии слов Артабана и в ней просыпается нечто похожее на страх.

— А она и есть чудовище. Нежное и сильное, ослепительно прекрасное чудовище. Возьми ее себе, если только она захочет к тебе вернуться.

Слова эти были столь неожиданны, что Мардоний с удивлением взглянул на хазарапата.

— Ты кажешься мне сегодня странным, Артабан.

— Артабан? — Лицо вельможи искривила злобная улыбка. — Запомни, Артабана нет. — Он понизил голос и шепотом выплюнул. Словно аспид, целящий ядом в жертву. — Есть Артабан.

От двери донесся звонкий смех. Увлеченные разговором, они не заметили, как вошла Таллия.

— Красиво сказано, Артабан! Я полагаю, сам мудрый Заратустра не смог бы сказать лучше.

Ионянка подошла к застигнутым врасплох мужчинам и окинула их оценивающим взглядом.

— Мардоний, ты можешь идти. Мне надо поговорить с хазарапатом.

Тон, каким были брошены эти слова, не допускал прекословий. Так говорят владыки со своими холопами.

— Я останусь здесь, — процедил Мардоний. — Как смеет женщина указывать вельможе и родственнику царя, что он должен делать! И кто? Куртизанка, которая ложится под того, под кого ей прикажут!

Таллия хмыкнула.

— Как он однако заговорил! Но до сих пор приказывала я. Неужели сиятельный хазарапат не просветил тебя, что я собой представляю?! Или ты уйдешь сам, или тебя выкинет стража.

— Мардоний, я прошу тебя! — вмешался хазарапат.

— Хорошо, я уйду. Но знай, придет день и я напомню тебе об унижении, которое сейчас испытал.

— Поторопи этот день! А теперь — вон!

Скрипнув зубами, Мардоний вскочил на ноги и, не говоря более ни слова, выскочил из комнаты. Таллия рассмеялась и устроилась в освободившемся кресле. Багровые отблески плясали в ее колдовских глазах.

— Дорогая, нельзя же так, — укоризненно протянул Артабан. — Мардоний наш союзник.

— Ну и что! Он мне наскучил. А ты стал позволять себе много лишнего, дорогой. Подойди ко мне.

— Зачем?

— Подойди. Не бойся. Не укушу.

Артабан поднялся из кресла и подошел к Таллии.

— На колени.

— Ты шутишь?

— Нисколько. На колени!

Кряхтя, Артабан опустился на колени и положил ладони на упругие бедра Таллии.

— Убери лапы! — велела она. Артабан не послушался, и тогда ионянка закатила любовнику хлесткую пощечину. — Это тебе за то, что ты меня слишком хорошо знаешь! А это за то, что я играю любовью и дергаю за ниточки паяцев!

На правой щеке хазарапата появился багровый отпечаток, подобный тому, что уже был на левой.

— Я солгал? — осведомился Артабан, не предпринимая никаких попыток, чтобы защититься.

— Пожалуй, нет. — Таллия взяла Артабана за холеную бороду. — Сколько раз я должна повторять тебе, чтобы не распускал свой длинный язык.

— Ты давно здесь?

— Ровно столько, чтобы выслушать твои пьяные откровения.

— Прости, — Артабан коснулся губами смуглого колена. — Я сегодня действительно слишком разговорчив. Как провела время со спартиатом? Бессмертные донесли, что тебе было весело.

— Скучнее, чем ты думаешь. Этот Демарат — неисправимый тупица. Как, впрочем, и остальные мужчины, которых я знала. — Таллия дернула Артабана за бороду. — Но ты не заговаривай мне зубы. Один неверный шаг, и я сотру тебя в порошок. В дорожную пыль! И Артабана не станет. Ни того, что был, ни того, что есть! Ты меня понял?

— Да, — выдавил хазарапат, тараща голубые глаза.

— Великолепно. И упаси тебя Великий Разум рассказать обо мне своему хозяину. Тогда ты покинешь этот мир еще быстрее. А теперь поцелуй меня, — ионянка усмехнулась, — любитель слабых женщин!

Она вновь дернула за бороду, заставляя Артабана тянуться к своему жаждущему рту, и впилась в его губы. Затем она повалила вельможу на пол, и они сплелись в сладострастный клубок.

Как женщина ионянка могла поспорить в искусстве любовных ласк с самой Лиллит! Объятия ее были жарки, но ум ее был холоден. А смерть, даримая ею, не была сладострастной.

Как женщина она предпочитала яд или нож. Смерть, даримая ею, была неотвратимой.

Но право — в ее объятиях не хотелось думать о смерти!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Из парсов в греки — 2

А ведь все поднялись — с Эктабаны, от Суз,
От Киссийских родных старода в них твердынь, —
Поднялись, потекли,
На конях и пешком, и на черных судах:
Ополчилися неисчислимые тьмы
И густою подвиглися тучей.

ЭСХИЛ, «Персы»

Золоченый походный трон установили на холме Арассар еще затемно. Холм этот возвышался над всей округой и был замкнут сплетенной в кольцо дорогой, выходившей из Сард и убегавшей к морю. Еще с ночи это место окружили цепи бессмертных, зорко следивших за тем, чтобы сюда не проник какой-нибудь зевака или злоумышленник.

Царь и свита прибыли, когда солнце поднялось на высоту двух ладоней. Бессмертные уже успели позабыть о том, как кляли ночную промозглость. Влажно поблескивая доспехами, они наблюдали, как царь, хазарапет, высшие военачальники, царские родственники и эвергеты нестройной толпой восходят на холм.

Дворцовая служба делает наблюдательным. Стоявший перед строем своей сотни Дитрав заметил, что царь мрачен, а Артабан и Мардоний, напротив, оживленны. Безжалостно разминая ногами стебельки весенних цветов, Ксеркс уселся на трон, свита стала за его спиной. Мардоний посмотрел на царя, тот кивнул. Тогда вельможа выступил вперед и резко взмахнул рукой. Раздался рев серебряных труб. Из ближайшего стана — а всего их было восемь и самые дальние из них едва виднелись на горизонте — появились воины. Выстроившись в колонну, они двинулись по дороге. Заклубилась пыль. В этот миг к Дитраву подбежал евнух-телохранитель. Трогнув плечо бессмертного пухлой рукой, он сказал:

— Сотник, повелитель приказывает тебе приблизиться к трону.

Слегка волнуясь, Дитрав поспешил исполнить пожелание царя. Под внимательными взорами вельмож, гадавших, что за новый фаворит вдруг появился у владыки, он подошел к подножию трона, пал на колени и прикоснулся губами к теплой коже изукрашенного золотым шитьем сапога. Ксеркс милостиво кивнул ему:

— Встань.

Сотник выпрямился.

— Я помню тебя. Это ведь ты когда-то спас мне жизнь.

В фразе, вылетевшей из царских уст, звучал полувопрос: ты

ли? И Дитрав решил ответить утвердительно, хотя не знал, что его ждет: царский гнев или милость. Но ответил он осторожно:

— Я охранял той ночью царские покои.

На лице Ксеркса появилась благосклонная улыбка.

— Я был уверен, что не ошибся, признав тебя. — Царь на мгновение задумался и смешно причмокнул подкрашенными губами. — Каждый мудрый повелитель должен помнить о своих верных слугах. Я вспомнил о тебе и хочу вознаградить твою преданность. С этого дня ты назначаешься помощником хазарапата. Анаф же возглавит киссиев.

Ошеломленный столь неожиданной милостью, Дитрав бросил взгляд на Артабана, пытаясь выяснить, как тот отреагирует на решение царя. Однако лицо хазарапата оставалось бесстрастным.

«Соглашаться или нет? — лихорадочно запульсировали молоточки в голове Дитрава. — Соглашаться? Но почему Артабан не подаст знак? Ведь он уже имел возможность убедиться в моей преданности. Или, может быть, хазарапат не хочет, чтобы он занял этот пост?».

Поспешно пав на колени, Дитрав выдавил:

— Но не думает ли великий царь, что я еще слишком молод, чтобы занять столь важный пост?

Ксеркс благодушно махнул рукой.

— Нет. Я сужу о своих слугах не по возрасту, а по их достоинствам. Ты доказал свою преданность мне, а это важнее всех прочих заслуг. Верно служить повелителю — вот главная обязанность воина и вельможи. Артабан издаст соответствующий указ и донесет мое повеление до ушей подданных. — Ксеркс привстал и обернулся, желая видеть реакцию хазарапата. Тот молча склонил голову. Одарив вельможу кривой улыбкой, Ксеркс велел Дитраву, который все еще не мог прийти в себя:

— Встань за троном. Отныне ты мой первый щит.

Вельможи стали переглядываться. Какие последствия повлечет появление нового фаворита? Не есть ли эта прихоть царя начало крушения блистательной карьеры Артабана? Но хазарапат выглядел совершенно спокойным. Сделав шаг влево, он взглядом показал Дитраву, что тот может занять место рядом с ним. Бессмертный поклонился и, превозмогая робость, стал рядом с хазарапатом. По лицу вельможи скользнула холодная презрительная улыбка, адресованная царю. Всего лишь одна маленькая вольность, которую позволил себе Артабан, после чего его лицо вновь приняло бесстрастное выражение.

Почтительно наклонившись к царю, хазарапат провозгласил:

— Повелитель, у царских ног проходят тьмы храбрых парсов!

Действительно, в этот миг первые ряды воинов поравнялись с троном, на котором восседал Ксеркс. То были арии — элитные отряды войска, лучше других вооруженные, сытнее прочих накормленные. Воины были облачены в пестрые хитоны, обши-

тые железными чешуйками, на головах красовались войлочные тиары. Каждый воин держал в левой руке сплетенный из тростника щит, в правой — короткое копье. Кроме того, они были вооружены луками и длинными, лишь немного уступающими по длине эллинскому скифосу*, кинжалами. Половина парсов была конна, половина — пеша. Возглавлявший их Отан выхватил меч и закричал, приветствуя царя. Воины подхватили этот клич, и оглушающая звуковая волна обрушилась на холм, заставив царя и вельмож прикрыть руками уши. Артабану пришлось послать слуг, передавших воинам повеление, кричать тише.

Следом шли мидяне, вооруженные так же как парсы. Мидян было вдвое больше, их ряды восхищали своей монолитностью и четкостью поступи. Солнце успело подобраться к зениту, прежде чем замыкавшие мидийскую колонну всадники повернули за холм.

За мидянами пронеслись галопом три тысячи витязей-ариев из числа тех, кто некогда предпочли остаться на землях предков, а теперь по повелению царя пришли сюда, чтобы принять участие в походе.

Оглашая равнину разбойным свистом, проскакали кочевники-массагеты, великолепные лучники, неплохо к тому же владевшие боевыми секирами сагарисами. Едва островерхие тюрбаны массагетов скрылись из виду, как на дороге появились сотни колесниц, за которыми следовали воины-арабы на верблюдах.

Затем прошли парфяне и макроны, фригийцы и пактии.

Вельможи дивились звероподобного вида эфиопам, чьи тела были покрыты барсовыми и львиными шкурами. Оружие эфиопов вызывало не меньшее изумление. Здесь можно было увидеть гигантские, в человеческий рост луки, копья с наконечниками из рога антилопы, железно-шипные палицы, щиты, обитые журавлиной кожей. Командовавший эфиопами Арсам, судя по всему, был горд диким видом своего воинства.

В полдень над царем воздвигли шелковый балдахин, изнеженные вельможи укрылись под зонтиками из страусовых перьев. По лицам полководцев, посчитавших постыдным прятаться от палящих лучей, тек язвящий пот. Сын Датиса Тифей рухнул на землю, сраженный солнцем. Его унесли в тень акации.

Царь пил охлажденное вино, когда мимо шли вооруженные дротиками фракийцы и ливийцы. Это были никуда не годные воины. Их призвали в поход более для числа.

Артафрен вел лидийцев и мисийцев, держащих в левой руке небольшие изящные медные щиты. Эти воины славились своей хитростью и были хороши в засадах и стремительных рейдах.

Всеобщее восхищение вызвала тысяча бравых писидийцев. Все как на подбор высокие, вооруженные длинными мечами и копьями, они выстроились клином, глядя на который верилось, что нет фаланги, способной устоять перед его натиском. Шлемы писидийцев были украшены бычьими рогами и султанами. Зри-

тели следили за разноцветным ковром из ярких перьев до тех пор, пока писидийцы не растворились в полуденном мареве.

Киссии и бактрийцы, урии и пафлагонцы, ликии и сирийцы — неисчислимые колонны воинов мерно шагали мимо холма, и солнце, утопавшее в тучах поднятой их ногами пыли, спешило скрыться за горизонт.

А затем шли кабалии, гирканы, матиены, мариандины, саранги, каспии, наемники-колхи, восемь тысяч вооруженных арканами сагартийцев, мары, хорасмии, саспиры, гандарии, согдийцы, индийцы...

Уже смеркалось, когда передние ряды парсов, покинувших лагерь еще на рассвете, сомкнулись с замыкавшими гигантскую колонну бессмертными. Огромная, блистающая хладным металлом змея многократно обвила холм. Насколько хватало глаз, тянулись ровные шеренги воинов. Ксеркс со смешанным чувством самодовольства и робости обозревал огромное войско, собранное почти против его воли. Только сейчас он осознал до конца, сколь могущественна сила, сдвинувшая с места эту махину.

Ни царь, ни кто-либо из его вельмож не мог сказать точно, сколько воинов собралось под священные знамена Ахурамазды. Известно было лишь, что народов, принявших участие в этом походе, было **пятьдесят семь.** Это поистине были неисчислимые тьмы.

И неважно, сколько их было в самом деле: 1 700 000 человек, как сосчитал Геродот, 800 000, как полагал Ктесий Книдский, или 80 000 — эту цифру назвал историк Дельбрюк. Важно другое — то было войско, перед которым не могла устоять ни одна армия, натиску которого не могла воспротивиться ни одна держава, ни даже весь западный мир.

Это была армия Востока, созданная по воле Ахурамазды для покорения Запада. Сотни алых стягов, реющих над полками, возвещали, что империю ждут великие дни.

Солнце скрылось за кромкой тверди, и наступила тьма. Воины легли на землю там, где их застала ночь.

Утром они построятся в колонны и двинутся на запад — вдогонку за умирающим солнцем.

Утром...

* * *

Так уже получилось, что многие эпизоды этой истории разворачиваются ночью. Ведь ночь — время тайн, а тайна — неотъемлемый элемент нашего повествования. Без тайн жизнь была бы пресна, а события превратились в замешанные на цифрах факты.

Итак, была ночь. Одна из тех майских ночей, что сочетают в себе солнечное тепло и лунную свежесть, сочащуюся из приотворенного окна. Таллия и Артабан, утомленные любовными ласками, лежали на широком ложе, прислушиваясь к голосам стражни-

ков, негромко перекликающихся под стенами дворца адрамитийского тирана Ксанфа. Из дворцового сада доносились трели ночных пичуг. Любовники уже погружались в сладкую пелену сна, когда по опочивальне пробежала волна холодного ветра. Таллия открыла глаза и в тот же миг почувствовала на своих губах ладонь Артабана.

— Молчи, — шепнул он девушке на ухо. — Он идет. Молчи, если хочешь жить.

С этими словами Артабан накинул на голову своей возлюбленной покрывало. Затаившись под легкой тканью, ионянка напряженно прислушивалась к звукам, витающим в комнате.

Шорох, негромкий звук, похожий на шипение, и, наконец, шелест расправляемой одежды. Затем раздался фальшивый голос Артабана, не слишком умело изображающего изумление.

— Это ты? Вот уж не думал увидеть тебя здесь!

— Может быть, я соскучился по тебе! — негромко произнес некто. От этого хрипловатого, давно позабытого, но столь знакомого голоса по коже Таллии побежали мурашки.

— Сомневаюсь.

— Напрасно. Я и вправду скучал. Не с кем перекинуться словом. Кто это рядом с тобой?

— Женщина.

Гость хмыкнул.

— Надеюсь, что не мужчина. Кто она?

— Наложница царя.

— Царь пал столь низко, что раздает своих наложниц?

— Он пал ниже, чем ты думаешь. Я сам беру их!

— Молодец! — равнодушно сказал гость. — Она слышит нас?

— Нет. Она давно спит.

— А если проснется?

Звякнул металл. Таллия поняла, что Артабан извлек из ножен меч. Ее сердце забилось быстрее.

— Тогда эта ночь будет последней для нее.

— Узнаю выучку ГУРС! Кеельсее тоже скор на расправу.

— Ты виделся с ним?

— Да. Имел романтическое свидание на берегу Мертвого моря.

— Договорились?

— Нет. Он вилял хвостом и не дал прямого ответа. Но через иерусалимских жрецов я узнал, что он пытается спровоцировать бунт в Иудее. Затем он отправился в Тир, убив по дороге одного из моих людей. В финикийских водах его поджидали три пиратские триеры. Я щедро заплатил киликийским разбойникам за голову купца Раммера. Но он перехитрил меня — его судно исчезло.

— Где он теперь?.

— Кто знает? В Кемте, на Кипре или Крите, в Элладе, Геллеспонте, на Родосе. Он мог отправиться куда угодно. Я потерял его следы.

— Ну и дэв с ним! Он не может нам помешать.

— Как знать... — Гость присел на край ложа, скрипнувшего под тяжестью его тела. Таллия почувствовала легкое прикосновение к бедру. Затем сильные пальцы ласкающе пробежали от груди до низа живота. Таллия вцепилась зубами в подушку, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не закричать.

— Изумительная фигурка, — сказал гость. — Я не знавал твою подружку раньше?

— Вряд ли. Она слишком молода.

— Что-то неуловимо знакомое... — Гость замолчал, прислушиваясь к дыханию ионянки. — Впрочем, все женщины чем-то похожи друг на друга.

— Это ты удивительно тонко подметил! — съязвил Артабан.

Он хотел отвлечь внимание гостя от девушки и это ему удалось. Рассмеявшись, тот убрал руку.

— Вижу, чувство юмора не изменяет тебе, как и хороший вкус.

Кровать покачнулась. Это Артабан поднялся на ноги.

— Пойдем к столу. Я прикажу принести вина.

— Тогда лучше в другую комнату. Мне кажется, твоя шлюха вот-вот проснется.

— Хорошо.

Кровать скрипнула вновь. Мужчины вышли из опочивальни. Таллия с облегчением вздохнула и медленно стянула с головы вдруг ставшее невыносимо тяжелым покрывало.

Из-за стены донесся голос Артабана, требующего вина. Затем быстро зашаркали чьи-то спешащие ноги.

Таллия задумчиво прикусила губу. Это опасно, но она должна слышать, о чем будут говорить Артабан и его гость. Но это смертельно опасно!

Увы, среди ее качеств здравомыслие находилось на одном из последних мест — рядом с состраданием, милосердием и откровенностью. Да и в конце концов до сих пор судьба была благосклонна к ней.

Бесшумно оставив ложе ионянка, подкралась к двери и заглянула в крохотную щель меж косяком и чуть приотворенной створкой.

Как раз в этот миг слуга ставил на стол кувшин с вином. Ночного гостя нигде не было видно, и Таллии вдруг почудилось, что он стоит за ее спиной. Девушка медленно повернула голову и облегченно выдохнула — никого! Все это лишь ее фантазии. Страх — непревзойденный фантазер!

А вот и гость. Он появился из-за каменной полуколонны, медленно подошел к столу и сел. Тусклые блики свечи вырвали из темноты массивную фигуру, испускающую злобную мощь. Хотя Таллия и была готова к тому, что увидит, она невольно вздрогнула, а нежная кожа покрылась холодной сыпью.

Облик ночного гостя был ужасен. Конус огромной фигуры

был задрапирован в черный с фиолетовым оттенком плащ. На голове красовался покатый шлем. Но более всего ужасало лицо. Собственно говоря, это была маска, искусно выкованная из вороненой стали, но она знала, что лицо, скрывающееся за этой личиной, еще более ужасно. Гость медленно повернул голову и уставился на Таллию безжизненным пустым взором. Он не мог видеть ее, так как щель была слишком узка, а опочивальня погружена в густую тьму, но Таллия испугалась, что он почувствует страх, исходящий из ее сердца. Ведь это существо прекрасно чувствовало страх, оно и жило лишь за счет страха. Таллия медленно опустила веки и постаралась думать о чем-то ином — хотя бы о солнце, что утром расцветит яркими красками изумрудно-бирюзовую воду в гавани.

— За тебя! — негромко провозгласил гость.

Веки девушки, подрагивая, нерешительно поползли вверх, открывая зеленые звездочки глаз. Человек в черном, высоко запрокинув голову, допивал последние капли вина. В щели между шлемом и краем плаща была видна полоса ослепительно белой кожи.

— Дерьмо! — сказал он, мгновение спустя, резко отставляя от себя кубок. — Не идет ни в какое сравнение с солнечным нектаром из моих подвалов.

— Да, твое вино превосходно, — согласился Артабан. Он также отодвинул чашу, после чего вернулся к прерванному разговору.

— Ну и чем же по-твоему нам может угрожать Кеельсее?

— Лично он — ничем. Его возможности ничтожны. Но Кеельсее связан с отшельником. Знать бы, кто скрывается под этой таинственной маской! — Говоривший скрипнул зубами. — Отшельник обладает огромной силой. Он может использовать гиперполя, ему повинуется плазма. В его распоряжении сеть тайных агентов, которые в любой момент могут поднять восстание во многих сатрапиях Парсы. Подозреваю, он знает про световые окна и не воспользовался ими до сих пор лишь из опасения, что я засеку его координаты. Кто бы это мог быть? Неужели она?

Артабан криво усмехнулся.

— Не дури! Ты же сам видел, как она исчезла в пламени, рожденном Черным Человеком!

— Исчезла... — протянул гость. — Но это не означает, что умерла. Меня не оставляет чувство, будто она все еще здесь, совсем рядом, может быть, в соседней комнате.

Гость вновь посмотрел туда, где затаилась Таллия. По телу ионянки потекли струйки холодного пота.

— Ты полагаешь, я бы не узнал ее? — спросил Артабан.

— Нет. Я не думаю, что ты столь глуп и беспечен. Но ты мог узнать ее!

— И не сказал тебе...

— Точно, — процедил гость.

— Ты обижаешь меня, — медленно выговорил вельможа. —

Мы вместе не один год и, кажется, я не давал поводов сомневаться в моей честности и преданности тебе. Если не веришь моему слову, можешь сам пойти и удостовериться, что на постели спит несмышленая девчонка!

Гость поднял над головой правую руку, ища примирения.

— Не горячись. Я верю тебе, Гумий. Но я чувствую ее дыхание. Я ведь еще помню, как она дышит...

Он замолчал — пауза была долгой, — затем спросил Артабана:

— Расскажи, что нового у тебя?

— Все идет по плану. Через десять дней передовые отряды достигнут Геллеспонта, через двадцать мы будем на том берегу.

— Царь?

Хазарапат хмыкнул и почесал подбородок.

— После твоих визитов послушен, как ребенок. Лишь изредка пытается фрондировать, назначая на посты угодных себе людей.

— А ты?

— Это мои люди.

Маска ощерилась холодной улыбкой.

— Молодец! Твоя задача довести войско до Эллады. Об остальном позаботимся мы. — Гость вновь замолчал и внимательно посмотрел в глаза Артабану. — Ты давно не был у меня. Почему?

— Не так-то просто отлучиться из дворца, где за тобой следят сотни глаз. И без того многие меня подозревают.

— Это не ответ.

— Прими какой есть.

Гость привстал. Его огромная фигура нависла над вдруг ставшим крохотным Артабаном.

— Гляди, не вздумай затеять свою игру! Это плохо кончится. Мы раздавим тебя!

— К чему эти угрозы? — спокойно спросил вельможа. — Ведь ты прекрасно знаешь, что я на вашей стороне.

— Поэтому я и доверяю тебе. — Гость повернул голову к окну. — Скоро рассвет. Мне пора.

— Ты спешишь?

— Не очень. Но я должен покинуть это место еще до того, как в заоблачных горах взойдут первые лучи солнца. Неписаные правила игры. День — время Ахурамазды, ночь — время Аримана. Знаешь, — спокойным тоном продолжал демон тьмы, — а ведь нас подслушивают!

— Кто? — хладнокровно поинтересовался Артабан.

— Твоя женщина.

— Чепуха! А если даже и так, что она поймет? Ведь мы говорим на языке древних.

— Я не люблю, когда суют нос в мои дела!

Ариман резко поднялся из-за стола и направился к двери, за которой притаилась Таллия. Вне себя от страха девушка метну-

лась на ложе и поспешно набросила на себя покрывало. К счастью, ее тело было стремительным и легким — гость не успел ворваться в комнату, ложе не выдало ионянку скрипом.

Ровно дыша, Таллия старательно притворялась спящей. Чуткие пальцы Аримана коснулись ее тела.

— Она спит, — послышался голос хазарапата. — Тебе почудилось.

— Мне никогда не чудится! — прошипел Ариман.

— Ну, если хочешь, можешь проверить. Заодно убедишься, не тешу ли я себя любовью призрака той, чье тело истлело в пламени.

— Я верю тебе на слово. Но какое знакомое тело. Словно я когда-то уже любил его. В другой жизни. Я завидую тебе, Заратустра!

— В тот день, когда падет Эллада, я подарю тебе эту женщину.

— Ловлю тебя на слове. Прощай, ночь уже уходит.

Послышалось шипение, затем наступила тишина.

— Он ушел, — негромко сообщил Артабан.

Таллия со вздохом облегчения откинула покрывало.

— Он едва не узнал меня.

— Да. У него очень хорошая память. Ты все слышала? — Таллия кивнула головой. — Ты неисправима.

Ионянка поднялась с ложа и заглянула в глаза Артабана.

— Почему ты не выдал меня? Ведь не потому же, что испугался моих угроз?

— Конечно, нет.

— Но ведь и не из-за любви ко мне? Хотя я готова допустить, что твои слова о равнодушии были неискренни.

— Нет, я не люблю тебя. Просто... Просто нас осталось слишком мало. Мы не вправе умирать, а тем более убивать друг друга. И ради этого я готов пойти на многое, даже предать того, кто некогда был моим лучшим другом.

Таллия покачала головой столь энергично, что ее пышные волосы взвились в воздух облаком спелой ржи.

— У него никогда не было друзей. Даже когда он еще был атлантом.

— Наверно ты права, — прошептал мужчина. Он усмехнулся и положил ладони на хрупкие и очень сильные плечи. — Ты слышала, мне придется отдать тебя ему после того, как покорится Эллада!

Обняв шею Артабана, ионянка провела розовым язычком по его губам.

— Хорошо, ты отдашь меня ему. Но только тогда, когда я сама захочу этого. Это будет ночью. Ведь ночь и мое время.

Тонкие губы Заратустры усмехнулись. Ведь ночь была и его временем. Ночь — время черных, что белы в свете дня.

В окно сочились серые предрассветные блики...

* * *

— Да поклонится природа сильному, склоняющемуся лишь перед богом!

Именно так рассуждали восточные деспоты, обладавшие непомерной властью и неисчислимыми богатствами. Вознесенные волею рока над миром, они считали себя вершителями судьбы не только человечества, но и человеческого дома.

Мнившие себя наместниками бога на земле, они полагали, что все, созданное демиургом, — горы, реки и моря, люди и звери — должно подчиняться им. А если вдруг нечто воспротивится воле владыки, то следует расправиться с этим нечто как с врагом.

Куруш покарал речку Гинду (приток Тигра), при переправе через которую утонула священная лошадь Ахурамазды. Река отнеслась враждебно к владыке ариев и с ней поступили как с врагом. Гинду перекопали тремястами шестьюдесятью каналами, и она превратилась в крохотный ручеек.

Царь Ксеркс пошел дальше своего предка. Он повелел наказать строптивый морской пролив Геллеспонт.

Скрывая усмешку в густых усах, киликийский наварх Сиеннесий наблюдал за тем, как обнаженные по пояс палачи вытягивают из воды толстые медные цепи.

Киликийские эскадры прибыли к Геллеспонту лишь накануне. И повинен в этом был именно он, Сиеннесий. Под этим именем его знали в Сардах, Сузах и Парсе. Но эллинам и италийцам он был известен как Белый Тигр, самый кровожадный пират восточного Средиземноморья, чьи дерзкие рейды наводили панику на купцов и приморские полисы.

Белый Тигр был бесстрашен, Белый Тигр был безжалостен, Белый Тигр всегда появлялся внезапно и исчезал в никуда. Стремительные эпактриды[1] Сиеннесия носились по волнам подобно бесшумным призракам. Именно поэтому его прозвали Белым Тигром, а еще потому, что лицо пирата обезображивали несколько рваных шрамов, напоминавших по виду полосы на тигриной шкуре — память о сабельных ударах, полученных в неудачном набеге. Белый Тигр был самым знаменитым корсаром Востока. Считалось, он грабит купеческие суда во имя могущества Парсы. Так оно в основном и было. Пираты Белого Тигра нападали на эллинские, италийские, сицилийские, изредка — карфагенские корабли, ослабляя тем самым врагов империи. Финикиян, кемтян, карийцев и прочих подданных великого царя Сиеннесий не трогал, не желая портить отношений с парсами, которые оказывали ему покровительство. Но если предполагаемая добыча превышала некий предел, пираты напрочь забывали о своих не слишком устойчивых принципах и грабили, не разбирая флагов. И тогда лилась кровь ликийцев, ионян и геллеспонтийцев — нападая на судно империи, Белый Тигр был беспощаден. Ведь это было преступление, за которое можно было поплатиться головой; поэтому необходимо было скрыть его. Невзирая на

вопли о пощаде, пираты рубили головы всем пленникам, затем пробивали в днище ограбленного судна дыру, дожидались, когда оно скроется в пучине, и растворялись в морской дали.

Именно подобного рода дело задержало эскадру Белого Тигра у берегов Финикии. Таинственный незнакомец предложил пятьдесят талантов золота за голову сидонского купца, чей корабль должен был вот-вот отчалить от берегов Иудеи. За такую плату Белый Тигр рискнул бы взять на абордаж даже царскую триеру. Получив три таланта задатка, пираты вышли в море и двадцать солнц бороздили финикийские воды, задерживая и осматривая проходящие мимо суда. Посыльное судно доставило приказ царя собрать прочие киликийские эскадры и отправиться к Абидосу, где был назначен сбор флота. Сиеннесий тянул до последнего. Но купец так и не появился.

До объявленного срока оставалось всего десять дней, когда киликийские корабли подняли паруса и взяли курс на север. Однако Борей был неблагосклонен к мореплавателям, сбивая скорость и заставляя их то и дело искать убежище в гаванях островных полисов. В результате киликийцы опоздали на шесть солнц, вызвав этим гнев Ксеркса. И еще больший — Артабана. Вельможа даже замахнулся на Сиеннесия, но не ударил — парсы нуждались в поддержке киликийских пиратов.

Ксеркс же бесновался более по другому поводу. Северный ветер, так мешавший киликийским эпактридам, разметал мосты, наведенные через Геллеспонт. И произошло это именно в тот день, когда царь и свита готовились торжественно ступить на землю Запада. Волны здорово потрепали суда, составлявшие основу мостов. Двадцать кораблей затонули, у многих открылись течи.

Рассвирепев, царь приказал расправиться с незадачливыми строителями моста и наказать непокорный пролив. Пятерым ионянам, руководившим возведением переправы, отрубили головы. Их обезображенные тела бросили в море. Отсечь какую-либо часть пролива было делом сложным даже для наместника Ахурамазды, поэтому решили ограничиться тем, что опустили в воду две тяжелые цепи, которые должны были сковать строптивцу руки, а затем к воде подступили двенадцать дюжих палачей. Пока они наносили по гребням бушующих волн три сотни полновесных ударов, стоявший рядом жрец Ахурамазды провозглашал:

— О, злая вода, принесшая горе парсам! Великий царь по воле Ахурамазды подвергает тебя этому справедливому наказанию, ибо ты оскорбила бога и верных слуг его! Великий царь все равно пройдет по тебе, хочешь ты этого или нет. Смири гордыню, иначе мы не принесем тебе жертву золотом и сталью. И никто не принесет тебе жертву!

Подобные увещевания помогли, шторм стих. Царь повелел восстановить мосты. На этот раз строители постарались на славу,

наведя не один, а целых два моста. Семьсот пузатых грузовых судов, поставленные борт к борту, составили две длинные цепи, соединившие берега пролива. Суда были накрепко связаны между собой льняными канатами и ремнями из бычьей кожи, а поверх их палуб был наложен настил из крепких тисовых досок, покрытый слоем утрамбованной земли. Дабы уберечь воинов и лошадей от случайного падения, по бокам настила были сооружены ограждения. Эти огромные мосты были прочны и надежны; лишь легкое поскрипывание досок выдавало, что под ногами не земная твердь, а колышущиеся остовы кораблей, а еще ниже — морская бездна.

Желая обезопасить переправы от возможных диверсий эллинов, а также насладиться созерцанием мощи парсийского флота, царь накануне вечером приказал боевым эскадрам стать неподалеку от моста. Кораблей оказалось столь много, что они были вынуждены выстроиться в четыре линии.

Первую целиком образовывали пунические триеры. Наварх Финикии привели двадцать эскадр, насчитывающие триста кораблей. Финикияне издавна пользовались славой непревзойденных мореходов. Их чернобортные меднотаранные корабли пускали на дно ахейские и троянские триеры, пред «детьми моря» трепетали Кемт, Хеттия и Кипр. Черные паруса повергали в панику морских торговцев, заставляя их безропотно расставаться с серебром. Со временем могущество Финикии ослабло, и она была покорена ассирийцами, а позднее Парсой. Но и сейчас моряки-пуны славились своей выучкой и отвагой. Их быстроходные корабли составляли ударную силу парсийского флота.

Следующую цепь составляли кемтяне, памфилы и карийцы. По мореходным качествам эти суда уступали пуническим триерам, но зато их экипажи были хороши в абордажных схватках. Почетом пользовались дети Хапи, чьи огромные секиры и крючковатые абордажные копья наводили ужас на врагов. Не уступали им доблестью и карийцы, неожиданно для прочих завоевавшие славу бесстрашных бойцов.

Следом стояли триеры Кипра, Ликии и геллеспонтийских городов. Ионяне, фракийцы и подошедшие последними киликийцы во главе с Сиеннесием замыкали строй.

Четыре линии по триста судов каждая. Двенадцать сотен кораблей! Отлично снаряженных и готовых к битве.

Воистину, сам Мелькарт не отказался б командовать таким флотом!

Флагманский корабль с вымпелом Сиеннесия стоял бок о бок с триерой тиранши Галикарнасса Артемиссии. По слухам в молодости Артемиссия была дивно хороша собой, но сейчас она растолстела и подурнела. Власть портит женщин. Теперь это была типичная бой-баба с мужскими повадками. Ее мощные телеса были втиснуты в чеканный медный панцырь, на голове красовался массивный шлем. Стоя на корме своего судна, она смо-

трела в сторону Сиеннесия и, когда тот встречался с ней взглядом, язвительно улыбалась.

Они были давние знакомцы. Однажды Белый Тигр вознамерился взять судно Артемиссии на абордаж и получил отпор, какого не ожидал. Меткие галикарнасские лучники порядком сократили число пиратов, одна из стрел вонзилась в бедро Сиеннесия и его эпактрида была вынуждена спасаться бегством. Воинственная тиранша долго гналась за киликийским кораблем, выкрикивая оскорбления. Теперь им предстояло сражаться бок о бок.

Киликиец поморщился. Не от того, что его раздражали насмешливые взгляды Артемиссии. Просто порыв ветра донес запах благовоний — это жрецы воскурили фимиам, ублажая Ахурамазду, — а Сиеннесий не выносил искусственной вони.

Становилось все светлее. Берег оживал. Скакали всадники в блестящих доспехах, строилась в колонну заспанная пехота. Неподалеку рокотали барабаны, над водой разносились взвизгивания — это авлеты[1] проверяли сохранность своих флейт.

Наконец, эфир расцветился солнечными лучами. Они упали на воду, и она заискрилась. Но мгновением раньше за холмом, на котором расположились царь и свита, взревели трубы, возвестившие о появлении светлого лика Ахурамазды. Звук этот достиг кораблей одновременно с первым лучом.

По этому сигналу откинулся парчовый полог царского шатра. Воины и вельможи пали ниц, приветствуя своего повелителя. Облаченный в парадные одежды царь подошел к жертвеннику и, сложив руки, вознес горячую молитву Ахурамазде.

— Прославлю благомыслием, благословием и благодеянием благомыслие, благословие и благодеяние. Предаюсь всему благомыслию, благословию и благодеянию и отрекаюсь от всего зломыслия, злословия и злодеяния. Приношу вам, Бессмертные Святые, молитву и хвалу мыслью и словом, делом и силой и тела своего жизнь.

Сионнесий отчетливо видел, как шевелятся темно-красные, подкрашенные соком свеклы, губы Ксеркса.

Жрецы разожгли пред алтарем костер из чистых миртовых веток. Огонь был светел и почти не давал дыма. Взяв из рук Артабана чашу с драгоценным соком хаомы, царь торжественно вылил содержимое на огонь. Тот слегка поблек, но затем языки пламени взметнулись еще выше. Ахурамазда принял жертву, переход должен быть удачен.

Но следовало ублажить и богов соленой воды, которые с виду были благосклонны, но в душе могли затаить обиду на царя, приказавшего наказать море. Поддерживаемый под обе руки евнухами царь неторопливо спустился с холма, размахнулся и бросил в воду золотую чашу. За ней последовал меч из превосходной индской стали. Вода чуть взволновалась, но тут же стала зер-

кально гладкой. Боги пролива приняли искупительную жертву. Ксеркс поклонился воде.

Вновь запели трубы, и великая армия начала переправу. Первым ступил на западный берег Ксеркс, самолично управлявший четверкой лошадей Ахурамазды. За ним шла свита и первая тысяча. А затем на мосты хлынул нескончаемый поток воинов. Их было так много, что переправа длилась семь дней. Их было так много, что хазарапат приказал подгонять замедляющих шаг бичами. Их было так много, что не выдерживали крепчайшие тиковые доски настила.

Минуло семь дней, и тьма опустилась на землю Запада. Тьма, идущая вслед за просыпающимся солнцем.

Тьма.

ЭПИЛОГ

Устами Зороастра

Дорого искупается — быть бессмертным:
За это умирают не один раз при жизни.
Ф. НИЦШЕ, «Ессе Номо»

Думал ли мало кому известный тогда отставной преподаватель Базельского университета Фридрих Ницше, садясь в феврале 1883 года за стол в небольшом домике близ Рапалло, что всего через какие-то шесть месяцев суждено родиться бессмертному «Заратустре», может быть, самому великому философскому труду, какой только знает человечество; труду, где переплелись музыка и поэзия, порожденная совершенством человеческой мысли философия и изысканнейший литературный стиль. Наверно, нет. Как не догадывался и о том, что созданный его пером философ-поэт Заратустра возродит интерес к древней религии, крохотные островки которой оставались лишь кое-где на нагорьях Ирана и в Индии.

Реанимированный Ницше Заратустра вдруг стал необычайно популярен. Цивилизованный мир внезапно открыл для себя мудреца и пророка, по глубине мысли и силе убеждения не уступающего, а порой и превосходящего и ветхозаветного Моисея, и Христа, и Мухаммеда. Стало ясно — и это было откровением — что религия древних ариев-иранцев является праосновой для множества прочих религий, в том числе и мировых, таких как иудаизм, христианство, ислам. И интерес к зороастризму возрос еще более. Именно тогда ученые всерьез занялись исследованием личности реального Заратустры, столь схожего и столь разного с Заратустрой Ницше.

О историческом Заратустре известно крайне мало. Признается, что он реально существовал — по крайней мере это подвергается сомнению в меньшей степени, нежели существование Моисея или Христа, — но определение хронологических рамок жизни пророка вызывает немало споров. Пехлевийская[1] хронология относит время жизни Заратустры к 7—6 векам до нашей эры, «за 258 лет до Искандера». (Речь идет о Александре Македонском). Согласно античным источникам маг и волшебник Зороастр жил позже, вплоть до 5 века до нашей эры, являясь современником Дария и даже Ксеркса. Большинство ученых-востоковедов считают, что время жизни Заратустры относится скорее к 11—10 векам до нашей эры.

Древние признавали Зороастра величайшим волшебником. В эпоху средневековья к его помощи взывали алхимики и колдуны. С приходом Просвещения о Заратустре забыли и вспомнили лишь тогда, когда Ницше вложил в уста арийского пророка проповедь во славу сверхчеловека.

Тайное и явное Заратустры погребено под пирамидой времени. Мы не имеем письменных свидетельств о жизненных перипетиях арийского пророка, подобных тем, что знаем о Моисее, Христе и уже тем более Мухаммеде. Дошли лишь легенды, одна из которых свидетельствует, что родители пророка, как и прочие иранцы, были кочевниками, почему и дали своему сыну имя Заратустра, что означает Староверблюдный. Другая легенда сообщает, что при появлении на свет младенец Заратустра рассмеялся. Это происшествие поразило воображение кочевников. Впервые новорожденный приветствовал суровый мир, грозящий ему неисчислимыми бедами и опасностями, не плачем, а смехом.

Став взрослым, Заратустра избрал судьбу проповедника. Его речи, независимый характер, фанатизм, присущий пророкам, редко приходились по нраву племенным царькам, и потому Заратустра много лет бродяжничал, гонимый отовсюду, покуда не нашел пристанища у царя Виштаспы, ставшего ревностным приверженцем новой веры. При дворе этого царя пророк провел остаток жизни, проповедуя свое учение среди кочевников. Но даже здесь его не оставляли в покое враги, которых за долгие годы странствий Заратустра успел нажить немало. Один из них, жрец иного учения, проник во дворец, подкрался к Заратустре во время молитвы и поразил его ножом в спину. Согласно легенде пророку было тогда семьдесят семь лет.

Вот, собственно, и все, что мы знаем об этом загадочном человеке. Куда меньше, нежели о других пророках. К счастью, проповеди Заратустры, сохраненные для потомков в «Авесте», позволяют судить как о характере пророка, так и о сути его учения.

Подобно множеству других диких народов древние арии имели политеистическую религию со множеством божеств, каждое из которых обладало собственными функциями. Заратустра, понимавший, что в условиях степи сильным может быть лишь тот, кто поклоняется единому началу, низвел племенных богов до уровня третьестепенных, поставив над ними бога-царя, «создателя жизни плотской», повелителя всего живого и неживого. Новый бог был наречен Ахурамаздой, что означает «Господь Мудрость». И возникла вера горячих сердцем номадов, идущая из чрева дикой степи. Варварская, могучая, ненасытная, не признающая компромиссов, не знающая жалости и милосердия. Но сначала было Время.

Все имеет свое начало. Кто создал мир? Откуда взялись боги и люди? Заратустра нашел ответы на эти вопросы, решив проблему не в духе мессианистских религий, а скорей в соответствии с гностическими учениями Запада. Изначально было ничто. Правда, в зороастризме оно не столь безлико и аморфно. Оно имеет облик и имя. Это Эрван, бог времени, адекватный изначальной Вечности. Эрван сотворил мир, точнее протомир, разделив ничто на добро и зло. Он собирался сотворить лишь добро, но Вечность

склонна ошибаться. Вместе с Ахурамаздой, светлым началом, бездонное чрево Вечности покинул и Ариман, злой дух.

Космогония зороастризма предельно проста, что в целом свойственно мессианистическим религиям, придающим большое значение моральным постулатам.

Разделив мир на добро и зло, Эрван исчез. Вечность исполнила свою роль и уступила место исчислимому времени. Пришел черед творить детям Эрвана, и они начали свое сотворение мира. Точнее, творил Ахурамазда; Ариман мешал ему, без особого, поначалу, успеха. Ахурамазда создал материальный мир, наполнив его чистыми растениями, животными, а также людьми и добрыми божествами, среди которых следует упомянуть Митру, Веретрагну, Аши, Тиштрию. Кроме того он создал шесть Бессмертных святых, образующих вместе с Ахурамаздой «семерку единосущных». То был архаичный мир, счастливый и непритязательный, подобный иудохристианскому Эдему или Эллинистическому Золотому Веку. Природа была чиста, животные — доверчивы, люди — наивны. Этот период получил наименование «Творения».

Но, как и подобает злобному существу, Ариман рано или поздно должен был показать свой нрав. И он показал его, как только понял, что добро овладевает душой человека. Ну чем не змей-искуситель! Правда, действовал бог зла куда менее изощренно, чем его библейский товарищ. Он просто взял и создал в противовес светозарному воинству Ахурамазды свою черную рать — всевозможных дэвов, этих зороастрийских чертей, играющих на слабостях человека, а также отвратительных, злобных, грязных животных и растения. То был второй период существования мира, когда он разделился на две половинки — добро и зло. Этот период был назван «Смешение». Он охватывает сознательную историю человечества.

«Смешение» будет длиться три тысячи лет, после чего на землю придут три Спасителя, сыновья Заратустры. Они искоренят зло и воскресят благоверных. Этот обновленный мир будет существовать в третьем периоде, названном Заратустрой «Разделением».

Если сравнить концепцию мирового устройства зороастризма с иудейским, христианским и мусульманским аналогами, то можно обнаружить немало схожих черт. Прежде всего бросается в глаза очень четкая, логическая схема зороастрийской концепции. Несмотря на определенную запутанность и трудность понимания текстов Авесты в них невозможно найти принципиальных противоречий. Иная картина наблюдается в остальных мессианистических религиях. Даже при беглом ознакомлении с Талмудом, Библией или Кораном нетрудно заметить довольно серьезные несоответствия, наличие которых можно объяснить лишь тем, что они явно были заимствованы. Откуда? — Из Авесты.

В отличие от прочих религий в зороастризме выступают два

демиурга — Ахурамазда и Ариман. Так как Ариман создает зло, чье предназначенье разрушать, функции созидающего творца принадлежат Ахурамазде. Кто он такой, Господь Мудрость? — Абстрактное божество, подобное Яхве или Аллаху, некое неоформленно-сознательное начало, направляющее мировой порядок. Но в отличие от иных монобожеств Ахурамазда не вмешивается в дела людей собственноручно. Он, равно как и Ариман, строго придерживается своеобразному договору — не навязывать людям доброй или злой воли. Борясь со злом, Ахурамазда поражает его не собственными руками, подобно Яхве, Христу или Аллаху. Он не повергает в бегство вражеские армии и не посылает огненную кару на согрешившие племена. Вместо этого Ахурамазда наделяет верующих в него силой, помогающей одолеть зло. Таким образом он отдает активное начало в руки людей, а сам лишь наблюдает за их деятельностью.

Все мировые религии имеют однозначную традицию: добро — богово, зло — от человека. «Что постигло тебя из хорошего, то — от Аллаха, а что постигло из дурного, то — от самого себя» (КОРАН, 4.41). Иногда первотворцем зла «назначается» некий полубог — не человек, и не бог, но по сути своей ближе к человеку, так как обладает страстями. Это Дьявол, Сатана, Иблис, Бес, Вельзевул и т. п. Как правило, это падший ангел из числа ближайших слуг бога, осмелившийся противостоять своему Хозяину и объявленный за то злодеем. Это своего рода бунтарь, причем бунтарь нечаянный, так как, выступая против бога, задумывал не революционный бунт, а мелкую фронду. Он слаб и зависим. Даже помощников своих он поначалу вербует не самостоятельно. Их подбрасывает хозяин, очищающий небеса от всякого рода ангельского хлама. По своим возможностям Дьявол много слабее верховного бога и существует он лишь по милости последнего, как своего рода пугало для неразумных людей. Спарринг-партнер, превращающий обрыдлое существование в некое подобие захватывающей игры. По сути своей это «патрон» зла ближе к человеку, нежели к богу, в нем слишком много земного, физического, в то время как бог неопределенное космическое начало, дух. Этим лишний раз подчеркивается, что аура доброты исходит от бога и его верных слуг, а зло — от человека, неверующего в этого бога или преступающего заповеди, данные им. Пусть даже этот человек — ангел во плоти, но если он не верует, от него исходит зло. Человечество объявлено изначально порочным. В то же время у него отнимается всякая инициатива на добро, так как оно исходит лишь от бога.

Иное дело Зороастризм, единственная из мировых религий, уравнявшая добро и зло. Ариман равен своему доброму брату во зле. Он располагает армией, лично сотворенной. И роль его чрезвычайно велика. Ариман освобождает человека от первородного греха. Ведь все монорелигии утверждают, что люди греховны уже самим фактом появления на свет. Тем самым человек ста-

вится в пренеприятное положение. Он вынужден вечно оправдываться перед богом, замаливать несуществующие грехи. Бог хорош, человек плох. Как удобно быть хорошим. Как ужасно быть плохим. Зороастризм поступает намного порядочней. Согласно ему человек изначально подобен чистому листу бумаги, на котором Ахурамазда и Ариман выводят свои письмена. Создается некий паритет добра и зла, привнесенный свыше. На человеке нет первородного греха, ему не в чем оправдываться. Но зато в будущем он не сможет свалить ответственность за всю грязь своей души на Дьявола, посетившего его в материнском лоне. Ведь каким стать — добрым или злым — зависело лишь от него. Он может служить добру и прославлять Ахурамазду, или же его злые дела будут петь гимн Ариману. Божественный близнец отдает человеческую судьбу в руки человека. Бери ее и крои, как подскажет тебе твоя совесть. И в зависимости от итогов жизни твоей и будет тебе награда — либо небесные сады Ахурамазды, либо вечная мука в черной обители Аримана. Человек собственными руками творит линию своей жизни. И если ее пергамент исписали письмена Аримана, то в этом вина данного человека, а не первородного греха, за который несет ответственность все человечество. И невозможно пожаловаться на судьбу, ведь ты сам творец ее.

Вольно или невольно зороастризм становит человека на грань творца. Об этом не говорится прямо. Формально человек зависит от божества, фактически он вправе творить собственную судьбу деяниями и помыслами, раскрашивая пергамент души черными или белыми письменами. Рок не довлеет над человеком. Он хозяин собственной судьбы и вправе распоряжаться ею как угодно. Выбор человека не зависит от божественной воли. В этом величайшая заслуга зороастризма!

Несколько слов о том, как сосуществуют Ариман и Ахурамазда. Между братьями, как и положено в подобной ситуации, идет вечная борьба, верх в которой не в силах одержать ни один, ни другой. Парадоксально, верховные боги монорелигий, собственноручно сотворившие противовес в лице злобных сил, подчеркнуто уважительно, даже с определенной долей подобострастия относятся к своим противникам. Еще бы! Как иначе удержать в узде склонных к греху людей, как не пугая их байками о Дьяволе и прочих князьях тьмы, и посмертных мучениях в аду. Ахурамазда, для которого зло — равная половина мира, до неприличия пренебрежителен к воинству Аримана.

Вернемся к тому, о чем уже немного говорили. Как связан зороастризм с прочими мессианистскими религиями? Что у них общего? Каковы истоки этого общего?

Сопоставляя авесту с Талмудом, Библией и Кораном можно сделать однозначный вывод: очень многие положения зороастризма, такие как о божественном суде, рае и аде, посмертном воздаянии и наказании, вокресении, приходе мессии, последнем

или страшном суде были позаимствованы у зороастризма более поздними мессианистскими вероучениями. При этом данные положения были подвергнуты обработке, значительно обеднившей их содержание.

Понятие о божественном суде над человеком присутствует в подавляющем большинстве религий. Есть оно и у зороастрийцев. После смерти — она, кстати, представлялась последователям Заратустры в облике отвратительной трупной мухи, прилетающей с севера — каждый должен пройти через высший суд, определяющий посмертный удел усопшего. Покинувшая тело душа идет по небесному мосту возмездия Чинквате, а бог справедливости Рашну выносит свой приговор. Если добрые дела и помыслы умершего превосходят число злых, то мост будет широк и крепок, и прекрасная женщина возьмет праведника за руку и введет его в Огороженный сад («пара-дайз»). Если же человек при жизни служил Ариману, то мост станет тоньше лезвия меча и душа с воем провалится в бездну царства Аримана, где ее ожидают ужасные муки. Чем не мусульманский высший суд, где праведника проводят через мост гурии? И не христианское чистилище, где вместо моста возмездия ждет бдительный цербер апостол Петр!

Рай зороастрийцев по восточному поэтичен. Это не джанна мусульман — «Но не даровано это никому, кроме тех, которые терпели...»; он не обещает молочных и винных рек, и ласок вечно девственных гурий. Но это и не христианский эдем с его унылым благочестием. Пара-дайз напоминает сладостное воспоминание о Золотом Веке, где земли обильны, реки полноводны, кони стремительны, стрелы не знают промаха, а человек — страданий и боли. Это сказочный сон счастья и изобилия, столь нечастых для кочевника-ария при жизни. Пара-дайз — сильных людей, охотников, скотоводов, воинов — служителей добра. Право попасть сюда завоевывается мечом и луком, но не смирением. Это рай воинов, Валгалла степных викингов. Правда, кроме пара-дайза есть еще и ад, где души поддавшихся Ариману претерпевают великие муки. Но этому аду далеко от иудаистского шеола, мусульманского джаханнама или христианского ада, карающих грешные души с поистине садистским сладострастием. «...Были там некоторые, подвешенные за язык... И озеро было там какое-то, полное пылающей грязи; там находились люди, извращавшие справедливость. ...Рядом опять были женщины и мужчины, кусавшие губы. То были те, кто хулил и поносил путь праведный. ...Другие женщины и мужчины, сбрасываемые с огромной скалы, падали вниз, а приставленные к ним вновь гнали их и заставляли подняться наверх на скалу, и они вновь низвергались вниз; и они не получали передышки в этом мучении. ...другие женщины и мужчины, которых жгли, мучили и жарили; то были оставившие путь бога». Это провидческое видение будущей инквизиции есть не что иное, как отрывок из Арокалипсиса,

приписываемого традицией апостолу Петру, преемнику Христа, звавшего к смирению и прощению.

Важнейшей частью любой мессианистской религии является положение о сотере[1]. Зороастризм — не исключение. В Авесте прямо указывается, что наступит день, когда к людям придет спаситель-саошьянт, сын Заратустры. В другом случае утверждается, что Саошьянта будет трое. Этот день будет днем последнего суда и души праведников вновь обретут телесную оболочку, чтобы жить вечно в «Разделении», этом земном пара-дайзе, а души грешников погибнут вместе с Ариманом.

Человечество должно быть готово к приходу мессии. Ему надлежит очиститься, ибо наступление «Разделения» возможно лишь при условии, что души подавляющего большинства людей преисполнены добра. Таким образом, зороастризм рассматривает проблему воскресения совершенно в ином ракурсе — в день прихода мессии зороастриец ответственен не только перед собой, но и перед прочими единоверцами. Ничего подобного в остальных мессианистских религиях нет.

Учение о мессии было наиболее полно перенято иудаизмом и, позднее, иудохристианством. При этом оно потеряло свою логическую стройность и приобрело фанатическое исступление, свойственное иудейским сектам. Иудаистская традиция донесла сведения о многих самозванных мессиях, таких как Христос, Бар-Кохба. Сами того не сознавая, они пытались играть роль Саошьянта. Более того, порой они даже привлекали зороастрийского сотера в свидетели своего мессианистского предназначения. Так в Евангелии от Матфея описывается как к младенцу Иисусу пришли три волхва с востока «и падши поклонились Ему; и, открывши сокровища свои, принесли ему дары: золото, ладан и смирну». (Мат.2.11). Кто они, эти загадочные волшебники? Ответ однозначен — упоминание о волхвах есть не что иное, как полубессознательное желание признать великое предназначение иудейского мессии посредством преклонения пред ним трех Саошьянта. Сыновья Заратустры исполнили свое предназначение высших свидетелей и «отошли в страну свою». (Мат.2.12).

Проделанный выше сравнительный анализ позволяет прийти к вполне определенному выводу. Иудаизм, христианство, ислам теряют облик самостоятельно сформировавшихся мессианистских религий и предстают пред нами в виде искаженной компиляции зороастризма.

Прежде всего это касается иудаизма, который — и это убедительно доказано — испытал ощутимое влияние зороастризма, привнесенного через возвращающихся на родину после вавилонского пленения[2] иудеев. Недаром одно из самых влиятельных иудаистских течений именовалось фарисейским (фарси — парсы).

Через веру Иегову зороастрийские постулаты перешли в христианство, которое с исторической точки зрения является не чем

иным, как иудаистской ересью, попыткой реанимировать и привнести в мир зашедший в тупик национальной ограниченности иудаизм.

Ислам, будущий могильщик зороастризма, не признаваясь себе в этом, также немало воспринял от учения Заратустры.

Иранский пророк создал веру сильных людей. Он обращал свои проповеди к полудиким степнякам-ариям, чья потенциальная мощь еще только начинала зарождаться. Они еще не были в состоянии тягаться со своими более могущественными соседями, но Заратустра понимал, что недалек тот день, когда арии вырвутся с иранских нагорий на плодородные равнины Междуречья и далее — к морю. Он понимал, что им предстоит борьба с сильными противниками, превосходящими кочевников в материальной культуре и воинском умении. А значит, принести победу могли лишь сильная вера, что сцементирует банды степняков в могучую, не знающую пощады орду. Требовалась монолитная вера, способная убедить человека, что добро, составляющее суть его существования, достигается исключительно силой, что, сокрушая враждебные племена, он приближает желанную эпоху «Разделения».

Мы почитаем Силу,
Довольство, Мощь, Победу,
И Власть, и Хварно[1] чтим...

(ЯШТ 1, 22)

Не идолам слабым и лживым, карающим и утешающим поклоняется зороастриец, а Силе и от нее исходящим; при том Силе не тупой и жестокой, подобной тем, что сплачивала орды варваров, а силе, основанной на разуме. Недаром одно из двадцати имен Заратустры — Разум.

И потому любимейшие божества зороастрийцев, исключая Ахурамазду, — «победоносный и мощный» Митра, бог солнца, и бог войны и победы Веретрагна. Вот какими предстают они в Авесте.

Взывают к Митре ратники,
Склонившись к конским гривам,
Прося себе здоровья,
Коням в упряжках силу.
Прося способность видеть
Врагов издалека
И чтобы побеждать им
Врагов одним ударом,
Всех недругов враждебных
И каждого врага.

(ЯШТ 10, 11)

Мы почитаем Митру...
Летит пред ним Вэртрагна,
Создание Ахуры,
Рассвирепевшим Вепрем,
Злым, острыми зубами
И острыми клыками
Разящим наповал,
Взбешенным, неподступным,
Сердитым, пестромордым,
Чьи ноги из металла
Передние и задние,
Чьи жилы из металла
И из металла хвост,
Чьи челюсти — металл.

(ЯШТ 10, 70)

Какая экспрессия! Какая мощь! Какая выразительность! Можно ли найти что-либо подобное в вялых иносказаниях Талмуда, Библии или Корана!

Воинственные божества зороастризма есть воплощение здоровой Силы, осененной Разумом — Ахурамаздой.

Арии — то было могучее, непобедимое, преисполненное сверхчеловеческим духом воинство, грозными волнами катившееся на запад и восток, север и юг. Стремились ли арии к мировому господству? Несомненно, как впрочем любая активная нация. Если мусульмане с их порабощающим душу Аллахом смогли покорить полмира, то арии были способны на большее. Имей они дело лишь с рабскими народами, вроде тех, которые заселяли Восток, мир оказался б в их руках. Но, захватив Азию, арии растворились в ее пространствах, и в их победоносное войско влились бесчисленные рати рабов. А затем завоеватели столкнулись с молодой, преисполненной полисного величия Элладой. Это была неравная битва: и числом и духом. Войско, ведомое ариями, было намного больше, но победить врага, командуя стаей трусливых кошек, не дано даже псам Ахурамазды. Свободный духом сверхчеловек Запада сокрушил возглавившего рабскую рать сверхчеловека Востока.

Зороастризм — религия сильных. Зороастризм — сильная религия. Зороастризм расцветал в эпоху величия государства; слабые религии, «сильные» рабской покорностью пред богом — в эпоху смут и чудотворчества.

Характерно отношение зороастрийцев к врагам. Оно безжалостно и в то же время снисходительно-брезгливо. Так взирают на лишенную ядовитых зубов змею. Арий счастлив, имея врага, полного сил и злобы. Он обрушивается на него всей своей яростью, но он никогда не тронет намеренно врага поверженного. Он может лишь, не заметив, раздавить его. Но сравните! «И предали заклятию все, что в городе, и мужей и жен, и

молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом» (Иис.Н.6,20) Так поступили иудеи с поверженным Иерихоном. Или еще похлеще — «А народ, бывший в нем (аммонитский город Равва — авт.), он вывел, и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими». (Цар.12,31). Похлеще Освенцима и Варшавского гетто! Быстро и со вкусом! Мусульмане вторят поклонникам Яхве — «Убит будь человек, как он неверен!» (СУРА 80,16).

Уверенный в собственной силе зороастриец-арий уверен и в силе своей религии. Потому он не разрушает чуждых храмов. Он понимает, что обращенный иноверец опаснее явного врага. В тот миг, когда, возгордившись, арий перестанет отдавать себе отчет в этом, наступит крах зороастризма.

Сила зороастрийца активна. Если Будда или Христос порывают с миром (богу — богову, кесарю — кесарево), то Заратустра не согласен с тем, чтобы отрешиться от мирских дел. Наоборот, он занимает очень активную позицию. Он непрочь поднять бунт против несправедливой власти. «Пусть благие правители правят нами, а не злые правители».

Из-за перманентной угрозы со стороны злых сил дуалистического мира Заратустра, дабы не допустить осквернения, был вынужден регламентировать жизнь ариев множеством строгих предписаний.

Мир по утверждению Заратустры составляют четыре чистые стихии: огонь, вода, земля, воздух. Первейшим объектом поклонения зороастрийцев является огонь, олицетворяющий собой солнечную жизненную силу. Зороастрийцы возносили молитву перед алтарями с возженным на них пламенем. Потому иноверцы прозвали их огнепоклонниками. Зажечь и поддерживать священный огонь было сложным ритуалом. Обычно для этого использовались дрова, обязательно сухие и чистые. Ведь если полено грязно, значит страшному осквернению подвергается огонь, если оно недостаточно высушено, оскверняется вода. В некоторых храмах, к примеру царском, в Персеполе, использовался природный газ, поднимавшийся из подземных трещин. Подобный огонь, не требующий видимой пищи, вызывал священный трепет непосвященных.

Прекрасны архаичные храмы огнепоклонников — каменный алтарь посреди степи. Первые христиане забивались в катакомбы, их потомки — в каменные гробницы соборов. Мусульмане спрятали свою святыню в храме Каабы. Зороастрийцы объявили храмом весь мир. Огонь и степь, солнце и ветер — что может быть прекрасней!

Осквернение огня сурово каралось. Величайшим грехом считалось потушить священое пламя. Великий арийский герой Керсаспа, победитель многих дэвов и драконов, попал заживо в ад за то, что погасил своей палицей огонь.

Столь же трепетным было отношение к воде, извечной заботе кочевника. В воду нельзя было плевать, мочиться и т. п. Умыть лицо и руки можно было лишь в стоячей, но ни в коем случае не в проточной воде.

Многочисленными предписаниями было регламентировано обращение с землей и воздушной средой. В связи с этим зороастрийцам пришлось выработать сложнейший обряд похорон. Они не могли сжечь покойника подобно эллинам, так как это осквернило б огонь. Они не могли закопать его — это осквернило бы землю. Они не могли обернуть его пеленами и поместить в гробницу, как это делали иудеи. Ведь в этом случае они осквернили бы воздух. Дабы сохранить стихии чистыми трупы умерших отдавали на съедение собакам или орлам, после чего освобожденные от плоти кости помещали в специальную гробницу, тщательно изолированную от земли и дождевых капель.

Каноны Авесты разделили живых существ на чистых и нечистых. В разряд чистых попали: собака — священное животное зороастрийцев, убийство которого приравнивалось к убийству человека, — лошадь, корова, ворон, ястреб, орел... К нечистым были отнесены кошки и многие другие млекопитающие, большая часть птиц, насекомые, пресмыкающиеся. Отношения между человеком и животными также регламентировались множеством табу.

Подобным образом зороастрийцы попытались отгородиться от всего грязного, связанного с людьми. Когда знакомишься со всеми этими многочисленными запретами, то становится понятно, почему зороастризм не получил широкого распространения. Подобные табу присутствуют во многих других религиях, в том числе иудаизме (например, запрет на употребление свинины), исламе (например, запрет на общение с женщинами в период месячных), но такого обилия их, как в зороастризме, нет нигде. Запреты веры Заратустры касаются абсолютно всех сторон человеческой жизни. Разжигание огня, приготовление пищи, похороны, рождение и многое-многое другое — все регламентировано зороастризмом. Часто табу бессмысленны, порой жестоки. Так, зороастрийские каноны запрещают в течение долгого времени прикасаться к женщине, родившей ребенка, ибо она осквернена. Не получая должного ухода мать и младенец нередко гибли и гибнут.

Какую цель преследовали зороастрийские маги, устанавливая эти запреты? Было ли это попыткой искусственно отгородиться от прочего мира, чуждых народов, общение с которыми грозило чистоте арийского племени, или это всего лишь атавизм древних обычаев? Трудно ответить на данный вопрос однозначно. Думается, здесь присутствует и то, и другое. А быть может, суровая духом вера подвергала своих приверженцев суровому испытанию?

Говоря о зороастризме, нельзя не упомянуть о своеобразной

элитарности этой религии. Прочие монорелигии строились по совершенно иному принципу. Прочие монорелигии строили отношения с иноверием по совершенно иному принципу. Иудеи создали замкнутую, чрезвычайно регламентированную веру — склонность к обилию строгих предписаний иудеи почерпнули именно у зороастризма, — совершенно изолирующую «богоизбранный» народ от остального мира. Иудеи презирали иноземцев, категорически отказываясь посвящать их в свою веру. Это обстоятельство сделало евреев изгоями, но позволило им сохранить относительную чистоту нации и культуры. Христианство и ислам дают обратный пример. При столь же отрицательном отношении к иноверцам,ни христианин, ни мусульманин не только не отказывались принимать их в свою среду через перемену веры, но и всячески поощряли это. Христианская церковь изначально мыслилась как церковь наднациональная. Если первые христианские общины состояли исключительно из иудеев, то очень скоро в них стали преобладать эллинизированные жители римской империи. При этом, понимая, что богатому незачем поклоняться неизвестному иудейскому мессии, распятого по приказу прокуратора Понтия Пилата, христианские проповедники делали ставку на бедных и угнетенных — «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». (МАТ.5,3). Лишь позднее, когда христианство стало господствующей религией, в христиане стали обращать насильно. Примерно ту же картину можно наблюдать в исламском обществе. Мусульмане, как и христиане, на первых порах не прибегали к силе не из-за того, что не располагали ей, а понимая, что любое насилие влечет противодействие. Они предпочитали использовать экономические рычаги, освобождая от подушного налога лишь уверовавших в Аллаха. В итоге спустя какие-нибудь десять — двадцать лет большая часть покоренного населения совершенно добровольно совершала намаз, старательно отбивая поклоны в сторону Мекки. Арии не последовали примеру ни первых, ни вторых, ни третьих. Хотя им и была свойственна национальная замкнутость, о чем будет сказано ниже, они не препятствовали обращению в зороастризм других народов. Но и не насаждали свою веру силой. Кто хотел верить в Ахурамазду, тот верил в него. Остальные поклонялись тем богам, каких считали нужным.

Отчужденность зороастризма походит на своего рода брезгливость, с которой арии относились к иноплеменникам. Человек иной нации для ария — существо, по значимости не превосходящее грязного навозного жука. Подобное высокомерие вряд ли привлекало к зороастризму симпатии иноверцев.

Можно ли говорить о том, что Заратустра проповедывал идею сверхчеловека?

Нет — в смысле владычества над божественной и человеческой сутью.

Да — в смысле совершенства.

Зороастриец должен был быть образцом человека — сильным, свободным от скверны, гармоничным. Христианство сознательно сделало ставку на слабых душой и телом. Христу важно подчинить себе паству, заставить ее уверовать в собственные грехи, в свою слабость перед миром, а значит — и в бога.

Ахурамазда ставил человека перед выбором — добро или зло. Пойти по пути добра может лишь сильный, и потому зороастризм отвергает слабость во всех его проявлениях. В зороастризме нет места убогим, калекам, неумехам-нищим. «Пусть там не будет ни горбатых спереди, ни горбатых сзади, ни увечных, ни помешанных, ни с родимыми пятнами, ни порочных, ни больных, ни кривых, ни гнилозубых, ни прокаженных, чья плоть выброшена, и ни с другими пороками, которые служат отметинами Анхра-Манэю, наложенными на смертных». (Из Витевдата, фрагард 2,29). Учение Заратустры не предназначено для рабов. Рабы желанные гости там, где правят бал слабые боги. «Аллах кроток к рабам». (Сура 2,203). Так уверяет Коран. Другой слабый бог, дабы обрести популярность, сам побывал в шкуре раба. «Но уничижил себя самого, приняв образ раба». (Фил.2,7).

Зороастризм не предполагает рабского поклонения богу. Ахурамазда скорее высший могучий партнер, нежели хозяин. Он великий союзник в борьбе с Ариманом.

Любая нация рано или поздно устает в своем созидательном порыве. Потенция ее слабеет, общественное устройство становится дряхлым и разрушается. Это закономерность, аксиоматичность которой не нуждается в доказательстве. Пролетел век Эллады, минула эпоха Рима, ушли в никуда блеск и величие Испании, талассократия Британии, кануло в небытие блистательное пятнадцатилетие наполеоновской Франции, растворилось в горниле двух мировых войн милитаристское могущество Германии. Век славы народов рано или поздно проходит и тогда наступает момент, чрезвычайно опасный для религии, вызванный потерей нравственно-религиозных ориентиров разочаровавшегося и уставшего народа. Сколько национальных религий рухнули в этот критический миг! Бессчетное множество. Кто помнит сейчас о Гойтосире и Замолксисе, Зевсе и Кибеле, Тоте и Мардуке. Выживали лишь религии наднациональные, притом монотеистические, подобные христианству или исламу.

Настал день, когда арии, подобно другим народам, устали. Разбухшая, взрывающаяся восстаниями империя и неудачные завоевательные походы на Запад истощили их силы. Началось угасание арийской гегемонии. Одновременно начала деградировать и религия.

Мощный, Сильнейший и Победный Ахурамазда постепенно уступает первенство Митре. Тоже, скажете, неплохо. Ведь Митра — бог-воин. Это так, но вместе с Ахурамаздой исчезает Ариман, а значит и дуалистическое строение мира. Злое начало, относимое к Ариману, перелагается на человека. Естественно,

ведь нельзя обвинить благого бога в том, что он творит зло. Человек становится изначально греховен. Из партнера бога в борьбе со злом он превращается в коленопреклоненного слугу.

Происходит вырождение зороастризма в митраизм, причем к последнему активно примешиваются эллинистические культы. Это была агония, но еще не смерть. Зороастризм поднимет голову при Аршакидах[1] и Сасанидах[2], чтобы окончательно исчезнуть с приходом христианства и ислама. Напичканный суровыми табу он стал неудобен для слабых людей, взывавших к милостивому богу. Зороастризм умер, уступив место рабским религиям. Он умер, так и не дождавшись прихода сильного совершенного человека. Все рано или поздно уходит.

Вечно светят лишь звезды, именуемые греками астрон. Лишь им ведомо, когда настанет день и засмеется младенец Заратустра.

В жизнь превращая создание
Без умирания, без увядания
И без истления,
Вечноживущую, вечнорастущую
И самовластную,
Из мертвых восстанет
И явится вживе
Бессмертный Спаситель
И мир претворит.

(Яшт 19,11)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗАПАД. ЭЛЛАДА

ПРОЛОГ

Эпоха Запада

Землю теперь населяют железные люди.
ГЕСИОД, «Дела и дни», 176

Минули века, закованные в медь легионы сошли в Тартар, пугая Танатоса[1] своим грозным видом. На смену им шли другие, державшие свой путь на восход солнца.

Железные люди — яростные, сильные, неистовые. История Запада началась именно в тот миг, когда появились железные люди. Они сжимали в руках стальные мечи, легко перерубавшие отточенную бронзу. Но не поэтому их прозвали железными. Их сердца были подобны стали, закаленной в кипящем масле и крови. Их сердца были бесстрашны и дики. Железные люди считали себя потомками богатырей легендарных эпох и стремились подтвердить силой оружия свое право на землю, некогда породившую этих богатырей.

Под напором диких племен, время которых еще не настало, они ворвались на землю Эллады, которую населяли в то время люди-полубоги — герои бесчисленных мифов и преданий.

Снова еще поколенье, четвертое, создал Кронион[2]
На многодарной земле, справедливее прежних и лучше —
Славных героев божественный род. Называют их люди —
Полубогами: они на земле обитали пред нами.[3]

Агамемнон и Менелай, Ахилл и Диомед — боги Олимпа не гнушались выпить чашу вина с этими мудрейшими из царей и величайшими из воинов. Сам Зевс был непрочь прислушаться к совету хитроумного Одиссея или принять помощь могучего Геракла.

То было поколение героев, смысл своей жизни видевших в искательстве приключений. Они не были мечтательными романтиками, они не были бессребренниками, их не обошли стороной худшие человеческие пороки: ложь, предательство, вероломство. Их знаменем стал парус. Вспенивая воду, они гнали легкокрылые ладьи во все стороны света. Они мечтали покорить неизведанное.

Эта эпоха не была волшебной сказкой, как представлялось позднее. Она была жестокой. Не менее, но и не более, чем остальные. Она была похожа на век прошедший, в ней были черты века будущего. То было время патриархальной гармонии. Гармонии между человеком и природой. Гармонии между эллинами и соседними народами.

То было время некоего паритета между Востоком и Западом,

время жестокое и славное, содержащее зерно благородства и превратившееся поэтому в прекраснейшую легенду.

Но пришли железные люди, носившие в своем сердце иной порядок. Они жаждали добычи и крови. Под их неистовым напором рухнули стены златообильных Микен, Тиринфа и Пилоса, был подвергнут разгрому могучий некогда Крит.

Настал век железных людей. Век Запада. Век, длившийся более тысячелетия.

Подобно эпохе медных людей то был век войн. Но войн не ради богатства и мишурного владычия. Железным людям претили изнеженность и роскошь, столь быстро развращающие удачливых завоевателей. Они готовы были променять все это на власть и воинскую славу.

Железные люди создали **царство равных** и нарекли его Спартой, а себя — спартиатами. Никто не выделялся средь других ни едой, ни одеждой, ни жильем. Любой спартиат был равен царю. Хотя нет. Царь все же имел одну привилегию — умереть в бою первым. Не было в мире народа, чей царь первым вступал в битву и последним выходил из нее. Только люди со стальными сердцами достойны иметь таких царей!

Железных людей не манили завоевания. Они ведали их суетность и преходимость. Им было довольно славы непобедимых воинов. И множество их врагов смогли на собственной шкуре убедиться в этом. Спартиата можно было убить, но не победить. Железный человек мог быть со щитом или на щите, тот же, кто возвратился домой без щита, не был спартиатом. Он даже не имел имени. Его звали отныне — Трус.

Сами того не предполагая, железные люди привели в движение народы, населявшие Элладу, заставив их наполнить сталью свои сердца. И начала эра эллинской экспансии, вошедшая в историю как великая греческая колонизация.

Эллины покоряли мир. Покоряли не мечом, ибо знали, что не все можно покорить сталью, а оливками и вином, серебром и великолепной керамикой. Впрочем, когда требовалось, они без сомнения пускали в ход и меч.

Еще никогда прежде ни один народ не был столь близок к тому, чтобы покорить мир. Ведь не было народа более предприимчивого, более космополитичного, более легкого на подъем. Но и не было на земле народа более непостоянного и раздираемого распрями, чем эллины. Сотни полисов, пекущихся лишь о своей выгоде, ставящих ее выше долга перед нацией.

Эллины уподобились своим богам — ветреным, изменчивым, непостоянным. А, может быть, боги уподобили эллинов себе.

В божествах, в коих они верили, не было той мрачной энергии — силы, что толкает народы на завоевания. По сути то были боги-люди, созданные вечностью — Кроносом, но давно порвавшие связь с прародителем. В них не было ничего сверхъесте-

ственного, не было сгустка ирреальности, которая порождает слепой фанатизм.

Нелепо даже представить эллина, идущего на бой с именем Зевса на устах. Умереть во имя фетиша — удел верящих в слабых и жестоких идолов. Эллин мог умереть лишь за свой дом, за честь и славу. Умереть за Родину. Но как редко этой родиной была Эллада. Обычно это были Афины, Фивы, Мегара, Коринф — клочок земли со стенами посередине, именуемый полисом. А за рекою была чужая земля, хотя там тоже говорили на эллинском наречии и приносили жертвы тем же богам, и жило там много друзей и знакомых. Но то была чужая земля!

И уже совсем не за что эллину было сражаться за пределами Эллады. Зажатый в рамках полисного сознания, он не имел той великой идеи, великой веры, которая сплачивает нации и толкает их на великие завоевания.

Для этого нужны или стальные сердца или кровавый бог.

Великие завоеватели прикрывались знаменем жестоких и властных моноидолов, сверхъестественных по сути, сконцентрировавших в себе сгусток космоэнергии. Таков Мардук вавилонян и ассирийцев. Таков Ахурамазда — белый лик Аримана. Таков Христос с мечом в руке. Таков Магомет. Таковы племенные идолы Чингисхана и Тимура. Таков и демон коммунизма, приобретший силу под влиянием еврейского христианства.

Это боги, концентрирующие в себе жестокую энергию. Они способны покорять, но не в силах удержать покоренное, так как для этого мало веры в ирреальный фетиш. Нужна идея нации, идея стального сердца, идея рациума. Нужна, наконец, вера в сильного и разумного человека.

Потому-то все эти империи рухнули под напором внутренних междоусобиц. Ведь держались они на эфемерной, чуждой покоренным народам вере, да на авторитете полководца-завоевателя.

Эллины не пытались колонизовать мир силой. Они не могли покорить его верой. Они не были нацией, способной стать стержнем будущей империи. Сыны эллинских полисов хотели покорить мир предприимчивостью и культурой, привлекательной именно потому, что она шла от человека, а не от бога.

Это им удалось. Именно культура Эллады нанесла сокрушительное поражение лоскутной Персидской империи, а не сорок тысяч гоплитов и гетайров, которые при иных обстоятельствах просто бы растворились в необозримых пространствах Востока.

Персида к тому времени уже давно потеряла стержень своего могущества. Властный Ахурамазда уступил место доброму и бездеятельному Митре, а персы погрязли в роскоши и неге. Лишившись сильной идеи, они не стали драться за своего царя, резонно полагая, что с приходом сынов Запада не произойдет ничего более страшного, чем замена его другим самодержцем. Их имуществу ничего не угрожало, а эллинская культура была лишь благом для застоявшейся жизни Востока.

Запад сокрушил Восток в бою, но был поглощен им. Эллинизм внес свежую струю в агонизирующие в тупике эволюции восточные сатрапии. Странный симбиоз свежей крови и многовековых традиций породил самобытную и изящную культуру, гармонично сочетающую в себе все лучшее, что было порождено Западом и Востоком; культуру, которой не было до того и никогда не будет после.

Железных людей было мало, и Восток растворил их в мареве пустынь и хаосе кривых улочек городов. Восток не только парировал этот выпад, но и нанес ответный удар. Нега и роскошь проникли на Балканы, не обойдя даже Спарту. Стало мало желающих умереть на щите. Эллины все чаще руководствовались советом лирика Архилоха.

> Сам я кончины зато избежал. И пускай пропадает
> Щит мой. Не хуже ничуть новый могу я достать.

Попавшие в тенета Востока, втянутая в бесконечные распри диадохов Эллада потеряла значение центральной державы Запада, уступив это место Риму.

Мир никогда не знал и вряд ли узнает державу, где национальная идея была бы выражена столь сильно как в Риме.

При этом парадоксально, но факт — нации, как таковой фактически не существовало. Согласно легенде, не слишком достоверной, был небольшой отряд переселенцев из разрушенной эллинами Трои, впитавший в себя сразу три этнических элемента — латинян, сабинян и этрусков.

На этой основе возник город полисного типа. Но в отличие от эллинских полисов экспансионистская политика римлян не ограничивалась выведением колоний, которые в перспективе должны были стать независимыми от метрополии. Рим начал широкую экспансию внутри Италии, присоединяя захваченные италийские земли на правах полузависимых союзников. Двухсотлетние непрерывные войны позволили и римлянам овладеть почти всей Италией, а кроме того, создать лучшую за всю древнюю историю армию, спаянную не полисным, а национальным сознанием.

Именно такая армия с ее четкой организацией, огромными людскими резервами, сильным, политически устойчивым тылом, способна была завоевать мир. И римляне завоевали его, распространив влияние Запада от Испании до Персидского залива, и от Британии до истоков Нила.

Но вобрав в себя чудовищный конгломерат разноязыких народов, римляне потеряли то, что сплачивало их — национальное чувство. Римское гражданство получили сначала италики, а затем и прочие народы. Римляне утратили столь хранимые прежде традиции предков и держава рассыпалась. Не уподобляясь карточному домику, разваливающемуся на многочисленные

народы и народности, а рухнула под натиском варваров, прогнив от восточной роскоши.

Дикие сердцем варвары пришли от восхода солнца. Но они не были детьми Востока, ибо их породили степи, лежащие вне пределов Ойкумены[1]. Они пришли под знаменами своих вождей, чьи умы не были отягчены сильной верой, но чьи сердца были наполнены стальной страстью наживы, пожаров и крови.

Варвары должны были дать новую подпитку западной идее, но в ход истории вмешалась сила куда более грозная, чем Восток, хотя она и была порождена Востоком. Имя этой силе — христианство.

ЭПИТОМА ПЕРВАЯ

Камень Прометея

Дерзко рвется изведать все,
Не страшась и греха, род человеческий.
Сын Иапета дерзостный,
Злой обман совершив, людям огонь принес.
После кражи огня с небес,
Вслед чахотка и с ней новых болезней полк
Вдруг на землю напал, и вот
Смерти день роковой, прежде медлительный,
Стал с тех пор ускорять свой шаг...

КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК,
«Ода к кораблю Вергилия»

Аргонавты уверяли, что стоны неслись именно с этой вершины. Они не могли ошибиться. Хотя могли солгать. Однако разузнать поточнее было не у кого. Хребты Кавказа дики и безлюдны. И безжизненны. Лишь изредка пробежит мохнатый паук или зеленобрюхая ящерка, а однажды мелькнул серый обруч рогатой гадюки, тут же исчезнувший под завалом из огромных каменных глыб.

Напрягая могучие мышцы, Геракл карабкался вверх по крутому склону. Там, где это было необходимо, он помогал себе массивной дубиной, вырезанной из дубового ствола и обитой бронзовыми конусообразными шишками. Никто из смертных мужей не мог поднять это чудовищное оружие. Геракл орудовал им с непостижимой легкостью. Впрочем, в бою он обычно рассчитывал не на дубину, а на длинный меч, болтавшийся у левого бедра, или на лук, подаренный Аполлоном. Дубина была своего рода символом, неизменным атрибутом всех статуй и настенных изображений героя, так же, как и шкура немейского льва, заменявшая сразу и панцирь, и плащ.

Геракл раскрутил дубину над головой и прыгнул вперед. Инерция массивного оружия помогла ему перебросить тело через очередную расселину. Спружинив ногами о влажную глину, он приземлился рядом с тихо журчащей струйкой родника. От воды, как и от скал, веяло холодом. Меж тем, солнце палило немилосердно. Герой приставил дубину к камню и опустился на колени. Он напился воды, после чего окунул курчавую голову в источник. Ледяной обруч перехватил дыхание и Геракл поспешно освободился из его тисков. Усталость как рукой сняло, герой почувствовал себя отдохнувшим и бодрым. Набрав воды в небольшой бурдючок из козлиной кожи, он продолжил свое восхождение наверх.

Теперь уже оставалось немного. Скоро он достигнет подножия самого выского пика, к каменной груди которого прикован

великий бунтарь, осмелившийся восстать против воли Крониона. Любой бунт сам по себе абсурден, особенно если он обречен на провал. К чему ломать вековые устои, целесообразность которых доказало время? Если мускулы ломит от переизбытка сил, то сражайся с лернейской гидрой или отправляйся в поход на амазонок.

Стоп! Геракл застыл на месте. Два родника, исчезающие в буковой роще, а меж ними ровная, будто отшлифованная скала. Судя по описаниям орла, именно сюда он прилетает каждый день, чтобы клевать печень бунтаря. Геракл окинул взором уходящую в облака скалу и озадаченно потер лоб. Никаких свидетельств того, что где-то здесь прикован человек. Ни зловеще гремящих цепей, ни вбитых в гранит бронзовых клиньев. Может быть, Ата вновь набросила на его глаза пелену безумия и он сбился с пути?

— Ты пришел, куда следовало, Геракл.

Герой медленно повернул голову. Перед ним стоял высокий, могучего телосложения человек. Крупная, красиво посаженная голова свидетельствовала о благородстве, глаза были бездонны и мудры. Так как за мгновение до этого на поляне никого не было, следовало предположить, что человек вышел из рощи.

— Я ведь не ошибся? Ты Геракл? — Не дожидаясь ответа, человек добавил:

— Моя мойра[1] предсказала мне, что ты явишься именно сегодня перед закатом солнца. Я как раз приготовил сытный ужин.

Человек замолчал, ожидая, какова будет реакция героя. Тот какое-то время пребывал в замешательстве, затем спросил:

— А ты кто такой?

— Я? — переспросил человек. — Прометей.

Геракл в замешательстве открыл рот.

— Но... Но ведь я должен освободить тебя.

— Правильно. Вот сейчас отужинаешь, а потом освободишь. Иди за мной. Не бойся.

Не бойся! Геракл хмыкнул и горделиво расправил плечи. Бояться? Ему? Совладавшему с самим Танатосом!

— Ступай вперед! — велел герой и, на всякий случай, проверил, легко ли выходит из ножен меч.

Идти пришлось совсем недолго. Вскоре Геракл с изумлением взирал на небольшой аккуратный домик, сооруженный из дикого камня и буковых бревен. По виду он напоминал жилище вполне обеспеченного земледельца, но никак не обиталище мученика.

— Ты живешь здесь?

— Да. А почему бы и нет?

Геракл незаметно улыбнулся в бороду. Он все понял. Темный призрак, посланный Герой[2], морочит ему голову, а настоящий Прометей, прикованный к скале, мучается неподалеку.

— Ну хорошо, — изобразив широкую улыбку, сказал герой. — А где же еда?

— Сейчас принесу. Трапезничать будем прямо здесь на поляне. Ночи в этих краях удивительно мягки, а небо восхитительно глубоко.

Непостижимо! Геракл лишь сейчас обратил внимание на то, что его обнаженные руки и ноги перестали мерзнуть, словно и впрямь потеплело.

Прометей тем временем сходил в дом и вернулся с корзиной, полной разной снеди. Здесь были и мягкий пшеничный хлеб, и свежий сыр, и зелень, и виноград, и бархатистые персики.

— Мясо я жарил на духовитых миртовых ветках, — сообщил титан.

Довершала это великолепие амфора, наполненная душистым вином.

Геракл вознес горячую молитву прародителю Зевсу, ожидая, что наваждение в тот же миг исчезнет и он окажется на лысой, облизанной ветрами скале, а вместо мяса и вина будет мшистый лишайник. Но все осталось по-прежнему.

— Не стесняйся, — сказал Прометей. Он сел прямо на землю и первым подал пример, вцепившись зубами в хорошо прожаренную баранью лопатку.

Геракл смотрел и ждал, что будет дальше. Но ни лопатка, ни Прометей не исчезали. Точнее, лопатка исчезала, но постепенно и в желудке Прометея. Тогда герой нерешительно взял кусок мяса.

Баранина была вполне реальной. Можно обмануть глаза — это во власти Геры, — но нельзя обмануть желудок. Геракл отбросил сомнения и, чавкая, стремительно поглощал снедь. Он был порядком голоден. Хозяин ел с неменьшим аппетитом.

Доев последний кусок мяса, Геракл откинулся на спину и хлопнул себя по животу. Тот ответил глухим бульканьем.

— Здорово, — сообщил герой. Орудуя мечом, словно столовым ножиком, он счистил веточку и поковырялся ею в зубах. — Так говоришь — Прометей?

— Точно! — сверкая веселыми искорками в глазах, подтвердил титан.

Геракл хмыкнул и сплюнул на траву подальше от себя.

— Но все в один голос уверяли, что ты прикован к скале, а орел лично сказал мне, что он ежедневно клюет твою печень.

— Если все так говорят, значит это кому-то нужно. — Прометей усмехнулся и добавил:

— Путь от Эллады до Кавказа отнимет у орла не менее десяти дней. Это при условии, что он будет махать крыльями день и ночь. Как же он может быть ежедневно и здесь, и на Олимпе?

Геракл почесал голову.

— Я как-то об этом не подумал. Так выходит, тебя не приковали?

— Ты удивительно догадлив! — съязвил Прометей. — Меня не так-то легко приковать. Я сам кого хочешь прикую.

— Но-но! — воскликнул Прометей, угрожающе поднимая руку. — Ты не заносись перед Зевсом! Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку!

Прометей остался глух к этому замечанию. Он поднял глаза вверх, любуясь красками умирающего дня, а затем внезапно спросил:

— Ты помнишь фреску в белой зале? Ту, что написана Артоиклом по слоновой кости.

Гераклу было неведомо имя Артоикла, но изображение он помнил.

— Лев, задирающий быка?

— Да.

Геракл кивнул.

— Так вот, лев на этой фреске — это я. Артоикл сотворил свой шедевр, когда не все еще было ясно. Он полагал, что победа будет на моей стороне. За это он позднее поплатился жизнью.

— Почему же Зевс не уничтожит эту мазню? — пробормотал Геракл.

— Ну, во-первых, он хочет показать, что умеет ценить прекрасное. Да и чем может быть опасна картина, сюжет которой мало кому понятен. А кто и знает о нем, для того эта фреска служит постоянным напоминанием, что не стоит заноситься слишком высоко.

Геракл хотел что-то сказать, но в последний момент передумал и лишь покачал головой. Из-за камня, лежащего неподалеку, высунулась рогатая голова змеи. Прометей бросил ей крохотный кусочек сыра. Гадюка испуганно зашипела и скрылась в своей норе.

— Не понимает, — прошептал Геракл. — Не понимает добра. И не ждет. — Титан повернул голову к Гераклу. — Ты держишь путь с востока?

— Да.

— Как поживает брат мой Атлант? Все так же держит камень?

— О каком камне ты говоришь?

— О том, что взвалили ему на спину боги, внушив, что это небесный свод.

— Но это и есть свод! — воскликнул герой. — Я собственными глазами видел!

— И своими руками держал.

— Да.

— Тогда подними вон ту скалу, — предложил Прометей, указывая на обломок гранита высотой в рост человека.

Геракл замялся.

— Вот видишь, ты не можешь поднять его, — удовлетворенно констатировал Прометей. — А свод земной равен мириад раз мириаду мириадов таких скал. Никто — ни бог, ни человек — не в состоянии удержать его.

— Кто же его тогда держит?

— Никто. Он держится сам. Как лежат эти скалы, как плещутся волны, как рождается весной трава. Таков порядок жизни, установленный временем. — Прометей вздохнул, лицо его стало задумчивым. — Боги назначили сыновьям Иапета[1] страшную кару. Менетий заточен в Тартаре. Я в изгнании. Лишь недоумок Эпиметей благоденствует в тиши дубовой рощи и полон счастья оттого, что время от времени получает приглашение явиться на Олимп, где боги смеются над ним. Но самая горькая участь выпала Атланту, который держит на плечах камень, сгибаясь более не под его тяжестью, а под грузом ответственности. Ведь боги заставили его поверить, что от него зависит быть или не быть этому миру. Какая великолепная казнь — взвалить на плечи поверженного невыносимую тяжесть, внушив ему, что он не вправе распрямиться ни на секунду. Раб, чувствующий свою ответственность — самый преданный раб. Раб, чувствующий свою причастность к великому — счастливый раб. Но лучше бы он был несчастен!

— Ты ошибаешься, — не очень уверенно заявил Геракл. — Он и в самом деле держит свод. Я испытал неимоверную тяжесть, когда взвалил этот груз на свои плечи. Мои ноги ушли в землю по колено.

Прометей махнул рукой.

— Там влажная земля. — Титан перевернулся на живот и подпер подбородок огромным кулаком. — Мой бедный брат. Менетий был отчаянным безумцем. Ему все равно рано или поздно было суждено свернуть себе шею. Атлант же был совсем другой. Он был вдумчив и даже робок. У него было чистое сердце. Я как мог отговаривал его от намерения принять участие в этой битве. Я знал, что титаны обречены проиграть. Их век уже минул, а люди, поклонявшиеся им, умерли. Новые люди не хотели верить в суровых и грозных богов, порожденных мощью земли. Их куда больше устраивали ветреные кронионы, повадками и обличьем схожие с человеком. А кроме того, в руках олимпийцев была сила звезд — наследство Урана[2], тайно переданное Зевсу Геей.[3] Эта сила была в сто крат больше той, что располагали титаны. Я сказал Атланту, лишь ему одному, он был моим любимым братом, что они проиграют. Он ответил, что лучше сохранить честь, нежели приобрести благорасположение победителя. Он словно хотел обвинить меня в том, что я боюсь быть побежденным. Да, я никогда не скрывал того, что хочу быть победителем. Но я и не боялся потерпеть поражение. Я лишь не хотел проиграть столь нелепо.

О, это было грандиозное побоище! Титаны сокрушали своих врагов дубинами и кидали в них огромные глыбы. Олимпийцы отбивали эти удары щитами силовых полей, созданных колдовскими чарами Зевса, и швыряли в Крона и его братьев огненные перуны. Титаны падали ниц, поверженные мощными ударами и

тут же поднимались вновь. Ведь они были бессмертны. И я думаю, они б победили, если бы Зевс не призвал на помощь гекатонхейров[1]. Эти чудовищные поражения Геи оказались не по зубам Крону. Титаны признали свое поражение. Я предсказал исход этой битвы еще до того, как она началась.

— М-да, — неопределенно хмыкнул Геракл, не раз слышавший эту историю, но в несколько ином изложении.

Прометей вздохнул и философски заметил:

— И слава Орфийской горы[2] закатилась, и воссиял Олимп.

— Но почему пострадал ты? — притворяясь незнающим, спросил Геракл, рассеянно поигрывая золотоострой стрелой.

— Я могу предсказывать будущее. Все началось именно с этого.

— Но и Аполлон, и некоторые другие боги обладают даром прорицания!

— Их дар не столь совершенен, как мой. Они могут предсказывать судьбу людей, я же знаю судьбу богов. И судьбу всего мира. Зевсу было известно это и потому я был для него опаснее всех титанов и гигантов вместе взятых. Он пытался приручить меня, обещая сделать своим первым помощником. Но зачем быть первым помощником, когда можно стать просто первым. Я отказал ему в просьбе раскрыть его будущее. Он не решился поначалу расправиться со мной, так как все еще рассчитывал, что я изъявлю покорность. А кроме того, на моей стороне были многие боги. Меня поддерживали Океан, Аид, Аполлон, Гефест. Меня поддерживала мать-земля Гея, рассердившаяся на Зевса за жестокую расправу над титанами.

Смешно! — Прометей расхохотался. — Зевс подозревал, что опасность подстерегает его с рождением могущественного сына. Одно время он даже был готов, подобно Крону, глотать своих чад. Но олимпиец явно переоценил свои возможности. Его семя не могло дать столь богатые всходы, как семя прародителя Урана. Опасность грозила ему с другой стороны.

Люди, жившие в те времена на земле, были наивны и беспечны. Им были неведомы зависть и раздоры, их жизнь проходила в благостной уверенности, что судьба, дарованная им богами, прекрасна. И они поклонялись этим богам, а любая власть держится прежде всего на поклонении. Я не видел надобности устраивать тайные заговоры и не ставил целью овладеть олимпийским троном путем переворота, хотя у меня была такая возможность. Я лишь дал людям огонь.

Они восприняли его как благо. Ведь ночами бывало холодно, а их зубы истерлись, пережевывая сырое мясо. А кроме того, огонь завораживал, он был частью высшего, недоступного прежде человеку. Ведь прежде он принадлежал бессмертным богам. А запретный плод так сладок! Первый, получивший этот огонь, долго смотрел на его прыгающие язычки и вдруг прозрел. Он потребовал плату со своего соседа, пришедшего приобщиться к

теплу. С этого мгновения кончился Золотой век. Люди лишились былой беспечности и поняли, что мир несовершенен. И что незачем воздавать хвалу богам, создавшим столь несовершенный мир. Я победил, но, победив, я проиграл. Мои союзники-боги отшатнулись от меня, так как я вольно или невольно действовал во вред им. Отдав людям огонь, я поднимал их против богов. Приобрести союзников-людей я пока еще не успел, ибо они еще не оценили в достаточной мере мой дар. Огонь позволил им скинуть шкуру, но не раскрыл их души.

И тогда Зевс напал на меня. Это была отчаянная схватка. И я был близок к тому, чтобы победить. Лев повалил быка и подбирался к его горлу, но в этот момент вмешались боги.

Сообща они одолели меня и опутали цепями. Зевс намеревался бросить мятежного титана в Тартар под охрану гекатонхейров и тогда я напомнил ему, что знаю его судьбу. Он потребовал от меня раскрыть ее тайну. Я дал согласие, но поставил в качестве условия мое освобождение. Зевс наотрез отказался отпустить меня на волю. После долгих споров сошлись на том, что будет официально объявлено о страшном наказании, которое я якобы понес, а на самом деле я буду отправлен в почетную ссылку, где мне будут созданы вполне комфортабельные условия. Я выбрал местом ссылки Кавказ. И Гефест тут же отправился в эту рощу строить мне дом. Будучи верен данному мною обещанию, я раскрыл Зевсу тайну, которая его столь волновала. Суть этой тайны заключалась в том, что сын его от связи с дочерью Океана Метидой, который должен был вот-вот родиться, в будущем лишит своего отца власти. — Прометей усмехнулся. — Надо было видеть, как взволновался Зевс! Он тут же проглотил утробу Метиды лишь для того, чтобы мучительно разрешиться от бремени Афиной. Что ж, по уму и властности эта женщина подобна мужу. Родись она богом, и трон Крониона зашатался б. Но по закону богиня не может претендовать на олимпийский престол, и Зевс спокойно восседает на Олимпе, а я веду бессуетную жизнь в этом уединенном уголке земли. Вот, собственно говоря, и вся моя история.

— Люди до сих пор помнят о тебе, — старательно отводя глаза в сторону, сказал Геракл.

— Что ж, это приятно.

— Они чтут тебя как бога, указавшего им путь к свободе. Они чтут тебя как великого проповедника бунта. Они надеются, что настанет час и судьбе будет угодно прекратить твои муки, и тогда ты вернешься, чтобы вновь дать им истину.

— Это хорошо, что они думают именно так. В их сердцах остается надежда.

— Но они верят в тебя! — почти кричал Геракл.

Прометей шумно выдохнул. На его лице вновь появилась вымученная улыбка.

— Сын Зевса, ты пришел сюда с поручением, так выкладывай его! — И совсем тихо добавил:

— Мне известны чувства, которые ты сейчас испытываешь, но пойми, вся беда в том, что я знал, чем все это закончится и ничего не мог изменить!

— Ты знал, что проиграешь и окажешься здесь? — не веря в услышанное, спросил Геракл.

— Конечно.

— Но почему же ты в таком случае восстал против Зевса?

— Это судьба. Как я могу пойти против предначертанного мне роком. И потом, ведь у каждого, кто проповедует бунт, должно быть свое Ватерлоо.

Геракл не осознал смысл последней фразы, но он понял, что хотел сказать титан. Герой не оправдывал Прометея. Он верил, что если понадобится, он сможет стать наперекор судьбе. Хотя будет ли он уверен, что это судьба. А может быть, это лишь то, что считаешь судьбой, а истинная судьба ждет за поворотом абсурда. Ведь никому не суждено знать своей линии жизни, сплетенной мойрами. А Прометей ее знал и знает.

И что страшнее — камень на плечах, воображаемый небесным сводом, и постоянно дрожащие ноги от страха не удержать этот свод, или камень над головой, который в определенное роком мгновенье, раздавит тебя своей неотвратимостью? И ты знаешь об этом, но не в силах убежать от его угловатой тени.

— Я бы выбрал камень на плечах! — произнес вслух Геракл.

Прометей недоуменно вскинул голову, и герой поспешно добавил:

— Зевс послал меня к тебе узнать, что угрожает ему в ближайшее тысячелетие. В благодарность за эту услугу он дозволит тебе вернуться на Олимп.

— Он считает себя достаточно сильным, чтобы больше не бояться меня, — задумчиво произнес Прометей. — Но его по-прежнему страшило будущее, хотя он и уверяет, что держит его нити в своем кулаке. Но прихоти мойр непредсказуемы, хотя они и считаются порожденьем Крониона. Надо не раз подумать, прежде чем зачинать таких детей! — Прометей подмигнул Гераклу. — Передай Зевсу, что я не советую ему заниматься блудом с морской богиней Фетидой. Рожденный ею сын будет сильнее своего отца, кем бы тот ни был. Запомнил?

Геракл кивнул.

— Да.

Титан расправил плечи, словно сбрасывая с них тяжелый груз. Затем он перевернулся на спину и стал любоваться звездным небом. Созвездие Медведицы постепенно уползало за горизонт. Было очень тихо, лишь издалека доносился вой попавшего в западню глубоких пропастей ветра.

— Как поживает твой друг, мудрый кентавр Хирон? — внезапно спросил Прометей.

— Нормально, — ответил герой и вопросительно посмотрел на титана.

— Скоро он случайно поранится твоею стрелою, пропитанной ядом лернейской гидры. Чтобы избавиться от вечных мук, он подарит свое бессмертие мне и сойдет в Тартар.

— И ничего нельзя изменить? — тихо спросил Геракл.

Прометей покачал головой.

— Ни-че-го!

На глаза героя навернулась невольная слеза. Нерешительно тренькнула цикада. С востока из-за гор вылезли смутные щупальца предрассветных лучей, мешающихся с утренним туманом.

— Пойдем! — предложил Геракл. — Ты выполнил просьбу Зевса и отныне свободен.

— Нет. — Олимп не любит поверженных. А кроме того, судьбе угодно, чтобы я пока оставался здесь.

— И как долго?

— Не знаю. Судьба скажет мне, когда наступит срок возвращаться.

Звезды погасли и из-за гор выплыла розовокудрая Эос. Отблески света, испускаемого ее прозрачно-лазоревыми щеками, раскрасили поляну, заставляя цветы поднять вверх заспанные головки.

— Прощай, — сказал Геракл и поднялся с земли.

— А ты не хочешь узнать свое будущее? — искушая, спросил титан.

Герой отрицательно покачал головой.

— Я думаю, этого не хочет никто. Даже боги боятся своей судьбы и мне кажется именно по этой причине они помогли Зевсу сбросить тебя с Олимпа.

— Я знаю это, — сказал титан.

— Мне очень жаль тебя, Прометей!

Титан также поднялся на ноги и подошел к Гераклу. Он похлопал героя по могучему плечу, коснулся рукой шкуры немейского льва и заметил:

— Обыкновенная шкура, а под ней — гиперборейская броня из распиленных на пластинки конских копыт. Львиный меч предохраняет от когтей зверей и рубящих ударов, а пластинки — от стрел и копий. Это очень хороший доспех! Легкий и прочный.

— Тебе поведал об этом дар прорицания? — осведомился Геракл.

— Нет. — Щека титана нервно дрогнула. — Просто когда-то я и сам был неплохим воином. Когда-то.

Прометей еще раз хлопнул героя по плечу и скрылся в своем доме. Возможно он сказал «прощай», но Геракл не расслышал.

Он возвращался вниз, топча выросшие за ночь маки, и думал о пророчестве Прометея. Отныне Зевс будет сторониться столь приглянувшейся ему Фетиды, надеясь обмануть судьбу. Но ведь нельзя обмануть судьбу или...

В голове вдруг мелькнуло — судьба подскажет Прометею,

когда возвращаться. Судьба, которую пытается обвести вокруг пальца Зевс. Геракл усмехнулся и отбросил эту шальную мысль. Пусть по этому поводу болит голова у царя олимпийцев.

Вернувшись, он слово в слово передал Зевсу пророчество Прометея и тот немедленно отменил свидание, назначенное этой ночью синеокой Фетиде.

А через год кентавр Хирон случайно укололся отравленной стрелой, выпавшей из колчана Геракла.

А еще через год Зевс сошелся с фиванкой Семелой.

Фарс, именуемый жизнью, продолжался, а финал его знал лишь титан Прометей, затаившийся на вершине Кавказа и терпеливо ожидающий веления своей судьбы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пелопоннес. Спарта

Знаменитая черная похлебка спартиатов была весьма несложна в приготовлении. Сварить ее мог любой миллирен[1]. Вода, смешанная со свежей свиной кровью и уксусом, немного жирной свинины, горсть соли. Перед тем, как снять котел с огня, в варево кидали куски ячменного хлеба.

Изнеженные в еде соседи вздрагивали от одного упоминания об этом блюде, а спартиаты со скрытым самодовольством вспоминали превратившуюся в анекдот быль о том, как один из понтийских[2] царьков, возжелав закалиться телом и духом, подобно лаконцу, велел сварить себе черную похлебку. Повара не смогли выполнить этот приказ, так как не ведали секрета ее приготовления. Царек не постоял за расходами и выписал себе ресторатора-периэка[3]. Едва тот успел прибыть, как тут же получил заказ на черную похлебку. Периэк немало удивился этой странной просьбе, но исполнил ее. Рассчитывавший получить истинное наслаждение понтиец смог проглотить лишь одну ложку. Затем миска с похлебкой полетела в голову ожидавшего похвалы повара, а царь раз и навсегда потерял охоту к спартанскому образу жизни.

Столь же нелестного мнения были об этом блюде и афиняне, и фиванцы, не говоря уже о изнеженных мидянах. Однако спартиаты ели свою похлебку с удовольствием, которое посторонним казалось показным или, в лучшем случае, привычкой. Может быть, так оно и было, а скорее спартиатам приходилось нередко довольствоваться куда менее изысканным обедом.

У дверей в царский дом в этот день стоял Креофил. Еврит хорошо знал его. Некогда Креофил был иреном[4] в агеле[5], в которой состоял мальчик Еврит. Уже тогда они недолюбливали друг друга. Креофил завидовал силе своего подопечного. Сила эта была врожденной и Еврит, не утомляя себя изнурительными тренировками, побивал в состязании любого мальчика. Да что там мальчика — не каждый взрослый отважился бы вступить в борцовский поединок с подростком Евритом! Креофил был невысок и тщедушен. И от этого его неприязнь к Евриту лишь усиливалась. Правда, Креофил был храбрым и умелым воином. Недаром царь приглашал его на свои фидитии[6].

Еврит сдержанно поздоровался. Креофил не ответил на приветствие, а лишь косо посмотрел на юношу и пробормотал:

— За эту дверь не должно выйти ни одно слово.

Эта фраза была данью традиции. Еврит молча кивнул и вошел в дом. Спиной он почувствовал неприязненный взгляд, брошенный ему вслед. Прошло немало лет, но бывший наставник по-прежнему ненавидел Везунчика Еврита.

Везунчик... И впрямь — Везунчик. Недаром ему дали такую кличку. Еще не достиг брачного возраста, а уже успел отличиться в двух походах и стал другом самого царя Леонида. А уж о силе Еврита слагали легенды.

Он пришел одним из последних. Вокруг длинного дубового стола уже сидели человек тридцать спартиатов. Все как один они были безбороды и безусы, волосы на голове, напротив, были длинны и тщательно ухожены, одежда отличалась простотой и состояла из короткого хитона[1] и гиматиона[2]. Эфор[3] Гилипп, в бытность свою педон[4] Еврита, заметил:

— Молодые ноги, а бегают хуже старых.

Юноша не замедлил с ответом.

— Старый волк всегда выбирает краткую дорогу.

Слова эти понравились Гилиппу. Он благосклонно кивнул, указывая на место рядом с собой. Прежде здесь сидел Артион, но этим утром он отбыл в качестве Феора[5] в Коринф.

По мнению Еврита место Артиона следовало занять кому-нибудь из голеев[6], но воля эфора — закон для спартиата. Скрывая приятное смущение, юноша сел рядом с Гилиппом.

Чашник уже смешивал в кратере[7] вино, когда вошли царь Леонид и его племянник Павсаний. Последний был кроме того эфором и пользовался немалым влиянием в Спарте.

Сравнивая их, нельзя было не отметить, как важно человеку следить за своим телом. Леонид был лет на пятнадцать старше своего родственника, но не зная об этом можно было решить наоборот. Павсаний был весьма грузен, его массивные мышцы покрывал слой дикого мяса, которое замедляет быстроту движений, а двойной подбородок свидетельствовал о том, что эфор не привык ограничивать себя черной похлебкой.

Леонид же, несмотря на более солидный возраст, был могуч и строен. Его мощный торс не был обременен ни единой каплей жира, а под кожей перекатывались тугие бугры мышц. Он единственный мог соперничать с Евритом в борьбе на руках, а во владении мечом ему не было равных.

При появлении царя спартиаты дружно встали со своих скамей. Лишь эфоры Гилипп и Прокон остались неподвижны. Это была их привилегия — сидеть в присутствии царя.

Леонид занял место во главе стола. Павсаний сел по правую руку от него. Вооруженный киафом[8] виночерпий начал наполнять чаши разбавленным вином.

Лакедемоняне, как и прочие эллины, пили вино, смешанное с водой, используя сей напиток прежде всего как средство для утоления жажды. Употребление чистого вина порицалось. Именно эта дурная привычка привела к гибели царя Клеомена. Упившись разбавленным вином, он сошел с ума и изрезал себе ноги, отчего и умер. Судьба Клеомена научила спартиатов осторожно относиться к подарку Диониса.

Дождавшись, когда все килики будут наполнены, царь поднял вверх руку.

— За погибших братьев!

Спартиаты осушили чаши до дна. Слуга внес большой котел с похлебкой и разлил ее в глубокие глиняные миски.

На фидитиях не принято есть молча, но и не каждый полезет вперед со своим словом. Первыми должны заговорить царь или эфоры, а уж затем можно вступить в разговор и остальным.

Тишину нарушил Прокон, слывший любителем поговорить.

— Год должно быть будет урожайным.

Леонид тщательно разжевал крепкими зубами кусок мяса и лишь затем ответил:

— Если удастся убрать урожай.

— Дела так плохи?

— Да. Орды мидян[1] со дня на день двинутся на Элладу.

Эфор рассеянно поковырялся ложкой в своей миске. Ему было далеко за шестьдесят. Покрытые белесоватыми старческими пятнышками руки слегка подрагивали.

— Это будет нелегкое испытание. Но сыны Спарты встретят варваров таким ударом, что поражение под Марафоном покажется им легкой пощечиной.

Царь не возразил Прокону, но заметил:

— Нас восемь тысяч, а их в сто раз больше. И немалая часть полисов преклонит перед мидянами колена.

Прокону нечего было на это ответить. Как и все присутствующие, он был осведомлен о настроениях македонцев, беотийцев и многих других эллинов, свобода для которых значила менее, чем спокойная жизнь и туго набитая мошна.

Тем временем с черной похлебкой было покончено. Периэк заменил пустевший котел на огромное железное блюдо, полное вареных овощей. Чашник налил еще вина.

Переложив овощи в ополоснутые водой миски, спартиаты продолжили трапезу. Все три эфора отказались от второго блюда. Прокон и Гилипп — по старости, а Павсаний из прихотливости. Зато Еврит ел с охотой. Его могучий организм требовал много пищи.

— Если дела обстоят столь плохо, не стоит ли предпринять предупредительные меры? — предложил Гилипп, обращаясь к царю.

— Поясни.

— Укрепить перешеек. Разослать посольства в полисы Эллады и Великой Греции.

— Послы в Афины и Коринф уже отправлены. Великую Грецию мало волнуют наши проблемы. Подобно мидянам, сиракузцы и тарентийцы погрязли в роскоши и думают лишь о наживе. Насчет криптии — дельно, но об этом мы позаботимся, когда убедимся, что война неизбежна.

— Это ясно и сейчас, — мрачно заметил голей, сидевший

напротив Еврита. Его звали Булис и он славился необузданным нравом.

— Достаточно об этом, — велел Леонид. — Пусть лучше Гилипп расскажет о дионисиях.

Гилипп некогда, прежде чем стал эфором, был феором в Афинах и видел там дионисии — разнузданные празднества, посвященные богу вина и веселья Дионису, которому афиняне воздавали великие почести. Вернувшись домой, он со смаком описывал похабные сцены переросшего в оргию шествия. Его рассказы стали популярны и спартиаты не раз просили повторить их — себе на забаву, а молодым для науки. Им было приятно слушать байки о том, как заносчивые афиняне в пьяном угаре совокуплялись прямо на улицах, пачкаясь в испражнениях и блевотине. До подобного скотского состояния в Спарте могли снизойти лишь илоты[1].

Пока Гилипп рассказывал, Еврит, уже не раз слышавший эту историю, искоса рассматривал Павсания. В глубине души он недолюбливал этого эфора, хотя и сам толком не знал почему.

Павсаний был сыном Клеомброта, брата Леонида, известного тем, что некогда помог Клеомену низложить царя Демарата. Поговаривали, что именно Клеомброт, заметая следы, тайно удавил прорицательницу Периаллу, объявившую по наущению заговорщиков, что царь Демарат будто бы жаждет тиранической власти. На деле все было куда проще. Демарат и Клеомен не поделили власти над войском во время похода на Афины. Представ перед судом геронтов[2], Демарат не смог опровергнуть обвинений, был низложен и бежал, а его место занял покорный Клеомену Леотихид. Однако Клеомброту не пришлось стать царем после кончины Клеомена. Апелла[3] отдала предпочтение молодому и популярному Леониду, женатому на дочери Клеомена Горго. С того времени Клеомброт возненавидел брата. Его чувства вполне разделял и Павсаний, который однако был достаточно разумен, чтобы не выказывать их явно.

Проиграв в борьбе за престол, Клеомброт заметно помрачнел и стал реже появляться на людях. Сказываясь больным, он предпочитал обедать дома. Из уважения к Леониду геронты позволили царскому брату не присутствовать на фидитиях. Зато Павсаний был всегда рядом с царем и со временем сделался незаменимым советником. Вел он себя безукоризненно, но Еврит не раз замечал неприязненные взгляды, которые Павсаний бросал на более удачливого родича, преградившего ему путь к царскому трону. Поговаривали и о любви Павсания к ярким безделушкам. Сын Клеомброта единственный оставил у себя золотой перстень, подаренный ему в числе прочих знатных спартиатов сиракузскими послами три года назад. Геронты и эфоры все как один бросили грязные безделушки в Грязный колодец, Павсаний же потихоньку спрятал свой перстень в крепиду[4]. Этого никто не заметил, кроме Еврита, который был вынужден промолчать, так

как геруссия вряд ли бы прислушалась к обвинению ирена против эфора и царского родственника. Но предубеждение юноши против Павсания стало еще сильнее. Человек, тянущийся к золоту, не остановится ни перед чем, даже перед предательством. Еврит был уверен в этом.

Внезапно Павсаний, почувствовавший пристальный взгляд, перевел взор на юношу. Безопасней было отвернуться, но Еврит упорно смотрел в глаза эфору, словно желая заглянуть ему в душу. И тот не выдержал этой борьбы и первый отворотил голову в сторону.

Слушавшие рассказ Гилиппа спартиаты не обратили внимания на этот безмолвный поединок. Лишь Креофил успел заметить, как Везунчик привел в смущение самого Павсания. Он запомнил это и отложил в уме — когда-нибудь пригодится.

Рассказ Гилиппа, прерываемый короткими взрывами смеха, подходил к финалу, когда в залу вошел невысокий смуглый человек с властным выражением лица. Это был Леотихид, царь из рода Гераклидов. Гераклиды издавна недолюбливали Агиадов, к коим принадлежал и Леонид, и Павсаний. Должно было произойти действительно нечто очень тревожное, чтобы Леотихид пришел в дом царя-соперника. Предчувствуя беду, Леонид привстал со своего места.

— Мидяне?

— Да. Сторожа донесли, что их посольство миновало Скирос.

И спартиаты поняли — грядет война.

* * *

Не столь часто приходилось Евриту скакать на лошади. В спартанском войске всадников мало — место спартиата в фаланге. Лишь триста голеев, чьи ноги были изранены в схватках и уже не столь уверенно, как прежде, попирали землю, составляли небольшой корпус всадников-агатоергов[1]. Вспомогательные отряды конницы набирали из периэков-скириатов[2]. Именно скириаты обычно гарцуют на конях, вызывая неумную зависть миллиренов.

Еврит еще раз убедился во мнении, что лошадь не самое удобное средство передвижения. Впрочем, как и корабль. Гоплиту куда привычнее полагаться на собственные ноги. Копыта коней не отмерили и трех оргий[3], а в животе спартиата уже клокотало. Кроме этого, он здорово намял зад. Поэтому Еврит с завистью смотрел на скачущего неподалеку Леонида. Царь держался в седле так, словно родился скифом. Его мощное тело колыхалось в такт движениям коня, волна русых волос развевалась под ударами потоков ветра, а ноги время от времени врезались в бока скакуна, заставляя его умерить гордый нрав. Дикий необъезженный жеребец из Никейской долины косил на всадника бархатистым глазом, с розовых губ, перехваченных удилами, слетала пена. Отдаваясь всецело страсти скачки, царь ударил пятками в конские бока и умчался вперед.

Мерно трусящий на смирной кобыле Еврит лишь вздохнул. Ему бы научиться всем этим премудростям хотя бы вполовину так хорошо, как это делает Леонид.

Кавалькада всадников двигалась по дороге на север — навстречу мидийскому посольству. Вскоре отряд должен будет разделиться. Одна часть во главе с эфором Гилиппом организует торжественную встречу посольства. Леонид и Павсаний продолжат путь к Истму. Через два дня они будут в Афинах.

Известие о приезде послов застало Спарту врасплох. Дабы не терять время, Леонид не стал собирать агатоергов, а посадил на коней спартиатов, что обедали в его доме. Таким образом в число встречающих посольство невольно попал и Еврит.

Пестро разодетых всадников спартиаты заметили издалека. Повинуясь приказу царя кавалькада застыла на месте. Леонид коротко перешептался с Гилиппом и направил своего коня в лощину меж холмами. Павсаний и четверо телохранителей последовали за ним. Дождавшись, когда они исчезнут из виду, Гилипп скомандовал:

— Вперед!

Расстояние, отделявшее их от послов, спартиаты пролетели в считанные мгновения. Сдерживая разгоряченных лошадей, они окружили непрошенных гостей. Еврит впервые получил возможность разглядеть мидян, о которых немало слышал прежде.

Послов было двое. Они выделялись среди прочих всадников особо пышной одеждой. На них были ярко-синие, украшенные дорогой вышивкой хламиды, золотые пояса, красные сафьяновые сапожки. Внешне послы сильно различались между собой. Физиономия одного, того, что потолще, была сытой и глуповатой. Судя по всему, этот мидянин любил поесть-попить и не отличался остротой ума. Второй был настоящий воин. Небольшая рыжая борода не могла скрыть его волевого подбородка; проницательные глаза стремительно обежали спартиатов, словно прикидывая, чего они стоят. На поясе у этого посла висела сабля в золоченых, но порядком потертых ножнах. В отличие от парадного, украшенного бирюзой кинжала толстяка, это было прекрасное боевое оружие и, судя по всему, мидянин не раз пускал его в ход.

Рядом с послами суетился обеспокоенный столь бурной встречей переводчик-эллин, а сзади застыли в тревожном ожидании слуги и воины, вооруженные копьями, мечами и луками. Несмотря на численное превосходство спартиатов, мидяне были готовы постоять за себя и своих хозяев.

Когда улеглась пыль, поднятая конскими копытами, от отряда спартиатов отделился Гилипп. В тот же миг к нему подскочил толмач. Перебросившись несколькими фразами, они подъехали к послам. Гилипп представился:

— Я Гилипп, эфор Лаконии.

Скупые слова, бесстрастное выражение лица, мускулистая

фигура, мощь которой не мог скрыть тонкий хитон, произвели на послов должное впечатление. Толстяк поклонился и произнес длинную тираду. Толмач, судя по выговору фиванец, перевел ее, безуспешно стараясь сделать как можно более краткой.

— Посол великого и могущественного, сияющего подобно солнцу, царя царей, владыки Востока Ксеркса Абрадат выражает свою искреннюю радость по поводу встречи с храбрым слугой спартанского царя, слава о великодушии и мудрости которого, дошла до стен Парсы, и желает узнать, благоденствует ли он.

Сжав губы, эфор покачал головой. Он, как и прочие спартиаты, не привык к подобным пышным речам. Согласно традициям Лакедемона изъясняться нужно было кратко и четко или, как позднее стали говорить, лаконично. Болтунов, если даже они говорили по делу, не уважали. Царь Клеомен некогда дал такой ответ говорливому беглецу с Самоса, долго и убедительно доказывавшему спартиату, что лаконцам необходимо свергнуть тирана Поликрата: «Начало твоей речи я не запомнил, поэтому середины не понял, конец я не одобряю». Выражать свои мысли кратко спартиатов учили еще в детстве, вырабатывая у юношей стиль речи, подобный четкому приказу. Лакедемонян можно было смело считать величайшими молчальниками Эллады, но воистину — краткость сестра таланта! Одной фразой они могли выразить больше, чем чужеземный оратор целой речью. Спартиаты редко общались с говорливыми иноземцами, поэтому длинная вычурная речь вызывала у них раздражение. Гилипп, ошарашенный несвязной фразой мидянина, не сразу нашелся, что ответить. После неприлично долгой паузы он наконец произнес:

— Благодарю. Благоденствую. Благоденствуют. У наших царей нет слуг, ибо они цари прежде всего на поле брани. Прошу гостей следовать за мной.

Не дожидаясь, пока толмач переведет его слова, вызвавшие изумление мидян, Гилипп дернул поводья и повернул коня к городу. Он соблюдал законы гостеприимства и позволил послам ехать рядом с ним, но всю дорогу упорно молчал, невзирая на все попытки толмача разговорить его.

Когда всадники подъехали к Спарте толстяк удивленно забормотал, указывая рукой на город. Толмач перевел:

— Он интересуется, где городские стены.

И Гилипп ответил, указывая рукой на скачущих рядом Еврита и Креофила:

— Вот наши стены!

Толстяк не понял его слов или не захотел понять, так как не верил, что человек может сравниться в крепости с камнем.

Когда же спустились сумерки, покой засыпающей Спарты нарушил дробный стук копыт. Десяток всадников вихрем промчались по направлению к центру города. Изумленные часовые признали в первом из них царя Леонида.

* * *

Закон был нарушен. Герусия[1] впервые собралась ночью. Подобного не случалось ни разу со времен Ликурга. Но обстоятельства были таковы, что требовалось принять решение, поэтому геронты не прекословя собрались в храме Аполлона. Не самое лучшее место для заседания, но в каменном доме герусии разместили послов и их свиту. Леотихид приказал на всякий случай окружить это здание стражей, сказав толмачу:

— У нас по ночам небезопасно. Илоты.

Послы похоже поверили. А если и нет, спартиатов это мало волновало.

Храм Аполлона, воздвигнутый двадцать лет назад великим Батиклом, был выдержан в строгом стиле, отличавшем быт и нравы спартиатов. Это было относительно небольшое, но величественное сооружение, сложенное из гранита и дикого камня. Стены, покатая крыша, беломраморные колонны — все было сделано без излишеств, присущих коринфянам или ионийцам. Именно такой ордер предпочитали заселившие Пелопоннес светловолосые дорийцы, недаром он был назван дорическим.

Столь же строгим было и внутреннее убранство храма. Ни ваз, ни рельефов, ни мозаичных фресок. Лишь алтарь, увенчанный статуей Аполлона. Бог выглядел чрезмерно мускулистым и держал в руке не лук, а меч. Ведь это был Аполлон спартиатов!

Собравшихся было человек сорок, а если быть точным — тридцать девять. Здесь были оба царя, двадцать восемь геронтов, пять эфоров, три посланца из Афин, которых Леонид и Павсаний повстречали в нескольких оргиях от соседней со Спартой Селассией, а также прибывший вместе с афинянами феор Артион.

Из афинских послов спартанцам был известен лишь один — Тирпен. Он был одним из десяти стратегов, некогда разгромивших союзных лаконцам беотян. Эта победа положила начало колониальной экспансии Афин. С тех пор прошло уже тридцать лет. Тирпен стал слишком стар для того, чтобы командовать войсками и охотно брался за исполнение всякого рода дипломатических поручений. Он не раз прежде бывал в Спарте, улаживая взаимные обиды. Спартанцы считали его достойным человеком. Именно поэтому коллегия афинских архонтов поручила Тирпену возглавить посольство.

Утомительная скачка совершенно измотала старика-афинянина. Принимая во внимание его возраст и заслуги, эфоры велели принести для него кресло. Остальные слушали стоя.

Говорил Леотихид как старший из царей.

— Мы рады видеть достойнейшего из афинян. — Он отвесил легкий поклон, адресованный Тирпену. — С какой вестью ты прибыл к нам?

Тирпен откашлялся и начал говорить. Осанисто восседающий в кресле, он был похож на пророка, дающего заветы своим уче-

никам. Это впечатление усиливалось из-за большой белой бороды, придававшей облику Тирпена особое величие.

— Мой славный город прислал меня к вам, львосердные лакедемоняне с грозным известием. Три дня назад в Афины прибыли послы златолюбивого Ксеркса, чей разум помутнен стремлением к власти и наживе. Мы приняли их с почетом, хотя догадывались, о чем пойдет речь. Какое дело могут иметь парсы к народу, сокрушившему их воинство у Марафона. Наши опасения подтвердились. Надменные мидяне потребовали землю и воду. Я спрашиваю вас: как должны были поступить мы, афиняне, чей гордый и свободолюбивый нрав известен всей Элладе? Решение демоса было единым — нет! И, чтобы не допустить колебаний и отбить у партии миролюбцев охоту договариваться с мидийским царем — ведь все мы знаем, что любые уступки есть первое звено цепи, которая скует руки эллинскому народу, — мы сбросили послов со скалы, отрезав тем самым путь к примирению. Я знаю, подобные посольства отправлены и в другие эллинские города и многие из полисов намерены покориться мидянам, променяв свободу на безопасный хлеб раба. Как думаете поступить вы, спартиаты? Не скрою, граждане Афин питают великую надежду, что бесстрашные лакедемоняне не оставят их в одиночестве перед лицом мидийских полчищ.

Посол замолчал и выжидающе посмотрел на окружавших его спартиатов.

— Спасибо за добрые слова, Тирпен, хоть ты и принес нам недобрую весть, — медленно проговорил Леотихид. — Ты и твои спутники успели вовремя. Мидяне лишь не намного опередили вас.

— Мы спешили изо всех сил, царь, загоняя лошадей и покупая новых.

— Я знаю. Полагаю, Афины не забудут подвига своих посланцев. — Прислушиваясь к мерному потрескиванию освещающих храм факелов, царь обратился к спартиатам. — Какой ответ следует дать заносчивым мидянам? Напоминаю вам: перед тем, как принять решение, хорошо обдумайте его, ибо выбор, который мы сделаем, может дорого стоить лакедемонянам. Может быть, даже жизни.

— Но не свободы! — воскликнул Леонид.

Леотихид искоса взглянул на него и провозгласил.

— Пусть скажут свое слово эфоры!

Четверо из пяти эфоров, в том числе и Павсаний, высказались за войну с мидянами. Лишь старый Прокон, терпеливо дожидавшийся, когда освободится место в герусии, предложил попробовать договориться. Голоса геронтов разделились почти поровну. Тринадцать выступили даже против самой мысли, чтобы рассматривать предложения мидян, предлагая вспороть им животы, пятнадцать хотели мира. В их «нет» войне явственно слышалось недоверие к афинянам и желание отомстить им за старые обиды.

Семнадцать на шестнадцать. Афинские посланники заволновались. Тирпен не преувеличивал — они уже сожгли свои мосты, им не было пути назад. Но победить гигантскую мидийскую армию без спартиатов было невозможно. Кроме того, если лаконцы решат договориться с Парсой, большинство полисов, которые сейчас подумывают о сопротивлении, немедленно покорятся.

Настало время объявить свою волю царям. Первым должен был говорить Леотихид. От собравшихся не укрылось, что Гераклид сильно взволнован. Известный своей расчетливостью он и сейчас колебался, боясь прослыть трусом или поставить Спарту на грань гибели.

Опуская глаза под направленными на него взорами, Леотихид сказал:

— Власть мидян не столь обременительна. Возможно они даже не поставят сатрапа над Лаконией или этим сатрапом будет Демарат. Думаю, он не таит обиды на родной город, а если она и осталась в его сердце, то этот гнев обрушится на нас, а не простых спартиатов. Война же принесет гибель Лакедемону, разорит наши клеры и поднимет на восстание илотов, которые только и ждут, чтобы ударить нам в спину. Я выступаю против войны.

Голоса разделились поровну. Теперь все зависело от Леонида. Он обвел присутствующих взором, задержавшись на Тирпене.

— Так значит вы сбросили послов со скалы, дав им землю?

От этого вопроса, не требовавшего ответа, у старика задергалась щека. Он решил, что Леонид, злорадствуя, осудит афинян на гибель. Слишком много свар лежало между двумя великими эллинскими городами.

Леонид не торопился с решением, продолжая пытку, становившуюся все более невыносимой.

— Повсаний, друг, ответь мне, цел ли колодец, в который эфоры бросали сиракузские побрякушки?

— Цел, — запинаясь сказал Павсаний, не понимая, куда клонит царь.

— Я полагаю, златолюбивые мидяне не откажутся выбрать себе украшения по вкусу. — Леонид улыбнулся старику афинянину. — Вы дали им землю, а мы дадим воду. Вот мое слово!

* * *

Агиады были слишком взволнованы происшедшим, чтобы спать этой ночью. Покинув храм Аполлона, они направились в дом Леонида.

Леотихид не солгал, объявив послам, что их дом окружен стражей по соображениям безопасности. Ночью в Спарте было действительно небезопасно, особенно во времена, когда Лакедемону грозило нападение извне. В эти дни поднимали голову илоты — обращенные в рабство коренные жители Лаконики и

Мессении. Спартиаты держали их в страшном угнетении, безжалостно истребляя самых сильных и непокорных во время крипт[1].

Илоты платили своим господам лютой ненавистью, самые отчаянные из них по ночам подстерегали на дорогах одиноких лакедемонцев, а то и пробирались в Спарту в надежде прикончить из-за угла припозднившегося гуляку.

Спартиаты отвечали на подобные вылазки жестокими репрессиями, но не пытались искоренить их вообще. Постоянное напряжение сил в борьбе против илотов поддерживало в лакедемонянах боевой дух и приучало их к чувству опасности. По той же причине герусия запрещала ходить по ночным улицам с факелом.

Улица была извилистой и очень неровной. Спартиаты посчитали, что нет необходимости выкладывать ее камнем или хотя бы выровнять. Почти на каждом шагу встречались рытвины. Павсаний то и дело оступался и яростно высказывал все, что он думает о прячущейся в эту ночь Селене[2]. Леонид лишь посмеивался. Он обладал кошачьим зрением и видел ночью хуже, чем днем.

Наконец они дошли. Царь несколько раз стукнул кулаком в дверь.

— Кто? — послышался голос Горго. Беспокоясь о муже, она не ложилась спать.

— Я и Павсаний.

Мягко звякнул крепкий запор — тоже не лишняя предосторожность. Бывали случаи, когда илоты забирались прямо в дом. Леонид пропустил гостя, а уж потом зашел сам. Горго зажгла свечу.

— Ужинать будете?

— Пожалуй. — Леонид вопросительно взглянул на племянника.

— Не откажусь.

Если царь был голоден потому, что не имел возможности поужинать, то Павсаний был ко всему прочему большой любитель поесть. Злые языки поговаривали, что сразу после фидитии он отправляется домой, где съедает полтуши барана. Так это или не так, царь поручиться не мог, но был лично свидетелем того, как на пиру Павсаний съел три свиных окорока, каждым из которых могли насытиться по крайней мере три спартиата.

Горго знала об аппетите ночного гостя и подала на стол целый котел тушеных с мясом овощей. Не тратя время на церемонии, Агиады уселись за стол. На какое-то время установилась тишина, прерываемая лишь чавканьем и хрустом хрящей. Первым отодвинулся от стола Леонид. Налив себе вина, он окропил им съеденную пищу. Спустя несколько мгновений, устал и Павсаний.

— Уф! — фыркнул он и оба спартиата рассмеялись.

— Значит завтра точить мечи!

— Точно подтвердил Леонид.

Повсаний поковырял пальцем во рту, извлек застрявший в зубе кусочек мяса и проглотил его.

— А не сделал ли ты ошибку, отказавшись от мира с мидянами?

— Странно... — протянул Леонид, удивленно глядя на родственника. — Ты ведь и сам высказался против. К тому же ничего еще не решено. Апелла* может отвергнуть наше решение.

Павсаний пренебрежительно махнул рукой.

— Апелла сделает так, как решила герусия.

Затем он бросил на собеседника быстрый взгляд и спросил:

— Почему ты настоял, чтобы голосовали и эфоры? Знал, что геронты будут колебаться?

— Догадывался.

— Хитрый маневр. — Павсаний рассеянно коснулся деревянной ложкой края миски. — Послушай, Леонид, ты никогда не задумывался над тем, чтобы стать полновластным повелителем Лакедемона? Ведь предложи ты подобную сделку парсам, думаю, они согласились бы поддержать тебя. Да что там Лакедемон! Они отдали бы тебе всю Элладу!

Могучие мышцы на руках царя заиграли, словно он собирался ударить Павсания. Лишь усилием воли Леонид успокоил себя.

— Считай, что я этого не слышал.

— Понял.

Леонид бросил взгляд в сторону узкого окна, из которого сочились блеклые полосы рассвета.

— Уже утро. Тебя проводить до дома?

— Спасибо. Дойду сам. — В голосе эфора слышалась едва сдерживаемая злоба.

Когда Павсаний покидал дом царя, солнце уже вставало. Ведь кончался май и дни становились все длиннее.

* * *

То было впечатляющее зрелище. Восемь тысяч спартиатов плечом к плечу стояли на площади перед зданием герусии. Отсутствовали лишь несколько сот человек, несших постовую службу, да отправленных феорами в дружественные державы. Прочие, заблаговременно предупрежденные о созыве апеллы, пришли на площадь. Восемь тысяч мужественных обветреных лиц, восемь тысяч мощных загорелых тел, облаченных в одинаково грубые гиматионы, восемь тысяч отточенных коротких мечей у пояса. Поставь рядом царя и едва наскребшего плату за фидитии воина и не сразу угадаешь, кто есть кто. Все они были царями своей судьбы и все они были воинами — так эта судьба решила.

Скрестив на груди мускулистые руки, они ожидали объявления эфоров. А те в свою очередь ждали, когда появятся мидяне.

Наконец послы вышли на окруженный вооруженными воинами пятачок перед зданием герусии. Очевидно толстяк Абрадат рассчитывал произвести впечатление на лаконцев. Для этого он облачился в еще более роскошный халат, чем накануне, тщательно завил бороду и волосы и навесил на себя массу украшений.

Одних колец на его пухлых руках было не менее десятка. Спартиаты взирали на эту разряженную куклу со сдержанным неодобрением. Товарищ Абрадата выглядел куда скромнее, золото на нем вообще отсутствовало, если не считать золоченого эфеса сабли. Рядом с ними стоял толмач. Он знал суровые нравы спартиатов, поэтому был бледен и трясся мелкой дрожью. За спиной этой троицы выстроилась шеренга мидийских воинов.

Роль глашатая была доверена Павсанию.

— Лакедемоняне! — воззвал он, дождавшись, когда стихнут последние отголоски разговоров. — Мидийский царь Ксеркс желает объявить нам свое слово. Для этого он прислал сюда вот этих мидян. Эфоры предлагают вам выслушать гостей и выразить свою волю.

Устрашенный грозным видом толпы, Абрадат сделал нерешительный шаг вперед. Его голос взлетел вверх подобно петушиному крику, вызвав смешки спартиатов. Посол говорил столь быстро, что толмач едва успевал за ним.

— Великие цари Лакедемона и вы, бесстрашные подданные великих царей. Великий царь, царь царей, царь Востока Ксеркс передает вам свое приветствие и свою волю. В течение долгих лет мой мудрый повелитель следил за жизнью Лакедемона и без устали восхищался доблестью его воинов, невзирая на то, что они некогда осмелились оскорбить великого царя Дария неповиновением, убив людей, посланных с его словами. Великий царь, царь царей, покоритель сотен народов и городов моими устами возвещает вам свою волю. Лакедемоняне, я буду счастлив видеть вас в числе моих детей и эвергетов. Дайте мне землю и волю, иначе несметное воинство мое обрушится на плодородные равнины Пелопоннеса и не будет спасения ни воину, ни старцу, ни женщине, ни младенцу...

Посол еще пытался говорить, но реакция слушателей была очевидна. Спартиаты переглядывались, слышались возмущенные реплики, кое-кто пробовал, хорошо ли выходит из ножен меч.

Афиняне напрасно волновались относительно выбора Спарты. Если бы даже герусия и высказалась за то, чтобы прислушаться к предложению мидян, то возмущенные бесцеремонной речью Абрадата лакедемоняне вряд ли вняли совету своих вождей.

Мидянин покушался на самое ценное, что было у спартиатов. Не на жизнь, ею здесь дорожили не очень, а на свободу и на честь. Сдаться без боя? О какой чести после этого могла идти речь!

Над толпою взлетели мечи. Полемархи[1] с трудом удерживали разъяренных воинов. Посол струсил, воины-мидяне невольно схватились за рукоятки сабель. Немного растерялся и Павсаний, который подобно прочим спартиатам, не был хорошим оратором и невольно спасовал перед разбушевавшейся толпой.

— Тише! Тише, сограждане! — безуспешно пытался он урезо-

нить потерявших традиционное хладнокровие лакедемонян. Но толпа не успокаивалась, а, напротив, зверела все более. Теперь и до самых тугодумов дошел смысл нанесенного спартиатам оскорбления.

И тогда над площадью прокатился зычный голос царя Леонида. То был голос, от которого приседают лошади и рушатся горы. Голос перекрыл шум толпы и заставил ее замолчать.

Отодвинув рукой Павсания, Леонид занял его место.

— К чему эти вопли, граждане Лакедемона?! Не уподобляйтесь сварливым бабам, сводящим счеты на рынке. Посол сказал нам свое слово и теперь мы должны ответить на него. Принять его предложение...

— Нет! Нет! — воскликнули сразу несколько голосов. Леонид сделал краткую паузу.

— Или отклонить его как сделали афиняне, сбросив мидийских послов со скалы.

— Убить их! В пропасть!

Толпа вновь стала подступать к послам. Парсийская стража обнажила клинки, но тут же была атакована отрядом спартиатов, отряженных предусмотрительными эфорами специально для этой цели. Один из мидян рухнул, пронзенный мечом в бок, остальных обезоружили и скрутили.

— Не трогать послов! — крикнул Леонид. — Мы не вправе растерзать их словно дикие звери. Мы должны вынести им приговор именем лакедемонского народа.

— Голосуем! — заорал стоявший в первом ряду коротышка-спартиат.

Перекрывая рев толпы, Леонид закричал:

— Кто желает дать землю и воду мидянам?!

Толпа мгновенно затихла. Лишь какой-то глуховатый буян, не расслышавший слов царя, было загорланил, но тут же получил по уху и затих.

— Кто за то, чтобы отклонить эту волю и сбросить послов в Грязный колодец?

Спартиаты издали рев, долетевший, похоже, до Истма.

— А-а-а!!!

Их воля была в этом крике. Именно так голосовала Спарта, выплескивая на площадь все свои эмоции.

Это был приговор, отменить который не решился бы никто. Не дожидаясь приказа, спартиаты схватили послов. Те не сопротивлялись, позволив снять с себя оружие. Толстяк Абрадат рухнул на колени, умоляя о пощаде. Его товарищ вел себя достойно.

Дабы показать царю Ксерксу, что это было не убийство, а ответ на его предложение, выраженный в форме смертного приговора царским посланцам, Леонид распорядился не трогать мидийских воинов и толмача. Их тут же отвели в здание герусии и посадили под крепкую стражу. Подхватив осужденных на смерть под руки, лакедемоняне повлекли их к Грязному колод-

цу — подземному провалу, в который бросали нечистоты, трупы павших животных, разного рода хлам, незаконно ввезенный в Спарту.

Невиданное шествие пересекло город, распугав женщин и периэков, а заодно разнеся вдребезги с десяток полусгнивших заборов. Достигнув места казни, толпа обтекла его, окружив кольцом колодец и обреченных на смерть мидян.

Абрадат еще надеялся на чудесное спасение. Взывая о милости, он вновь пал на колени, срывал с себя украшения и совал их спартиатам, но те брезгливо отмахивались от них, словно опасаясь коснуться чего-то пакостного, и со смехом указывали на замаранные трусливыми испражнениями подол богатой хламиды посла.

Тот, что был воином, держался стойко. Внезапно вырвавшись из рук спартиатов, он резко ударил своего товарища по лицу и гортанно выкрикнул. Абрадат испуганно замолчал, но с колен не поднялся.

— Что он сказал? — полюбопытствовал Леонид у белого, как мел, толмача.

Запинаясь, тот ответил:

— Трус! Ты знал на что идем!

— Хорошо сказано! — одобрил царь и махнул рукой. — Кончайте с ним.

Два дюжих спартиата подхватили Абрадата под руки и швырнули его в черный провал, до половины заполненный зловонной жижей. Было почти невозможно утонуть в этой грязи, столь плотна она была. Человек погибал здесь, задыхаясь гнилостными миазмами.

Второго толкнуть не успели. Крикнув что-то Леониду, он раскинул руки и бросился, словно птица, в клубящуюся вонючим туманом пропасть.

— Переведи! — велел царь фиванду.

— Он выкрикнул свое имя — Бауран — и... — толмач замялся.

— Что и?

— Проклятье. Это лето будет для тебя последним.

Царь усмехнулся.

— Последнее лето. Ну что ж. Жизнь когда-нибудь должна закончиться.

Взяв у стоявшего рядом спартиата саблю Баурана, Леонид швырнул ее в пропасть.

— Он был храбрым воином. Пусть в ином мире ему будет чем постоять за свою честь. А кинжал толстяка отдайте мидянам с наказом вернуть его своему царю. Лакедемонянам не нужно мягкое золото.

Это случилось на двадцать второй день месяца фаргелиона или тридцать первого мая четыреста восьмидесятого года до рождества Иисуса, которого распнут на кресте. То был последний день весны. Завтра наступало лето. Последнее лето.

ЭПИТОМА ВТОРАЯ

Тесей

Нет, подобных мужей не видал я и ввек не увижу, —
Воинов, как Пирифой . . . . . .
. . . . . .
Иль порожденный Эгеем Тезей, на бессмертный похожий.
Были то люди могучие, славы сынов земнородных.
Были могучи они, с могучими в битвы вступали...

ГОМЕР, «Илиада», 1, 262—268

Самым трудным было сойти в Тартар. Преодолеть в себе страх перед Мраком, перед гранью, отрезающей мир от смерти. Ведь Время дарует лишь два отрезка, один из которых именуется жизнь, а второй — тень. В представлениях эллинов исключается возможность «райской» загробной жизни. Христианский эдем, мусульманская джанна, маздаистский Дом Хвалы, буддистская нирвана, скандинавская валгалла — ничего подобного нет в эллинской мифологии. У эллина нет надежды на жизнь после смерти, еще более счастливую, чем жизнь до нее. Тому состоянию, что ожидает эллина за порогом жизни, Гесиод отводил низшую ступень в пирамиде бытия — именно бытия, так как Тантар виделся эллинам вполне материальным, — ниже, чем жизнь раба.

Поэтому-то эллину так трудно преодолеть грань смерти, ибо он не надеется после нее ни на что хорошее. Лишь тень. Лишь бесцельное блуждание в мрачном Аиде.

И Мрак. Как он ужасен! Как трудно отказаться от солнца и неба и вступить в мир, наполненный тенями и чудовищами.

Он не отважился бы на это ради себя. Хотя иногда бравурно подмывает — войти в Мрак и одолеть его. Выдавить из себя остатки подленького страха, который охватывает человека, замкнутого в темноте. В пещере — когда не видно стен и ты чувствуешь, что в шаге от тебя бездонный провал. Ты чувствуешь его, но не можешь понять, в какой он стороне.

Так бывает в ночном море, когда змей пожирает луну и начинает казаться, что под ногами бездна, населенная невиданными морскими чудовищами, которые тянут вверх свои щупальцы, желая охватить твои ноги. Еще мгновение, и ты начнешь медленно, неотвратимо погружаться в глубину. Медленно и неотвратимо. Именно в этом весь ужас. Мед-лен-но! Хороша мгновенная смерть. Нет ничего страшнее смерти медленной — когда падаешь со скалы в пропасть или опускаешься на дно, вцементированный по колено в железную бочку.

Это страшно...

Именно поэтому так не хотелось идти в Тартар. Он так похож на бездну. Черную-черную, черную до тягучести.

Даже неизведанность Лабиринта Миноса пугала куда меньше. Тогда все было более или менее определенно. Был враг — порождение не вполне понятных, но достаточно реальных сил. С ним необходимо было расправиться, иначе не было пути назад. Да и не слишком было красиво — бежать, не расплатившись за добро. А лишь добро он видел от доверчивого старика Эгея.

Было угодно судьбе или нет, но он попал в эту историю совершенно случайно. Он даже не думал оказаться в Элладе. Ведь корабль плыл дальше — в загадочный Тартесс.

Тогда его звали... Честно говоря, он и сам не помнил как его звали. Предположим, Тогил... Хорошее имя! Пусть будет Тогил.

Та жизнь была столь далека, что он уже не мог думать о ней иначе, как в третьем лице. Был Тогил, лучший воин в дружине карийского царька, бабник, любитель выпить и самый отчаянный драчун, которого знал мир. Именно последнее обстоятельство привело к тому, что его собирались сжечь заживо.

После пьяной драки на мечах, которая стоила жизни двум братьям царька, Тогил был вынужден искать спасения в чужих краях. По его следам гналась погоня, но на счастье подвернулся торговый корабль. Серебряные слитки; высыпанные в ладони наварха-лидийца, сказались весьма весомым аргументом для того, чтобы тот немедленно приказал ставить парус и отчаливать от берега, по которому уже неслись улюлюкающие всадники. Тогил помахал им рукой и улегся подремать на корме.

На море в те времена было неспокойно. Вовсю разбойничали критские пираты, захватывавшие все суда, на чьих парусах не было изображения гигантского человека-быка, обитавшего по слухам в подземельях Кносса. Тщетно капитан жался к берегу. Критяне заметили их корабль и пустились в погоню. Тихоходу-купцу было не уйти от стремительных пентеконтер[1]. Тогил понял это сразу и уговаривал драться. Но жалкие лидийцы думали лишь о спасении собственных шкур.

Два пиратских судна настигли их неподалеку от берега, где наварх думал укрыть судно. Засвистели стрелы. Первая же из них пронзила шею капитана. Старый олух поплатился за трусость. Тогил знал о том, что критяне великолепно владеют луком, поэтому, не мешкая, надел на голову драконогребный шлем. Его тело было защищено броней, под которую вдобавок была поддета прочная кольчуга. А вот морякам-лидийцам приходилось туго. Вскоре в живых осталась треть команды, палубу устлали трупы. Вражеские корабли настигали. Тогда лидийцы стали прыгать в море. Они надеялись, что пиратов интересует только добыча, но просчитались. Критяне жаждали и крови. Одна из пентеконтер погналась за спасающимися вплавь моряками, топя бедолаг скользким брюхом, а вторая стала борт о борт с купеческим судном.

Тогил не стал дожидаться, пока критяне переберутся через окрашенный суриком фальшборт. Легко, словно дикий барс, он прыгнул на нос пиратского корабля. Свистнул длинный меч, начиная кровавую забаву. Пираты бросились на смельчака беспорядочной толпой. Тогил в мгновение ока прорубил в ней просеки. Критяне отскочили и вскинули луки. Но Тогил был практически неуязвим для стрел. Панцирь и длинная кольчуга прикрывали его до колен, ниже ноги были защищены резными поножами, голову оберегала закаленная сталь шлема. Стрелы отскакивали от воина, не принося ему никакого серьезного вреда. Лишь одна разбила палец на ноге.

Он атаковал стрелков и в мгновение ока разделался с ними. Немногие оставшиеся в живых попрыгали за борт.

Вскоре вернулось второе судно. Обнаружив, что пентеконтерой овладел какой-то дерзкий чужеземец, пираты взвыли от ярости. Первым их побуждением было причалить к мерно покачивающемуся на воде кораблю и разделаться с наглецом. Но вытащенные из воды собратья быстро убедили их отказаться от этой затеи.

Тогил уже прикидывал, сможет ли он в одиночку поднять парус, как вдруг пиратский корабль двинулся на захваченное им судно. Что критяне собирались сделать, он понял лишь в последний момент, но и пойми он это раньше, вряд ли что можно было изменить.

Окованный бронзой нос пробил борт пентеконтеры Тогила. Судно начало медленно, но верно погружаться в воду. Пиратский корабль отошел в сторону. Критяне терпеливо ждали, когда смельчак окажется в воде и его можно будет взять голыми руками — вот уж когда они вдоволь натешутся! На их отвратительных рожах было написано торжество.

Надо было что-то предпринимать. О том, чтобы продержаться до темноты в воде облаченным в тяжелые доспехи, не могли идти речи. Это было выше человеческих сил. Кроме того, пиратам ничего не стоило раздавить его днищем корабля. Был еще вариант — плыть до земли, которая была не далее как в пяти стадиях, сбросив доспехи. Но тогда критяне расстреляют его из луков, а то и просто вытащат из воды и предадут медленной мучительной смерти. Надо было заставить пиратов поверить, что он остается на судне, а самому что есть сил плыть к берегу.

Тогил с сожалением посмотрел на свои доспехи. Он успел свыкнуться с ними, словно с собственной кожей. Подавив вздох, воин спрятался за борт, снял панцирь и кольчугу и напялил их на мертвого пирата, который более или менее походил на него размерами. Затем он прислонил этот своеобразный манекен к борту, подперев, чтобы не падал, сломанным копьем. Тогил не сомневался, что пираты купятся на эту незатейливую уловку и это позволит ему выиграть время.

Так и вышло. Воин проплыл половину отделявшего его от

земли расстояния, прежде чем корабль затонул и пираты обнаружили, что чужеземец обвел их вокруг пальца. Громко крича, они налегли на весла и пентеконтера помчалась вслед за беглецом. Тогилу пришлось расстаться с любимым длинным мечом, не раз выручавшим его буйную голову в кровавых переделках. Избавившись от оружия, воин поплыл быстрее, но, несмотря на это, расстояние между ним и преследователями стремительно сокращалось.

Впереди завиднелись буруны рифов. Хорошо это или плохо, Тогил подумать не успел. Пенный вал захлестнул его и швырнул вперед. Тогил крутился в водовороте, обдирая кожу об острые камни. И когда он уже отчаялся выплыть, подводный поток мягко вытолкнул захлебывающегося человека из воды.

Пираты не рискнули преследовать его. Для очистки совести они постреляли из луков, но стрелы падали в воду, не долетая до Тогила. Беглец добрался до отмели, встал во весь свой гигантский рост и красноречивым жестом показал критянам, что он о них думает.

Потешив таким образом свое самолюбие, Тогил задумался. Он стоял на пустынном обрывистом берегу, израненный, продрогший, без оружия и без денег. Из одежды на нем был лишь легкий хитон, порядком изорванный о рифы.

Где он очутился, Тогил представлял не особо отчетливо. Единственное, в чем он был уверен, что это берег Эллады.

В те времена жители побережья не слишком дружелюбно относились к заморским гостям. Гость мог оказаться пиратом, приплывшим жечь, грабить и обращать в рабство. Гость мог оказаться и жертвой кораблекрушения и тогда рабом следовало сделать его. Нормальная логика — или ты, или тебя. Тогил жил по законам своего времени и они не казались ему странными, но он не приветствовал, если эти законы обращались против него. Поэтому отправиться в селение, которое, судя по вьющемуся над горой дымку, было недалеко, Тогил не спешил.

Для начала он решил подняться на ближайший холм и осмотреться. Удача пришла к нему сразу. На вершине холма какой-то худосочный паренек тщился сдвинуть огромный валун.

— Помочь? — спросил Тогил, внезапно появляясь сзади.

Парнишка испуганно отпрянул и бросился бежать. Что ж, это была естественная реакция. Проследив за парнем, пока тот не скрылся из виду, Тогил подошел к камню. Земля вокруг него была изрыта. Судя по нешуточным стараниям, которые прикладывал паренек, под камнем лежало что-то ценное. Хрустнув могучими мускулами, Тогил приподнял глыбу и сбросил ее вниз.

Так и есть! На влажной земле лежал превосходной работы меч. Тогил прикинул его на руке. Легковат и чуть коротковат, но за неимением лучшего сойдет! Кроме меча, под камнем лежали сандалии. Время попортило кожу, но в целом они выглядели достаточно надежно.

Находки обрадовали Тогила. Имея сандалии, он мог передви-

гаться вдвое быстрее, а меч позволял ему зайти в любое селение. Что он и сделал, отправившись туда, где вился дымок.

Это была деревня, домов эдак на сто, которую местные жители гордо именовали городом. «Горожане» были не слишком дружелюбны, но напасть на Тогила не решились. Хотя парнишка, добром которого воин поживился, отчаянно жестикулируя, указывал на меч пришельца, однако за него никто не вступился. Тогил разжился куском мяса и лепешкой, обменяв их на выковыренный из меча камешек, а заодно узнал дорогу в Микены, самый крупный город в этих краях.

До Микен он добрался за четыре дня. Кормился грабежами. В Микенах местный царек пытался завлечь могучего воина в свою дружину, а когда гость отказался, попытался захватить его силой. Тогил расшвырял его богатырей, словно щенков. Вытряхнув из казны царька несколько горстей золота, он продолжил свой путь.

Следующие несколько дней он шел по горам, где гуляло немало лихих людей. Некоторые из них имели глупость напасть на одинокого путника, за что немедленно поплатились. Одного из них Тогил столкнул в пропасть, еще одному переломал ребра, двух или трех выпотрошил с помощью меча.

Развлекаясь таким образом, он дошел до городка под названием Афины. Здесь уже знали, что могучий чужестранец расправился по дороге со множеством разбойников. Поэтому не успел Тогил ступить на городскую площадь, как был приглашен в гости к местному царьку Эгею. Как выяснилось позже, Эгей намеревался отравить гостя, который представлялся ему возможным узурпатором. Но когда Тогил извлек из ножен меч, желая вонзить его в мясо, царек вдруг завопил, что гость — его сын. Что он якобы узнал сына по мечу и сандалиям, которые спрятал под камнем до его возмужания. Эгея не смутило, что внезапно обретенное чадо почти не знает родного языка. Этот недостаток тут же приписал дурному воспитанию, полученному у кентавров — полуконей-полулюдей, в которых веровали местные жители.

Предложение Эгея стать его сыном застало Тогила врасплох. Он позволил себе немного подумать, а затем решил, что не так уж плохо отдохнуть в этом городишке от долгих скитаний. Он проведет здесь пару лет, после чего вновь отправится на поиски приключений. Тогил беспрекословно позволил переименовать себя в Тесея и быстро навел порядок, перебив всех тех, кто был недоволен внезапным появлением нового наследника престола.

А затем ни с того ни с сего ему вздумалось уже в облике Тесея отправиться на Крит. Он хотел рассчитаться: то ли с афинянами за гостеприимство, то ли с критскими пиратами за утопленные меч и доспехи. Как бы то ни было, он оказался на корабле, везущим на Крит ежегодную дань — четырнадцать пленников, обреченных на то, чтобы быть съеденными Минотавром.

Позднее досужие сочинители придумали красивую легенду о

том, будто бы в него влюбилась дочка царя Миноса Ариадна, которая передала ему меч и сплетенную в клубок шерстяную нить, с помощью которой он должен был выйти из подземелья, именуемого лабиринтом. Затем он якобы заколол Минотавра, собрал своих товарищей и бежал с Крита, не забыв захватить и Ариадну.

На деле все было куда более прозаично.

Никакой Ариадны, так же как и ее папаши Миноса он в глаза не видел. Сразу по прибытию на остров пленников затолкали в черную дыру подземелий. Постепенно они потеряли друг друга. Кое-кого и вправду сожрал Минотавр, другие блуждали в лабиринте, проваливаясь в бесчисленные ямы-ловушки.

Тесей повстречал хозяина подземелья, когда уже совершенно одурел от скуки, съел все захваченные припасы и опустошил флягу с вином. Если быть откровенным, он не верил в существование Минотавра, полагая, что Минос просто гноит пленников в запутанных коридорах, пугая весь мир будто бы прячущимся там чудовищем. И, надо сказать, первые мгновения их встречи были не слишком радостными для воина.

Начать нужно с того, что Минотавра невозможно было победить даже имея меч-ксифос[1]. Легкий короткий клинок не только не смог бы добраться до сердца монстра, но вряд ли бы проткнул его кожу, которая была толщиной в палец. Кроме того, Минотавр был не менее восьми локтей росту, а его руки напоминали переплетенные медными жилами канаты.

Они оказались лицом к лицу, и в тот же миг сзади Тесея рухнула решетка, отрезая путь к бегству. В лабиринте была кромешная тьма, воин различал лишь смутный гигантский силуэт. Он уже прикидывал, возможно ли сбить монстра с ног и проскользнуть мимо, как тот вдруг произнес:

— Я знаю, кто ты.

Эти слова были сказаны на языке, почти уже позабытом Тесеем. В последний раз он говорил на нем веков эдак десять назад. В те времена ему случилось быть блестящим царем одного из восточных государств.

— Да? — быстро придя в себя, спросил воин. — И кто же я?

— Ты один из тех, чье государство кануло в бездну.

— Ты прав. Но откуда ты знаешь?

— Я много о чем знаю.

— А я не верил, что ты существуешь.

Даже в темноте было видно, как блеснули в ухмылке огромные зубы чудовища.

— Напрасно. Земля знает более невероятные существа, чем я. Минотавр лишь порождение буйной фантазии одной из тех, кто канули в бездне. Я слышу, твой мозг дрожит?

— Слегка, — признался Тесей. — Мне не слишком хочется угодить в твой желудок. А ты умеешь читать мысли?

— Да, иногда. Не бойся, я не съем тебя. Хотя ты мне и инте-

ресен. Ты много знаешь. Но ты мне нужен. Ты враг моих врагов. И поэтому ты уйдешь невредимым. Я отпущу тебя, но с условием, что ты будешь иногда приходить сюда и рассказывать о том, что происходит наверху.

— Договорились.

На том они и расстались. Через потайной ход Минотавр вывел Тесея к морю. Остальное было несложно. Пробравшись в гавань, Тесей поджег корабли Миноса. Так посоветовал Минотавр. В гигантском костре исчезло могущество островной талассократии[1]. Затем он захватил одно из уцелевших суденышек и заставил команду отвезти его в Афины. Старый Эгей слишком радовался возвращению сына. Так сильно, что перебрал и случайно свалился с прибрежной скалы. Это вышло совершенно случайно. Тесей стал царем, перекраивая законы Афин по своему усмотрению.

Сразу после восшествия на престол он сделал кое-какие преобразования, которые тут же нарекли мудрыми. Впрочем, прослыть мудрым в те времена было не очень сложно.

Как и глупцом. Он успел заслужить и эту славу, так как слишком увлекался женщинами — эллинки были прекрасны, а получить их было легко. Герой менял женщин чаще, чем сандалии. Кто только не перебывал в его объятиях! Совращенные жены жаловались мужьям и отцам. Это приводило к скандалам, нередко заканчивающимся войнами. Но Афины уже были достаточно сильны, чтобы не опасаться дружин окрестных царьков.

Вершиной его безрассудства стало похищение Елены, сопливой девчонки из Спарты. Она была еще слишком молода, чтобы лечь в его постель, но уже очень красива. Утверждали, что они с Пирифоем похитили ее насильно, но воистину — **женщин не похитили бы, если бы те сами того не хотели.** Она даже не кричала, когда два могучих мужа схватили ее в храме Артемиды. Очутившись в безопасности, друзья метнули жребий — кому достанется добыча. Елена досталась Тесею. Всегда полезно иметь при себе монетку с двумя орлами!

И тогда Пирифой сказал ему, напоминая условия их братского договора:

— Мы нашли жену тебе, не будем мешкать и отправимся за женой для меня.

— Куда? — спросил Тесей.

— В Тартар! — захохотал Пирифой.

Он явно был безумцем. Но кто из них не был безумцем, когда дело касалось женщины. Не в правилах Тесея было отказаться от данной другу клятвы. Он надел чистый хитон и отправился в дорогу.

И вскоре они вошли в Мрак.

Харон долго отказывался перевозить их на другой берег Ахерона. Кося мутноватым глазом, он пояснял, что сюда нет пути живым. Кончилось все тем, что побратимы набили Харону рожу.

Выходя из лодки, Пирифой небрежно засунул две золотые монетки за небритую щеку перевозчика и пожелал ему хоть раз в жизни хорошенько напиться.

Они преодолели стигийские болота, наполненные всякими гадами, и омылись в реке Стикс, вода которой будто бы делает тело человека неуязвимым. Переплыв реку забвения Лету, друзья попали на асфоделевые[1] луга, по которым бродили тени. Топча блеклые тюльпаны, они шли мимо этих прозрачных слепков с людей, время от времени замечая знакомые лица. Так им попались навстречу два Плантида, некогда споривших с Тесеем за афинский престол, а разбойник Дамаст снимал с плеч и вновь надевал отрубленную голову, корчившую гнусные рожи.

Здесь же были и тени многих чудовищ, истребленных богами и героями.

Сциллы двувидные тут и кентавров стада обитают,
Тут Бриарей сторукий живет, и Дракон из Лернейской
Топи шипит, и химера огнем врагов устрашает,
Гарпии стаей вокруг великанов трехтелых летают...[2]

Персефону они нашли в бесплодном саду Аида. Нужно было хватать ее и уносить ноги, но Пирифою вздумалось объявить о своем намерении владыке Тартара. Все же он был дерзким безумцем. Как не отговаривал Тесей друга от этой идеи, царь лапифов стоял на своем.

Аид принял их неласково, но достаточно вежливо. Выслушав речь Пирифоя, он предложил гостям присесть на мраморную скамью. Как только бедра Тесея коснулись хладного камня, он понял, что им не подняться. Понял это и Пирифой.

Скамья притягивала к себе, не давая оторвать ног. Скорей всего в ее основание был вделан мощнейший гравитатор. Аид полюбовался на застывшие в неподвижности фигуры и ушел.

Неведомо сколько времени они провели без пищи и воды. Пирифой был слабее и умер первым. Тесей с горькой усмешкой следил за тем, как тень его друга покидает тело. Ей даже не потребуется вновь пересекать Ахерон, Пирифой уже позаботился о плате.

Но друг остается другом даже после смерти. Тень Пирифоя направилась к черному креслу Аида. Видно побратим успел заметить, что делал владыка Тартара в тот миг, когда они намертво приросли к скамье. Невероятным усилием воли тень сдвинула потайной рычаг и Тесей почувствовал, что свободен. Упав на колени, он отполз от скамьи, а затем с трудом поднялся на онемевшие от долгого сидения ноги. Тень подошла к нему.

— Спасибо, брат! — с чувством произнес Тесей, кладя руку на плечо тени. Рука провалилась внутрь эфемерного образования. — Сейчас я сниму со скамьи твое тело.

— Не надо, — промолвила тень Пирифоя. Она с грустью смотрела на свою бренную оболочку, в которую уже никогда не суждено вернуться. — Я хочу, чтобы Аид подумал, что ты ока-

зался сильней его чар. Пускай позлится. А теперь перережь мне горло и включи магическую силу.

Тесей заколебался.

— Режь! — велела тень. — Пусть он считает, что я предпочел смерть от руки друга.

Герой выполнил эту просьбу, залив пол черной кровью. Тень была удовлетворена.

— А сейчас уходи. И прости, что я вовлек тебя в эту глупую авантюру.

— Прости меня, — ответил Тесей, — что мне не довелось умереть первым.

Тень усмехнулась.

— Ты всегда любил быть первым. Но в другом. Иди.

— Прощай, Пирифой.

— Прощай.

И Тесей покинул Тартар. Он был первый, кому довелось вернуться к солнцу. Ведь:

...в Аверн[1] спуститься нетрудно,
День и ночь распахнута дверь в обиталище Дита[2]
Вспять шаги обратить и к небесному свету пробиться —
Вот что труднее всего![3]

Харон не слишком удивился, когда Тесей выскочил из кустов и прыгнул в его челн.

— Вернулся? — спросил он, почесав заросшую сизым волосом шею.

— Как видишь.

— А приятель — нет?

— Ему повезло меньше. — Тесей потянул из ножен меч и поинтересовался:

— Повезешь или мне взять весло самому?

— Повезу.

— Тогда держи. — Тесей протянул перевозчику душ монетку.

— Не надо. Твой друг уже оплатил проезд в оба конца.

На середине реки он вдруг пожаловался:

— Мне здорово попало от Аида.

Тесей не отреагировал на эти слова. Очутившись на противоположном берегу, он кинул Харону предмет, который до этого прятал под полой плаща.

— Отдашь своему хозяину.

Это была голова чудовища Эмпуса, выпивавшего у людей кровь. На беду свою Эмпус переоценил силенки, напав на Тесея.

Харон вдруг рассмеялся. Ему понравилось, что шатающийся от голода и усталости, чудом оставшийся в живых человек все же нашел в себе силы досадить могущественному Аиду.

— Эй, приятель! — крикнул он вслед удаляющемуся Тесею. — Хочешь бесплатный совет?

Воин обернулся.

— Валяй!

— Тебе лучше исчезнуть.

— Я так и сделаю.

Он действительно так и поступил. Он насолил слишком многим, в том числе и доброй половине олимпийцев. Слишком многие желали его смерти. И ожидания их были удовлетворены.

Вскоре прошел слух о смерти великого героя. Его будто бы сбросил со скалы в море царь Скироса Диомед.

Тело, конечно, не нашли, а значит Аид не мог отыскать тень Тесея в Тартаре. Должно быть, она страдала на берегу Ахерона, ибо никто не предал земле бренные останки героя.

Минули века. Память о дурных поступках Тесея канула в Лету, а число подвигов, совершенных им, сказочно умножилось. Право быть родителем героя стали оспаривать Зевс и Посейдон.

Спустя триста лет со дня первых Олимпийских игр[1], афиняне порешили перенести останки героя на родину. На Скиросе были раскопаны кости воина огромного роста. При нем нашли нетронутые временем копье и меч.

Ареопаг объявил, что это останки Тесея, и они были торжественно погребены в центре города.

Был ли это в самом деле Тесей или какой-то безвестный богатырь, но Аид так никогда и не обнаружил тени героя на асфоделевых лугах. А тень Пирифоя загадочно улыбалась.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Афины. Аттика

Круг плавно вращался, подгоняемый мерными ударами ноги. Влажная глиняная лепешка постепенно принимала коническую форму, пока не превратилась в изящный лекиф[1]. Лиофар смочил в плошке с водой чуть липкие пальцы и сгладил стенки так, что они жирно заблестели в тусклом свете скупо проникающих в мастерскую полуденных лучей. Затем он умело скатал тонкую глиняную колбаску, чуть расплющил ее края и соединил ею горлышко и тулово лекифа.

Сосуд был готов. Лиофар подозвал к себе раба-финикийца Тердека и знаком показал ему, что изделие следует отправить в печь. Раб поклонился, ножом аккуратно срезал лекиф с гончарного круга и установил его на медную доску, где красовались еще два сосуда. При этом он мычал какую-то грустную мелодию — наверно тосковал по родине. Тердек попал к нему совсем недавно. Лиофар купил его на распродаже пленных с двух захваченных афинскими триерами купеческих судов, Болван никак не мог выучиться хотя бы азам эллинского языка, объясняться с ним приходилось жестами.

Второй раб, Врасим, жил у Лиофара уже давно. Он был куплен еще мальчиком и долгие годы пользовался особой благосклонностью хозяина. Сейчас он уже не интересовал Лиофара, но тот сохранил к рабу доброе отношение. Врасим был занят тем, что расписывал вазы и покрывал их лаком. Получалось это у него очень здорово. Недаром многие мастера завидовали Лиофару и предлагали за умелого раба большие деньги. Но горшечник не соглашался продать своего помощника, понимая, что в этом случае ему придется разрисовывать лекифы самому, а глаза его были уже не те.

Лиофар подошел к столику, за которым сидел Врасим и взял в руки уже готовый сосуд. Тонкими кистями раб изобразил на нем сцену битвы. Пять гоплитов в гребнистых шлемах бились над телом смертельно раненного воина. Ослабев от боли, тот пал на одно колено, а из бока его обильно текли струйки крови, мастерски изображенные Врасидом киноварью. Покупатели любят подобные сцены, и лекифы не залеживались на прилавке.

Лиофар пощелкал по стенке сосуда пальцем, а затем провел ладонью. Ни трещинки, ни неровности. Добрая работа. Прослужит лет десять, не меньше. А если он попадет в кенотаф[2] павшего на чужбине воина, то будет служить вечно. Хорошая работа!

— Молодец, Врасим! — похвалил Лиофар своего помощника. — Закончишь работу, можешь отправляться на агору щупать девок. Проследи только, чтобы лентяй Тердек прибрал мастерскую.

— Хорошо, хозяин.

Теперь Лиофар мог без волнения оставить мастерскую. Врасим очень добросовестный раб и сделает все как нужно. Через небольшой внутренний дворик горшечник прошел в свой дом. Это скромное по афинским меркам жилище состояло из четырех комнат. В одной из них, самой большой, жил Лиофар, другую занимали подмастерья-рабы, а третью — кухарка Фимината, к которой прежде Лиофар был непрочь залезть под подол. Эллин прошел в четвертую комнату, служившую сразу кухней и столовой.

Фимината, толстая и крикливая баба, колдовала над жаровней. Та нещадно чадила, клубы дыма собирались под потолком и улетали в специально проделанную щель. «Опять опрокинула горшок с водой на угли» — неприязненно подумал Лиофар. Фимината славилась своей безалаберностью. И вообще, она была никудышней хозяйкой, и Лиофар время от времени подумывал о том, чтобы избавиться от нее, но все не решался это сделать. Она досталась ему в качестве приданого жены, которая умерла несколько лет назад при родах. Терпеливое отношение к неряшливой кухарке было своего рода данью памяти ушедшей в царство мертвых Полимнии.

Подавив зевоту, Лиофар бросил:

— Дай чего-нибудь пожрать!

— Успеешь! — буркнула в ответ кухарка.

Как уже имел возможность не единожды убедиться Лиофар, спорить было бесполезно. Фимината давно свыклась с мыслью, что хозяин позволяет помыкать над собой. Она по-прежнему неторопливо шевелилась у жаровни и, наконец, швырнула на стол две миски. В одной была рыба, в другой оливки и кусочек ячменной лепешки.

— А вино? — спросил Лиофар, подозрительно принюхиваясь к рыбе.

— Сейчас.

Фимината подала ему вместительный килик. Горшечник немедленно продегустировал вино. Как и обычно, оно было разбавлено сильнее, нежели следовало. Но такой уж скверный характер был у Фиминты. Она старалась выгадать на всем, а прежде всего на своем хозяине. В очередной раз вздохнув, Лиофар принялся за еду. Рыба была пересоленой. Наверняка скупердяйка купила дешевую кефаль, что привозят в бочках из Боспора, и забыла вымочить ее. «Что б тебя в Тартаре всю жизнь кормили только этой рыбой!» — подумал Лиофар, торопливо сглатывая последний кусок. Затем он допил вино, отставил от себя килик и не говоря ни слова, вышел из столовой.

Очутившись в своей комнате, он стал рыться в сундуке, пытаясь найти новый хитон. Но под руку попадались лишь старые, в которых перед любимым было стыдно показаться. Отчаявшись обнаружить нужную вещь, Лиофар заорал:

— Фиминта!

Ему пришлось подождать, прежде чем кухарка явилась на зов.

— Что тебе?

— Где мой новый пурпурный хитон, что я купил у торговца-Милотянина?

— С золотой каймой по подолу?

— Да! Да! — заорал горшечник, досадуя на тупоумие рабыни. Как будто у него десять пурпурных хитонов!

Фиминта хмыкнула.

— Он еще спрашивает! Да ты же сам его изгваздал на симпосионе[1]. Залил вином и финиковым соком. Мне пришлось выстирать его, сейчас он сушится на улице.

Лиофар помянул Лернейскую гидру и прочие порождения Ехидны. Затем вновь заорал:

— Что же мне делать?!

— Надень что-нибудь другое.

Горшечник расстроился.

— Я не могу пойти к Педариту в старом хитоне.

— Ничего, сойдешь и так. Тебе на нем не жениться!

Отмахнувшись от злоязыкой бабы, Лиофар выбрал хитон поприличнее и переоблачился. Он побрызгал волосы благовониями и тщательно вычистил грязь из-под ногтей. После этого горшечник придирчиво осмотрел себя. Жаль конечно, что на нем не пурпурный хитон, но смотрелся он вполне прилично. Велев Фиминте приготовить нормальный — он подчеркнул — нормальный! — ужин, Лиофар отправился на свидание.

Педарит должен был ждать в гимнасионе[2] на Киносарге[3]. В последнее время гимнасионы вошли в моду и их стали посещать не только аристократы, но и простые граждане, и даже незаконнорожденные. Юноши развивали здесь свою силу, граждане постарше беседовали да любовались стройными телами своих молодых друзей.

Чинно здороваясь с знакомыми, Лиофар направился вокруг окруженного колоннами двора для занятий. Находившиеся здесь юноши бегали, метали копье и диск, боролись друг с другом. Обнаженные тела, увлажненные потом, жирно блестели на солнце. Педарита здесь не было. Горшечник отправился дальше к бассейнам с ключевой водой.

Его любимец стоял у перевитой плющом беседки и разговаривал с каким-то мужчиной. Незнакомец был высок и плечист, тело его облегал дорогой белый хитон, на плечи был небрежно наброшен пурпурный фарос[4]. Он что-то, горячась, доказывал Педариту, нежно держа его за локоть.

С трудом сдерживая раздражение, Лиофар подошел к беседующим. Мужчина бросил на него недобрый взгляд. Педарит подарил улыбку, невинную, как у ребенка.

— Здравствуй, Педарит, — ласково сказал Лиофар своему любимцу.

— Здравствуй, Лиофар. — Юноша обвел чуть лукавым взгля-

дом вызывающе разглядывающих друг друга мужчин. — Позволь тебе представить — Клеодул, гость из Абдеры. А это Лиофар, афинский гражданин.

Лиофар и Клеодул дружно кивнули.

— О чем вы здесь с таким живым интересом разговариваете? — полюбопытствовал горшечник.

— Да вот Клеодул рассказывает мне о тех бедах, которые постигли его в последнее время.

— И что же произошло с уважаемым абдеритом?

— Представляешь, к их городу подошли мидяне, переправившиеся через Геллеспонт. Это так ужасно, так ужасно!

— Точно так, мой мальчик, — подтвердил Клеодул. — Мне пришлось спешно собрать все свое добро и бежать прочь, чтобы не попасть в руки этих варваров.

Лиофар, которого очень раздражал покровительственный тон чужеземца и особенно то, что он назвал Педарита «Мой мальчик» с ехидцей спросил:

— И много было добра?

— Я не смог взять все. У меня под рукой были лишь три судна. Погрузил золото, статуи и картины, а также запас дорогих тканей и благовоний. Все остальное пришлось оставить на разграбление мидянам.

Упоминание о трех кораблях, груженых золотом и серебром, словно нож полоснуло по сердцу горшечника. Но он постарался вынести этот удар судьбы достойно.

— А велика ли сила мидян?

Клеодул понизил голос.

— Я сам не видел и не могу поручиться, но люди говорили, что их неисчислимая тьма. Будто одних коней они ведут пятьдесят раз по сто сотен, а на каждого конного приходится по пять пеших воинов.

Горшечник покачал головой.

— Врут, — сказал он не очень уверенно.

— Наверно, — согласился купец. И добавил с кривой усмешкой.

— У меня не возникло желания проверить.

Абдерит посмотрел на горшечника, словно вопрошая, остались ли у того какие-либо вопросы. У Лиофара их не было. Вместо этого, он обратился к Педариту:

— Я пришел, как мы и договаривались.

— Хорошо, — протянул тот. — Идем. А ответ на твое предложение, Клеодул, я дам сегодня вечером.

— Я буду ждать, — сказал гость.

Лиофар не стал прощаться. Когда они отошли достаточно далеко, горшечник спросил:

— О каком предложении идет речь?

— Да так! — отмахнулся Педарит. — Не будем об этом говорить.

Немного подумав, Лиофар решил не настаивать.

Они спустились с холма и вышли на поросший кустарником берег мелкой речушки. Идеальное место для любовных игр. Так судя по всему, считали не только они. Неподалеку в густой траве мелькали чьи-то смуглые тела и слышались приглушенные вскрики. Ничуть не стесняясь, Лиофар и Педарит устроились под ближайшим кустом. Пока Педарит стягивал с себя хитон, горшечник извлек из кошеля небольшую золотую застежку, изображавшую сплетенных в любовном объятии Зевса и Ганимеда.

— Это тебе. Подарок.

Юноша рассеянно посмотрел на безделушку. Еще вчера подобная вещица привела бы его в восторг, но сегодня он остался равнодушен.

— Спасибо. Очень красивая застежка.

Не в силах больше сдерживать себя, горшечник заключил Педарита в объятия и жарко поцеловал его в уста. Его ласки были в этот день неистовы, Педарит же, напротив, оставался прохладен. Когда пресытившись любовью, они облачались в хитоны, он сказал своему любовнику:

— Я хочу, чтобы ты знал — это наша последняя встреча.

— Почему? — изумился Лиофар.

— Я охладел к тебе. Нам надо подобрать себе новых партнеров.

— Ты уже, кажется, себе подобрал... — протянул горшечник, вспоминая волевое лицо абдерита.

— Ты о Клеодуле? Да, он мне нравится, и я наверно соглашусь стать его возлюбленным.

— Так, значит, вот о каком предложении шла речь?

Юноша лениво усмехнулся.

— Ты пойми, Лиофар, — он положил руку на бедро любовника, — ты не можешь содержать меня достойно, а он богат и с ним я не буду знать никаких лишений. Смотри, что он подарил мне сегодня.

Педарит продемонстрировал перстень с изумрудным цветком удивительно изящной работы.

— Ты ведь не можешь делать мне таких подарков.

— Не могу, — согласился горшечник.

— Поэтому я и ухожу к нему. Ты сам говорил, нужно наслаждаться жизнью, пока молод.

С этими словами Педарит поднялся и пошел прочь. Ошеломленный горшечник остался сидеть на примятой траве. Он смотрел на мутную реку, а потом заплакал.

Отвергнутая любовь вселяет в сердце печаль.

* * *

Их встречу нельзя было назвать теплой. Слишком многое лежало между ними. Но сейчас каждый из них был нужен родине и это заставило прежде непримиримых противников сесть за одну

сторону стола. Что они и сделали, отвесив взаимный поклон.

Очень легко поссориться, неимоверно трудно помириться. Друзья их понимали это и потому взяли на себя роль посредников. Они не спорили — для споров не было времени — и оба без возражений явились на обед в пританей[1].

Теперь они сидели рядом, ловя на себе косые взгляды окружающих. Но они не хотели дать толков к пересудам. Одинаково не доев мясо с миндалевой подливой, оба встали со своих мест и вышли.

По-прежнему не говоря ни слова, они пересекли город, миновали городские ворота и направились по Священной дороге в оливковую рощу. Усевшись под одним из деревьев, они внимательно посмотрели в глаза друг другу.

— Я не уверен, что рад видеть тебя, — сказал тот, что был чуть помоложе.

— А я вернулся сюда не для того, чтобы доставить тебе радость. Хочешь ты этого или нет, тебе придется смириться с моим присутствием, Фемистокл.

— Я знаю, Аристид...

Так встретились два виднейших политика Афин Аристид и Фемистокл. Вот уже более двадцати лет они стояли по разные стороны баррикад, поочередно одерживая верх.

Аристид был богат, а главное, знатен. Последнее обстоятельство открывало перед ним большие возможности. Аристократ по рождению, Аристид, естественно, возглавлял партию аристократов. Он как нельзя лучше подходил для этой роли. Он был храбр, щедр и очень честен. Столь честен, что даже заслужил прозвище Справедливого. Никто и никогда не решился обвинить Аристида в том, что он хоть раз использовал свое положение для личной выгоды.

В нем рано обнаружились задатки крупного политика. Он обладал теми качествами, которые импонируют и толпе, и личности. Его заметил еще великий законодатель Кимон и сделал своим другом Мильтиад.

Но даже поддержав демократические перемены, в душе он оставался аристократом в высшем смысле этого слова. Ему претила страсть к наживе, вспыхнувшая вдруг у афинских граждан. Он брезгливо наблюдал за тем, как крикливый охлос рвется к власти. В глубине души он порой завидовал спартиатам, создавшим державу рыцарей. Он и сам был таким рыцарем, служащим отчизне не ради корысти, а за совесть.

С другой стороны он сознавал, что легко быть бессеребренником, имея все, что нужно для безбедной жизни. Поэтому его душу раздирали противоречия, но аристократ всегда одерживал верх. И толпа чувствовала это и порой яро ненавидела Аристида. Ненавидела за то, что он не хотел быть как все, за то, что он имел прозвище Справедливый, которым она сама его наградила.

Фемистокл был полной противоположностью Аристиду. Не

богат и не знатен. Зато с большими претензиями на богатство. И с неуемной жаждой славы.

Он единственный грустил в тот день, когда Эллины праздновали победу под Марафоном. И на вопросы друзей почему он невесело признался:

— Мне не дают спать лавры Мильтиада.

Столь сильна была у Фемистокла жажда славы и это при том, что она не обошла его стороной. В числе десяти стратегов, командовавших афинским войском Фемистокл был увенчан лавровым венком и имя его прославляли на агоре. Но он мечтал о великой славе!

В отличие от Аристида он поставил на толпу. Шумливую и непостоянную. Со временем он стал любимцем охлоса и уже никто не смел игнорировать его советы.

Фемистокл любил покричать, выпить, побуянить. Но с другой стороны он был умен и отважен, у него был поистине государственный ум. Прежде из таких людей получались великие тираны. Но Фемистокл оскорбился бы, предложи ему ненароком кто-нибудь из друзей установить тиранию. По крайней мере, в то время оскорбился бы.

Он отчетливо представлял, какие замыслы вынашивают мидяне и выступал за активное противодействие им. Понимая сколь ничтожны шансы эллинов разгромить несметные мидийские полчища на равнинах Эллады, Фемистокл выступал за то, чтобы перенести войну на море. Именно на море по его мнению было суждено подняться могуществу новых Афин, города предприимчивого, смелого и стремительно богатеющего. Аристид же хотел встретить врага на земле.

Они мешали друг другу, кто-то должен был оставить эту сцену. Победил Фемистокл. Его противник был изгнан из Афин на целые десять лет.

Черепок-остракa, на котором писалось имя того, кто подлежал изгнанию. Эту традицию впервые ввел Клисфен, считавший, что таким образом народ сможет избавляться от тех, кто рвется к тиранической власти.

Остракизм стал мощным орудием в руках политических интриганов. С его помощью было нетрудно избавиться от самых влиятельных политиков, не облачая их при этом в одежды мучеников. Одним из первых пал жертвой остракизма Аристид. Не минует чаша сия в будущем и его противника Фемистокла.

Разгромив оппозицию, Фемистокл провел через народное собрание ряд законов, направленных на усиление военной мощи Афин, прежде всего морской мощи. По его предложению граждане отказались от распределения доходов с Лаврийских серебряных рудников. На эти деньги были построены двести быстроходных остроносых триер. Аристократы немедленно обвинили Фемистокла в том, что он пытается заставить афинян променять копье на весло, но тому было наплевать на стенания эвпатридов[1].

— Зато теперь, — говорил он, — мы можем пустить на дно моря любого врага, будь то эгинцы или мидяне.

Время подтвердило справедливость этих слов. Мидяне выступили походом на Элладу, и теперь Афины могли противопоставить им не только отряды гоплитов, но и мощный флот, наличие которого позволяло в случае необходимости без особого труда перенести театр военных действий на малоазийское побережье. Кроме того стало очевидно, что, имея столь грозную силу, город Паллады выдвигается на лидирующее место среди эллинских полисов.

Все, даже противники Фемистокла, признали его правоту. Теперь можно было вернуть из изгнания тех, кто мешал ему прежде. И первым вернулся Аристид. Афины с нетерпением ждали примирения противников.

Рассеянно поигрывая сломанной веточкой сливы, Аристид сказал:

— Я буду говорить без обиняков. Поверь в искренность моих слов, Фемистокл. Я не хочу продолжать нашу вражду. Отложим ее до более спокойных времен. Я вернулся, чтобы сражаться и готов выполнить любое поручение, которое мне доверит Совет пятисот[1]. Я согласен быть хоть филархом[2], хоть гиппархом, хоть простым гоплитом[3].

Эта речь понравилась Фемистоклу.

— Ну зачем же филархом. Эта должность недостойна тебя. Я намеревался предложить тебе занять место первого стратега. Я возглавлю флот, а ты армию. Если ты, конечно, не против.

— Мне надо подумать, — сказал Аристид.

— Надо, значит подумай. Но я делаю это предложение не в качестве подачки, служащей поводом для примирения. Просто у меня нет лучшего кандидата. Ты бил мидян под Марафоном. Твоя доблесть известна всем. Воины пойдут за тобой.

— Спасибо на добром слове. А какими силами мы располагаем?

— Тебя интересует армия?

— Да.

Фемистокл взял двумя пальцами веточку, брошенную на землю Аристидом и с хрустом переломил ее. Лицо его стало жестким.

— Армии нет. Вообще нет. Есть двадцать тысяч граждан, готовых взять в руки оружие. Есть тридцать тысяч метеков[4], также готовых взять оружие, но в том случае, если им пообещают гражданство. Есть запасы оружия, достаточные, чтобы вооружить пятидесятитысячное войско. Есть деньги. А армии нет. Ты за этим и возвращен в Афины, чтобы создать армию.

— Понятно. Сколько у меня времени?

— Семь дней. Через семь дней трехтысячный отряд должен

отправиться в Фессалию, чтобы... Эй, ты куда? — окликнул Фемистокл внезапно поднявшегося с земли Аристида.

— Создавать армию.

* * *

— Эй, капитан Форма, может зайдешь отведать горячего пирожка?

Юноша в желтом хитоне с раздражением отмахнулся от кричащего. Булочник-метек Ворден уже третий день донимал его этой фразой, строя при этом ухмылки. Слово «капитан» он произносил с гаденьким оттенком, словно желая сказать — ну какой из тебя, сопляка, капитан!

Форма был действительно молод, очень молод, но это обстоятельство не давало повода сомневаться в его способностях. Мысленно поклявшись при первом удобном случае отрезать мерзавцу Вордену уши, юноша направился к Пирейским воротам. Шагал Форма быстро, но это не мешало ему время от времени замедлять шаг, глазея на зазывно подмигивающую гетеру или на лучников-скифов[2], поймавших мелкого воришку.

День был жаркий. Вползавшее в зенит солнце немилосердно палило голову и Форма очень скоро пожалел, что не захватил с собой шляпу-петас, которую обычно надевают горожане, отправляясь работать на свои клеры[1]. Пока представлялась возможность, юноша прятался в тени домов, но, выйдя за городские стены, он оказался на открытом солнечным лучам пространстве.

Ему предстояло отшагать около сорока стадий. Дорога, тянувшаяся через поля ячменя, еще не успевшие пожелтеть под летним солнцем, была оживленной. Навстречу двигалось множество людей — торговцев, моряков, рабов. Лошади и быки тащили телеги с товарами. Время от времени кто-нибудь из прохожих поднимал руку, приветствуя Форму, тот отвечал тем же жестом и придавал лицу важное выражение. В эти мгновения он был чрезвычайно похож на павлина, гордо распушившего роскошный хвост.

Но вся важность моментально исчезала как только знакомый проходил мимо. Тогда Форма превращался в обыкновенного юношу, не уставшего еще удивляться миру. И еще — очень довольного судьбой. Говоря откровенно, он был готов прыгать от счастья. Его отец, богатый купец Ниобед наконец внял мольбам сына и дал деньги на постройку триеры. Совсем недавно судно было спущено со стапелей и Форма ежедневно бегал в Пирей, наслаждаясь своим новым положением триерарха.

Афины не были приморским городом в полном смысле этого слова. От моря их отделяла широкая полоса земли, сплошь заполненная виноградниками и полями. Связующим звеном между городом и морем был Пирей, который издавна использовался афинянами в качестве стоянки для кораблей, но лишь недавно стал настоящим морским портом. По предложению

Фемистокла здесь были сооружены многочисленные пирсы, торговые склады; побережье полуострова было укреплено оборонительными стенами. С увеличением числа кораблей были задействованы все три гавани Пирея. В самой большой из них — Кантаре — останавливались торговые суда. Гавани Мунихий и Зея были отданы под военный флот. В Зее стояли государственные триеры, а в Мунихии — снаряженные на частный счет. Здесь находилась и триера Формы.

Запыхавшись от быстрой ходьбы, юноша наконец вышел к пирсам и остановился, завороженный величественным зрелищем. Эскадра кораблей покидала гавань, отправляясь к берегам Фракии. Там они будут следить за действиями мидийского флота, а, может быть, даже вступят в бой с вражескими кораблями. Тысячи весел одновременно падали вниз, дробя напоенную солнцем воду. Время от времени взвизгивала свирель, задававшая нужный темп. Выйдя из гавани, корабли ставили паруса.

Форма с нескрываемой завистью смотрел на удаляющиеся суда. Как бы он хотел, чтобы его триера была в их числе. Но ничего, его время еще придет. Он еще покажет себя!

Паруса исчезли за мысом. Форма вздохнул и отправился на свой корабль. У сходни его поджидал Крабитул.

— Добрый день, капитан.

— Здравствуй, Крабитул.

Крабитул был назначен помощником триерарха. Хотя он и относился к Форме подчеркнуто уважительно, но юноша подозревал, что старый моряк приставлен отцом следить за его действиями. Это слегка задевало самолюбие Формы, но он не мог не признать, что Крабитул знает морское дело во сто крат лучше его.

— Ну что нового?

— Получили паруса. Совет пятисот прислал недостающих гребцов.

— Но это здорово! Значит мы можем выйти в море!

— Да, как только последует приказ.

— Крабитул, — юноша умоляюще посмотрел на своего помощника, — но мы можем хотя бы опробовать триеру?

Моряк задумался.

— Пожалуй, да, — ответил он после некоторого колебания. — Ее даже стоит опробовать. Но надо испросить разрешение у наварха.

— Я поговорю с ним, а ты распорядись, чтобы гребцы заняли свои места.

Сбиваясь с ходьбы на бег, Форма поспешил к стратегу Ксантиппу, назначенному навархом эскадры частных триер. Ксантипп стоял на пирсе, окруженный группой людей, среди которых Форма признал сына Мильтиада Кимона и знаменитого триерарха Ликомеда. Юноша подошел к наварху и несколько раз кашлянул, нерешительно пытаясь обратить на себя внимание.

Ксантипп, увлеченный беседой с Ликомедом, не замечал этих уловок до тех пор, пока Кимон не подтолкнул его локтем в бок и указал глазами на Форму.

— Что тебе? — не очень ласково спросил Ксантипп, не испытывавший особого восторга оттого, что кораблями его эскадры будет командовать зеленая молодежь.

— Мне бы опробовать корабль, — запинаясь, вымолвил Форма.

— Зачем?

— Ну, проверить какой у него ход...

— В плавании проверишь.

— Да ладно тебе, Ксантипп, — вмешался Кимон. — Пусть капитан пройдет вокруг Пирея.

Слово Кимона кое-чего стоило, поэтому Ксантипп смягчился.

— Кто у тебя помощником?

— Крабитул.

— Знаю его. Опытный моряк. Ну так и быть, проведешь судно вокруг Пирея и обратно. Потом доложишь мне.

Обрадованный Форма убежал даже, забыв попрощаться. Ксантипп добродушно усмехнулся.

— Котенок! Ну как с такими выиграешь сражение?

— Ничего, котенок со временем вырастает в льва, — ответил Кимон, который сам был лишь на год старше Формы.

Получив разрешение наварха моряки начали готовить триеру к выходу в море. Гребцы — числом сто семьдесят — заняли свои места на скамьях. На носу разместились прорет[1], флейтист и несколько матросов. Триерарх и его помощник стали на корме. Форма пожелал лично держать рулевое весло.

С помощью шестов матросы оттолкнули триеру от пирса. Весла упали на воду. Легкий рывок и судно чуть прыгнуло вперед. Заиграла флейта, задавая нужный темп. Лопасти весел размеренно погружались в зеленоватую воду, заставляя триеру плавно скользить по морской глади.

Уверенно поворачивая весло, Форма направил судно к выходу из бухты. Крабитул стоял рядом, готовый в любой момент придти на помощь. Но так как ничего непредвиденного не происходило, он отошел к противоположному борту и с деланным безразличием стал наблюдать за резвящимися дельфинами, чьи мокрые спины то и дело выскальзывали из-под днища корабля.

Когда триера очутилась на порядочном расстоянии от берега, Форма приказал поставить парус. Матросов было меньше, чем положено, поэтому Крабитул поспешил им на помощь. Вскоре гигантское белое полотнище развернулось и оглушительно хлопнуло, приняв в себя порыв ветра. Триерарх приказал гребцам прекратить работу и те с облегчением выпустили рукояти весел.

После нескольких неудачных попыток триерарх поставил судно по ветру, парус надулся и стремительно повлек триеру вперед. Гребцы-феты[2] дружно загорланили морящкую песенку, в

которой упоминались берег, сытый ужин и прекрасная гетера, готовая подарить любовь прошедшему бури и шторма моряку, что возвращается из долгого плавания домой.

Мощно вспенивая окованным медью носом волны триера обогнула небольшой мыс и подошла к гавани Зея. Гавань прямо-таки кишела военными судами, завершавшими приготовления к выходу в море. Черные бока триер маслянисто поблескивали на солнце, веселые зайчики плясали на металлических носах судов и шлемах воинов.

Миновав Зею, триера направилась дальше. Форма не мог нарадоваться ее стремительному бегу. Это заметил и Крабитул. Вернувшись на корму, он сказал:

— Капитан, это самая быстрая посудина, на которой мне когда-либо приходилось плавать.

Форма не ответил, но по его лицу можно было заметить, что он счастлив.

Триера обогнула южную оконечность Пирея и подошла к входу в гавань Кантар, где разгружались купеческие суда. В этот момент из гавани как раз выходил пузатый, неповоротливый, с набитыми доверху трюмами купец. Форма направил триеру наперерез, наметив курс так, чтобы проскочить под самым носом встречного судна.

Когда Крабитул разгадал этот замысел, изменить что-либо было уже поздно. Корабли стремительно сближались. Казалось, столкновение неизбежно — на купеческом судне сразу несколько человек заорали дурными голосами, — но в последний момент Форма изо всех сил налег на весло и триера стремительно пронеслась мимо, едва не задев статую на носу торгаша.

Крабитул облегченно выдохнул.

— Отличный маневр, капитан, но если бы его увидел наварх, мы вряд ли бы заслужили похвалу за подобное безрассудство.

Форма лишь рассмеялся. Он был очень доволен собой.

Обратный путь триера проделала и под парусом, и на веслах. Теперь она действительно летела по морю, едва касаясь верхушек волн. Не снижая скорости триера вошла в гавань и устремилась к пирсу. Когда до него осталось не более стадия[1], матросы быстро и слаженно убрали парус, а гребцы подняли над водою весла. Теряя ход, триера плавно подошла к пирсу, стала точно там, где было нужно.

Наварх со своей свитой внимательно следил за этими маневрами.

— На деле ты более зрелый моряк, чем кажешься с виду, — сказал он подбежавшему Форме.

Пока юноша размышлял радоваться ему или обижаться, Ксантипп быстро перешептался с триерархами и спросил:

— Как думаешь назвать судно?

— «Борей».

— Хорошее имя. Вполне соответствует ее качествам. Ты доволен своим кораблем?

— Да! — горячо воскликнул Форма.

— А командой?

— Да.

— Тогда готовься к походу. Завтра «Борей» в числе тридцати других триер отправится к берегам Фракии.

Спал Форма спокойно. Утром, приняв на борт провиант и воду, а также двадцать гремящих медью гоплитов, «Борей» отошел от пирса и отправился в море. Триерарх стоял на корме и часто оглядывался, прощаясь с родными берегами. В его душе не было грусти. Единственное, о чем он жалел, так о том, что не успел надрать уши булочнику Вордену. Но это он еще успеет сделать, когда вернется героем.

Он не знал, что Клото уже собирается обрезать кривыми ножницами нить его жизни.

Он не знал, что булочник Ворден спустя три месяца погибнет в водах Саламинского пролива.

Он не знал, что к нему смерть подошла еще ближе, что всего сорок дней отделяют эту встречу. Он стоял на шаткой палубе и жадно вдыхал запах сосновых досок и соленого ветра.

Ему оставалось жить всего сорок дней.

ЭПИТОМА ТРЕТЬЯ

Отцы и дети. Небесный гость

Злое пришло ей на ум и коварно-искусное дело.
Тотчас породу создавши седого железа, огромный
Сделала серп и его показала возлюбленным детям
И, возбуждая в них смелость, сказала с печальной душою:
«Дети мои и отца нечестивого! Если хотите
Быть мне послушными, сможем отцу мы воздать за злодейство
Вашему: ибо он первый ужасные вещи замыслил».
Так говорила. Но, объятые страхом, дети молчали.
И не один не ответил. Великий же Крон хитроумный,
Смелости полный, немедля ответствовал матери милой:
«Мать! С величайшей охотой за дело такое возьмусь я...

ГЕСИОД, «Теогония», 160—170

Более всего на свете он гордился своей мужской силой. Едва появившись, он доказывал ее вновь и вновь, страсть его была неукротимой, плоды ее были ужасны.

Он спускался с неба, красивый и гордый переполняющей его силой. Никто не знал, из каких миров он явился. Он был могуч и уверен в себе — такие нравятся женщинам. Крепкой рукой он бросал ее на землю и она послушно отдавалась его неистовым ласкам. А затем он вновь возвращался в свой таинственный небесный дом, оставляя в ее чреве бешеное семя.

Уходя, он даже не смотрел на нее, словно она была для него не более, чем орудие утоления страсти. Он ни разу не заговорил с ней. Ей даже казалось, он не знает ее имени, что подобно нежному шелесту листвы на деревьях — Гея.

А ее губы часто шептали его имя, пришедшее из неведомых небесных глубин; имя прекрасное и могучее, словно он сам — Уран.

Гея знала небесного гостя лишь в одной ипостаси — как любовника. Ей было неведомо кем он был в те мгновения, когда не опускался на своем волшебном шаре на землю, чтобы предаться сжигающей страсти. Но наверняка он был героем — звездным корсаром или ренджером, яростным и беспощадным, ибо дети, возникающие от слияния его семени с чревом Геи, были ужасны.

То были существа, которых не видели прежде люди ее племени — огромные ростом и одноглазые, обладавшие множеством рук или змеиным хвостом. Страх посетил сердца соплеменников и они потихоньку оставили деревню.

Ей стало нечего есть. Заметив это, он начал приносить женщине пищу. Странную пищу. Одной крохотной, словно звезда песчинки было достаточно, чтобы утолить голод. Небесный

гость подарил ей чудесный огонь, обогревающий землю на много шагов вокруг ее жилища и поставил невидимую стену, чтобы ни звери, ни злые люди не могли причинить ей вреда.

В доме поселились тепло и достаток. Исчез страх, терзавший ее сердце ночами. Любая женщина на ее месте должна была считать себя счастливой, но Гее не хватало одного — мужчины, который чинит сломанную калитку, а вечером сидит рядом и смотрит на пылающий в очаге огонь.

Она сказала об этом небесному гостю и потом повторяла это еще не раз. Но он лишь холодно улыбался и только когда она совершенно надоедала ему своими мольбами, коротко бросал:

— Нет.

Нет — это было единственное слово, которое она от него слышала.

Так прошло много лет. Листва за невидимой стеной не раз облетала и вновь возвращалась на ветви во всем изумрудном великолепии. В доме Геи все оставалось по-прежнему. Она ничуть не постарела и не подурнела, хотя разрешалась от бремени ежегодно. Сначала ей казалось, что это колдовство, позднее она поняла, что все дело в крохотных зеленых комочках, которые он торжественно клал в ее рот при каждом свидании. Она совершенно не изменилась, но подросли дети. Тех, что были чудовищно безобразны, Гея выгнала за прозрачную стену. Они просились обратно, но не могли преодолеть эту волшебную преграду. Они ушли в осень, лето и зиму, а Гея осталась в вечной весне. Со временем эти ужасные создания заселили все окрестности, распугав жившие здесь племена.

День был похож на день, Геей овладело граничащее с отупением равнодушие. Порой ей казалось, что она полностью довольна жизнью. Бывали, правда, мгновения, когда раздраженная безразличием небесного гостя, Гея грозилась вернуться в свое племя. Однажды она даже попыталась осуществить свою угрозу, но прозрачная стена не пустила ее в осень.

Гея не была огорчена этой неудачей. Она сознавала насколько безрассудным было ее желание. Ведь все те, кого она знала, давно умерли, а их потомки ненавидели женщину, порождающую ужасных чудовищ. Она вернулась в свой дом, чтобы попасть в объятия оставшихся с нею сыновей и дочерей. Эти дети походили на людей ее племени и поэтому Гея не выгнала их за прозрачную стену. Но еще более они были схожи с Ураном. Они были прекрасны и сильны, словно их отец. Сама не зная почему, Гея называла их титанами. Она была счастлива, наблюдая как их загорелые тела мелькают в ярком разноцветьи весенних лугов.

А небесный гость?

Он не забывал о ней. Через строго определенное количество времени, за которое во внешнем мире успевали минуть детство, молодость, расцвет и старость и вновь приходило раннее детство, небольшой серебристый шар опускался на поляну перед домом.

Бесшумно отворялась дверь и появлялся одетый в блестящий костюм Уран, такой же красивый и сильный, как при их первой встрече. Не обращая внимания на детей, исподлобья взирающих на него, небесный гость брал Гею за руку и уводил ее в дом. Пресытившись любовью, он оставлял женщину и не слушая стенаний и проклятий возвращался на небо. А Гее лишь оставалось с тоскою взирать на растущий живот, чтобы по истечению отведенного срока выбросить за пределы прозрачной стены очередного чудовищного младенца.

Титаны видели страдания матери и страдали вместе с нею. Они хотели уйти, но в окрестных лесах бродило множество чудовищ, а кроме того титаны не хотели оставить мать, которую не пропускала прозрачная стена. Нечего было думать и о том, чтобы напасть на Урана и силой принудить его остаться отцом в их доме. Быть может небесный гость почувствовал, что у его отпрысков возникают подобные мысли, быть может это было случайное совпадение, но однажды он продемонстрировал свою магическую силу. В тот раз Гея в очередной раз пригрозила возлюбленному, собирающемуся исчезнуть в своем небесном шаре:

— Я оставлю этого ребенка у себя! — Она показала на чудовищного младенца, родившегося после его предыдущего визита. У существа были змееподобные руки и ноги, а изо рта высовывался огромный раздвоенный язык. — Скоро он подрастет и убьет тебя.

Уран усмехнулся. Впервые. И поднял руку. Из указательного пальца вырвался ослепительный луч и маленькое чудовище бесследно исчезло.

— Нет, — сказал Уран и улетел на небо.

Гея горько рыдала, когда к ней подошел Крон. Он родился последним, но был отважнее и хитрее остальных.

— Я отомщу ему!

Женщина порывисто вскочила с ложа и обняла сына.

— Убей его!

Крон утвердительно кивнул головой. Оставалось лишь дождаться, когда небесный гость прилетит вновь.

Прошел целый год. В этот год ничего не изменилось в маленьком, отрезанном прозрачными стенами мирке. В этот год изменилось многое...

Заручившись поддержкой сына Гея внезапно почувствовала, что пришел тот, которого она ждала всю свою жизнь. Тот, что будет сидеть рядом и смотреть на огонь, а ночью согревать ее нестареющее тело в жарких объятиях. И никогда не уйдет. Никогда — это было главным. Она обнимала голову сына и рассказывала ему о страданиях, причиняемых слабой женщине небесным гостем, о муках, которые она претерпевает, рожая чудовищных детей. Она желала поселить в сердце Крона жалость к себе, жалость, за которой последует любовь, но смогла внушить ему лишь лютую ненависть к небесному гостю.

Ненависть. Ненависть...

Долгими вечерами, зачарованно покачивая головой, женщина плела свою бесконечную историю, выдумывая все новые и новые небылицы. Она мечтала, чтобы сын пожалел ее и нежно коснулся рукою тонкокожей шеи, а затем поцеловал. Сначала робко, преисполненный нежностью, затем страстно и с вожделением. В исступлении она шептала Крону, что сделает его главою рода. Пусть это против всех традиций, пусть! Она мать, решать ее право. Он приходил в изумление от той страсти, которая невольно проскальзывала в ее жарком дыхании и соглашался. А она лелеяла надежду.

Так прошел этот год.

Небесный гость прилетел точно в определенный срок. Проследив за тем как серебристый шар отделяется от огромного облака и начинает стремительно падать вниз, Крон подошел к матери. Он сунул ей в руку чашу с вином и сказал:

— Сделай так, чтобы небесный гость выпил это.

Гея испуганно вздрогнула, но кивнула.

Уран вышел из своего шара, взял женщину за руку и увлек ее в дом. Все было также, как и прежде. Все...

Но перед тем как расстаться он вдруг заговорил со своей возлюбленной. Говорил он также, как люди ее исчезнувшего племени.

— Я улетаю насовсем. В благодарность за любовь, которую ты мне дарила, я оставлю тебе небольшой подарок. — Уран извлек из-под блестящего плаща странной формы предмет и протянул его Гее. — Это очень сильное оружие. Оно поможет тебе бороться с врагами. — Небесный гость добавил еще несколько незнакомых слов. Заметив, что Гея не поняла их смысла, он пояснил:

— Стоит направить это оружие острием на того, кто тебе угрожает, и он упадет на землю и долго будет неподвижен. Это мой прощальный подарок.

Гея слушала небесного гостя и ей почудилось, что она понимает его, понимает почему любя ее он каждый раз возвращается на небо. Затаив дыхание женщина смотрела в его глаза — темно-васильковые, бездонные словно ночь. Обладателю таких глаз просто не было места на земле — его домом было небо.

Она открыла рот, чтобы сказать: прости — Гея не могла сказать толком за что, но ей хотелось попросить у него прощения — и в этот миг он поднялся, а за окном появилось нахмуренное лицо Крона. Какое-то мгновение Гея колебалась, затем решилась и произнесла:

— Я благодарю тебя, возлюбленный, за этот щедрый дар. Прими же и мой подарок... Выпей на дорогу светлого вина. Я приготовила его из самого лучшего винограда. Выпей... и прости!

Небесный гость пробормотал, что его не пропустит... —

Далее следовали несколько слов, смысла которых женщина не поняла. Затем он отчаянно махнул рукой, усмехнулся одними уголками губ и сделал несколько глотков. Вернув Гее чашу, Уран направился к выходу, но так и не дошел до него. Могучие ноги подкосились, небесный гость рухнул на пол и захрапел.

В тот же миг Крон очутился в комнате.

— Молодец! — коротко бросил он матери и извлек из-за пояса кривой нож.

Гея схватила его за руку.

— Постой! Он сказал, что собирается улетать. Насовсем! Он больше не будет мучать меня. Мне больше не придется рожать ужасных детей.

Крон обратил к ней хищное лицо. В его глазах в этот миг было мало разума, лишь злоба, копившаяся не один день злоба.

— Уйди! — С этим криком он грубо вытолкнул мать из комнаты и запер за ней дверь. После этого он подошел к спящему Урану. Взявшись рукою за тяжелый подбородок, Крон приподнял голову отца и зажмурившись нанес удар. Нож раскроил горло Урана. В тот же миг на землю хлынул кровавый дождь. Он шел несколько дней и люди поняли: бог, приходящий с неба, умер, и да здравствует новый бог!

Вскоре тело Урана бесследно исчезло. Вместе с ним растворилась и прозрачная стена. Остались лишь блестящий шар, да волшебное оружие, бережно спрятанное Геей в один из сундуков.

А на земле воцарился Крон. Недаром он считался самым хитрым среди титанов. Он разгадал тайну многих диковинных приспособлений, оставшихся от небесного гостя. С их помощью Крон научился управлять временем и многим другим премудростям. Он подчинил своей воле чудовищ, в жилах которых текла кровь его матери и отца. Он мог сделать своими слугами прочих титанов, но вместо этого сделал их своими союзниками, наделив каждого немалой властью. Ведь он был умен, этот Крон!

Он видел и понимал все. Его взгляд проникал в земные недра и достигал звезд. Он читал мысли живых существ и мог узреть черные пятна на снежных облатках их душ. Он видел и понимал все, кроме одного. Он не мог постичь помыслы своей матери, как и много лет назад ждущей того единственного, кто сядет рядом и будет смотреть на огонь, на чье плечо можно положить голову, не опасаясь, что он встанет и уйдет. А Гее казалось, что он понял ее еще в те мгновения, когда она изливала боль своей отчаявшейся души. Она была уверена в этом. После того, как Крон пропустил мимо ушей все ее намеки, Гея прямо сказала ему, чего она хочет.

Титан осуждающе покачал головой.

— Это нехорошо.

— Но в нашем племени так было испокон веков! — возбужденно воскликнула Гея. — Глава рода должен принадлежать матери-прародительнице!

— Я и так принадлежу тебе как сын.

— А я желаю чтобы ты стал моим мужем! Я мать рода и ты должен повиноваться мне. Так было всегда!

— Пришли другие времена, — сказал Крон. — Мы стали взрослыми.

В это мгновение он вдруг с ужасом осознал, что небесный гость пал жертвой каприза взбалмошной женщины, не пожелавшей, чтобы ее любимая игрушка досталась другому. Крон понял это именно так. Как понял бы на его месте любой мужчина. Будь Крон женщиной, он расценил бы это совершенно иначе.

Чтобы избегнуть новых домогательств матери, он спешно сочетался браком со своей сестрой Реей, которую не любил, а детей от которой вскоре возненавидит. Сам того не замечая, он невольно уподобился своему небесному отцу, приходившему в дом лишь для одного. Только Ураном двигала необъяснимая, схожая с животной страсть, а Кроном — долг перед родом.

Жена платила ему взаимным равнодушием, а мать возненавидела. Ей было непереносимо больно видеть как любимый сын, любимый целует другую женщину. Страшно, когда женщина тебя не любит, еще страшнее — когда тайно ненавидит.

Увлеченный созданием мира, он не заметил как мать и жена постепенно овладели всем тем, что давало ему силу. Это была большая, но вполне поправимая ошибка.

Наслаждаясь ролью творца, он не обращал внимания на то, что подросли воспитанные ненавидящей матерью и равнодушной женой дети, именовавшие себя Кронионами. Эту ошибку оказалось невозможно исправить.

Пришел день, когда Гея обвинила сына в том, что он с помощью колдовских приспособлений отца пытается превратить ее мир в серебряный шар и улететь на небо в чертоги небесной женщины. Когда она выкрикивала эти слова, глаза ее сверкали бешеной злобой, а на губах выступила пена. Крон ужаснулся, увидев в какое ужасное чудовище превратила его мать женская ревность.

Гея подбила своих внуков восстать против отца и дала младшему, самому хитрому и отважному из них — Зевсу, оружие небесного гостя.

— Только не убивай его, — попросила она. — Пусть его муки продлятся вечно!

Ненависть обманувшейся в своих ожиданиях женщины была столь сильна, что она ликовала, видя как Кронионы волокут ее поверженных детей, опутанных цепями в подземную тюрьму. Она заливалась истерическим смехом...

Этот смех будет преследовать Крона всю жизнь. Сардонический смех, какой бывает у людей, сгорающих заживо. Этот ужасный смех заглушил даже грохот битвы, развернувшейся на флегрейских полях[1]. То сражались Кронионы и гиганты, возжелавшие освободить Крона. Возжелавшие по воле тоскующей Геи.

Но минули те времена, когда мог придти мужчина, что починит калитку, а вечером будет сидеть рядом, неотрывно глядя на огонь. Минули...

Осторожный и расчетливый, Зевс окружил Гею надежной стражей. Он опасался напрасно, женщина не любила младшего внука. В нем было слишком мало от небесного гостя.

А на землю падал кровавый дождь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Олимп. Мессения

Во всей роще он любил лишь это место, где прятался источник с прозрачной водой, в котором резвились крохотные золотистые рыбки. Точно возле такого же родника он повстречал Сирингу, как две капли воды похожую на девственную Артемиду. И влюбился с первого взгляда и на всю жизнь. Он хотел подойти к нимфе и сыграть ей на свирели. Ведь никто в мире не мог извлекать более нежные звуки. Но Сиринга испугалась и убежала. Он гнался за ней покуда были силы, но так и не настиг. А позднее Громовержец сказал ему, что нимфа превратилась в тростник, из которого он делал звонкие свирели. Он не поверил, ведь он делал эти свирели и раньше. Но с тех пор он никогда не встречал Сирингу, хотя подстерегал ее у сотен родников, в которых купаются нимфы.

Касаясь руками мягкой травы, он наклонился над источником и в тысячный раз ужаснулся своему отражению. Сколь чудовищен был жребий, вытянутый Лахесис, коль суждено ему было уродиться козлоподобным монстром. Душою скорее человек, нежели зверь, а обличьем более от животного. Как горько закричала его мать Пенелопа, увидев плод блудной любви. Жестокосердный насмешник Аполлон уверял Пана, что, разрешившись от бремени, Пенелопа хотела бросить ужасного младенца в пропасть и лишь вмешательство отца, быстроногого Гермеса сохранило ему жизнь. Бог воров отнес малыша на Олимп. Небожители весело смеялись над забавным козлобородым младенцем. Они нарекли его Паном, что означает Понравившийся всем, и даровали ему бессмертие, чтобы он и в будущем веселил их.

Той! Той, веселый Пан!

Они шутили над ним. И шутки их бывали порой жестоки. Особенно Аполлона. Хотя Пан мог поклясться, что Стреловержец любит его. Но только какой-то странной любовью. Как свое тайное отражение. Красавец и чудовище. Должно быть, душе иногда хочется взглянуть на свое истинное обличье.

Пан слегка улыбнулся своему отражению. Его уродливое лицо стало почти милым. В общем-то, если разобраться, он не был ужасен, этот лесной демон с тростниковой свирелью в руке. И непонятно почему голубокожая Сиринга убежала от него. Должно быть, ей нашептал на ухо злокозненный Аполлон или вредный мальчишка Эрот, пустивший любовную стрелу в чресла Пана.

Но мать Гея! Как закричала нимфа, увидев добрую улыбку Пана, которая, должно быть, показалась ей злобной гримасой. Как она бежала! Как соблазнительно мелькали ее обнаженные бедра.

Он несся за ней, но даже богу не всегда дано угнаться за легконогой нимфой.

Узнав о происшедшем, Аполлон тут же примчался к Пану, чтобы полить кипящей солью его раны. Он лицемерно выразил сожаление, а затем начал хохотать.

Пан не обиделся, хотя имел на это полное право. Ведь Аполлон был обязан ему. Именно Пан научил солнечноликого бога ясновидению, дару, что приобрел от матери-земли Геи за доброе сердце. Она любила Пана, так как он был единственный, кто раз в год приносил полевые ромашки заключенным в Тартаре татанам. У тех были все основания затаить злобу на бога лесов, ведь он некогда способствовал Громовержцу в его борьбе за власть, но титаны простили Пана. Все, даже Крон. А Гея в благодарность за доброту наградила его чудесным даром.

Аполлон тогда так и вился вокруг Пана, желая выведать у него тайну ясновидения. Что ж, Пан научил его предсказывать будущее, хотя именно благодаря этому дару знал как поступит с ним Аполлон. Но Пан был слишком добр, чтобы отказать в просьбе даже злосердному богу света.

Как и предполагала судьба, вскоре они крупно повздорили. Аполлон осмеял Пана с его нежной свирелью, а тот, оскорбившись, вызвал обидчика на состязание. Аполлон принял вызов и даже пригласил зрителей — Диониса и пенорожденную Афродиту, красота которой была столь совершенна, что Пан даже боялся о ней подумать. Раскроем тайну — именно этой несравненной красоте обязаны были титаны цветами, получаемыми от Пана. Ведь не восстань Крон против отца своего Урана и не отсеки его миророждающий фаллос, брызнувший в море животворной пеной, не знал бы мир неземной красоты, именуемой Афродитой. Подобная красота стоит букета ромашек.

Боги пришли. Они любили посмеяться, а Аполлон обещал хорошую шутку. Судьей по предложению Пана был приглашен фригиец Мидас, преодолевший в своей жизни все искушения, даже искушение золотом. Не было человека, более беспристрастного.

Когда Аполлон заиграл на арфе, замолчали птицы, прекратили кровавую трапезу тигры и остановили свой вечный хоровод нереиды, завороженные волшебством музыки.

— Играй, Козел! — победоносно крикнул бог света Пану, отставляя кифару.

Пан приставил к безобразным губам свирель и заиграл.

И перестал журчать родник.

И забыл опустошить свои легкие свирепый Борей.

И загрустила пенорожденная Афродита.

— Ты победил, Пан — сказал Мидас. И боги согласились с ним. Дионис от чистого сердца, а Афродита чтобы позлить красавчика Аполлона.

Злопамятный Аполлон не забыл этого. Первым был наказан

Мидас, получивший ослиные уши. Отомстить Пану было сложнее. Длинные уши вряд ли бы могли обезобразить его и без того ужасный лик. Но нет препятствия, которое могло бы остановить обиженного бога. Аполлон нашептал нимфам про непотребности, которые Пан будто бы творит с красотками-наядами, а затем подкупил Эрота. За кусок медового пирога злокозненный озорник, пронзил чресла Пана любовной стрелой, заставив мучиться безответной любовной страстью.

Потеряв навсегда Сирингу, Пан покинул Олимп и долго скитался по горам. Он никогда бы не вернулся, если бы не Дионис. В этом рубахе-парне было нечто близкое Пану. Должно быть, какая-то искорка тайной грусти в глазах. Но кто поверит в грусть бога веселья? Лишь Пан, который тоже всегда смеялся, когда бывало грустно.

Дионис нашел его в пещере на вершине Геликона. Не слушая протестующих криков он вытащил отшельника на солнечный свет и пьяно захохотал:

— Да ты никак поседел, брат Пан!

Пан с удивлением осмотрел свое поросшее густым волосом тело. И впрямь кое-где пробивалась седина.

— Брось грустить! На-ка лучше выпей!

Дионис извлек из ничего канфар, наполненный густым вином.

Снимает все горести. Десятилетней выдержки с южных склонов Пелиона. Могу поклясться, что амброзия может показаться козлиной мочей в сравнении с этим нектаром! О, — спохватился бог, вспоминая о козлоподобном облике Пана, — прости за бестактность.

— Все нормально, — ответил Пан и сделал глоток. Жизнь вернулась и поделать здесь было нечего. Он отпил еще и похвалил:

— Действительно хорошее вино!

— Действительно?! — Дионис захохотал. — А ты знаешь во что мне обошлось узнать где ты прячешься? А-а-а... — протянул он, торжественно поднимая вверх палец. — В амфору вот этого самого вина. Старухи мойры не соглашались на меньшее. Поначалу они вообще гнали меня прочь, но вино им понравилось. Как бы там спьяну не обрезали по ошибке чью-нибудь нить! Кстати, я попросил Лахесис подправить твою судьбу. А то ведь и впрямь на твоем роду было написано, что тебе суждено провести остаток бессмертной жизни в пещере. Пара комплиментов и старушка перепряла нить так, как хотел я!

Пан усмехнулся.

— И что же я должен делать согласно новой судьбе?

— Ты идешь со мной в Аттику. Возьмем девочек и повеселимся. А заодно обделаем одно дельце.

— Не узнаю тебя! С каких это пор ты стал совмещать полезное с приятным.

— С недавних, брат Пан. Повздорил со стариком. Он назвал

меня приемышем и невежливо напомнил, что подобрал меня в грязной канаве, где я валялся в мертвецки-пьяном виде. Я возразил, что мне тогда было всего четыре года, а он ответил, что я был пьян уже в чреве зачавшей меня блудницы. Как будто это не была соблазненная им фиванка Семела. Да и зачал он меня в пьяном угаре. Ну да ладно, дело прошлого. Мы со стариком повздорили и, когда я узнал, что он собирается занять сторону спешащих к Аттике мидян, то решил назло ему помочь афинянам. Тем паче, что они никогда не скупятся на жертвы мне. Паллада уже спешит к Марафону. Отправимся туда и мы. Надеюсь, ты не забыл свою тысяча первую гримасу?

— Нет.

Пан скорчил такую жуткую физиономию, что Дионис невольно отпрянул.

— Даже меня проняло. Тогда ближе к делу. Вот тебе пара сандалий. Взял взаймы у твоего папаши. Кстати, шлет привет.

Пан неопределенно кивнул головой, а затем спросил:

— А сам как? По солнечному потоку?

— Нет, что ты! Аполлон тут же наябедничает Громовержцу. Со мной крылатый леопард. Кис! Кис!

Из-за скалистой вершины появилась кошка, размером не уступавшая трехлетнему быку. Используя вместо руля длинный пушистый хвост, она подлетела к хозяину и, вопросительно посмотрев на него, кивнула в сторону Пана. Усы ее встопорщились, а когти покинули мягкие подушечки столь недвусмысленно, что Пан едва не позабыл о том, что бессмертен.

— Он свой. — Дионис ласково коснулся головы леопарда. — Погладь его.

Пан с опаской провел рукой по шерсти зверя. Тот заурчал, убрал когти и потерся огромной головой о живот Пана.

— Ты ему понравился! — с легким удивлением констатировал Дионис. — Это с ним впервые. Ну ладно, как любит говорить старик: поехали!

Свободный полет доставлял Пану огромное наслаждение. Он не шел ни в какое сравнение с перемещением посредством солнечных потоков. Там тебя не оставляло ощущение, что мчишься по ослепительно яркой трубе, упакованный в полупрозрачный мешок, из которого вдобавок ко всему ужасно воняет. Аполлон утверждал, что это запах дезинтегрированного озона, но Пан не верил ему. Озон пахнет свежестью и утренним морем, а этот запах напоминал вонь от линялой собачьей шерсти.

Как прекрасно нестись по наполненному ветрами небу, чувствуя за спиной невидимые крылья. Особенно после долгого заточения, на которое обрек себя Пан. Свежий воздух, бирюзовое небо и ярко-зеленые луга, испятнанные округлыми проплешинами гор. Сандалии, действующие на основе сил антигравитации, мягко толкали вверх и вперед, немного пошевелив ногами можно было изменить направление и высоту. Чтобы управлять ими, тре-

бовались определенные навыки, но Пану уже ранее приходилось пользоваться этой необычной обувью, поэтому он не испытывал особых затруднений. Лишь иногда, забывшись, он терял управление и начинал выписывать замысловатые пируэты и тогда летевший неподалеку Дионис хохотал во все горло, а его кошка улыбалась.

На место боги прибыли еще засветло. Верно они эффектно смотрелись на фоне заходящего за горы солнечного диска.

— Смотри! — вдруг воскликнул Дионис. — Зеленый луч! Он предвещает нам удачу.

— Или это Аполлон докладывает Громовержцу, что засек нас в воздухе.

— Чепуха! Он сейчас наверняка волочится за Афо. И как всегда безуспешно!

Они приземлились на высокую скалу. Ударив кремнем о кремень, Пан разжег костер. Дионис протянул руку и извлек из ничего амфору с вином, виноград, каравай хлеба, несколько кусков жареного и один, большой сырого мяса.

— Это моей киске. Она может питаться энергией звезд, но любит мясо. Я частенько балую ее. Верно?

— Умр-р! — ответил леопард.

— Ну что ж, к сожалению обещанных девочек раздобыть в данный момент не могу, придется коротать ночь за разговорами. — Он протянул Пану килик, небрежно извлекая его из воздуха. — О чем могут говорить два друга, заброшенные капризом судьбы почти на край света? Только о женщинах. Или, может быть, тебе неприятно?

— Отчего же. Если мне не слишком везет с ними, то это не значит, что я избегаю этой темы.

— Ты отличный парень! Костры... — вдруг протянул, Дионис, указывая рукою вниз, где у самого входа в долину сверкало множество огоньков. — Эллины ждут утра. Так вот, порою мне кажется, наша красотка Афо — бесчувственный камень.

Пан не согласился.

— Как можно так говорить! От нее веет женственностью и красотой. При взгляде на любую часть ее тела, даже крохотный мизинец, меня охватывает сладкая истома.

— Да? — Дионис с усмешкой — спасибо хоть не злобной! — взглянул на Пана. — Но как объяснить, что она не одарила лаской ни одного мужчину. Будь то бог или герой. А ведь ее домогался сам Громовержец!

— Ну и как, успешно?

Бог веселья ухмыльнулся.

— Знаешь, что она ответила ему... — Дионис наклонился к козлиному уху и что-то прошептал. Спустя миг оба разразились диким хохотом, громоподобные отзвуки которого загуляли по окрестным горам, заставив вздрогнуть забывшихся в тяжелом сне мидян, стоявших лагерем на прибрежном песке.

— О-хо-хо-хо!!! — заходился в смехе Пан и камни катились в долину. Эллины поднимали бородатые лица вверх и радостно восклицали:

— Пан! Пан с нами!

— У-у-у!!! — выл тем временем Пан. — У, рассмешил! Она и вправду ему так ответила?

— Слово в слово. Ате[1] подслушала и расстрезвонила по всему дворцу. А ты думаешь, хозяин выгнал ее с Олимпа из-за жлоба Геракла? — Пан кивком головы подтвердил, что именно так и думал. — Да нет! Из-за длинного языка. Но как отшила! А затем она отказала Марсу, Посейдону, мне, Аиду, Гермесу. Хромоногий Гефест тоже пробовал...

— И что же?

— Она пообещала ему свою любовь, если он скует эрекцирующий фаллос. Гефест до сих пор кует.

Они снова захохотали.

— А ты не пробовал? — спросил Дионис.

— Какой смысл? Она даже побрезгует поцеловать меня, — грустно произнес Пан.

Дионис бросил на товарища снисходительный взгляд.

— Да, ты прав. Тебя трудно назвать привлекательным. Так вот, к чему я клоню. Она не любит никого из богов, не захотела заниматься любовью с Афиной, отшила всех героев. Лишь Аполлон продолжает питать химерические надежды. Я его не люблю, гордеца, но, честное слово, порой мне его жаль. Кого она ждет, отвергая богов и героев?

— Может быть, человека?

— Не смеши! Одного их этих? Да они убегут от одного твоего вида!

Пан опять не обиделся. У него было слишком доброе сердце.

За веселыми разговорами они осушили амфору, а летающий леопард съел мясо. Но они не были пьяны, а он не очень сыт. Ибо животное, черпающее соки из Космоса, невозможно насытить мясом.

Наутро они спустились в долину. Оглушив стоящего на страже гоплита Дионис снял с него доспехи и передал их Пану. Шлем с медной личиной спрятал до поры до времени козлоподобное лицо. Когда ощетинившаяся жалами копий эллинская фаланга двинулась в атаку на мидян, Пан выскользнул из кустов и бросился вперед. Стрелы отскакивали от него. Добежав до мидян, Пан сорвал с головы шлем и скорчил ужасную рожу. Паника — порождение Пана! Враги дрогнули, в замешательстве опустили луки и в тот же миг в беспорядочное месиво ярких халатов врезался стройный клин гоплитов. И Пан завыл. Да так, что взбесились лошади, сбрасывая золотобраслетных всадников под копыта.

Напрасно парсийские воеводы пытались удержать дрогнувших воинов. Те бежали на корабли и рубили якорные канаты,

мечтая лишь о том, чтобы покинуть землю, где живут ужасноликие воины. Пан в их сознании превратился в десять тысяч Панов — жутких видом, громогласных, вооруженных острыми медными копьями.

Дионис хохотал.

— Промочи горло!

Пан жадно глотал вино, а его товарищ веселился.

— Ты бы видел физиономию Громовержца!

— А где он? — спросил Пан, отрываясь от чаши.

— Он, Аполлон, Арес и еще пара прихлебателей помельче засели вон на той горе. — Палец Диониса уткнулся в одинокую скалу, находившуюся стадиях в пяти от того места, где они находились. — Вон там, видишь, белеют их хитоны. — Пан прищурился и не без труда разглядел несколько жестикулирующих фигур. — Афина потешается над ними. Она успела вовремя и не дала Громовержцу обрушить свои молнии на эллинов. А ты великолепно справился с этим делом! Заорал так, что у меня заложило уши. Даже сейчас звенит. А теперь сваливаем отсюда, а не то хозяин попытается выяснить, кто же до смерти перепугал милых его сердцу мидян.

Они не рискнули подняться в воздух, опасаясь как бы Зевс не заметил их. Боги шли по горной тропе, а крылатая кошка ловила бабочек за их спиною.

— Куда сейчас? — спросил Дионис. — Назад в пещеру?

— Нет. Ведь кажется мойры переплели мою судьбу?

— Да брось ты! Мы сами плетем свою судьбу.

Пан помолчал, думая, а затем сказал:

— Пожалуй, пойду поброжу по Фессалии.

На этом они расстались.

Но долго разгуливать Пану не пришлось. Зевс каким-то образом — наверно Дионис во хмелю проболтался, — разнюхал, что под Марафоном не обошлось без вмешательства козлоликого бога. В наказанье Громовержец заставил его сторожить священную рощу в Мессении и не пускал ни на Олимп, ни в столь милую сердцу Фессалию. Лишь раз в год богу лесов разрешалось повеселиться на дионисиях. Это были счастливые дни. Он плясал рядом с ошалевшими от вина и веселья эллинами и вместе со всеми кричал здравицы Дионису и богу лесов Пану. Люди принимали его лицо за искусную маску и хохотали. И он смеялся вместе со всеми.

Все остальное время Пан бродил меж деревьями и скучал. А иногда грустно улыбался своему отражению. Так было и сейчас, а через мгновенье он заметил человека.

* * *

— А-о-у!!!

Дикий вопль, донесшийся из чащи, совершенно не смутил человека. Он не вытащил свой меч и тогда, когда из-за куста выскочило страхолюдное заросшее густым волосом существо.

— А-о-о!!! — завывая оно подступало к незваному гостю. Тот какое-то время смотрел на эти кривляния, потом небрежно бросил:

— Не надоело?

Вопли тут же прекратились.

— Что?

— Хватит, говорю, орать. Ты что меня не узнал?

Пан почесал волосатой ладонью лоб.

— Ясон?

— Точно.

— Но хозяин сказал, что ты погиб.

— Мало ли кто что говорит.

Бог лесов улыбнулся.

— Я рад тебя видеть, Ясон.

— Я тоже рад этой встрече, Пан.

— Что ты здесь ищешь?

— Мне нужно поговорить с Зевсом.

Пан скорчил гримасу.

— Это невозможно.

— Почему же? Ведь если мне не изменяет память, здесь узел связи.

— Я не имею права беспокоить Громовержца.

— Однако ты стал послушен! — усмехнулся Ясон. — Почти ручной.

— Я действительно ничем не могу тебе помочь, — не обращая внимания на оскорбление, сказал Пан.

Однако герой не отступал.

— Мне нужен узел связи.

— В святилище нельзя.

— Мне можно.

— Ты начинаешь злить меня, — вполне миролюбиво заметил Пан.

— Я не ищу ссоры с тобой, но мне очень нужен узел связи и, хочешь ли ты этого или нет, я добьюсь своего. Обещаю, Зевс не накажет тебя.

— А он и так не может наказать меня более того, чем уже наказал. Но я обещал ему, что в рощу не войдет ни один человек.

Ясон начал терять терпение.

— Пан, мне надоело твое упрямство.

— Ты угрожаешь?

Пан расправил свои могучие, похожие на ветви огромного дуба, плечи.

— Да.

Губы бога растянулись в улыбке.

— Я бы с удовольствием сразился с тобой, но это было бы нечестно с моей стороны, ведь я бессмертен.

— Но ведь силы твои не беспредельны?

— Конечно я не Антей...

— Тогда в чем же дело?

Ясон быстро сбросил с себя плащ и положил на траву меч и металлический нагрудник, оставшись лишь в коротком хитоне. Пан обрадовался развлечению.

— Сумеешь продержаться пока тень этого дуба не передвинется на локоть, считай, что ты в храме.

— Договорились.

Они схватились наперекрест и стали мять друг друга в могучих объятиях. Вскоре Пан обнаружил, что руки гостя невероятно сильны и что даже его полузвериная-полубожественная плоть не может устоять перед их натиском. Тогда он прибег к хитрости и что есть сил заорал. От неожиданности противник ослабил хватку и Пан сумел повалить его на землю. Но Ясон оказался умелым борцом. Упершись ногами в мохнатый живот, он отшвырнул бога в сторону. Не успел Пан опомниться, а человек уже сидел на нем, крепко прижимая к траве. Какое-то время Пан пытался вырваться, но без малейшего успеха. Ясон осведомился:

— Будем ждать тень или признаешь свое поражение?

Пан завыл.

— Не ори. Не поможет, — спокойно отреагировал победитель.

Повертевшись еще немного и окончательно убедившись в тщетности своих попыток освободиться, Пан задумался. От источника веяло сыростью. А от сырости у него ломило кости.

— Ладно, вставай. Твоя взяла.

Ясон подал руку, помогая богу лесов подняться. Пан ощупал играющую желваками мышц плоть.

— Здоров. Ты мог бы схватиться с самим Аресом.

Человек улыбнулся.

— Будь он смертен, я бы уже запалил его погребальный костер.

— Ты самоуверен, — сказал Пан, как и все прочие олимпийцы недолюбливавший кровожадного Ареса, — но мне это нравится.

— Тогда идем!

— Идем.

Святилище располагалась на высоком холме посреди священной рощи и представляло собой храм, окруженный двумя рядами мраморных колонн. На фронтоне храма была изображена битва богов с титанами. Следящие за чистотой и порядком куреты[1] беспрепятственно пропустили Пана и его спутника внутрь храма.

— Это под алтарем, — сказал Пан.

— Я знаю.

Они подошли к украшенному статуей Зевса алтарю. Пан нажал на край плиты, и она беззвучно отъехала в сторону. По узкой мраморной лестнице они спустились вниз и вошли в небольшое помещение, все убранство которого состояло из шести бронзовых щитов, развешанных по стенам. Освещалась комната сол-

нечными лучами, которые проникали сквозь узкие щели между фризом и архитравом крыши.

Пока гость осматривался, Пан снял один из щитов. Под ним оказалась панель с несколькими кнопками. Пан нажал на одну из них и сказал:

— Пан вызывает Громовержца.

Какое-то мгновение было тихо, затем издалека донесся голос.

— Его сейчас нет в Элладе. В чем дело?

— Вот так дела! — Пан повернулся к герою. — Нет его. Что будем делать?

— Спроси где он и попроси передать, что его спрашивает Ясон.

Пан вновь нажал на кнопку.

— А где он.

— Я не уполномочена об этом говорить.

— Кто на связи? — поинтересовался Пан.

— Афо.

Что стало с Паном! Он расцвел широченной улыбкой, а голос стал слаще меда.

— Афо, передай Громовержцу, что его спрашивал Ясон. Пусть разыщет его когда вернется.

— Ясон? Но ведь он погиб!

Пан рассмеялся.

— Я тоже так думал. Но он пришел ко мне. Жив-живехонек и здоровяк, как и прежде.

Афродита замолчала. Пан начал волноваться.

— Афо, ты меня слышишь?

— Да. Выполни мою просьбу, Козлик. Если Ясон еще не ушел, задержи его. Я сейчас буду у вас.

— Хорошо, — ответил Пан и отключил связь. — Она сейчас будет здесь.

— Вряд ли ей будет понятна эта встреча, — заметил Ясон в ответ на слова лесного бога.

Афо появилась внезапно, словно проникнув через щель вместе с лучами солнца.

Ясон и Пан как раз вешали на место щит. Затем они оба обернулись и Афродита вскрикнула:

— Диомед!

* * *

Прямо уставив копье, Диомед, воеватель бесстрашный,
Острую медь устремил и у кисти ранил ей руку
Нежную: быстро копье сквозь покров благовонный, богине
Тканный самими Харитами, кожу пронзило на длани
Возле перстов; заструилась бессмертная кровь Афродиты...[1]

Диомед — то был один из самых великих героев Эллады. Отточенная бронза, влекомая его безжалостной рукой, поражала не только людей, но и богов. Афродита нечаянно бросила взгляд на правую руку, где от локтя и чуть не доходя до запястья тянулся тонкий, едва заметный шрам — след раны, залеченной искусным Паеоном.

Ясон-Диомед с легкой усмешкой рассматривал Афо. Под его пристальным взором богиня зарделась и стала прекрасна как никогда. Пан восторженно открыл рот, любуясь столь совершенной красотой.

Пауза становилась невыносимой, но Диомед не желал приходить на помощь растерявшейся богине, а Пан не осмеливался это сделать. Наконец Афо совладала с собой.

— Я слышала, ты умер.

Еще бы! Он должен был умереть семь веков назад!

Диомед усмехнулся.

— Я не раз слышал о себе куда более удивительные вещи.

— Так кто же ты: Ясон или Диомед? — вмешался Пан.

Афо скривила розовые губки.

— Какой там еще Ясон! Это негодяй Диомед, осмелившийся поднять на меня руку!

Человек вновь усмехнулся и слегка склонил голову.

— Прошу великодушно простить меня. Я метил в Энея. — Если в голосе героя и звучала ирония, то она была едва заметна.

Смех Афродиты рассыпался серебряными колокольчиками.

— Он еще смеет просить прощения! — воскликнула красавица и капризно добавила:

— Мне было больно!

— Женщинам не стоит появляться на поле брани. Тем более таким женщинам!

В голосе Диомеда звучало нечто, заставившее Афродиту стыдливо потупиться. Давно уже мужской взгляд не смущал пенорожденную.

— Ты сбрил бороду, а волосы стали светлее, но ты все тот же Диомед. Я узнала тебя по голубым глазам, что загораются ярким огнем во время схватки.

Диомед не успел ответить, как вновь встрял Пан.

— А я признал в нем Ясона!

Афо внимательно посмотрела на героя.

— Так кто же ты?

— Я был Диомедом. А еще раньше я был Ясоном. А перед этим я был еще кем-то. Я и сам не могу точно сказать, кто я есть такой.

— Это удивительно! — Афродита звонко рассмеялась. — И забавно. И еще...

Богиня не договорила, но у Пана дрогнуло сердце. Он все понял.

— Козлик, — нежно произнесла Афо, — мы с Диомедом прогуляемся по роще. Нам надо кое о чем поговорить.

И Афо улыбнулась. Счастливо и чуть застенчиво. Как улыбается женщина, встретившая свою любовь.

ЭПИТОМА ЧЕТВЕРТАЯ

Ярость

А ворота Гомола ожидали
Тидея с шкурой львиной на щите,
И волоса на ней вздымались грозно;
Десница же Тидеева несла
В светильнике губительное пламя,
Как нес его когда-то Прометей.

ЕВРИПИД, «Финикиянки», 1119—1124

Он был небольшого роста и не велик телом. Его руки не поражали обилием мышц или силой удара. Но пред натиском этого воина не могли устоять самые могучие мужи, статью подобные сыновьям Алоэя[1]. Все знали, что он в одиночку расправился с пятьюдесятью богатырями, спрятавшимися в засаде, чтобы погубить его. Сорок девять пали, сраженные насмерть, и лишь Меонт, забрызганный с ног до головы кровью собратьев, вернулся, безумно твердя его имя:

— Тидей!

И ведь все эти витязи были сильнее его, многие лучше владели копьем и мечом, но не один из них не был столь яростен.

Ярость!

Безумная ярость рождалась в сердце этолийца Тидея, когда он вступал в битву. Ярость наливала его мышцы сталью и уподобляла движения стремительной молнии. Губительное пламя загоралось в глазах героя, заставляя недругов отпрянуть назад. С оскаленным в крике ртом Тидей нападал на своих врагов, вселяя в их души страх. В эти мгновения он забывал обо всем: о жизни, о солнце, даже о смерти. Он помнил лишь, что перед ним враг, которого нужно повергнуть. Не будь у него копья, он атаковал бы противника с мечом и щитом, лиши его меднокрепкой защиты, он бросился бы вперед с одним клинком, сломайся меч, он рвал бы тело врага руками и зубами.

Если бы фортуна назначила ему родиться позднее, его бы назвали берсеркиром[2]. Эллада же не знала подобного слова. Но она знавала подобных воинов, что бросались в кровавую схватку с непокрытой головой и выступившей на губах пеной.

Звон бронзы и пение стрел, грохот рушащихся стен и крики умирающих — лишь это они считали жизнью; все остальное было жалким существованием, недостойным героя. Жить означало воевать. Воевать означало жить. Прекратить их вечную битву могла лишь смерть, но не старость, ибо герои не доживают до старости.

Они спешили познать яростную любовь битвы, ведь в Тартаре

нет места кровавым ристалищам и потому насладиться ими нужно в жизни.

Они менее всего думали о затаившейся рядом смерти и потому судьба бывала нередко благосклонна к ним — они умирали последними.

Тидей хотел этой войны. Война должна была принести славу, добычу и наслаждение кровавой сечи. Война могла принести смерть, но истинный воин и в смерти находит наслаждение. Такова была нехитрая философия Тидея, лишь в обол[1] оценивавшего чужую жизнь и ни во что — собственную. Именно потому любила Тидея грозная богиня Афина, столь же неистовая в бранном деле. Незримая под шлемом Аида[2], она опускалась на сочные беотийские луга и наслаждалась лицезрением яростных поединков, в которых Тидей проверял храбрость своих врагов. Быть может Афина была даже чуточку влюблена в свирепого этолийца. Но лишь чуточку, так как рок обрек ее вечно оставаться девой.

Не в силах скрыть восхищения от яростной одержимости своего любимца, Афина порой снимала волшебный шлем и представала перед героем. Ей нравилось, что Тидей не бледнеет от страха при виде грозной богини, а беседует с нею как равный, не забывая при том о почтительности. Они с увлечением говорили о битвах и на лице Тедея появлялась жестокая усмешка. В эти мгновения он становился похож на кровожадного Ареса, в чьих глазах горело то же губительное пламя. Но Афина старалась не обращать на это внимания, убеждая себя, что жестоко бога волнует проливаемая кровь, а Тидея влекут звон оружия и рокот боевых труб.

Трубы глухо ревели и в тот день, когда семеро вождей выстраивали своих воинов у стен семивратных Фив. Эта война нужна была бежавшему в Аргос Фиванцу Полинику, но затеял ее Тидей. Именно его пламенные речи зажгли сердца вождей, именно он сумел убедить присоединиться к войску могущественного Амфиарая.

Амфиарай...

В этом аргосском герое воплотились мужество и богоравная мудрость. Воины верили ему как никому другому. Лишь от его согласия зависело двинутся ли союзные дружины войной на Фивы.

Амфиарай долго отказывался участвовать в этом походе. Зевс даровал ему способность видеть будущее и он знал, что смерть ожидает безумцев, которые осмелятся подступить к стенам любимых богами Фив.

День шел за днем. Герои то по одному, то все вместе убеждали Амфиарая присоединиться со своей дружиной к их войску, но тот неизменно отвечал отказом. У всех опустились руки, но не у Тидея. Ведь к нему благоволила совоокая Паллада. И она подсказала ему выход.

Однажды вечером, когда аргосские герои веселились на пиру, Тидей проник в спальню жены Амфиарая. Осталось тайной о чем он говорил с красавицей Эрифилой, но на следующее утро та вдруг велела супругу собираться на войну против Фив. Побледневший Прорицатель пал пред женой на колени.

— Опомнись! — возопил он. — Ведь я говорил тебе, что рок предвещает смерть всем участникам этого похода!

— Ничего с тобой не случится, — холодно смотря на мужа сказала Эрифила. — Милый, порою мне кажется, что ты просто стал трусом. Вот и Тидей говорил мне тоже самое.

— Тидей? — грозно вопросил Амфиарай.

— Да. А что тут такого? — Эрифила игриво улыбнулась, уверенная, что супруг не посмеет тронуть ее и пальцем. Она уже привыкла к тому, что Амфиарай безропотно потакает всем ее прихотям. Будучи весьма самоуверенной, Эрифила объясняла это неотразимостью своих чар. Она не ведала, что в глубине души Амфиарай люто ненавидит свою легкомысленную жену и лишь, покоряясь высшей воле, исполняет ее капризы. Ведь боги порешили, что он умрет вскоре после того, как его проклянет обиженная Эрифила.

Раздраженная равнодушным молчанием мужа, пропустившего мимо ушей ее колкий выпад, аргивянка извлекла из ларца драгоценное ожерелье. Украсив им шею, она вызывающе посмотрела на супруга. Амфиарай встал с колен и коснулся рукою грозди крупных зеленоватых камней, переплетенных золотою цепью.

— Так это же ожерелье Гармонии[1]! Откуда оно у тебя?

Губы Эрифилы распустились победной улыбкой.

— Подарок Полиника. Мне передал его Тидей.

— И велел, чтобы ты уговорила меня?

— Да, — жеманясь ответила красавица.

— Тварь! — Коротко размахнувшись, Амфиарай ударил жену. Быть может потому, что она предала его, из корысти обрекая на верную смерть; быть может потому, что, склонясь над ее шеей, он вдруг заметил красные пятна, четко проступавшие на нежной коже. Такие следы остаются после страстных мужских поцелуев.

— Тварь! — еще раз крикнул он, взбираясь на колесницу. Он отправлялся на войну, которая готовила ему погибель. Он отправлялся на войну, которой вовсе не желал.

Этой войны хотел Тидей.

Семьдесят сотен воинов выстроились стройными рядами против семи ворот. Солнце играло на окованных медью щитах, ветер волновал гребни шлемов. К жертвенному костру привели семерых молодых фиванцев, захваченных в быстротечной стычке накануне. Острые мечи вождей взрезали глотки дрожащим пленникам. Хлынула кровь, обильно омочившая алтари Ареса и Таната. Тидей вознес горячую молитву воительнице Афине.

И штурм начался. Запели стрелы, звонко ударили о щиты

пущенные из пращи камни. Неся потери, атакующие достигли стен и приставили к ним лестницы. Оставив при себе лишь мечи, воины начали карабкаться наверх. Фиванцы поражали их из луков, бросали вниз огромные глыбы. Первым пал самый юный из семи — Партенопей. Остроганный камень вбил его в землю.

Но натиск меднолатных рыцарей был страшен и второй из семи — Капаней — взобрался на стену. Телом герой был похож на титана, а в гордости сравнялся с богом. Он поклялся, что даже Зевс не устоит перед его напором. Ни меч, ни копье не могли сразить его. Богатыря поверг вниз перун Громовержца. Так, по крайней мере, утверждали позднее фиванцы.

Потеряв множество воинов, нападавшие откатились от стен и тогда защитники города вышли из ворот, чтобы решить исход битвы в честном бою в поле. Началась жестокая сеча. Боги в тот день заняли сторону фиванцев. Кровожадный Арес повергал наземь одного аргосского витязя за другим. Артемида сразила стрелою отважного Гиппомедонта.

Сошлись в смертельной схватке мятежный Полиник и брат его Этеокл и оба рухнули, пронзив друг друга мечами.

Тидей бился словно лев. Направляемый рукою Паллады, меч сразил множество фиванских витязей. Ярость героя заставляла врагов бежать прочь от этого места, где воинственно развевались три гребня, украшавшие шлем Тидея, и искать себе менее свирепых противников.

И вот он остался один средь поверженных врагов. Вокруг кипела битва, с треском ломались копья, взлетали и опускались мечи, но ни один из фиванцев не решался подступиться к Тидею.

Тогда герой начал издеваться над врагами, величая их трусами. Он трижды выкрикивал свои оскорбления, прежде чем из рядов фиванцев вышел убеленный сединами Меланипп. Был этот витязь на две головы выше Тидея и держал в могучей руке копье, вырезанное из ствола гигантского ясеня. Не в силах снести обиды Меланипп размахнулся и метнул остроконечное оружие в дерзкого этолийца. Герой прервал его смертоносный полет щитом. Но сила удара была столь велика, что копье пробило насквозь бронзовое навершие щита и три слоя буйволиной кожи и вонзилось в бедро Тидея. Вскрикнув, герой упал на колено. В тот же миг Меланипп атаковал его с мечом в руке. Он спешил добить раненого врага, совершенно забыв о том, что Тидей еще не повержен. Вырвав из раны копье, герой изо всех сил бросил его в фиванца. Бронзовоострый наконечник пронзил Меланиппа насквозь. Великан рухнул на землю и мгновенно умер.

Опершись на щит, Тидей ждал новой атаки, но враги, устрашенные его непобедимостью, повернули вспять. Тогда Тидей ослаб и лег на землю. Кровь обильно текла из глубокой раны. Вместе с кровью уходила жизнь. Но Тидей был счастлив, ибо умирал под звон мечей и хриплые стоны поверженных врагов.

В этот миг пред ним явилась Паллада. Она мельком взглянула

на своего любимца и тут же поспешила на Олимп, чтобы припасть к коленям Зевса и умолять его даровать герою бессмертие.

Тидей лежал, переживая множество неведомых прежде чувств. Он ощущал как могильный холод проникает в его немеющие ноги и ползет медленной волной от стоп к сжимающемуся спазмами животу. И вместе с тем в душе его рождалась несказанная легкость. Ему казалось, что он медленно воспаряет над полем битвы. Все выше и выше и вот уже под ним колышутся волны гребнястых шлемов фиванцев. Враги задирают головы вверх и выражение ужаса появляется на их лицах. В сотнях распухших зрачков отражается непобедимый Тидей, коршуном бросающийся вниз с окровавленным мечом в руке.

И в тот же миг врывается топот сотен бегущих ног. Это Амфиарай собрал последних воинов и атакует дрогнувших фиванцев. Вот аргосская дружина врезается в нестройные ряды противника, повергая его в смятение. Победа...

Чья-то рука коснулась плеча Тидея. Он открыл глаза и увидел, что над ним склонился Амфиарай. Его дружина и впрямь атаковала вражью фалангу, а сам прорицатель задержался у тела умирающего героя. Копье нервно подрагивало в могучей руке Амфиарая, словно желая пронзить грудь Тидея.

Кривя рот нехорошей улыбкой, прорицатель спросил:

— Как же тебе удалось ее уговорить?

— Я отдал ей... — слова давались холодеющим губам с трудом... — ожерелье, полученное от...

— И все?

Пытаясь улыбнуться Тидей прошептал:

— А что, этого мало?

Амфиарай не ответил. Тидей прекрасно понимал о чем прорицатель в это мгновение думает.

«Сказать ему правду? — мелькнуло в голове у героя. — Но он ведь и так знает ее. Как и то, что через мгновение нам обоим предстоит умереть. Стоит ли омрачать жестокими признаниями последние мгновения? Нужно ли, умирая, исторгать отравленные стрелы? Жить надо красиво, а умереть по возможности достойно».

Сухой спазм, поднявшийся из глубин тела, схватил обручем горло Тидея.

— Воды! — хрипло попросил он.

— Воды? — Амфиарай жестоко усмехнулся. — А не желаешь ли крови?

От этих слов красная пелена ярости поглотила мозг Тидея.

— Желаю! — крикнул он, привставая на локте. — Дай мне ее! Дай! Так что же ты стоишь?!

Амфиарай одним ударом отсек голову сраженного Меланиппа и бросил ее Тидею. Разбив череп о острую грань меча, герой впился зубами в мозг.

— Ты погубил себя, Тидей, — удовлетворенно заметил прорицатель. — Теперь ты умрешь.

— Я и так мертв! — закричал Тидей, но Амфиарай уже не слушал его. Он бежал прочь с поля битвы к ожидающей в лощине колеснице. Он вспрыгнет в нее, но не успеет проскакать и сотни шагов как разверзшаяся по воле Зевса земля поглотит аргосского героя.

Тидею было не суждено увидеть этого. Как раз в тот миг, когда Амфиарай с криком падал в бездонную пропасть Тартара, пред героем предстала Афина. Увидев, как ее любимец жадно насыщает себя человеческим мозгом, божественная дева ужаснулась.

— Ты чудовище! — вскричала она.

Тидей нехотя оторвался от ужасной трапезы. Мозг человека был жирен и имел сладкий привкус крови.

— Не более, чем другие.

— Так знай, я ненавижу тебя! Такому как ты нельзя даровать бессмертие!

— А я и не прошу о нем! — дерзко усмехнулся кровавыми губами Тидей. — Я человек и не хочу стать богом. Ведь боги вечны, а сердце не может быть вечно яростным. Оно рано или поздно устанет и ярость его погаснет. А я люблю лишь яростное сердце и потому я хочу остаться человеком. Пусть даже меня осталось всего на несколько мгновений. Уйди и не мешай мне насладиться прощальной тризной.

Скрывая тайное отвращение, Тидей вновь впился в сочащийся жирными каплями мозг, а сердце его билось все медленнее и медленнее...

Ярость!

Это чувство знакомо дикому зверю. Но оно посещает его лишь в мгновенья отчаянья.

Ярость!

Это чувство знакомо и человеку, ибо сердцем он более дик, чем самый злобный тигр. Ярость человека ужасней, ведь она порождается слиянием отчаянного мужества и рвущегося из тайных глубин сознания чувства вседозволенности. И страха.

Ярость — ты ужасна, но лучше, когда сердце наполнено тобою, нежели страхом.

Ярость — порою ты заменяешь мужество и это прекрасно. Ведь мужества иногда не хватает. И я молю судьбу, чтобы в этот миг рядом оказалась ярость.

Ярость!

Сердце остановилось...

Мерцали звезды. Мерно плескали волны. На палубе крепкодонной ладьи сидел Диомед, неистовый сын Тидея. Он услаждал свой слух пением моря. Незримая под покровом волшебного шлема, Афина опустилась на мачту и задумчиво смотрела на Диомеда. Он не был похож на отца, этот герой не начавшейся еще вой-

ны. Он был огромен и могуч, а голову его венчала шапка светлых волос.

Тем временем ветер крепчал. Ныряя в морскую бездну, он порождал огромные волны и вскоре разразилась страшная буря. Тогда могучий Тидид вскочил на ноги и громко закричал, силой голоса заглушая грохот волн. И ярость, губительное пламя ярости вспыхнуло в его светлых глазах.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Фивы. Беотия

Беотия сильна знатью.

Не рядящимися в белые хитоны нуворишами, богатства которых нажиты торговлей и морскими грабежами, а знатью родовитой, крепкой, выросшей на земле.

Беотийцы мало торговали и почти не занимались ремеслом. Хлеб насущный им давала земля, давала столь обильно, что они даже делились им с соседями, не без выгоды, естественно, для себя. Афины и Фокея кормились мором, Фивы кормились землею. Земля же принадлежала потомкам тех вождей, что полили ее своей кровью, отстаивая от многочисленных врагов, что полили ее потом, бросая семена в первую борозду. Земля принадлежала лучшим или, как их именовали в Элладе, аристократам.

Здесь не пользовались почетом купец или ремесленник, ведь не они создавали славу и богатство семивратных Фив. И потому были слабы притязания черни, оттеснившей от власти достойных в других городах и установившей порядок, именуемый властью народа и представлявший на деле власть крикливой толпы. Охлос! Беотийские аристократы ненавидели само это слово. Величие Фив — в древних родах, уходящих корнями во времена Кадма, а сила — в земле, плодотворящей и неистощимой, черной, словно мокрая сажа.

На улицах Фив был в почете белый цвет[1]. Горожане поспешно уступали дорогу всаднику, облаченному в белый хитон, поверх которого был накинут белый же, с золотой каймой по подолу, фарос. Конь под всадником был также белый. Не пепельный в яблоках, что изредка попадают в Элладу с Востока, а снежно-белый с бешеными кровавыми глазами. Должно быть, его дальним предком был один из жеребцов, погубивших Фаэтона[2]. Подобная цветовая изысканность привлекала к себе всеобщее внимание, но всадник похоже привык к любопытству окружающих. Его гордое лицо, украшенное небольшой аккуратной бородкой, оставалось бесстрастным. Слегка подстегивая плетью норовистого жеребца, он подъехал к высокой ограде, скрывавшей от посторонних глаз богатый дом. Всадник стукнул плетью в выкрашенные синей краской ворота, они немедленно отворились, впуская его внутрь.

Раб-охранник отвесил низкий поклон.

— Гости уже приехали?

— Да, господин.

Всадник ловко спрыгнул на землю и бросил поводья подбежавшему конюшему.

— Дай остыть и хорошенько протри.

— Слушаюсь, господин.

Господин... В этом доме сто сорок два человека величали его господином. То были рабы, прислуживавшие ему лично и следящие за его хозяйством. Еще полторы тысячи рабов трудились на полях и в мастерских. Недаром он считался первым богачом Беотии и одним из самых богатейших людей Эллады. Шестая часть беотийских полей и пастбищ принадлежала ему, спарту Леонтиаду, отпрыску одного из пяти знатнейших родов, что произошли от кадмовых спартов[1]. Его предки копили богатства из поколения в поколение, приобретая вместе с тем и власть. Считаясь самым богатым человеком в Фивах, Леонтиад был и самым влиятельным. Именно ему прочие спарты доверили должность беотарха[2], именно в его доме останавливались иноземные послы и именитые гости.

Вот и сегодня у него были послы, но послы тайные, прибывшие под видом купцов. Он был заранее извещен о их предстоящем приезде и дабы не возбуждать подозрений — когда это было видано, чтобы спарт Леонтиад принимал у себя в доме безродных торгашей! — отправился объезжать свои пастбища. Теперь, если тайна вдруг раскроется, он сможет представить дело так, будто бы гостям предоставили кров без его ведома. Так поступил бы любой Леонтиад, их род славился своей хитростью и предусмотрительностью.

Сшибая плетью пышные бутоны роз, которыми была обсажена дорожка, он неторопливо двинулся к дому, по размерам своим и роскошной отделке не уступавшему царскому дворцу. Этот дом был построен еще прапрадедом беотарха Леонтиада, тоже беотархом и тоже Леонтиадом. Три с половиной этажа из гранита и крепчайшего известняка, покрытые розовой черепицей, с фасадом из мраморных колонн. У входа сидел каменный сфинкс, поверженный некогда мудрым Эдипом. Вокруг дворца располагались многочисленные хозяйственные постройки, дома рабов, а также сотни плодовых деревьев, дающих лучшие во всей Элладе яблоки и груши.

Леонтиад прежде принял ванну, а уж затем приказал накрывать в мегароне[3] стол для пира. Трапезничали в этот раз лишь вчетвером: Леонтиад, его доверенный помощник Трибил и два гостя — Елмен и Кадустат. Первый назвался ионийцем из Галикарнасса, а второй был мидянином из Суз. Они именовали себя купцами, но на деле были посланцами повелителя мидийской державы Ксеркса.

Трапеза проходила при свете тридцати дюжин свечей, вставленных в разлапистые серебряные шандалы. Пирующие отдавали должное множественным блюдам из мяса и рыбы, фруктам и сладостям, пили великолепное хиосское вино. Особый восторг вызвала целиком зажаренная на вертеле лань — это животное нечасто встречалось в Беотии. Дождавшись, когда гости утолят голод, Леонтиад отослал слуг прочь и перешел к делу.

— Я готов выслушать вас, достопочтимые господа.

Говорил Елмен, так как его товарищ плохо знал язык эллинов.

— Полагаю, нам не стоит представляться и почтенный хозяин понимает от чьего имени мы говорим.

— Отчего же? — Леонтиад хотел вести игру по всем правилам.

Галикарнасец не стал спорить.

— В таком случае я официально объявляю о том, что мы являемся посланцами великого царя Парсы и всего Востока Ксеркса.

— Чего же хочет от меня великий царь? — спросил Леонтиад.

— Великий царь, которому известны мудрость беотарха Леонтиада и та благожелательность, с какой он относится к Парсийской державе и лично великому царю, прислал нас со следующим предложением. Владыка Беотии Леонтиад делает так, чтобы беотийские полисы признали власть великого царя, а за эту услугу царь назначает Леонтиада своим эвергетом и сатрапом.

«Заманчивое предложение», — подумал фиванец, следя за тем, чтобы его лицо оставалось бесстрастным. Выждав несколько мгновений, будто размышляя, он покачал головой.

— Очень сожалею, но вы ошиблись. Я не владею Беотией.

— Но мы знаем, что беотарх пользуется значительным влиянием в Фивах.

— Фивы далеко не вся Беотия. Кроме них есть еще Орхомен, Феспии, Коронея, Танагра, Херонея, Копы. Вы правы, я пользуюсь определенным влиянием в этом городе, но это не означает, что фиванцы, а тем более беотийцы единодушно поддержат меня. Аристократы не желают воевать с Пареей, так как эта война не принесет им ничего кроме убытков. Аристократы не прочь признать власть умного и сильного правителя, который обеспечит спокойствие и сбыт беотийского ячменя и мяса. Но охлос, одурманенный патриотическими поветриями, долетающими с Аттики, настроен весьма воинственно. Чернь кричит о свободе, гражданском равенстве, о сопротивлении иноземным поработителям.

Елмен удивленно приподнял брови.

— О каких поработителях идет речь? Неужели кто-то думает, что мы, ионяне, чувствуем себя рабами? Напротив, с тех пор как наша земля находится под властью парсийских владык, мы зажили спокойной жизнью. Мидийская мощь отпугивает от наших городов как морских разбойников, так и грабителей, увенчанных коронами. Царские налоги необременительны, а взамен мы получили великолепные дороги, полновесную монету, охрану для наших торговых караванов.

— Не надо расточать передо мной свое красноречие. Лично я и мои друзья заинтересованы в том, чтобы Эллада попала под власть великого царя. Но еще раз повторюсь: у нас много против-

ников. Наибольшее противодействие нам оказывает так называемая партия гоплитов, костяк которой составляют зажиточные крестьяне. Гоплиты занимают проафинскую позицию и пользуются влиянием в городе. Если мы поддержим мидийского царя, то гоплиты выступят против нас. Кроме того, в этом случае мы подвергнемся нападению Спарты, отразить которое Фивы не в состоянии.

Ониец терпеливо выслушал беотарха и продолжал гнуть свою линию.

— Царь и не рассчитывает на то, что вы немедленно объявите о признании его власти. Вполне достаточно вашего обещания, что фиванских воинов не будет в рядах эллинского войска, которое вполне возможно попытается занять горные проходы.

— Ну, об этом я могу позаботиться, — протянул Леонтиад. — Беотийское всадничество пойдет за мной, а это помимо всего прочего означает, что если царю покорятся и фессалийцы, то антимидийская коалиция останется вообще без конницы.

— Фессалийцы покорятся. Их вожди уже тайно принесли присягу на верность великому царю. Нас более всего интересует позиция беотян. Если покорится Беотия, то начнут колебаться аркадцы и ахайцы. В конце концов высокомерные Афины и гордая Спарта окажутся в одиночестве перед неисчислимым войском царя.

— Я слышал оно уже подходит к Геллеспонту? — поинтересовался Леонтиад.

— Оно уже переправляется через пролив. Это займет не один день. Не так-то легко собрать, а еще труднее привести на место такую огромную армию. Еще ни разу в истории человечества ни один государь не имел подобной силы. Одних мидян и парсов насчитывается более двухсот полков. А кроме них идут еще сорок народов!

Ониец торжествующе посмотрел на Леонтиада. Тот промолчал, а про себя подумал, что если Ксерксу удалось собрать хотя бы десятую часть сил, о которых столь восторженно говорит посланник, то Эллада обречена независимо от того на чьей стороне выступят беотяне. Но даже и в этих условиях Леонтиад не хотел брать груз ответственности за принятое решение лишь на себя.

— Мне надо посоветоваться с другими спартами.

— Сколько времени это займет?

— Несколько дней.

— Это слишком долго. Царь рассчитывает получить твой ответ через пять дней.

— Тебе хватит пяти дней, чтобы добраться до Суз?

Елнем усмехнулся.

— Ты верно забыл, что царь находится у Геллеспонта.

— Ах да, верно. — Леонтиад вернул ионийцу улыбку и взглянул на своего помощника. — А что думаешь об этом ты?

Трибил был тоже себе на уме, недаром он жил в этом доме уже девятый год, неизменно пребывая в милости. Он начал уклончиво.

— Конечно поддержать планы великого царя нам выгодно, но как отреагирует на это чернь?

— Ясное дело как! — Леонтиад взялся за края перепелиной косточки и переломил ее пополам. — Вот что с нами будет!

И в этот миг в разговор вмешался второй гость. Выяснилось, что он не так уж плохо говорит по-эллински.

— Мне странно слышать подобные речи. Ты царь или не царь в своем городе?

— Понимаешь... — пустился было в объяснения Леонтиад, но мидянин не слушал его.

— Если ты царь, то должен заставить своих слуг повиноваться, если нет, то зачем мы вообще ведем этот разговор?!

— Не горячись, Кадустат! — ониец пытался урезонить разошедшегося товарища, но тот не умолкал.

— Я считаю, что Елмен делает большую глупость, обещая тебе власть над Беотией, в то время как ты не в состоянии привести в покорность один город. Я так и скажу царю, что по моему мнению ты не сможешь оправдать возлагаемых на тебя надежд.

Елмен схватился за голову, услышав подобную бестактность.

— Замолчи! — Он начал быстро лопотать по-парсийски, объясняя, видимо, своему напарнику к каким последствиям может привести это оскорбительное для беотарха заявление. Мидянин постепенно успокоился и кивнул головой. Елмен повернулся к Леонтиаду.

— Высокородный беотарх, мой товарищ просит у тебя извинения за произнесенные им слова. Он плохо знаком с вашими обычаями и полагал, что твоя власть... — Ониец запутался и поспешил завершить речь. — В общем, он погорячился.

Леонтиаду было наплевать на то, что наговорил ему высокомерный мидянин. Ему случалось выслушивать куда более неприятные вещи. И при этом с лица его не сходила улыбка. Принимая решение, он слушался не эмоций, а холодного расчетливого ума. Конечно же слова мидянина задели его, однако он бы не придал им никакого значения, если бы не одно но. Вернувшись к себе, мидянин повторит эти слова царю и тогда Леонтиаду не придется рассчитывать на милость Ксеркса после покорения им Эллады. Кроме того, мидяне невольно скомпрометировали его своим приездом. Кто может поручиться, что проафински настроенные гоплиты не пронюхали о приезде странных купцов и не попытаются схватить послов на выезде из города. Лично Леонтиад не был уверен, что этого не случится. А если вдруг это произойдет, то он обречен. Фиванцы не простят своему беотарху закулисных переговоров с посланниками Ксеркса. Быть может ему и удастся бежать из города, но его имущество подвергнется разорению, а сам он станет безродным изгнанником, подобно афинскому

тирану Гиппию и многим другим, осмелившимся противопоставить себя воле граждан. Быстро прикинув все за и против, Леонтиад решил не принимать извинений. Он сделал оскорбленное лицо и процедил:

— Как вы понимаете, господа, после подобного оскорбления, нанесенного мне, я не могу больше вести с вами переговоры. Более того, я не желаю, чтобы вы оставались в моем доме. Вы должны немедленно покинуть его. Мой помощник проводит вас до Аулиды.

— Но послушайте, — начал Елмен.

— Нет! — отрезал Леонтиад. — Я не желаю вас более слушать и не хочу иметь никаких дел с мидийским царем и его слугами. Фивы выступят на стороне эллинского союза. Я больше не задерживаю вас, господа. Желательно, чтобы вы покинули город еще затемно, иначе мне придется сообщить о вашем визите городскому совету, а мне не хотелось бы выдавать тех, кто мне доверился.

Огорошенные столь внезапным поворотом событий, послы более не пытались возражать. Лишь Кадустат злобно процедил:

— Это тебе еще припомнится!

Быстро собравшись, мидяне покинули Фивы. Трибил сопровождал их.

Путь от Фив до порта Аулиды равен ста пятидесяти стадиям. И была глубокая ночь.

Трибил вернулся на рассвете.

* * *

Аристократ должен заботиться о продолжении рода. Поэтому вполне естественно, что Леонтиад был женат. Тебесилла стала его супругой, когда ей было всего четырнадцать. Молодость обычно привлекает хотя бы уже тем, что невинна. Но это очарование проходит в считанные дни, как только женщина теряет непосредственность и стыдливость, столь красившие ее прежде. А тем более, когда она рожает ребенка и начинает посматривать на мужа взглядом извозчика на раз и навсегда приобретенную лошадь. Взгляд этот бывает у каждой жены; на первых порах это приятно, но затем начинает раздражать. И тогда мужчине хочется убежать из дома и упасть в объятия женщины, которая может быть и робкой, и пылкой, и нежной, и грубой, но естественной, а главное — не смеет предъявлять на него никаких прав.

Леонтиад начал регулярно покидать супружеское ложе через три месяца после рождения сына. Влиятельному и богатому беотарху было нетрудно найти женщину. Конечно, фиванские гетеры не шли ни в какое сравнение с афинянками или эвбиянками, но их общество было куда приятнее, чем ночь, проведенная с Тебесиллой. А кроме того в его распоряжении были не менее сотни молодых рабынь, любую из которых он мог сделать своей наложницей.

А затем он нашел ту, которая заменила ему и жену, и наложниц, и гетер. Она досталась беотарху совершенно случайно. Как и подобает истинному аристократу Леонтиад не покупал рабов на рынке. Предпочтительнее иметь дело с рабами, рожденными в твоем доме, рабами в четвертом поколении, которые не помышляют ни о сопротивлении, ни о бегстве, и счастливы, когда хозяин удостоит их благосклонного взгляда. Эти рабы никогда не знали свободы, а значит не тоскуют по ней. Поэтому у Леонтиада работали лишь потомки тех, кто были рабами еще у прадеда беотарха.

Он попал на аукцион рабов из-за оплошности Трибила. Купленный им хозяину хитон оказался сшит из недостаточно тонкой ткани. Изругав помощника, Леонтиад лично отправился на рынок, решив заодно посмотреть оружие и благовония. Он уже купил все что хотел и собирался возвращаться, как вдруг его внимание привлек визгливый голос аукциониста, выкрикивавшего необычно высокие цены.

— Четыреста драхм[1]! Четыреста двадцать! Четыреста пятьдесят!

Четыреста пятьдесят драхм? Столько мог стоить только очень хороший работник. Леонтиад решил, что следует взглянуть на раба, за которого предлагают такую цену. Уж не сам ли Эзоп вернулся из Тартара, чтоб быть проданным на невольничьем рынке в Фивах?

Любопытствуя, Леонтиад подошел к помосту, на котором выставлялись рабы. Продавалась женщина. Аристократ поморщился и хотел было уйти, но в этот момент цена подскочила до восьмисот драхм. Беотарх заинтересовался всерьез. Он протолкался поближе и принялся рассматривать рабыню.

Она не была похожа ни на одну женщину, когда-либо виденную Леонтиадом. Иноземка родом, она привлекала своеобразной диковатой красотой. Чуть широкие скулы, зеленоватые глаза, мягко очерченный рот. Идеальные пропорции фигуры были столь очевидны, что аукционист даже не стал срывать с нее ветхую, порванную во многих местах тунику.

Видно Леонтиад слишком пристально рассматривал девушку, потому что она вдруг остановила свой взгляд на нем. В ее глазах были страх и беззащитность и еще столь редкая у женщин гордость. Леонтиад понял, что она легко покраснеет от нескромного взгляда, но найдет в себе силы умереть, если назначенная судьба покажется ей ненавистной. Это было восхитительно!

— Тысяча драхм! — заорал у него над ухом смазливый жирный малый из рода Архиев, про которого беотарх точно знал, что он увлекался мальчиками.

— Тысяча сто!

— Тысяча двести! — вновь заорал Архий. Он явно не собирался сдаваться.

Цена была слишком высокой. За такие деньги можно было

купить пять или шесть великолепных, обученных ремеслу рабов. Любители женских прелестей, заворчав, сдались.

— Кто даст больше? — выкрикнул аукционист, обводя глазами притихшую толпу. — Желающих нет? Тогда...

— Талант![1] — не громко сказал Леонтиад.

Покупатели ахнули. Подобная цена была немыслимой даже для самых состоятельных купцов. Но даже и рискни они перебить ее, им все равно было не под силу тягаться с первым богачом Беотии, который ради удовлетворения своей прихоти мог назвать и вдесятеро большую цифру. Толстяк Архий отступился, как и прочие.

Один из слуг беотарха немедленно побежал к казначею за деньгами, а Леонтиад тем временем рассматривал свою покупку. Вблизи девушка казалась еще более привлекательной и беотарх подумал, что она не наскучит ему по крайней мере месяц. Он ошибся. Он не мог насытиться ею уже третий год.

Елена — так ее звали — была поначалу столь пуглива, что в первую ночь он даже не решился взять ее. Девушка дрожала всем телом и Леонтиад вдруг пожалел ее и сам себе удивляясь ушел из опочивальни. Наутро он приказал Елене собираться. Они поехали в горы и остановились в домике, где жили рабы, пасшие овец. Очутившись на приволье, Елена осмелела, а ее красота расцвела еще пуще.

Она едва понимала язык эллинов и Леонтиад с большим трудом выяснил, что ее дом прежде был на севере — там, где начинаются земли гипербореев.

— Надо же! — засмеялся фиванец. — Нашел себе дикарку!

В ту ночь она впервые пришла в его объятия. Хотя позднее подобные ночи повторялись многократно и приносили не меньше наслажденья, но первую он помнил всегда. Это было какое-то любовное безумство, наполненное нежностью и страстью. Такого, верно, не испытывали и боги.

С тех пор Елена жила в его доме и он постоянно ловил себя на мысли, что случись ему вновь совершать подобную покупку, он не задумываясь отдал бы за нее половину своего состояния.

Эту ночь он не собирался проводить в ее объятиях, полагая, что будет занят переговорами с царскими посланниками. Но теперь, когда мидяне уже скакали к своему кораблю, он решил отправиться в покои возлюбленной. Ссора с гостями завела его, а выпитое вино ударило в голову и беотарх с холодным любопытством прислушивался как в нем вскипает поднимающаяся из глубин души злоба.

Дверь в опочивальню он открыл ударом ноги. Елена, услышав стук, проснулась. Чуть припухлое от сна лицо поднялось над подушкой. Тусклый свет одиноко стоявшей у изголовья свечи положил крохотные шрамы теней под скулы.

— Что с тобой, милый?

Не говоря ни слова, Леонтиад сорвал с нее легкое покрывало

и навалился сверху. Сегодня он не был склонен предаваться нежностям. Ему хотелось убивать и насиловать. И он убивал и насиловал. Должно быть она почувствовала его настроение и не сопротивлялась, но когда он оставил ее, в уголках зеленых глаз застыли слезы. Увидев их, Леонтиад мгновенно пожалел о том, что сделал. Но какая-то часть его кричала: мужчине нужно насилие, он время от времени должен ощущать как трепещет жертва.

Должен!

— Не забывай, что ты моя рабыня! — грубо напомнил беотарх.

Он заснул, а Елена до утра не сомкнула глаз, размышляя над тем как отомстить похрапывающему рядом мужчине. Ведь она была родом из племени кельтов, а кельты не прощают обид.

Бойтесь мести оскорбленной женщины!

* * *

Соловей устал петь лишь под утро. И лишь под утро устали любить они. Его звали Артодем и он был сын гоплита Гохема. Кэтоника была единственной дочерью соседа, так же гоплита Асанта. Ему — девятнадцать, она — годом моложе. Оба прямоносы, кучерявы, стройны и по-юношески влюбчивы.

Они нашли приют в рощице, где по слухам резвились наяды[1]. Нимфы в эту ночь не появлялись, но зато не переставая пел соловей.

К утру ласки истощились, а плащ Артодема уже не спасал от утренней свежести.

— Я люблю тебя, малышка, — шепнул юноша.

Кэтоника поцеловала возлюбленного.

— И я тоже люблю тебя.

Налетевший ветерок остудил их было вновь вспыхнувшую страсть.

— Свежает, — заметил Артодем.

— Пора идти?

— Да.

Зябко поеживаясь, они облачились в хитоны. Артодем не удержался и в сотый раз впился поцелуем в мягкие губы девушки.

— Отстань, — ласково велела она, освобождаясь из его объятий. — Ты же сам сказал, что время возвращаться.

Чтобы попасть в город им нужно было пересечь покрытый росой луг, затем пройти через небольшую рощицу и спуститься в овраг. Сразу за оврагом начиналась дорога, связывавшая Фивы с восточным побережьем.

На трупы они наткнулись в овраге. Кэтоника, обходя росший на их пути куст, едва не наступила на один из них. Она завизжала и Артодем тут же поспешил на помощь.

Человек лежал лицом вниз. То, что он мертв, было ясно с самого начала — под его головой расплылась большая лужа крови. Артодем сразу подумал, что убийца перерезал своей жертве

горло. Перевернув тело на спину, он смог убедиться в правильности своего предположения — от уха до уха тянулась огромная рана, обнажавшая внутренние ткани шеи. Судя по одежде, убитый был человеком богатым. Это подтверждали и следы от колец, оставшиеся на его пальцах. Сами кольца исчезли.

Неподалеку от первого убитого они сделали еще одну страшную находку. То был труп высокого полного человека с небольшой рыжеватой бородкой. Голова мертвеца была рассечена ударом меча. Вторая жертва, так же как и первая была ограблена. Убийцы забрали все, что представляло какую-либо ценность, однако чуть выше по склону Артодем подобрал глиняную табличку, испещренную строчками слов. Юноша был немного знаком с буквами. Аккуратно складывая слога, он прочитал вслух:

— Гохем-фивянин приветствует мидийского царя Ксеркса...

Гохем-фивянин? Но ведь именно так зовут его отца!

Артодем боялся читать дальше. Ужасные сомнения посетили его душу. Неужели отец, честный и никогда не боявшийся сказать правду в глаза, подло за спиной сограждан ведет переговоры с врагом Эллады мидянином Ксерксом? Это было чудовищно!

Кэтоника понимала, какие чувства испытывает юноша. Положив руку на его плечо, она сказала:

— Чепуха какая-то. Забрось ее подальше или разбей.

Артодем покачал головой.

— Нет, не могу.

— Что же нам тогда с ней делать?

— Мы должны отнести это письмо беотарху.

Девушка фыркнула.

— Да ты понимаешь о чем говоришь?! Ведь он главный враг твоего отца!

— Знаю, но сограждане доверили ему возглавить Городской совет, а я давал присягу на верность отечеству.

— Вот что, давай покажем это письмо твоему отцу.

— А если он и вправду писал его?

— Но ведь он не умеет писать!

Артодем на мгновение задумался, его отец действительно не был обучен грамоте, но затем упрямо покачал головой.

— Это ничего не значит.

— Но не будет же он лгать своему собственному сыну!

Сын Гохема поднял голову и посмотрел в глаза подруги.

— Но он может понять, что я хочу, чтобы он солгал. И тогда он солжет.

Кэтоника замолчала, обескураженная подобным признанием. Юноша решительно сжал табличку в кулаке.

— Пойдем.

Вскоре письмо было у беотарха. Не стесняясь присутствием Артодема, он прочел:

— Гехем-фивянин приветствует мидийского царя Ксеркса и желает ему долгих лет жизни. Я принимаю предложение вели-

кого царя и обещаю сделать все, чтобы Фивы признали его власть. Поручительством тому служат пять тысяч гоплитов, которые поддерживают меня. В награду за эту услугу я прошу сделать меня тираном города с прилегающими окрестностями и передать мне имущество пяти знатнейших родов. Выказываю величайшее почтение великому царю и моему повелителю. Подпись — Гохем.

Леонтиад поднял глаза на юношу.

— Ты совершил мужественный поступок, не утаив этого письма. Ты честный гражданин города и я сочту своим долгом отметить это перед Городским советом. А теперь скажи мне, где ты его нашел.

Артодем объяснил, рассказав как он попал в овраг и обнаружил там трупы. Он не упомянул лишь имя Кэтоники. Беотарх немедленно разослал рабов за членами Городского совета. Когда те явились в его дом, он заставил Артодема повторить свой рассказ и прочел письмо. Члены Городского совета или, как их не очень уважительно именовали гоплиты, жирные единогласно решили назначить расследование и поручить его Леонтиаду, наделив того неограниченными полномочиями.

События развивались стремительно. Посланные с Артодемом всадники доставили в город трупы. В Аулиду и Платеи отправились гонцы с приказом узнать не появлялись ли в этих городах два иноземца, предположительно купцы с востока. Сам беотарх с шестью всадниками арестовал оружейника Годема, подозреваемого в тайных связях с врагом.

На следующий день стало известно, что убитые прибыли из Аулиды, где их ожидает эфесский корабль. Наварх под угрозой пытки признался, что мнимые купцы на деле не кто иные как посланцы Ксеркса к промидийской партии в Фивах. К кому точно они направлялись капитан корабля не знал. Судно было тут же конфисковано, а его экипаж продан в рабство.

Гохем все отрицал, а его сторонники собрались на рыночной площади, крича, что беотарх и жирные пытаются расправиться с их вождем. Леонтиад попытался уговорить буянов разойтись по хорошему, а когда это не удалось, разогнал толпу с помощью вооруженных всадников.

А спустя еще один день оружейник, к которому были применены особые средства, сознался, что он действительно написал послание мидийскому царю и получил от него деньги на покупку оружия для своих сторонников. В том месте, где он указал, действительно был найден кошель, набитый полновесными дариками.

Неожиданное признание вожака внесло растерянность в ряды гоплитов. Кое-кто кричал, что Гохема заставили оболгать себя, другие примолкли и стали переходить на сторону жирных.

Располагая достаточно весомыми доказательствами, беотарх созвал суд. Судьи заслушали показания обвиняемого, а также

свидетелей, в том числе и сына Гохема. В этом деле было много загадочного. Например, так и не удалось выяснить кто и зачем убил мидийских послов. Все списали на жестокость грабителей, но в Фивах доселе не слыхали про воров, готовых пойти на убийство ради кошеля с монетами. Определенные сомнения вызывали подлинность письма к мидийскому царю, так как обнаружилось, что оружейник может написать лишь свое имя. Однако Леонтиад сумел добиться признания, что письмо писал под диктовку Гохема один из лжекупцов. В защиту обвиняемого выступила его жена, уверявшая, что они провели ночь вдвоем с мужем и ни один человек не посещал их дом. Однако помощник беотарха Трибил поклялся, что видел в сумерках у дома оружейника двух незнакомцев, очень похожих одеждами на убитых мидян.

Приняв во внимание все эти доказательства, суд признал оружейника Гохема виновным в сговоре с мидийским царем и приговорил его к смерти. Приговор был тут же приведен в исполнение.

Тело повешенного еще болталось в петле, когда Леонтиад вызвал на заседание Городского совета оглушенного свалившимся на его голову несчастьем Артодема. Положив руку на плечо юноши, беотарх проникновенным голосом заявил:

— Я счастлив сознавать, что наш город воспитывает подобных граждан. Имея преступного замыслами отца, этот юноша нашел в себе мужество изобличить предателя. За это он достоин великой похвалы и награды. От имени города я вручаю ему триста драхм. Кроме того с этого дня Артодем числится в гвардии беотарха. И знайте, Городской совет и лично я будем строго следить, чтобы никто не смел подвергать оскорблениям этого достойного юношу и его семью. **Сын за отца не отвечает!**

Минуют века и эти слова фиванского беотарха Леонтиада громогласным эхом разнесутся по земле, но скажет их другой, еще более жестокий и коварный, и тут же опровергнет сказанное страшными деяниями. Но это будет спустя неисчислимое множество лет...

ЭПИТОМА ПЯТАЯ

Месть Аполлона

К а с с а н д р а
Свобода близится.
А г а м е м н о н
Живи без страха.
К а с с а н д р а
От него избавит смерть.
А г а м е м н о н
Тебе опасность не грозит.
К а с с а н д р а
Тебе грозит!
А г а м е м н о н
Что победителю опасно?
К а с с а н д р а
То, чего
Не опасаешься ты.
А г а м е м н о н
Слуги верные,
Держите деву, чтобы одержимая
Не натворила бед.

ЛУЦИЙ АННЕЙ СЕНЕКА, «Агамемнон», 817—823

Трещал и прогибался настил из кедровых бревен, жалобно скрипели канаты... И ликовали троянцы, что вдев плечи в кожаные постромки влекли священный дар в пределы несокрушимого града.

Огромный конь! Деревянный идол, сбитый из пахучих кедровых досок и покрытый разведенным в уксусе золотом, с трепещущей гривой и лазуритовыми очами. Созданный руками ахейца Эпея известен он будет как конь троянский.

— Раз-два! Раз-два! — Натягивались струны сплетенных из бычьих жил канатов и конь нехотя делал еще один шаг вперед. Раз-два — и преодолены еще несколько локтей пути к крепостной стене, которую сокрушали воины под командой Приамида Полита. Укрепления были более не нужны Илиону, ведь чудесный конь дарует городу мощь, которой не могут дать и три десятисаженные стены. Раз-два!

Улыбались обойденные смертью герои, облегченно вздыхали матери и девы, галдели и мешались под ногами сорванцы-мальчишки. Настал день всеобщего ликования.

Рыдала лишь одна она, грубо влачимая под руки двумя бородатыми мужами.

— Остановитесь, сограждане! Неужели боги затмили вам разум! Неужели вы поверили дару коварных данайцев! Неужто вы не слышите звон мечей, раздающийся в чреве деревянного чудовища!

Люди с недоуменной улыбкой смотрели на нее, пожимали плечами и говорили:

— Она безумна. Что еще можно ожидать от сумасшедшей, возомнившей себя пророчицей!

Через пролом в стене коня торжественно ввезли в город и установили на площади. Пролилась кровь тельцов и баранов. Острые мечи иссекли туши, сильные руки нанизывали сочное мясо на вертела. Слуги Приама катили огромные бочки с вином. Победа! Илионцы ждали ее целых десять лет. И вот она пришла.

День уступал свои права ночи. На площадях вспыхнули костры. Воины пили сладкое вино, поглощали мясо и фрукты. Воздух наполнился ароматами пищи и смехом, дымом костров и песнями.

Веселись, славный люд Илиона! Празднуй свою победу!

И лишь одна она ходила по шумной площади, скорбно опустив голову. Герои оборачивались и кричали ей вслед:

— Безумная Кассандра, не омрачай слезами светлый праздник! Безумная...

А она не была безумной. А если и была, то не более, чем все остальные.

— Не надо плакать. Пойдем. Пойдем в дом.

Прекрасная Елена, виновница бед и несчастий, а теперь и ликования Трои, взяла ее за плечи, желая увлечь за собой в беломраморные покои Приама. Кассандра с криком вырвалась из ее рук.

— Нет! — Ее взгляд задержался на лице красивейшей дочери Эллады. В огромных черных глазах пророчицы бушевал неистовый огонь, поражавший своей силой и страстью. Такие глаза бывают у пророков. Такие глаза бывают у фанатиков. Такие глаза бывают у сумасшедших. Бойтесь людей с такими глазами. Они не видят разноцветной красоты мира. Черное и белое — лишь эти цвета доступны их восприятию по воле рока. И красный — цвет крови, поглощающий бело-черную арлекиниаду. Такие глаза незримо налиты кровью.

Не в силах вынести пристального взгляда пророчицы Елена отвернулась. Тогда Кассандра схватила ее за руку и горячо зашептала:

— В чреве данайского коня сокрыты вои. Я слышу звон их оружия. Минует треть ночи и стража уснет. Тогда подлый Синон выпустит их на свободу.

— Да? — Елена недоверчиво взглянула на одержимую. — Тебе рассказали об этом боги?

— Ты мне не веришь, — шепнула Кассандра и горечь была слышна в ее голосе.

— Почему же. Верю. Верю! — заторопилась Елена. Она погладила пророчицу по голове. Так успокаивают капризных детей. Так успокаивают безумных.

Хватаясь за это сочувствие словно за соломинку Кассандра горячо заговорила, постепенно впадая в транс.

— Их тридцать мужей, сидящих в древесном там чреве.
Мужей, нравом злобных и сердцем отважных.
Феб златокудрый поведал мне их имена.
Здесь Диомед, буйному зверю подобный,
Антиклес и Фессандр, Махаон-врачеватель.
Здесь же могучий Пелид, сын сраженного звонкой стрелой Ахиллеса
С ним зодчий Эпей и супруг Менелай благородный.
А возглавляет тех воев злоумный Улисс-итакиец.
Он и замыслил хитрую эту засаду.
Эос еще не взойдет из-за горных вершин, освещая поля Илиона,
Щелкнет тайный запор и свирепые выйдут данайцы,
Грозно вращая медножальными мечми своими.
Кровь залью те не ведающие пощады мечи
Площади, стоном наполнят дворцы
И град славный Приамов падет.

Кассандра замолчала. Огонь в ее глазах померк.

— Ты уверена, что все именно так? — спросила Елена. Голос ее был серьезен, в нем не было и тени былой снисходительности.

— Этой ночью стены, пробитые хитрым оружием данайцев, падут. Завтрашний день не суждено лицезреть Илиону.

Елена задумалась, а затем решила.

— Хорошо, я поговорю с мужем. Обожди меня здесь.

Легкая, словно горная лань, красавица убежала во дворец, где пировали Приам, его сыновья и свита. Отсутствовала она совсем недолго, а когда вернулась, на нежной щеке алел отпечаток ладони. Стыдливо прикрывая это место рукой, Елена сообщила:

— Они все перепились как свиньи. — В задумчивости царевна прикусила нижнюю губу. — А знаешь что, пойдем посмотрим сами на этого коня.

Кассандра молча кивнула головой. Женщины двинулись по площади, переступая через брошенное небрежно оружие и храпящих воинов. Некоторые из побежденных Дионисом находили в себе силы приподняться и протянуть руку к соблазнительно волнующему покрову женской хламиды. Елена награждала хмельных безумцев ударами крепкой ножки.

Конь был столь огромен, что возвышался даже над крепостной стеной. Судя по всему данайцы делали статую в спешке, хотя и постарались придать ей мишурное великолепие. Но внимательно присмотревшись, можно было заметить, что доски, составлявшие тулово коня, не отшлифованы и из многих мест торчат небрежно вбитые гвозди. Елена обошла вокруг статуи, а затем обратилась к Кассандре:

— Ну и где же они, по-твоему, прячутся?

— Там, внутри. — Прорицательница указала рукой на чрево коня. — Слышишь, как звенит их оружие.

Царевна покачала головой.

— Я слышу лишь пьяные крики троянцев да треск догорающих костров. — Она прижалась ухом к животу коня и затаила дыхание. — Нет, ни единого звука. Но мы сейчас проверим.

Лукаво улыбнувшись, Елена позвала:

— Менелай, муж мой!

Ответом было молчание.

— Диомед, мой любимый, отзовись! — вновь позвала царевна, подражая голосу черноокой Эгиалы, супруги Тидида.

В третий раз она призвала Одиссея, называя себя Пенелопой.

Никто не ответил ни криком, ни бряцаньем оружия.

— Ты ошиблась, сестра, — ласково сказала Елена безумной Кассандре. — Ты ошиблась...

Красавица ушла, спеша взойти на брачное ложе. Кассандра, сама не ведая зачем, осталась у статуи. Из оцепенения ее вывел легкий шорох. От крепостной стены шел человек. В слабых отблесках гаснущих костров лицо идущего было едва различимо, но троянка знала, кто он. Это был Синон, ахейский перебежчик, поверив словам которого, илионцы приняли губительный дар. Синон то пьяно икал, то пытался запеть, но походка его была тверда. Он подошел к коню и в этот миг заметил темный силуэт Кассандры. Осклабясь, ахеец двинулся к ней.

— Милая девушка, что ты делаешь здесь в столь поздний час? — заплетающимся языком вопросил он и незаметно потянулся к рукояти меча. Но Кассандра опередила его. Крепко ударив ахейца кулаком в живот, она выхватила липкий от только что пролитой троянской крови клинок и воткнула бронзовое острие в сердце Синона. Перебежчик всхлипнул и осел на землю. Брезгливо разжав пальцы, Кассандра бросила меч на его холодеющий труп.

Затем она вновь застыла, невидимая в сгущающейся тьме. Томительно тянулись мгновения. Люди, запертые в душном чреве исполинского коня, стали выказывать признаки нетерпения. Кто-то глухо закашлялся, ломко звякнула медь. Кассандра смотрела, как забываются в тяжелом хмельном сне последние защитники Илиона. Она знала, что из-за скалистых круч Тенедоса уже спешат корабли, привлеченные огнем, который развел на берегу сраженный ею Синон. Она знала, что уже ничто нельзя изменить. Тогда она приблизилась к чреву коня и трижды стукнула в шершавую доску...

Месть бога должна быть утонченной, словно ядовитое жало пчелы, загнанное глубоко под локоть. Причини боль, а не убивай. Сделай так, чтобы мучение было страшнее смерти. Именно этим принципом руководствовался в своем мщении сребролукий Феб.

Он был известен как большой себялюб. Причиненное ему

страдание, пусть невольно, светозарный бог возвращал сторицей. Жестокая ярость его не знала предела. Повод для нее мог быть ничтожным. Фальшиво взял ноту соловей или слишком холодная выпала утром роса — этого было вполне достаточно, чтобы Феб хватал свой лук и стремительно спускался с Олимпа. Он пускал смертоносные стрелы, радостно усмехаясь, когда на землю падала очередная жертва. Стрелы эти были невидимы, и большинство людей верили, что причина смерти прекрасных девушек и чернобровых юношей — мор, занесенный краснобортным кораблем, прибывшим из знойного Карфагена. И лишь немногие знали, что это свирепствует Аполлон. Но эта жестокость не была местью. Просто стреловержец давал выход своему раздражению, выплескивая его на ничтожных людишек. Месть его была изощренной и страшной, и особенно безжалостным Феб был к тем, кто осмелился отвергнуть его любовь.

Никто не мог сказать точно, сколько дев отважились отказать притязаниям грозного бога. Сам Аполлон утверждал, что их было всего три. Одну из них — прекрасную нимфу Дафну — он обратил в отместку в лавр и каждый год люди безжалостно обрывают шелестящие волосы-листья, чтобы изготовить из них венки или бросить для духовитости в котел с похлебкой. Второй — Марпессе, — которая предпочла ему смертного, Феб даровал скорую старость. Не минуло и двенадцати лет, как она увидела в бронзовом зеркале ужасные морщины, покрывшие ее увядшее лицо. А ведь ее жизнь только начиналась.

Но самая страшная участь ожидала дочь Приама Кассандру, которую он любил более других смертных дев. Хотя можно ли считать то увлечение любовью? Аполлон не решился бы ответить утвердительно на этот вопрос. Но, по крайней мере, чувство было весьма сильным. Хитрая троянка догадалась об этом и крутила влюбленным богом как хотела. Она требовала невиданной красоты украшений, и Феб спешил донимать просьбами Гефеста. Ей захотелось иметь ожерелье из черного жемчуга и приходилось отправляться в гости к Посейдону, напоминая властителю моря как по воле Громовержца они целый год батрачили вместе на троянского царя Ила. Прекрасная дева желала лакомств, и Аполлон тайком воровал для нее с дворцовой кухни амврозию. Он творил ради любви к смертной такие безумства, которые не стал бы совершать даже во имя нетленных богинь.

И каждый раз он вопрошал девицу, когда же она подарит ему любовь, пока прелестница наконец не ответила:

— Я хочу обладать даром предсказания.

— А после того, как ты получишь его?

— Для нашей любви не будет больше препятствий.

Он немедленно дал ей этот дар и собрался поцеловать в прекрасные уста, но Кассандра внезапно оттолкнула жаждущего ласки бога.

— Теперь-то я знаю, что добившись своего, ты быстро охла-

деешь ко мне и уйдешь к другой.

Феб и не думал возражать. Он никогда не скрывал, что женщины быстро прискучивают ему. Ведь желая обладать женщиной ты бываешь счастлив лишь дважды — когда добиваешься ее любви, и в тот миг, когда впервые овладеваешь ей. Все остальное походит на переписанный тысячу раз катехизис. Иначе рассуждают лишь те, кому хочется не любви, а душевного тепла.

Аполлон не нуждался в тепле и поэтому, когда Кассандра отказала ему, бога охватила бешеная ярость. Именно в такие мгновения его изощренный мозг изобретал самые страшные кары. Он не стал отбирать у новоявленной пифии своего дара. Он лишь сделал так, чтобы люди не верили ни одному ее предсказанию.

Что могло быть великолепней этой кары! Вещая Кассандра кричала, раздирая в кровь грудь, что появившийся во дворце Парис погубит родной город, илионцы лишь посмеялись над ее предсказанием. Она молила Париса не похищать Елену. Тот обещал, но увидев прекрасную деву, напрочь забыл о всех своих клятвах.

Она знала обо всем, что случится в эту ночь с Илионом, но безумные троянцы вновь отказались верить ей. Тем временем к берегу уже приставали красногрудые корабли Агамемнона, а из чрева коня доносились глухой ропот и бряцанье оружия.

Окинув в последний раз взглядом затихшую площадь, которую покрывали огоньки тлеющих костров да тела спящих воинов, Кассандра трижды стукнула в крутой бок коня. Затем она повернулась и быстро ушла.

Открылась потайная дверь, и из конского брюха посыпались меднопанцирные данайцы. Одни бросились поджигать дома, другие отворили врата города, третьи во главе с незнающим жалости Тидидом принялись резать сонных защитников города.

Крики, вой взметнувшегося вверх пламени, звон оружия разбудили дремавший в победном хмелю город. Но было уже поздно. По кривым улочкам, размахивая мечами и копьями, бежали ликующие ахейцы. Они врывались в дома, поражая не успевших схватить оружие мужей, и тут же осквернял брачное ложе насилием над женами. Огромные бронзовые лабрисы с треском крушили дубовые двери дворца и храмов. В окна летели факелы, и сухое дерево вспыхивало огромными кострами, пламя которых бросало причудливые блики на озверелые лица данайцев.

Площади, еще недавно бывшие местом торжественного пира, были завалены изрубленными телами. Кровь мешалась с вытекшим из распоротых животов вином. Разметав жидкие ряды машущих мечами и кухонными вертелами троянцев, нападавшие ворвались в покои Приама. Могучий сын Ахилла Неоптолем пронзил копьем беспомощного старца. Данайская дружина прокатилась по дворцу кровавой волной, не щадя ни женщин, ни грудных младенцев. Еще не взошло солнце, а Троя пала.

Поверженный город встречал рассвет. Вышедшее из-за гор багровое солнце осветило улицы и площади Илиона, сплошь покрытые окровавленными телами его защитников. Громко стенали обесчещенные дочери и жены, рыдали потерявшие сыновей матери. Собравшиеся в царском дворце данайцы делили добычу — золотые кубки и серебряные блюда, оружие и дорогие украшения, согбенных старцев и не знавших мужей девушек. Каждый в зависимости от знатности и проявленной доблести получал свою долю добычи. По велению рока Кассандра досталась Агамемнону, сделавшему ее своей наложницей...

Прошел не один год.

Было раннее утро, когда корабль Агамемнона достиг берегов Эллады. Кассандра и ее повелитель стояли рядом у борта. Увидев вздымающиеся над морем прибрежные утесы, Кассандра исторгла ужасный смех. Царь Микен обнял свою наложницу и заглянул ей в глаза. Он ждал ее слов, но дщерь Илиона молчала. Разве поверит богоподобный Атрид в то, что ждет его скорая смерть от руки собственной жены-изменницы.

Кассандра грустно улыбнулась и провела рукою по отшлифованному лезвию лабриса, на котором уже проступила незримая пока человеческому глазу кровь. Двумя ударами этого топора будет расколот жребий Агамемнона, а третий предназначен ей, Кассандре.

Воссияло вышедшее из-за туч солнце, являя золотой лик Феба. И безумная Кассандра воскликнула:

— Свобода близится!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дельфы. Фокида

Юноша был совершенно обнажен. Он мчался что есть сил по узкой извилистой дороге, вдоль которой стояли восторженно кричащие люди, и ветер ласкал разгоряченную кожу. Следом за ним бежали восемь мужчин с факелами в руках.

Поворот, еще один, мимо сокровищницы афинян, вновь поворот и он, наконец, вбежал на известняковую террасу, на которой возвышался храм Аполлона. Бегун обогнул беломраморное здание и очутился на небольшой площадке, где находился алтарь. Именно в этом месте, если верить преданию, Аполлон убил змея Пифона. Здесь и должна была произойти вторая часть действа, именуемого септерией.

Праздник септерии, посвященный победе бога света над злобным змеем пифоном, проводился редко — всего раз в девять лет — и было большой удачей, что именно Зерону выпала честь изображать самого светозарного Феба.

Войдя в круг около алтаря, образованный жрецами и зеваками, юноша ждал, когда подбегут факелоносцы; огонь, несомый ими, символизировал солнечный свет. Лишь тогда появится Пифон, и представление вступит в завершающую фазу. Бег по неровной дороге дался Зерону нелегко. Грудь его часто вздымалась, стройное мускулистое тело было покрыто потом. Именно из-за этого красивого тела и правильного лица его, собственно говоря, и выбрали на роль Аполлона. Иных достоинств у младшего жреца не было.

Сзади послышалось прерывистое дыхание. Зерон обернулся. Это наконец подоспели замешкавшиеся факелоносцы, притащившие за собой еще несколько сот зрителей. Тяжело отдуваясь, они стали полукругом в нескольких шагах от Зерона и подняли вверх факелы, возвещая, что бог света прибыл.

Пифон, в отличие от незадачливых бегунов, не заставил себя долго ждать. Толпа охнула и дала дорогу веретенообразному, в двенадцать локтей длиной существу, которое весьма сноровисто ползло по земле. Один Зевс знал, сколько времени и сил понадобилось двум жрецам, чтобы научиться столь правдоподобно изображать змею. Оболочка Пифона была изготовлена из выдубленных бычьих шкур. Искусный художник покрыл ее множеством изображений змеиных пастей, извергающих дым и пламя. Тулово Пифона венчала огромная голова с двумя рядами зубов и острым языком. В глазные впадины были вставлены прозрачные желтые камни. Когда на них падали солнечные лучи, казалось, что зрачки вспыхивают злобным огнем.

Змей прополз мимо алтаря и замер, не сводя мерцающих глаз с Зерона. Затем он начал поднимать туловище, пока не прело-

мился пополам. Теперь один из жрецов, спрятанных в шкуре, стоял, а другой продолжал лежать. Юноша видел, как стоящий жрец осматривает его в небольшую щелку, проделанную над головой змея. Затем жрец подмигнул, и Зерон едва удержался от улыбки.

В этот миг вперед выступил поэт, державший в руках кифару. Это был победитель конкурса гимнов-пэанов, написанных в честь Аполлона. Подобные конкурсы проводились за день до септерии и победить в них было, поверьте, совсем нелегко. Некогда сам великий Гесиод проиграл это соревнование. Певец тронул рукой струны кифары и начал напевно читать гимн. Он пел, прославляя бога.

Зевсом и Лето ты рожден.
На земле, возникшей из волн.
Ты обрел свой дом,
О, иэиэ, пэан.
Воссиял ярче солнца свод,
Блеск луны красотой затмил
Аполлон, Громовержца плод
Любви, о, иэ, пэан.

Некоторым зрителям подобные метафоры показались забавными. Послышался сдавленный кашель, словно кто-то пытался подавить смех, но прочие зрители внимали певцу вполне почтительно. Кифарист же тем временем разошелся еще пуще.

Сладкоголосым гимнам твоим
Рукоплещет весь белый свет.
Счастьем своим людей одари
О иэиэ, пэан.
В младости странствовать тебе
Пришлось по отрогам Фокидских гор.
Преградил раз твой путь Пифон
Злобный, о иэ, пэан.

Последние строки послужили сигналом. Пифон двинулся к слегка продрогшему на холодном горном ветерке Аполлону. Зерон, как его и учили, быстро побежал вокруг алтаря. Змей неуклюже следовал за ним. Поэт декламировал следующий гимн, но его уже никто не слушал. Зрители увлеченно, словно на олимпийском состязании, подбадривали Зерона.

Обежав три раза вокруг алтаря, юноша вернулся на свое место. Вскоре появился заметно подуставший Пифон. Поблескивая яркой чешуей, он подполз к алтарю и наполовину взгромоздился на него. В этот миг один из жрецов протянул Зерону позолоченный лук. Юноша сделал вид, что целится, и отпустил тетиву. Раздался тонкий звук. Пифон рухнул на алтарь и застыл. Зрители зааплодировали. Поэт вновь ударил по струнам кифары и запел свой последний пэан.

Златоострой стрелой поразил
Змея, что тут же пал бездыхан.
Феб победный гимн сотворил
О, иэиэ, пэан.
Покровитель полей Эллады
И обильных лугов и гор,
Тонкорунных овечьих стад
Светлый, о, иэ, пэан.

Толпа приветствовала поэта одобрительными криками. Тот покраснел от удовольствия и принял напыщенный вид. Девушки поднесли к подножию алтаря корзины с фруктами и цветы. На этом празднество было закончено, но зрители, не понимая этого, оставались на своих местах. Тем временем жрецы стали разоблачать Пифона, а Зерон получил возможность накинуть на плечи хламис[1]. Едва из-под покровов кожаного кокона появились два распаренных человека, аплодисменты зрителей переросли в овацию. Их приветствовали словно победителей трудного состязания. Поэт слегка оскорбился. Затем толпа начала расходиться. Вскоре у алтаря остались несколько жрецов и два десятка зевак, готовых глазеть на что угодно.

К стоявшему чуть в стороне Зерону подошел старший жрец Криболай. Его улыбка была необычайно приветлива.

— Ты отлично справился со своей ролью.

— Спасибо, — поблагодарил Зерон.

— Сегодня вечером не забудь прибрать целлу храма. Я не потерплю, если пол будет грязен, как накануне.

— Но я...

Криболай не дал юноше докончить оправдание.

— Знаю, что ты скажешь. Мол, был занят приготовлениями к празднику. Молодец. Но это не повод освобождать себя от основных обязанностей. Веди себя впредь примерно и заслужишь награду. А сейчас иди и омой свое тело.

Негромко ругаясь, Зерон спустился к ручью, что протекал посередине Кастальского ущелья. Вода была чиста и очень холодна. Сбросив плащ на камень, юноша окунулся в ручей с головой и в тот же миг вылетел на поверхность, хватая воздух схваченными спазмой легкими. Второй раз получить подобное удовольствие Зерон не пожелал. Начало сводить ноги, и он поспешно вылез на берег. Грубая шерсть хламиса как нельзя лучше подходила для того, чтобы растереть ею тело. Внезапно юноша поймал на себе чей-то взгляд и быстро обернулся. Никого. Но кусты шагах в тридцати от ручья чуть колыхались. «Криболай!» — брезгливо подумал Зерон. О старшем жреце давно ходили слухи, что он получает удовольствие от того, что подглядывает за купающимися юношами и девушками.

— Развратный козел! — негромко ругнулся Зерон.

Чуткое эхо поймало эти слова и подхватило:

Козел!.. Зел-зел-зел...

В Кастальском ущелье было необычайно звонкое эхо, разносившее звук на огромное расстояние. Зерон озорно усмехнулся, набрал полную грудь воздуха и что есть сил закричал:

— Криболай — козел!

Его голос звонко разлился по ущелью и, прыгая тугим мячиком, донесся до вершины Парнаса, где скучали музы. Дочери Зевса не удивились подобному сообщению. Они давно придерживались в отношении Криболая именно такого мнения.

* * *

— Почему ты смеешься?

— А по-твоему я должна плакать?

Криболай смутился, что с ним случалось нечасто и всегда в присутствии Аристоники.

— Да нет... Но чему?

— Я только что слышала изумительное эхо.

— Вот как. И о чем же оно тебе поведало?

— Что ты — козел.

Глаза жреца налились дурной кровью.

— Кто это был? А впрочем, я и без тебя знаю. Ну, он у меня получит!

— Не вздумай сделать ему что-нибудь! — предупредила Аристоника.

— Это почему же?

— Я так хочу! — с вызовом ответила пифия и добавила:

— Если я узнаю, что с ним стали обращаться хуже, то напророчу такую ахинею, что ты вовек ее не расхлебаешь!

— Я здесь именно затем, чтобы придавать хоть какой-то смысл тому бреду, что ты несешь.

— Священному бреду!

— Ну пусть священному. — Криболаю явно хотелось прекратить этот неприятный для него разговор. — Ладно, оставим это. Ты победила.

— Так-то! — воскликнула Аристоника. — Судя по твоему миролюбивому настроению тебе от меня что-то нужно?

— Угадала. Сегодня на рассвете меня посетил гость... — Криболай сделал многозначительную паузу. — С востока. Странный гость.

— Что ему нужно? — поинтересовалась Аристоника.

Не отвечая на вопрос Пифии, Криболай продолжал свой рассказ.

— Я до сих пор не могу понять, как он проник в мою комнату. Дверь была закрыта на засов. Я хорошо помню, как собственноручно ее запирал...

— Что ему нужно?!

— Он хочет поговорить с тобою.

Жрица насмешливо скривила губы.

— Многие хотят поговорить с пифией. И все они терпеливо ждут.

— Этот не будет ждать.

— Тогда пускай проваливает.

— Не горячись. Я все же советую тебе принять его.

Аристоника взяла рукою подбородок жреца и заглянула ему в глаза.

— Сколько тебе заплатили?

Криболай не стал изворачиваться.

— Много. Но я согласился уговорить тебя не из-за денег.

— А из-за чего же.

На лице жреца появилась жалкая улыбка.

— Я боюсь его, — понижая голос, шепнул Криболай. — Он прячет лицо. А еще от него веет холодом. Был миг, когда мне показалось, будто сам Танатос явился забрать меня в царство мертвых.

— Никогда не пей чистое вино! — назидательно произнесла Аристоника.

— Ты думаешь я пьян?

Аристоника кивком головы подтвердила, что именно так она и думает. Криболай не стал разубеждать пифию. От него и в самом деле припахивало вином. Перед тем как явиться сюда, жрец выпил чашу неразбавленного книдского, надеясь, что опьянение придаст ему храбрости.

— Так что мне ему передать?

— Пусть ждет. Скажи, что я занята. Тем более, что это правда. Ведь если мне не изменяет память, сегодня я должна дать ответ коринфянам.

— Да, это так, — подтвердил Криболай.

— Тогда чего же мы ждем?

Криболай сделал судорожное движение губами, словно пытаясь протолкнуть подальше застрявший в горле комок.

— На твоем месте я бы все же поговорил с ним.

Аристоника отмахнулась от надоедливого жреца.

— Успеется. — Пифия достала из ларя перевитый яркими лентами сверток. — Поторопимся. Верно, коринфяне уже заждались нас.

Жрец не стал больше спорить. Он крикнул двух служек, которые должны были помогать ему, после чего все четверо покинули храм и направились к священному источнику.

Аристоника оказалась права. Коринфяне уже были на месте. Семь именитых мужей составляли делегацию города, основанного некогда хитроумным Сизифом. При появлении пифии и жрецов они оживились. Старший из коринфян сделал шаг навстречу, намереваясь обратиться к Аристонике, но Криболай остановил его жестом руки, давая понять, что время задавать вопросы еще не настало. Аристоника же одарила могучего коринфянина томным взглядом.

Миновав почтительно расступившихся коринфских мужей, пифия остановилась у священного источника. Легкое движение пальцев и, поясок, стягивавший пеплос на талии, упал на траву. Нарочито медленно, словно желая возбудить мужчин, жрица расстегнула заколку сначала на левом, затем на правом плече. Одежда плавно скользнула вниз, обнажая стройное тело. Аристоника была хороша собой и прекрасно знала об этом. Более всего в жизни она любила такие мгновения, когда оголенное для священного омовения тело ласкали вожделеющие взгляды мужей, особенно страстные из-за того, что доступная взору, Аристоника была недосягаема для мужской плоти. Ведь пифия была посвящена златокудрому Фебу и любого покусившегося на ее тело ожидала немедленная смерть.

Возбужденная страстными мужскими взглядами, Аристоника нагнулась к роднику и погрузила ладони в воду. Запрокинув к небу лицо, она вытянулась в сладострастную дугу и чуть разжала пальцы. Влага тоненькой струйкой брызнула сначала на грудь, затем на плечи, на жадно раскрытые губы. Вода побежала по белоснежной коже, смывая с нее жаркие солнечные поцелуи. Сверкающие капли скользили вокруг пышных чаш грудей, чуть замедляли свой бег в ложбинке живота и исчезали, словно мечтая о наслаждении, меж бедер. Затем они появлялись вновь, уже уставшие, и неспешно текли по стройным лодыжкам, пока не растворялись в зеленой траве. Мужские взоры невольно повторили путь этих живых струек. Сглатывая слюну, коринфяне опускали глаза долу и пытались принять равнодушный вид. Но ни они, ни храмовые служки не остались безразличны к этому священному стриптизу. Лишь Криболай, лицезревший эту сцену множество раз, выглядел непритворно равнодушным.

Развернув принесенный служкой сверток, жрец извлек из него белый хитон, украшенный по подолу золототканной каймой. С его помощью Аристоника облачилась в это парадное одеяние, после чего вынула стрелообразную заколку, позволяя своим рыжеватым волосам пышной волною рассыпаться по плечам и спине. В тот же миг один из служек водрузил на голову пифии венок из лавровой ветви, другой поднес чашу, полную ключевой воды.

Аристоника пригубила воду и положила в рот несколько лавровых листьев, поданных тем же служкой. По воздуху поплыл специфический аромат зелени. Повинуясь взгляду Криболая, его помощники подхватили пифию под руки и повели ее в священный грот, находившийся чуть выше по склону. Это была небольшая пещера, рассеченная посередине провалом, из которого вырывался зловонный пар. Служки бережно усадили Аристонику на медный треножник, установленный над расселиной, и отошли. Теперь оставалось только ждать.

Окутываемая густыми клубами пара, поднимавшимися из глубин Тартара, Аристоника продолжала мерно жевать лавр. Посте-

пенно ее дыхание стало прерывистым, а взгляд потерял осмысленность. Коринфяне, широко раскрыв глаза, наблюдали за тем, как пифия погружается в священный транс. Вскоре в уголках ее губ появилась зеленоватая пена и Аристоника произнесла невнятную фразу. Криболай тут же подошел к ней и велел коринфянам:

— Спрашивайте.

— О пифия, дева Аполлона, дай нам ответ, что ожидает славный град Коринф, если придут восточные варвары?

Кивнув головой, давая тем самым понять, что вопрос ему ясен, жрец наклонился над Аристоникой и шепнул ей несколько слов. В тот же миг пифия оттолкнула его. Закатывая глаза, она начала быстро говорить. Голос прорицательницы был глух и неестествен. Создавалось впечатление, что он идет из глубин земли.

— Огонь. Издалека. Синее пламя. Земля обожжена. Перепахали и блестит от соли. Белое все. Белеют щиты, серебрятся копья. И кровь, она тоже белая. Я... Не буду... Слово. За словом — беда. Беда идет. Щит. Щит. Меч несет смерть. Вороги. Медея, колдунья с востока, приворожит... Герой и одержит победу. По...

Следующие звуки были совершенно неразборчивы. Прошло еще несколько мгновений, и одурманенная ядовитыми испарениями Аристоника начала медленно валиться с треножника. Криболай тут же подхватил ее на руки и поспешно вынес на свежий воздух. Коринфяне поспешили следом.

Все испытали невольное облегчение, вырвавшись из наполненной вонью пещеры. Положив пифию на траву, Криболай обратился к коринфянам.

— Вы слышали ответ, данный златокудрым Фебом. Ночью я изложу эти слова на пергаменте и завтра поутру передам этот пергамент вам.

— Мы премного благодарны тебе, жрец, — сказал старший из коринфян.

— Благодарите не меня, а бога. А теперь, прощайте до утра.

Сказав это Криболай, направился к храму. Служки несли вслед за ним бесчувственную Аристонику. Едва они очутились в покое пифии, Криболай велел положить женщину на ложе. Служки исполнили приказание и тут же удалились.

Криболай долго смотрел на недвижную пифию. Его терзали противоречивые чувства. Был момент, когда жрец почти отважился коснуться обнаженной ноги Аристоники, однако тут же опомнился и опрометью выскочил из комнаты.

Как только за ним захлопнулась дверь, Аристоника открыла глаза и усмехнулась.

* * *

Жрец вернулся в покой пифии лишь на закате солнца. Подойдя к ложу, он слегка похлопал прорицательницу по щекам. Не открывая глаз, Аристоника негромко осведомилась:

— Мы одни?

— Да.

В тот же миг пифия одарила жреца лукавым взглядом и привстала.

— Налей мне вина.

— Вообще-то деве Аполлона не положено пить чистое вино...

— Хватит издеваться! Налей!

Усмехнувшись, Криболай поднес пифии наполненный до краев килик. Та единым махом осушила его, после чего спросила:

— Ну как я сегодня?

— Как всегда — великолепна!

Судя по довольному выражению, появившемуся на лице Аристоники, похвала была приятна ей. Но улыбка была мимолетной и тут же уступила место болезненной гримаске. Пифия потерла рукою лоб и пожаловалась:

— В последнее время меня стали мучить сильные головные боли.

— Что поделать! За все надо расплачиваться.

— Тебе легко так говорить! — В голосе Аристоники был слышен упрек. — Ты не дышишь этой невыносимой вонью!

— Никто не заставлял тебя становиться пифией. Ты могла отказаться, на это место было много желающих. Ты сама выбрала эту судьбу.

— Нет, это судьба выбрала меня.

— Может быть. Но в таком случае ты тем более должна переносить все беды безропотно.

Менторский тон Криболая раздражал пифию. Она недовольно поморщилась. Взяв одну из пышных роз, букет которых стоял в серебряной вазе на столе, Аристоника понюхала ее и вновь поморщилась.

— Дрянь! — Она отшвырнула розу от себя. — Какой отвратительный запах!

Криболай внимательно следил за ее действиями. Аристоника была уже третьей по счету пифией, с которыми Криболаю пришлось работать. Он знал, что когда у девы Аполлона появляется отвращение к сильным запахам, это верный признак того, что она на пороге смерти и вскоре явится Танатос, который увлечет душу очередной жрицы в мрачные глубины Тартара. Срок жизни пифий был короток. Зловонные испарения высасывали из них жизненные соки. Причем внешне это было совершенно незаметно. Жрица могла казаться молодой и цветущей, а меж тем за ее спиной уже вырастала мрачная фигура бога смерти, размахивающего окровавленной косой.

— Твоя речь была сегодня особенно бессвязна, — сказал Криболай. — Что ты чувствовала?

Интерес жреца был далеко не праздным. Криболай давно пришел к мысли, что ввергая себя в состояние божественного экста-

за, пифии высвобождают на какое-то время свою тень из бренной оболочки, отправляя ее в путешествие по иным мирам. Он подозревал, что тень познает там откровения, недоступные смертному, а, может быть, и богу. Ведь расплатой за эти откровения была скорая смерть — слишком большая цена за все, кроме истины. Криболай не мог испытать эти ощущения сам — вдыхая испарения, он не впадал в транс, а просто задыхался, — поэтому он пытался проникнуть в тайну непостижимого через ощущения пифий.

— Я помню не так уж много. — Аристоника не единожды отвечала на подобный вопрос жреца и каждый раз ее рассказ начинался именно с этой фразы.

— Я помню не так уж много. Сегодня все вокруг было синим. Я глубоко вдыхала, и вязкие пары застревали в моем горле. Один вдох, второй, третий... Сколько я сделала их всего, прежде чем потеряла сознание, не помню. Ясно ощущаю лишь стойкий привкус лавра и то, как горьковатая слюна проникает в желудок, вызывая легкую тошноту. Но мои глаза в этот миг еще отчетливо различали тебя и застывших в остолбенении коринфян. Затем яркая вспышка, словно в пещеру ворвалось огромное слепящее солнце, все мгновенно исчезает в густом тумане. Но это не туман. То, что окружает меня, плотнее, чем туман. Моя рука с трудом прорывается сквозь эту массу. Она шафранного цвета и чуть скользкая на ощупь. Постепенно желтые клубы рассеиваются и я обнаруживаю, что нахожусь посреди огромной залы.

Ее свод теряется в розоватой дымке, расстояние между противоположными стенами не менее десяти стадий. Здравым смыслом не объяснить каким существам под силу возвести такое огромное сооружение. Сооружение... — Голос Аристоники становился все более невнятен, она вновь впадала в состояние транса.

— Более всего меня поразил пол, составленный из мириадов разноцветных кусочков отшлифованного камня. Эти кусочки образуют причудливую мозаику, будто созданную по замыслу сумасшедшего пифагорийца. Круги, квадраты, треугольники, ломаные и прямые линии — все это пересекается в различных направлениях, составляя загадочные картины. На первый взгляд эти изображения кажутся бессмысленными, но на деле — я сразу поняла это — они таят в себе грани истины.

Еще больший восторг вызвал у меня лес серомраморных колонн, поддерживающих свод. Ширина их у основания была не менее сажени, а у самого свода они выглядели тоньше, чем игла. Об истинной высоте их можно было только догадываться. Каждая колонна опиралась на стилобат[1], сделанный в форме высокого двуручного кувшина. Меня поразило то обстоятельство, что кувшины эти были прозрачны, а внутри их бегали колдовские огоньки.

Пока я рассматривала это загадочное помещение, негромко заиграла музыка и начали появляться гости. Некоторые из них

были людьми, но людьми не такими как мы, другие были **похожи** на людей, но сквозь их блеклые одежды была ясно различима их нечеловеческая сущность. Третьи были мертвы; они двигались подобно живым, но вместилище их душ было заполнено черной холодной пустотой, а сердца бились столь медленно, что их стук распадался на восемь отдельных звуков: всхлипывающих, давящихся, кашляющих. И глаза их были пусты, пусты... Еще я видела множество существ, порожденных нечеловеческой фантазией. Там были сгустки элементарной энергии и более сложные энергетические образования, ужасные чудовища трехсаженного роста и прекрасные девушки, за спиною которых росли невидимые крылья.

Гости ходили по зале, чинно раскланивались и переговаривались. Они явно чего-то ждали, поглядывая в сторону огромного черного алтаря, из которого вырывалось космическое — прозрачное с пепельными лепестками — пламя. Они явно кого-то ждали. И раздался негромкий протяжный свист — тот, кого ждали, явился. Я не успела его разглядеть, потому что в этот миг видение стало расплываться и я вновь очутилась в густом тумане. Я бродила в нем целую вечность, распахивая то одну, то другую дверь. Но все они вели не в наш мир. За одной дверью светило фиолетовое солнце, землю в другом мире покрывала стальная трава, в следующем предо мной предстал человек, облаченный в блестящие одежды. У него не было носа, а изо рта торчали клыки. За последней дверью я увидела свою мать. Она сидела понурив голову, затем подняла ее и уставилась на меня. Я закричала от ужаса, так как вместо зрачков были вставлены блестящие медные монетки. В тот же миг я очнулась и почувствовала свое тело.

— Это крайне любопытно! — негромкий голос вывел пифию из оцепенения. Аристоника стремительно повернула голову на звук. В дверях стоял высокий человек. Темный длинный плащ скрывал очертания фигуры, но судя по неимоверной ширине плеч человек был титанического сложения. Лицо его скрывал покатый шлем, подобный тем, что носили гоплиты; только забрало у этого шлема было сплошным, имея лишь две крохотные щелочки для глаз.

— Кто ты такой?! — гневно воскликнула Аристоника. — Как ты посмел войти в покои пифии?

Но незнакомец проигнорировал эти возмущенные слова. Беззастенчиво разглядывая полуобнаженную женщину, он повторил:

— Любопытно. — Голос был глух и отдавал надтреснутым металлом. — Так вот почему сенсорные датчики время от времени просто зашкаливает, а я никак не могу поймать нарушителя. Энергетическое поле меньшей мощности, чем даже у световых оборотней. Любопытно. Сколько лет я занимаюсь этим, а лишь сейчас докопался до истины. Придется усовершенствовать энергетическую решетку.

Видя, что нахальный визитер не собирается покидать комнату, Аристоника обратилась к жрецу:

— Криболай, выкини...

И в тот же миг осеклась, заметив, что глаза жреца наполнены ужасом. Диким ужасом. Аристоника поняла, что Криболай не испытывает ни малейшего желания ссориться с незнакомцем.

— Да кто ты такой есть в самом деле?! — возмутилась пифия. — Немедленно убирайся вон.

Человек в шлеме шагнул вперед, высвобождая дверной проем, в котором тотчас же показались несколько неясных силуэтов.

— Я полагал, жрец рассказал обо мне. Я пришел сюда с востока. У меня много имен. Одни называют меня оборотнем, другие — мрачным гостем. Сам я предпочитаю имя Янус... — Гость замолчал и пифия почувствовала как горячая волна, вырвавшаяся сквозь узкие щели забрала, скользнула по ее лицу и прокатилась по всему телу, нескромно заглянув в каждое потаенное, скрытое складками одежды местечко.

— Наглец! Я прикажу слугам вышвырнуть тебя из храма!

Гость медленно, четко выговаривая звуки, рассмеялся.

— Боюсь, слуги тебе не помогут. Я уже позаботился о том, чтобы окружающие не мешали нашей беседе. — Янус перевел взгляд на жреца, пифия с облегчением почувствовала, что горячая волна оставила ее. — Криболай, какой ответ ты приготовил коринфянам? Ведь ты уже записал его?

Старший жрец поспешно закивал головой.

— Прочти.

— Не смей! — заорала Аристоника. — Да что ж это такое! Я сейчас сама вышвырну этого наглеца!

Спрыгнув с ложа, пифия подскочила к Мрачному гостю и вознамерилась схватить его за локоть. В тот же миг она почувствовала, что поднимается в воздух. При этом руки таинственного визитера оставались сложенными на груди. Он поднимал женщину силою своего взгляда. Аристоника наконец поняла, что имеет дело не с человеком или, в лучшем случае, не совсем с человеком. Она испуганно закричала. Мрачному гостю не понравился поднятый пифией шум и он отпустил ее. Аристоника шлепнулась на пол, больно ушибив колено.

— Достаточно? — поинтересовался Янус, наблюдая за тем, как Аритоника на четвереньках ползет к своему ложу. — Или хочешь познакомиться с моими слугами?

Он щелкнул пальцами и в комнату вошли четверо. Их лица были цвета подтаявшего снега, а глаза — полны черной пустоты. Аристоника воззрилась на них и с ужасом в голосе прошептала:

— Но это же те самые мертвые люди из...

— Совершенно верно, — подтвердил Янус. — Это мои слуги. А зала, в которую твоя, скажем так, душа проникла — часть

моего дворца. Если не хочешь испытать их ласковые объятья, заткнись и прислушайся к моим словам.

Аристоника быстро закивала головой, не отдавая себе отчета, что неосознанно повторяет движения испуганного Криболая.

— Вот и хорошо, — подытожил гость. — А теперь я хочу услышать ответ, который вы подготовили для коринфян.

Сглотнув слюну, жрец быстро пробормотал:

— Пергамент с готовым ответом лежит на моем столике.

— Так принеси его.

Криболай угодливо кивнул и бросился вон из опочивальни пифии. По пути он ненароком коснулся одеяния одного из безмолвных слуг и едва удержался от крика.

Пока жрец отсутствовал Янус внес кое-какие изменения в обстановку комнаты. Посчитав, что стало слишком темно, он хлопнул в ладоши и под потолком повисли несколько десятков огоньков, точно таких же, что были заключены в стеклянных кувшинах, виденных Аристоникой в ее волшебном сне. В комнате стало светло словно днем.

Затем гость сотворил для себя уютное кресло. Устроившись в нем, он принялся рассматривать сжавшуюся в комочек Аристонику. Хотя лица его не было видно, пифия могла поклясться, что на нем в этот миг похотливое выражение. Ей хотелось спрятаться от этого давящего взгляда, но за ее спиною была каменная стена, да и не было уверенности, что стена будет помехой для всепроникающих глаз Мрачного гостя.

Ей показалось, что прошла целая вечность, прежде чем вернулся жрец.

— Читай, — велел Янус, не отводя глаз от обнаженных ног Аристоники.

Криболай удивился перемене, происшедшей с комнатой, но казалось, что он чувствует себя более уверенно, чем прежде. Откашлявшись, он бодрым голосом начал:

— Ответ Дельфийской пифии народу Коринфа:

В безумии вас обвиняю я, не слыша дыханья
Смрадного кузней, где пламя играет металлом
Из полосы вырывая серебристую грань острия.
Восстаньте ж вы, люди Коринфа, пусть ваши сердца
Напитает отвага и доблесть, а страх их покинет.
Ступайте из стен многобашенных в поле,
Где витязи крепкой рукою решают кровавую сечу,
И боги даруют вам милость и радость победы.

— Не Гомер, но вполне сносно, — заметил Мрачный гость, когда жрец закончил чтение. Он протянул руку и взял пергаментный листок. — Занятно.

Произнеся в который раз это свое излюбленное словечко, он с треском разорвал пергамент надвое. Затем эта операция повто-

рилась еще несколько раз, пока пророчество не превратилось в тлен. Покончив с этим, Янус поманил жреца пальцем. Тот неохотно приблизился к его креслу.

— Стиль мне нравится, но содержание не устраивает. Две первые строчки можно, пожалуй, оставить без изменения, а далее напишешь следующее. — Мрачный гость на мгновение задумался. — Ну хотя бы вот так:

И скрипа кедровых досок, что тешут на верфях.
В изгнании жизнь вам закончить рок предвещает,
Либо друзьями владыки прослыть, который от солнца
Идет. Принять его с миром и наречь себя сыновьями...

И далее в этом же роде. Все ясно?

Аристоника и Криболай молча переглянулись. Куда уж яснее!

— Но это против правил, — нерешительно протянула пифия. — Аполлон ведь сказал совсем другое.

— Аполлон? — Мрачный гость усмехнулся. — Только не надо приписывать этот бред, сочиненный вами, Аполлону. Этого олуха интересуют лишь стройные ножки, да пакости, которые он время от времени преподносит Зевсу. А кроме того, разве правила не есть воля, кем-то установленная? Почему бы эти правила не устанавливать мне? Вы ответите коринфянам так, как хочу я, и в будущем будете составлять похожие прорицания для всех государств Эллады.

Хотя все уже было ясно, Аристоника зачем-то спросила:

— Ты слуга мидийского царя?

— Не совсем. — Мрачный гость хмыкнул. — Скорее мидийский царь мой слуга. А сейчас я отправляюсь на восток, но прежде, чем я покину этот храм... — Янус не договорил и начал медленно расстегивать плащ.

Аристоника гордо вскинула голову.

— Ты забываешься! Я дева, посвященная богу!

— А я и есть бог. Жрец, помоги ей разоблачиться.

Криболай неохотно повиновался. Он подошел к пифии и ухватился за край ее хитона. Аристоника начала отбиваться. Тогда Мрачный гость устремил на нее свой обжигающий взгляд и золототканный покров, обвивавший тело пифии, растворился в воздухе. Аристоника скорчилась, тщетно пытаясь прикрыть свою наготу.

— Хорошая фигура, — заметил Мрачный гость и цинично добавил:

— Правда, немного перезрела. Но зато она недоступна мужчинам и уже потому вызывает желание. Не так ли, жрец?

Не дожидаясь ответа, Янус начал неторопливо приближаться к Аристонике. И в этот миг в комнату ворвался юноша с мечом в руке...

* * *

Вопреки велению Криболая Зерон не спешил драить пол в храме. Вместо этого сразу после омовения он отправился бродить по склонам окрестных гор, а затем долго любовался мраморными барельефами недавно воздвигнутой сокровищницы мегарян. В храм он вернулся, когда уже темнело.

Его внимание сразу привлекла гробовая тишина, столь непривычная для этого времени. Не было видно суетящихся служек, беседка, в которой собирались поболтать вечером жрецы, пустовала. Зерон недоумевающе пожал плечами и отправился на кухню, которая располагалась в небольшой пристройке близ храма. Картина, представшая его взору, была презанятна. Прямо у входа, тесно прижавшись друг к другу, лежали два поваренка. Жрец, исполнявший обязанности главного повара, басовито храпел у очага. Зерон нагнулся к нему и уловил запах вина. Сделав надлежащие выводы, он подвел итог увиденному.

— Перепились! — произнес юноша вслух и с легкой ехидцей добавил:

— А здорово вам, ребята, влетит завтра от Криболая!

Хотя повара и были в стельку пьяны, но дело свое они знали крепко. Правда, телячье рагу успело остыть, но Зерона это мало волновало. Подивившись на то, что котлы почти не тронуты, юноша до отказа набил живот, а затем, преисполнившись нахальства, выпил две чаши вина, вместо одной, как было положено.

Сыто рыгая, он направился в комнату, где проживали младшие жрецы. Более всего Зерона волновало как бы поудачнее проскочить мимо Криболая, но вот этого-то ему как раз избежать не удалось. Он уже миновал погруженный в полутьму коридор и был близок к заветной цели, как вдруг кто-то схватил его за руку. Зерон поднял глаза и в груди его неприятно екнуло — перед ним стоял старший жрец. Однако Криболай выглядел не слишком грозным, а напротив — жалким и испуганным. Он увлек юношу за колонну и быстро зашептал:

— Собери жрецов и стражу. Пифии угрожает опасность. Спешите на выручку, иначе будет поздно!

С этими словами Криболай исчез, оставив юношу в замешательстве. Старший жрец обладал скверным характером, но никто не замечал за ним склонности к глупым шуткам. Поэтому Зерон не решился усомниться в словах Криболая и бегом устремился в комнату, где проживали стражи, охранявшие храмовую сокровищницу.

Стражей было шестеро и все шестеро крепко спали. Как ни толкал юноша в их сытые бока и не кричал в заросшие диким волосом уши, ни один из спящих даже не пошевелился. То же самое повторилось и в комнатах, где жили жрецы и слуги. Всюду витал сон. Не легкий, с цветными сновидениями, что навевает Морфей. Этот сон походил на тяжкое забытье. Грудь спящих

бурно вздымалась, а руки и ноги время от времени содрогались в конвульсиях, словно людям снились кошмары.

Убедившись, что помощи ждать не от кого, Зерон решил действовать самостоятельно. Средь валявшихся на полу стражницкой мечей он выбрал тот, что показался самым острым, и направился к покоям пифии. Из-за приоткрытой двери пробивался свет. Бесшумно ступая босыми ногами по прохладному мрамору пола, Зерон подкрался к ней и заглянул внутрь комнаты. Вначале его внимание было всецело поглощено яркими огоньками, во множестве висевшими под потолком, затем он переключил его на людей, лишь двое из которых были ему знакомы.

Прямо у двери, спиной к Зерону стояли четверо, похожие на застывшие в оцепенении фигуры. Чуть дальше их трясся от страха бледный Криболай. Совершенно обнаженная Аристоника скорчилась на ложе, а огромный, закованный в черные доспехи воин, медленно подступал к ней. Зерон догадался, что негодяй намеревается совершить насилие над пифией. Отбросив всякое благоразумие, он ворвался в комнату и вонзил меч в одного из стоявших к нему спиной мужчин. Лезвие вошло в тело мягко, словно в масло и, повинуясь умелой руке, тут же выскочило назад, оставив в темной хламиде врага, а значит и в его спине, здоровенную дыру. Зерон ожидал, что из раны хлынет кровь, а человек захрипит и рухнет на пол, однако ничего подобного не произошло. Юноша в замешательстве уставился на лезвие, покрытое зеленоватым, похожим на плесень налетом и в этот миг тот, кого он счел человеком, медленно повернул голову. Их взоры встретились. Нет, подобные глаза не могли принадлежать человеку. Так же как не могли принадлежать зверю, рыбе даже отвратительному пауку, обитающему в южных лесах. То были глаза существа, явившегося из другого мира. Они были тусклы и безжизненны, их переполняло беспредельное равнодушие. Рука существа медленно потянулась к мечу Зерона. В этот миг юноша очнулся, освобождаясь из пут ужасных глаз. Он отпрянул назад и бросился бежать. Краем уха он слышал приказание, отданное воином в черных доспехах.

— Убить его!

От этих слов силы беглеца удвоились. Быстрее молнии слетев по ступенькам храма, Зерон помчался вниз по дороге в долину, где находились дома храмовых служек, воинов, постоялые дворы и лавки. Бежал он куда быстрее, нежели утром. Было темно. Зерон несколько раз оступался и падал. После одного из таких падений он лишился меча, в другом случае ободрал руку и ушиб бедро. Теперь он бежал, прихрамывая, но ни разу не рискнул остановиться.

Наконец он достиг ближайшего дома. Это был постоялый двор, на котором останавливались спартиаты. Геруссия повелела соорудить его подальше от афинян, самосцев и прочих корыстолюбцев-эллинов, оберегая спартиатов от развращающего влияния роскоши и денег.

Тяжело дыша, Зерон остановился у невысокой каменной ограды и прислушался. Похоже, преследователи, если они вообще были, отстали. Юноша перевел дух и сплюнул. Слюна была невыносимо горькой. По мере того как утихал стук молоточков в висках, Зерон постепенно приходил в себя. Чутко прислушиваясь — ни единого подозрительного шороха, лишь трещали ночные цикады — он пытался осознать происходящее. Кто бы ни были те существа в комнате пифии, ясно одно: что пришли они со злом, а значит храму и его обитателям угрожает опасность. Необходимо было искать помощь. У кого? Да хотя бы у тех же спартиатов. Морщась от боли в колене, Зерон преодолел небольшую ограду и подошел к двери.

Он знал, что спартиаты не любят, когда барабанят в двери, поэтому поначалу решил попробовать разбудить их криком. Он позвал раз, затем еще. Никто не ответил. Тогда Зерон крепко хватил кулаком в дубовую дверь. Та скрипнула и приотворилась. Нерешительно потоптавшись на месте, юноша проскользнул в образовавшуюся щель.

И сразу попал в густую тьму. Если на улице блеклый лик Селены позволял различить хоть что-то, то в доме невозможно было увидеть даже собственной вытянутой вперед руки. Зерон ощупью двинулся вперед. Через несколько шагов он наткнулся на поваленный стул. Затем его нога наступила на мягкое. Вскрикнув, юноша отпрянул в сторону. Несколько мгновений он стоял, переводя дух, затем медленно наклонился. Движения руки было достаточно, чтобы убедиться в том, что он обнаружил труп человека. Мертвец еще не успел остыть, а когда Зерон перевернул его на спину, выяснилось, что он еще не успел до конца и умереть. «Труп» спал, вздрагивая от тяжких снов и никакими силами оказалось невозможно разбудить его. Зерон понял, что загадочная эпидемия сна докатилась и до этого места.

Сев на пол рядом со спящим спартиатом, Зерон задумался. Существовало два варианта — бежать дальше в надежде все же найти помощь или отсидеться в этом доме, где его наверняка не найдут. Зерон колебался, раздираемый противоречивыми чувствами. Он понимал, что должен помочь пифии и Криболаю, но в то же время не находил в себе сил отважиться на новую встречу с обладателями безжизненных глаз. Постепенно он все же склонился к тому, чтобы переждать здесь до утра. Когда рассветет, он придумает что делать. Придумает...

Послышался негромкий шорох. Словно кто-то подошел к узкому, закрытому ставнями окну. Юноша затаил дыхание. Показалось? Нет, звук повторился. На этот раз Зерон отчетливо различил чьи-то размеренные шаги. Они обогнули дом и замерли у входа. Тихо скрипнула дверь — Зерон мгновенно пожалел, что не закрыл ее, — кто-то проник в дом.

Он сидел, не шевелясь и не дыша. В глубине души таилась надежда, что преследователи не обнаружат его. Но вот шорох

повторился еще. И еще — уже ближе. Этот кто-то медленно подходил к Зерону. Нервы юноши не выдержали. Забыв о больной ноге, он резко оттолкнулся от пола и кинулся в сторону двери. Его бросок был стремителен и тот, кто вошел в дом, не успел вовремя отреагировать. Зерон сшиб врага с ног и выскочил за дверь. Во дворе он натолкнулся еще на одного преследователя. Тот попытался схватить Зерона, но промахнулся. Оставив в его руке лоскут туники, юноша стремглав бросился в темноту.

Он бежал, не разбирая дороги. Бежал очень долго. Бежал и кричал, взывая о помощи, но темные лики строений отвечали равнодушным молчанием. Уже начали исчезать звезды, прежде чем Зерон отважился остановиться.

Негромко шумела листва, где-то невдалеке журчал родник. В светлеющем небе отчетливо вырисовывался причудливый контур скалы, формой своей напоминавший воющего на луну волка. Зерон не видел подобной скалы прежде и понял, что очутился далеко от храма. Все, что произошло этой ночью, вдруг показалось ему кошмаром, случившимся не с ним, а с каким-то другим Зероном и в необозримо далеком прошлом. Уже казалось нереальным, пригрезившимся — и те ужасные глаза, бессмысленный взгляд которых поверг Зерона в паническое бегство, и сумасшедший бег по окутанным тьмою горам, и молчание, каким встречали его призывы о помощи спящие дома в долине.

Слишком умиротворяюще журчал родник, шумели уверенные в своей силе дубы. Зерон сел на мягкую траву и забылся.

Он проснулся, когда уже вставало солнце. Проснулся и понял, что лучше бы он продолжал спать. Вокруг него, отрезая пути к бегству, стояли четверо. Несколько мгновений ужасные преследователи молча смотрели на затаившего дыхание беглеца, затем один из них, хитон которого был разорван на груди нашедшим здесь выход мечом Зерона, медленно потянулся к шее юноши, ловя дикий страх человека в тенета своих безжизненных глаз...

* * *

— Им не найти его. Даже кошка, и та ничего не увидит в этой кромешной тьме.

Бросая эти слова словно вызов, Аристоника старалась не смотреть в сторону Мрачного гостя, сидевшего в кресле напротив ее ложа. Еще менее ей хотелось видеть Криболая, который полулежал на полу возле двери и утирал хлюпающий кровью нос краем замызганного хитона.

Жалкий вид Криболая объяснялся просто. Когда Янус заключил пифию в объятья, жрец решил, что лучшего момента не представиться и напал на гостя, за что тут же расплатился. Огромный кулак впечатал Криболая в стену, раскрасив его мир в алые тона. Одного удара оказалось достаточно, чтобы сломать нос, выбить передние зубы и украсить синими подтеками оба глаза. Крепче не смогла бы приложить и лошадь.

Проделал все это Мрачный гость с завидным хладнокровием. Затем он внезапно оставил Аристонику в покое и устроился в своем кресле. Устроился основательно. Скучая, он начал разглагольствовать. Мало-помалу в разговор втянулась и пифия.

— Темнота им не помеха. Моим слугам вовсе не требуется видеть человека, которого они должны настичь. Он может убежать от них сколь угодно далеко, но они будут идти по его следу и не собьются ни на шаг. Они чувствуют страх, переполняющий его душу. Незримый глазу он аурой окружает человека. Они идут на этот страх.

— Лишь чудовище могло породить подобных чудовищ! — воскликнула Аристоника.

— Да, я чудовище. Хаос вечности породил три разряда живых существ — животные, к которым относят тех, кто стоят немного ниже человека и ему подобных, человек во всем своем многообразии, и те, кто выше человека. Почему-то люди нередко именуют этих последних чудовищами. Что же, меня это нисколько не задевает, быть может, это даже приятно щекочет мое самолюбие. Я никогда не задумывался над этим. Чудовища непонятны людям, они ужасают людей. Да, я чудовище. Я познал суть человека и играю на самых низменных его чувствах — страхе, похоти, ненависти, зависти, глупости. Хотя глупость наверно стоило б поставить на первом месте. Я умею использовать их, и в этом моя сила. А силу эту дали мне вы, люди. Неужели ты думаешь, что я желал овладеть тобой? — Мрачный гость посмотрел на Аристонику и глухо рассмеялся. — У меня даже не возникло мысли об этом. Мне хотелось посмотреть какой будет реакция жреца, безумно желавшего тебя. Мысль овладеть тобою поработила его сознание полностью. Я не ошибся в своем предположении. Он не смог спокойно смотреть, как вожделенную им женщину берет кто-то другой.

— Скотина! — процедила Аристоника в адрес Мрачного гостя.

— Еще какая! — согласился он, подразумевая жреца. — И зачем он только позвал на помощь мальчишку, приговорив его тем самым к смерти! Как и должно было случиться, ревность взяла верх над инстинктом самосохранения. Жрец стал отважен. Подобную отвагу я называю нечаянной. Людей отличает именно нечаянная отвага. Они могут, сломя голову, броситься в битву и даже заслонить собой товарища от летящей стрелы. Но это мгновенный необдуманный порыв. Вырви человека из этой ситуации, дай ему время подумать, сделай так, чтобы он смог осознать, что его ждет смерть, дорога в никуда. И в его душе поселится страх...

— Ты говоришь так, потому что тебе хочется так говорить.

— Оригинальное замечание!— съязвил гость.— Ты, верно, пытаешься возразить мне, что бывает, мол, ситуация, когда у человека есть время обдумать вероятные последствия своего поступка, но он все равно находит в себе мужество отважиться на

него. Как Гармодий и Аристигон[1], пошедшие на смерть ради избавления отечества от тирана. Но разве ж это смерть! Это завершение бренного бытия, превращенного в вечность. Они променяли жизнь на посмертную славу и, надо признать, это был далеко не худший обмен. Погибнуть на глазах сотен людей, с оружием в руках, зная, что завтра все будут повторять твое имя. Кто бы помнил Гармодия, умри он стариком в собственной постели? Кто помнил бы Аристигона? Погибнув с мечом в руке, они вошли в народную память, став символом отваги и самопожертвования. На такую смерть нетрудно отважиться. Страшна смерть незримая. Страшна смерть медленная. Страшна смерть не отвратимая. Страшно, когда ведаешь срок своей смерти — точно, вплоть до самого последнего мгновения; поэтому-то люди боятся знать свою судьбу. Страшна смерть, не оставляющая даже мизерного шанса на спасение. Ведь даже у приговоренного к казни до последнего мгновения теплится надежда, что свершится чудо, которое сохранит ему жизнь. Он верит в помощь бога, в провидение, в милосердие Кира[2]. И поэтому смерть, хотя он к ней внутренне не готовился, является для него неожиданностью. Надеясь на лучшее, он просто не успевает как следует испугаться.

Бывает люди хвастают своим презрением к смерти, возводя его едва ли не в добродетель. Но это не бесстрашие, это пресыщенность жизнью. Возроди интерес к ней, дай вновь почувствовать вкус хорошего вина, сладость первого поцелуя, прохладу и свежесть утреннего моря, а потом тихо шепни, что эта жизнь кончается — и тот, кто кичился своим бесстрашием, завоет от ужаса.

Страшна смерть, когда ты один на один с бездной. Бездной не морской, та полна живых существ, одни из которых могут продлить жизнь, а другие — подарить скорую гибель. Кроме того, там есть надежда на попутный ветер, на случайный корабль, на дельфинов Орфея[3], наконец! Говоря о бездне, я подразумеваю состояние, когда вокруг тебя ничто — ни море, ни твердь, ни огонь, ни пустота. Ничто! И ты сидишь в крохотной капсуле и подсчитываешь, когда закончится последний глоток воздуха. Вот в эти мгновения рождается настоящий страх, сводящий с ума. Испытание одиночеством, неотвратимостью. И никто не может преодолеть в себе этот страх. Никто! Ибо нет такой смелости, которая не растаяла б перед неотвратимостью.

Это мой страх. Я использую именно этот страх, загоняя человека в клетку из прутьев одиночества и неотвратимости. И тогда не требуется вонзать в жертву меч. Она умирает от страха...

За окном посветлело. Появлялись розовые отблески зари. Огненные шарики, висевшие над потолком, медленно погасли и растворились в воздухе. В коридоре послышался мерный топот ног. Вошли четверо. Передний держал в руке мертвую голову Зерона. В остекленевших глазах застыл страх.

— Вот, о чем я говорил. Неотвратимость! Никто не может

уйти от назначенной судьбы. И тогда рождается страх. Его убил страх.

Мрачный гость медленно поднялся с кресла и велел своему слуге:

— Брось.

Тот послушно разжал пальцы, и мертвая голова покатилась по полу. Аристоника вскрикнула, заметив, что она не отрублена, а оторвана от тела.

— Это страх! — веско произнес Янус. Он извлек тяжелый мешочек и бросил его на пол рядом с головой Зерона.

— Это совесть. Точнее то, за что ее покупают. Вы будете служить мне и за страх и за совесть.

Одарив дрожащую пифию прощальным взглядом сквозь узкие щели забрала, Мрачный гость стремительно двинулся вон из комнаты. Уже у двери он вдруг задержался и спросил:

— А скажи честно, пифия, было бы чувство оскорбленного негодования, овладей я тобой, сильнее, нежели чувство разочарования, которое ты испытываешь сейчас?

Аристоника промолчала и отвернулась. Мрачный гость расхохотался, сотрясая силой своего голоса забывшийся в тяжелом сне храм. Затем он исчез. Слуги вышли вслед за ним.

В этот миг из-за гор выглянуло солнце и разом проснулись спящие люди. Озадаченно поглядывая друг на друга, они терли наморщенные лбы, пытаясь вспомнить, что же случилось с ними накануне. Но не могли этого сделать.

И в душе их рождался безотчетный страх.

ЭПИТОМА ШЕСТАЯ

Отцы и дети. Остров Блаженных

Котт, Бриарей и душой ненасытный в сражениях Гиес.
. . . . . .
. . . . . И Титанов отправили братья
В недра широкодорожной земли, и на них наложили
Тяжкие узы, могучестью рук победивши надменных.
Под-земь их сбросили столь глубоко, сколь далеко до неба
Ибо настолько от нас отстоит многосумрачный Тартар...
ГЕСИОД, «Теогония», 814, 817—821.

Сюда невозможно было попасть ни по световому потоку, ни левитируя. Так решил Зевс, создавая этот мир; мир, который не найти ни на одной карте. Лишь немногие знали дорогу сюда — те, кто по воле Громовержца уцелели в яростных вихрях Багряного моря, кого не тронули сторукие стражи.

Путь в этот мир начинался на берегу небольшой речушки, бегущей из того же болотца, что и дающая забвение Лета. Здесь в зарослях плакучего ивняка была спрятана небольшая лодка. Она не имела ни весел, ни паруса — в них не было нужды. Надо было лишь сесть на сделанную из ясеневой доски кормовую банку, оттолкнуться от глинистого откоса и отдаться на волю течению.

Река извивалась меж холмами, стремительно меняя свой облик. Поначалу все — быстрая стремнина и берега — было расцвечено яркими красками. Изумрудно блестела трава, роняла лепестки пахучая сирень, на мелководье плескались оранжевые кувшинки. Но чем дальше плыла лодка, тем все более бесцветными становились краски природы. Трава принимала темно-осенние оттенки, черемуха и кувшинки уступали место осоке и тине, на смену свежему ветерку являлась болотная затхлость. Потом берега становились пепельными и обрывались.

Река устремлялась в глубокий провал. Поток многократно убыстрялся, с ревом неся лодку по узкому жерлу тоннеля. Чудилось, вот-вот и случится катастрофа, и воду испятнают щепки, окрашенные кровью истерзанного об острые камни человека. Но то было волшебная лодка, безошибочно избиравшая безопасный курс.

Рев заключенной в темницу воды терзал слух путешественника неисчислимое множество мгновений, а затем внезапно обрывался и лодку вышвыривало на зеркальную гладь Багряного моря. Бездонные воды его, пронизанные лучами фиолетового солнца, казалось были наполнены застоявшейся кровью.

Влекомая таинственной силой лодка плыла по бесконечной морской равнине. Как и прежде ею управляло провидение, прола-

гая курс по замысловато-извилистой линии. И нельзя было не на шаг отступить от этой черты — и слева, и справа суденышко подстерегали затаившиеся перед прыжком вихри и громадные водовороты, наполненные чудовищами.

Преодолев множество опасностей, лодка приставала к обрывистому скальному пику. Теперь нужно было привязать ее к медному кольцу, а затем взобраться по вырубленным в камне ступеням наверх.

Вид, открывавшийся с вершины, был великолепен. Под ногами, сколько мог объять взгляд, простиралась равнина, покрытая яркой зеленью. Разлапистые макушки пальм чередовались с серебристой шевелюрой платанов, квадраты сосновых и кедровых рощ рассекали цепочки стоящих подобно богатырям коренастых дубов. То там, то здесь из хитросплетений листвы выглядывала черепичная крыша, обрамленная жгутами плюща и дикого винограда. Воздух был наполнен густыми сладкими ароматами, а звери были доверчивы и дружелюбны.

Исходя из здравого смысла такой земли не должно было существовать — слишком несхожа была эта идиллия с реалиями железного века — жестокого и лживого; где тигры уподобились подлым гиенам, а человек стал хуже тигра; где дубы плевались ядовитой пыльцой, а из всех трав пышно цвела лишь цикута. Этого просто не должно было быть, но это было. Остров Блаженных — кусочек Золотого века, созданный по воле Зевса. Здесь жили герои, при жизни сравнявшиеся по доблести и благородству с богами. Судьбе не было угодно одарить их бессмертием, но было бы несправедливым заключить их в мрачный Тартар. Поэтому Зевс поселил их на этом клочке земли, созданном божественной волей. Ахилл, Патрокл, Мелеагр, Идоменей — все они жили здесь в неге и спокойствии. Здесь жил и Крон.

Глядя под ноги, чтобы не споткнуться, Зевс спустился с вершины скалы и ступил на едва приметную тропинку, которая вывела его к небольшому красивому особняку. Стены этого строения были выложены глазурованной плиткой, черепичная крыша посеребрена, фасад украшали двенадцать колонн, увенчанных статуями кариатид. Все это делало дом похожим на яркую игрушку, но исполинских размеров.

В тот миг, когда олимпиец подошел к дому, Крон окапывал кусты смородины на небольшом приусадебном участке. Зевс позаботился о том, чтобы земля давала все необходимые для жизни плоды, но старый упрямец хотел лишний раз доказать, что он не нуждается в подачках сына. Что же, упрямство — удел слабых и проигравших.

Зевс приблизился к увлеченному работой титану и негромко кашлянул. Тот не спеша воткнул лопату в землю и разогнул спину.

— Явился! — буркнул он, не поворачивая головы.

— Я же не вправе забывать о сыновьем долге, — манерно-почтительным тоном заметил Зевс.

— Было время, когда ты позабыл о нем напрочь.

Зевс ухмыльнулся в бороду.

— Не заводись, отец. Опять этот скучный разговор. Угостика меня лучше дынею. Они у тебя поистине восхитительны.

Эта невинная лесть тронула сердце титана, который гордился тем, что сумел вывести сорт невиданно вкусных дынь с синеватой кожицей, подобных которым не было в человеческом мире. Титан подобрел и наконец-то соизволил повернуться к сыну.

— Выбирай какие нравятся и пойдем в дом.

Скрестив на груди руки, Крон терпеливо ждал, пока гость не освободит от материнской пуповины три огромных продолговатых плода. Затем он первым направился к дому.

Изнутри жилище титана выглядело не столь привлекательным как снаружи. Узкие окна пропускали мало света. Узорные решетки на них и обмазанные сероватой глиной стены в совокупности с царящим полумраком придавали помещению вид тюрьмы.

— Положи их в малой гостиной и ступай за мной, — велел Крон. — Я хочу познакомить тебя с моим новым увлечением.

Зевс осклабился.

— Ты сменил любовницу?

— Нет. — Титан хитровато подмигнул сыну. — Пойдем, увидишь сам.

Зевс положил свою ношу на стол и послушно отправился за хозяином дома. Они вошли в большую залу, предназначавшуюся для дружеских застолий. Титан подвел сына к стене, наполовину покрытой незавершенной фреской.

— Видишь, я решил стать художником.

Зевс пропустил это замечание мимо ушей. Он впился взглядом в изображение, сюжет которого оказался весьма занимательным. Действие происходило в тронном зале дворца олимпийцев. На переднем плане художник изобразил распростершегося на гранитных плитах Зевса; на лице бога застыло весьма мастерски нарисованное выражение ужаса и обреченности. Сходство портрета с оригиналом было очевидно, здесь нельзя было ошибиться. За Кронионом толпились кучкой перепуганные олимпийцы, среди которых можно было легко узнать Геру, Аполлона, Гефеста. Обняв руками колонну, на пол сползал умирающий Пан. Справа от Зевса стояли титаны во главе с Кроном. На их лицах было написано торжество.

— Неплохо! — похвалил бог. — В тебе умер великий художник. Если я надумаю обновить роспись дворца, то обязательно приглашу тебя.

Это саркастическое замечание не оскорбило Крона, а напротив, вызвало у него довольную улыбку. Зевс протянул руку и дотронулся до изображения. На пальцах остались следы свежей краски.

— Пытаешься переписать прошлое? — спросил Громовержец.

— Нет. Хочу предугадать будущее.

— Вот как! Значит, по-твоему, придет день и сын будет повержен воспрявшим отцом?!

— Будет. Но не отцом. Хотя я надеюсь присутствовать при этом.

Зевс наигранно рассмеялся.

— Кем же? Я не вижу здесь своего будущего победителя.

— Он еще не пришел. Его время еще не настало. Когда придет срок, я завершу эту картину. А пока есть лишь рука.

Крон указал перстом на границу, где кончался слой краски. Действительно, отсюда, из неизведанного тянулась чья-то рука, занесенная для беспощадного удара. Рука эта, изящная и чуть женственная, показалась Зевсу смутно знакомой.

— Бред какой-то! — пробормотал он, стряхивая наваждение. Бог обернул лицо к Крону. — Впрочем, ты волен развлекаться как угодно. Этот мир специально создан для тебя и таких как ты, чье время уже прошло. Но это не значит, что я обязан смотреть бессмысленную мазню и слушать глупости. Пойдем отсюда!

Крон внимательно посмотрел за спину Зевса, словно ожидая, что неведомая рука оживет и обрушит беспощадный удар, и шепнул:

— Хорошо, пойдем.

Едва они очутились в гостиной, Зевс извлек из-за голенища эндромиды[1] острый, словно бритва, нож и рассек одну из дынь пополам. Вытряхнув семечки, он разделил сочащийся янтарным соком плод на продолговатые дольки и вопросительно взглянул на Крона. Тот помотал головой.

— Ешь, я не хочу.

— Как знаешь. — Зевс с наслаждением впился зубами в лакомство. Ах, какая вкуснятина! — пробормотал он, слизывая языком сладкие капельки, осевшие на усах и бороде. Крон смотрел на такого естественного и беззаботного в это мгновение сына, и на лице его появилась добрая усмешка.

Съев дольку, Зевс тут же принялся за другую. Сладко причмокивая, он поинтересовался:

— Ну, как поживаешь, отец?

— Не хуже и не лучше, чем прежде.

— Это хорошо, — Зевс откусил еще одну порцию и смачно раздавил сочную мякоть зубами, — что не хуже.

Отирая рукой бороду, он начал разглагольствовать:

— Если хорошенько поразмыслить, ты должен благодарить судьбу и меня за то, что проиграл в битве с богами. Ну что хорошего ты видел там, наверху. Сплошные интриги, грязь, пакость, подозрения, заговоры. А тут тишина и благодать. А какой воздух!

— Да, я думаю это самая лучшая тюрьма, когда-либо существовавшая.

На лице Зевса появилось недовольное выражение.

— Ну вот, заладил — тюрьма, тюрьма. Весь мир тюрьма, и все мы узники определенных не нами правил.

— Не нами, подтвердил титан. — Тобою.

— Да брось ты! — раздраженно отмахнулся Зевс. — Лучше наслаждайся жизнью. Это же настоящий курорт. Воистину — Остров Блаженных! Недаром люди дали ему такое название. Ну скажи, разве можно сравнить судьбу твою или оказавшихся здесь героев с участью людей там, наверху. Человеческий мир пропитан жестокостью и насилием. Там лязгает сталь. А у вас тишина. Птички поют. Тигры улыбаются. Улыбаются! Сам видел.

Крон тяжело вздохнул.

— Но там мы могли делать все, что хотели.

Зевс покачал головой, недовольный упрямством отца.

— Я устал тебе это доказывать. Пойми, твое время уже прошло. Настало мое время. Наслаждайся жизнью в этом безмятежном мире и благодари судьбу, что я вытащил тебя из Тартара.

— А кто тебя просил?

Зевс рассеянно потыкал ножом объеденную корку.

— Ты хочешь вернуться к братьям?

— Да, хочу. И я сделаю это. Я сломаю стену, отделяющую этот мертвый мир от Аверна. Ведь это рядом. Неужели ты думаешь, что я не слышу стонов своих братьев?

— Безумец!

— Наверно, ты прав. Мне вот только интересно, — подперев рукою подбородок, титан уставился на своего сына, — какой ад создаст для тебя твой победитель?

Зевс с чавканьем откусил дынную плоть.

— Никакого. Это все твои фантазии. Победителя нет и не будет. Я избавился от всех, кто представлял хоть какую-то опасность для меня. — Зевс испытующе посмотрел в глаза Крону. — Или, может быть, ты что-то знаешь?

— Может быть.

— Что ты хочешь за свою тайну?

— То, что ты мне никогда не дашь.

— Власть? — спросил Зевс.

В знак согласия Крон медленно склонил голову.

— Да, — после небольшой паузы согласился Зевс, — этого я тебе никогда не дам. Но на определенных условиях я мог бы вернуть тебя в человеческий мир. Ты получишь от меня в полное владение одну из отдаленных земель. Ну скажем, Гиперборею.

— Как, неужели в тебе проснулась жалость к поверженному титану?

— А почему бы и нет. Ведь все же ты мой отец.

— Допустим, я тебе поверю. А что будет с моими братьями?

— Они останутся в Тартаре. Сообща вы можете причинить мне много хлопот. Я не испытываю желания возиться с вами еще раз. Да и люди стали непостоянны. Нельзя поручиться, что они тут же не бросятся воздвигать алтари новым богам.

— Значит, ты все-таки боишься!

— Хе-хе! Скажем так — опасаюсь. А вообще — все это глупость! — Не поясняя, что он подразумевает под словом глупость, Зевс отшвырнул недоеденную корку и поднялся. — Пойдем, мне надо кое-что проверить.

— А я думал, что ты пришел поговорить со мной.

— Тратить время на разговоры — большая роскошь, — заметил Зевс, наблюдая за тем, как титан набрасывает на плечи пурпурный плащ. — Минули те времена, когда можно было спокойно по душам поговорить. Время летит все быстрее и быстрее. Порою мне кажется, что я начинаю не успевать за ним. Оно ускользает подобно каплям дождя.

Отец и сын вышли из ворот и двинулись по усыпанной розовым песочком дороге, соединявшей жилище Крона с домами героев. Искоса поглядывая на шагающего с отрешенным видом титата, Зевс продолжал свою речь.

— Да, нет сегодня времени, чтобы посидеть веселой шумной компанией. Как бывало прежде. Помнишь, как мы собирались на общие пирушки? Все вместе — титаны и олимпийцы.

— Помню. А затем вы коварно напали на нас, заставив перед тем людей лживыми наговорами отшатнуться от наших алтарей. Дойти до того, чтобы сочинить мерзостную ложь, будто я пожирал своих детей!

— Ну пожирал, не пожирал — какая разница! Особенно теперь. — Зевс выдавил ехидный смешок. — А согласись, недурно было придумано! Чадолюбивый папаша, игравший с детьми в бабки, вдруг превратился в кровожадного каннибала. А все же мы неплохо тогда жили. То ли дело сейчас. Сплошные склоки и заговоры. Боги грызутся, люди грызутся между собой. Жена предает мужа, муж не доверяет жене. Брат убивает брата. Дети восстают против родителей. Возлюбленные изменяют друг другу. И все это мчится в бешеном калейдоскопе. Словно само время взбесилось. В наше время нельзя доверять никому. Я не доверяю даже собственной жене, даже сыновьям. Тем более не стоит доверять тем, кто обижен на тебя. Вот я и думаю: надо проверить, как там поживает любимый родитель и славные герои. — Зевс указал на небольшую кирпичную усадебку, появившуюся справа от них. — Запамятовал... Кто у нас обитает в этом симпатичном домике?

— Патрокл, — ответил Крон.

— Зайдем.

Однако Патрокла у себя не оказалось. Титан предположил, что герой ушел в гости к своему другу Ахиллу.

— Непорядок! Непорядок! — надевая добродушную маску, пробормотал Зевс. — Сколько раз я должен вам повторять, что не стоит слишком часто ходить в гости друг к другу.

Ахилла дома тоже не оказалось. Не застали они и Менелая.

Зевс помрачнел.

Зато в небольшом жилище Мелеагра было шумно. Глухо звенело золото бокалов, а из окон доносилась хмельная нескладная песня. Содержание ее было весьма фривольно:

Волною пурпурною Посейдон просочился,
Зевс проникал, обращаясь то в дождь
Из злата, то в быка круторогого, то в дракона
К девам прекрасным на ложе. Боги,
Рожденные в связи сладострастной — и Дионис,
И Аполлон, и Геракл — есть плоды гнусного
прелюбодейства.

Крон с удовольствием отметил, что олимпиец еще более помрачнел, услышав эти откровения. Резко рванув на себя дверь, Зевс вошел в дом. Голоса мгновенно смолкли. Герои неприветливо и вместе с тем с определенной долей смущения взирали на бога.

— Славные песни поете, ребята! — воскликнул Зевс, окидывая взглядом шумную компанию. Семь великих героев, тискающих полупьяных девиц, в которых Зевс не без труда узнал харит, совсем недавно привезенных им на Остров Блаженных. Тогда они были скромны, милы и горели желанием услужить Зевсу. Послушные девочки должны были стать надежными осведомительницами, похоже вместо этого они превратились в шлюх. Кронион широко улыбнулся.

— Насколько я понимаю, вы не скучаете? Так, Ахилл?

Высокий и мощный, словно скала герой даже не подумал привстать хотя бы из уважения перед богом. Мотнув головою, откидывая со лба непокорную прядь волос, он сказал:

— Скучаем.

— Но почему? Разве вам чего-то не хватает?

— Да! — заорал Аякс Теламонид, особенно буйный во хмелю.

— Чего же? Я дал вам женщин, обильную еду, сладкое вино. Вы избавлены от трудов и хлопот. Да, если хотите знать, я сам мечтаю о такой жизни!

Аякс с размаху ударил кулаком о стол, расплескав вино.

— Так давай поменяемся!

Зевс натянуто рассмеялся.

— Зачем же! Каждому из нас судьба даровала свой жребий. Скажите лучше что вам еще требуется и мои слуги незамедлительно доставят вам это. Новых женщин? Красивых одежд? Или, может, золотых украшений?

Горькая усмешка появилась на лице героя.

— Здесь скучно. Здесь нет пожаров и битв, соленого моря и страстных женщин. Лишь теплая вода, приторное вино, мягкая пища да развратные шлюхи. Здесь мертвое солнце.

— Э-э-э, — протянул Зевс. — Да вы, я гляжу, ребята заелись. Смотрите, как бы не пришлось вернуться в Тартар!

— Напугал! — захохотал Аякс. — Да хоть сейчас. Только бы не видеть больше этого мертвого острова!

— Сам не знает что городит, пьяный недоумок! — заметил бог и пробежал взглядом по лицам героев, ища поддержки своим словам. Однако герои молчали. — А вы что скажете, ребята?

— Да все нормально, — кривя рот, заметил Ахилл. — Живем как боги.

— Вот это правильно! — Зевс одарил Ахилла широкой улыбкой. — Вот это мне нравится. Разумный ответ. Ну ладно, я гляжу у вас все в порядке. Мне пора. Счастливо оставаться, ребята.

Едва за олимпийцем закрылась дверь, как хмельные герои вновь грянули свой не очень приличный гимн.

— Буйные молодцы! — с усмешкой поглядывая на сына, сказал Крон. — Почему бы тебе не отправить их назад в пещеры Аверна?

— Тогда они разнесут вдребезги весь Аверн. Нет, здесь они менее опасны, — задумчиво вымолвил Зевс и тут же спохватился. — Однако какой бред я несу! Они же герои и заслужили счастливую участь.

— Это верно! — согласился Крон.

— Хорошо все-таки тут у вас! Ах, как хорошо! — восклицал Зевс какое-то время спустя, садясь в лодку. — До свидания, папаша.

Крон не ответил, а лишь поднял в прощальном жесте руку.

Едва только волшебный челн растворился в тумане Багряного моря, как титан быстрыми шагами направился вглубь острова. Здесь в сосновой роще кипела работа. С хрустом валились наземь столетние деревья, визжали пилы, стучали топоры. Крон подошел к стоявшему на взгорке Ахиллу.

— Он уплыл.

Герой повернул голову навстречу титану.

— Он ничего не заподозрил?

— По-моему, нет.

— Хорошо. — Ахилл едва заметно усмехнулся. — Этот болван Аякс чуть не проболтался.

— Где он сейчас.

— Патрокл и Идоменей окунули его головою в источник, после чего я поставил его на самую тяжелую работу — подавать бревна. Вон он, старается загладить вину, шельма!

Из-за кустов показался Аякс, несущий на плече здоровенное бревно. Он передал свою ношу Протесилаю и Гектору и вновь исчез. Герои быстро обтесали ствол топором и присоединили его к мириаду крепкодревесных собратьев, сложенные в гигантские штабеля, вокруг которых ходили грозно скалящиеся тигры. Наступит день, и из этих бревен будет сбита лестница. По ней узники мертвого острова поднимутся к небу и пробьют перегородку, отделяющую этот мир от Тартара.

Ведь только глупцы полагают, что рай находится над их голо-

вами. Его место на самом дне, ниже мрачных казематов подземного царства, ибо только здесь можно надежно спрятать тех, кто оставили о себе добрую память в мире людей. Отсюда не выбраться — так считали Зевс и олимпийцы. Герои же думали иначе. Поэтому они лезли наверх, хотя знали, что там тоже ад. Но их ад был хуже, ибо он отдавал патокой и из него не было возврата.

Наступит день, и они взорвут этот пресный мир, смешав его с хаосом Тартара. Герои мечтали об этом дне, жадно раздувая ноздри.

Они выпустят на свободу титанов и мечами проложат себе дорогу в мир людей — туда, где пылают пожары, льется кровь и любят страстные женщины. Они взорвут этот пресный мир!

Крон открыл глаза, отгоняя от себя сладостное видение мечты. Его тоже ждала работа — работа во сто крат труднее, чем изнуряющий труд героев. Он вернулся в свой дом и уселся в мягкое кресло. Сосредоточив взгляд на воображаемой точке на стене, он начал раскачивать маятник времени. Медленно, медленно — струйки липкого пота текли по лицу титана — он толкал усилием воли эту невообразимо тяжелую махину. И время поддавалось его напору и ускоряло свой бег. И не могло быть иначе. Ведь недаром Гея назвала своего младшего сына Кроном, что означает Время.

А Зевса тем временем нес поток повернувшей вспять реки. Грозно ревела вода, разбиваясь о невидимые в кромешной темноте подводные скалы. Где-то в мрачных подвалах громогласно перекликались сторожащие путь гекатонхейры. Зевс не обращал внимания на грохочущую симфонию подземных звуков. Перед его остекленевшими глазами стояло изображение, созданное кистью Крона. Рука! Рука, высовывающаяся из ничего. Где-то он уже видел эту изящную руку.

И сердце подсказывало, что ему еще предстоит увидеть ее!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Олимп. Фессалия

Для того чтобы попасть в чертоги олимпийцев необходимо было миновать три охранительных барьера. Первые два проверяли светом и звуком, третий составляли стражи-тени — бестелесные существа, внешне похожие на сгустки тумана, принявшего вдруг человекообразную форму. Они не могли причинить нарушителю никакого вреда, но этого и не требовалось. Их задачей было поднять тревогу, все остальное должен был сделать дежурный бог.

Аполлон относился к теням с плохо скрываемой брезгливостью. Они были неприятны ему, и не только внешне. Судя по повадкам, тени прислушивались ко всему сказанному олимпийцами и немедленно доносил об этом. Кому? Аиду. Зевсу. А, может, еще кому-то. Почти все олимпийцы собирали друг на друга компромат, чтобы использовать его при первом удобном случае.

— Отойди, тварь прозрачная!

Аполлон с отвращением пнул тень, которая — так ему показалось — пыталась обнюхать его. Как и следовало ожидать, нога прошла внутрь эфемерного создания без всякого сопротивления, не нанеся ему никакого вреда. Аполлон слегка расстроился.

Накануне его преследовали сплошные неудачи. Оборвалась струна на кифаре, а кроме того он целый день домогался любви длинноногой девки, а в результате под вечер она выгнала его прочь. Видите ли, у нее отец строгий! Да плевал он на всех отцов, в том числе и на собственного. И времечко то стерва подобрала — ровно после заката! Естественно, он не успел воспользоваться солнечным потоком и пришлось коротать ночь в дубовой роще, не имея на себе ничего, кроме легкого хитона. А тут еще и дождик пошел.

К-ха! К-ха! Проклятье! Кажется, начался кашель. Так можно и простыть. Нет лучше средства, чем вино, смешанное с медом.

Бог света поспешил на кухню, где суетились несколько поваров, точнее их теней, на время отпущенных из Тартара.

— Не забывай поливать жиром! — крикнул Аполлон тени, вертевшей рукоять огромного вертела, на который была насажена туша вепря.

Тень обернулась и без всякого выражения взглянула на бога света.

Что-то знакомое было в ее мутных глазах. Где-то Аполлон уже видел эту рожу. Но где? У Поликрата[1]? Или, может, во дворце Тантала[2]? Похоже, именно этот тип некогда изжарил беднягу Пелопса. Очередная шуточка Аида? Пакостная шуточка!

Ну, если эта скотина сожжет мясо, то пожалеет, что его отпустили из Тартара!

Не отрывая взгляда от гнусной тени, Аполлон подошел к единственному живому существу — юноше, что размешивал в огромном золотом кратере вино. Это был Ганимед, любимец Зевса. За несравненную красоту и за кое-что еще, о чем обычно не говорили вслух, Громовержец подарил ему бессмертие.

— Привет, голубок! — Аполлон потрепал виночерпия по округлому заду. — Смешай-ка мне вина с медом.

— Без перца?

— А ну его! Не люблю все эти модные нововведения!

— Говорят, очищает кровь, — заметил Ганимед, наполняя вместительный килик чуть тягучей смесью.

— Нашел о чем заботиться!

Бог света залихватски опрокинул лекарство в рот.

— Ух, хорошо! Повтори!

— Что-то ты раненько принимаешь! — послышался голос из-за спины. — Не похоже на Аполлона. Неужто потерпел неудачу. Очередная Кассандра?

Аполлон обернулся. Перед ним стоял Дионис. Подняв в ораторском жесте руку, он продекламировал:

И жестокосердная дева, дар получив богоданный,
В ласке ему отказала!

— Иди в Тартар!

— Только что оттуда.

— И что же ты там делал?

— Плясал с тенями. — Дионис изобразил танцевальное па, потом посерьезнел. — Говоря честно искал одного человечка, точнее двух.

— Кого, если не секрет?

— Если и секрет, то не от тебя. — Дионис с подозрением осмотрелся по сторонам. — Пойдем-ка поболтаем.

Бог света посмотрел, как идут дела у Ганимеда. Тот уже смешал вино с медом и собирался наполнить килик.

— Обожди мгновенье. Сейчас подлечусь...

— Да брось! Мне тут один царек пожертвовал бочку великолепного книдского. Я угощаю.

— Ну хорошо, — сказал Аполлон. — Ганимед, выпей за мое здоровье.

Виночерпий молча пожал плечами.

Уже уходя, Аполлон крикнул тени повара Тантала:

— Эй ты, поджариватель мальчиков, отрежешь кусок посочнее и принесешь на восточную веранду. Мы будем там.

Чтобы попасть в нужное место, им пришлось пройти через весь дворец. По дороге они едва не попались на глаза Гере. Аполлон предугадал возможность ее появления и утащил спутника за колонну. С этой интриганкой следовало держать ухо востро.

Восточная веранда была обшита кипарисовыми досками. На-

гретые солнцем, они издавали резкий пряный запах. Аполлон упал в плетеное кресло, смежил веки и принялся впитывать в себя живительное тепло. Дионис, уже свыкшийся с обязанностью вечного организатора застолий, извлек из ничто бочку и пару ритонов. Последним появился нож. Вогнав лезвие в середину бочки, Дионис проделал дыру и наполнил ритоны. В воздухе повеяло ароматом вина.

— Вино и солнце! Что может быть лучше! — воскликнул бог вина.

— Солнце и вино! — приоткрыв глаза, ответил Аполлон.

Они внимательно, с оттенком вызова посмотрели друг на друга.

Им не стоило ссориться. Они были равны по силе и весьма схожи характерами. Недаром по традиции год делили на две части, одну из них посвящая богу света, другую — богу веселья. Олимпийцы, а вслед за ними и люди считали Диониса и Аполлона символами двух начал. Аполлон был символом строгой, равносторонней гармонии, четко отмеряющей какой мазок наложить на ту или иную часть полотна вселенной. Он создавал свой мир трезвостью ума. Дионис, напротив, был весь во власти стихий. Его мир, шедший от сердца, был наполнен оргиями и весельем, войнами и пароксизмами беззаветной любви. Это был хаос, но хаос созиданья. Войны, затеваемые Дионисом не шли ни в какое сравнение с кровавыми побоищами Ареса. Гулял он не теряя голову, а любя отдавался всем сердцем, но не разумом. У Диониса было очень умное сердце.

Сила ума и сердца обоих богов составляла равновеликую величину. Только у одного было чуть больше сердца, а у другого — ума.

— Зачем звал? — спросил Аполлон, первым отводя глаза. — Чтобы напиться? Ты ведь знаешь, что я никогда не напиваюсь с утра.

— А я наоборот — пью целый день, но, увы, никогда не бываю по-настоящему пьян, — рассеянно заметил Дионис. Он выпил вино и бросил ритон в воздух. Тот растворился в ничто. — Честно говоря, я не стал бы с тобой пить ради того, чтобы напиться. Ты очень скучный собутыльник.

— Спасибо! — криво усмехнулся Аполлон.

— Не за что. Искренность — моя ахиллесова пята. Хочу поделиться с тобой одной новостью.

— А сколько ей лет?

— Пять дней, — не обращая внимания на подковырку серьезно ответил Дионис. — Друг наш Пан, который столь прекрасно играет на свирели, поведал мне, что Афо, кажется, нашла себе избранника.

Аполлон привстал.

— Врешь!

— Не более, чем шучу.

— Кто он?

Дионис ответил не сразу. Он извлек из воздуха исчезнувший мгновение назад ритон, наполнил его вином и медленно, испытывая терпение Аполлона, осушил до дна. Бог света молча ждал. Наконец ритон вернулся в ничто.

— Тебе о чем-нибудь говорит имя Диомеда?

— Фракийский царек, которому проломил голову Геракл.

— Нет. Был еще один. Он некогда блистал под Троей.

Аполлон на мгновение задумался, потом нерешительно выдавил:

— Да-да... Кажется, припоминаю.

— Это он пометил Афо и Ареса.

— Точно. Теперь вспомнил!

— Ты когда-нибудь его видел?

— Нет. А что?

— Ничего. — Дионис устроился поудобнее. — Пойдем дальше. Ты был знаком с Ясоном?

Аполлон задумчиво пожал плечами.

— Я конечно слышал о нем, но судьба никогда не сводила нас.

На лице бога веселья появилась довольная усмешка.

— Так вот к чему я клоню. На днях со мной связался Пан и сообщил, что к нему в рощу приходил человек, в котором он признал Ясона.

— Ну и что?

— А то, что он должен был умереть много веков назад!

— Любопытно... — протянул Аполлон и почесал безупречно правильный нос.

— Пану это тоже показалось любопытным. Ясон заставил его связаться с дворцом. Громовержца не было. На связи сидела Афо. Естественно с ее любопытством она не смогла отказать себе в удовольствии поглазеть на героя, о котором так много слышала и который вдруг воскрес из мертвых. Она примчалась в Мессению. Но тут случилось еще более удивительное. Она признала в этом человеке Диомеда. Хоть он и был без бороды, но, согласись, трудно забыть лицо того, кто поразил тебя ударом копья.

— Любопытно! — Аполлон оживился.

— А сейчас ты узнаешь о том, что тебе будет наименее приятно...

— Не тяни! — процедил бог света.

Дионис неопределенно хмыкнул.

— Наша распрекрасная Афо по уши влюбилась в этого самого то ли Ясона, то ли Диомеда.

Аполлон затряс красивой головой, словно отгоняя наваждение.

— Но этого не может быть. Они оба умерли!

— И я так думал. Я не поверил ни Пану, который будто бы признал Ясона, ни Афо, которая, по словам Пана, признала Дио-

меда. Я решил разобраться в этом деле сам и для этого отправился прямиком к Аиду. Ну и мрачное же местечко! Пришлось поставить хозяину Тартара две бочки отличного вина. Для себя берег. Фалернское, урожая тридцатилетней давности, и книдское. Ты знаешь, он хлещет...

— Ближе к делу! — рявкнул Аполлон.

— Хорошо, хорошо. Не нервничай! Короче говоря, — сделав паузу Дионис осушил третий ритон, — в его подвалах не оказалось ни Ясона, ни Диомеда. И оба они не числятся в приходных книгах. Выходит, никто из них на самом деле не умирал. А вернее сказать, их вообще не было. Был человек, именовавший себя Ясоном, потом Диамедом. Этот человек или, кто он там есть на самом деле, время от времени распространял слухи о собственной гибели и преспокойно присваивал себе другую судьбу.

— Но каким образом он сумел столько прожить?

— А как живем мы?

— Гея и Кронос даровали нам бессмертие.

— Да ладно тебе, — протянул Дионис, махнув рукой. — Не повторяй идиотских сказок! Зевс, может быть, и бессмертен. О нем совсем иной разговор. А мы по одному исчезнем. Вот скажи мне, когда ты в последний раз видел Геракла?

Аполлон зашевелил пальцами, что-то прикидывая в уме.

— Давно. Веков пять назад.

— Верно. Так вот, наш здоровячок загнулся.

— Как это?

— Как все. Опился вином и умер. Болтушка Атэ по секрету рассказала мне, что слышала как Зевс шептался об этом с Герой. Мадам ведь не переносила героя, вот хозяин и поспешил сделать ей приятное, объявив о смерти Геракла. Остальным об этом, естественно, ничего не сообщили, а для отвода глаз Громовержец выдумал басню, будто Геракл ушел навсегда к амазонкам. Спрашивается, что он забыл у этих одногрудых лесбиянок?! А на деле он давным-давно гниет где-нибудь под горой, а тень его — под замком в одном из потайных подземелий Тартара.

— С трудом верится! — Аполлон возбужденно вскочил со своего места и стал расхаживать по поскрипывающим доскам. — А какой был богатырь!

— Сердце. А, может, Зевс подсыпал ему невзначай какой-нибудь пакости. В последнее время они не ладили.. Так вот, милый мой, бессмертия нет. Для нас, по крайней мере. Поэтому, потребляя в изобилии вино, я никогда не забываю об амврозии. Не знаю, что мешают туда по приказу хозяина, но эта штука продлевает жизнь.

— Может быть, он даст нам новое тело, — пробормотал Аполлон.

Дионис усмехнулся.

— А зачем, скажи на милость, ему давать тебе новое тело? Он лучше возьмет себе нового Аполлона.

Мысль была слишком здравой, чтобы пытаться ее опровергнуть. Аполлон погрустнел.

— Да ты не расстраивайся! — захохотал Дионис. — Чудак, мы переживем еще сотню поколений этих людишек. Разговор сейчас совсем о другом. Или тебя больше не интересует Афо?

— Еще как интересует! — откликнулся Аполлон. — Я хочу ее словно кобель, истекающий по сучке. Что ты еще узнал об этом многоликом мерзавце?

Дионис пригубил четвертый по счету ритон.

— По словам Пана, Афо немного поговорила с ним, а затем они отправились гулять по роще. Когда же вернулись обратно, туника Афо была испачкана зеленью, а сама она светилась подобно Эос.

— А твой Козел, случаем, не врет?

— Какой смысл? Кроме того, он доверяет мне. — Дионис ухмыльнулся. — Ведь я единственный его друг. Да неужели ты сам не заметил, что в выражении лица Афо появилось что-то новое?

— М-да, — задумчиво выдавил Аполлон. — Она стала еще прекраснее. Я думал, это из-за весны.

— Весна! — с сарказмом воскликнул Дионис. — Для нее весна круглый год! Это любовь.

Аполлон решительно отправился во дворец.

— Эй, ты куда?

— Возьму лук и отправлюсь в священную рощу. Сниму с этого умника шкуру.

— Ну-ну...

Было в тоне Диониса что-то такое, заставившее Аполлона остановиться.

— Что тебе еще известно?

— Наоборот, неизвестно, — сообщил бог веселья, внимательно разглядывая обломанный ноготь. — Пан не знает, где он живет. С тех пор он лишь однажды приходил в рощу. Афо встречается с ним где-то в другом месте.

— Вот незадача!

Дионис поднялся и подошел к Аполлону. Стало еще заметнее насколько они похожи. Боги были примерно одинакового роста и телосложения. Лицо Аполлона было красивее, Диониса — выразительней.

— Ладно, любовник-неудачник. Я подарю тебе еще одну тайну. Надеюсь ты не забудешь о моих услугах!

— Я памятлив! — заверил Аполлон. — Говори!

— Только что я говорил с Паном и тот сказал мне, что Ясон-Диомед сегодня будет во дворце. Он договорился о встрече с Громовержцем, и тот разрешил ему воспользоваться своим личным каналом связи.

— Ого! Судя по всему это важная птица. Неплохо бы посмотреть на него.

Аполлон вопросительно посмотрел на своего сообщника, тот снисходительно улыбнулся.

— Что бы ты без меня делал! Иди за мной.

Дионис убрал в ничто бочку и прочие акцессуары винопития и они вошли в полумрак дворца. По пути им встретилась тень повара Тантала. Аполлон попытался пнуть ее обутой в золотую сандалию ногой.

— Сколько тебя можно ждать, мерзавец!

Но нога провалилась в пустоту и бог света едва не растянулся, вызвав смех Диониса.

Они забрались на верхний этаж дворца. Здесь в небольшой комнатке сплетничали три нимфы, наложницы Зевса.

— Брысь, потаскушки!

Нимфы с визгом упорхнули. Дионис плотно притворил дверь, привалил ее тяжелым дубовым столом, а для верности окружил стены силовым полем небольшой мощности.

— На случай, если попытаются пробраться тени, — пояснил он свои действия.

— Они служат Зевсу? — словно невзначай, поинтересовался Аполлон.

— А кто их поймет. — Дионис поймал недоверчивый взгляд бога света и решил на этот раз быть честным. — Многие работают на меня, но я не могу поручиться, что они же не бегают с доносами к Афине или Гере. Сикофанты-любители!

Дионис поколдовал над одной из мраморных плит, после чего легко сдвинул ее. Под плитой оказалась ниша.

— Полезли. Но только веди себя тихо.

Ниша оказалась длинной каменной трубой. Кое-где ее дно испещряли небольшие, в монету размером, дырочки и тогда Аполлон слышал неясные звуки.

Наконец Дионис остановился и повернул голову.

— Мы на месте, — шепнул он и указал пальцем вниз. — Смотри.

Аполлон приставил глаз к отверстию. Под ним были личные апартаменты Громовержца. Таинственный гость уже прибыл. Он и хозяин сидели за столом друг против друга и негромко беседовали. Судя по выражению лица Зевса, разговор был не из приятных. Увидеть лицо гостя мешал пепельный шар, подвешенный под потолком.

Томительно тянулись мгновения. Аполлон уже начал терять терпение, но в этот момент таинственный гость потянулся к кубку, и его лицо на какой-то миг явилось взору Аполлона. Всего миг, но этого было вполне достаточно, чтобы бог света придушенно вскрикнул.

Напротив Зевса сидел Тесей.

* * *

Это было на веселом празднике в Аркадии. Они старались быть неузнанными. Но как трудно оставаться неузнанным тому, кого знает вся Эллада. И как трудно быть неузнанной той, чья

красота сводит с ума. И все же они ухитрялись оставаться неузнанными, хотя встречные невольно провожали их взглядами, восклицая:

— Смотрите, похоже сам могучий Геракл посватался к прекрасной Елене!

А он был сильнее Геракла, его меча опасались даже боги. А она была несравнимо прекрасней вздорной красавицы из Спарты.

— Куда мы теперь?

Леонид заглянул в аквамариновые глаза своей возлюбленной.

— Туда, где солнце. И мягкая, словно шелк, трава.

— И где нет людей?

Спартиат нежно прижал прекрасную головку к своей груди и рассмеялся:

— Точно!

— Ты неисправим. — Афродита притворно вздохнула.

— Ой ли?

Красавица взглянула на своего возлюбленного и, не удержавшись, тоже рассмеялась.

— Ладно, — шепнула она. — Я знаю здесь одно прелестное местечко, где нам никто не помешает.

— Так чего же мы стоим? Вперед!

Они выбрались с запруженной разноцветной толпой площади и двинулись по кривой улочке, убегавшей вниз. Путь их лежал через кварталы ремесленников — грязные, скверно пахнущие и небезопасные ночью. Вытащив из складок легкой туники пропитанный благовониями платочек, Афродита поднесла его к носу и на всякий случай покрепче ухватилась за локоть своего могучего спутника. Из ее груди вырвался вздох облегчения, когда они вышли за крепостную стену.

— Ну и гнусные взгляды у этих мантинейцев! — вслух поделилась она волновавшей ее мыслью.

— Да? А я не заметил ничего особенного.

— Если не считать того, что каждый норовил залезть глазами под мой подол...

— Так ведь только глазами, — насмешливо протянул Леонид. Афродита взглянула на него и фыркнула.

— Конечно, тебе легко об этом рассуждать. Ведь они лезут не к тебе.

— Их отпугивает мой меч. — Афродита ответила на это невольно вышедшее двусмысленным замечание смехом — звонким и легким, как она сама. Леонид понял, о чем она подумала и сказал ту же фразу, что услышал от нее несколько мгновений назад. — Ты неисправима.

— Извини. — Она вновь наполнила воздух серебристыми веселыми колокольчиками. — Кстати, мы уже пришли.

— Здесь? — удивленно спросил Леонид, осматриваясь.

Они стояли на ровной зеленой лужайке всего в стадии от каменной скорлупы мантинейских стен.

— Да. А что, это место тебе не нравится?

Спартиат пожал могучими плечами.

— В общем местечко ничего, если не обращать внимания на то, что отсюда открывается великолепный вид на городскую стену.

— Однако прежде ты не был столь стеснительным.

— Я думал прежде всего о тебе, но если богиню это мало волнует, — Леонид снял плащ и расстелил его на траве. — Прошу!

— Ты забываешь о том, что я богиня любви, а кроме того, я не собираюсь поступать с каждым увидевшим мое тело как Афина с Тиресием[1].

— Мне говорили, что слепота Тиресия связана совсем с другой историей, — с невинным видом заметил спартиат.

— Это уж слишком, верить в подобные нелепые байки! — выдохнула Афродита. — Тебе не кажется, что будь в этой истории хоть доля правды, я умерла бы от наслаждения?

— Ты принижаешь меня в собственных глазах! — придав лицу оскорбленное выражение, шутливо воскликнул спартиат.

— Напротив, — ответила богиня и поспешила закончить эту затянувшуюся дискуссию. Нежные, покрытые золотистым загаром руки обняли шею возлюбленного, влажноватые губы скользнули по щеке, нашли рот. Как уже бывало не раз, время вдруг замедлило свой бег, а потом и вообще перестало существовать. Устал и медленно опустился в камыши ветер, замерли на месте редкие облака, забылись во сне цветы и деревья. Лишь солнце по-прежнему посылало свои жаркие поцелуи, обволакивавшие кожу знойной пленкой.

В мире существуют лишь две вещи, способных изменить бег времени — ярость и любовная страсть. Когда эти чувства переполняют душу, время умирает, чтобы возродиться вновь уже в другой точке. Эти мгновения и есть потерянное время, о котором столь часто сожалеют моралисты. Эти и никакие другие. Но разве не стоит сладкая ярость нескольких бренных мгновений вечности; ведь она зажигает тлеющее сердце. И разве не стоит этого любовь, останавливающая время сразу для двоих.

Чувство, возникшее между богиней и героем, носило в себе черты и ярости и любви. Это была яростная любовь, которая случается всего раз в жизни, хотя возлюбленные думали иначе. Афо считала это увлечением. Серьезным увлечением, стоявшим много выше, чем обыкновенная интрижка, но все же увлечением. Леонид же полагал, что нашел женщину, которая наскучит ему не столь быстро, как остальные.

Она ошибалась, и уже было близко время, когда она должна будет понять свою ошибку. Ошибался и он, ибо повстречал не просто прекрасную женщину, он повстречал саму любовь. Любовь, в телесном облике сошедшую с олимпийских круч. Женщину, в которой воплотилась эманация любви. Не было в мире губ более сладких, чем эти, не было рук более нежных и ласко-

вых, не было бедер столь сладострастных. И не могло быть глаз столь глубоких. Трепет охватывал душу, когда она постигала глубину этих аквамариновых глаз, затягивавших жертву в свои сети и не отпускавших уже никогда. И Леонид смотрел в эти глаза, мечтая лишь о том, чтобы вновь повторилось любовное безумие. В эти мгновения он осознавал, что действительно существует любовь, ради которой можно пожертвовать всем, за исключением лишь одного — чести. И он купался в волнах этой любви.

Афо испытывала похожее чувство. Впервые она встретила мужчину под стать своей красоте — сильного и уверенного в своей силе. То был мужчина, способный защитить от всех опасностей. Не просто заслонить грудью от вражеских стрел — подобных немало. Да и много ли для этого требуется, подставить грудь под стрелы. Чуть-чуть отваги, чуть больше благородства и перехлестывающее через край отчаяние, которое многими принимается за отчаянную храбрость. Царь Спарты или кто он был на самом деле — Афо так и не смогла допытаться об этом — не просто защищал, жертвуя собой. Он защищал, но так, чтобы остаться в живых и поразить своего врага, а чрез мгновенье встретить нового. Это был воин, чье предназначенье лишь в одном — быть воином. Именно на таких людях держится мир.

Красавица любила своего воина, воин любил красавицу. Они старались использовать для встреч каждое свободное мгновенье. А это было нелегко. За Афо следило множество ревнивых глаз, у Леонида было много забот и врагов. Но препятствия лишь усиливают любовное влечение, порой даже думается: если б их не было, их стоило создать. Любовь нуждается в препятствиях, подобно тому как костру нужны еловые сучья; лишь препятствия могут поддержать жар любовного огня.

Местом их встреч стали живописные рощи и городки Аркадии, где Леонида мало кто знал в лицо и куда он мог быстро добраться. Афо прибывала в условленное место по световому потоку, спартиата приносил горячий конь. Ночь, день, еще ночь. Затем их ожидало расставание. Они расставались, чтобы вскоре встретиться вновь. И вновь мягкая трава служила им постелью, а тайно влюбленный в Афо Зефир укрывал обнаженные тела теплым воздушным покрывалом. Захотев есть, Афо со смехом запускала руку в ничто, извлекая оттуда кубки с вином и блюда, полные всевозможной снеди, принесенной в жертву Зевсу, Дионису или Посейдону. Этому ее научил Дионис.

Был первый месяц года, первый месяц лета. Ведь год приходит тогда, когда распускаются цветы. Это было время Афродиты, время яркой зелени, время любви.

— Скоро осень, — внезапно сказал Леонид.

Афо лежала на спине, пряча лицо от солнечных лучей в тени сплетенных над головой пальчиков. На ее коже поблескивали росинки пота, высокая грудь размеренно вздымалась.

— Какая осень? — спросила она.

— Время, когда желтеет трава, окропленная солоноватой кровью.

— Тебя волнует эта война? — в беззаботном голосе Афо проскользнула едва заметная нотка беспокойства.

— Нет, не война. Осень. Один человек проклял меня, сказав, что это лето будет для меня последним.

— Еще не родился тот, кто сможет одолеть тебя.

— Хотелось бы верить. — Леонид ласково провел пальцами по шелковистой коже. — Случается так, что смерть исходит не от вражеской руки, а как результат обстоятельств.

— Смерть, война... Хочешь, я сделаю так, чтобы ее не было?

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался спартиат. — И как же ты это сделаешь?

Афо чуть раздвинула пальцы и взглянула на Леонида. Ее спрятанные в тени глаза мерцали почти космической темнотой. В бездонной глубине их плясали золотистые огоньки, словно парные звезды в созвездии Псов. Леонид в который раз поразился, насколько совершенна ее красота. Нужно было быть великим творцом, чтобы создать подобную красоту. Он знавал прежде одну женщину, чье лицо было как две капли воды похоже на это. Но та была жестока и беспощадна, а ее аквамариновые глаза были наполнены огненным льдом. Глаза Афо излучали красоту и нежность.

— Если хочешь, я поговорю с Громовержцем. Ведь он может предотвратить эту войну.

Леонид чуть приподнял брови, что должно было означать: как знать.

— Не все в его силах, но он может очень многое.

— Тогда он сделает все, как я захочу. Я кажется не говорила об этом, но он давно влюблен в меня. Мне достаточно лишь пообещать, что разделю с ним ложе.

Афродита улыбнулась, влажно блеснув ослепительно белыми зубами. Спартиат коснулся пальцами ее щеки, провел по мягко очерченной линии подбородка.

— Он лепил тебя с нее. Он попытался сделать из дьявола ангела. И это ему удалось. Вот только ангел вышел чуть легкомысленным и самоуверенным.

— О чем ты? — спросила Афо.

— Да так, о своем. Это было слишком давно. Так уж случилось, тому, кого ты зовешь Громовержцем, всегда не везло с женщинами, как впрочем и не только с ними. Все согласны принять его любовь, но никто не хочет дарить свою.

— А за что его любить? — Афродита усмехнулась. — Он такой зануда! Он все время думает лишь о делах. Мы же любим тех, кто забывает обо всем ради любви.

— Да, ты права. Мир стал слишком равнодушен. В людях течет медленная кровь. А любовь требует стремительного горного потока. Не проси его ни о чем, не стоит.

— Почему?

— Я не хочу делить с ним такую красоту.

На лице Афо появилась счастливая улыбка.

— Я люблю тебя за это.

— Я тоже люблю тебя. — Леонид коснулся губами изящного носика девушки. Она серьезно смотрела на него. — Да, я люблю тебя и, кроме того, я воин и мое дело не предотвращать войны, а выигрывать их.

— Тогда вот что. — Афродита привстала и оперлась на локоть. — Убей того, кто сказал, что ты умрешь.

— Я так и сделал. Он был уже мертв, когда мне перевели сказанные им слова.

Женщина прижалась к огромной, рельефно-выпуклой, иссеченной множеством шрамов груди.

— Ты чувствуешь приближение смерти?

— Пока нет. Но я слишком долго обманывал ее. Верно, ей уже надоело гоняться за мной.

— Ты победишь ее! — убежденно шепнула Афродита. — Ведь ты победишь ее?

— Конечно! Я побеждал ее в сотнях обличий. Я убивал смерть, изрыгающую огненные лучи, я повергал ее, размахивающую мечом, потрясавшую копьем и скакавшую на остротаранной колеснице. На этот раз она придет в облике тучи стрел. Их будет слишком много. И одна из них найдет мое горло.

— Нет, — сдавленно шепнула Афо, и внезапная горячая слезинка обожгла кожу Леонида.

— Да ты что?! — весело захохотал он. — Вытри немедленно! Не хватало еще чтоб б я утешал плачущих богинь! Я пошутил.

Афо улыбнулась, робко и чуть обиженно.

— Дурак! — констатировала она.

— Конечно. — Спартиат заглянул в аквамариновые глаза. — Никакой смерти не одолеть того, кого любит такая женщина!

Афродита радостно рассмеялась и потянулась к его губам. Даря любовь она была великой богиней, желая любви она становилась обычной женщиной.

— Я люблю тебя, моя женщина! — прошептал спартиат.

Вечер и последовавшая за ним ночь принадлежала лишь им. Звезды плясали колдовской хоровод, сплетаясь в причудливые ожерелья созвездий.

Первые лучи солнца осветили фигуру могучего всадника, скакавшего по Тегейской дороге. Мгновением раньше они коснулись бархатистой щеки Афо, разметавшейся на пушистом покрывале в своей опочивальне. Глухо каркнул проснувшийся ворон Аполлона Пейр и тут же смолк, завороженный красотой забывшейся в сладком сне женщины, чье лицо излучало красоту и счастье. Еле слышно вздохнул Зефир, набрасывая легкое покрывало облаков на ослепительно завистливое солнце.

— Тихо! — шепнул он Пейру. — Она устала. Она влюблена.

— По уши! — каркнул Пейр, славившийся своим несдержанным языком, и улетел к трем дубам, в чьей коре водились необычайно вкусные червячки.

* * *

Он осмотрел этот узкий проход с вершины горы, затем не поленился спуститься вниз, чтобы вымерять его шагами. Кожаные эндромиды по щиколотку вязли в сухом, испещренном колючими веточками, песке, бронзовые доспехи при каждом шаге сотрясали воздух звоном. Задумчиво почесывая мокрый от испарины лоб, воин вернулся на вершину горы, где его ожидал розовощекий крепкий мальчуган лет двенадцати, восседавший, свесив ноги на обитом броней бортике четырехконной колесницы, невесть как попавшей на эту скалистую вершину. Короткая туника паренька была бесстыдно задрана спереди, а весь завернутый подол ее был доверху набит неспелыми яблоками. Мальчуган с хрустом объел зеленый плод и влепил огрызком по увенчанному высоким гребнем шлему воина. Тот хотел было одернуть шалуна, но, подумав, решил не связываться.

— Ну что, воинственный чугунок? Что интересного ты обнаружил? — спросил паренек, с кислой миной вгрызаясь в очередное яблоко.

«Воинственный чугунок» с плохо скрываемой неприязнью взглянул на мальчугана. Как же трудно было взрослому сильному мужчине удержаться от того, чтобы не дать хорошую взбучку этому нахальному мальчишке. Тем более, если ты грозен как лев и от одного твоего крика трепещут целые армии. Особенно, если ты бог войны и люди бледнеют, произнося твое имя, короткое и стремительное, словно взмах меча — Арес. Жующий яблоко паренек был один из очень немногих, кто не боялся Ареса. Напротив, скорей грозный бог опасался этого несносного шалуна, готового в любое мгновенье устроить мелкую пакость. С помощью лука, вечно болтающегося за его спиной, он мог устроить и более серьезную неприятность, пронзив сердце любовной стрелой, от которой нет спасения ни людям, ни даже богам. Этого несносного мальчишку звали Эротом. Почему-то считалось, что он сын Афродиты и Ареса, но кому как не самому Аресу было знать, что это не так — хотя бы уже потому, что он никогда не занимался любовью с красоткой Афо.

— Все нормально, — ответил Арес, старательно изображая честную мину.

— Что нормально? — Эрот скривился, видно яблоко попалось слишком уж неспелое, и с брезгливым видом швырнул надкушенный плод в гребень медного шлема Ареса. Подобную наглость нельзя было больше оставлять безнаказанной.

— Паршивый недоносок! — Арес с угрожающим видом схватился за золоченую рукоять меча.

Мальчуган мгновенно скатился с борта колесницы и выхватил лук.

— Поосторожней, папашка!

На лице Ареса нарисовалась заискивающая улыбка. Он уже имел возможность испытать сколь опасно связываться с Эротом. Рука, державшаяся за меч, скользнула по металлическому поясу, словно поправляя его.

— А что, ты собственно, разнервничался, приятель?

— А ничего! — Эрот неторопливо убрал лук на место и вызывающе посмотрел на бога войны. — Что ты там вынюхал?

— Да ничего особенного.

— Ну-ну, не темни! Что я, по твоему, зазря катался по этим пыльным горам? Мамашка велела мне разнюхать, почему это ты ни с того, ни с сего бросил своих шлюх и свалил в фессалию.

— Она тебе не мать! — рявкнул, внезапно, рассвирепев Арес.

— А я и не называю ее матерью. Я, если хочешь знать, горемычный сирота. А что это вдруг ты так разволновался, папашка? — Эрот осклабился, отчего его лицо сделалось еще более нахальным. — Кончай темнить. Валяй, выкладывай, что вы там задумали. А не то влеплю тебе стрелу в зад и заставлю влюбиться вон в ту препротивную жабу. — Мальчуган со смехом указал на покрытое бородавками бурое чудовище, немигающе вылупившееся на Ареса. Бог невольно вздрогнул. — Ты ведь знаешь, папашка, сколь горька неразделенная любовь. Эта красотка через мгновение шмыгнет под корягу, а ты будешь всю жизнь сгорать от тоски по ней. Давай рассказывай, с каким заданием старик отправил тебя сюда!

— Дай яблоко, — попросил Арес.

— Держи.

Мальчуган ловко бросил богу-воину зеленокожий плод. Тот откусил и тут же сплюнул.

— Кислятина!

Эрот с угрожающим видом потянулся за луком.

— Папашка, не заговаривай мне зубы. А не то я рассержусь!

Арес снял шлем и уселся на землю, прислонившись спиной к борту колесницы. Запряженные в нее кони, равных которым не было во всем мире, почуяли раздражение хозяина и тревожно загарцевали. Крайний справа, Ужас покосился на него лиловым глазом.

— Слушай, малыш, почему ты столь усердно служишь красотке Афо?

— Ты сам ответил на свой вопрос. Она красотка. А какой мужчина не любит красивых женщин. Кроме того, мамашка добрая и всегда кормит меня медовыми пирожками. Так что давай, колись!

— Ну хорошо, хорошо, — примирительно сказал Арес. — Я искал место, где вскоре может произойти величайшая битва. Если такова будет воля богов. Это ущелье займут эллины, кото-

рые будут сдерживать натиск подошедших с севера варваров-мидян. Ты хочешь узнать, почему битва произойдет в этом месте...

— Не держи меня за идиота, папашка! Я молод, но не глуп. Надо быть полным ослом, чтобы не понять того, что именно в таком месте горсть храбрецов может одолеть целую армию. Я не прав, папашка?

— Ну, в общих чертах, да... — промямлил Арес.

Мальчуган поспешил вновь взять инициативу в свои руки.

— Продолжим наш интересный разговор. Что ты собираешься сказать старику?

Арес на мгновение задумался, затем ответил:

— Что мидян удобней всего встретить именно здесь.

— Понятно.

Эрот бесстрашно прогулялся туда-обратно по тропинке над пропастью, сбрасывая вниз мелкие камешки.

— Исходя из того, что старик, как мне сдается, собирается занять сторону мидян, он постарается, чтобы эллины не смогли обороняться в этом проходе. Так, папашка?

— Д-да... — запинаясь, выдавил Арес, донельзя удивленный тем как здраво этот пацан судит о замыслах Зевса.

— Так вот, медный чугунок, скажешь старику, что море пересохло, а горы осыпались и эта позиция стала непригодной для обороны.

— Ты сам это придумал или тебе подсказала Афо? — удивляясь все более и более, спросил меднобронный бог.

— Афо? — Мальчуган рассмеялся. — Мамашка хороший человек, но с воображением у ней туго. Но это между нами! — Эрот поднял со значением палец. — Настоящий мужчина никогда не должен говорить подобное о женщине. Особенно за глаза. Но разве можно сделать подобное признание мамашке, глядя в ее бесподобно-бездонные озера? Я, например, не смогу. — Шалун слегка смущенно хлюпнул носом и высморкался. — Все это философия. Вредит здоровью и ухудшает пищеварение. Конечно же, все это придумал я. Мамашка хочет, чтобы варвары проиграли. Почему бы не помочь ей? За добро воздается добром. Ты запомнил, что должен сказать старику?

— Это похоже на шантаж, — пробормотал Арес.

Эрот звонко хлопнул в ладоши, выражая этим высшую степень восторга.

— Великий Зевс, подумать только! Этот меднолобый недоумок знает такое умное словечко! А это и есть шантаж, гремящий ящик. И ты сделаешь то, что я хочу, иначе знаешь, что я с тобой сделаю?

— Что? — на всякий случай поинтересовался грозный бог.

— Заставлю влюбиться в одну из горгон. Надеюсь, эти красотки тебе по нраву?

— Нет, только не это!

— Вот и хорошо. Приятно иметь дело с... — Эрот ощерил белые молочные зубки. — Чуть не оговорился, назвав тебя умным. С послушным человеком!

— Я не человек! — Арес гордо расправил огромные плечи. Даже сидящий, он был много выше говорливого озорника.

— Прости, я забылся. С медным ящиком! Похоже, мы поняли друг друга и договорились. Договорились? — Эрот подошел к Аресу и покровительственно похлопал ладошкой по медному наплечнику. — Не слышу ответа.

— Договорились, — выдавил Арес. — Я и сам ничего не имею против эллинов.

— Рад, что в тебе сохранилось здоровое чувство патриотизма. Скажешь старику, что здесь не триста локтей, как ты намерил, а десять раз по триста. Это его вполне устроит. Десять по триста... — Мальчуган в задумчивости прогудел носом короткий мотивчик. — В самый раз! Теперь, я думаю, ты узнал все, что хотел. Поехали?

— Да, сынок, — заискивающе протянул Арес.

— Э-э-э, папашка, какой я тебе сынок! Неужели моя голова похожа на котелок?

— Дался тебе мой шлем, — проворчал Арес, взбираясь на колесницу.

— А разве я сказал что-нибудь дурное насчет шлема. Хромуша постарался на совесть, а вот твои родители подкачали. Ну ничего, не огорчайся, в этом дурацком мире ум не главное. Зато у тебя много мяса, да и орешь ты, как выразился косоглазый Гомер, словно десять тысяч воинов. Каждому свое, папашка! Поехали!

Арес хлестнул лошадей и они помчались прямо по крутому обрыву. Волшебная сила влекла колесницу вперед, не давая ей рухнуть в пропасть. Из-под копыт вороных коней летели огромные глыбы. Они с грохотом катились вниз, рождая лавину. Темное разноцветье горных пород, мхов и осколков кварца превращало мир в искрометный калейдоскоп, от которого кружилась голова. Арес старался не смотреть на стремительно стелющуюся землю, Эрот спокойно позевывал.

Наконец горная круча перешла в пологий склон, а вскоре колесница неслась по цветущей фессалийской равнине. Приведя в состояние относительного равновесия мечущиеся мысли, Арес стал подумывать о том, как бы рассчитаться с нахальным мальчишкой. В конце концов он решил, что Эрота стоит выпороть, предварительно отняв у него лук, а если не поможет, пожаловаться на него Зевсу. Впрочем, прежде чем ссориться с этим злопамятным пацаном, стоило попытаться разрешить конфликт миром. Покусывая губы, Арес нерешительно повернулся к стоящему по правую руку Эроту и слащаво промямлил:

— Малыш, хочешь я буду угощать тебя сладкими пирожками. А еще ты можешь поиграть моими мечом и щитом...

— Послушай, папашка! — незамедлительно ответил паренек, удостаивая Ареса презрительного взгляда. — То, чем ты сейчас занимаешься, я называю политикой пряника. Знаешь, что такое пряник? Это такая коричневая вкусная штучка со сладкой начинкой. Подобную дешевку можешь испробовать на Гефесте, он доверчив. Это первое. А теперь второе. Обычно после того, как не вышло с пряником, пытаются применить кнут. Знай, медный ящик, если попробуешь мне что-нибудь сделать, я подыщу тебе такую любовницу, что все твои увядшие придатки, которые ты прячешь под защитным поясом, окончательно отсохнут. И последнее. Неужели ты думаешь, что я люблю мамашку из-за сладкого или из-за того, что она добра ко мне? Да я ненавижу сладкое! Подобная мысль могла придти в голову лишь полному импотенту или круглому идиоту! Выбирай, что тебе более по душе. Сладкое... Что может быть слаще женских ножек. Ты видел мамашкины ножки? Да у меня сохнет во рту, когда я вижу эти ножки! — Мальчуган восторженно закатил глаза. Это вышло у него столь выразительно, что Арес непроизвольно сглотнул.

— Приятель, а тебе не рано ли думать об этом?

— Папашка, думать никогда не рано! А вот кое-кому пора уже и делать! — Эрот самым наглым голосом захохотал. — Эй, папашка, — выдавил он сквозь смех, — подрули-ка вон к тому саду. Сдается мне, там недурная вишня. А потом сразу к источнику Аркамеи.

— А туда-то зачем? — вздохнул Арес.

— Там в полдень купаются нимфы. Я тебе скажу, у них такие фигурки! Правь, извозчик!

Арес застонал, словно от зубной боли, и дернул повод, направляя коней к ближайшему саду.

ЭПИТОМА СЕДЬМАЯ

Киклоп

Киклоп
Стой... Я отбил кусок скалы, и вас
Он в порошок сотрет и с вашей лодкой...
Хоть я и слеп... Но есть в скале проход,
И я, на мыс взобравшись, вас заспею...
ЕВРИПИД, «Киклоп», 704—707

Его мир был наполнен ожиданием. И еще он был напоен ненавистью.

Море глухо плескало об обрывистые кручи Тринакрии. Грозно ревя, оно стеной обрушивалось на берег и рассыпалось мириадами тусклых серых хлопьев, в солнечных лучах превращающихся в яркие мыльные пузыри. Но для него они были вечно серыми, ибо он не видел солнца и его мир был затянут непроницаемой блеклой пеленой, столь густой, что порой он мог осязать ее руками, словно вязкую фланель. Хлопья медленно поднимались вверх и оседали на седых мшистых камнях, делая их спины влажными и скользкими. Порой они садились на его бородатое лицо, и тогда он вытирал щеки огромной шершавой ладонью, чувствуя, как горькая свежесть моря касается обветренных губ.

Кроме моря, здесь властвовал свирепый ветер — сын этого моря. Он был влажен и солен. Днем он приятно холодил опаленную солнцем кожу, ночью завывал, играясь меж каменных выступов пещеры.

Шум и запах моря, свист и пыльные ароматы ветра — все, что осталось ему, отрезанному от мира серой стеной слепоты.

Когда-то все было иначе. Он видел солнце и мир был разноцветным и радостным; мир искрился яркими красками, среди которых преобладали красная, желтая и темно-зеленая, словно придонные водоросли. Еще было очень много серого, точнее того, который он тогда считал серым. Истинно серый цвет он познал лишь сейчас, когда паутинная пелерина отрезала от него солнечный мир. Тот серый был полон радужных оттенков. Бело-оранжевые камни с примесью болотно-мшистого. Выжженная трава на взгорках, если внимательно присмотреться, была все же не серой, а скорей темно-шафранового цвета. Овцы, пятнами разбросанные по зеленым лужайкам, радовали глаз веселой незатейливой пестротой, а их бессмысленные глаза походили на черные битумные точки. Даже непогожее небо и то было в черно-голубую рваную полоску. Серой была лишь полынь, но она пахла солнцем, ветром и горьким морем. Эти запахи расцвечивали степ-

ную траву кармином, охрой, лазуритом и матовым жемчугом. Она сохранила свое разноцветье и сейчас.

Рука нащупала крохотный кустик полыни, вырвала его из земли, травяная мякоть сочно чмокнула меж пальцами, тонкий упоительный аромат достиг чутких ноздрей.

Да, жизнь была ослепительно прекрасна, пока не пришел Никто. Он был невысок, но кряжист; сильные узловатые руки свидетельствовали о том, что их хозяин знает не понаслышке, что такое копье и валик весла. Еще глаза. Глаза были странные. Было почти невозможно поймать их взгляд, мечущийся словно загоняемый в сети горностай. Но такое бывает, когда зрачки устают от яркого света.

С ним было несколько спутников. Одежда их была порядком истрепана, а брады нечесаны. Увидев грозного одноглазого великана, пришельцы задрожали от страха, но он успокоил их, представившись хозяином этого мыса и назвав свое имя. Полифем — так нарек его при рождении отец, владыка моря Посейдон. Как и подобает гостеприимному хозяину, он накормил гостей сытным ужином, а лишь затем поинтересовался, кто они есть такие и откуда держат свой путь.

Ответил тот, чей взгляд не смогла бы догнать даже стрела.

— Я Никто, — сказал он, — а это мои люди. Благодарю тебя за трапезу, благородный хозяин, и прошу отведать сладкого вина.

Вино было в этих краях редкостью. Слишком неплодородна каменистая почва, да слишком неумелы пастушьи руки, чтобы вырастить на ней лозу. То был ответный дар гостей и хозяин не мог отказаться.

Никто наливал вино в кубки, а хозяину — в гигантский кратер, выложенный по ободу разноцветными камушками. Солнечный напиток затуманил головы и развязал языки. Гости начали наперебой хвастать своей отвагой и удачливостью. Лишь Никто был скрытен и более слушал. Он расспрашивал хозяина о том, какие дела творятся в здешних краях и речь его была слаще меда.

— Мы долго не были дома, благородный киклоп, и позабыли запах родных очагов. Мы бродяги моря, заброшенные волей богов на край земли и с трудом нашедшие дорогу обратно.

— А где твой дом, любезный Никто? — спросил киклоп, подставляя кратер под струю кровяного вина.

— На острове, именуемым Итакой. Я друг и сотрапезник царя Одиссея. Ты слышал о нем.

Полифем кивнул косматой головой.

— Боги поведали мне, что мой дом посетит какой-то злоумный Одиссей и посоветовали мне беречься его. Он прибыл с тобою?

— Нет, он плыл на другом корабле. Тот корабль исчез во время шторма. А почему ты должен опасаться его?

Киклоп и сам не знал почему. Он пожал плечами. И тогда гость словно невзначай поинтересовался:

— А все ли ладно в доме Одиссея? Тучны ли его быки? Процветает ли его народ? Жива ли его жена?

— Скажу тебе правду, благородный Никто. Никто, кроме меня не знает этой правды. Лишь боги и я их милостью. — Вино сделало язык легким, а речь бессвязной и опасно откровенной. — Быки его как прежде тучны. Народ благоденствует в сытости и мире. Но слышал я, будто сватались к его супруге, благородной Пенелопе женихи.

— И что же, она верно ждет своего мужа?

— Ждет! — Киклоп пьяно ухмыльнулся. — А чудище, что родила от соития с женихами, бросила в море на съедение рыбам.

В тот же миг стало тихо. Гости замолчали, словно оглушенные. Однако простодушный киклоп ничего не заметил.

— Вина! Налей мне вина, мой друг...

— Никто! — подсказал гость и щедро плеснул в кратер, подставленный Полифемом. — Никто!

Вино было сладким и хмельным. Оно расцветило мир в яркие краски, а затем заставило его поблекнуть. Поблекнуть...

Сладкое забытье, наполненное цветными снами, взорвалось болью.

Боль. Она пришла внезапно, из небытия. Она пронзила мозг и окутала его серой пеленой. Киклоп ревел, терзаемый нестерпимой мукой, пытаясь понять, откуда она исходит. Он понял это, лишь выдернув отточенный кол, пронзивший его глаз.

На крик сбежались братья-киклопы, вопрошая, кто причинил ему боль.

Никто! — проревел он в ответ. — Никто!

И братья ушли, бормоча себе под нос ругательства.

Когда их шаги затихли, вновь появился коварный Никто, предательски поразивший хозяина.

— Боги не лгали тебе, безглазый киклоп, упреждая опасаться Одиссея. Я Одиссей. Я был твоим гостем, ты оскорбил гостя. И не в моих обычаях прощать оскорбления, нанесенные мне, моему дому, моей жене. Я покарал тебя за ложь!

— Но это правда!

— Правда лишь в том, что ты никогда не увидишь больше красок этого мира. Прощай, киклоп.

Щелкнули бичи, взрывая мычаньем стадо. То гнусные гости угоняли овечек на свои корабли.

Киклоп упал на камни и зарыдал. Он разрывал пальцами лицо в тщетной надежде вернуть глаз, украденный коварным Никто. Он мечтал видеть взошедшее солнце, но была лишь тьма.

Тьма.

Тягучая и бесконечная.

Черный день и беспроглядная ночь. Солнце исчезло, луна растворилась в ночи, звезды скрылись за непроглядными тучами. Остались лишь бесконечный рев моря да посвист свирепствующего на мысу ветра.

Он сидел на камне, подперев голову огромной рукой. Раз в день братья-киклопы приносили еду, молча клали ее неподалеку и возвращались в свои пещеры. Он не говорил им ни слова. Он просто сидел и ждал. Боги велели ему ждать.

Ждать.

Неведомо, сколько минуло, когда раздались шаги. Они были легки и не походили на тяжелую поступь киклопов. Двое поднимались на мыс, осторожно ступая по скользким камням.

И вот они встали пред слепым гигантом.

— Я вернулся, киклоп.

— Кто ты? — спросил хозяин, делая вид, что не узнает ненавистного голоса.

— Это я, Никто, тот, кто ослепил тебя. Я оказался неправ, обвинив тебя в оскорбительной лжи, и боги повелели, чтобы я вернулся и предал себя в твои руки.

Киклоп с удовлетворением отметил, что в голосе человека нет страха.

— Я ждал тебя, Одиссей.

— Знаю. Я готов принять смерть.

— Нет, ты не знаешь. Ты не знаешь, что значит ждать целую вечность, в которой дни бесцветны и похожи один на другой. Ты не знаешь, что значит не спать ночами, если ты не можешь определить время, когда она, эта ночь наступает. Ты не знаешь, что значит видеть перед собой лишь серую стену. Ты не знаешь, что значит ждать, когда сердце обливается кровью неутоленной мести.

— Так отомсти! — сказал Одиссей и грустная усмешка была в его голосе.

— Отомщу! — прошептал киклоп. — И моя месть будет страшной. Кто там трясется рядом с тобой?

— Силен, — проблеял спутник Одиссея. — Боги послали меня удостовериться, что месть свершилась.

— А, забулдыга Силен, — протянул киклоп. — Подойди, я пощупаю твою курносую физиономию.

— Что-то не хочется, — пробормотал Силен, никогда не отличавшийся особой отвагой.

— Тогда присаживайся. У нас будет долгий разговор. А Никто пусть постоит.

Киклоп на мгновение замолчал, прислушиваясь, как сквозь свист ветра доносится отчетливый стук сердец гостей. Сердце Силена стучало намного быстрее, чем следовало.

— Так что, Никто, выходит, я был прав?

— Да, — мрачно признался Одиссей.

— Я никогда не лгу. И не лгал. Моя вина лишь в том, что я болтал лишнее. Вино. Сладкое вино, тягучее словно проклятье. Я поплатился за свою болтливость. Киклопы никогда не отличались особой мудростью, а я был просто глуп. Я видел мир и наслаждался тем, что вижу его. Все мои мысли уходили на бессмыслен-

ное восприятие. Каждый день я словно заново узнавал мириад раз виденное — скалы, море, лужайки, небо, песок, блеющих овец. Я смотрел на них и не осознавал их сути. Это были лишь вещи, назначение которых мне было в целом непонятно. Точнее мне думалось, что они существуют лишь ради меня. Когда же я ослеп, ко мне пришло прозрение. Я понял, что мир существует сам по себе и ничто не изменится, когда меня не станет. Наверно, это была первая мысль в моей жизни. Я не мог видеть, но зато я мог думать над тем, что видел прежде, и я вдруг начал понимать мир, существовавший вокруг меня. Все эти скалы, море, ветер... Я вдруг понял их суть. Море предстало передо мной не просто соленой лужей. Я увидел его могучую и гневную душу. Я увидел переполняющую его жизнь, рождающуюся и умирающую, во всем ее стремительном беге. И я вдруг понял всю грандиозную суть моря, я понял, что этот мир не может жить без моря, это его неотъемлемая часть, более важная, чем мой глаз или рука. Я увидел ветер, увидел то, что нельзя видеть глазами. Это был свирепый Борей. Он раздувал свое горло и стремительно выплевывал влажные плотные сгустки, превращавшиеся в воздушные шквалы. Эти вихри топили корабли, и Борей радостно хохотал. Его дикий вой разносился по морской равнине. Он был несносен, даже отвратителен, но я любовался им. Ведь в нем была сила и мощь этого мира. Еще я впервые разглядел песок, наполненный мириадами крохотных насекомых, едва заметных даже человеческому глазу. Здесь были мокрицы, вертихвостки, божьи коровки и стрекающиеся гусеницы, тараканы, всевозможные морские личинки и прыгучие блохи. Вся эта мелочь жила своей жизнью, влюблялась, ссорилась, изменяла, ненавидела. Песок, зачерпнутый ладонью, превратился в огромный мир и я подумал как же велик наш мир в целом, если столь необъятна частичка его, поместившаяся в ладони. Это было удивительно, и я понял! Я был слеп, когда видел, и прозрел, когда коварный Никто выжег мой глаз...

— Э, Полифем, — протянул Силен. — Давай поближе к делу. Здесь холодно, я весь продрог. Прибей его и покончим с этим.

— Заткнись! — велел киклоп. Силен обиженно хмыкнул и замолчал. Полифем продолжил:

— Я помню первые дни, когда мир поглотила серая пелена. Это были ужасные дни. Я метался меж камней, мечтая услышать голос своего обидчика и обрушить на его голову скалы. Я бегал, спотыкаясь, падал, чудом избегая гибели, я разбивал ноги. Мой слух обострился, а обоняние уподобилось нюху молосской собаки. Малейший шорох, доносившийся из закоулка темноты, и я бросался туда, думая, что это вернулся коварный Никто, чтобы посмеяться надо мной. Я словно Талос ходил по мысу и швырял в море огромные глыбы, надеясь потопить корабль, на котором будет плыть коварный Никто. Я не задумывался над тем, что убивая людей, плывущих на этом корабле, я уничтожу часть мира.

Тогда я еще не понимал этого. Истина открылась мне позже.

Но со временем ожесточение прошло. Я перестал проклинать мир, ведь он был неповинен в моей боли. Я познал прелесть того, что прежде совсем не замечал. Я научился наслаждаться шершавой шероховатостью замшелого камня, чувствовать прохладное благородство гранита, ловить ладонями ветер. Я научился еще многому, о чем не имел понятия прежде. Я благодарен тебе за это, Одиссей! Отчего ты молчишь?

— А что я должен сказать? Я не испытываю ни боли, ни восторга от того, что осчастливил тебя, вырвав твой глаз. Я не чувствую и угрызений совести, потому что весть, поведанная тобой, была черной для меня.

Киклоп задумался.

— Видно в этом твое скудомыслие, многоумный Одиссей. Ты видел слишком много, ты отведал слишком много, но ты не проник в суть вещей, ты не научился предугадывать их развитие. Ты скрытен, лжив, подозрителен. Ты не доверяешь даже преданным друзьям, зная, что они могут предать. И ты прав, рано или поздно это произойдет, но ты не сможешь предотвратить неизбежного. Ведь если друг вознамерился вонзить тебе в спину меч, он выберет именно тот момент, когда ты повернешься к нему спиной. Людям не дано предугадывать предстоящее. Это удел провидцев и слепцов. Последние занимаются этим неблагодарным ремеслом потому, что им нечем более заняться. Кроме того, вы боитесь верить в то, во что нельзя не верить. Ведь ты знал, что женщины лживы и непостоянны, но все же верил в свою жену, ты тешил себя пустыми надеждами, Одиссей. Люди склонны тешить себя пустыми надеждами. И твое разочарование оказалось слишком горьким.

— Это точно! — подал голос Силен.

— Но ты должен был знать, — не обращая внимания на реплику курносого уродца, продолжал киклоп, — что если это уже было, то хотя бы раз повторится еще, и вполне вероятно, что повторится именно в твоей жизни. Разве Клитемнестра не предала своего мужа? Разве Алкмена не зачала героя в отсутствие Амфитриона, клянясь позднее, что спала с самим Зевсом? Разве Елена не променяла любящего мужа на яркие восточные тряпки?

— Все это так, — глухо сказал Одиссей.

— Так в чем же ты тогда увидел оскорбление, за которое я понес столь страшную кару?!

— Ты сказал мне правду. Правду, которую я уже знал, но которую не должен был знать никто из смертных.

— Ты знал?

— Конечно. Боги беседуют не только с тобой.

Киклоп захохотал, показывая огромные желтые зубы.

— Так выходит, я пострадал за правду?! — Одиссей не ответил. — Так что же боги говорят тебе относительно того, как я поступлю с коварным Никто?

— Он умрет.

Полифем почесал ладонью зудящую рану во лбу. Ветер пел заунывную песню.

— Да, ты умрешь. Я слишком долго мечтал об этом. Я мечтал об этом бесконечной ночью, которая стала для меня жизнью. Пусть это лишено смысла. Пусть, убивая себя, я убиваю частицу мира, но я сотворю свою месть. Ты готов принять смерть?

— Да. Самую лютую.

— Она будет мгновенной.

— Иди по тропинке, по какой пришел сюда. Над ней нависает камень. Когда ты будешь проходить рядом, он упадет и раздавит тебя. Иди.

Раздался негромкий шорох. Одиссей встал на ноги.

— Прощай, киклоп.

Полифем не ответил. Он уронил голову на огромный кулак и ждал. Насторожив слух, он внимал медленным шагам обреченного человека. Они были медленны, словно Одиссей пытался насладиться последними мгновениями жизни. Затем раздался короткий вскрик, однако грохота каменного обвала не последовало. Силен охнул. Сквозь звуки моря пробивался лихорадочный стук его трусливого сердца.

— Он умер? — равнодушно спросил Полифем.

— Да! — выдохнул Силен. — Он прыгнул в пропасть.

— Тогда моя месть совершена. Ты можешь уйти.

— Но камень!

— Что камень?

— Он стоит на месте.

— Он и должен стоять.

— Я не понимаю тебя, Полифем. — В голосе Силена слышалось беспокойство.

— Я обманул Никто насчет этого камня. Он врос в скалу столь прочно, что даже титану не сдвинуть его с места.

— Ты уверен?

— Конечно.

Силен с облегчением выдохнул и засмеялся. Затем он заискивающе спросил:

— Ну тогда я, пожалуй, пойду?

— Прощай, Силен.

По каменистой дорожке зацокала быстрая дробь шагов козлоногого уродца.

Камень пошатнулся...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Акрагант. Сицилия

Сицилийское жаркое солнце, палящее в эту пору года особенно невыносимо. Оно стремительно восходит в зенит и неохотно клонится к закату. Почти все время, отданное Космосом дню, оно висит точно над головой, превращая в огненный обруч, нахлобученный на затылок шлем. И хочется укрыться от невыносимой жары. Но негде. Ни кустика, ни деревца. Равнины к югу от Гимеры сплошь засеяны пшеницей. Самой лучшей, если не считать кемтскую, пшеницей в мире. Желтые вылущенные зерна ее засыпают осенью меж прочных жерновов и в подставленный короб сыплется тоненькая струйка белой рыхлой муки. Из нее выходит великолепный пышный хлеб, если выпекать его в раскаленной докрасна печи, из нутра которой пышет огненным жаром, словно из медного чрева священного быка, установленного в Бирсе[1] на площади перед зданием Городского совета.

Суффет[2] Гамилькар тяжело вздохнул и вытер пот с полуприкрытого черными кудрями лба. Стоявший неподалеку слуга подал военачальнику наполненную до краев чашу. Вино было прохладно, но не утоляло жажды. Как не утоляла ее и вода. Гамилькар жаждал крови.

Их считали бесчеловечными. Как еще можно назвать людей, приносящих в жертву своих младенцев. Но они не были жестоки, а если и были — то не более, чем остальные. Не более, чем иудеи или, скажем, моавитяне, поклоняющиеся кровавому богу, который силен лишь тогда, когда питаем человеческими жертвами. Потому они и приносили великому Молоху своих первенцев, а тот даровал им за это необоримую силу.

Как и прочие, они пришли с востока, из загадочных далеких степей, где зародилось все живое. Их деды осели на берегу великого моря, а отцы поплыли на запад и основали город, который нарекли Карфагеном, что означает Новый Город. Поначалу он был размером с бычью шкуру. Теперь же, чтобы выстелить его улицы и площади, потребовался бы мириад бычьих шкур.

Люди, основавшие этот город, именовали себя пунами. Потомки кочевников, они стали детьми моря, их круглобокие корабли пенили просторы Западного Средиземноморья, которое с полным основанием можно было назвать Пуническим морем. Променяв степь и пустыни на бескрайний простор моря, пуны не утратили ни первобытной жестокости, ни жажды завоеваний. Мир был велик, но самые сладкие куски были уже разобраны. Пунам приходилось довольствоваться тем, что осталось. И главным объектом их вожделений стал остров, который они называли Страной красивого берега, эллины — Тринакрией, а покуда неизвестные никому латины — Сицилией. Баал-Хаммон[3] желал,

чтобы остров стал владением Карфагена, а для этого требовалось покорить эллинские полисы, цепко вцепившиеся гаванями в сицилийские берега. Акрагант, Сиракузы, Гимера, Селинунт, Мессина — эти имена были подобны ласковому шелесту волн, омывающих Страну красивого берега, которая должна была стать форпостом великого похода на запад.

Шумно выпустив из груди воздух, Гамилькар протянул руку за очередной чашей. Он стоял на вершине холма, отделявшего равнину от покоренной акрагантянами Гимеры, и наблюдал за тем, как внизу выстраивается в боевой порядок его войско. Скакали пестро разодетые всадники, спешили занять отведенное им место отряды пехотинцев, отличавшихся друг от друга обличьем и вооружением. То была разношерстная рать, состоявшая из воинов по крайней мере десяти народностей.

Карфагеняне предпочитали расплачиваться за завоевания золотом, а не кровью своих граждан, поэтому непосредственно пунов в войске было немного. Лишь несколько отрядов пехоты, сформированных из наиболее знатных горожан, да Священная дружина — личная охрана и последний резерв полководца. Воины Священной дружины — крепкие, иссиня-волосые мужи, вооруженные длинными копьями и бронзовыми щитами — как обычно стояли полукругом позади суффета. Этот полутысячный отряд составляли отпрыски знатнейших семейств Карфагена. Говоря откровенно, Гамилькар мог в полной мере положиться лишь на них. Прочие солдаты были весьма ненадежны, их отвага и преданность зависели прежде всего от своевременной выплаты жалованья. По большей части, это были наемники, продающие свой меч тому, кто дороже заплатит. Не имей Гамилькар в своем распоряжении значительной золотой казны, многие из этих воинов вполне могли бы стоять сейчас в рядах вражеского войска, также выстраивавшегося для боя примерно в десяти стадиях от боевых порядков карфагенян.

Кого только не было среди этих ландскнехтов древности. Сикулы и сипаны, искатели счастья киликийцы, иберы и пришедшие с далекого севера кельты, чернокожие воины из диких королевств, расположенных к югу от заселенного пунами побережья. Вся эта разноликая, вооруженная чем попало масса располагалась в центре боевого порядка. Ее целью было остановить натиск неприятельской фаланги. Копья сиракузских и акрагантских гоплитов должны были завязнуть в людском месиве. Крылья фаланги занимали отряды воинов-ливийцев и сицилийских наемников из Регия и Селинунта. Эти воины умели сражаться, но в них Гамилькар также не был уверен. Мобилизованные насильно ливийцы менее всего хотели умирать во имя интересов Карфагена, эллины слишком ценили собственную шкуру. Как правило, вначале они держались стойко, но если бой начинал складываться не в их пользу наемники мгновенно расставались с тяжелыми щитами и искали спасения в бегстве. По краям фаланги рас-

положились отряды нумидийской конницы — ударной силы войска. Обычно именно эти полудикие темнокожие всадники решали исход сражения.

Вот и вся армия — тысяч примерно тридцать. Право, Гамилькар предпочел бы иметь вдвое меньше, но на преданность и отвагу которых он мог положиться.

Примерно таким же по численности было войско его противников — сиракузского тирана Гелона и правителя Акраганта Ферона. Подобно пунам эллины выстроились в шестирядную фалангу, фронт которой несколько превосходил длину строя рати Гамилькара, на флангах встали облаченные в тяжелые панцири всадники, несколько отборных отрядов тираны наверняка оставили в резерве.

Солнце уже поднялось над горизонтом на два локтя, а Гамилькар осушил шестую чашу вина, когда эллины начали атаку. Сверкающая стена шагнула вперед, подминая котурнами неокрепшие стебли пшеницы. Неприятельская конница медленной рысью двинулась навстречу изнывающим от бездействия нумидийцам.

Не нужно было быть великим стратегом, чтобы разгадать незатейливый замысел тиранов, которые рассчитывали использовать в полной мере преимущество своей хорошо обученной фаланги и смять центр пунического войска. Что ж, Гамилькар именно так и предполагал. Недаром он поставил в центре самых малоценных воинов, чья смерть была лишь благом — Карфагену не придется в этом случае платить им жалованье. Свою победу суффет намеревался ковать на флангах. Взяв седьмую по счету чашу вина, он послал вниз гонцов и через мгновенье воинственно орущие нумидийцы устремились на вражескую конницу. Эти полудикие воины плохо исполняли команды, но зато трудно было найти равных им в храбрости и умении владеть оружием, среди которого они предпочитали бронзовый меч, чей узкий кривой клинок напоминал изготовившуюся к прыжку змею. Сметя редкую цепочку лучников, две конные лавы темнокожих воинов врезались в ряды сиракузян и завязалась отчаянная сеча.

К тому времени эллинская фаланга почти достигла оборонительной линии пунов. Лучники-ливийцы осыпали неприятельских воинов стрелами. Гамилькар отчетливо видел как тучи остроконечных черточек взвиваются вверх, а затем обрушиваются на медленно шагающих гоплитов. По большей части, они отскакивали от щитов, поножей и медноластинных поясов, но время от времени острое жало находило незащищенную щель и очередной сиракузянин или акрагантянин оседал на землю и яростно рвал из бедра или руки зазубренный наконечник. Однако прекрасно обученные воины не останавливались и не нарушали строй, на что очень рассчитывал Гамилькар. Они переступали через упавшего товарища и продолжали свой мерный ход. Вот они достигли передней шеренги пунов и над полем повис глухой гул. Воины с криком рубили и кололи друг друга, падали пронзенные стрелами.

Вскоре земля покрылась ковром мертвых тел. Неспелые стебельки пшеницы насквозь пропитались черной кровью, а суффет никак не мог утолить жажду. Он бросал в бой все новые и новые отряды, не забывая при этом внимательно следить за общей картиной боя.

В центре эллины явно одерживали верх. Закованные в толстую броню гоплиты методично истребляли иберов, сикулов, африканцев и прочий наемный сброд. Ливийцы держались на удивлении стойко. Хорошо вооруженные и обученные, они без труда отразили натиск акрагантян и теперь теснили их, угрожая обойти неприятельскую фалангу с левого края. Неплохо пока сражались и наемники-эллины, воодушевляемые мыслью о обещанной в случае победы награде.

Однако основное внимание суффет уделял не фаланге, а крыльям войска, где нумидийцы похоже начинали одерживать верх. Размахивая остроконечными клинками они смяли неповоротливую сиракузскую конницу. Было очевидно, что еще немного и эллины, дрогнув, обратятся в бегство. Тогда нумидийские сотни развернутся и атакуют вражескую фалангу с тыла.

Внезапно попятился край, где стояли наемники-сицилийцы. Суффет отбросил в сторону недопитую чашу и послал на помощь отступающим последнюю тысячу воинов, что еще оставалась в резерве. Теперь в его распоряжении были лишь священная дружина и сотня конных иберийцев.

Солнце стояло в зените, в горле Гамилькара бушевал огонь, когда сиракузская конница на правом фланге обратилась в бегство. Нумидийцы с воем кинулись вдогонку за ищущим спасения противником. Рубя и пронзая неприятелей, они доскакали до полупересохшего ручья. Теперь согласно приказу Гамилькара они должны повернуть коней и атаковать вражескую фалангу. Исход битвы был почти ясен, суффет с жестокой ухмылкой отхлебнул из вновь наполненной чаши. Его жажда, похоже, начала угасать. Но что это? Нестройная лава нумидийских всадников пересекла ручей и устремилась к вражескому лагерю. Еще несколько мгновений и те, кто должны были решить исход битвы, растворились в ярком месиве шатров и походных повозок. Вместо того, чтобы исполнить приказ своего полководца нумидийцы, посчитавшие битву выигранной, спешили предаться грабежу.

Эллины немедленно воспользовались этим обстоятельством. Несколько тысяч отборных воинов, до этого не принимавших участия в битве, устремились на оголившееся крыло пунического войска. Измотанные многочасовой сечей ливийцы не смогли сдержать их натиска и правый фланг пунов стал стремительно пятиться назад — к холму, на котором находился Гамилькар. Еще можно было бросить в бой Священную дружину, хотя это уже вряд ли могло поправить дело. Суффет осушил последнюю чашу и приказал иссиняволосым воинам атаковать врага. Их напор

был силен, но он сдержал продвижение эллинов лишь на считанные мгновения — равно настолько, чтобы Гамилькар успел дать приказ отходить, а нумидийские всадники, набив мешки награбленным добром, вернулись к войску.

Едва узнав о приказе отступать, наемники-сицилийцы бросили оружие и побежали. Прочие отступали организованно, с мечами в руках. Нумидийцы прикрыли поспешный отход войска.

Солнце клонилось к закату, но жара не спадала. И жажда не переставала мучить Гамилькара. Окруженный телохранителями-иберийцами он скакал к своему лагерю и невольно думал о том, что не одно знатное семейство Карфагена облачится скоро в траурную одежду. Этого можно бы было избежать, но тогда погибло бы все войско, а кроме того — зачем? Нельзя же вечно платить за кровь врагов золотом, когда-нибудь за нее приходится платить собственной кровью. Суффета мучила нестерпимая жажда.

Потери оказались не столь велики, как полагал Гамилькар. Больше всего пострадала Священная дружина. Из пятисот иссиня-волосых воинов спаслись не более тридцати. Едва войско очутилось в лагере, Гамилькар приказал мучимым запоздалым раскаянием нумидийцам окружить бежавших с поля битвы наемников. Тех, кто сохранили меч и щит, отпустили, потерявших щит бичевали, триста пятьдесят человек, бросившие все оружие, были обезглавлены. Земли пропитались кровью, и жажда оставила суффета.

Он не был обескуражен поражением, в какой-то мере он даже ожидал его. Эллины в этот раз победили, но их победа означала лишь незначительную отсрочку того великого дня, когда Страна красивого берега станет владением Карфагена. Гамилькар не сомневался в этом.

Когда стемнело, он приказал раздать воинам вино. Воины пили и славили своего полководца. Славили даже те, кто были жестоко высечены. Молчали лишь обезглавленные. Воины пили, празднуя свое поражение.

Суффет же уже утолил свою жажду. Он приказал привести в свой шатер страстных танцовщиц-эфиопок и наслаждался их ласками до утра. Всю ночь на сторожевых постах перекликались полупьяные часовые, указывая друг другу на море пиршественных костров в лагере эллинов. Там тоже праздновали, но победу. А Гамилькар любовался стройными телами девушек и в его сердце не было печали, а глотку не сжимали спазмы жажды.

Спустя несколько дней суффет Гамилькар будет отозван в Карфаген и распят на городских воротах. И вновь будет ярко пылать ослепительное сицилийское солнце, от которого нет спасенья. И полководца будет терзать неутолимая жажда...

* * *

Найти нужный дом не составило особого труда. Первый же встречный акрагантянин не только указал Евриту в каком направлении следует идти, но и вежливо довел его до самых ворот.

— Стукни трижды, — сказал он, указав рукой на приделанный к двери медный молоточек. — Так поступают все иноземцы, приходящие в дом мудреца.

Поблагодарив своего проводника, Еврит спрыгнул с лошади и подошел к воротам, которые были врезаны в массивную, не менее десяти локтей высотой, каменную стену. Подобная стена была необычной для эллинских домов, но тот, к кому пришел юноша, славился своей экстравагантностью и загадочностью. Спартиат взялся за отшлифованную до блеска рукоять молоточка, изображавшего сатира с нахмуренной, даже злобной физиономией. Когда им стучали в дверь, удары приходились на низкий скошенный лоб, отчего лесное божество принимало все более уродливый вид.

Еврит полюбовался на изящное изделие, после чего трижды с силой ударил им о басовито загудевшую дверь. Птицы, щебетавшие за стеной разом смолкли. Гость ждал, что ворота распахнутся, но за стеной было тихо. Вскоре пичуги вновь начали выводить веселые рулады и тогда спартиат вновь трижды припечатал лоб сатира к гладкой поверхности ворот. На этот раз его услышали. Послышались легкие шаги, медленно скрипнула створка отворяемой двери, Еврит поймал на себе взгляд пары настороженных глаз.

— Я спартиат Еврит! — отчетливо произнес гость. В ответ на эти слова дверь приотворилась чуть больше — ровно настолько, чтобы он смог рассмотреть молодого человека не старше двадцати лет, впрочем небольшая бородка придавала ему более взрослый вид. Массивная тисовая дубинка, которую открывший дверь тщетно пытался спрятать за спиной, наталкивала на мысль о том, что молодой человек служит не только привратником, но и стражем, великолепный шафранного цвета хитон, накинутый на крепкие плечи, заставлял усомниться в подобном предположении — человек, имеющий возможность приобрести подобную одежду, вряд ли нуждался в деньгах. Дав спартиату возможность разглядеть себя, юноша неопределенно кивнул головой, всем своим видом показывая, что имя гостя ни о чем ему не говорит. Спохватившись, Еврит поспешно добавил:

— Я привез послание от царя Леонида.

Это имя произвело должное впечатление, судя по всему к спартанскому царю относились здесь с уважением. Ворота немедленно распахнулись. Встречающий вновь склонил голову, на этот раз ниже и, наконец, отверз уста:

— Я рад приветствовать посланца царя Леонида в доме мудреца Эмпедокла. Меня зовут Павсаний, я ученик мудреца.

Акрагантянин и спартиат вежливо улыбнулись друг другу, затем юноша посторонился, позволяя Евриту войти, и задвинул крепкий засов. За стеной оказался сад, точнее роща, а уж если быть совсем точным — неухоженный мрачноватый лес, где бок о бок росли сосны, платаны и любимые Зевсом кряжистые дубы.

Ведя на поводу лошадь, Еврит последовал за провожатым по едва заметной тропинке, выведшей путников к огромному дому. Еврит прежде полагал, что жилище мудреца, бегущего от суетного мира, должно быть убогим и мрачным, подобно пещере, однако дом Эмпедокла являл полную противоположность его представлениям. Огромный и напоенный светом, по размерам своим он напоминал скорее жилище богатого аристократа, по роскоши не уступал царскому дворцу. Достаточно сказать, что фасад строения украшала причудливая мозаика по крайней мере из девяти сортов мрамора, а окна были забраны не слюдой или рыбьими пузырями, а пластинами блестящего горного хрусталя, отшлифованными до зеркального блеска. Подобная роскошь была не по карману самым богатым государям.

— Обожди меня здесь, — сказал Павсаний гостю, когда они подошли к украшенному барельефами крыльцу. — Я сообщу мудрецу о тебе. Пока можешь стреножить свою лошадь и пустить ее пастись на лужайке.

Еврит кивнул. Он проследил за тем, как его проводник скрылся в доме, позволил себе еще немного поглазеть на диковинное строение и занялся своим жеребцом. В последнее время ему пришлось немало попутешествовать на лошади и он поневоле смирился с этим не очень удобным способом передвижения, однако седлать или стреножить коня молодой спартиат еще толком не научился. Конь недовольно фыркал, когда Еврит путал его передние ноги кожаным ремешком и даже пару раз сделал вид, что хочет укусить всадника. Едва Еврит справился с этим нелегким делом, как из дома появился его проводник.

— Мудрец просит тебя войти в его дом.

Отчего-то слегка волнуясь, Еврит поднялся по небольшой каменной лестнице и очутился в жилище знаменитого философа. Внутреннее убранство дома еще более противоречило представлениям Еврита о жизни философа. Повсюду стояли прекрасные статуи, драгоценные вазы, мраморный пол был покрыт огромным пушистым ковром, необычайно изящной, украшенной самоцветами мебели мог позавидовать любой восточный владыка. Спартиату, привыкшему к безыскусной простоте, подобное великолепие напоминало волшебную сказку о древних варварских королевствах, однажды рассказанную царем Леонидом. Верно он застрял бы в этой зале с открытым ртом надолго, если б Павсаний не взял его за руку и не повлек по лестнице наверх, где находился кабинет мудреца.

Если дом мало напоминал деревянную бочку, то хозяин его походил на философа еще в меньшей степени. Еврит сначала

ошарашенно пробежал глазами по изысканной одежде — пурпурному жреческому хитону, наброшенному поверх него голубому плащу, сандалиям из посеребренной телячьей кожи. Затем взгляд спартиата надолго задержался на лице хозяина. Право, такие лица можно было встретить нечасто. Подобно другим сицилийцам, Эмпедокл носил небольшую бородку, смягчавшую очертания волевого подбородка. Собравшиеся над переносицей глубокие складки свидетельствовали о том, что он прожил долгую и очень непростую жизнь. Глаза философа были бездонно-голубыми. Евриту показалось, что он уже где-то видел такие же, столь несвойственные для эллинов, глаза. Он задумался и в тот же миг вспомнил. Голубые глаза были у царя Леонида, только у того они были наполнены яростной отвагой. Глаза Эмпедокла светились мудростью и чуть усталой грустью. Так смотрят люди, прожившие долгий век.

Философ также изучал гостя, затем заговорил. Голос у него был бархатный и в то же время гулкий, как у человека, умеющего и привыкшего выступать перед толпой.

— Что ты должен передать мне?

Еврит молча засунул руку за пазуху и извлек оттуда свернутый в трубку пергамент. Вручая ему это послание, Леонид сказал:

— Оно не должно попасть в чужие руки. Вполне возможно, что за ним будут охотиться. Потому я избрал для этой миссии тебя, так как трудно найти бойца, который смог бы совладать с тобой. Но если вдруг возникнет серьезная опасность, уничтожь послание любым способом. Когда будешь отдавать его, убедись, что имеешь дело именно с философом Эмпедоклом. Он даст тебе знак. — И царь показал какой знак должен дать философ из Акраганта посланцу.

Поэтому, когда хозяин протянул руку за письмом, Еврит не пошевелился. Эмпедокл недоумевающе посмотрел на него, после чего рассмеялся.

— Ах да, конечно! Вечно наш царь играет в эти дурацкие игры в стиле приснопамятного номарха! О, разум, как же это... — философ наморщил лоб, размышляя. — Вспомнил!

Эмпедокл хлопнул в ладоши, улыбнулся так, чтобы было видно десны, провел правой ладонью по лбу, а левую приложил к сердцу, после чего сцепил пальцы, предварительно вытянув руки перед собой.

Это точь-в-точь соответствовало тому, что показал Эвриту царь Леонид. Более не сомневаясь, спартиат протянул письмо хозяину дома. Тот развернул пергамент и быстро пробежал по нему глазами.

— Дела!

С этими словами Эмпедокл поднес послание к чудесным образом вспыхнувшей свече. Телячья кожа съежилась, затрещала и занялась ярким пламенем. Удостоверившись, что от пергамента не осталось даже крохотного кусочка, Эмпедокл бросил пепел в

стоявшую на столе вазу и тщательно растер его бронзовым пестиком, который используют лекари для изготовления лечебных порошков. Затем он обратил свой взор на Еврита.

— Мне надо написать ответное послание. Я предлагаю тебе быть эту ночь моим гостем. Пока я занимаюсь с письмом, можешь помочь Павсанию приготовить трапезу. — На лице Эмпедокла промелькнула усмешка. — Если сумеешь, конечно.

Еврит кивнул головой в знак согласия, про себя слегка оскорбившись. Какой же он спартиат, если не умеет приготовить трапезу. Не говоря более ни слова из опасения показаться болтливым, Еврит вышел из кабинета и отправился вслед за поджидавшим его на лестнице Павсанием. Аркагантянин убедился, что громадный, закованный в бронзовую броню парень, именно тот, кого с нетерпением ждал мудрец и стал гораздо приветливее. Он провел Еврита в небольшую пристройку, где готовилась пища. Здесь спартиат понял, что означала усмешка, промелькнувшая на лице философа. Судя по громадному количеству мисок, блюд и амфор их ожидала не скромная вечерняя трапеза, а настоящий пир. Видно, Эмпедокл и к еде относился не слишком по-философски, или, как открыто признался Павсаний:

— Учитель любит поесть.

Этим вечером в желудке философа Эмпедокла должны были исчезнуть полтора десятка блюд, которых хватило бы, чтобы насытить целую эномотию[1] голодных спартиатов. Чего здесь только не было! На золоченом блюде истекала соком печень дикой косули, приготовленная в красном вине с фисташками. Рядом пристроились уложенные бок о бок десять диких голубей, отваренных в молоке. Перед тем как подавать на стол, их следовало начинить зеленью и слегка обжарить. За голубями лежала огромная чешуйчатая рыба, которую привезли с Понта. Ее надлежало нашпиговать маслинами и запечь в тесте. Остальные блюда были не столь изысканны, но могли составить честь любому пиршественному столу.

Обрадованный новому лицу — в последнее время гости появлялись в доме мудреца нечасто — Павсаний изливал душу. Он говорил за троих и при этом ухитрялся делать множество кухонных операций: рубил мясо и зелень, фаршировал, взбивал белки, начинял медом и изюмом сдобные пирожки. Евриту он доверил лишь следить за огнем. Руки ученика мелькали с непостижимым проворством, язык работал еще быстрее.

— Видишь, как я навострился! А ведь еще год назад не умел абсолютно ничего. Учитель любит хороший стол и мне пришлось научиться готовить. Со мной занимался личный повар Ферона. Знаешь, сколько моему отцу пришлось отвалить денег, чтобы я освоил все эти кулинарные премудрости? И не счесть! Но ничего, у моего папаши полно серебра. Ведь ему принадлежат рудники у горы Тапар, а также две тысячи плетров[2] отличной земли, на

которой он выращивает пшеницу и виноград. Мой отец считается одним из самых богатых людей Акраганта.

— Почему же ты тогда служишь поваренком у этого философа?

Павсаний обиделся.

— Я не поваренок! Я учусь у него мудрости.

— На кухне? — язвительно осведомился Еврит.

— И на кухне тоже. Кстати, кухня очень даже располагает к раздумиям. — Сицилиец подавил легкий вздох, заставив Еврита усомниться в искренности своих слов. — Учитель достаточно богат, чтобы нанять служанку и не одну, но посторонние мешают сосредоточению. Когда вокруг галдят женщины, трудно проникнуть в сокровенные тайны космоса или Судьбы. Поэтому мы предпочитаем обходиться своими силами. Посыльный лишь доставляет ему и вино, все остальное делаю я.

— А чем занимается мудрец?

— Он думает.

Спартиат усмехнулся.

— Не слишком обременительное занятие.

— Ну не скажи! — Павсаний вытряхнул взбитый белок на макушку зарумянившегося пирога. — Это куда потруднее, чем махать мечом. Хотя учитель неплохо умеет делать и это. Не хуже тебя.

— Ну да! — Еврит не стал расхваливать свои таланты, посчитав, что это излишне.

— Поговори с ним, может быть, он согласится дать тебе пару уроков. Еще он умеет врачевать, предсказывать судьбу, вызывать дождь, усмирять ветер и бурю. Скажу тебе по секрету, — Павсаний перешел на шепот, — он даже умеет оживлять мертвых!

Спартиат недоверчиво хмыкнул.

— Ты мне не веришь?

— По правде говоря, не очень.

— Я не думаю, что у нас будет такая возможность, иначе б я упросил его сотворить это чудо. Я сам видел, как однажды он воскресил девушку. Она была бледна, словно паросский мрамор, и холодна как лед. Учитель прошептал заклинание и она вдруг ожила, вздрогнула и открыла глаза. Это было чудо, граждане Акраганта пали на колени перед великим Эмпедоклом! — Не обращая внимания на скептическую усмешку гостя, Павсаний с восторгом продолжал:

— Да что там воскрешать других! Он может умереть и воскреснуть сам. Он говорит, что боги отвели человеку тридцать тысяч лет страданий в этом мире и пока он не проживет этот срок полностью, он не очистится и не сможет попасть в царство светлых духом. Правда для того, чтобы очищение было полным, человек должен избегать братоубийства и воздерживаться от употребления мяса умерщвленных животных...

— Постой-постой! — воскликнул Еврит. — А почему же ты тогда готовишь все это?!

Спартиат обличающе ткнул пальцем в уютно устроившиеся на кухонном столе блюда из козлятины, телятины, дичи и морской рыбы.

На лице Павсания появилось сконфуженное выражение, словно он в чем-то провинился. Непонятно зачем вытерев руки о передник, повязанный поверх хитона, акрагантянин промямлил:

— Противоречие есть основа человеческой натуры. Учитель говорит, что эклектика присуща даже разумному Космосу. Ведь даже боги непостоянны в своих поступках.

Спартиат понял далеко не все, что сказал ученик философа и, чтобы не выглядеть дураком, поспешил перевести разговор на более земную тему.

— И часто у вас все это?

— Ты про вечернюю трапезу?

— Про нее. — Еврит подкинул в жерло жарко дышащей жаровни несколько кедровых полешек.

— Каждый день. Учитель завтракает медом и сыром. Днем он съедает кусок хлеба, запивая его чашей вина, ну а вечером мы едим от пуза. Ведь желудок должен работать тогда, когда тело отдыхает. Сытому крепче спится.

— Это верно, — согласился Еврит, вспоминая как нелегко порой он засыпал будучи ребенком в дни испытаний, не сумев своровать кусок лепешки или горсть овса. — Послушай, ты говоришь о своем учителе с таким почтением, будто он седовласый старец, потративший на постижение мудрости не один человеческий век. Но на вид он весьма молод. Сколько же ему лет?

— Никто не знает точно, когда он родился, но ему ведомо то, что не знает никто.

— И все же твой учитель — странный тип, — неожиданно для самого себя произнес Еврит. — Я не рискнул бы назвать его философом. Скорее он походит на ленивого заевшегося царедворца.

— Не смей так о нем говорить! — громко закричал Павсаний, застав Еврита отшатнуться. Сицилиец позабыл о своих мисках и подступал к спартиату со сжатыми до белизны кулаками. Казалось, еще миг и он набросится на гостя и начнет дубасить его. Должно быть, со стороны эта сцена смотрелась довольно занятно — миниатюрный, узкокостный паренек с угрожающим видом наступал на громадного, покрытого тугими буграми мускулов лакедемонянина.

— Остынь, — миролюбиво сказал Еврит, на всякий случай отходя за стол. — Я не хотел сказать ничего дурного.

Павсаний еще какое-то время с разъяренным видом взирал на спартиата, затем опомнился. Разжав кулаки, он бросился к жаровне, где ему пришлось тут же пустить в ход всю свою сно-

ровку, чтобы предотвратить гибель подгорающих блюд. Еврит усердно помогал ему.

— Ты безмозглый вояка, — беззлобно заметил акрагантянин, когда жаркое и рыба были спасены. Спартиат усмехнулся, довольный, что ученик мудреца больше не дуется на него. Перекладывая с жаровни на серебряное блюдо куски тунца, Павсаний заметил:

— Если хочешь знать, философа и мага Эмпедокла ставят в один ряд с великим Пифагором, который понимал язык всего живого, волшебником Абарисом, летевшим по воздуху, и Эпименидом Критским.

— А чем прославился последний?

— Он говорил с самим Зевсом.

— Понятно... — уважительно протянул Еврит и в тот же миг вздрогнул Еврит от резкого свиста, внезапно пронзившего тишину. Рука спартиата привычно скользнула по бедру, нащупывая рукоять ксифоса, но верный меч вместе с прочими нехитрыми пожитками остался лежать в вестибюле. Павсаний отреагировал на этот звук совершенно спокойно. Оставив блюдо, он подошел к небольшому, закрепленному на стене ящичку, на который Еврит прежде не обратил внимания, и коснулся его пальцем.

— Я слушаю, учитель.

— Ты там еще долго? — Еврит мог поклясться, что говорил ящичек и говорил он голосом мудреца Эмпедокла!

— Нет, учитель, мы уже заканчиваем!

— Поторопись.

— Хорошо.

Павсаний опустил руку, взглянул на стоявшего с разинутым ртом спартиата и рассмеялся.

— Это одно из магических изобретений учителя, — пояснил он. — С помощью этого волшебного устройства мы можем разговаривать, находясь в разных концах дома.

Еврит не сказал ни слова, а лишь покачал головой. Похоже, он начинал уважать этого странного мудреца.

Им пришлось проделать путь в трапезную трижды, прежде, чем все блюда заняли надлежащие места, целиком заполнив огромный, сделанный из среза гигантского дуба, стол. В трапезной Еврит сделал еще одно открытие. Оказалось, что философ не плохо разбирается в оружии. На ярких шпалерах, которыми были покрыты стены, висели три щита, под каждым из которых размещалась пара скрещенных мечей. Опытный взгляд спартиата легко распознал ксифос, мидийский клинок, скифский акинак и махайру, которыми так ловко орудовали фессалтийские всадники. Два оставшихся меча Еврит видел впервые. Один был изогнут и сильно утолщен в середине, от этого клинка неуловимо веяло востоком. Другой был совершенно прямой, длина его лезвия превосходила три локтя. Таким мечом должно быть было очень удобно рубить. Матово блестящий и массивный, он выглядел

столь привлекательно, что спартиат не удержался и снял его со стены. Крестообразная рукоять удобно легла в его большую ладонь. Этот меч был значительно тяжелее ксифоса, в нем ощущалась невероятная мощь. Проделав несколько винтообразных движений перед собой, Еврит сделал выпад и уколол воображаемого противника.

Внезапно вошедший в трапезную Эмпедокл застал спартиата врасплох. Еврит покраснел, словно его уличили в чем-то нехорошем, и поспешно повесил меч на прежнее место. Но философ был настроен вполне благожелательно.

— Хороший выбор! — похвалил он. — Это самый лучший меч, когда-либо существовавший.

— Я никогда не видел прежде подобного.

— И не увидишь. На свете вряд ли найдется десяток людей, помнящих как он выглядит. Подобными мечами были вооружены... — философ замялся, — ну скажем так — телохранители одного очень могущественного древнего владыки. Его держава исчезла за много лет до того, как появились пирамиды.

— Но разве пирамиды не существовали вечно, учитель? — воскликнул в дверях Павсаний.

— Нет, — ответил Эмпедокл. — Впрочем, это неважно. Прошу за стол. Согласитесь, не слишком естественно вести разговоры на голодный желудок, находясь рядом с роскошным столом.

Еврит, во рту которого с самого утра не было даже крошки хлеба, был полностью согласен с подобным умозаключением. Все трое удобно устроились в высоких с резными спинками креслах, каждый налил себе вина, по вкусу смешав его с родниковой водой. Эмпедокл, как успел заметить Еврит, добавил воды лишь самую малость.

— Ну что ж, — философ поднял свой килик, — выпьем, друзья! За здоровье гостя и пославшего его, за весть, принесенную им, хоть это и не слишком добрая весть, за удачу и мужество, которые вскоре всем нам понадобятся!

Свечи бросали в золотистую влагу вина кровавые отблески, исчезавшие по мере того, как пустели чаши. Душистый дымок смешивался с ароматами явств, возбуждая и без того неплохой аппетит. Без лишних церемоний гости дружно принялись за еду. Эмпедокл, словно желая подтвердить сказанное Павсанием, ел по крайней мере за троих. Спартиат поначалу не отставал от него, но вскоре сдался. Медленно жуя вяленую жирную рыбку, он наблюдал за тем, как Эмпедокл стремительно расправляется с яствами. У мудреца был поистине гигантский желудок и весьма тонкий вкус. Пару раз он недовольно поморщился, очевидно что-то было приготовлено не совсем в соответствии с кулинарными законами.

Наконец насытился и Эмпедокл. Словно не веря в это, он на всякий случай съел солидную порцию телячьего филе, затем

отодвинул опустевшее блюдо от себя и вопросительно посмотрел на Еврита. Убедившись, что гость также не в состоянии проглотить больше ни кусочка, философ посчитал обязанность хозяина исполненной. Тогда он заговорил.

— Ты прибыл сюда лишь ради встречи со мной?

— Это основное мое занятие. Но кроме того, я сопровождаю эфора Гилиппа, посланного к сицилийским тиранам.

— Просить помощи? — усмехнувшись, осведомился Эмпедокл.

Спартиат кивнул головой. — И конечно же, тираны отказали?

— Гелон согласился выставить тридцатитысячное войско и двести триер, но потребовал, чтобы его назначили верховным стратегом всего эллинского войска.

— Что вы ответили ему?

— Гилипп сказал, что спартиаты могут сражаться лишь под началом своих царей или эфоров. Тогда Гелон заявил, что сиракузские триеры будут ждать мидян не в Фракийском море, а в Ионическом.

Еврит ожидал, что философ вознегодует, но реакция того оказалась весьма неожиданной.

— Что ж, он поступил в высшей степени разумно.

— Но тем самым он предает своих братьев-эллинов!

— У него есть только один брат по имени Гиерон. Если бы ситуация требовала, чтобы он умер, Гелон, не задумываясь, отправил бы брата на смерть. Он умный политик, что в общем-то редкость. Если бы все тираны были такими, клянусь я не поленился бы сочинить похвальное слово тирании!

Спартиат не разделял восторга мудреца по поводу сиракузского тирана, поэтому он просто заметил:

— Гелон отказал, но мы надеемся на помощь Ферона.

Эмпедокл с сомнением покачал головой.

— Ферон не сделает ничего, что может прийтись не по нраву Гелону. Акрагант нуждается в помощи Сиракуз, а кроме того, эти два тирана на редкость единодушны. Причем искренне единодушны! Должно быть, мир еще не знал столь преданных друг другу союзников. — Здесь должна была прозвучать ирония, но Эмпедокл был вполне серьезен. Ирония прозвучала в следующей фразе. — Порой мне думается, что их родила одна мать. Для тринакрийских эллинов подобное единодушие — великое благо. Ведь пока Сиракузы и Акрагант вместе, ни одно государство, даже сама Парса, не сможет захватить Сицилию. Я не думаю, что вам следует рассчитывать на помощь Ферона.

— На все воля богов, — заметил Еврит со свойственным спартиатам фатализмом.

— Воля богов... — задумчиво повторил Эмпедокл. Его губы тронула легкая усмешка. — Я расскажу вам одну историю, в которую необязательно верить. Когда-то, много-много лет назад, с того времени, думаю, сменилось не менее трехсот поко-

лений на земле объявились люди, многим отличавшиеся от живущих сейчас. То, что умели делать они, недоступно нам, их разум проник в самые сокровенные тайны. Было еще одно обстоятельство, делавшее их непохожими на нас. Там, откуда они пришли, время текло иначе. Это трудно объяснить и еще труднее понять. Срок их жизни равнялся тысяче поколений и в этом они уподобились богам. Ведь они оказались по сути бессмертными. Они и вели себя как боги, подкрепляя свою волю знанием, а также оружием, против которого не могла устоять ни одна, даже самая сильная армия. Они создали великую державу, мечтая сделать людей счастливыми. Это и был Золотой век, когда:

Не было бога войны, не было бога смятений,
Не было Зевса-царя, ни Кроноса, ни Посейдона:
Царила лишь одна Любовь...[1].

Они мечтали создать царство любви, где люди любили бы друг друга. И прекратились бы войны, и раздоры, и исчезла первобытная жестокость. Они мечтали построить царство Счастья. Но, возомнив себя мудрыми богами, пришедшими облагодетельствовать дикого человека, они не познали самого главного — человеческой сути. Они не смогли проникнуть, да и не хотели, в душу человека — злобную, жестокую, переполненную страстями и желаниями. Они полагали, что человек — комок глины, из которого можно вылепить все, что заблагорассудится, но тот имел вполне оформленное естество, переделать которое оказалось нелегким, а скорее — даже невозможным делом. Люди восстали против этих богов и уничтожили созданное ими царство Разума, которое так и не стало царством Любви и Счастья.

Стихия дикого бунта столкнулась с гармонией, созданной богами, породив невиданный катаклизм, который поставил человечество на грань гибели. Подобных катастроф не случалось ни прежде, ни в последующем. Погибли мириады людей, а уцелевшие вернулись к дикости и пребывали в этом состоянии множество лет, пока уцелевшие во время хаоса боги вновь не вернулись на землю. На этот раз их было всего шестеро, все прочие погибли...

— Учитель! — воскликнул Павсаний. — Неужели и боги смертны?

— Все рано или поздно приходит к концу. Бесконечна лишь Вечность, которая есть не что иное, как непрерывно борющиеся между собой Хаос и Космос. Боги собрались на совет, но в этот раз не было в их рядах единства, как прежде. Каждый видел новый мир по своему. И тогда они порешили разделить земные пределы. Один, самый могущественный, взял себе бесконечные степи. Другому, такому же властолюбивому, достались земли у моря. Третьему — равнины севера. Прочие не пожелали властвовать над людьми, считая, что человек должен сам определить путь, по которому пойдет.

Принимая вновь под свою власть землю и море, боги поклялись придерживаться определенных правил, преступать которые они были не вправе. Главным из них было обязательство не строить всеземного царства, где один народ будет походить на другой, все будут говорить на моноязыке и поклоняться общему богу. Именно так было в Золотом веке и это привело к страшной катастрофе. Люди отныне должны были жить сами по себе, а боги — лишь вправе указывать им наиболее краткий путь к Счастью.

Заключенное соглашение было скреплено взаимными клятвами. Те, что решили быть богами, создали себе помощников, использовав для этого энергию космоса, и принялись строить свои миры. По сути это была игра, в которой участвовали целые народы; участвовали нередко против своей воли. Долгое время правила этой игры соблюдались. Боги-демиурги — так стали называть тех, кто строил свой мир — вмешивались в дела людей ровно настолько, чтобы не сбить их с предназначенного Судьбой пути. Те же, кто добровольно отказались от власти над миром, занимались тем, что было им по душе. Один стал отшельником, второй воевал, третий путешествовал. Но пришел день и демиурги, охваченные жаждой власти, пожелали установить полное господство над человеческим миром, объединив разноязыкие народы и подчинив их своей злобной воле. Эта воля зародилась в недрах Востока и черной чумой начала расползаться по миру. Возникли огромные воинственные империи, запылали пожары, пролились реки крови. И все это вновь, как и много столетий назад, делалось во имя великой целы — сделать человека счастливым. Те, кто отказались от власти над миром, хорошо помнили к чему все это тогда привело. Они объединили силы и стали бороться с захватившими власть демиургами. События, участниками которых мы являемся, есть часть этой борьбы.

Философ замолчал, ожидая реакции своих слушателей. Ученик безмолвствовал, а спартиат задумчиво выдавил:

— Вот бы нам такое оружие, какое имели боги Золотого века. — Это было единственное, что запало в душу воину. Эмпедокл посмотрел на него и захохотал. До слез. Затем внезапно посерьезнел. В этот миг тоненько тренькнул невидимый звоночек — дз-зинь! Еврит посмотрел на Павсания, тот в свою очередь на философа. Эмпедокл остался невозмутим, словно ничего не расслышал. Рассеянно катая по столу финиковую косточку, он произнес, обращаясь к Евриту:

— Насколько я понимаю, ты доверенное лицо Леонида. — Заметив удивленное выражение, появившееся на лице спартиата, философ добавил:

— Хотя, похоже ты не догадывался об этом. Павсаний мой ученик и я ему также полностью доверяю. Поэтому я раскрою вам одну тайну. Силы, желающие подчинить мир своей воле, пытаются уничтожить нас, то есть меня и царя Леонида.

— Вы те самые боги, которые пожелали стать людьми? — сдавленным голосом спросил Павсаний.

— Нет. Но мы на их стороне. И мы обладаем силой. Чтобы избавиться от нас, наши враги готовы пойти на все. Они презрели правила игры и пускают в ход и магию, и отравленный кинжал. Так совсем недавно враги пытались убить царя Леонида.

— Это был Перпикт. Он был безумен, — поспешно вставил Еврит, вступаясь за честь спартиатов. Вновь тренькнул звоночек.

— Может быть и безумен. Но его безумством двигала злая воля, да и речь совсем не об этом. Не так давно царь должен был быть на Крите, где его ждали друзья. Однако на побережье Пелопоннеса он попал в засаду. Будь на месте Леонида кто-нибудь другой и можно б было заказывать поминальный пир.

— Царь Леонид великий воин! — с гордостью подтвердил Еврит.

Эмпедокл зевнул.

— Я говорю все это потому, что к нам идут незваные гости. Они перелезли через стену и прошли сквозь лес. Думаю, они уже вошли в дом.

— Клянусь Зевсом... — Спартиат начал медленно подниматься со своего места. — Так почему ж мы спокойно сидим?!

— Дело в том, дорогой юноша, что у каждой игры есть свои правила, которые следует исполнять, и лишь в этом случае она доставляет удовольствие. — Звонок тренькнул в третий раз. Философ поспешно пробормотал, вскакивая:

— Тогда было рано, а теперь в самый раз!

Они едва успели сорвать со стены мечи: Эмпедокл чудо-клинок, привлекший внимание спартиата, Павсаний — махайру, а Еврит сразу два — ксифос и акинак, как дверь с треском распахнулась и в комнату ворвались вооруженные люди. Каждый из них сжимал в руке короткий меч, некоторые прихватили с собой виотийские, наиболее подходящие для подобной схватки, щиты, кое-кто на всякий случай, скорей по привычке, надели легкие шлемы, но не один не облачился в панцирь. Это свидетельствовало о том, что незваные гости рассчитывали на внезапность нападения. Возглавлял врагов человек с восточными чертами лица. У него был характерный горбатый нос, черная колечками бородка, через левую щеку тянулся рваный шрам.

— Пун мой! — закричал философ и стремительно атаковал слегка оторопевших от подобного приема гостей. Еврит с изумлением проследил за тем, как мудрец дважды махнул своим чудомечом и на пол рухнули два обезглавленных трупа. Однако оставаться зрителем спартиату пришлось недолго. Враги опомнились и перешли в наступление. Пятеро насели на Эмпедокла — впрочем, через мгновение их осталось четверо, — еще шестеро напали на Еврита и Павсания. Спартиат взял на себя пятерых врагов, так что на долю ученика пришелся лишь один, но и этого для

него оказалось слишком много. Судя по всему, акрагантянин куда лучше работал поварешкой, нежели мечом.

Нападавшие не были новичками в ратном деле, в этом Еврит смог убедиться сразу, но для них явно было неожиданностью, что у философа оказался подобный гость, машущий мечами с такой легкостью, словно в его руках не по десять мин[1] заостренной бронзы, а невесомые ивовые прутики. Предвидь подобное, они хотя б облачились в доспехи. Ведь незащищенное броней тело столь уязвимо, оно разваливается под ударом меча подобно куску свежего масла... Еврит не особо утруждал себя хитроумными финтами. Вот ксифос рассек воздух, а заодно и горло одного из нападавших и почти в тот же миг акинак выпустил кишки еще одному. Враги отшатнулись, воспользовавшись этим спартиат перешел в контратаку. Он со звоном отбрасывал в сторону клинки противников, краем глаза следя как обстоят дела у его товарищей. У Эмпедокла все было в порядке. Он разрубил пополам очередного врага, причем чудо-меч рассек сначала подставленный под удар щит, а уж потом пошел наискось сквозь плечо, позвоночник и ребра; прочих философ оттеснил к выходу из трапезной. Павсанию приходилось туго. Здоровенный бородатый воин загнал акрагантянина в угол и уже примеривался как бы половчее отсечь его ученую голову.

Получай! Еврит метнул в бородача акинак. Вообще-то спартиатов никогда не учили бросать нож или меч, но все вышло удачно, будто Еврит ежедневно упражнялся подобным приемам. Попав точно промеж лопаток, узкий клинок пронзил тело насквозь. Бородач даже не вскрикнул. Цепляясь непослушными руками за одежду акрагантянина, он медленно сполз на пол. Павсаний посмотрел на свой заляпанный кровью хитон, сдавленно охнул и растянулся рядом с убитым.

Эмпедокл каким-то образом сумел заметить этот бросок.

— Молодец, спартиат!

Чудо-клинок с хрустом вспорол грудную клетку очередному врагу. Через мгновение он лишил руки еще одного. Последний бросился было бежать, но философ аккуратно уколол его острием в незащищенную шлемом шею.

Оставшиеся враги вынуждены были разделиться. Один с криком бросился на Эмпедокла, двое других яростно атаковали Еврита.

— Спартиат, не забудь, пун мой! — вновь заорал философ, рассекая пополам отлично закаленный клинок, подбиравшийся к его животу. Еврит не ответил. Парировав выпад чернобородого, кого Эмпедокл именовал пуном, он перехватил ему руку и ударил врага коленом в живот. Тот охнул и начал оседать. Еврит присел одновременно с ним, и сделал это очень вовремя, потому что меч другого убийцы просвистел прямо над его головой. Обозлившись на свой промах, нападавший ударил еще раз. Еврит увернулся вновь, а вот корчившийся от боли пун не успел. Бронзовое острие

попало ему чуть выше глаза и вышло наружу, покрытое кровавожирными сгустками умерщвленного мозга. Воспользовавшись замешательством врага, Еврит вонзил свой ксифос в последний раз. Клинок вошел в левый бок и вышел из правого. Роняя изо рта струйки крови, воин рухнул на труп чернобородого.

— Отличный удар! — похвалил также расправившийся со своим последним врагом Эмпедокл. Еврит кивнул и, упершись ногой в труп, не без труда освободил клинок, застрявший в ребрах. В этот миг философ обнаружил, что чернобородый, как и все остальные, мертв.

— Зачем ты убил пуна?! — набросился он на Еврита. — Ведь я велел тебе не трогать его!

— Это не я, а вот он. — Еврит указал острием ксифоса на распростертого на полу воина, изо рта которого набежала порядочная лужица крови. — Он слишком неосторожно махал мечом.

— Болваны! — Эмпедокл брезгливо скривил губы. — Это наемники Ферона. Видишь, какие у них шлемы? — Шлемы у убитых были действительно очень своеобразные — с большими нащечниками и тремя медными завитками на затылке. Еврит впервые видел подобные. — Такие шлемы изготавливают в Этрурии. Ими пользуют воины Великой Эллады[1]. В войске Ферона много наемников из Кротона и Тарента. Видно, тиран не слишком щедр, вот они и решили подзаработать, прикончив меня. Их нанял этот пун, а вот кто платил ему, мы уже, к сожалению, не узнаем...

— А ты оживи его, — как бы между прочим предложил Еврит, вытирая окровавленный меч о одежду одного из убитых.

— Тебе рассказал об этом Павсаний?

— Да.

— Я бы мог попытаться, но к сожалению меч повредил лобные доли мозга. Он будет двигаться, но не сможет говорить.

Спартиат выразительно посмотрел на философа, словно говоря: слова недорого стоят. Эмпедокл перехватил этот взгляд.

— Все жаждут чуда, — пробормотал он. — Ну ладно, смотри.

Склонившись над неподвижным телом мудрец сделал несколько кругообразных движений руками вокруг окровавленной головы. В тот же миг мертвец пошевелился и открыл правый глаз; левый очевидно был поврежден ударом меча. Затем он начал вставать, нащупывая скрюченными пальцами рукоять меча. Еврит попятился. Чудо-клинок Эмпедокла описал дугу и упал на шею того, кто еще недавно был человеком. Струйки крови из перерубленных артерий забрызгали ноги философа. Тело, лишенное головы, кулем осело на пол и застыло, на этот раз навсегда.

— Вот и все. Теперь он уже наверняка ничего не скажет, — философски заметил Эмпедокл. — Впрочем, это уже неважно. Я догадываюсь, чьих рук это дело. Пойдем-ка лучше посмотрим, что там случилось с бедным Павсанием.

— А ты уверен, что там, — Еврит кивнул головой в сторону двери, — больше никого не осталось?

— Уверен. Эти ребята не настолько умны, а кроме того, ни один из них не согласился бы, чтобы его товарищ ожидал развития событий где-нибудь в кустах, в то время как он рискует шкурой в доме. Ну и последнее, самое главное — они не рассчитывали встретить такой прием.

Философ подошел к лежащему замертво Павсанию, легко, словно ребенка, взял его на руки и положил на стол, предварительно сбросив локтем посуду. Серебряные блюда покатились с жалобным звоном, великолепный расписной фиал разлетелся вдребезги. Осмотрев своего ученика, Эмпедокл хмыкнул. Вид у него был озадаченный.

— Да у него ни одной царапины!

Спартиат отвернулся и, не в силах больше сдерживаться, рассмеялся.

— Ты что?

— Он просто лишился чувств при виде крови.

— Тьфу, мальчишка! — Эмпедокл в сердцах сплюнул и тоже засмеялся. — Придется потребовать с него деньги за разбитую посуду.

— Возьми их у мертвецов. Пун расплатился с ними золотом.

— Да? — Философ нагнулся к ближайшему покойнику, нащупал под пропитанной кровью туникой кошель, извлек его и, развязав тесемку, высыпал на стол штук двадцать золотых монет. — Хм, действительно. Но как ты догадался?

— Не знаю. Просто пришло на ум.

— Просто... — задумчиво протянул философ. — Просто, мой друг, это не объяснение. В нашем мире нет ничего простого. Возьми эти монеты себе.

— Не нужно. — Еврит сделал протестующий жест ладонью. — Мы привыкли к железу.

— Возьми, — настаивал Эмпедокл. — Купишь себе новую одежду. Твоя вся забрызгана кровью.

Спартиат осмотрел себя. Действительно, вид у него был как у мясника на бойне. Впрочем, Эмпедокл выглядел не лучше, вот только кровь была менее заметна на пурпурной ткани.

— Ну хорошо. — Еврит взял одну монету. Философ усмехнулся.

— Странные вы все-таки люди, спартиаты. Хотя я начинаю понимать, почему Воин полюбил вас.

— Воин?

— Так я называю царя Леонида, — пояснил Эмпедокл.

— А как он зовет тебя?

— Жрец.

Мудрец похлопал ученика по щекам. Однако тот не собирался приходить в себя. Тогда Эмпедокл оставил его на время в покое и взял со стола кратер с вином. Сделав несколько больших глот-

ков, он плотоядно облизал губы и протянул сосуд спартиату. Тот отрицательно покачал головой.

— Я не пью чистое вино.

— Напрасно. Вода разжижает кровь, а вино делает ее более горячей, хотя... — философ не говорил. Поставив кратер на место, он вновь похлопал Павсания по щекам. Тот слегка дернулся, но глаз не открыл. — Похвальное упорство, достойное лучшего применения. Ему надлежало быть столь же упорным во время схватки! — прокомментировал Эмпедокл поведение ученика. Затем он с одобрением взглянул на спартиата. — Ты славно дрался.

— Но хуже, чем ты. — Еврит вспомнил, как пренебрежительно отозвался о мудреце в разговоре с Павсанием и ему стало стыдно.

— Просто я намного опытнее. С годами ты превзойдешь меня. Единственный, кого ты никогда не сможешь превзойти, это Воин.

— Я знаю.

— В благодарность за твою помощь я хочу сделать тебе подарок. Ты можешь выбрать себе любой клинок, который тебе нравится. — Еврит тут же посмотрел на чудо-меч, положенный философом рядом с Павсанием. Заметив этот взгляд, Эмпедокл поспешно добавил:

— Кроме этого. Это мой меч.

— Тогда я возьму акинак. Он хорошо сбалансирован.

— Замечание опытного воина! — с уважением произнес Эмпедокл и заорал:

— Ну когда же этот несносный Павсаний очнется!

Крик возымел воздействие. Ученик открыл глаза, но увидев пятна крови, щедро покрывавшие одежду спартиата, мудреца и свою собственную, поспешно закрыл их. Эмпедокл бесцеремонно толкнул его в бок.

— Вставай! Все кончено. Или, быть может, ты хочешь, чтобы тебя бросили в яму вместе с этими мертвецами?

Подобная перспектива пришлась не по душе Павсанию, и он поспешно поднялся. Впрочем толку от него все равно было мало. Едва увидев трупы, обезглавленные чудо-мечом, акрагантянин тут же закрыл глаза вновь. В итоге всю грязную работу пришлось делать Евриту и Эмпедоклу.

В укромном уголке леса была вырыта большая яма, ставшая последним пристанищем наемников и их чернобородого предводителя. Как только могила была засыпана землей, Еврит собрался уходить. Ему надо было успеть присоединиться к прочим спартиатам до того, как они отправятся в дворец Ферона. Перед тем как проститься, Эмпедокл передал ему письмо, а также новенький пурпурный хитон и роскошный, шитый золотыми нитками плащ.

— Немного не по росту, зато без следов крови. — Не слушая возражений, мудрец заставил спартиата переодеться, добавив:

— Вернешь, когда купишь себе новую одежду.

— Как же я верну? — спросил Еврит. — Ведь сразу после аудиенции у тирана мы возвратимся в Сиракузы.

— Попросишь любого горожанина передать хитон и плащ философу Эмпедоклу. Не сомневайся, все будет исполнено в точности. Чернь меня обожает.

Вместе с Павсанием он проводил Еврита до самых ворот. Когда они шли через лес, Эмпедокл нагнулся и указал рукой на едва приметную проволочку, в несколько рядов лежавшую на тропинке.

— Дз-зинь! — сказал он, подражая звону колокольчика, предупредившего о появлении незваных гостей. Не говоря ни слова, Еврит укоризненно покачал головой. Догадавшись, о чем тот подумал, философ усмехнулся. — Игра. Ведь жизнь ничто. Умирая, человек вновь воскресает в другом обличье и его муки продолжаются. И так тысячу поколений, пока душа не очистится и не будет допущена в царство светлых духом. Похоже на бред? — спросил он и сам ответил на свой вопрос:

— Так и есть. Но люди верят, потому что хотят жить. И умирать без страха. Как прекрасно умирать, зная, что через мгновение возродишься вновь.

У ворот они распрощались. Евриту предстояло быть участником переговоров с акрагантским тираном Фероном; переговоров, увы, неудачных. Эмпедоклу было назначено на этот день вызывать дождь. Стояла жара и нивы нуждались в поливе. Павсанию надлежало замывать кровавые пятна, покрывавшие пол и стены трапезной, и при этом размышлять о смысле жизни. Их пути разошлись. Быть может надолго, а скорей навсегда. Пока же они еще могли видеть друг друга.

Философ и его ученик смотрели вслед уходящему воину до тех пор, пока он не скрылся за изгибом улицы. Здесь Еврит обернулся и увидел две неподвижные фигуры, одна из которых, облаченная в пурпур, была словно с ног до головы покрыта запекшейся кровью, вторая была бела, подобно коже невинной девушки. Алое на белом... Кровь так эффектно и пугающе смотрится на снегу. Спартиат помахал рукой.

Он был благодарен Судьбе, сведшей его с этими людьми.

Странными людьми, интересными людьми, загадочными людьми; людьми, в чьей душе мудрость уживалась с жестокостью.

Он был благодарен Судьбе, даровавшей ему возможность жить именно в это время.

Странное время, интересное время, загадочное время; время, напоенное кровавыми ветрами и приходящим из неведомых глубин огнем познания.

Время, равное тысяче поколений.

Время жить.

Время...

* * *

Диалог по поводу похвального слова тирании, так и не сказанного философом Эмпедоклом

ФАЛАРИД[1], ЭМПЕДОКЛ

Ф А Л А Р И Д. Что означают слова, сказанные тобою, Эмпедокл, о готовности произнести похвальное слово тирании? Значит ли это, что ты наконец признал тиранию как единственно правильную форму правления?

Э М П Е Д О К Л. Ни в коем случае. Тирания есть зло, избежать которое было бы благом для любого народа.

Ф А Л А Р И Д. По-твоему, зло заключается в тирании или любой единоличной власти?

Э М П Е Д О К Л. Любая власть безнравственна.

Ф А Л А Р И Д. Из сказанного тобой я могу сделать вывод, что ты отрицаешь абсолютно любую власть.

Э М П Е Д О К Л. В определенной мере — да. Любая власть несовершенна, ибо устанавливается человеком, который далек от совершенства.

Ф А Л А Р И Д. А если власть установлена богом или богами? Подобная власть должна быть идеальной.

Э М П Е Д О К Л. На это я имею три контраргумента. Первый — боги не должны вмешиваться в дела людей. По крайней мере благоразумные боги. Второй — полагаю, ты согласишься со мной, отношения между самими богами далеки от идеальных. Тиран Зевс не может удержать в полной покорности своих рабов.

Ф А Л А Р И Д. Власть Зевса наследственна и происходит из глубокой древности, потому я назвал бы Зевса базилевсом[2].

Э М П Е Д О К Л. Считать базилевсом того, кто сверг собственного отца. О какой легитимности здесь может идти речь? Низвергать царственных отцов — удел тиранов!

Ф А Л А Р И Д. Ты заблуждаешься.

Э М П Е Д О К Л. Вовсе нет. И третий — чтобы раз и навсегда покончить с этим спором по поводу развратников и лгунов с Олимпа, признаюсь, что склонен присоединиться к мнению Протагора[3], сказавшего: «О богах я не могу утверждать ни что они существуют, ни что их нет».

Ф А Л А Р И Д. Выходит, ты считаешь, что боги не существуют на самом деле.

Э М П Е Д О К Л. Вовсе нет. Но я считаю, что они выглядят иначе, чем полагает традиция. Я имел смелость как-то заметить по этому поводу:

Бог не имеет над телом ни головы человечьей,
Ни двух ветвящихся рук, вверх со спины устремленных,
Ни скорых колен, ни ступней, ни органов, шерстью покрытых,
Дух он священный и только, скрытый от нашего слова,
Пронзающий разумом быстрым космос от края до края.

Ф А Л А Р И Д. Бог есть лишь мыслящий дух. Позволь не согласиться с тобой, Эмпедокл. Впрочем, вернемся к нашим баранам. Так о чем мы говорили прежде?

Э М П Е Д О К Л. Верно о тирании.

Ф А Л А Р И Д. Я хвалил ее, ты ругал.

Э М П Е Д О К Л. Нет, до этого еще не дошло.

Ф А Л А Р И Д. Прекрасно, значит сладкое пиршество спора ожидает нас впереди. Но возвратимся к сказанному тобой. Ты отрицаешь любую власть. Значит ли это, что ты за анархию?

Э М П Е Д О К Л. Нет. Анархия — тоже власть, власть безвластья. Много худшая, чем, скажем, тирания или демократия.

Ф А Л А Р И Д. Так какую же власть предпочитаешь ты?

Э М П Е Д О К Л. Аристократию духа.

Ф А Л А Р И Д. Поясни, что ты имеешь в виду, говоря об аристократии духа?

Э М П Е Д О К Л. Я признаю власть, которая основывается на воле людей, постигших тайны сущего, сильных духом и смелых сердцем.

Ф А Л А Р И Д. Такие есть?

Э М П Е Д О К Л. Должны быть.

Ф А Л А Р И Д. Почему бы не предположить, что эти качества присущи тиранам?

Э М П Е Д О К Л. Не буду спорить. По крайней мере многим из них. Но в этом случае прибавь сюда жестокость, подозрительность, коварство.

Ф А Л А Р И Д. Человек не может быть выкрашен в один цвет и кому, как не тебе знать это.

Э М П Е Д О К Л. И кому как не тебе, Фаларид.

Ф А Л А Р И Д. Аристократ духа — есть сверхчеловек?

Э М П Е Д О К Л. В какой-то мере. Но лучше сказать — нет. Первого определяет мудрость, второго — сила. Аристократ духа будет мудрым.

Ф А Л А Р И Д. Тогда при нем должен состоять палач.

Э М П Е Д О К Л. Об этом я не думал.

Ф А Л А Р И Д. Положим, я и сам ничего не имею против такой власти, которую ты именуешь аристократией духа. Не хочу обижать тебя, Эмпедокл, но сдается мне, ты украл эту идею у Платона.

Э М П Е Д О К Л. Не хочу огорчать тебя, Фаларид, но Платон еще не создал своего «Государства».

Ф А Л А Р И Д. Как все перемешалось в этом мире. Словно опять наступили времена хаоса. Хорошо, я признаю твое первенство относительно этой идеи. Мне нравится придуманная тобою власть, но она не подходит для нашего мира. Она химерична. Она может существовать как великая утопия, но в реальном мире, мире людей ей нет места. Она основана на гармонии, которой нет там.

Где вечная злоба, убийство, стаи карающих духов,
Точащий силы недуг, тщета и ничтожество тленья...[1]

ЭМПЕДОКЛ. Да, это так. Но человек должен думать о высшем.

ФАЛАРИД. Должен, не спорю. Но порой нужно спускаться на залитую кровью землю, где царят безвластие и хаос. Сильная власть — вот что нужно человеку!

ЭМПЕДОКЛ. Власть...

ФАЛАРИД. Власть. Можно ли считать лучшей власть аристократов по роду?

ЭМПЕДОКЛ. У нее есть определенные достоинства.

ФАЛАРИД. Например?

ЭМПЕДОКЛ. Аристократы учены и чтят традиции предков. Они богаты, их меньше других волнует нажива.

ФАЛАРИД. Далеко не бесспорно. Набив мешок серебром, тут же шьешь себе второй.

ЭМПЕДОКЛ. Действительно не бесспорно. Тогда авторитет славы предков.

ФАЛАРИД. Теперь скажу я. Передаваемые по наследству богатство и власть делают человека черствым и корыстолюбивым. Он думает лишь о том, как бы сохранить их. Он заботится о собственном благе, а не о благе граждан. Носить белоснежный хитон — не значит иметь чистую душу. Хотя я и не могу утверждать, что нет аристократов с высокими помыслами. Взять к примеру тебя, Эмпедокл. Но в основном это заевшаяся свора, защищающая лишь свои узкокорыстные интересы.

ЭМПЕДОКЛ. Каждый человек думает прежде всего о собственных интересах. Это осталось у него от зверя. Лишь сильные духом могут думать в первую очередь о благе других. Я не отношу аристократов по роду к их числу. Но что ты можешь сказать о демократии, давшей немало примеров мужества и самоотверженности.

ФАЛАРИД. То есть о власти народа, которую мы оба втайне презираем. Ты кривишь душой, Эмпедокл, говоря о достоинствах демократии. Но я буду терпелив и постараюсь, руководствуясь разумом, а не эмоциями, доказать тебе всю пагубность этой власти. То, что мы называем демосом или народом, легко превращается в охлос, что значит чернь. Пожалуй, трудно провести грань между чернью и народом. Чернь есть народ, а значит народ есть чернь. Это аксиоматично. Демократия же означает власть визжащего орущего стада, внезапно обретшего силу. Это неразумное сборище, готовое последовать за любым ловко бросающим слова демагогом или раздающим серебро богачом. Это мрачная стихия, где властвует охлос. Мы, эллины, извечно презирали темных варваров, но, устанавливая в своих городах демократию, мы уподобляемся этим неразумным дикарям, вверяя судьбу народа крикливым политиканам, готовым ради крохотной толики власти торговать честью, совестью, славой предков.

Возьмем к примеру Афины. Ведь в мире нет демократии более совершенной, чем афинская. Но что есть афинская демократия. Отвечу — сборище бесчестных крикунов, вершащих обманом присвоенную власть. Это эклессия, обрекающая на изгнание Алкивиада[1], Протагора и Тимофея[2], это буле, выносящий смертный приговор героям Аргинузских островов[3] и великому стратегу Фокиону[4], это свора казначеев, полетов, аподектов и логистов[5], порующая больше, чем сорок тиранов вместе взятые. Афиняне должны благодарить судьбу, что у внука Сикионского тирана Клисфена[6] хватило ума и мужества хоть немного обуздать демократию разумными ограничениями. Что бы стало с Афинами, если б горшечнику или золотарю было позволено занять должность архонта! Тогда я первый собрал бы армию и двинул ее на покорение охваченного хаосом демократии города. Демократия означает непрерывную борьбу за власть. Она дозволяет эту борьбу законодательно и тогда начинается свара, которую не унять никакими призывами к мудрости и благоразумию.

ЭМПЕДОКЛ. Да, власть слишком сладкая штука. Даже для мудрых.

ФАЛАРИД. Тебе нужны еще доказательства?

ЭМПЕДОКЛ. Еще? Я слышал от тебя лишь доводы, которые нельзя считать доказательствами.

ФАЛАРИД. Пусть будет так. Но и подобных доводов вполне достаточно, чтобы убедить в том, что демократию нельзя признать лучшей формой власти. На олигархии[7], полагаю, не будем особо задерживаться. Она пахнет дурнее, чем аристократия. И вот, наконец, мы подошли к предмету нашего спора. Тирания...

ЭМПЕДОКЛ. Кстати, это слово пишется с одной или двумя «н»?

ФАЛАРИД. Это не существенно.

ЭМПЕДОКЛ. Что же тогда следует считать существенным?

ФАЛАРИД. Не юродствуй. Облаченному в пурпурную тогу не приличествует примерять грязный плащ софиста[8]. Итак, тирания. Мудрость, сила, благо — вот что есть тирания.

ЭМПЕДОКЛ. Коварство, жестокость, ложь, потакательство черни — вот что такое тирания.

ФАЛАРИД. Да, тираны коварны. Они вынуждены быть коварными, так как имеют дело с подобными себе. Это лишь условие самосохранения. Выживает тот, кто перехитрит другого. Да, они лгут. Но кто не лжет в этом мире? Да, они жестоки. Но ведь в младенчестве они были похожи на прочих детей. Жестокими их сделала жизнь. Когда-то я был аристократом и подобно тебе презирал чернь. Но в тот день, когда граждане избрали меня властелином Акраганта, я вдруг понял, что это вовсе не чернь, а мои дети, мой народ. Ведь они доверили мне свои жизни. Ты просто ненавидишь людей, Эмпедокл!

Э М П Е Д О К Л. Допустим. А за что мне любить их. Я не люблю никого, даже себя. И я не верю в сказки о мудрых правителях, ибо сам создаю их, эти сказки. Мудрый никогда не рвется к власти. Удел мудрого — отшельничество. Власть — удел глупца.

Ф А Л А Р И Д. Тогда ты назвал глупцом Солона[1].

Э М П Е Д О К Л. Он не был тираном.

Ф А Л А Р И Д. А Гераклит[2]?

Э М П Е Д О К Л. Он отказался, как и я. Эфессянину ведома суетность жизни.

Ф И Л А Р И Д. Мы признаем мудрецами семерых древних мужей и двое из них — Периандр и Питтак — были тиранами.

Э М П Е Д О К Л. Но пятеро не были.

Ф А Л А Р И Д. Тиран это мудрый базилевс, возрождающий связь с природой, защищающий от врагов, заботящийся о слабых и убогих.

Э М П Е Д О К Л. Убогим и слабым надлежит умереть.

Ф А Л А Р И Д. Тогда обречено все человечество. Ведь кто-то всегда окажется сильнее, а значит **не кто-то** будет признан слабым и убогим.

Э М П Е Д О К Л. Я презираю тиранов за то, что они ищут дешевой популярности у охлоса.

Ф А Л А Р И Д. А разве не ищут ее сторонники демократии — риторы и демагоги? А разве не ищешь ее ты, объявляя себя магом, врачевателем и даже богом? Признайся, быть популярным приятно.

Э М П Е Д О К Л. Приятно. Хотя порой и утомляет. Все же я прежде всего философ — человек, бегущий от суеты дабы познать суть вещей.

Ф А Л А Р И Д. Однако можно быть не философом, но просто мудрым человеком. Разве не был мудрым Поликрат, приветив при своем дворе Анакреона[3], Демокеда[4], Пифагора[5]...

Э М П Е Д О К Л. Потому-то Пифагор и бежал с Самоса в Кротон!

Ф А Л А Р И Д. Ссорятся порой даже мудрые люди. Но посмотри как расцветают при таких правителях державы. Самос при Поликрате имеет самый сильный в мире флот. Мудрый правитель обустроил гавань, соорудил водопровод и прекрасный храм Геры. Тиран Периандр превратил Коринф в величайший город Эллады, накормил бедных, развил ремесла и торговлю, учредил Истмийские игры.

Э М П Е Д О К Л. Ты говоришь так, будто они сделали это собственными руками.

Ф А Л А Р И Д. Нет, но до них этого не сделал никто.

Э М П Е Д О К Л. Значит еще не настало время. Кто знает, какого могущества достигли б к примеру Афины, не правь в них Писистрат и его преемники. Быть может, Афины владычили б сейчас над миром.

Ф А Л А Р И Д. Опасно строить эфемерные замки, которых нет, не могло быть и никогда не будет в реальности.

Э М П Е Д О К Л. Тирании существовали тогда, когда в них была необходимость. Если тирания пала, значит так желает Судьба. Нельзя вставать наперекор Судьбе.

Ф А Л А Р И Д. Ты веришь в неотвратимость Судьбы?

Э М П Е Д О К Л. Да. И еще я верю в то, что человек может изменить свою судьбу, но это должен быть очень сильный человек.

Ф А Л А Р И Д. Чистой воды эклектика.

Э М П Е Д О К Л. Мир эклектичен.Но поговорим о дурных сторонах тирании. В связи с этим я хочу напомнить тебе имена Килона[1], Гиппия[2] и твое собственное.

Ф А Л А Р И Д. И в чем же мы все провинились?

Э М П Е Д О К Л. Килонова смута унесла множество жизней. Вот итог непомерного честолюбия!

Ф А Л А Р И Д. Она унесла жизни сторонников Килона, убитых Алкмеонидами.

Э М П Е Д О К Л. Гиппий пролил кровь своих сограждан.

Ф А Л А Р И Д. После того, как Гармодий и Аристогитон пролили кровь его брата Гиппарха.

Э М П Е Д О К Л. А что ты скажешь насчет медного быка, пришедшего в Акрагант?

Ф А Л А Р И Д. Лучше один зажаренный заживо бунтовщик, чем море крови от междоусобных раздоров. Сам Пифагор одобрил это.

Э М П Е Д О К Л. Разве человек имеет право осуждать на смерть, опираясь лишь на собственное мнение?

Ф А Л А Р И Д. А разве мать спрашивает у новорожденного его согласие, отправляя в наш жестокий мир? И кому тогда дано право решать? Избранному народом? Судьбе? Богам? И будет ли это решение единственно верным? Ты отказываешься от этого бремени, считая человеческий мир недостойным твоей мудрости. Так предоставь его людям, которые согласны вершить суд и держать ответ за содеянное, пусть даже расплатой будет жизнь.

Э М П Е Д О К Л. Так может предоставить это право всему народу?

Ф А Л А Р И Д. Чтоб он вновь осудил на смерть Сократа?! Когда судят все, кару за неверное решение не несет никто. Пусть лучше решает один и если он ошибется, то, по крайней мере, будет с кого спросить. И тогда его ждут заостренный кол и проклятье истории. Пусть будет так хотя бы до тех пор, пока не придет твой аристократ духа.

Э М П Е Д О К Л. В твоих словах есть резон, Фаларид.

Ф А Л А Р И Д. Я знал, что ты не сможешь не согласиться со мной, ведь хотя сердцем ты против тирании, умом ты за нее.

Э М П Е Д О К Л. Я благодарен тебе, тиран, что ты нашел

время посетить философа. Наш разговор доставил мне удовольствие.

Ф А Л А Р И Д. Он был не менее приятен и мне. Если верить твоему учению, Эмпедокл, ты претерпел не одно жизненное превращение, и именно это делает тебя мудрым. Скажи мне, кем ты был в своей прошлой жизни.

Э М П Е Д О К Л. Тобой, Фаларид. Это была славная жизнь!

ЭПИТОМА ВОСЬМАЯ

Мастер

Сам Дедал, говорят, из Миносова царства бежавший,
Крыльям вверивший жизнь и дерзнувший в небо подняться,
Путь небывалый держа к студеным звездам медведиц...

ВЕРГИЛИЙ, «Энеида» 6, 14—16

Минос был уверен, что пух и перья требуются мастеру, чтобы создать невиданный легко-воздушный плащ, в который облачится царь во время великих празднеств. Так заверил его Дедал, а владыка Крита знал, что Мастер не бросается словами. День за днем лучники несли убитых соколов и кречетов, чьи крылья невесомы в полете. Дедал ощипывал их перья, а тушки бросал рычащим у входа собакам. Псы должны полюбить его, это пригодится, когда все приготовления будут закончены. И будет темная ночь.

Тщательно промыв перышки от грязи и крови — ведь даже мельчайшая пыль, забившаяся между ресничками, сделает перо непригодным для его затеи, — Мастер сушил их над пламенем свечи, затем обмазывал края прозрачным клеем, сваренным из воска и известных лишь Дедалу трав, и прилаживал к тонким прутьям каркаса. Сколько дней он потратил, чтобы составить этот каркас из сердцевины тика! Каждое ребрышко его было вдвое тоньше пальца, а по крепости не уступало медному пруту. Эти палочки выдержат силу мускулов и порывы ветра, когда он вознесется к самому солнцу. Солнцу... Но на это уйдет не день и не два.

Дедал обмакнул очередное перо в клей и приладил его к деревянной поверхности. Еще немного и крыло будет закончено. И останется сделать всего одно. Ведь два уже стоят в углу, ожидая своего часа. Стараясь не потревожить еще не до конца приставшие и дрожащие при малейшем дуновении воздуха перья Дедал тихо выдохнул и бережно отставил недоделанное творение в сторону. Судя по тусклому свету, сочащемуся из зарешеченного отверстия окна, близок вечер, а значит скоро принесут ужин. Соглядатаям Миноса совсем не нужно знать, чем на самом деле занят Мастер.

— Икар! — окликнул он сына.

Ответа не было. С тех пор, как Минос заточил их в темницу, Икар стал задумчив.

— Икар! — крикнул отец погромче.

— Да, отец? — послышался после краткой паузы голос Икара.

— О чем ты думаешь?

— Да так...

— Иди ко мне, сынок.

Икар вышел из темноты, где стояло его ложе.

— Присядь.

Юноша послушно устроился рядом. Отец с любовью рассматривал его прекрасное, чуть тронутое грустью, молодое лицо, обрамленное каштановыми кудрями.

— Так о чем же ты все-таки думаешь?

Икар застенчиво улыбнулся.

— О том, как обрести свободу.

— Не забивай себе голову, сынок. Твой отец позаботится об этом. Скоро мы поднимемся в воздух и улетим с проклятого острова.

— Поднимемся в воздух? — удивленно спросил Икар. — Но я думаю точно о том же.

— В нашем деле мало думать, сынок, нужно уметь делать.

— Ты прав, отец, — ответил Икар и задумался. Дедал с интересом рассматривал сына. Прежде Икара интересовали лишь детские забавы да хитроумные игрушки, что изготавливал для него отец. Икар не был рожден Мастером. Ему было чуждо тщеславие творца, сладкая дрожь ваятеля, высекающего резцом непревзойденную в веках статую, торжество художника, сумевшего вдохнуть жизнь в изображение на фреске, снисходительная улыбка Мастера, познавшего живую суть неживой материи. Руки и голову ему заменяло сердце — сильное, доброе и возвышенное. Столь сильное, какое бывает у немногих людей.

— Когда придумаешь, скажешь, — улыбнулся Дедан, но сын не ответил.

Загремели засовы, и дверь в темницу отворилась. На фоне заходящего солнца появились закованный в медь воин и слуга, в руках которого был поднос с ужином. Кормили их очень неплохо — с царской кухни. Хотя Минос и был разгневан на Дедала, но он вовсе не хотел уморить Мастера голодом. Сегодня было жаркое из барашка, отличное вино и сколько угодно пшеничного хлеба и фруктов. Дедал подергал красноватым носом, с наслаждением старого гурмана вдыхая ароматный запах мяса.

— Мне нужны свечи! — не допускающим возражения тоном бросил он стражнику. Тот молча поклонился и запер дверь. Дедал знал, что утром свечи будут принесены. Минос ни в чем не отказывал Мастеру, хотя и сердился на него. Сердится... Не стоило, конечно, помогать этому афинянину, сыну города, некогда изгнавшего его, но уж больно ловко сыграла на его самолюбии лукавая Ариадна, заявив во время пира, что Мастер построил столь запутанный лабиринт, что, верно, и сам не сможет найти из него выход.

— Муравей всегда найдет путь в свой муравейник! — немедленно возразил Дедал.

Минос хохотал.

— Признайся честно, моя дочь ловко поддела тебя!

Дедал вежливо улыбнулся, а ночью, когда привезенных из Афин пленников вели в подземелья Минотавра, он незаметно сунул самому сильному из них клубок ниток.

Тот все понял. Он убил Минотавра и бежал, прихватив с собой Ариадну. Как выяснилось позже, девчонка заочно влюбилась в героя-иноземца, слава которого долетела до Крита, и ловко подстроила так, чтобы помочь ему руками Дедала. Царь был вне себя от ярости, узнав, что Мастер причастен к этой истории. Он приказал бросить Дедала в темницу, пригрозив, что тот останется здесь до тех пор, пока не изобретет что-нибудь стоящее. Он так и сказал: что-нибудь стоящее.

Дедал очень не любил, когда ему угрожали. Эти ограниченные людишки не отдавали себе отчет, что угрожают творцу, равному в своем искусстве самому Гефесту, а то и превосходящему его. Разве не Дедал изваял статуи, которые двигались?! Разве не он изобрел топор и бурав?! Разве не его руками изготовлено одно из чудес света — гигантский лабиринт?! Дедал яростно проткнул ножом обглоданную баранью лопатку, вызвав удивленный взгляд сына.

Люди до сих пор не научились уважать труд Мастера, ставя его на одну доску с работой ремесленника. Но чего стоит ремесленник, повторяющий некогда изобретенное. Он лишь жалкий копировщик, не более. А Мастер — творец, он открывает пути в неизвестное, он подчиняет своей воле прежде неподвластное человеку. Вот что означает — Мастер!

А можно ли найти во всем мире хотя бы одного мастера, сравнимого с ним, с Дедалом? Пленник негромко рассмеялся. Такого никогда не было, нет и не будет. Лишь внуку Эрехтея[1] открыты тайны всего неживого, лишь он имеет путеводную свечу, претворяющую космический разум в чудесные творения человеческих рук. Лишь Он!

Взгляд Дедала случайно упал на сына. О, всемогущая Гера, как они похожи! Тот был тоже смышлен и очень красив. А работой его рук восхищался даже сам Дедал. Мастер не раз говаривал своей сестре:

— Имей он побольше воображения, а руки ему даны самим Гефестом!

Дедал думал о том, чтобы сделать мальчишку своим подмастерьем. Вечным подмастерьем. Великим подмастерьем. Ведь у великого Мастера должен быть великий подмастерье. Купаясь в лучах славы, он взял племянника к себе в ученики, обещав обучить всему, что умел делать сам. Через год Талос не хуже дяди управлялся с камнем. Куросы, чья загадочная улыбка вызывает трепет у людей, они делали вместе. Еще через год юноша покорил металл, и из-под его молота стали выходить звонкие щиты и острые закаленные клинки. А на третий год Дедал увидел, как Талос работает с деревом. Кресла и ложа, сделанные его руками,

манили устроить в них уставшее тело, а раскрашенные пурпуром и лазуритом деревянные статуи дышали теплом. Дедал понял, что ученику удалось постичь то, что осталось недоступным Мастеру, он постиг тайну дерева, ж и в о г о дерева, и был близок к тому, чтобы постичь тайну всего живого.

Случилось то, во что Дедал никогда не верил — ученик превзошел Мастера.

— Это великолепная работа! — признался Дедал, вертя в руке деревянную плашку, разрезанную пилой из челюсти змеи с таким искусством, что была видна каждая тончайшая прожилка, а вместе они составляли сложный рисунок. — Следует посвятить ее Афине-Палладе.

Талос расцвел от похвалы Мастера и немедленно согласился. Они поднялись на вершину Акрополя. Осмотревшись и убедившись, что их никто не видит, Дедал ударом ноги столкнул Талоса вниз. Падал тот необычно долго, словно пытаясь обрести крылья. Но он не познал до конца сути живого и не смог воспарить над землей. Мастер отчетливо видел, как голова ученика ударилась о камень и раскололась, забрызгав все вокруг белесо-кровавыми сгустками.

Так случилось, что их все же видели, и Дедалу, обвиненному в убийстве племянника, пришлось бежать из Афин. Минос с радостью принял его и вот уже много лет Мастер работал на могущественного властителя Крита, пребывая то в великой милости, то в опале.

Но как Талос пытался взмахнуть руками!

Дедал с трудом отогнал это видение, часто посещавшее его. Глупец! Он думал воспарить без крыльев. Нет, Мастер пойдет другим путем. Ум и руки — вот все, что нужно творцу. Десять лет он вынашивал эту идею, три долгих месяца собирал изящный и прочный каркас, еще два отнимало каждое крыло. Но он уже близок к цели!

Близок!

Мастер налил себе вина и залпом выпил. Оглядев стол, он обнаружил, что Икар почти не ел. Опять думает?

«Дурачок!» — ласково шепнул Дедал. Разве может разгадать человеческое сердце тайну, подвластную лишь разуму и рукам?! Нет, только руки и разум.

— Ну как, придумал?

— Еще нет, отец.

— Думай, думай...

День сменяла ночь, а ночь порождала день. Талос продолжал свое бесконечное падение. Дедал терпеливо нанизывал нескончаемую гирлянду перьев.

— Ну как, придумал?

— Еще нет, отец.

— Думай...

Но вот Мастер приложил к основе последнее перо и отодви-

нулся, не дыша разглядывая результат своей титанической работы. Четыре крыла, снабженные хитроумной системой колесиков и бычьих жил, которая должна удесятерить силу человеческих мускулов.

— Ну как, придумал?

— Да, отец. Почти да.

— Ты уверен?

Икар кивнул.

— Да.

— Но зачем я тогда потратил столько времени, создавая крылья нашей свободы?

— Они послужат нам, отец. Но они слишком сложны, чтобы мы могли подарить их людям. Их тонкий механизм слишком капризен. Никакой мастер не сможет повторить сделанное твоими руками.

— Кроме меня в мире нет Мастера, — пробормотал Дедал.

— Мои же крылья, — воодушевленно продолжал юноша, — будут служить всему человечеству.

— Ладно, фантазер, потом расскажешь мне, как их изготовить. А сейчас бежим. Мне надоело гнить в подвалах Миноса.

Когда принесли ужин, Дедал шепнул стражнику, что хочет немедленно видеть царицу Пасифаю. Мастер не боялся, что стражник выдаст его царю. Гнев Миноса был страшен, гнев Пасифаи был поистине ужасен.

Едва стемнело, царица вошла в темницу.

— Ты хотел видеть меня, Дедал...

— Да, несравненная. Заточенный в этом подземелье, я сделал открытие, которое дарует неслыханное наслаждение в любви.

Даже в темноте было видно, как засверкали глаза Пасифаи, славившейся своей ненасытностью в любовной страсти. Облизав губы, она попросила:

— Расскажи мне.

Дедал покачал головой.

— Нет, царица.

— Ты хочешь рассердить меня?

— Как несравненная могла так подумать! Я боюсь прогневить твоего божественного супруга.

Пасифая томно улыбнулась.

— Говори. Он не узнает.

— Хорошо, — делая вид, что неохотно принимает это решение, сказал Дедал. — Но при условии, что ты поможешь мне и моему сыну выйти из темницы.

Царица начала выказывать признаки нетерпения.

— Ну хорошо, хорошо! Я поговорю с Миносом.

— Нет, я хочу выйти из тюрьмы сейчас же. Ты лишь помоги мне избавиться от охранника.

— Хочешь бежать с острова? — Пасифая с любопытством

взглянула на Мастера. — Но это глупо. Корабли Миноса догонят тебя. Впрочем, как знаешь. Что я должна делать?

— Угости охранника этим вином. Он не посмеет отказать тебе.

— А что это на самом деле?

— Яд. Самый сильный яд.

Пасифая, испытывавшая от чужих страданий не меньшее наслаждение, чем от любви, сладострастно улыбнулась.

— Надеюсь, он помучается.

Страж мучался совсем немного. Пасифая отворила дверь.

— Выходите. — Она потрепала по щеке Икара, прячущего за спиной крылья. — Какой симпатичный мальчик!

— Отстань от него! — велел Дедал. — Вот, держи то, что я обещал. Прикрепи этот механизм к чреслам мужа и испытаешь божественное наслаждение.

— Посмотрим!

Царица схватила поданный ей предмет и убежала.

— Что ты ей дал? — спросил Икар.

— Я изобрел это в одну из бессонных ночей. Двойная спираль, соединенная прочнейшей пружиной и замком из сплава, который не возьмет даже стальная пила. Отныне Минос не сможет любить ни одну женщину. Как только он возжелает ее, спираль причинит ему боль. — Дедал рассмеялся. — Это моя маленькая месть. А теперь поспешим, иначе эта сука приведет воинов. Я ее хорошо знаю. Одевай крылья. Или ты сможешь обойтись без них?

Икар покачал головой.

— Еще нет. Я пока не готов преодолеть страх перед Космосом.

Юноша одел оба крыла и скрепил их на груди кожаным ремешком. Дедал завязал точно такой же ремешок у него на спине. Завязал, потом помедлил и чуть ослабил. Перед глазами возник Талос, отчаянно машущий руками. А, будь что будет, пусть все решит Мойры!

— Помоги мне, сынок.

Убедившись, что крылья надежно закреплены, Дедал добавил:

— Только не подлетай слишком близко к солнцу, иначе его лучи могут растопить воск, которым склеены крылья.

— Какое солнце, отец? — удивился Икар, пробуя крылья. — Ведь сейчас ночь.

— Наш путь будет долог и наступит день.

Дедал первый взмахнул руками и поднялся в звездное небо. Икар устремился вслед за ним. Далеко внизу замелькали смутные очертания дворца, скалистых мысов, и все поглотило грозно рокочущее море. Мощно работая руками, Икар парил над отцом. Сверху доносился веселый голос юноши, радующемуся неизведанному прежде счастью полета.

— Я лечу! Лечу!

— Не поднимайся слишком высоко! — крикнул Дедал. — Ты растопишь воск!

Икар захохотал. И вдруг смех оборвался. И полетел в грохочущее море. Дедал отчетливо увидел, как отчаянно машущий руками Талос падает на камни.

«Вот так! — подумал он. — Никому не суждено подняться к солнцу! Никому!»

Он продолжил полет и вздрогнул, когда рядом вдруг послышался ликующий голос.

— Отец! Я потерял крылья, но Космос держит меня. Он не дает рухнуть мне в море! — Юноша захлебывался от восторга. — Я разгадал тайну полета. Я подарю ее людям. Я научу их парить в небе!

— Как же, сынок? — крикнул Дедал, подлетая поближе к парящему под ним юноше.

— Сердце, отец! Нужно иметь доброе, бесстрашное серд...!

Долото, заткнутое доселе за поясом, вонзилось в затылок Икара. Потеряв равновесие Мастер едва не последовал вслед за рухнувшим в море сыном, но у самой кромки воды сумел выровнять полет.

Мгновение спустя, он ровно махал крыльями над бушующим морем.

Встало солнце.

Губы Мастера шептали:

— Я назову это море Икарийским. В память о твоей мечте о свободном полете. Несбыточной мечте. Я спрячу свои крылья и лишь легенда поведает людям о Мастере, покорившем небо. Легенда. Легенда...

Ветер разносил его шепот во все стороны, рождая легенду.

Солнце уже было в зените, когда Дедал приземлился на острове, именуемом ныне Сицилией. Он снял истрепавшиеся в полете крылья и бросил их в море. А потом захохотал, представив, как Минос страдает от его коварного подарка и долго не мог разогнуться от смеха.

И в его воображении уже не представал Талос, летящий головой на камни. Лишь тихо звучали слова:

— Ну как, придумал?

— Да, отец.

— Как же, сынок?

— Серд..!

А ветер разносил по земле легенду.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Остров Крит

Мыс Малея, что на южной оконечности Пелопоннеса, сплошь изрыт солеными штормами. Царь Леонид стоял на краю высокой скалы, у подножия которой глухо ворчало море. Задиристый ветер звонко свистел в уши и играл складками пурпурного трибона[1]. Вот он поднатужился, разметал тучи, и появилась луна. Ее белый щербатый лик осветил поверхность моря, заставив маслянисто блестеть лениво перекатывающиеся волны. Лакедемонянин пристально, до боли в глазах всматривался в ночную даль. Где-то там должны были появиться два крохотных светлячка — сигнальные огни триеры, плывущей с Крита. Он сядет на нее, а к утру будет на острове, где ждут друзья, от чьей помощи во многом зависит, быть или не быть Элладе. Свободной Элладе.

Не от хорошей жизни он пробирался на остров ночью, поворовски. Меры, предпринимаемые царем для защиты отчизны, не устраивали многих. Очень многих, в том числе и силы, бороться с которыми было фактически невозможно. Эти силы желали властвовать над миром, а царь из рода Агиадов препятствовал их планам.

Враги знали, что он великий воин и что его очень трудно убить, но все же они пытались это сделать. Дважды за последнее время Леонид чудом уходил от мечей наемных убийц. В первый раз это были илоты — числом десять, отлично вооруженные. Весьма странно, когда илот размахивает мечом лидийской выделки, которых от роду не видывали в Спарте. И еще, им неплохо заплатили. У каждого из убитых царь обнаружил вместительный мешочек с серебряными монетами. Дарики, отчеканенные в Сузах. И наверняка им пообещали, что где-нибудь в Ферах или Ласе будет ждать корабль.

Второй случай был еще серьезнее. На него напал один из «ста»[2], которому он верил как себе. Это означало, что гниль предательства проникла и в царское окружение. На свою беду убийца недооценил реакцию царя. Леонид успел увернуться, и меч, просвистев в дюйме от его груди, вонзился в деревянную стену. Второго удара покушавшийся нанести не успел. Царь сломал ему руку.

Понимая, что покушение провалилось, предатель-спартиат раскусил спрятанный во рту шарик с отравой и тут же умер. Спустя несколько мгновений, тело его приняло зеленый оттенок. Леониду прежде приходилось сталкиваться с подобным ядом, и он знал о его потайных эффектах. По приказу царя обезображенный труп немедленно бросили в костер. Чтобы предотвратить нежелательные слухи, спартиатам объявили, что их товарищ погиб, случайно напоровшись на меч.

Поневоле приходилось быть осторожным. Поэтому, собравшись на Крит, Леонид не отплыл на корабле из Герийона, как поступил бы в обычной ситуации. В Критском море пиратствовали финикийские флотилии, и никто не мог поручиться, что предупрежденные о намеченном путешествии царя пираты не поджидают спартанское судно где-нибудь возле Киферы. Леонид решил действовать иначе. Распространив слух, что отправляется в Аргос, он действительно отправился по северной дороге, но вскоре отделился от спутников, велев им следовать дальше, а сам повернул в противоположную сторону — на юг Пелопоннеса. Друзья на Крите были заранее уведомлены о его планах и должны были прислать корабль.

Его-то и дожидался царь этой ночью, пристально вглядываясь в темное море.

Было уже около полуночи, когда за его спиной блеснула зарница. Леонид обернулся. Погода была суха, ветер дул с гор и ничто не предвещало грозы. Зарница блеснула еще, на этот раз ближе. Царю показалось, что в ярком свете мелькнула какая-то масса, направляющаяся в его сторону. Затем послышался собачий лай и топот копыт. Зловещие звуки постепенно приближались.

И вот зарница блеснула совсем рядом. В ослепительной вспышке Леонид успел различить мчащуюся по дороге колесницу, окруженную сворой огромных фантасмагорических собак. Лошадьми управлял громадного роста воин с копьем в руке.

Леонид был почти уверен, что узнал его, хотя они не виделись... Трудно сказать точно, сколько же они не виделись. Прежде он был врагом, да и сейчас вряд ли изменил свое отношение.

Копыта дробно стучали по камням. Обычная лошадь, а тем более четверка, не смогла бы скакать по узкой, шириной не более, чем в шаг, дороге, связывавшей плоскогорье с прибрежными скалами. Но то были особые лошади — вороные с огненными глазами. Блеск, Пламя, Шум и Ужас — их легким копытам не требовалась твердь. Они отталкивались от наполненного мраком воздуха.

Но наверх они не смогут подняться. Тропинка, ведущая на скалу, слишком крута даже для них. Это понимали и ехавшие на колеснице. Лошади, судя по звуку, загарцевали на месте. Прибывшие сошли на землю. Запылали три факела. Значит их трое.

Бряцая доспехами, незваные гости полезли на скалу, за их спинами нетерпеливо повизгивали собаки. И вот на фоне звездного неба появился шлем с высоким гребнем. В тот же миг Леонид бросил в него камешек. Шлем исчез, послышались звуки падения тел и ругательства. Судя по всему, шедший первым от неожиданности отпрянул и сбил с ног своих товарищей. Быстро посовещавшись, враги решили послать в атаку собак.

То были огромные псы неведомой породы, каждый из них был Леониду по грудь. Первый не успел даже вспрыгнуть на

скалу и с визгом полетел вниз, разматывая по склону кишки. Второму меч рассек голову. Еще два сумели взобраться на вершину обходным путем. Рыча они бросились на спартиата и ударили в него грудью, норовя сбить с ног. Но Леонид устоял. Блеснул меч, и оскаленная голова третьего пса покатилась по камням. Его собрат намеревался вцепиться в руку человека, но его встретил извлеченный из-за пояса нож. Острое, словно бритва, лезвие рассекло нижнюю челюсть монстра надвое, а удар меча оборвал жалобный визг.

Пока Леонид разбирался с псами, их хозяева вскарабкались на скалу. Возглавлял троицу громадного роста воин в блестящих доспехах. Мускулистая рука его сжимала не знающее пощады копье, другая была продета в ремни массивного бронзового щита. Это был бог войны Арес, существо, порожденное яростью и жестокостью Зевса, который не раз признавался, что порой побаивается своего бешеного нравом сына. Чуть позади стоял облаченный в серебряный панцирь Аполлон, вооруженный луком. Последним взобрался на скалу Дионис.

Очутившись наверху, боги первым делом воткнули факелы в трещины в скале. Порывы ветра раздули пламя, три мечущихся клубка огня вырвали из оков ночи часть скалы, на которой стояли противники.

Щурясь в узкие прорези медной личины, Арес долго рассматривал сжимающего окровавленный меч Леонида, а затем глухо сказал:

— Вы не солгали. Это действительно Диомед. Сейчас я поквитаюсь с ним.

Аполлон был настроен не столь решительно.

— Может быть, мне лучше всадить в него стрелу?

— Не-е-ет, — с жестоким сладострастием протянул бог войны. — Я хочу сам разделаться с ним. И наш поединок будет честным — один на один.

Боги не решились возражать Аресу, зная, сколь легко он впадает в бешеную ярость.

Постукивая наконечником копья о щит, бог войны стал приближаться к Диомеду. Тот казался внешне спокойным, но в тусклом свете было отчетливо видно, как перекатываются огромные мускулы готовых нанести удар рук. Арес не изменил своим старым привычкам. Сблизившись со своим противником, он размахнулся и метнул копье. Увернуться на таком расстоянии было невозможно, но Диомед сделал большее, чем увернулся. За мгновение до броска он переложил меч в левую руку, а правой поймал летящее в его живот копье. Острие лишь слегка коснулось защищенного чешуйчатым доспехом бока. В этом месте мгновенно выступила кровь. Немудрено — ведь копья Аресу ковал хромоногий Гефест, знавший секреты таких сплавов, перед которыми не могли устоять ни медь, ни бронза, ни железо.

Не успели боги опомниться, как Диомед метнул копье обрат-

но. Но метил он не в Ареса, того надежно прикрывал массивный щит, а в Аполлона, извлекавшего из колчана стрелу. Бог света успел сделать движение в сторону, но острие все же зацепило его и вырвало порядочный кусок мяса из плеча. Вскрикнув, Аполлон покатился вниз по крутому склону.

Отчаянно ругаясь, Арес выхватил меч и бросился в атаку. Даже без копья он имел преимущество, так как отбивал удары противника щитом, но зато Диомед был более быстр, что позволяло ему легко уходить от выпадов Ареса. Оба бойца яростно махали мечами, кружа на освещенном факелами пятачке скалы. Дионис не проявлял горячего желания помочь своему товарищу, а вскоре и вовсе исчез, отправившись на поиски раненого Аполлона.

Вскоре Арес стал задыхаться. Тяжесть щита и доспехов давила на него, отнимая силы. Диомеду пару раз удалось прорваться сквозь его оборону и нанести чувствительные уколы. Сообразив, что в столь тяжелом вооружении ему долго не продержаться, Арес бросил на землю щит, а затем и шлем. Теперь он двигался намного быстрее. Бойцы перемещались по очерченной тенью окружности, внимательно следя за действиями друг друга. То Арес, то Диомед совершали короткие выпады, которые, как правило, не достигали цели, и тут же уходили в глухую оборону.

Так продолжалось довольно долго. Чрезвычайно трудно было победить Ареса, который был великолепным фехтовальщиком и свободно орудовал мечом как правой, так и левой рукой. Вот и сейчас он перекидывал клинок из руки в руку, надеясь сбить противника с толку. И уж почти невозможно было победить Диомеда, лучшего бойца среди людей, свободно владевшего всеми видами оружия, будь то короткий ксифос или кельтский цельт.

Время играло на Ареса. Бог войны ожидал, что его товарищи вот-вот появятся вверху и придут ему на помощь. Диомед прекрасно понимал, на что надеется его противник, поэтому поспешил ускорить развязку. Зная, что Арес неважно видит в темноте, воин сделал шаг назад и сшиб один из факелов. Света стало ровно на треть меньше. Арес яростно закричал. Заставив его двигаться по сузившемуся кругу, Диомед сшиб еще один факел. В тот же миг бог набросился на него, нанося беспорядочные удары. Он рассчитывал ошеломить натиском, но явно забылся, с каким противником имеет дело. Хладнокровно отразив все выпады, Диомед ударил ногой третий факел, и тот упал вниз.

Стало темно. Луна прятала свой лик за набежавшими тучами, и лишь редкие звезды бросали тень на ломкие очертания камней. Едва упал факел, как Диомед исчез. Арес опасливо топтался на месте, прислушиваясь и пытаясь понять, бежал ли его противник или просто притаился за камнем. Наконец, он робко двинулся в сторону, противоположную шуму моря. Но не успел бог сделать и двух шагов, как могучая рука Диомеда сжала его запястье, а другая обхватила железным кольцом горло. Арес захрипел. Изо

всех сил напрягая мышцы, он попытался освободиться из захвата. Когда это не удалось, бог стал бить своего врага локтем в бок, но лишь ушибся о бронзовые пластины доспеха. Диомед неотвратимо толкал его в сторону моря. Арес пытался закричать, призвать на помощь Диониса, но не мог. В голове его помутилось, и он даже испытал облегчение, почувствовав, что летит вниз.

Мгновение спустя, он шлепнулся в море. Отплевываясь от соленой воды, бог подгреб к берегу и не без труда вскарабкался на скалу. Диомеда уже и след простыл. Вместе с ним исчезли кони, которые, как считал Арес, послушны лишь его руке. На том месте, где он оставил колесницу, сидели понурые Аполлон и Дионис. Бог света скулил, жалуясь на боль в плече, а Дионис вливал в себя килик за киликом из бочки, извлеченной из ничто. Смотрелся он тоже далеко не блестяще. Аресу ничего не оставалось, как присоединиться к нему. Боги не могли воспользоваться световыми потоками и не умели левитировать, а значит, были обречены провести остаток ночи у моря, над которым развлекался Борей. У Северного ветра был скверный характер, он не желал смилостивиться даже над попавшими в беду богами. Чтобы согреться, им оставалось только пить. За этим занятием их и встретил рассвет.

Очутившись, наконец, в Олимпийском дворце, мертвецки пьяный Арес внезапно сказал Дионису:

— А знаешь, я совершенно перестал злиться на этого Диомеда. По крайней мере, он поступил благородно и воспользовался моей слабостью ровно настолько, чтобы выпутаться из беды. А ведь любой из нас поступил бы на его месте иначе! — И Арес провел тыльной стороной руки по своей шее, демонстрируя, как бы он поступил.

Дионис хмыкнул.

Чудны́е наступили времена, если даже злопамятный Арес соглашался забыть о обиде, нанесенной ему человеком.

Чудны́е!

* * *

То было славное время, и весла кораблей пенили воду. Сотни скользких, медноклювых рыбин, срывающих пену с барашков волн. Они бороздили морские просторы, подобно стаям акул хищно налетая на встречные суда. И с треском разлетались борта, ломались, словно соломинки, весла, падали мачты с разодранными в клочья парусами. И лилась кровь.

То было славное время...

Талассократия. Слово скользкое и рычащее, подобное свирепой коварной мурене. Оно означает владычество над морем. Владычество безраздельное и непоколебимое.

Идея талассократии в древности была равносильна идее мирового господства. Их было много, кто мечтал владеть морем. Ведь

центром мира было море, а значит, владеющий миром владел морем.

И более других эта идея властвовала над умами критян, издревле зарекомендовавших себя умелыми моряками. Критские эскадры подобно многощупальцевому спруту охватывали все уголки моря, топя суда и собирая дань с приморских городов.

Это время принято называть эпохой Миноса, хотя правильней было б сказать — Миносов. Ведь царей, носящих это имя, было несколько. Наверно они отличались друг от друга, но легенды слили их в единый образ, ведь все они верили лишь в двух богов — в Зевса, громогласного и дикого, размахивающего двухлезвийным топором-лабрисом, и синеокого Посейдона, влекущего по морским волнам быстродонные корабли. И все они верили в то, что сама судьба предначертала им владеть морем.

Во имя этой веры сходили со стапелей суда, чьи корпуса напоминали узкие веретена. Ведь очень многое решала скорость, которая была нужна, чтобы победить, и вдвойне, чтобы догнать и покорить уже побежденного. Грохотали деревянные молоты, обивавшие форштевни тонкими листами меди, отчего те делались похожими на острые мечи. Сквозь пеньковые манжеты пропускали пятьдесят пар весел, на мачту воздымали огромный алый парус с черным быком посередине.

Сотня тяжело дышащих гребцов, тридцать грозно ударяющих мечами о щиты воинов... Послушное их воле грозное судно устремлялось вперед, и не было спасения от этой напасти.

Не было...

Много веков минуло с той поры. Время и стихии сокрушили морское могущество Крита. Грозные эскадры более не пенили воду близ обрывистых берегов, гавани были пусты и безмолвны.

Корабль с желтым парусом был единственным вошедшим в тот день в гавань Кносса. Судя по лицам матросов и по характерным особенностям оснастки, судно прибыло из Великой Греции. Едва просмоленный борт коснулся мокрого камня пристани, как на берег сошел человек. Облик его был чрезвычайно примечателен белыми, не седыми, а именно белыми волосами. Человек был облачен в шафранного цвета хламиду, пояс оттягивал массивный меч, грозный вид которого отбил охоту у местных бродяг поинтересоваться содержимым висевшего тут же на поясе кошеля.

Вопреки ожиданиям рассчитывающих на подачку бездельников, которые наперебой предлагали себя в качестве проводников, белоголовый отправился не в город, а к развалинам старинного дворца. Это место пользовалось дурной славой. Ходили слухи, что здесь живет чудовище, питающееся человеческим мясом. Местные жители предпочитали обходить развалины стороной. Однако гость не выказывал ни малейших признаков тревоги. Напротив, шагал он уверенно, и у зевак создалось впечатление, что белоголовый уже бывал здесь.

Впрочем, иноземец не слишком злоупотреблял их вниманием. Он перебрался через полузаваленный каменными глыбами ров, влез на осыпавшуюся стену и пропал из вида. Если бы они могли проследить за таинственным приезжим дальше, то убедились бы, что ему и в самом деле уже приходилось бывать в этом месте.

Убедились, но никогда б не смогли поверить, что он бывал здесь еще в те времена, когда на месте развалин возвышались покрытые великолепными фресками стены, а меж гранитными колоннами суетились полуобнаженные служанки. Все это белоголовый еще помнил.

Он пересек поросшую травой свалку — раньше здесь был поражающий своим великолепием парадный зал — и, согнувшись в три погибели, проскользнул в узкое отверстие лаза, уходящего глубоко под землю. Прежде его глаза неплохо видели в темноте, но со временем зрение ослабло, поэтому он поспешно достал из кошеля небольшую, шершавую на ощупь пирамидку. Несколько энергичных ударов кремнем — и на ладони вспыхнул крохотный, но очень яркий язычок пламени. Создавалось впечатление, что огонь исходит из самой руки, на самом деле его порождала сложная химическая реакция. В отличие от настоящего это пламя было холодно и не обжигало кожу. Держа руку с огоньком перед собой, человек двинулся вперед.

Белоголовый шел вглубь земли, шаги его гулко отдавались от заплесневелых стен. Постепенно исчезли последние блики света, все поглотила кромешная тьма, разрываемая лишь мерцанием волшебного огонька. Тоннель с каждым шагом становился шире, утрамбованную землю сменила каменная кладка, созданная руками неведомых подземных мастеров.

Пройдя еще немного, иноземец попал в настоящую подземную галерею, высота которой составляла не менее пятнадцати локтей. Стены и потолок этого грандиозного коридора были облицованы шершавыми базальтовыми плитами. По мере удаления от поверхности земли ход становился все более и более запутанным. Он то и дело распадался на несколько ответвлений, многие из которых обрывались бездонными провалами, дышащими зловонными испарениями. Белоголовый ни разу не раздумывал над выбором пути. Он шагал уверенно, словно его вела чья-то рука.

Волшебная пирамидка уже начала гаснуть, когда он, наконец достиг цели. Это была просторная подземная зала, образованная начально хтоническими силами природы, чью работу довершили искусные руки человека. Почти все пространство ее было заполнено сокровищами, которые могли привести в восторг любого ценителя искусства. Здесь не было груд золота и сундуков с яркими камнями, вожделенных для искателя кладов. Их место занимали великолепные гобелены, мраморные статуи, ларцы из слоновой кости, чуть тронутые тлением картины, причудливое оружие. То были творения великих мастеров эпохи, давно канувшей в прошлое. Все эти бесценные шедевры были небрежно сло-

жены в несколько больших куч. Создавалось впечатление, что это пещера разбойника, ограбившего сказочный дворец или храмовую сокровищницу и не знающего, как распорядиться столь необычной добычей.

Но гостю было известно, что это не так. Шедевры, нашедшие приют в пещере, не были похищены. Напротив, они были спасены от уничтожения — уничтожения огнем, водой, необузданной дикостью пришедших с севера варваров. И спас их один из двоих, что сидели за огромным, мореного дуба, столом, тот, который в это мгновенье как раз повернул уродливую голову навстречу гостю, учуяв его присутствие.

Сказать, что это существо было ужасно, значит не сказать ничего. Это был кошмарный монстр, породить которого могли лишь слияние стихий Земли и Космоса. Невообразимо жуткая морда его выражала свирепость, а глаза светились нечеловеческой силы умом. То было чудовище, нагонявшее некогда ужас на всю ойкумену*, в бездонном желудке которого исчезли многие тысячи людей. Древние называли его Минотавром, человек с желтопарусного корабля знал его настоящее имя — Турикор.

Напротив монстра сидел мужчина, чем-то неуловимо схожий с белоголовым. Но только волосы его были темны. Он был далеко не молод и имел открытое, располагающее лицо. Такими обычно изображают добрых дедушек, читающих внукам сказки. На совести этого человека были многие миллионы погубленных жизней.

Заметив, что монстр почувствовал чье-то присутствие, его собеседник повернул голову.

— Ну что же ты застыл? Входи, Гиптий.

Голос был негромок и ласков, но белоголовый невольно вздрогнул, услышав его вновь.

— Здравствуй, Кеельсее.

— Здравствуй.

Турикор широко ухмыльнулся, прочитав мысли обоих людей. О, как любопытны были эти мысли! Какая бездна недоверия и ненависти наполняла их. Стремительно промелькнувшие они растворились в вечности, не оставив даже крохотного осязаемого следа, а меж тем информации, содержащейся в них, хватило бы на огромный опус.

Белоголовый улыбнулся монстру куда более приветливо, чем человеку.

— Здравствуй, Турикор.

— Рад видеть тебя, эллин, — ответил тот, кого по недоразумению считали человеком-быком. — Подсаживайся к нашему столу.

Гиптий сел в одно из палисандровых кресел; Турикор с тайным удовольствием отметил, что гость предпочел устроиться подальше от Кеельсее.

На какое-то мгновение установилось неловкое молчание, затем Гиптий сказал:

— Давно я не был здесь.

Турикор ухмыльнулся, продемонстрировав огромные клыки.

— Да, тебя или Кеельсее трудно сюда затащить. Вот Воин бывает здесь постоянно.

— Почему в таком случае его нет сегодня? Ведь он сам назначил эту встречу.

— Подождем еще немного. Хотя у меня есть опасения, что ему помешали.

— Ты что-то знаешь! — словно пытаясь уличить Турикора в чем-то неблаговидном, воскликнул Кеельсее.

— Не более, чем ты! — отрезал монстр. — Но мой мозг уловил сильные волны, содержащие угрозу Воину. Эти волны исходят от существа, которое вы именуете Командором.

— Малея — безлюдное местечко, — задумчиво произнес Кеельсее. — Мне приходилось бывать там.

Турикор внимательно посмотрел на бывшего номарха, пытаясь понять, о чем он думает? Как и много веков назад, Кеельсее отличали непомерная скрытость и коварство. Создавалось впечатление, что он никогда не говорит правду и не выдает своих истинных чувств. Вот и сейчас было трудно понять: чего более в произнесенной фразе — опасения за судьбу Воина или необъяснимого злорадства. Даже Турикор, обладавший способностями телепата, не мог разгадать мыслей Кеельсее, так как те были расплавчаты и ускользали словно вода сквозь песок.

Гиптий любил воина и не желал ему зла, а кроме того, их объединяло общее дело. Поэтому он сказал:

— Не родился еще человек, который мог бы справиться с Воином!

Кеельсее улыбнулся уголками губ.

— Человеку, как никто другой владеющему мечом, надо бояться не подосланного убийцы, а судьбы.

— Что ты подразумеваешь под словом «судьба»?

— Обрушивающуюся из ниоткуда скалу или захлестную вдруг возникшей волной лодку. Смерть от меча — это осознанный выбор.

Гиптий что-то хотел возразить, но в это мгновенье Турикор побарабанил когтистыми пальцами по столу.

— Прекратите этот бесполезный спор. Надо решить, что делать.

Кеельсее потер шершавый подбородок.

— Я отправляюсь на Восток к источнику двух сил. Отшельник уже на пути туда. Я воспользуюсь гипитатором и окажусь на месте раньше, чем он.

— У тебя есть гипитатор? — удивленно спросил Гиптий.

Кеельсее раздосадованно сжал губы. Должно быть, он проговорился, а, может быть, хотел, чтобы его собеседники подумали, что он проговорился. Так или иначе, но они ждали ответа.

— У меня есть все! — сказал Кеельсее.

Турикор молча смотрел на него и вновь пытался прочесть мысли. Ему не нравился этот скрытный человек, подчинивший мысли своей жизни сложной игре, именуемой интрига. Игра без цели. Игра ради игры. Он давно раскусил суть эксномарха и эксатланта, его бредовую философию. Кеельсее всегда поддерживал более слабую сторону, выступая против сильного врага, чтобы победить и тут же занять сторону проигравшего. Это доставляло ему радость победы одержанной и предвкушение победы предстоящей; радость постоянной победы, ибо он еще не проиграл ни одной игры. Парадокс получил в этом человеке свое окончательное завершение. Кеельсее опровергал основы самой логики, доказывавшей, что предпочтительнее примкнуть к победителю. Он, напротив, предпочитал поддерживать проигравшего. И он не исповедовал при этом никакой идеи. Этот человек-парадокс сегодня был другом лишь для того, чтобы завтра стать врагом. Турикор был абсолютно уверен, что если они выиграют этот бой, уже завтра железная воля Кеельсее будет поддерживать вражескую сторону.

Но еще более, нежели внутренняя противоречивость и коварство Кеельсее, телепата волновала сила, стоящая за спиной эксномарха. Эта сила возникла на востоке всего несколько лет назад. Источник ее был не ясен Турикору, но он ощущал черную ауру, по своему воздействию более злобную, чем аура врагов, противостоящих им сегодня. А меж тем эта сила называла себя их союзником и имела имя, которое не говорило ни о чем — ОТШЕЛЬНИК. Кто он, этот загадочный отшельник? Породили ли его глубины Земли или бездна Космоса? Какие цели он преследует? Все это Турикову очень хотелось узнать. Он сканировал сознание Кеельсее, но мысли того оставались скользкими, словно придонные угри.

Кто такой отшельник?!

— Ты о чем-то спросил меня? — осведомился Кеельсее.

Наверно, мысленный импульс Кеельсее был столь силен, что невольно достиг сознания эксатланта. Проведя черным языком по губам, монстр покачал головой.

— Нет. Хотя, впрочем, я хотел спросить.

— Я слушаю.

— Как ты думаешь помешать планам Оборотня?

Кеельсее чуть усмехнулся.

— Я не один год был его помощником и знаю многие его секреты, а также слабые стороны. Его сила очень велика, и я не смогу справиться с ней в одиночку, но если я объединю свою магию с мощью отшельника, источник двух сил не выдержит этой атаки.

— Отшельник. Кто он есть на самом деле? — внезапно спросил Гиптий.

— Я не знаю, — ответил Кеельсее. — А если бы и знал, то не сказал.

Турикор почувствовал, что на этот раз эксатлант не врет.

— Хорошо, допустим, ты выведешь из строя источник двух сил. А что дальше?

— Лишившись поддержки, Зевс не решится впутаться в эти дела. У него хватает проблем и в своем благородном доме. И тогда все будет зависеть от Воина.

— Воин выиграет эту битву, — сказал Гиптий. — Я верю в него.

— Выиграет или погибнет, — задумчиво произнес Кеельсее.

— Он выиграет и погибнет, — сказал Турикор, который умел не только читать мысли, но и угадывать будущее.

На этом они и расстались. Один держал путь на восток, корабль другого должен был отправиться на запад. Третий был обречен навечно оставаться в плену лабиринта, так как его глаза не выносили солнечного света. Они слишком привыкли к мраку.

Турикор проводил своих гостей до конца галереи. Далее ход был узок, и монстр не мог протиснуть в него свое огромное тело. Прощаясь с Кеельсее, он сказал, улыбаясь зубастой пастью.

— Как бы я хотел тебя съесть. — Слова эти прозвучали ласково.

Кеельсее натянуто усмехнулся.

— Я так интересен тебе?

— Нет. Ты слишком опасен.

Должно быть, это признание польстило эксномарху.

Когда гости лабиринта вышли на поверхность, солнце уже спускалось в море. Навстречу им попалась процессия празднично разодетых и шумных островитян. Возглавлял ее толстый человек в пурпурном плаще, беспрерывно выкрикивавший одну и ту же фразу. Когда шествие приблизилось, слова человека стали отчетливо различимы:

— И пифия ответила нам: Глупцы! Разве вы не сетуете на то, что разгневанный вашей помощью Менелаю[1] Минос причинил вам столько слез? Ведь эллины не помогли вам отомстить за его смерть в Камике, хотя вы и прищли на помощь в отмщенье за похищенную варваром[2] женщину из Спарты!

Гиптий и Кеельсее многозначительно переглянулись. Эллинам не стоило ждать помощи критского флота. Дельфийский оракул посоветовал критянам отказать в поддержке антимидийской коалиции. Аристоника честно отрабатывала свой страх и парсийское серебро.

ЭПИТОМА ДЕВЯТАЯ

Отцы и дети. Будни Олимпа

В день, когда его олимпийцы сковать собирались, —
Гера, с ней Посейдон и дева Паллада-Афина.
Ты же, богиня, пришла и от уз избавила Зевса,
Быстро призвав на Олимп многохолмный сторукого в помощь;
Имя ему Бриарей у богов, у людей же — Эгеон.
Силой страшной своею он даже отца превосходит.
Возле Крониона он сел в сознании радостной силы,
Боги в ужас пришли и сковывать Зевса не стали.

ГОМЕР, «Илиада», I, 400—407.

Семь заповедей коронованного владыки:

Умей разбираться в окружающих тебя.

Приближай к себе истинных друзей, а не дружелюбно улыбающихся врагов.

Проникай в души своих приближенных, иначе тебя ждут мартовские иды.

Читай мятущиеся мысли, долетающие из-за моря до стен Пантикапея.

Заглядывай в глаза, ведь в них отражаются вересковые пустоши долины Тайна.

Прислушивайся к стуку их сердец, доносящемуся сквозь белизну гвардейских шарфов.

Полагайся на свою проницательность, а не на волю рока; лишь она убережет тебя от кинжала и яда, топора и шелковой петли.

Однажды Асклепий, считавший себя знатоком человеческой души, спросил, кого он, Зевс, из своих близких считает наиболее преданными себе. Громовержец задумался лишь на мгновение и выстроил ряд из четырех имен.

Гера — любимая сестра и жена.

Посейдон — любимый брат.

Аполлон — любимый сын.

Афина — любимая дочь.

Асклепий усмехнулся в бороду и сказал:

— А знаешь, ведь они-то первыми и предадут тебя.

Другому не сносить головы за подобную дерзость, но Асклепий был сыном Феба и приходилось прощать ему некоторые вольности. Зевс ничего не сказал, а когда знахарь ушел, задумался.

Предадут. Допустим. Но как? И почему? Какова их цель? Какая им от этого выгода. Что таит против Громовержца каждый из них?

Гера. Верная жена. По крайней мере таковой считается. Строит из себя ревнительницу строгих нравов, хотя тайком непрочь залезть в постель к первому же попавшемуся мужику. Будь Гера чуть посмазливей, над ее опочивальней можно было бы смело повесить красный фонарь. Лупанарий a la Олимп! Как она относится к супругу? Внешне — вполне благожелательно. Но между ними нередки конфликты. Развратная в душе Гера негодует на мужа из-за его частых увлечений. Что ж, не родился еще мужчина, который отказался, будь у него такая возможность, гульнуть на стороне. Особенно, если жена сварлива и не слишком привлекательна. Бывали у них ссоры и посерьезней. Но ни одна из них не могла быть поводом для того, чтобы Гера возненавидела своего мужа. Или все-таки могла? Как бы то ни было, эта стерва могла выкинуть любую пакость, не будь столь труслива. Ее трусость была залогом благоразумия.

Следующий — Посейдон. Здоровый неотесанный мужлан, кичащийся тем, что переспал со всеми тремя тысячами океанид, а вдобавок обрюхатил добрую половину нимф, сирен, нереид и несчетное количество прочей мокрой нечисти. Так сказать, бабник-коллекционер. Он не слишком умен и мало склонен к интригам. Сам он вряд ли додумается до какой-нибудь каверзы, но вполне подходит для того, чтобы стать послушным исполнителем чужой воли. Если он объединил свою силу с умом Афины и коварством Геры, то этот триумвират мог быть весьма опасен. Посейдон располагал безграничными силами океана и пользовался уважением многих Олимпийцев.

Аполлон. Честолюбец, чья душа полна коварства. Он даже не пытается скрыть своих притязаний на отцовский трон. Неглуп, но и не особо умен, в меру подл, безгранично жесток. Кичится красотой и своими успехами у женщин. Полагает, что способен на большее, нежели быть хранителем света. На деле — типичный статист, чей удел вечно играть вторые роли. Если он действительно замешан в заговоре, то это даже неплохо. Можно предложить ему сделку. Если ее условия будут достаточно выгодными, Феб не задумываясь предаст своих сообщников.

Афина. Замысли она что-либо дурное, и ситуация действительно может стать опасной. Проклятая лесбиянка! У нее мужской ум и женское коварство. В жестокости она не уступит самому Аполлону, а авторитетом — Громовержцу. Афину никто не любит, но все прислушиваются к ее словам. И если она выступит против отца, многие Олимпийцы и мелкая нечисть поддержат ее хотя бы потому, что знают: мудрая совоокая дева никогда не ввяжется в авантюру. Если уж она участвует в заговоре, то значит есть все основания считать, что этот заговор будет успешен. Но что она может иметь против отца? Мотивы? Он всегда был близок к ней, выделяя среди прочих детей. Ей единственной было позволено входить в мегарон с оружием, хотя Аполлон неизменно оставлял свой лук у входа под присмотром теней, а Арес

вообще являлся во дворец без меча. На пиру она восседала по левую руку от Громовержца, ей оказывали особый почет. Да и если хорошенько припомнить, между ними никогда не было серьезных разногласий. Так, мелкие стычки. И обычно он уступал, памятуя, что мудрому никогда не следует упорствовать в пустяках. Нет, Зевс решительно не мог вспомнить, чем он мог настроить против себя деву-воительницу.

Громовержец поймал себя на том, что, увлеченный раздумьями, он машинально гладит покрытый слоновьей костью подлокотник трона, и усмехнулся.

Стоит ли придавать словам Асклепия столь большое значение? Даже если в них и есть доля истины, обладающему силами Космоса не составит особого труда разделаться с несколькими взбунтовавшимися элементарными энергоплазменными созданиями, принявшими материальную оболочку. Не составит!

Зевс покинул покои, где предавался размышлениям, и отправился на палестру[1]. Богам тоже необходимо поддерживать себя в должной форме, кроме того не мешает лишний раз продемонстрировать с какой силой он бросает копье. А делал он это действительно здорово. Грозное оружие летело на триста локтей и пробивало насквозь щит из толстых тисовых досок, на котором было изображено ненавистное Громовержцу существо — гигантский черный человеко-зверь, скрывавший контуры безобразной фигуры в пепельно-вихревом облаке. На месте глаз существа чернели звездообразные щепастые дыры, выбитые меткими ударами копья. Множество таких же отметин было разбросано по всему контуру тела. Зверь умер, но лишь на щите. В действительности он был жив и чувствовал себя великолепно. Время от времени он давал о себе знать, напоминая, что рано или поздно им придется вновь встретиться.

Заняв исходную позицию, Громовержец изготовился к броску. Убить человеко-зверя! В этот миг из дворца выбежала женщина. Зевс повернул голову и недовольно скривился. Ну конечно же, морская богиня Фетида, розовощекая простушка, донимающая его преданным обожанием. Она была недурна собой, но вовсе не в его вкусе. К тому же у нее была плохая наследственность. Потомки Нерея[1] нередко порождали монстров, которые доставляли впоследствии массу хлопот. При виде Фетиды Громовержец с тоской подумал, что сейчас она усядется на траву неподалеку и устремит на него свой обычный томный взгляд из разряда тех, что вызывают тошноту. Но против ожиданий богиня направлялась прямо к нему. Младшие боги бывали особенно чувствительны к проявлениям невнимания со стороны Громовержца, поэтому следовало быть как можно более тактичным и предупредительным. Опустив копье и состроив благожелательную мину, Зевс уставился на подбегавшую женщину.

— Великий Зевс, заговор! — крикнула богиня без всяких предисловий.

В желудке образовалась неприятная пустота.

— Заговор... — протянул Громовержец, пристально вглядываясь в раскрасневшееся лицо богини. Было общеизвестно, что Фетида никогда не лжет и не склонна к глупым розыгрышам. — Против кого?

— Против тебя, Громовержец! — Тяжело дыша, богиня отерла пот со лба.

— Вот как! Их четверо?

— Да. — Во взгляде Фетиды скользнуло легкое недоумение.

— Афина, Аполлон, Посейдон и Гера, не так ли?

Богиня изумилась.

— Да... Но откуда ты знаешь?

— Я знаю обо всем, что происходит в моем доме, — придавая голосу значимость, ответил Зевс, подумав про себя: «Неплохо бы узнать, как об этом пронюхал Асклепий!» — А откуда об этом знаешь ты?

Простушка слегка смутилась.

— Я случайно подслушала разговор Аполлона с Герой.

— Праздное любопытство? — осведомился Зевс. — Порой оно бывает нелишним. О чем они говорили?

— Они хотят низвергнуть тебя!

— Вот как! — Зевс усмехнулся. — Подозреваю, Аполлон набивался к моей верной супруге в любовницы.

— Да, он предлагал ей вступить с ним в любовную связь.

Зевс вновь усмехнулся, собрав под глазами лучики тоненьких морщинок.

— И она, конечно, согласилась?

Фетида кивнула головой, вызвав новую усмешку на лице Громовержца. Затем морщинки переползли из-под глаз на переносицу, губы вытянулись в тонкую холодную линию.

— На какие только жертвы не пойдешь, чтобы насолить ближнему! Предложить разделить ложе старой уродливой женщине, которая к тому же приходится тебе мачехой! Как они намерены разделаться со мной?

— Сегодня вечером они вчетвером явятся в твои покои, закуют тебя в цепи и заключат в Тартар. Наутро всем прочим будет объявлено о твоем отречении.

— Грамотно. Но шаблонно. Нет бы придумать что-нибудь новенькое. И вообще, по-моему, вошло в дурную традицию, что владыки отрекаются ночью. Спасибо тебе, Фетида, за доброе отношение к своему повелителю. Я не забуду этой твоей услуги. Возможно, случится так, что скоро мне придется расстаться с женой. Тогда супружеское ложе Зевса будет ждать тебя.

— О, Громовержец! — простонала Фетида, припадая к ногам грозного бога.

— Встань, — негромко велел Зевс. По его лицу проскользнула пренебрежительная гримаса. — Встань, а не то они могут догадаться, что ты предупредила меня.

— Прикажи немедленно заключить их в оковы! — пробормотала Фетида, не разжимая своих объятий. — Призови на помощь остальных богов.

— Нельзя. — Зевс провел рукой по ее шелковистым волосам. — У меня нет доказательств их измены.

Богиня подняла голову и удивленно посмотрела на него.

— А мои слова?

— Твои слова немногого стоят. — Заметив, что глаза Фетиды дрогнули, готовые наполниться слезами, Зевс поспешно добавил:

— Я лично верю тебе. Но кто еще поверит обвинению, выдвинутому младшей богиней против четырех великих богов. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да, — прошептала Фетида, прекрасно знавшая, что к словам младших богов на Олимпе почти не прислушиваются. — Но что же тогда делать?

— А ничего. Дождемся вечера. Ведь я знаю о их планах, а они не знают об этом. И значит сила на моей стороне.

Зевс поднял Фетиду с колен и ласково коснулся губами ее щеки. Богиня зарделась.

— Иди, — сказал Громовержец. — Завтра ты разделишь мое ложе. Завтра...

Он мягко отстранил Фетиду и, размахнувшись, швырнул копье в ненавистного человеко-зверя. Копье вонзилось точно в то место, где должно было медленно биться сердце...

Вечер был свеж. С морской равнины, покрытой белыми барашками волн, дул прохладный ветерок. Солнце раздумывало, как бы половчее нырнуть за ближайшую гору.

Фетида не солгала. Асклепий не ошибся. Они вошли в его покои вчетвером. Впереди выступала Афина, сжимавшая крепкой рукой копье. За ней шли Посейдон, вооруженный трезубцем, и Аполлон с известным всему свету золотым луком. Шествие замыкала Гера, позвякивавшая ждущими своего часа наручниками. Зевс сидел за столом и пил вино. При их появлении он поднял голову и старательно соорудил на лице удивленную мину.

— Что случилось, родственнички?

— Мы собираемся внести кое-какие изменения в установленный тобой порядок! — после некоторой заминки воскликнул Аполлон.

— О чем ты? — прикидываясь непонимающим, спросил Громовержец.

— Мы хотим поговорить с тобой, — сбавляя тон, сказал Аполлон.

В этот миг заговорила Афина.

— Кончай юлить! — сквозь зубы процедила она светозарному богу. Сделав шаг вперед, богиня провозгласила:

— Громовержец, ты низложен!

Зевс залюбовался ее сильным, похожим на отцовское, лицом. В это мгновение Афина была столь возбуждающе-великолепна,

что ему захотелось взять ее, несмотря на то, что она приходится ему дочерью. Взять грубо и сзади. Не без труда подавив желание, он зевнул и сказал:

— Интересная новость. И кто же будет вместо меня?

— Верховным божеством будет Посейдон. Но его решения будут иметь силу лишь после того, как их одобрим мы трое.

— Интересная форма правления, — заметил Зевс. — Такого, по крайней мере, еще не было. А почему только трое? Может быть, лучше одобрять их всем вместе? Собраться Олимпийцам, лесным, морским, горным и хтоническим божествам. Сообща обсудить и принять решение. Так сказать коллегиально.

— Кончай трепаться! — велела Афина.

— Ну зачем же ты так, дочка! — укоризненно произнес Зевс. — А что будет со мной?

— Для тебя подготовлена удобная камера рядом с титанами. Будете перестукиваться, справляясь о здоровье друг друга.

Аполлон льстиво хихикнул, Посейдон и Гера торжествующе улыбнулись. Улыбка победителей...

— Неплохо задумано. А если Аид откажется охранять меня?

— Не откажется. За это мы отдадим ему Афродиту.

— Тогда точно не откажется, — согласиля Зевс. Он потянулся к стоящему на столе кратеру и налил вина. — Выходит, Посейдон будет развлекаться тем, что сидит на троне, Гера и Афина займутся блудом, а моя любимая дочь будет править?

Посейдон, Гера и Аполлон, как по команде, уставились на Афину.

— Не слушайте его! — закричала богиня мудрости, белея от гнева. — Разве вы не понимаете, что он хочет поссорить нас!

Но заговорщики взирали на нее с явным подозрением, и Зевс поспешил полностью овладеть инициативой.

— А вы как думали? Чтобы сидеть на троне, нужны ум, сила и твердость. Посейдон силен, но глуп и слабохарактерен. Моя обожаемая супруга очень неглупа, но в ней нет должной твердости и она не пользуется авторитетом. Аполлон легко расправится с недовольными, но он легкомысленен и непостоянен. Ни у кого из вас троих нет качества настоящего правителя. Ни один из вас не продержится на троне и несколько дней. А вот Афина рождена править. Из нее выйдет прекрасный тиран, я бы даже сказал идеальный! Мне далеко до нее, я слишком добр с вами. Я усмирял вас уговорами, она пустит в ход острую бронзу. Хорошо, будь по-вашему. Я уйду, и да здравствует королева!

Речь Громовержца произвела должное впечатление. Посейдон замахнулся на Афину трезубцем.

— Ах ты, сука! Ты подбила нас на это дело, чтобы завладеть властью!

— Кретин! — закричала в ответ богиня. — Старик нарочно говорит все это. Наденьте на него оковы, и дело с концом!

— Чтобы ты завтра бросила в Тартар и нас! Ну нет, в этом деле я тебе не помощник! Брат, прости меня!

— Предатель!

— Но не дурак! — отрезал бог моря.

Афина замахнулась на своего дядю копьем, но тот без особого труда парировал этот удар трезубцем и бросился к Зевсу. Через мгновение он стоял около владыки Олимпа, готовый защитить его.

Подобный поворот событий смутил заговорщиков. Гера и Аполлон ничего не имели против того, чтобы правила Афина, их интересы лежали несколько в иной области. Кроме того, они полагали — наивно полагали! — что в любой момент могут объединиться и одолеть совоокую деву, если она зарвется.

Но теперь опасная игра оборачивалась не в их пользу. Первой это поняла хитрая Гера. Швырнув оковы, она упала в ноги Зевсу и взмолилась.

— Прости меня, Громовержец! Клянусь, я больше никогда не предприму против тебя ничего подобного!

Зевс был склонен прощать и миловать.

— Хорошо, — легко согласился он. — Я прощаю тебя. Но запомни, еще одна подобная выходка, и я подвешу тебя между небом и землей. На этот раз навечно!

— Клянусь! — взвыла Гера, старательно выдавливая из-под ресниц слезы.

— Встань по левую сторону от меня! — велел Зевс.

Богиня повиновалась.

Все это время Аполлон пребывал в нерешительности. Но тот факт, что Громовержец простил Геру, которая, как супруга, была по его мнению виновата более других, развеял сомнения Аполлона. Он опустил лук и воскликнул:

— Отец! Прошу тебя быть снисходительным ко мне. Ты как всегда прав: я слишком медленно соображаю и сестра смутила меня своими речами. Я слаб, я поддался на ее уговоры. Будь милостив ко мне, отец!

— Хоть твоя вина и велика, но я прощаю тебя. Приблизься к моим стопам.

В своем стремлении изобразить раскаяние Аполлон явно переусердствовал. Он подполз к трону на коленях и поцеловал ногу Зевса. После этого он встал рядом с Посейдоном и направил свой лук на Афину.

— Предатели! — воскликнула богиня. Глаза ее чудно сверкали. — Вы отступились от своих клятв. Так пусть же проклятье падет на ваши головы!

— Я освобождаю их от данных ими клятв, — заметил Зевс, после чего поинтересовался:

— Ты ничего не хочешь мне сказать?

Афина ответила ему гневным взглядом. Грудь, прикрытая меднокованным доспехом, бурно вздымалась. Она была столь прекрасна, что Зевс вновь захотел ее.

— Я не собираюсь каяться подобно этим подонкам!

— Но-но! — воскликнул Аполлон, натягивая тетиву. Зевс остановил его движением руки.

— А я и не заставляю тебя каяться. Достаточно твоего признания и извинений. Все это затеяла ты, не так ли?

— Да, — призналась совоокая дева.

— Ты хотела занять мое место?

— Да. — Афина попыталась смягчить ярость в глазах. Однако Зевсу хотелось, чтобы она оставалась столь же великолепно гневной, как и прежде. Поэтому он стал говорить намеренно грубо.

— Значит ты, шлюха, хотела завладеть моим троном?

Глаза Афины сверкнули.

— Не смей меня так называть!

— Ты — шлюха! — сладко повторил Зевс.

Афина замахнулась копьем. Аполлон и Посейдон, не сговариваясь, шагнули вперед, загораживая Зевса.

— Не надо, друзья. Она не осмелится.

Зевс поднялся и, отодвинув Олимпийцев в стороны, встал между ними. Сверля Афину взглядом он приказал:

— На колени!

Властолюбивая богиня гордо вскинула голову.

— Помогите ей! — велел Громовержец.

Раскаявшиеся заговорщики словно ожидали этого приказа. Сорвавшись с места, они набросились на Афину. Гера ловко защелкнула на руках бунтовщицы наручники, Посейдон и Аполлон пригнули ее к земле, насильно поставив на колени. Афина отчаянно сопротивлялась, Зевс сладострастно разглядывал ее напрягшиеся бедра, виднеющиеся из-под короткого хитона.

— Хорошо. — Зевс пригладил бороду, глаза его были масляны. — Теперь оставьте меня наедине с непокорной дочерью. Бриарей проводит вас.

Боги недоуменно переглянулись. В этот миг из находившейся по соседству опочивальни Зевса появился Бриарей — многорукий гигант, плод плазмогенетической мутации. Необоримой силы и свирепости, он был по-собачьи предан своему хозяину Зевсу. Не было на земле существа, способного одолеть Бриарея.

Увидев ухмыляющегося монстра, который хотя и не отличался особой остротой ума, но прекрасно понял суть происходящего и был в восторге от действий хозяина, Гера, Аполлон и Посейдон заискивающе посмотрели на Зевса. Громовержец мог рассчитывать, что они оценили его великодушие.

Отпустив Афину, они низко поклонились и, сопровождаемые Бриареем, вышли вон. Громовержец подошел к коленопреклоненной богине.

— А теперь поговорим, шлюха!

Гневно нахмурив брови, Афина начала подниматься.

— Мне не о чем с тобой говорить! — В ее голосе звучала восхитительно возбуждающая ярость.

— Есть о чем, — процедил Зевс.

Он навалился на богиню и овладел ею так, как хотел — сзади и грубо. Она поначалу противилась, но затем покорилась его воле, хотя и не сдалась окончательно. Ее упругое мускулистое тело дышало яростной силой, бедра пружинисто отвечали на каждое движение мужчины.

— Сними оковы, — попросила она, когда Зевс разжал свои объятия.

— Ты не будешь больше делать глупости?

— Нет, — пробормотала Афина, движением тела оправляя задравшуюся тунику.

Зевс освободил ее руки и помог подняться. Афина выглядела поблекшей, ярость ее поугасла.

— Мне понравилось, — внезапно призналась она.

— Я знал, что так случится. Сильному иногда хочется быть слабым, охотнику — жертвой, мужчине — женщиной. Выпьешь вина?

Богиня кивнула. Они выпили по чаше доброго фалернского, доставленного Посейдоном с потопленного бурей корабля.

— Как ты узнал о нашем замысле? — спросила Афина. — Я поняла это сразу, как только увидела Бриарея.

Громовержец не стал темнить. Это было не в его интересах. Афина была нужна ему не как враг, а как надежный союзник, и ее надлежало сделать таковым.

— Фетида случайно подслушала разговор Аполлона и Геры.

— Трепачи! Как я только могла связаться с таким отребьем! — Богиня внимательно взглянула на своего отца. — Завтра разговоры об этом пойдут по Олимпу и дальше.

— Нет, все будет тихо. Вы будете молчать, это в ваших интересах. Бриарей сейчас же отправится обратно в Тартар, к тому же он не большой любитель поговорить.

— А Фетида?

— Эту глупышку я сошлю к людям и выдам замуж за смертного.

— Разумно! — похвалила Афина. — Незачем выносить сор из избы.

— Незачем, — согласился Зевс и погладил свою многомудрую дочь по покрытому испариной бедру. — Надо как-нибудь повторить это.

— Не выйдет! Ты должен помнить, что я — богиня-девственница!

— Я помню. — Громовержец усмехнулся. — Вот еще что, передай Аполлону, что Асклепий знал о заговоре и пытался предупредить меня. Пусть заткнет своему сыну глотку.

— Хорошо. У него сегодня паршивое настроение и всегда острые стрелы. А все же жаль, что мой план не удался. Он был неплох!

— Жаль...

И оба — отец и дочь — рассмеялись.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Олимп. Фессалия — 2

Он проник в опочивальню уже на рассвете. Точно в соответствии со своими привычками. Но тот, к кому он пришел, был готов к подобным визитам. Он заблаговременно оставил свое ложе и, подкравшись к нежданному гостю, хлопнул его по плечу.

Гость неторопливо обернулся. Его лицо было скрыто белой маской, а под свободными одеждами явно проступали жесткие углы брони.

— Ты чутко спишь, бог эллинов!

— Стараюсь не попасться врасплох, о солнечноликий Ахурамазда!

Они обнялись. Больше по привычке, чем от сердца.

— Ну, здравствуй, отец.

— Здравствуй, сын.

Ахурамазда посмотрел в глаза Громовержцу. Тот ответил улыбкой. Но гость с Востока знал, что улыбается лишь маска, искусно, до мельчайших подробностей имитирующая человеческое лицо. Тот, кто стоял против него, не любил улыбаться.

Эта маска представляла собой лицо сорокалетнего мужчины, красивого, уверенного в себе, умудренного опытом. У него были прямой нос и окладистая, в меру длинная борода. О глазах сказать что-либо определенное было невозможно, но сейчас они казались черными.

В этом миру его знали как Зевса, бога сияющего неба. Иногда его называли Громовержцем. Иногда Кронидом или Кронионом по имени свергнутого и заточенного в мрачном Тартаре отца.

А раньше его звали иначе. Он, как и его гость, сменил множество имен и еще больше обликов. Он и сам не помнил точно — сколько.

— Я пришел к тебе... — начал было Ахурамазда, но Громовержец перебил его.

— Не здесь. — Он указал рукой на ложе, на котором разметалась во сне обнаженная хрупкая девушка. — Пойдем в мой кабинет.

Гость не возражал, и они перешли в соседнее помещение. Ахурамазда немедленно устроился в одном из золоченых кресел. Зевс сделал несколько пассов руками, словно разгребая воздух в разные стороны, затем сел напротив.

— Теперь можешь говорить спокойно.

— Как обстоят наши дела?

— В целом нормально, но не совсем так, как бы хотелось. Многие города склонны покориться без боя. Очень помогает пифия, которая дает благожелательные для нас пророчества...

Ахурамазда нетерпеливо махнул рукой.

— Знаю.

— Твоих рук дело? — удивленно спросил Зевс.

— Да, я побывал в Дельфах со своими людьми.

— Ловко! — На лице Зевса была улыбка, но Ахурамазда почувствовал, что его собеседник недоволен. — Мог бы зайти ко мне в гости.

— Я спешил.

Зевс недоверчиво хмыкнул, но ничего не сказал. Ибо с его гостем не то, чтоб говорить, но даже думать было небезопасно. Какое-то время он собирался с мыслями, а затем продолжил свой рассказ.

— Но Аттика, Пелопоннес и некоторые западные области думают защищаться.

— Наш друг никак не образумится?

Зевс покачал головой.

— Никак. И не только он. Но его роль, пожалуй, самая значительная.

— Ну что же, придется подобрать ему сосну повыше. Достаточно попортил крови, — процедил Ахурамазда.

— Не так давно он был у меня. Я записал нашу беседу. Хочешь посмотреть?

— Давай.

Матовый шар над столом тускло засветился и в нем появилось изображение комнаты, в которой они находились. Только в комнате, что показывал шар, на месте Ахурамазды сидел совершенно другой человек.

— А он почти не изменился, — заметил восточный бог.

— Я сказал ему точно те же слова. Впрочем, сейчас все услышишь сам.

Картинка начала двигаться, и из шара послышались голоса. Первую фразу произнес Зевс.

«— Сколько же мы с тобой не виделись?

— Должно быть с тех пор, как ты оповестил всех о моей гибели.

— Да, много веков минуло. Ты почти не изменился.

— Не могу этого сказать о тебе, так как не вижу твоего лица.

— Я сам отвык от своего лица. Но это не играет роли. Как тебя величать?

— Как хочешь?

— Тогда, пожалуй, тем именем, под каким ты выступаешь сегодня.

— Я не против. А тебя — Громовержец?

— Да, только так, Леонид!..»

Восточный бог глухо хмыкнул.

— Что это вы словно дети играете с именами?

— Нас подслушивали. Почти с самых первых слов.

— Кто?

— Двое из моей команды. Они, правда, делали это вовсе не из

желания насолить мне, преследуя совсем иную цель, но я не хотел, чтобы стало известно о том, что некогда мое имя звучало иначе.

— Почему ты не изолировал помещение силовым полем?

Уголки губ Зевса чуть приподнялись.

— Я хотел, чтобы нас подслушали.

Ахурамазда ничего не сказал и вновь устремил взор на шар. Все это время Зевс и Леонид также молчали. Они смотрели друг на друга и вспоминали. Ахурамазда знал, что им было о чем вспомнить. Растворяющиеся в пламени стены, исчезающие миражами города, погружающиеся в пучину горные цепи. Они пережили все это и многое другое. И всегда были по одну сторону. А теперь времени было угодно разъединить их.

«— Что ты молчишь, Громовержец?

— А что ты хочешь услышать от меня, Леонид?

— Но ведь ты звал меня.

— Я? — Маска-личина Зевса изобразила очень натуральное удивление. — Я предполагал, что это ты искал встречи со мной.

— Но ведь ты хотел этой встречи?

— Да, ты прав.

Они на какое-то время замолчали. Затем Зевс, тщательно подбирая слова, спросил:

— Как вышло так, что мы оказались врагами? Ведь прежде мы всегда играли одну игру.

Леонид отрицательно качнул головой.

— Ты лжешь. Себе и мне. Наша цель всегда была разной.

— Но нам хватало места под солнцем.

— Да. До тех пор, пока вы не затеяли **эту** игру. — Леонид почти с сожалением посмотрел на Зевса. — Как же все-таки ты слаб, что поддался его влиянию!

Личина Громовержца изобразила недоумение.

— Я думаю так же, как он. Точнее, он думает так же, как я.»

В этом месте Ахурамазда усмехнулся, но маска скрыла едва заметное движение губ. Люди в шаре продолжали разговор.

«И все же игру ведет он. Ты лишь подыгрываешь.

Зевс пристально взглянул на лакедемонянина.

— Уж не хочешь ли ты вызвать во мне чувство соперничества? Не забывай, что и в его, и в моих жилах течет одна кровь!

— Я помню об этом, у меня не было мысли поссорить вас. Хотя было бы очень неплохо, если б вдруг так случилось.

Зевс не нашелся сразу, что ответить. После неприлично долгой паузы он спросил:

— Может быть хочешь вина?

— Если это поможет нашей беседе.

Громовержец хлопнул в ладоши. На зов явилась тень. Зевс взглянул на нее и она тут же удалилась, чтобы вернуться с большим золотым кратером и двумя золотыми же чашами. Разлив вино, Зевс взял одну из чаш и с удовольствием пригубил. Леонид не пошевелился.

— Боишься, что отравлено? — поинтересовался бог.

Гость отрицательно покачал головой.

— Что же тогда не пьешь?

— Не хочу.

Ответ озадачил Зевса.

— Зачем тогда просил?

— Чтобы ты спросил меня: зачем.

— Ты стал весьма странным, — заметил Громовержец.

— А вот ты совсем не изменился.

— Еще недавно ты был уверен в обратном.

— Но это было недавно.

Подобный разговор начал раздражать Зевса.

— Ну ладно, говори зачем пришел!

— Хорошо, — согласился Леонид. — Скажи мне честно, что вы затеяли?

— О чем ты?

— Зачем мидяне идут на Элладу?

— Странный вопрос. — Личина усмехнулась. — Чтобы покорить ее.

— Твоих рук дело?

— Как ты мог подумать! — лениво запротестовал Громовержец, даже не пытаясь придать голосу искренность. — Я не вмешиваюсь в дела людей!

— Ах да, конечно! — с сарказмом воскликнул Леонид. — Ведь ты же бог! — Зевс промолчал, и его гость продолжил:

— Я вижу тебя насквозь. Как и твоего ублюдка. Вы вновь рветесь к власти над миром. Как было уже не раз. Неужели вам мало миллионов жизней, принесенных в жертву призрачным идеям!

— Не преувеличивай насчет миллионов! А в остальном ты прав. Сейчас настал великолепный момент претворить в жизнь наши грандиозные замыслы. Восток породил именно ту силу, которая сумеет овладеть миром. И мир будет моим. Весь шарик. И я поиграю им еще несколько мгновений, пока не надоест. А потом я переберусь на другое место. Хочешь сесть на мое?

Было отчетливо видно, как Леонид сложил пальцы правой руки в огромный кулак. В его голосе звучала ярость.

— Когда-нибудь ты свернешь себе шею!

— Никогда! — отрезал Зевс. — Во всей Вселенной нет существа, которое могло бы победить меня. Нет и не будет. И прислушайся к моему совету. Уйди в сторону. Тогда останешься цел. Если хочешь, можешь уйти красиво. Я устрою так, что все будут считать, что ты геройски пал в битве. Прекрасно умереть героем и иметь над могилой памятник с пышной эпитафией. Переберешься ко мне на Олимп, у меня как раз есть вакантное место. Изобретем нового бога или героя, будешь моим первым помощником. Поверь, в этом иллюзорном мире не так уж плохо!

Леонид с хрустом разжал пальцы.

— Я человек! И я не хочу быть богом.

Зевс ощерил крупные белые зубы.

— Ты не человек. Ты чудовище, как и я, порожденное силами Космоса, и прекрасно знаешь об этом.

— Я человек!

— Ну хорошо, оставайся человеком. Уйди как человек, не препятствуй моим планам. Хочешь, я изменю твое лицо, чтобы тебя не мучило раскаяние. Хочешь, я сделаю тебя царем всей Эллады? Любой страны по твоему выбору? Быть может, ты хочешь чего-нибудь другого? Назови свою цену!

— Отступись от своих планов.

— Ты, верно, шутишь? А мы нет. Не становись на моем пути. Все, кто противостояли мне, прожили недолго. Они исчезли. Быстро и незаметно. Поэтому я предлагаю тебе в последний раз: бери, что хочешь и уходи! Иначе умрешь.

— Как человек!

Зевс откинулся на высокую спинку кресла, нервно заиграл пальцами по выложенным слоновой костью подлокотникам.

— Бесполезный разговор. Зачем ты пришел?

— Чтобы выведать твои планы.

— И все? — Громовержец захохотал. — Выведывай сколько угодно! Армия Востока уже перешла Геллеспонт. Тебя интересует ее численность? — Леонид утвердительно кивнул головой. — Пока их двести двадцать девять тысяч. Часть разбежится или загнется по дороге, но двести тысяч придут сюда. Прибавь к этому числу македонян, фессалийцев, этолийцев, иллирийцев и прочих. А вы едва ли наберете пятьдесят тысяч.

— И флот, — напомнил Леонид.

— Чего стоит этот флот против эскадр финикийцев и ионян? Эллада будет раздавлена кочевниками, стихией, огненным светом. Ведь свет приходит с Востока. А следом будут захвачены Великая Эллада, Иберия и Галлия. А потом наши легионы двинутся на Север и на крайний Восток. Ты мог бы стать во главе этих легионов...

— Твоя речь напоминает бред.

Зевс простер над столом руки.

— Я вижу... Мир, подчиненный великой идее. Мир, где нет места слабости, где правят порядок и предначертание. Это будет самый идеальный мир, когда-либо созданный мной.

— Мы встретим вас в Фермопилах.

— Ты безумец! — фыркнул Зевс. — Если понадобится, мы используем силу, которая выше человеческого восприятия.

— Мы противопоставим вам доблесть.

На губах Зевса заиграла чуть грустная улыбка.

— Великий... Да ты романтик. Столько бешеной драки за власть и существование, кровавой бойни, именуемой человеческой жизнью. Неужели ты не научился смотреть на вещи реально? Неужели ты все еще веришь в то, что вы именуете любовью, дружбой, честью?

— Да, я верю. Я верю в любовь. Ведь я любим женщиной, о чьей любви мечтаешь ты. Я верю в своих друзей, когорту непобедимых, которым не страшны боль, муки и смерть. Я знаю, что такое честь. И ты когда-то верил во все это.

— Никогда! — раздельно, по слогам отчеканил Зевс. Потом он чуть помедлил и внезапно спросил:

— Ты считаешь, что дурочка Афо любит тебя?

— Да.

Зевс хотел издевательски захохотать, но передумал.

— А что? А вдруг и вправду любит? — спросил он, криво усмехаясь. — Пожалуй, придется позаботиться о том, чтобы она не доставила мне неприятностей. А над твоей могилой я велю поставить памятник с красивой надписью. Все же ты когда-то был мне другом.

— Спасибо...

— Не стоит.

— Спасибо, что помнишь это.

— С тобой не договоришься, — констатировал Громовержец.

— А я уже оставил эти попытки. Передай привет ублюдку. Спроси, не дергает ли в сырую погоду его щеку.»

При этих словах Ахурамазда невольно коснулся рукой щеки. Под маской скрывался шрам, некогда нанесенный ножом того, за кем он сейчас наблюдал.

«— Полагаю, нет. Но я с удовольствием передам ему твой привет. Надеюсь, он сможет лично прибыть сюда, чтобы воздать память последнему романтику Атлантиды!

— Земли! — поправил Леонид. Он взял бокал и сделал глоток.

— Чтоб ты не думал, будто я считаю тебя способным на подобную подлость. Ты хотел оскорбить меня, обозвав романтиком, но я воспринимаю эти слова как похвалу. Политики правят миром, земледельцы и рыбаки кормят его, ремесленники одевают в шелка, воины щедро кропят эти шелка кровью. Но не они определяют лик мира. Мир держится на романтиках. И будет держаться на них! Прощай, Громовержец.

И Леонид поднялся».

— Вот и все, — сказал Зевс. По мановению его руки шар помутнел, полностью растворив изображение. — Я отправил его по световому потоку назад в Спарту.

— Интересный разговор, — процедил Ахурамазда. — Спасибо за привет.

— Что будем с ним делать?

— А ничего. Пусть подыхает. Он может уложить хоть тысячу мидян, но тысяча первый убьет его. Ты слишком много ему обещал. Я не хочу видеть этого, — Ахурамазда кивнул в сторону шара, — царем Эллады. Он может доставить нам много хлопот. Он уже сейчас мешает нам. Неплохо бы его убрать еще до того, как мидяне ступят на землю Эллады. Ты сможешь сделать это?

— Можно попробовать.

— Тогда попробуй. И знаешь, дорогой мой, никогда больше не говори: **мой** мир, **мой** шарик, пока **мне** не надоест. Запомни, это **наш** мир, **наше** дело и уж если мы решим оставить его, то только когда **нам** надоест. Запомнил?

Голос Ахурамазды был бархатным, словно змеиное жало.

— Да, — ответил Зевс. Личина натянуто улыбнулась.

— Вот и хорошо. Мне пора. Надеюсь, спартиаты будут ждать **мою** армию в Фермопилах без Леонида.

Ахурамазда не стал прощаться, а просто исчез. Какое-то время Зевс стоял неподвижно, словно в оцепенении. Затем он вернулся в опочивальню и лег рядом с мерно дышащей девушкой. Но заснуть так и не смог.

Когда мир окончательно пробудился, Громовержец вызвал к себе Аполлона.

— Ты запомнил человека, приходившего ко мне в тот день, когда вы с Дионисом шпионили за мной через вентиляционную шахту?

Аполлон неприятно поразился подобной осведомленности, но все же попытался изобразить возмущение.

— Как можно, хозяин?!

— Ладно, не виляй хвостом. Я знаю, что вы сидели у меня над головой. Или тебе нужны доказательства?

— Не нужны, — после мимолетного колебания ответил светозарный бог.

Зевс похлопал его по плечу.

— Не беспокойся, я вызвал тебя не за тем, чтобы напоминать былые прегрешения. Дело касается того человека. Я, как и вы, не питаю к нему добрых чувств, правда, совсем по другой причине. Еще менее приязни должен испытывать к нему Арес.

— Не сомневаюсь, пробормотал Аполлон, прекрасно помнивший, что после неудачной схватки с Диомедом Арес весьма долго походил на побитую собаку.

— Так вот, сегодня ночью он будет ожидать триеру на мысе Малея. Полагаю, вам лучше отправиться туда втроем, прихватив с собой Диониса.

Аполлон снисходительно улыбнулся.

— Трое богов против одного смертного?

— От руки этого смертного пало столько богов и героев, сколько ты не имел в своей жизни девок! — зарычал Громовержец.

И Аполлон внезапно понял, что Зевс не преувеличивает. Богу света вовсе не хотелось, чтобы его золотой лук был повешен на стене трофеев этого таинственного Ясона-Диомеда-Тесея. Поэтому он решил быть послушным и ответил:

— Хорошо, хозяин. Мы отправимся туда втроем.

Прошла ночь, а наутро он вернулся на Олимп с рваной раной в плече.

* * *

Стены будуара Афродиты, воспетого Гомером, были обиты дивной красоты голубым шелком. Бог войны Арес некогда совершил полное опасностей путешествие в Китай специально ради того, чтобы привезти в подарок Афродите сорок кусков драгоценной ткани. Шелк впитывал в себя солнечный свет, поступавший по специальным трубам через крышу дворца, и мягко разбрасывал его на драгоценные диковины, которые заполняли покои богини. То были дары поклонников, рассчитывавших снискать расположение прекрасной Афо. На резных постаментах из слоновьей кости стояли статуи, изображавшие Громовержца, Адониса и саму Афродиту. Эти изваяния были сделаны хромоногим Гефестом. Совсем недавно к ним прибавилось еще одно — могучий воин, вооруженный длинным обоюдоострым мечом. Лицо воина скрывала личина шлема, мышцы были напряжены, словно готовы в любое мгновенье взорваться движением. По просьбе Афо бог-мастер покрыл мрамор рук и груди множеством паутинчатых шрамов, затем, немало удивившись подобному желанию, он провел такую же борозду на запястье каменной Афродиты. Еще здесь были картины Даказта — эдакие золотисто-голубые пасторальные пейзажики, заключенные в массивные бронзовые рамы — презент Аполлона, а также два неиссякаемых фонтанчика: один с изысканными благовониями, второй со сладким кипрским, любимым вином Афродиты — их установил Дионис. У одной из стен располагалась огромная перламутровая раковина, доверху наполненная черными жемчужинами. По обеим сторонам от нее стояли, словно часовые, два причудливых коралловых нароста — пурпурный и снежный. Это был дар Посейдона. Напротив размещалась витрина с огромными драгоценными кристаллами: алмазами, сапфирами, рубинами, аметистами, шпинелью. Сокровища земных недр были доставлены слугами Аида. Множество других великолепных диковинок были присланы Гелиосом, Сатиром, земными царями и героями, и самим Зевсом. Их скопилось столь много, что порою Афродита теряла терпение и тайком избавлялась от части подношений, раздаривая их или просто выбрасывая. По утверждению всезнающего Гермеса это было грандиознейшее собрание самых драгоценных редкостей, существовавших на земле, в море, в подземном царстве и в эфире. Но главным перлом этой коллекции была пенорожденная Афродита, чья красота затмевала блеск великолепных бриллиантов, чье очарование превосходило самые изумительные творения рук человеческих.

Проникшего в покои богини Эрота встретила тишина. Мальчуган пересек будуар, фривольно коснувшись обнаженного фаллоса мраморного Зевса и вошел в уютное лоно опочивальни. Богиня любви сладко спала, разметавшись по золототканному покрывалу. Воздушная кисея, свисавшая с потолка, укрывала ее от нескромных взглядов. Эрот бесцеремонно пролез под этим

полупрозрачным пологом и уселся на краешек ложа. Затем он устремил на обнаженную красавицу взгляд, полный восторга, обожания и неосознанного блуда. Этот взгляд медленно пополз с обольстительных бедер на высокую, мерно вздымающуюся грудь, коснулся тоненьких волосков подмышками, лизнул мочку уха и впитал аромат дыхания из полураскрытых губ. Еще он поцеловал маленькую ладошку, подложенную под щеку. Созерцать подобную обольстительную красоту было выше всяческих сил. Смущенно шмыгнув носом, Эрот почесал розовую пятку богини. Афо улыбнулась во сне и поджала ногу под себя. Шалун вновь дотянулся до ступни и игриво пробежал по ней пальцами. Богиня взвизгнула и проснулась.

— Это опять ты, несносный мальчишка! — вымолвила она. Затем женщина сладко зевнула, закинула руки за голову и потянулась. Гибкая дуга тела столь сладострастна, что у Эрота пересохло во рту. На всякий случай он отвел взгляд.

— Уже полдень, а ты все еще дрыхнешь! — сказал мальчуган намеренно грубо.

— Ну и что? — Богиня перевела на него свой аквамариновый взгляд.

— Опять где-то шлялась ночью?

— Какое твое дело?

— Смотри, мамашка! — мальчуган погрозил красавице пальцем. — Я ведь могу рассердиться!

Афо засмеялась и заключила мальчугана в объятия. Тот отбивался.

— Отстань!

Но богиня не разжимала рук, прижимая кудрявую голову мальчика к своей обнаженной груди. Тот пытался вырваться, громко возмущаясь.

— Мамашка, отпусти меня! Мамашка, веди себя пристойно! Мамашка, то, что ты сейчас делаешь, нехорошо!

— Вот как! — Афродита перестала смеяться и расцепила пальцы. — Что же в этом плохого?

— Ну... — Эрот замялся, смущенно оправляя растрепанные волосы. — Ну... Все эти твои шутки могут кончиться плачевно.

— Это ты о чем?

— Отстань! — завопил мальчуган, доведенный этими игривыми вопросами почти до отчаяния.

Он поспешно слез с ложа и поправил одежду, судорожным движением пытаясь растянуть короткий хитон до колен. Афо тихонько, чтобы не обидеть его, улыбнулась. Но Эрот заметил движение ее губ и пробурчал:

— Хоть накинь что-нибудь на себя.

— А что, разве я не хороша?

— Даже слишком хороша!

Мальчуган нагнулся и пролез под кисеей. Оказавшись на достаточно безопасном расстоянии, он сказал:

— Я буду ждать тебя в будуаре.

— Хорошо, — отозвалась Афо.

Она появилась из опочивальни довольно скоро. Эрот, с преувеличенным азартом игравший с золотым скарабеем, подаренным некогда Гором, при ее появлении вскинул глаза. На богине была короткая туника из розового бисса, мало скрывавшая ее прелести. Подобная одежда делала Афо еще более соблазнительной. Но мальчуган уже вполне овладел собой и нацепил на лицо обычное нахальное выражение.

— Мамашка, ты неотразима! — развязно заявил он, вставая с мраморного пола.

— Так почему же ты тогда убежал от меня?

— Пока убежал! Заметь, пока! — Эрот со значением поднял палец. — Однако поговорим о деле. Я слишком занятой человек, чтобы тратить время на пустые разговоры. Я выполнил то, о чем ты просила.

— И каков результат?

— Арес сказал старику, что фермопилы совершенно непригодны для обороны, Аполлон пообещал мне вывести из строя световые потоки...

— А он не спросил, кому и зачем это нужно? — тревожно осведомилась Афо.

— Мамашка, да кто ж ему ответит! К тому же я пообещал ему за эту услугу такую сладкую штучку! — Эрот закатил глаза, словно торговец на восточном базаре.

— Что же ты ему пообещал? — не смогла сдержать любопытства богиня.

— Твою любовь.

— Да ты с ума сошел!

— Не волнуйся, мамашка. Не все обещания выполняются. Данное относится именно к числу таковых. Следующий у нас по счету Дионис. Он позаботится о том, чтобы все вино мидян в одночасье скисло и чтобы вокруг их стана каждую ночь завывали волки. У-у-у! У-у-у! Гефест пообещал подсунуть лакедемонским кузнецам самую лучшую медную жилу. Гермес проследит за тем, чтобы корабли сибаритов вовремя доставили кассетитовые камни, а из Тарента и Неаполя привезли груз щитов.

— Да ты великий заговорщик! — шутливо воскликнула Афо.

— Нет, просто я самый умный молодой человек, когда-либо живший в этом мире, — со свойственной ему скромностью заметил Эрот. — Сам я постараюсь внушить любовь нескольким мидийским полководцам. Есть у меня на примете одна симпатичная бабеночка. Пусть они из-за нее перегрызутся.

— Пусть! — провозгласила Афродита. Она с легкой лукавцей посмотрела на мальчугана. — Я обязана тебе. Что хочешь за свою помощь?

— Мамашка, разве настоящий мужчина может требовать от женщины плату? Разве что любовь... — Эрот притворно вздох-

нул. — Но с нею у нас, увы, пока ничего не выходит. Потому просто поцелуй меня в щечку.

Афо немедленно исполнила эту просьбу, окутав мальчугана ароматами благовоний и женского тела. Тот сладко, словно кот, зажмурился.

— Какая женщина! Мамашка, я пожалуй попрошу придворного мазилу написать мой портрет с тобою на руках.

— Это будет занятно! — Афродита потрепала мальчугана по вьющимся волосам.

— Ну ладно, мне пора. Хотя... — озорник умолк, прислушиваясь. — Похоже я слышу цоканье козлиных копыт. Твой влюбленный козлик спешит на рандеву? — Эрот вопросительно посмотрел на богиню, та увела взгляд в сторону.

— Я не назначала ему. Он каждый день приходит ко мне и приносит цветы.

— Какая чистая неразделенная любовь! — с циничной усмешкой заметил Эрот. — Тогда я задержусь. Присмотрю за его поведением. Если ты, конечно, не возражаешь.

Афродита пожала плечами, словно говоря: какие здесь могут быть тайны?

— Оставайся.

Эрот поспешил устроиться в одном из золотопарчовых дифров[1], сделанных невольниками Аримана. Едва он успел проделать это, как вошел Пан. Скорчив уморительную физиономию, он поклонился богине любви и только после этого заметил Эрота. Пан кивнул и ему, Эрот вместо приветствия высунул язык.

Как и говорила Афо, лесной бог принес цветы — огромный букет великолепных фиалок, источающих нежный запах, волной прокатившийся по комнате. Афродита сладко вдохнула и зажмурилась. Пан радостно заулыбался. Он разместил цветы в золотой вазе и, сделав пару шагов назад, полюбовался на творение своих рук. Равнодушный к жучкам, червячкам, тычинкам и листочкам Эрот заметил:

— Дурно воняющий веник.

Пан одарил его злым взглядом, а Афродита укоризненно покачала головой в адрес злоязыкого мальчугана и предложила гостю присаживаться.

— Выпей чашу вина.

Если быть откровенным, Пан не любил сладкое кипрское вино, но его предложила сама Афо. Потому он немедленно согласился и уселся на дифр подальше от Эрота.

Богиня легкой рукой взяла со столика серебряный килик. Пурпурная влага облизала кованные стенки, закрутилась крохотным стремительным водоворотом. Наполнив чашу до краев, Афродита подала ее Пану. Тот отпил глоток и с обожанием посмотрел на красавицу, отчего она сделалась еще краше. Что уж там таить, Афо нравились эти страстные взгляды уродца. В них не было похоти, таившейся в глазах прочих поклонников, а

лишь обожание, нежность и непонятная ей грусть. Богиня отдыхала, когда на нее смотрели такими глазами. И потому она привечала Пана, позволяя ему ежедневно посещать ее, не спрашивая на то разрешения. Пан был в ее покоях «своим человеком».

— Как твои дела, Пан? — спросила она, с доброй улыбкой глядя на уродливо-занятную физиономию. Лесной бог слегка смутился.

— Как всегда хорошо.

— Ты помирился с Громовержцем?

— Да, он простил меня. Я ему нужен.

— Зачем?

— Поговаривают, что грядут перемены и он торопится укрепить свою власть, а потому примиряется со всеми обиженными.

— Грядут перемены, — как эхо откликнулась Афо.

— Кстати, наш общий знакомый передает тебе привет.

Афродита улыбнулась.

— Леонид? Я была с ним ночью.

Пан бросил быстрый взгляд на Эрота, словно сомневаясь, стоит ли быть откровенным в его присутствии, но мальчуган, казалось, был полностью поглощен тем, что рассматривал причудливые золотые фигурки, подаренные Вишну.

— Я видел его только что. Мы встретились с ним в твоем храме в Спарте.

— И о чем вы говорили?

— Конечно, о тебе. Он просил передать, что соскучился по тебе и что любит тебя.

Лицо Афо озарилось радостным светом.

— Я тоже уже соскучилась по нему. Как он?

— Как всегда полон сил и отваги!

— О, Пан, — прошептала Афродита, — если б ты знал, как я люблю его!

— Ха, какие нежности! — внезапно воскликнул Эрот, отрываясь от созерцания драгоценных безделушек. Маленькие зубки мальчугана были злобно оскалены. — Я так люблю его, он так любит меня! Мне надоели ваши слюнявые разговоры! Я пойду. — Эрот поднялся, презрительно глядя на Пана. — Эй, мамашка, смотри не целуйся с этим рогоносцем!

— Как ты можешь говорить подобное! — воскликнула Афродита.

— А что я такого сказал? Ты слабая женщина, а от этого козла за версту несет похотью. Да он совокупился бы даже с деревом, если бы оно согласилось дать такому уроду!

Пан угрожающе заворчал.

— Ладно, не скрипи! — крикнул мальчуган. — А не то я заставлю тебя вспомнить Сирингу! Понял, козел!

Грязно ругаясь Эрот опрометью выскочил из комнаты. Какое-то время он яростными шагами мерил бесконечные коридоры дворца, затем направился в ту часть его, где жил Громо-

вержец. Зевс не удивился приходу мальчика, словно ожидал его.

— Что скажешь? — спросил он, внимательно изучая обезображенное злобной гримаской лицо.

— Афродита копает против тебя на пару с человеком, которого зовут Леонид! — с ходу выложил Эрот.

— Допустим, я это знаю. Как и то, что третий в этой компании ты.

— Я был вторым и не знал о существовании третьего. Теперь я изменил свою позицию. Могу сообщить тебе следующее... — Эрот сделал паузу, после чего быстро забормотал. — Фермопильское ущелье пригодно для обороны, Арес солгал тебе, Аполлон должен нарушить нормальное функционирование световых потоков, Дионис...

— Я знаю и это, — перебил доносчика Зевс. — Все они: и Арес, и Аполлон, и Дионис рассказали мне, как ты подбивал их воспротивиться моим планам. О чем еще можешь мне поведать?

— Убей этого человека!

— А зачем?

— Он мне не нравится.

— Это еще не повод. А вдруг тебе не понравится Арес или Аид? — Зевс пристально посмотрел на мальчугана, тот отвел взор. По-моему, **она** тебе нравится.

— Не твое дело!

— Он умрет, — сказал Зевс.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Тогда можешь считать, что я поступил на твою службу, — важно произнес Эрот.

— Это меня устраивает. — Зевс усмехнулся. — Будешь следить за Афо и докладывать о каждом ее шаге. Если...

— Докладываю! — перебил Зевса ретивый сикофант. — В данный момент она сюсюкает с Паном. Старик, мне подозрителен этот влюбленный козел!

— Он слишком глуп для того, чтобы быть опасным.

— Но он влюблен, а влюбленный глупец всегда опасен. Я бы на твоем месте присмотрел за ним.

— Ты проявляешь слишком много прыти, метя на мое место! — В голосе Зевса была слышна угроза.

Эрот нагло ухмыльнулся.

— Да ладно тебе! Лучше прислушайся к умному совету. Не так-то часто тебе их приходится получать.

— Хорошо, я присмотрю за ним. Что еще?

— На сегодня достаточно. Пока!

Эрот оцерил белые зубки и испарился, словно его и не было. Вскоре он, насвистывая, шагал по тенистому лесу. Щебетали звонкие птицы, в воздухе веяло удушливым ароматом фиалок и предательства.

* * *

Наивные люди полагают, что боги питаются лишь нектаром и амврозией, поглощая и то, и другое в неимоверных количествах, и потому вечны. Что ж, в этом есть доля истины. Боги действительно пили тягучий нектар и заедали его желеобразной приторно-молочной массой, именуемой амврозией. Так установил Зевс, заботясь о здравии и долголетии своих приближенных. Но это вовсе не означало, что небожители отказались от «земной» пищи. На Олимпе были в ходу и телятина, и жирная оленина, и медвежий окорок, и сорок сортов рыбы, и сыр, и оливки, всевозможные фрукты, приправы, а также сладости, доставляемые по световому потоку из Хоразмии и Бактрии. Потребляли боги и солнечный напиток — вино, за качество которого отвечал, конечно же Дионис, утверждавший, что может отличить вкус любого из восьмисот сорока двух сортов хмельной влаги, производимых как в Ойкумене, так и за ее обозримыми пределами. Скорей всего он лгал, но может быть, только преувеличивал.

Пиры на Олимпе закатывали по поводу и без него. Чаще без. Просто потому, что этого хотел Зевс. Приглашения получали все олимпийцы, иногда второстепенные божества, порой даже люди. Так некогда частым гостем на трапезах богов был хитрец Сизиф, пока не прогневил Зевса и не был низвергнут в Тартар. Теперь Сизиф влачил на гору свой камень. Случалось бывать на олимпийских пирах и другим смертным. Но все это было прежде, когда мир был более прост, а люди не кичились своей ученостью и не ставили под сомнение факт существования богов. В последнее время все чаще собирались в тесном кругу — одни олимпийцы, да несколько муз, граций или нимф, которых обыкновенно приводил Аполлон, чтобы позлить Афину с Герой.

Едва опускались сумерки, как тени-музыканты начинали играть медленную мелодию, Зевс мановением руки зажигал волшебные шары, подвешенные под потолком мегарона, Дионис наполнял чаши ароматным вином, объявляя сорт и год приготовления. Боги пировали, провозглашая здравицы в честь друг друга, в первую очередь — славя Громовержца. Насытившись и устав от возлияний, они далее занимали себя, кто чем хотел. Афина, Гера и Артемида сплетничали, Аполлон и Арес безуспешно приставали к Афо, после чего переносили свое внимание на более уступчивых нимф, Дионис и Пан соревновались в поглощении вина, Гефест рассеянно разглядывал каменные узоры на капителях, надеясь придумать что-нибудь новое, Эрот отпускал дерзкие шуточки. Зевс обыкновенно молчал, зорко приглядывая за богами. Если Посейдону или Аиду случалось попасть на пир, Громовержец разговаривал с ними — понемногу ни о чем. Еще он частенько посматривал на Афродиту, та делала вид, что не замечает его взглядов.

Этот вечер не был исключением. Негромко свистели флейты, рисуя контуры задумчивой мелодии. Столы ломились от яств,

полусъеденных и замененных вновь. Дионис извлекал из ничто сосуды с вином, объявляя:

— Фалерн, виноградник Типтана, южный склон, пять лет. Слезы Номии с добавлением сока шелковицы, три года. Скифская кровь, дата изготовления неизвестна, подарок боспорского тирана...

Пан отпивал из подаваемых ему сосудов и восторженно поднимал вверх большой палец.

Афродита как обычно успешно отразила натиск Аполлона и Ареса и теперь скучала. Могло показаться странным, но в этой компании она чувствовала себя чужой и одинокой. Боги хотели от нее лишь одного — любви, богини откровенно недолюбливали, завидуя ее красоте, притягивавшей мужчин, словно пламя — огнепоклонников-мотыльков. Здесь нельзя было заговорить без риска нарваться на сальность или ехидную шпильку. Потому-то Афо и скучала, стараясь не обращать внимание на кривые ухмылки и перешептывание Афины и Артемиды — двух «девственниц», по ночам тайком предающихся неестественной любви. Съев пару сваренных в меду груш, она решила, что за столом ей делать больше нечего, и неторопливо направилась на наполненную свежестью веранду.

Красавица встала у самого края, облокотилась на холодный камень перил, и стала смотреть вдаль, где по тихой глади моря струилась маслянистая лунная дорожка. Мерцая солеными блестками, она подбегала к берегу и терялась в черном месиве песка и травы. Если бы вся земля до вершины Олимпа была покрыта светолюбивой водой, луна добралась бы до самых ножек богини и посеребрила ее шелковистую кожу мертвым светом.

— Красиво! — раздался негромкий голос.

Афо повернула голову. Рядом с ней стоял неслышно подошедший Зевс. Он также смотрел в море. Лицо его, обычно жесткое, в это мгновенье было овеяно мягкой мечтою, в глазах играли лунные огоньки.

— Словно блеск созвездий при переходе через трансферное поле. Только тот блеск куда ярче.

Богиня кивнула, соглашаясь, хотя и не поняла, о чем идет речь.

— Леда? — внезапно спросил Зевс.

Афродита вопросительно посмотрела на него. Бог улыбнулся своим мыслям и тут же спрятал улыбку в бороду.

— Ты влюблена в него? — Второй вопрос был столь же неожиданен.

— В кого?

— В царя Леонида.

— Так, уже донесли! — процедила красавица. — Какое это имеет значение?

— Да никакого, — ответил Громовержец, но в голосе его не было искренности.

Богиня резко повернулась к нему, нервно прихлопнула ладошкой по мраморному барьеру.

— Давай, выкладывай все!

— Что все?

— Все, что хочешь мне сказать. И о себе, и о Леониде, и о ваших странных отношениях, и о том, почему вдруг мидяне идут на Элладу, и обо всем остальном.

— Ну-у-у... — протянул Зевс. — Ты хочешь объять необъятное. Потребуется не одна ночь, чтобы рассказать всю эту длинную историю.

— Начинай, у меня достаточно времени.

— К сожалению, у меня его недостаточно. Время бежит столь быстро, что порой опережает жизнь. Не успел оглянуться и ты уже не муж, а несмышленый младенец, а затем вдруг выясняется, что ты вообще не должен родиться.

— Не строй из себя Гераклита! То место в реке, на которое ты претендуешь, уже занято! — Зевс улыбнулся и беззвучно зааплодировал, выражая свой восторг по поводу эрудиции Афо. Но богиня не была склонна предаваться веселью. — Ты как-то странно смотришь на меня!

— Все очень просто. Я люблю тебя. И ты об этом знаешь.

— Действительно знаю, — согласилась Афо. — Почему же в таком случае ты не домогаешься моей любви?

— Я не Аполлон или Арес. Я не мальчишка Эрот. Я жду, когда ты подаришь мне ее сама.

— Однако ты самоуверен! — протянула Афродита. — А если этого не случится никогда?

— Случится. И чем дольше мне придется ждать, тем слаще будут мгновенья, когда я смогу утолить любовную жажду твоими поцелуями.

Богиня не смогла удержаться от сарказма.

— Как манерно ты заговорил! Выходит, ты уверен, что я полюблю тебя?

— Да. Ведь ты мое творение. Ты создана мной. Я сотворил идеальную женщину, похожую на мою мечту. Я взял самую прекрасную оболочку и вложил в нее нежность, доброту, сладострастную негу, немного капризности и ума. И еще бездну очарования, перед которым невозможно устоять. Я дал ей радостную улыбку и ласковые руки. Ты самое совершенное мое творение.

— Причем здесь ты? Если уж речь зашла о генеалогии, то я — дочь Урана, а значит прихожусь тебе теткой!

— Все это чепуха. Это сказка, придуманная мной. Этот мир создал я, и не было никакого Урана. Было лишь желание и запасы белковой энергоплазмы, которой я должен был придать форму. Сладкий и трудный процесс сотворения. Ты лепишь живую куклу и вкладываешь в нее душу — добрую или злую, лукавую или бесхитростную, буйную или тихую. Точнее, все эти качества смешиваются в определенной пропорции, создавая характер. Это

трудно и очень интересно. Процесс творения захватывает словно любовь; от него трудно оторваться. И порой случается так, что увлекаешься, чрезмерно увлекаешься. Так произошло и со мной. В первый раз я увлекся и допустил оплошность, слепив себе слишком сильных и властолюбивых помощников. Немудрено, что настал день и они взбунтовались, возжелав власти, и мне пришлось потратить немало сил, чтобы победить их. Так как я не мог разрубить их энергетические оболочки, то был вынужден создать еще два мира и поместить поверженных там. Это были титаны. — Зевс усмехнулся в бороду. — Они слишком много возомнили о себе. Потом я создал вас, столь же капризных и непостоянных, но обладавших меньшими возможностями. Сначала я сотворил Аполлона, затем Ареса, Геру, которую по воле обстоятельств был вынужден взять в жены, Афину, Гефеста, еще одного, **имени которого не помню.** У меня не было достаточно времени, чтобы поработать как следует над тем, что мы именуем душой. Когда это время появилось, я сделал себя, свою женщину.

— Ты пьян? — неуверенно предположила Афо.

— Я не бываю пьян. Вино не действует на меня. Я могу захмелеть лишь от любви.

Громовержец положил огромную ладонь на крохотные пальчики Афо. Из его руки били какие-то странные токи, поднимающиеся горячей волной к сердцу. Спустя несколько мгновений, богиня обнаружила, что грудь ее бурно вздымается, а в горле пересохло.

— Нет, — сказала она, не поясняя, что подразумевает под словом «нет», и убрала руку.

— Напрасно. Ты могла бы познать бездну наслаждения. Все равно рано или поздно ты будешь моей.

Афродита куснула белыми острыми зубками нижнюю губу, сглотнула тугой комок.

— Я могла бы подумать над твоими словами, — сказала она запинаясь, — но при одном условии...

— Говори, я исполню его.

— Останови нашествие варваров.

Зевс покачал головой.

— Это выходит за рамки моих возможностей. Это уже история, а я не имею права вмешиваться в ее ход.

— Но ведь ты можешь что-нибудь изменить. Или?

— Кое-что могу.

— Тогда сделай так, чтобы... — Афродита вновь замялась.

— Чтобы твой царь остался жив?

— Да.

— И тогда?

— И тогда я приду к тебе.

Зевс тихо рассмеялся и, взяв рукою ее голову, точь в точь, как это любил делать Леонид, заглянул в аквамариновые глаза. Его

огромные зрачки были подобны черной бездне, Афо буквально утонула в них, цепенея от сладкого ужаса. В этих глазах была скрыта тайна мира, нет, пожалуй, многих миров.

— Я приду к тебе, — шепотом повторила она и медленно потянулась к твердым губам мужчины. — Я приду...

Она закрыла глаза, ожидая почувствовать вкус поцелуя.

И в то же мгновение вздрогнула, возвращаясь к реальности, так как Громовержец чуть встряхнул ее.

— Ты даришь мне свое тело, — прошептал он, почти касаясь губами нежных уст. — А мне нужна вся ты, и душой, и телом — страстная, любящая, преданная, пусть даже мучительно недоступная. Лишь тогда любовь упоительна. Я возьму тебя, когда ты отдашься мне целиком. Мне не нужно твое изумительное, желанное, сладкое, словно грушевый сок, тело, пока твоя душа принадлежит Воину. Я хочу обладать тобой всей.

— Спаси его, — шепнула Афродита, прижимаясь к широкой груди Зевса.

— Он сам не хочет этого. К тому же уже поздно. Уже начинают блекнуть листья. Но как же я люблю тебя, моя Леда!

Зевс задрожал, с трудом удерживаясь от искушения впиться поцелуем в страстные, чуть припухлые губы. Афо не оттолкнула его. Она стояла, по-прежнему тесно прильнув к Громовержцу всем телом, и ей начинало казаться, что от этой могучей фигуры веет чем-то неестественным, чего не должно быть. Нечто... И она вдруг поняла, что сердце Зевса бьется неестественно медленно, резкими глухими толчками. Тук-туук-туук. Словно удары теряющего ритм метронома. И глаза... Они то отпускали, то захватывали в свои тенета вновь. Эти глаза могли погубить, могли подарить неизведанное блаженство.

— Пусти меня, — наконец попросила Афродита и Зевс исполнил ее просьбу. Неохотно, но отпустил.

Богиня оправила хитон и несколько раз глубоко вдохнула, успокаивая мечущийся молоточек сердца. Сердца...

— У тебя почти не бьется сердце, — негромко сказала она, отводя глаза в сторону.

— Бьется, но много медленней. Я же сказал тебе, что не такой как все прочие — боги или люди. Я пришел оттуда. — Зевс указал на звезды. — Вы рождены энергией земли. Твой царь тоже оттуда.

— Неправда. Его сердце бьется в такт с моим.

— Да, почти в такт. Это потому, что он не смог покорить время. Но он оттуда. Поверь мне на слово. Некогда он пришел в этот мир со мной. Много лет прошло с тех пор. Он сменил сотни обликов. Ты же сама знаешь, что он был Диомедом, Ясоном. А еще он был Тесеем, Лигургом, Филостратом, великим богатырем Гортом. А перед этим его звали Сети и Ашшурбанипал. Разве в имени дело? Дело в прожитой жизни. Он прожил свои со вкусом,

проливая кровь, но не грязь. Он и уйти хочет со вкусом. Я не могу помешать ему в этом. Не могу и не хочу.

И Афродита поняла, что Громовержец произнес приговор человеку, которого она без памяти любит.

— Если он умрет, я возненавижу тебя, я возненавижу все!

— Это не имеет значения. Что потеряю я? Твою еще не завоеванную любовь, но взамен я получу весь мир. Власть слаще любви. — Зевс повысил голос. — Обладая властью, можно получить все, что желаешь, даже любовь.

Афродита натянуто рассмеялась.

— И это говоришь ты, проживший несчетное число жизней. Неужели ты сам веришь в то, что говоришь? Неужели ты еще не понял, что настоящую любовь не купить ни за какие сокровища? Она должна прийти сама. Неужели...

— Понял, — прошептал Громовержец. Горечь была слышна в его голосе. — Только не жалей меня, — поспешно добавил он. — Не стоит.

Это был странный разговор. Пока они смотрели в глаза друг другу, луна спряталась за черную пелену облаков. Тогда Зевс развел руки в стороны, и тучи исчезли, позволив богам вновь любоваться лунной дорожкой.

— Как бы я хотела сейчас пробежаться по ней! — шепнула Афо.

— Так беги!

— Но это невозможно!

— Для нас нет ничего невозможного. Если мы можем парить в воздухе, то почему мы не можем ходить по воде? Беги!

И Афо побежала. Она отталкивалась изящными ножками от упругого воздуха, по щиколотку утопая в пушистых облаках, окутывавших склоны Олимпа. Сорвав на бегу прозрачный хитон, богиня швырнула его вверх и он повис у звезд, похожий на диковинную туманность, одну из тех, в которых растворяются жемчужины звезд. В воздухе раздавался радостный девичий смех, разрывавший тишину хрустальными колокольчиками. Зевс бежал следом, готовый в любое мгновение подхватить ее на руки, если она вдруг оступится. Ловко сбежав по обрывистому берегу, Афо вошла в воду и поплыла. Вода приятно холодила разгоряченную грудь, старательно вылизывала ноги, игриво щекотала живот. Богиня наслаждалась покоем и бесконечностью черного моря.

Зевс шагал рядом, едва касаясь ступнями волн.

— Ты идешь? — удивленно воскликнула Афо, со смехом выплевывая ненароком плеснувшую в рот соленую влагу.

— Иду, — подтвердил бог и предложил:

— Иди рядом со мной.

Афродита попробовала выбраться на поверхность воды, но та не отпускала ее, держа кожу мириадами цепких пушистых коготков.

— У меня не получается.

Тогда Громовержец нагнулся, обхватил ее под мышками могучими руками и поставил прямо на пенный барашек волны.

— Иди. — И она пошла. Точно по лунной дорожке. Никуда не сворачивая, так как за пределами света поджидала морская бездна. Зевс шел рядом, от него пахло зверем и веяло нечеловеческой мощью. И сладкая истома, подобная той, что случилась, когда они стояли на веранде дворца, вновь охватила Афродиту. И стоило огромных сил сдержаться и не положить руки на его могучие плечи.

Когда они вернулись, над морем уже вставала Эос. Мегарон был пуст. На залитых вином столах валялись перевернутые бокалы и объедки. В одном из кресел храпела пьяная менада[1].

Афродита повернулась к своему кавалеру, коснулась рукой его плеча и неожиданно для самой себя поцеловала вкусно пахнущую кассией[2] бороду чуть ниже рта. До губ она просто не дотянулась.

— Это была чудесная прогулка!

Громовержец не ответил. Его взгляд был устремлен поверх головы Афродиты, бездонные глаза были налиты злобой, яростью и — Афо могла поклясться! — ужасом. Богиня медленно повернула голову.

На спинке роскошного, выточенного из цельного оникса, кресла Зевса были вырезаны шесть букв.

З
А
Г
Р
Е
Й

ЗАГРЕЙ — так звали того, чье имя Зевс старался забыть.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Время точить мечи — 1

И настало время точить мечи.

В кузнях звонко стучали молоты — мастера-периэки ковали оружие. Из пламени горнов выходили короткие, удобно ложащиеся в ладонь мечи, выпуклые бронзовые навершия щитов с оскаленными львами, стоящими на задних лапах, острые хищные наконечники копий, крепкие пластины доспехов, которые защитят тела тех, кто станет на защиту родных очагов. Его подготовка к войне не ограничивалась лишь изготовлением оружия. Приходилось действовать сразу на многих направлениях, заботясь об обучении воинов, строительстве оборонительных сооружений, поддержании боевого духа в союзниках, устрашении тайных неприятелей.

Оборонительными мероприятиями руководил Леотихид, считавший, что врагов следует встретить на пороге родного дома. Под его руководством тысячи периэков и илотов строили защитный вал на Истме, который должен был помешать мидянам ступить на каменистую землю Пелопоннеса.

Строительство укреплений мало интересовало царя Леонида. Камень не в состоянии сравниться с людской доблестью и никакая стена не спасет тех, кто лишился ее. Более важным по мнению Агиада было как следует подготовить войско. И потому царь с утра до вечера пропадал на лугу, где тренировались воины. Здесь он учил неопытных в ратном деле иренов владеть копьем и мечом, показывал как защититься от удара сагарисы[1] и каким образом следует сбивать с коня всадника-ария, ловко орудующего волосяным арканом. Царь проделывал любой боевой прием с таким мастерством, что молодежь бледнела от восторга, а старики одобрительно качали головой.

Война близилась. Большая война! Это ощущалось во всем. В середине месяца скирофорион[2] первый отряд спартиатов в составе десятитысячного эллинского войска отправился в Фессалию. Возглавлял его полемарх Евенет, сторонник решительных действий. Леонид лично проводил воинов до Истма и с неохотой вернулся в Спарту. Как бы он хотел в этот миг быть на месте Евенета. Однако у царя оставалось немало дел дома и ближайшие дни Леонид посвятил их разрешению.

О готовности воинов можно было более не беспокоиться. Пожалуй еще никогда Спарта не имела такого великолепного войска. Оставлял желать лучшего флот, но Лакедемон всегда был славен гоплитами, а не моряками.

Куда сильнее заботило Леонида настроение эллинских полисов, многие из которых еще не решили, чью сторону принять. Там, где это было возможно, герусия действовала уговорами;

если они не помогали, спартанские феоры прибегали к угрозам, не останавливаясь и перед применением силы. В колеблющиеся городки Аркадии были введены эномотии спартиатов и граждане фигалии, Клейтора и Мегалополя вдруг дружно высказали желание примкнуть к антимидийской коалиции.

Гораздо сложнее было договориться с Аргосом, самым сильным после Спарты пелопоннесским полисом. Потерпев поражение в недавней войне с лакедемонянами, аргоссцы опасались, что в случае победы эллинов над мидийским войском, их город попадет в полную зависимость от своего сильного соседа, как это когда-то случилось с Мессенией. Напротив, в случае поражения спартиатов аргосские мужи рассчитывали занять главенствующее положение на полуострове.

Сама по себе поддержка Аргоса была не столь важна. Флот аргоссцев был невелик — войско неопытно и плохо обучено. Однако в случае проникновения мидян за Истм позиция Аргоса могла стать решающим фактором. Ведь выступи они в этот момент на стороне варваров, и спартанское войско окажется в очень тяжелом положении. Кроме того, мидяне вполне могли использовать Арголиду в качестве плацдарма для высадки десанта. В этом случае укрепления на Истме становились совершенно бесполезными. Потому Леонид решил лично заняться разрешением этой проблемы.

Все предыдущие переговоры с Аргосом заканчивались безрезультатно. Аргоссцы увиливали от прямого ответа и выдвигали заведомо неприемлемые требования. Они лишь утомили спартанских феоров своим многословием. Леонид не стал тратить время на долгие разговоры. Прибыв на заседание городского совета, он извлек из ножек ксифос, продемонстрировал его мгновенно потускневшим аргоссцам, а затем с хрустом переломил клинок надвое, присовокупив, что то же будет с Аргосом, если его граждане вздумают принять сторону мидян. После этого царь отбыл, совершенно уверенный в том, что отныне заносчивые аргоссцы будут вести себя ниже травы.

Головной болью пелопоннесцев была оборона побережья. Дорийские полисы были в состоянии сообща выставить эскадру в сто триер. Этого было вполне достаточно, чтобы прикрыть наиболее уязвимые места, но Леонид настоял, чтобы пелопоннеские корабли вместе с эскадрами Афин, Мегары и Эгины отправились к побережью Магнесии и искали случая для сражения с варварами. Теперь, если вдруг случится, что морской бой будет несчастлив для эллинов, Пелопоннес оставался без прикрытия с моря, и ничто не могло помешать мидянам высадить свое войско где-нибудь в Мессении. Герусии стало известно, что неподалеку от Пилоса бросила якоря эскадра керкирян — шестьдесят новеньких, отлично снаряженных триер. Керкиряне выжидали, намереваясь примкнуть к эллинам, если вдруг случится так, что те будут одерживать верх, или к мидянам, когда станет очевидно, что

победа на их стороне. Так повелел городской совет Керкиры. Однако Леонид имел в своем распоряжении доводы более убедительные, нежели приказы керкирских архонтов. Он посетил наварха эскадры Рестия. Их беседа была недолгой, после чего договаривающиеся стороны расстались весьма довольные друг другом. Леонид вернулся на берег без амфоры, доверху набитой серебром, зато с клятвенным обещанием керкирского адмирала, что его флот не позволит мидянам обогнуть мыс Йойнарон. Это была удачная сделка.

Теперь царь мог со спокойной душой собираться в поход.

Что берет с собой спартиат, идущий на войну? Конечно крепкий меч, закаленный в трех водах и оливковом масле. Копье с древком из кизилового дерева, столь прочным, что его почти невозможно перерубить клинком, и несущим смерть острием. Большой овальный щит из дубовых досок, покрытых слоем бронзы. Металл отразит вражеские меч и копье, дерево перехватит стрелу. Еще — панцирь из бронзовых пластин, покрытый чеканным рисунком. Его спартиат оденет перед боем, а живот и бедра прикроет поясом, к которому крепятся металлические полосы, не мешающие бегу. Ноги защитят поножи, голову — гребнястый шлем с личиной. Спартиат возьмет с собой хитон — алый, как кровь, пожалуй, даже алее крови, потому что она незаметна на плотной ворсистой ткани. Враги увидят кровь, лишь когда она пропитает полу и начнет капать на ноги и изрытую землю. И это будет означать, что спартиат умер. Кроме того, лакедемонянин обязан иметь при себе хеник[1] крупы и хеник муки, пять мин соленого мяса, хус[2] доброго вина, соль и котелок для приготовления пищи. Царь вправе взять вдвое больше, но по традиции берет как остальные. Из личных вещей — лишь гребень и немного оливкового масла для волос. Вот и все.

Леонид сложил необходимое снаряжение в одну кучу и опустился на скамью. На душе было тяжело. Все же он успел привыкнуть к этому дому, к городу, даже к жене, которую не любил и которая подарила ему сына.

Он взглянул на Горго, безмолвно следящую за приготовлениями мужа. Она была крупна телом, как и прочие спартиатки, и некрасива. А ему всегда нравились хрупкие и обязательно хорошенькие. А она любила его. Любила... А за что, если спросить? Наверно она и не ответит. Должна любить и потому любила.

Уже стемнело. На столе потрескивала одинокая свеча, раскрашивая стены колеблющимися тенями. Горго ждала, что скажет ей супруг. Но что он мог ей сказать?

То, что не любит ее? Так она знала это.

То, что он вряд ли вернется? Она знала и об этом.

Леонид вдруг вспомнил, что позабыл проститься с Афо. В последний раз они встречались в роще у храма Афродиты. Свидание вышло грустным. Он спешил, у Афо были заплаканы глаза. Это удивительно шло ей, она выглядела такой

трогательной и беззащитной. Он так и не попрощался с ней...

Царь вздохнул и подсел к жене. Горго вопросительно посмотрела на него. Вместо ответа Леонид прижал ее к себе. Казалось, Горго только этого и ждала, тут же прильнув к могучей мужской груди. Спартиат грустно усмехнулся. Он пережил множество расставаний, а еще чаще исчезал, не прощаясь. И все это давалось совсем нетрудно, верно потому, что, теряя, он обретал вновь. Да и терял обычно немногое. Это же прощание было совершенно иным. Он терял все, скорей всего и жизнь. И потому лишь эта последняя жизнь казалась настоящей, все прочие были затянуты густой дымкой. Леониду вдруг показалось, что они были прожиты не им, а каким-то другим человеком. Множеством людей. Впрочем, так казалось всегда. Занятно — прожить триста жизней лишь ради того, чтобы запомнить последнюю. Наверно, эта жизнь была дороже других. Наверно, ведь он прожил ее со вкусом и не напрасно.

Свеча негромко потрескивала, а царь шел сквозь вереницу прожитых лет. Вот он воин в элитных частях Атлантиды, телохранитель самого Командора, совсем еще юный и по-хорошему самоуверенный. Он вспоминал те страшные дни, когда Атлантиду захлестнули плазменные пожары, когда уши разрывал грохот бластеров и рев бронеходов, а с неба падали сбитые гравитолеты. Затем было бесконечное блуждание в космосе, и, наконец, Земля. Дикая и прекрасная. И он был командующим армией великой державы, владевшей всем миром. Он завоевывал новые земли и подавлял вспышки недовольства непокорных. Тогда была цель, общая цель. Но она оказалась ложной, и мир восстал против пришельцев. Была катастрофа, поразившая неисчислимые мириады людей и стершая с лица земли целые континенты. Последующие тысячелетия были наполнены хаосом. Цивилизация рухнула, а уцелевшие люди возвратились к примитивному существованию. Он был вождем многих племен и враги бежали при упоминании одного его имени, точнее имен, ведь их было множество. Когда мир вырвался из пеленок дикости, жить стало весело. Появилось множество всевозможных княжеств, королевств и царств, постоянно враждующих между собой. Здесь было, где приложить силу и воинские таланты, он с головой окунулся в стихию сражений и победного разгула. То была эпоха героев и первым из них по праву мог считаться он. Недаром певцы слагали легенды о могучем всаднике, пришедшем с севера. Он свергал владык и возводил на престол новых, грабил города и караваны, боролся с могущественными чародеями и чудовищами. Это было славное тысячелетие. Оно окончилось в тот день, когда разразилась катастрофа, в очередной раз изменившая лик земли. Тогда, захлебываясь ледяной водой на наскоро сооруженном из винных бочек плоту, он полагал, что это естественный катаклизм, которыми время от времени взрывается любая планета, позднее понял, что ошибался. Мир героев сокрушили те, кому

было ненавистно само слово герой. Героями невозможно править, а они жаждали власти и потому создали мир покорных людей. Что ж, он нашел себя и в этом мире, ведь людям тоже нужны герои. Он водил в поход армии Яхмоса[1] и Тиглатпаласара[2], дрался с хеттами[3] и вел бойцов через безжизненные ливийские пустыни, корсарствовал на кораблях Миноса и возглавлял набеги скифских орд. Ни одно значительное сражение не обходилось без его участия. Он командовал армиями и полками, случалось дрался и как простой наемник. Он получил множество ран и истребил несчетное множество врагов. Каждый шрам из числа тех, что покрывали его тело стоил жизни не одному десятку воинов. О его подвигах вновь слагали легенды.

То были славные жизни. Славные еще и тем, что он всегда вовремя заканчивал их, не позволяя себе чрезмерно увлечься игрой. Вот и сейчас, быть может, следовало сменить жизнь. Ведь он уже прожил в своем нынешнем облике положенные тридцать лет. Сменить и уйти. И остаться в живых. Но он знал, что не сможет так поступить. Он выбрал свой путь и путь этот вел в Фермопильское ущелье.

Перед глазами царя еще мелькали смутные картины былого: бешено мчащиеся всадники, закованные в панцирные доспехи пехотинцы, отражавшие длинными копьями натиск полчищ северных варваров, пожары, тучи стрел, закрывающие солнце — когда за окном прокричал петух. Через миг на площади перед герусией проревела боевая труба, возвещая, что пришло время собираться тем, кто выступает в поход. Леонид поцеловал жену и поднялся. Пришли три илота, забравшие оружие и снаряжение царя, а также длинный ящик, сколоченный по его велению накануне. Леонид одел шлем и молча направился к выходу.

— Леонид! — дрогнувшим голосом позвала Горго. Царь обернулся. — Со щитом!

Глаза Горго были сухи. Она даже не имела права заплакать.

Он кивнул, что означало: постараюсь. Она знала, что он возвратится на щите. Так желала судьба и это был не тот случай, чтобы противиться ее воле.

Агшад вышел на площадь, где уже стояли воины. Триста отборных мужей — гомеи, покрытые шрамами многих сражений, а также эномотия Леонида. Почти все они имели детей и могли умереть, не страшась, что их род угаснет. Почти все они прожили долгую жизнь, повидав в ней немало и могли умереть спокойно. Все они знали, что такое смерть и без страха ждали ее приближения.

Их было триста. Лишь один из трехсот вернется домой. Вернется, чтобы прослыть трусом и обрести желанную смерть в великой битве, которая перечеркнет надежды варваров на обретение Эллады.

Они ушли, а жены и матери еще долго смотрели вслед, пока не растаял последний лоскуток пыли, взбитой подкованными медью крепидами. Они ушли...

* * *

Нет, недаром этот абдерит так не понравился Лиофару. Было в нем нечто гаденькое — то ли бегающие глаза, то ли суетливые руки, то ли манера тратить деньги. Серебром он швырялся сверх всякой меры, покупая себе дорогие браслеты и даже кольца с изумрудами. Горшечник счел своим долгом сообщить о подозрительном иноземце в коллегию порядка, однако там отнеслись к его словам на удивление беспечно. Мало того, над ним посмеялись и посоветовали заниматься своими делами и прекратить доносительствовать на честных гостей Афин. Доносительствовать! Как будто Лиофар занимался этим делом ради собственного удовольствия! Горшечник покинул коллегию порядка, кипя от ярости. Что и говорить, не все магистраты исполняют свои обязанности с должным рвением. Тут поневоле приходилось спасать государство самому.

Лиофар начал с того, что стал следить за коварным купцом и подслушивать, о чем он говорит, когда это, естественно, удавалось. Однако абдерит был осторожен и не позволял себе ничего лишнего. Встречался лишь с знакомыми купцами, говорил больше о торговых делах и то и дело охал, что, верно, придется в скором времени спасаться бегством на Сикелию[1]. Лиофар ходил за абдеритом словно тень, но три дня, потраченных на слежку, не дали никакого результата. Следующим шагом отважного горшечника была попытка проникнуть в дом, где остановился подозрительный иноземец. Лиофар ловко перебрался через невысокую каменную стену, однако за ней его поджидали два огромных молосса[2], о встрече с которым горшечник вспоминал очень неохотно.

Убедившись, что коварного абдерита просто так не поймать, Лиофар изменил тактику. Он больше не следил за Клеодулом и не пытался проникнуть в его дом. Горшечник решил действовать тоньше — через слуг. Подученный хозяином Брасим без особого труда познакомился с рабами купца. Те оказались словоохотливы и конечно были непрочь выпить на дармовщинку. А Брасим, как на грех, всегда был при деньгах. Вскоре он стал лучшим другом рабов абдерита. И вот тут секреты посыпались, как из мешка. Подвыпившие рабы наперебой хвастали расположением к ним хозяина и рассказывали обо всех его делишках. Лиофару удалось выяснить, что абдерит покинул родину не до нашествия мидян, а спустя несколько дней после того, как их войско проследовало через Абдеры. Кроме того, раньше он был куда более, чем беден. Богатство пришло к нему необъяснимым путем, буквально свалилось наголову. Еще вчера купец Клеодул подумывал о том, где бы раздобыть денег на новую партию товара, а наутро вдруг стал безмерно богат. Один из слуг клялся, что видел как несколько мидийских воинов внесли в сумерках в дом Клеодула тяжелый сундук. Наутро Клеодул стал богатым.

Еще Лиофару удалось выяснить, что купец водит знакомство

с аристократами, один из которых, Гофокл, был известен как близкий друг богача Ликида, подбивавшего афинян помириться с варварами. Полученные сведения вселяли в Лиофара уверенность, что он на правильном пути.

За эти дни, что он занимался разоблачением купца, горшечник ни разу не виделся с Педаритом. Однажды они повстречались на улице, но юноша поспешил зайти в медную лавку и оставался там до тех пор, пока Лиофар не прошел мимо. Это еще более настроило горшечника против подлого абдерита.

Брасим получил три драхмы и приказ разведать, когда купец собирается в гости к кому-нибудь из своих знакомцев-аристократов. Раб вернулся вдрызг пьяный и заплетающимся языком поведал, что слуга абдерита уверяет, будто его хозяин собирается на тайную встречу этой ночью.

Не успела луна занять свое место на небосклоне, как Лиофар уже сидел в кустах акации напротив дома купца. Он пробыл здесь почти до рассвета, изрядно продрогнув и едва не попавшись в руки ночной страже. Купец так и не вышел.

Домой горшечник вернулся, выбивая зубами частую дробь. Нещадно изругав раба, Лиофар дал ему драхму и отправил опохмеляться на агору, где должны были вот-вот появиться слуги купца. Теперь оставалось только ждать. Лиофар послонялся по дому, поругался с Фимингой, зашел между прочим в мастерскую, где во время отсутствия хозяина и Брасима творил Тердек. Увидев сосуды, сотворенные блудным сыном моря, горшечник пришел в такую ярость, что едва не пришиб раба куском обожженной глины, претендующей на то, чтобы считаться лутрофором[1]. На деле этот горшок походил на уродливую гидрию[2], украшенную варварским орнаментом. Запретив рабу трогать краски и пообщав поколотить его как только выпадет свободная минута, Лиофар вернулся в дом как раз вовремя, чтобы выслушать рассказ Брасима. Как выяснилось, подлый слуга подлого абдерита просто посмеялся над своим щедрым приятелем. Это Брасим узнал после первой чаши. Затем они выпили еще, и клеодулов раб начал молоть разную чепуху насчет того, что донесет на Брасима, проявляющего странный интерес к его хозяину. Выпив еще чашу по-скифски, слуга подобрел и поклялся, что этой ночью хозяин собирается пойти в Мелиту[3]. А знает он это вовсе не потому, что хозяин сказал ему, а потому, что желая попасть в Мелиту, приходится идти мимо холма Муз — место не слишком спокойное ночью, и на всякий случай Клеодул всегда берет с собой не только раба, но и пса. Для того, чтобы у пса было лучше обоняние, его целый день не кормят. Утром молоссов как раз не кормили, и склонный к логическому мышлению раб сделал вывод, что хозяин собирается на ночную прогулку.

Выслушав столь мудрое умозаключение, пересказанное хмельным Брасимом, горшечник призадумался. В Мелите жило немало аристократов, в том числе Гофокл и Ликид. Купец вполне

мог собраться в гости к кому-нибудь из них. Лиофар решил, что настало время для решительных действий.

К ночи он в сопровождении Брасима занял старый пункт наблюдений в акациевых кустах. Раб был вооружен увесистой дубинкой — на случай, если на них набросится пес или лихой человек, — Лиофар повесил на пояс длинный нож. На этот раз слуга подлого абдерита не обманул. Едва на небе зажглись звезды, возвещая, что все добропорядочные граждане легли спать, калитка приоткрылась и из нее выскользнули два силуэта. Собственно говоря, их было два с половиной, потому что рядом с людьми бежала огромная собака. Должно быть, купец рассчитывал, что ее нюх позволит ему обнаружить любую слежку, но лиофар и его помощник оказались хитрее. Брасим заранее разбросал у дороги рыбьи потроха, посыпанные порошком курга, начисто отбивавшим нюх у собак. Голодный пес, естественно, тут же сожрал требуху и в результате лишился своего главного оружия. Он пробежал совсем рядом с кустами, но не почувствовал запаха прячущихся там людей.

Прогулка по ночному городу — не самое приятное занятие. Негромко чертыхаясь, когда ноги попадали в вымоины, добровольные сикофанты следовали за абдеритом, заботясь лишь об одном — как бы не упустить его из виду. Хорошо еще, что было полнолуние, и тени купца и его спутников четко отпечатывались на белых стенах домов.

Чутье не подвело Лиофара. Купец и впрямь пришел к дому Гофокла. Оглядевшись по сторонам и не заметив ничего подозрительного — Лиофар и Брасим успели своевременно спрятаться за углом дома — абдерит постучал в калитку. Постучал особым образом. Через несколько мгновений калитка распахнулась, впустив людей и собаку внутрь. На улицу шерстяным покрывалом легла тишина.

Присев на камень, Лиофар принялся размышлять о том, что ему делать. Обвинить купца в тайных встречах с Гофоклом? Но это следовало еще доказать. А кроме того, абдерит мог заявить, что у него было какое-нибудь неотложное дело. Попробуй тогда докажи, что он лжет. Можно было, конечно, вновь обратиться с доносом в коллегию порядка, но магистраты уже однажды посмеялись над ним. Поразмыслив, Лиофар принял совершенно неожиданное решение. Он оставил Брасима стеречь заговорщиков и со всех ног бросился к дому, в котором остановились посланцы Спарты.

Позабыв о всех приличиях, горшечник барабанил в двери до тех пор, пока они не отворились. Взору горшечника предстали два могучих мужа с обнаженными мечами в руках. Один из них, что был в летах, не очень дружелюбно спросил:

— Что ты ищешь здесь ночью?

— Помощи! — воскликнул Лиофар. Горшечник торопливо объяснил, какое дело привело его сюда, не забыв честно упомя-

нуть и о том, почему он решил обратиться за помощью к спартиатам, а не в коллегию порядка. Внимательно выслушав этот рассказ, феоры переглянулись, затем старший сказал:

— Надо бы проверить.

— Это не наше дело, — попытался возразить второй, но его товарищ отрезал:

— Сейчас любое дело наше. Иди разбуди архонта Фемистокла. Скажи ему, что феор Аримнест просит его прибыть по неотложному делу к дому... Как зовут того человека?

— Гофокл! — подсказал Лиофар.

— К дому Гофокла. Да не забудьте взять стражу. А я пойду с этим человеком.

Спартиат кивнул и как был — в одном хитоне и босой — побежал по улице к жилищу Фемистокла. Старый феор вошел внутрь дома, надел сандалии и плащ, после чего присоединился к Лиофару.

— Пойдем.

Он мерял дорогу крупными решительными шагами, а Лиофар суетливо, словно собачонка, бежал рядом, с обожанием поглядывая на своего грозного спутника. Так они пришли туда, где ждал Брасим.

— Ну, что они делают? — спросил горшечник своего раба.

Тот пожал плечами.

— Не знаю. Никто не выходил, но зато еще два человека вошли в дом.

— Вот видишь! — торжествующе воскликнул Лиофар, обращаясь к спартиату.

Феор не разделил этого восторга.

— Пока ничего не вижу. И веди себя тише, а не то нас услышат.

Горшечник послушался и умолк. Они стояли в полной тишине, наблюдая за подозрительным домом, до тех пор, пока в конце улицы не появился блеск факелов.

— Это идет стража, — сказал спартиат. — Пойдем встретим их.

Он не ошибся. Это действительно была стража. Впереди шли второй спартиат и архонт Фемистокл, а следом — человек десять скифов, вооруженных луками и акинаками.

— Что же ты обнаружил? — поинтересовался Фемистокл у слегка оробевшего горшечника.

Тот повторил примерно то, что рассказал спартиатам, присовокупив, что его раб Брасим видел, как в подозрительный дом вошли еще два человека.

— Раб? — Архонт усмехнулся. — Не слишком-то я верю тому, что говорят рабы. Знай, горшечник, если в этом доме никого не окажется, тебе придется плохо.

— Окажется! — горячо заверил Лиофар и как бы между прочим добавил:

— Я знаю, как следует постучать, чтобы открыли калитку.

— Так стучи. Хотя нет, постой.

Фемистокл подозвал к себе командира стражей и велел ему сделать так, чтобы свет факелов не был виден. Тот кивнул и отослал часть своих воинов, державших факелы, за угол храма, добавив несколько слов на своем варварском языке. Затем он перешел на ломаное койне.

— Как только мы войдем в дом, они прибегут к нам и будет светло.

— Хорошо, — сказал архонт и велел Лиофару:

— Стучи, горшечник.

Кивнув головой, Лиофар направился к дому Гофокла. Фемистокл, спартиаты и стражники следовали за ним. Подойдя к двери, горшечник постучал. Точно так, как это делал подлый абдерит. Затем он затаил дыхание и принялся ждать. Ему пришлось пережить несколько томительных мгновений, прежде чем дверь приотворилась. Не дожидаясь, пока слуга рассмотрит ночного гостя, Лиофар, словно бык, ринулся вперед. Он сбил открывшего дверь человека, оступился и упал на него. Не успел сторож закричать, как Лиофар умело, словно всю жизнь только этим и занимался, ударил его кулаком в висок. Гофоклов слуга охнул и обмяк.

— Ловко, — шепотом похвалил старший из спартиатов, зашедший следом. Возбужденно дыша, за спиной толпились скифы.

— Если у Гофокла кто-то и есть, то они находятся в мегароне. Это там. — Фемистокл указал рукой в направлении тусклого огонька и удивленно хмыкнул. — Но там действительно кто-то есть. За мной.

Этот приказ относился к стражникам. Скифы рассыпались цепью и двинулись вслед за архонтом. Взбрехнула собака, почуявшая присутствие незнакомых людей. Один из скифов вскинул лук, и собака, взвизгнув, умолкла навсегда.

В мегарон первым ворвался Фемистокл. За ним вбежали спартиаты, стражники, к которым присоединились их товарищи с факелами. Последними протиснулись Лиофар и Брасим.

Взору незваных гостей предстала кучка ошеломленных людей, возлежавших вокруг уставленного вином и всевозможной снедью стола. Первым опомнился лысоватый плотный мужчина в красном хитоне. Это был хозяин дома Гофокл.

— В чем дело, Фемистокл?! — гневно воскликнул он.

— Вот это нам и предстоит выяснить, — процедил архонт. — Объясни мне по какому поводу вы собрались.

— Это обычный симпосиум.

— Что-то вы слишком припоздились. К тому же порядочные люди собираются на симпосиум засветло.

Гофокл прикинулся непонимающим.

— О чем ты?

— У меня есть свидетельство, что твои гости собирались ночью.

— Ложь! А впрочем, разве это запрещено?

— Добропорядочные граждане не должны ходить по городу ночью! — назидательно произнес Фемистокл. — А теперь ты назовешь мне имена своих гостей.

— Хорошо, — не стал перечить Гофокл. Он перечислил тех, кто находился в его мегароне. Кроме Клеодула здесь оказались два аристократа из филы Эанта[1], богатый купец-пагасец[2] и даже член буле.

Фемистокл быстро перешептался с командиром стражников, после чего он и его люди вышли, и продолжил допрос.

— О чем вы говорили?

— А по какому праву ты задаешь мне такие вопросы, Фемистокл? — взвился хозяин дома, решивший, что пришло время поставить этого выскочку-архонта на место. Его гости вели себя не столь вызывающе. Нетрудно было заметить, что они испытывают желание поскорее убраться из этого дома.

— По праву, данному мне народом Афин! — отрезал архонт. — Или ты думаешь, я позабыл о твоей подозрительной любви к мидянам?

— Ну ладно, допустим мы беседовали о любви и ненависти.

— И какое же из этих чувств сильнее?

— Мы не пришли к единому выводу.

— Напрасно. Ненависть сильнее, Гофокл, и потому нетрудно объяснить причину, из-за которой вы здесь собрались.

— Попробуй, — предложил аристократ, пытаясь выглядеть уверенным. Но от глаз Лиофара не укрылось, что Гофокл побледнел.

— Всему свое время.

Фемистокл замолчал, давая понять, что более не расположен продолжать эту беседу. Однако Гофокл не успокаивался.

— Будь откровенен, Фемистокл, признайся, что ты просто мстишь мне за мое высокое происхождение.

— Чепуха! — резко возразил архонт.

Вновь установилась тишина. Гости Гофокла переглянулись и не придумали ничего лучшего, как вновь приняться за вино.

— Присоединяйтесь, раз уж пришли, — предложил хозяин дома, указывая на полуопустошенный кратер. Фемистокл отрицательно покачал головой.

Все это время, что они находились в мегароне, горшечник сверлил взглядом подлого абдерита, ничуть не сомневаясь, что погубил своего врага. Почувствовав, что на него кто-то смотрит, купец также взглянул на Лиофара и на его лице отразилась целая гамма чувств, самым сильным из которых был страх. «Будешь знать, как уводить чужого возлюбленного!» — злорадно подумал горшечник.

Тем временем шум в доме, начавшийся сразу после того, как

стражники покинули мегарон, усиливался. Гофокл стал нервничать, на расспросы не отваживался. Наконец вернулся предводитель стражников. Он передал Фемистоклу небольшой мешочек и что-то прошептал ему на ухо. Архонт удовлетворенно улыбнулся.

— Ответь мне, Гофокл, откуда в твоем доме мидийское золото?

— Не знаю ни о каком золоте! — без промедления отреагировал хозяин.

— А как ты объяснишь в таком случае вот это? — Фемистокл высыпал содержимое мешочка на стол. Глухо зазвенели ослепительно яркие, новенькие дарики.

— Это не мое.

— А чье же?

— Откуда я знаю? Может быть ты сам принес это золото в мой дом.

— Может быть. Но твои слуги оказались куда как разговорчивы.

— Раб не может свидетельствовать против господина.

Фемистокл не стал спорить и в этот раз.

— Не может. Однако я рассчитываю найти немало подобного золота. Не так ли, уважаемый Клеодул?

Абдерит смертельно побледнел. Не дожидаясь ответа, Фемистокл собрал монеты и сложил их обратно в мешочек. Затем он торжественно произнес:

— Гофокл и все остальные, именующие себя его гостями, властью, данной мне афинским народом, я объявляю вас арестованными по подозрению в сговоре с нашими врагами мидянами. Стража отведет вас в городскую тюрьму...

Так закончилась эта история, в которой горшечник спас родное государство. Гофокл и его гости сознались, что намеревались склонить афинян подчиниться мидийскому царю и приняли деньги от царского посланца Клеодула. Абдерит в свою очередь сообщил, что десять тысяч дариков, обнаруженные в его доме, были предназначены для подкупа недовольных и для организации бунта. Гелиэя признала всех шестерых виновными в заговоре против афинского народа и приговорила их к смерти. Имущество осужденных было конфисковано в пользу государства.

Архонту Фемистоклу была вынесена благодарность от имени афинского народа. Такую же благодарность получили спартанские феоры.

Горшечник Лиофар был назначен в коллегию порядка и награжден за бдительность. Но самой большой наградой для него было возвращение Педарита.

Раб Брасим получил от хозяина пять драхм и здорово напился, за что на следующий день был примерно наказан.

Жизнь шла своим чередом.

* * *

Бойтесь мести оскорбленной женщины!

Елена ничего не забыла и не простила. С той самой ночи она возненавидела Леонтиада, хотя внешне все оставалось по-прежнему. Она была улыбчива и ласкова, ни одним словом, ни единым жестом не выдавая своих истинных чувств. Беотарх все же ощущал свою вину и пытался загладить ее. Он подарил наложнице золотую диадему, перстень с алмазом и очень дорогую шелковую тунику. По его приказу с горных пастбищ привели вороного нервного жеребца, который был также предназначен Елене. В общем, он был очень мил, верно, его жена была б просто счастлива, если бы он уделил ей хоть крохотную толику такого внимания. Кельтянка радостно улыбалась, получая очередной подарок, но ее душу переполняла замешанная на оскорбленном самолюбии ненависть. Ночью она ласкала своего господина, а оставшись одна, думала о том, как отомстить ему.

За беотархом Леонтиадом числилось немало грязных делишек. Узнай фиванский демос про них, и это могло бы повредить Леонтиаду, но не погубить его. А Елена жаждала именно погубить. И потому ей нужно было найти такое обвинение, опровергнуть которое не смогли б ни золото, ни власть беотарха, а приговор за которое мог быть только один — смерть.

Девушка перебрала в уме все, что ей было известно о Леонтиаде, и постепенно пришла к выводу, что нечто необычное произошло в этом доме именно в ту ночь, когда ей было нанесено страшное оскорбление. Она лично была свидетельницей того, как в дом беотарха прибыли два таинственных гостя. Таинственных потому, что Трибил сразу увел их в дом, а затем разогнал любопытных слуг, велев им не показываться в покоях хозяина. Даже вино, фрукты и воду для омовения он отнес гостям собственноручно, хотя обыкновенно этим занимались служанки Тиверка и Мелакена. Все говорило о том, что Трибил пытался держать приезд гостей в тайне. Он желал, чтобы никто не знал о них. А значит, этого желал и Леонтиад.

Ночью в мегароне горели свечи. Много свечей. Вернувшийся с объезда пастбищ Леонтиад пировал с гостями. Беотарх покинул дом ближе к полудню, громогласно объявив, что едет осматривать свои табуны. В этом не было ничего необычного, если бы не одно обстоятельство. Леонтиад вернулся еще засветло, а значит, он мог побывать лишь в Пятнистой долине. Для того, чтобы добраться до дальних пастбищ ему просто не хватило бы времени. Допустим, Леонтиад и впрямь был в Пятнистой долине. Но в этом случае сразу возникал вопрос: зачем? Ведь он был там всего три дня назад. Елена сделала вывод, что беотарху просто было нужно, чтобы в случае чего слуги могли подтвердить, что в момент приезда гостей хозяина не было дома.

Пировал он с таинственными визитерами довольно долго, но выпил совсем мало и был взбешен. Обычно все бывало наобо-

рот — беотарх основательно прикладывался к килику и приходил в опочивальню Елены веселый и ласковый. Раз он почти не пил, значит у него был серьезный разговор и вдобавок неприятный, потому что беотарх был выведен из себя.

Загадочные гости, ночной пир, неприятный разговор... Все это наталкивало на мысль, что Леонтиад в ту ночь встречался с мидийскими посланцами, которых позднее нашли убитыми в овраге за городом.

Теперь требовалось лишь подтвердить эту догадку, после чего можно было смело отправляться в городской совет к кожевеннику Топасту, про которого говорили, что он злейший после Гохема враг всех аристократов, в первую очередь Леонтиада. Но как подтвердить? Тайна была известна лишь четверым. Двое — послы-мидяне — мертвы. Остаются Леонтиад и Трисил. От беотарха, конечно, ничего не узнать. Он прекрасно понимает, что подобное признание может стоить ему головы. Оставался Трибил — пес, преданно служащий своему хозяину, пес, которого нельзя купить ни за какие деньги. Ни за какие! Но Елена знала силу своих чар, способных свести мужчину с ума.

Хватило пары взглядов, чуть более долгих, чем обычно, и Трибил стал спотыкаться, едва завидев ее. Затем он вдруг переменил место прогулок. Если раньше он прохаживался вечерами по розовой аллее, то теперь стал гулять на поляне под окнами наложницы беотарха в надежде поймать ее взгляд. Однажды Елена обнаружила на полу своей комнаты букет цветов, заброшенный в окно. Это означало, что крепость близка к сдаче. Воспользовавшись отсутствием Леонтиада, который был приглашен в гости к знатному аристократу из Платей, Елена довела свою игру до конца. Когда стемнело, она завлекла помощника беотарха в свои покои. Вполне естественно, что Трибил не смог сдержать свое естество, оказавшись в объятиях прекрасной кельтянки. Теперь он был полностью в ее руках, и сам понимал это. Ведь узнай Леонтиад о том, что случилось, Трибилу не сносить головы. Потому он был вынужден рассказать все, что произошло той ночью в доме беотарха, а также признался, что на обратном пути он, Трибил, по велению своего господина убил обоих посланцев и устроил все так, чтобы подозрение пало на оружейника Гохема.

Трибил рассказал обо всем этом и, похоже, сам испугался того, что сделал. Елена поспешила успокоить его. Исступленно целуя покрытое неприятными оспинными пятнышками лицо Трибила, она горячо шептала:

— Ничего. Ничего не бойся. Мы поведаем, как все было, городскому совету, и они помилуют тебя. А может быть, даже наградят. Ведь ты убил мидян, врагов Эллады. А вот твоему хо-

зяину несдобровать. Они его казнят. Повесят, а потом разрубят на куски. Сразу после этого мы с тобой уедем отсюда. И я буду твоей всегда. Всегда!

Жаркие ласки кельтянки сводили бедного слугу с ума. Он вновь и вновь овладевал этой женщиной, окончательно отрезав себе путь к отступлению.

Когда пропел первый петух, Елена поднялась с ложа, представ во всей своей ослепительной наготе, и властно произнесла:

— Значит так, мы сегодня же пойдем к кожевеннику Топасту и расскажем ему обо всем — и о послах, и о том, как вы подстроили дело с Гохемом. И тогда ты получишь меня навсегда. В противном случае я буду вынуждена признаться Леонтиаду, что произошло между нами сегодня. Как ты ворвался в мои покои и силой овладел мной. Ты, конечно, будешь все отрицать, расскажешь как все было на самом деле, будешь клясться, что я пыталась заставить тебя донести на господина. Но я не думаю, что он поверит тебе. Неужели глупая рабыня может додуматься до такого. Да и зачем ей желать зла господину, который так добр к ней. — Кельтянка рассмеялась, видя как испуганное лицо Трибила подрагивает неровным тиком. Затем она указала рукой на дверь. — А теперь ступай отсюда. И помни, ты должен договориться о встрече с Топастом до полудня, прежде, чем возвратится Леонтиад, иначе... Иначе я сделаю то, что обещала!

Трибил смог вымолвить лишь одно единственное слово:

— Хорошо.

Он набросил хитон и тихо, чтобы не заметили слуги, выскользнул из покоев наложницы.

Теперь оставалось только ждать. Хотя Елена и была уверена, что Трибил сделает все как она ему велела, в глубине души копошился подленький страх. Внешне все было как обычно. Кельтянка поела, помогла прибрать дом, затем долго гуляла в саду, но она не всегда могла унять нервную дрожь и нет-нет да поднимала голову, прислушиваясь, не скачет ли возвращающийся Леонтиад.

Трибил не подвел. Повара еще готовили полуденную трапезу, когда он вошел в покои Елены и, хмурясь, произнес:

— Я сделал все, как ты велела. Топаст ждет нас. Мы можем отправиться к нему сразу после обеда.

— Нет, сейчас! — решительно сказала Елена.

Топаст странно взглянул на свою госпожу и после небольшого колебания согласился:

— Ну хорошо, пойдем сейчас. Но что мы скажем слугам?

— Разве ты должен докладываться им?! Мы идем в город, чтобы купить мне новую одежду. Ведь ты хочешь, чтобы на

нашей свадьбе я была в новой красивой одежде? — Помощник беотарха кивнул. — Тогда обожди меня. Я переоденусь.

Топаст послушно вышел из покоев наложницы. Вскоре появилась и Елена. На ней был новый, подаренный Леонтиадом хитон, поверх которого был накинут пеплос, складывающий очертания изящной фигурки. Лицо девушки было бледно, губы казались бескровными. Она кивнула Трибилу и коротко приказала:

— Идем.

Тот повиновался.

Они вышли из дома и двинулись вверх по извилистой, обезображенной рытвинами улице. Там, где нужно было преступить через канаву или лужу, оставшуюся после вчерашнего дождя, Трибил подавал Елене руку. От него не укрылось, что ладонь девушки горяча и заметно подрагивает. Трибил же внешне был совершенно спокоен.

Дорога впереди разветвилась. Левая вела к зданию городского совета и агоре, однако Трибил взял вправо.

— Ты куда? — спросила девушка, останавливаясь.

— К Топасту, — ответил Трибил и добавил:

— А ты полагала, он будет ждать нас в городском совете? Там полным-полно друзей хозяина, а кожевенник хочет сохранить пока все в тайне. Ему надо заручиться поддержкой Демоса, прежде чем он выдвинет подобные обвинения против беотарха и спарта.

Это объяснение показалось Елене вполне убедительным, и она пошла вслед за Трибилом. Миновав несколько десятков небольших домиков — в таких живут горшечники, кузнецы и прочий мастеровой люд — спутники свернули в небольшую улочку. Через несколько шагов Трибил остановился.

— Здесь. — Он испытующе посмотрел на Елену. — Сейчас ты предстанешь перед Топастом. Не передумала? А то ведь еще не поздно повернуть назад, пойти на агору и действительно купить тебе сандалии или красивую хламиду.

Елена на мгновение заколебалась, но потом покачала головой.

— Нет.

— Ну хорошо, тогда пойдем. Но прежде запомни: Топаст очень неразговорчивый человек. Не удивляйся, если не услышишь от него ни единого слова. Когда-то в детстве его испугала собака, и с тех пор он сильно заикается. А так как он стеснителен, то обычно в разговоре ограничивается тем, что кивает головой. Я предупредил его, что ты наложница Леонтиада и хочешь сообщить ему что-то очень важное. Он дал согласие выслушать тебя, но попросил быть покороче. Постарайся изложить суть дела.

После этого весьма странного наставления Трибил толкнул

рукой пискнувшую дверь и посторонился, давая Елене пройти первой. Кельтянка решительно шагнула через порог, створка двери с треском сомкнулась, отрезая путь к отступлению.

Через полутемный коридор они прошли в комнату, где ждал кожевенник. Топаст оказался могучего сложения человеком с короткой бычьей шеей. Его налитым силой рукам мог позавидовать любой богатырь. То были руки кожевенника, ежедневно мнущего свежую кожу. Хозяин дома расположился на массивной лавке, которая была под стать его громадному телу. При появлении гостей он поначалу не обратил на них никакого внимания. Елена кашлянула, а Трибил зачем-то притопнул ногой. Лишь после этого кожевенник поднял свою массивную с залысинами на лбу голову и внимательно посмотрел на девушку.

— Говори! — шепнул Трибил. — Он слушает.

Елена сделала шаг вперед и посмотрела в глаза сидящему перед ней человеку.

— Кожевенник Топаст?

Кожевенник взглянул на Трибила, стоявшего чуть позади девушки, и утвердительно кивнул. Тогда Елена начала быстро говорить.

— Я хочу сообщить тебе как члену городского совета об одном преступлении, в котором таится угроза всему фиванскому народу. — Топаст вновь качнул головой. — Я наложница беотарха Леонтиада. Меня зовут Елена. — Топаст кивнул. — Ты, верно, слышал о мидийских посланцах, которые были найдены неподалеку от города? — Кожевенник вновь склонил голову. — Так вот, я точно знаю, что они приезжали вовсе не к оружейнику Гохему, как решил суд фиванских граждан, а к Леонтиаду и вели с ним переговоры относительно того, как подчинить Фивы власти мидийского царя. При этих переговорах присутствовал известный тебе Трибил, он может подтвердить правоту моих слов. — Топаст дважды качнул головой. — Однако в конце концов Леонтиад решил не рисковать, связывая свою судьбу с судьбой мидийского царя. Он отверг предложения послов и... — Кожевенник в очередной раз кивнул, причем совершенно в неподходящий момент. Елена слегка удивилась, но решила не придавать этому значения. — Тогда он велел своему слуге Трибилу убить их, а для того, чтобы снять с себя подозрение, составил фальшивое письмо, якобы переданное оружейником Гохемом мидийскому царю. Послы покинули его дом еще затемно, а по дороге к морю были убиты Трибилом. Так Леонтиад избавился не только от свидетелей, но и от опасного соперника.

Елена прервала свой сумбурный рассказ. Неразговорчивый кожевенник вновь качнул головой.

— Он хочет знать, откуда тебе это известно, — шепнул девушке на ухо Трибил.

— Ты сам рассказал мне об этом, — почему-то тоже перейдя на шепот, ответила ему Елена. — А почему он сам не спросит у меня?

Трибил словно не расслышал вопроса.

— Но ведь ты что-то знала еще до того, как я рассказал тебе о встрече Леонтиада с послами. Откуда?

— Я догадалась.

— Действительно? — Трибил издал короткий смешок. — Так и скажи ему.

Девушка повернула лицо к Топасту.

— Я догадалась обо всем этом. Сказанное мной может подтвердить Трибил. Да, я забыла сказать, что мы оба готовы выступить с обвинением против Леонтиада перед городским советом, но прежде ты должен пообещать, что мне будет дарована свобода, а Трибил будет освобожден от наказания за убийство мидян. Кроме того, мы оба должны получить по тысяче драхм, а я еще, кроме того, лошадь и нескольких сопровождающих, которые помогут мне вернуться на родину.

Кожевенник в который раз кивнул.

Не зная, что следует делать дальше, девушка на всякий случай велела:

— Трибил, подтверди, что все, сказанное мной, правда.

— В этом нет необходимости! — раздался сзади до боли знакомый голос.

Елена обернулась. Рядом с ухмыляющимся Трибилом стоял Леонтиад. За его спиной колыхались складки драпировки, отделявшей небольшой угол комнаты, где спрятавшийся беотарх выслушивал откровения своей наложницы. Девушка побледнела. Однако Леонтиад вовсе не выглядел рассерженным. Казалось, происходящее даже забавляет его.

— Вот, значит, как ты решила отплатить мне за мою доброту, — задумчиво произнес он. — Почему?

— Ты оскорбил меня! — ответила девушка после мимолетного замешательства.

— Да, но ведь я, как мог, старался загладить свою вину.

— Такое оскорбление у кельтов смывается лишь кровью!

— Отчего же ты тогда не вонзила мне в горло нож?

— Я слишком слаба, чтобы справиться с тобой.

— Ну а когда я спал?

— Меня не учили убивать человека, который не в состоянии сопротивляться. — Елена решила, что пришло ее время задавать вопросы. — Значит, все это лишь спектакль, разыгранный тобой, а Топаст твой сообщник?

— Это вовсе не Топаст. Это мой раб. Он занимается тем, что кастрирует жеребцов и боровов. Он очень хороший работник. А еще он хорош тем, что никогда не донесет на своего хозяина. Он просто не сможет этого сделать, потому что у него нет языка, а кроме того он почти не слышит. — Леонтиад усмехнулся. — Идеальный человек, чтобы сохранить тайну. Так что же мне сделать с тобой?

Елена чуть запрокинула голову, обнажая белоснежную с нежной ямочкой шею.

— Убей!

Губы Леонтиада скривились в новой усмешке.

— Убить? Убить рабыню, которая обошлась мне в целый талант? Это было бы слишком расточительно. Пожалуй, вот что, я отдам тебя рабам-филистимлянам — грязным, отвратительным, которые творят с женщинами гнусности, о каких даже не хочется рассказывать.

Он рассчитывал увидеть испуг на лице наложницы, но она внезапно рассмеялась.

— И потеряешь свой талант.

— Да, ты права. Я не хочу терять свои деньги. Но как мне поступить, чтобы ты не донесла на меня? Как?

Елена пожала плечами. Леонтиад взглянул на своего помощника.

— Как, Трибил?

— Как с ним, — ответил слуга, кивая в сторону Лже-Топаста.

— Пожалуй, ты прав.

— Нет! — выдавила Елена.

— Прости, у меня нет иного выхода. Я не хочу лишиться головы.

— Нет, — вновь прошептала девушка. Она бросилась к окну, однако оно оказалось слишком узким. Трибил и раб схватили наложницу за руки. Леонтиад смеялся, впрочем, через силу.

— Ты сама этого захотела.

Он кивнул немому рабу и в руках того появился острый кривой нож. Елена хотела закричать, но Трибил сжал ладонью ее горло. Затем мучители повалили жертву на пол. Леонтиад отвернулся, не в силах смотреть на это зрелище. Прошло несколько мгновений, и девушка сдавленно вскрикнула.

— Все кончено, хозяин, — сказал Трибил. Беотарх медленно повернул голову. Правая щека его подергивалась, и Леонтиад был вынужден прижать к ней руку.

Елена сидела на полу. Из ее рта текла кровь, а глаза были переполнены слезами. Немой раб держал в руке кусочек плоти, еще недавно бывший девичьим язычком, столь сладостным при поцелуях. Горло беотарха схватила спазма, и он несколько раз

сглотнул. Затем на его губах появилась вымученная улыбка.

— Вот и все. Когда стемнеет, увезете ее в горы, в мой охотничий домик. — Беотарх перевел взгляд с Елены на Трибила. — Как же все-таки ты, Трибил, догадался о ее замыслах?

Слуга рассмеялся. Смех этот походил на воронье карканье.

— Она начала строить мне глазки, и я сразу смекнул, что она что-то задумала. Иначе с чего это вдруг ей завлекать меня — слугу, к тому же не отличающегося ни красотой, ни статью. Господин видит, что я не ошибся.

— Да, ты самый проницательный человек во всей Элладе, — без намека на иронию подтвердил Леонтиад. — Я уже не раз имел возможность убедиться в этом. Ты спас мне жизнь, и я обязан тебе. Можешь просить меня о чем хочешь.

— Мне доставляет радость служить моему господину, — ответил Трибил.

— Я должен быть счастлив, что у меня такие верные слуги. Скажи, Трибил, только честно, тебе понравилось ее тело? — Слуга замялся. — Говори, не бойся. Неужели ты думаешь, что после всего, что произошло, я испытываю к этой шлюхе какие-нибудь чувства?

Трибил немного помялся, затем из его уст вылетело признание.

— Она была восхитительна, мой господин. Я не встречал женщины более прекрасной.

— И все же выдал ее, — задумчиво вымолвил Леонтиад.

— Я верно служу господину.

Беотарх словно не расслышал этих слов.

— И ты целовал ее лицо, грудь, ласкал бедра, кусал ее губы... — Последние слова Леонтиада походили более на змеиное шипение. Трибил против своего желания вздрогнул.

— Но так было угодно господину.

— Конечно, конечно. Я не виню тебя. — Леонтиад прикусил губу и после небольшой заминки решил. — Я переменил свои планы. Возьми мой меч и перережь этой шлюхе горло. Или ты отказываешься это сделать? — зловеще осведомился беотарх.

— Как будет угодно господину, — пробормотал побледневший Трибил. Не удержавшись, он искоса взглянул на Елену. Та оставалась совершенно безучастной.

— Тогда держи.

Леонтиад извлек из серебряных ножен короткий меч и протянул его слуге. Было в этом жесте нечто угрожающее, заставившее Трибила заколебаться. Однако он все же шагнул к своему господину и протянул руку. Клинок вошел в его живот мягко, словно в брусок масла. Охнув, Трибил схватился за запястье бео-

тарха. Леонтиад вырвался и сделал кругообразное движение мечом, выворачивая наружу синеватые кишки. Затем он выдернул меч и двумя стремительными движениями вытер его о хитон оседающего на пол слуги.

Трибил умер не сразу. Находившиеся в комнате люди внимательно следили за агонией: Елена безучастно, беотарх с сардонической гримасой на лице. В глазах раба плескался ужас и он спрятал взор, старательно уставив его себе под ноги. Но вот из глотки слуги стали вырываться судорожные всхрипы. Тогда беотарх нагнулся к своему бывшему помощнику и негромко сказал:

— Не стоило тебе, Трибил, спать с этой женщиной. И тем более не стоило выдавать ее. Прощай, и да будет милостив к тебе Харон.

Трибил дернулся в последний раз и затих. Беотарх выпрямился. Подозвав к себе жестом руки немого раба, он приказал:

— Закопаешь это за домом. Ее увезешь в охотничий домик и будешь стеречь пуще своих глаз. Если с ней что-нибудь случится, я сдеру с тебя живого кожу! И смотри, чтоб никто вас не видел!

Раб заискивающе растянул губы и часто закивал головой, показывая, что он все понял. Беотарх в последний раз взглянул на изувеченную девушку и ушел.

Когда стемнело, немой закопал труп. Затем он накрепко спеленал Елену и отвез ее в горы, где в укромном месте меж скал стоял небольшой домик.

Не прошло и дня, как появился Леонтиад. Во вьюках, притороченных к седлу коня, были разноцветные туники, самые дорогие украшения и сладости. Так много сладостей, что они едва уместились на столе.

Сидевшая на покрытом льняным полотном ложе, Елена безучастно отнеслась к появлению Леонтиада. Девушка лишь взглянула на него и тут же отвернулась. Тогда Леонтиад медленно приблизился к ней и встал на колени.

— Елена, — тихо шепнул он. Кельтянка не отреагировала, и тогда он вновь повторил, так тихо, что едва услышал сам:

— Елена.

В голосе беотарха звучала неподдельная боль, и девушка, не удержавшись, взглянула на него.

Леонтиад плакал. По-настоящему. Как плачут мужчины, когда им очень плохо. Он вытащил меч, тот самый, которым убил Трибила, и протянул его девушке. Усмехнувшись, она взялась за посеребренную рукоять. Беотарх затаил дыхание, готовый умереть. Но смерть не пришла. Меч звякнул, вонзившись в пол. Елена обняла голову мужчины ладонями и прижала его мокрое от слез лицо к своей груди.

Она не простила, но уже не могла ненавидеть. Странно, но, пожалуй, она была счастлива.

Эта ночь была бесконечна и согрета любовным жаром. Холодным оставался лишь меч. Любовь согревает все, даже камни. Лишь острому металлу нужна кровь. Меч тосковал по крови.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Время точить мечи — 2

Мир полон загадочных существ...

Аристоника уже прежде бывала в этом дворце. В своих грезах. Хотя последовавшая за ними явь была ужасна — пифия и по сей день помнила прикосновение ледяного взгляда Мрачного гостя, — но память упорно возвращалась к чудесному видению. Аристоника пыталась проникнуть туда вновь, но непонятная сила, упругая и влажная, не пропускала ее сознание, бесцеремонно отталкивая его прочь. Попытки раз за разом терпели неудачу, но пифия не оставляла их. Ей почему-то казалось, что узнай она тайну дворца, и Мрачный гость более не будет посещать ее сны.

И потому она почти ежедневно приходила в священную пещеру, даже когда не было нужды в пророчествах. Криболай сопровождал ее.

Раздевшись донага, Аристоника садилась на треножник, вдыхала ядовитые пары и впадала в забытье. Душа покидала тело и отправлялась в призрачные странствия. Она побывала в стране холодных оборотней, именующих себя торегасками, видела огненные пустыни третьего полушария, едва спаслась от ледяного ящера Атрогуна. Пифия посетила множество диковинных миров, но мир дворца не принимал ее, возвращая душу в исстрадавшееся, больное тело. И Аристоника уходила, чтобы вернуться на следующий день вновь.

Свод и стены пещеры привычно исчезли, перед глазами замелькали мириады золотых блесток. Их сменили оранжево-фиолетовые круги с черной дырой посередине. Словно гигантские разноцветные обручи, они облаками проплывали мимо и исчезали за границами сознания. Затем они растаяли. Зажглись зеленые сполохи. Подобные тем, что бывают в очень сильную грозу. Сполохи становились все гуще, пока не превратились в сплошную стену. Затем стена развалилась на мириады осколков, и Аристоника увидели перед собой дверь.

В этом мире она уже бывала. И не раз. Пифия была уверена в этом, так как правый верхний угол двери был чуточку отбит. За дверью жил голубой лев. Он любил рассказывать сказки, а когда гость впадал в сладкую дрему, лев пожирал его. Аристоника открыла дверь. Голубой лев поднял голову и тут же завел свою бесконечную историю:

— Солнце встает над страной Таргу, где все цветы голубые, а трава с золотистым оттенком. В стране Таргу я однажды повстречал Куга, мудрого зверя...

Пифия уже слышала это. Дальше мудрый Куг должен был запеть песни-луфты. Сначала весеннюю, потом летнюю. До

осенней дело обычно не доходило, потому что лев съедал слушателя.

Помахав голубому льву рукой, Аристоника захлопнула дверь.

Следующая была незнакома. Она была сколочена из свежеструганных кедровых досок и вкусно пахла деревом. Так пахнут погребальные костры вельмож. Осторожно приотворив дверь, пифия заглянула внутрь. Мир, который предстал ее глазам, походил на сладкую детскую мечту. На голубых лужайках, разбросанных промеж скал и небольших кедровых рощ, резвились красивые беззаботные люди. Тела их были стройны и мускулисты, кожа имела тот золотистый оттенок, который бывает, когда солнце не жжет, а ласкает ее. Люди бегали друг за другом и с радостным смехом падали на пушистую траву. Аристоника залюбовалась этими прекрасными созданиями, похожими не на смертных, а на героев или на куросов[1] и харит[2] делосских ваятелей. Внезапно откуда-то появилась группа странных существ. Отдаленно смахивающие на людей, только тела их были покрыты серой чешуей, образовывающей жесткие выступы на плечах, коленях и локтях, они восседали на уродливых животных, являвших собой нечто среднее между лошадью и птицей; голова «скакунов» напоминала змеиную, конечностей было шесть. Монстры набросились на беззаботных людей и начали пронзать их кривыми трехлезвийными мечами. Аристоника поспешно захлопнула дверь.

За третьей дверью жили синие птицы. У них были красные, словно налитые кровью, глаза и очень неприятный голос. Питались синие птицы падалью.

Потом была четвертая, пятая, шестая дверь... Кое-где Аристонике уже приходилось бывать, кое-куда она попала впервые. Миры были бесчисленны. Пифия устала и начала задыхаться. Пришло время возвращаться домой. Перед тем, как повернуть обратно, Аристоника толкнула последнюю дверь, выкрашенную в черно-белую клетку. Толкнула машинально, ни на что не рассчитывая.

Это был дворец. Аристоника поспешно проскользнула внутрь.

Видимо, празднества были в этом мире обычным делом. Как и в первый раз, дворец был заполнен мириадами диковинных существ, чинно прохаживающихся по полированному полу. Мастер-иллюминатор постарался на славу. Все искрилось, переливалось, сверкало. Под потолком и вдоль бесконечных стен были развешаны огоньки, точно такие, что скрывались в прозрачных основаниях колонн; вся зала искрилась блестками диковинного фейерверка.

Аристоника несколько мгновений полюбовалась этим зрелищем, а затем начала пробираться сквозь толпу. Она шла мимо огромных монстров, похожих на человека и на гору сразу, мимо людей с блеклой кожей, мимо крылатых женщин. Время от вре-

мени ей встречались существа, сутью похожие на нее. Одно из них — тщедушный прозрачный старичок с козлиной бородкой — игриво подмигнуло пифии. Аристоника не ответила ему и пошла дальше. Она не знала точно, как долго бродила по зале, пока не пересекла ее вдоль. Здесь в гранитную стену была врезана высокая золоченая дверь, преграждавшая путь во внутренние покои. Ее охраняли существа, подобные тем, что некогда сопровождали Мрачного гостя в Дельфах. Аристоника испугалась. Она затаилась за пузатым морщинистым созданием, не зная, что делать дальше. В этот миг к двери приблизилась разношерстная компания, состоящая из самых невероятных монстров. Пифия решила рискнуть. Выскользнув из-за колонны, она прижалась к прозрачному старичку, точной копии того, что заигрывал с ней прежде. Быть может, это и был он. Старичок не протестовал, напротив, по его физиономии разлилась блаженная улыбка. Он приобнял Аристонику, и они вместе миновали ужасную стражу.

Опасность миновала. Вместе с ней исчезла и потребность в сластолюбивом старичке. Но тот никак не желал расстаться с приглянувшейся ему подружкой. Нежно поглаживая Аристонику эфемерной лапкой по бедру, он закатывал глаза и кивал головой в сторону укромного уголка, где, судя по всему, намеревался предаться любви. Аристонике с большим трудом удалось избавиться от надоедливого ухажера, воспользовавшись тем, что их разъединила кучка весело ухающих существ. Ей пришлось дожидаться, пока огорченный неудачей старичок не отправится по своим делам, прежде чем она смогла продолжить свой путь в неизведанное.

Дворец был бесконечен. Аристоника блуждала по нему целую вечность. Несколько раз она наталкивалась на диковинных созданий, однажды едва избежала встречи со стражей. Она побывала в комнатах, отделанных черным панбархатом и белоснежным шелком, полюбовалась диковинными статуями, подивилась на груды золота, блестящих камней и жемчуга, доверху наполнявшие несколько помещений, однако разгадки своей тайны не нашла.

Наконец, ее внимание привлекла дверь, точно такая же, через какую она попала в мир дворца. По бокам от двери были установлены две статуи, как две капли воды похожие одна на другую. Только одна из статуй была из багрового, почти черного гранита, вторая — из белого мрамора. Затаив дыхание, Аристоника подкралась к двери и проскользнула внутрь.

Комната, в которой она очутилась, была невелика. Добрую треть ее занимал стол, заставленный всякими странными приспособлениями. Сбоку от стола располагалось ложе, над которым висели два плаща и две маски. Те, что справа, были белого цвета, другая пара — черного. У ложа лежал диковинный ковер, сплетенный из блестящих полос. За столом в высоком резном кресле сидел человек. Он находился спиной к двери и потому не заметил Аристонику.

Пифия сделала небольшой шажок. Человек не шевелился. Аристоника осмелела и, крадучись, двинулась вперед. Когда она была на расстоянии вытянутой руки от кресла, за спиной вдруг послышалось угрожающее шипение. Пифия повернула голову и вскрикнула от ужаса. То, что она приняла за ковер, превратилось в огромного змея. Встав на хвост, змей смотрел на незваную гостью, медленно покачивая головой. Воротник на его шее угрожающе раздувался, в глазах горели ослепительно-желтые огоньки.

Раздался смех. Аристоника вновь обернулась. Хозяин дворца поднялся из кресла и стоял перед пифией. На этот раз он был без шлема и она могла видеть его лицо — прекрасное и в то же время холодное, словно вода Кастальского ручья.

— Ты все же пробралась сюда, — произнес он знакомым металлическим голосом, от которого пифию пробрала дрожь. — Хотя я предупреждал тебя не делать этого. Ни один человек не смеет знать моих тайн. Дай руку.

Аристоника против своей воли повиновалась. Мрачный гость привлек ее к себе и заглянул в самую глубину души. Глаза его были пугающе-бездонны. В них была сила, способная познать то, что еще не было ни свершено, ни даже задумано.

— Я сделаю то, чего хочешь ты, а мой Пифон сделает то, что хочу я.

Хозяин дворца обнял Аристонику и прильнул к ее губам. Застонав от наслаждения, женщина начала растворяться в его объятиях. В столь сладких объятиях...

Криболай внимательно следил за погруженной в транс пифией. Поначалу все было как обычно. Пифия медленно покачивалась и издавала невнятные звуки. Затем она вдруг задрожала и несколько раз вскрикнула. В этом крике звучал ужас. Встревоженный жрец хотел снять Аристонику с треножника и привести в чувство, но внезапно женщина улыбнулась и принялась ласкать свою грудь. Кусая губы, Криболай следил за тем, как руки Аристоники медленно ползут по бедрам, раздвигая их. Рот жреца заполнился вожделеющей слюной. Криболай сглотнул ее и начал медленно приближаться к пифии. Он уже протянул к ней руку, собираясь коснуться сладострастно вздрагивающего тела, когда из-под земли донесся негромкий свист. Криболай вздрогнул. Свист повторился. На этот раз он был чуточку сильнее. Затаив дыхание, жрец осторожно нагнулся и заглянул в расселину. Из клубов удушливого пара на него смотрели два огненных глаза, каждый размером с ладонь, затем из уродливой пасти показался длинный раздвоенный язык. Криболай закричал от ужаса и бросился бежать. Однако ноги отказались повиноваться ему, жрец рухнул на землю. Он лежал и наблюдал, цепенея от ужаса, за тем, как из белесого облака появляется гигантский змей, тот самый, которого в Дельфах величали Пифоном.

Пифон всполз вверх по треножнику, обвил тело Аристоники и

уставился на нее немигающими зрачками. Затем он медленно раскрыл пасть и начал надвигаться на жертву...

Объятия Мрачного гостя были подобны прикосновениям медных канатов, а ласки неистовы. Аристоника задыхалась от наслаждения, чувствуя, как могучие руки все крепче обхватывают ее тело и оно начинает растворяться, содрогаясь восторженной негой...

Пасть чудовища растягивалась подобно цветку росянки. Затем она приблизилась вплотную к голове жертвы и разом заглотила ее, сомкнув зубы на груди и плечах...

Лицо ласкали неистовые поцелуи. Аристоника кричала от восторгла и целовала Мрачного гостя. Внезапно она перестала видеть, должно быть, Мрачный гость коснулся губами ее глаз, и в тот же миг ее тело пронизал приступ оргазма, сладкими волнами прокатившийся от живота до самой шеи...

Жрец, широко раскрыв глаза, следил за тем, как Пифон, словно огромный чулок, наползает на тело пифии. Сначала скрылась голова, затем плечи, туловище вместе с прижатыми к нему руками. Женщина наполовину исчезла в огромном чешуйчатом коконе, а ее обнаженные ноги еще подрагивали то ли от боли, то ли от наслаждения. Криболай пытался выползти из грота, но тело не слушалось его, а глаза упорно не хотели зажмуриться и избавить жреца от ужасного зрелища...

Наслаждение становилось невыносимым. Его влажные стебли проникали внутрь, обжигая каждую молекулу тела жаркими поцелуями. Краем сознания Аристоника чувствовала, что близок предел, которого она уже не сможет перенести. Пифия пыталась вырваться, но наслаждение не отпускало и чувственность торжествовала над разумом...

Тело громадного гада перекатывалось неровными выступами — все, что осталось от Аристоники. Последними исчезли розовые пятки, с которых стекали струйки любовной влаги, яда и пота. Змей, желая продлить удовольствие, покусывал жертву клыками. Сделав натужное движение мышцами, он затолкал женщину в свой необъятный желудок. Раздвоенный язык облизал морду. Затем — Криболай мог поклясться! — он сладко рыгнул...

Любовные волны обволакивали тело, совершенно растворяя его. Аристоника поняла, что умирает. Но ей было уже все равно. Немеющими губами она целовала вдруг ставшую шершавой кожу мрачного гостя и безмолвно кричала от восторга. И вот пришел миг, когда она растворилась целиком...

Пифон повернул голову и мрачно уставился на жреца. Он испытывал желание убить и этого человека. Не съесть — змей был уже сыт, — а просто заглянуть в его глаза своими холодными зрачками и сжать трепещущее от ужаса тело стальными кольцами. Пифон ненавидел людей. Но у него не было приказа убивать кого-либо, кроме сидевшей на треножнике женщины. Потому он

ограничился тем, что плюнул на ногу Криболая струйкой яда, от которого плоть загнивает и медленно разлагается, и, тяжело переваливаясь плотно набитым туловом, пополз обратно под землю. Для того, чтобы уйти, ему потребовалось сначала вылезти наружу целиком — расселина была слишком узка и он не мог развернуться в ней. Пифон извлекал свое тело длинной спиралью, пока не заполнил им половину грота. Бросив в последний раз безжизненный взгляд на лишившегося чувств жреца, змей сунул голову в ядовитое облако и заскользил вниз — в бездну. Минуло еще несколько мгновений, и он исчез совершенно, оставив в гроте разбитого страхом человека и покореженный треножник, по которому стекала ядовитая слизь...

— По крайней мере это была сладкая смерть, — философски заметил Ариман, сминая умершую душу в комок. — Сладкая смерть. Я б не желал, чтобы моя смерть была столь сладкой...

Мир полон загадочных существ. Где-то в глубинах земли и в океанской бездне живут чудовища, принять которых наше сознание не в силах. И как знать, быть может, наступит завтра и они выйдут на свет и нам придется понять их или убить. Ибо непонятное — опасно.

Мир полон загадочных существ...

* * *

Человек привык склонять голову перед пурпуром. Пурпур — цвет царя, жреца, героя. Пурпур — цвет власти и отваги.

Пред облаченным в пурпурный плащ Эмпедоклом склонялись как перед богом.

Каждый выход мудреца в город походил на триумф. Этот не был исключением. Эмпедокл гордо восседал на поджаром пепельном жеребце, за его спиной развевались багровые волны фароса, голову украшал небольшой венок, сплетенный из золотых листьев. На улицах, по которым он следовал, стояли толпы людей, восторженно приветствовавших мудреца. Многие не ограничивались радостными криками, но и опускались на колени, моля о чуде. Даже аристократы и те слезали с коней и почтительно кланялись.

В такие мгновения на бледном лице Эмпедокла появлялось подобие легкой улыбки и он простирал над толпой руку. Поговаривали, этот жест излечивал от бесчисленного числа хворей. Так это или нет, но доподлинно известно, что многие неизлечимо больные выздоравливали, будучи осенены перстами волшебника из Акраганта.

Однако люди жаждали видеть чародея не только ради того, чтобы обрести здоровье. Взгляд Эмпедокла даровал мудрость. И многие желали стать мудрее.

В толпе было немало иноземцев, прослышавших о великом философе. Они также хотели увидеть его, чтобы потом было о чем рассказать по возвращению на родину. Ведь байки о чаро-

деях вроде Пифагора Самосского или Фалеса Милетского были с недавних пор чрезвычайно популярны в Элладе. Слава мудрецов постепенно затмевала славу тиранов и даже победителей Олимпиад. Ведь мудрецы несли в себе частицу высшего разума, ныне почти утраченного землею.

Отвечая на приветствия горожан легкими поклонами, философ, сопровождаемый донельзя гордым за своего учителя Павсанием, проследовал к Зеленому холму, что близ рыночной площади, где должна была состояться церемония закладки храма Зевса.

Тиран Ферон и знать Акраганта были уже здесь. Пышно разодетая публика терпеливо дожидалась появления мудреца. Конечно же, царедворцы были недовольны той неспешностью, с какой Эмпедокл прибыл на холм, но ни один не рискнул упрекнуть его ни словом, ни даже взглядом. Мало того, едва только мудрец успел слезть с коня, как к нему тут же почтительно приблизились сам Ферон и его ближайшие советники.

— Приветствую великого мудреца. — Ферон почтительно склонил голову.

Эмпедокл не остался в долгу и также отвесил поклон.

— Рад видеть мудрого владыку.

— Нам надо поговорить.

С этими словами тиран взял мудреца под локоть и увлек его за собой в сторону трех зеленеющих дубов. Свита и Павсаний приотстали, чтобы не мешать беседе великих.

Искоса поглядывая на шагающего рядом философа, Ферон спросил:

— Как идут твои дела, мудрейший Эмпедокл?

— Превосходно, благородный Ферон.

— По городу ходят слухи, что на твой дом было совершено нападение.

— Да? — Эмпедокл изобразил недоумение. — И кто же, позволь спросить, напал на меня?

— Тебе лучше знать.

Ферон остановился под сенью одного из дубов и улыбнулся. Тиран был чуть ниже мудреца, но кряжист и могуч. Поговаривали, что он может поднять лошадь. Ферон был воин и совершенно не умел притворяться, потому улыбка его походила скорей на гримасу. Эмпедокл был куда более искушен в подобной игре. Придав лицу благожелательное выражение, он сказал:

— Но я ничего не знаю. По-видимому, мудрый владыка Акраганта, окруженный толпой верных слуг, осведомлен лучше меня.

Тиран нахмурился.

— Ты удивляешь меня, Эмпедокл, ища ссоры по пустякам. Я и не думал приставлять к тебе сикофантов. Булочник Терм, живущий напротив, случайно видел, как через стену, окружающую твой дом, ночью перелезали несколько молодцов. Булочнику показалось, что у них были недобрые намерения.

— Выходит, Терм обладает даром читать мысли? — предположил Эмпедокл.

— Нет, он обладает зоркими глазами и заметил, что под плащами этих людей блестели мечи.

— А твой булочник случайно не видел, как эти люди покинули мой дом?

— Нет, он лег спать.

— Вот как. Жаль... Знаешь, — Эмпедокл подмигнул тирану, — я не видел этих людей. Думаю, они поняли, что я уже отдыхаю, и не захотели тревожить мой покой.

— Верно, так оно и было, — сказал Ферон, поправляя висящий на боку меч. — Но на следующее утро в одном из моих полков недосчитались нескольких наемников.

— Ты обвиняешь меня в убийстве?

— Нет, что ты. К тому же ты вправе убить любого, вторгнувшегося в твой дом с мечом в руке, да еще и ночью. Я просто хотел бы узнать судьбу своих воинов.

— Все очень просто, Ферон. Они получили жалованье и дезертировали.

— Действительно, все очень просто, — вновь подозрительно легко согласился Ферон. — Наверно они и впрямь дезертировали. Но они не получали жалованья!

Эмпедокл провел пальцем по коре дерева, раздавив упрямо ползущего вверх муравья. Тиран внимательно следил за ним.

— К чему этот разговор, Ферон?

— Да ни к чему. Просто меня интересует, куда это подевались мои воины?

— Ты полагаешь, что мудрец и его ученик способны разделаться с десятком вооруженных гоплитов?

— С двенадцатью, — поправил Ферон. — Нет, конечно же, я уверен, что ты здесь ни при чем. Но мне очень хочется узнать судьбу этих воинов. Очень!

— Спроси у богов.

— Спрашивал. Не отвечают. Может быть, ты спросишь у них? Ведь боги наделили тебя даром пророчества.

На лице мудреца появилась усмешка.

— Хорошо, я займусь этим сразу после церемонии. Ты сказал мне все, что хотел?

— Почти.

— Тогда давай на время отложим наш разговор и займемся более важными делами. Нас уже заждались.

Эмпедокл указал на вершину холма, где должно было развернуться строительство и где все было готово к открытию церемонии. Ферон не стал возражать.

— Будь по-твоему, Эмпедокл.

Натянуто улыбнувшись друг другу, собеседники двинулись по тропинке на вершину холма...

Держава Ферона процветала. Особенно сейчас, когда было

разгромлено огромное войско пунов и сикелийские тираны овладели почти всем островом. А что служит лучшей памятью о владыке, приведшем свое царство к расцвету? Конечно, храм. Ферон намеревался воздвигнуть храм, равного которому нет ни в одном эллинском полисе. Гигантское здание должно протянуться на двести пятьдесят локтей в длину и сто двадцать пять в ширину. Свод будут поддерживать пятьдесят локтей в длину и сто двадцать пять в ширину. Свод будут поддерживать пятидесятифутовые колонны, а перед входом тиран повелел поставить статуи громадных атлантов.

С этими статуями произошла странная история. Ферон пожелал, чтобы храм украшали самые прекрасные скульптуры в мире. Потому был объявлен конкурс на изготовление фигур атлантов. В назначенный день пятнадцать мастеров с Делоса, Коринфа, Сиракуз, Тарента, Самоса и самого Акраганта представили на суд тирана модели будущих изваяний. Победил никому не известный мастер со странным именем — Гиптий. Однако за назначенным вознаграждением скульптор не явился. Ничуть не обескураженный этим, Ферон приказал придворным камнетесам начать изготовление фигур, а награду мастеру выплатить как только он объявится. Награду немалую — пятьсот драхм! Весь мир должен знать, что в Акраганте приветливо относятся к людям искусства. Ведь они придают блеск державе, а значит и ее владыке.

Контуры статуй уже были обозначены в мраморных глыбах. Не пройдет и пяти месяцев, как они будут готовы. Но прежде нужно было воздвигнуть сам храм.

Пока же рабы-пунийцы выкопали лишь небольшой котлован, куда сегодня будет заложен памятный камень. По решению граждан Акраганта честь установить камень была оказана двум славнейшим жителям города — владыке Ферону и мудрецу Эмпедоклу. Поглазеть на церемонию пришли многие тысячи акрагантян, а также многочисленные гости из Гелы, Сиракуз, Селинута и Гимеры.

Тиран обратился к собравшимся с небольшой речью, которая была воспринята вполне благосклонно. Горожане и гости аплодировали, наемники выражали свое удовольствие ударами мечей о щиты.

Затем говорил Эмпедокл. Он говорил не о величии Акраганта, доблести его воинов и мудрости владыки, а о дружбе всех эллинов и об опасности, нависшей над Элладой. Речь мудреца нашла живейший отклик. Аплодисменты и одобрительные крики зрителей слились в единый рев. Средь многочисленной толпы слова мудреца пришлись не по душе лишь Ферону да его свите, видевшей недовольство владыки.

После речей перешли к делу. Ферон и Эмпедокл дружно взялись за небольшую, но увесистую гранитную плиту, на которой была вырезана надпись, сообщавшая, что храм Зевса заложен в

год семьдесят пятой Олимпиады, когда в Акраганте правил великий Ферон. Кряхтя от натуги, мудрец и тиран опустили камень в ров. При этом они ревниво посматривали друг на друга, каждый втайне надеясь, что напарник не выдержит тяжести мраморной глыбы и выпустит ее из рук. Однако обошлось без неприятностей.

Камень был засыпан землей. Эмпедокл принес дары богам, а затем на радость толпе совершил небольшое чудо, разогнав облака, собравшиеся над головой. После этого зрители стали покидать холм, направляясь к дворцу тирана, где их ожидало обильное угощение. Ушли горожане и иноземные гости, ушли под охраной стражи военнопленные пуны, нестройной цепочкой проследовали на конях аристократы. Последними покинули холм свита и наемники, за исключением двадцати личных телохранителей Ферона.

Тиран и мудрец расположились на прежнем месте, в тени трех дубов. Разговор возобновил Ферон.

— Знаешь, Эмпедокл, — Ферон сделал паузу и принялся рассматривать почти зажившую рану на тыльной стороне правой ладони, нанесенную пунийской стрелой, — в последнее время ты стал позволять себе много лишнего.

— Например?

— До меня доходят слухи, что ты волнуешь людей речами против моей власти, осуждаешь мои решения. Мне неприятно это, тем более, что раньше между нами никогда не возникали подобные недоразумения.

Мудрец хмыкнул.

— Неужели несколько невинных слов столь взволновали могущественного владыку Акраганта.

Ферон нахмурился, на его шее выступили красные пятна, свидетельствующие о том, что тиран с трудом сдерживает себя. Однако голос Ферона звучал вполне миролюбиво.

— Тебе бы все шутить, Эмпедокл. А пришло время поговорить серьезно. Ты пользуешься большим авторитетом среди акрагантян. Твой род берет начало от древних базилевсов, мой дед был простым гоплитом. Ты красноречив, умен, умеешь творить чудеса. Чернь внимает каждому твоему слову, будто его изрек божественный оракул. Это беспокоит меня. Сейчас беспокоит, потому что прежде ты никогда не использовал свое влияние во вред мне. Но с недавних пор в твоих речах порой проскальзывает угроза моей тирании. Чего ты добиваешься? Царской власти?

— Упаси меня Зевс! Я не люблю людской суеты. Жизнь отшельника-мудреца куда привлекательней для меня.

— В чем же тогда дело?

Эмпедокл ушел от прямого ответа.

— Я слышал, ты отказался помочь материковым эллинам в их войне против варваров.

— Да. — Ферон утвердительно качнул головой. — У меня не столь много воинов, чтобы я мог безрассудно положить их на равнинах Фессалии или в горных проходах Истма. Эта война ничего не даст сикелийцам, не считая того, что в случае успеха афинян и спартанцев мы через несколько лет приобретем в их лице новых могущественных врагов. Наши интересы с недавних пор нередко сталкиваются, в будущем эти конфликты будут постоянными. Кроме того, этой войны не желает Гелон, оскорбленный предложением спартиатов воевать под их началом. Если бы он согласился помочь, я бы присоединился к нему. Но так как он отказался, я не могу послать войско в Элладу. Кто может поручиться, что через несколько дней после отплытия моих эскадр у стен Акраганта не появится войско Гелона, решившего, что настало время увеличить пределы сиракузской державы.

— Я согласен со всем, что ты говоришь, но не забывай, что эта война — общеэллинское дело. Речь идет не о судьбе отдельных полисов — Афинах, Спарте или Коринфе, а в недалеком будущем, я уверен, Акраганте и Сиракузах. Речь идет о существовании всего эллинского народа.

— Мидяне вряд ли доберутся до нас. А насчет существования эллинского народа, так я думаю, что ему ничего не грозит. Мидяне не убивают покоренных и даже, как правило, не обращают их в рабство.

— Да, но они поглощают их, растворяя в чреве своей гигантской империи.

— Это не столь страшно, Эмпедокл. Ксеркс сожрет Элладу и настолько отравится ею, что сам станет эллином.

— Но дело совсем не в царе Ксерксе, а в том, что он и те, кто стоят за ним, намереваются покорить весь мир.

Ферон задумался.

— Я не совсем понимаю, о чем ты говоришь, Эмпедокл, — сказал он после небольшой паузы, — но уверен, что у мидян ничего не выйдет. И не придавай внимания подобным пустякам.

Эти слова рассердили философа, в его голосе появились раздраженные нотки.

— Твои речи показались мне поначалу умнее, Ферон. Ты разочаровываешь меня. Если правитель глуп, надо свергнуть этого правителя.

Тиран искоса взглянул на мудреца.

— Я мог бы ответить угрозой на угрозу, но скажу лишь, что причина твоего недовольства мною кроется отнюдь не в глупости правителя, как ты выразился, а в том, что его действия не совпадают с твоими планами, о которых я могу только догадываться. Так что давай лучше оставим подобные разговоры, иначе тринадцать могут вернуться в твой дом.

— Тринадцать? — переспросил Эмпедокл. — Ты же совсем недавно сказал, что их было двенадцать.

— Двенадцать, тринадцать — какая разница?

— Действительно, почти никакой. Кстати, боги поведали мне, куда подевались твои наемники.

Ферон изобразил живой интерес.

— Ну и куда?

— Они направились в гости к одному человеку, полагая, что легко справятся с ним. Им хорошо заплатили. Золотом... — Эмпедокл умолк.

— И что же?

— К сожалению, они оказались недостаточно умелы, и этот человек расправился с ними, а затем зарыл в глубокой яме. Кстати, я не знал, Ферон, что у тебя служат наемники-пуны.

— Это не наемник. Это Фарнабал, воин, захваченный... — простодушно начал Ферон, но тут же осекся, сообразив, что болтает лишнее.

— Захваченный в сражении, — докончил его мысль Эмпедокл. — Ему пообещали свободу, и он согласился.

— Может быть, я ошибаюсь, — небрежно бросил Ферон и поднялся, показывая, что намерен закончить разговор.

Эмпедокл тоже встал.

— Нет, ты не ошибаешься. Бедняге пообещали свободу и награду. А на деле его должны были прикончить сразу после того, как умру я, чтобы потом все это можно было представить как нападение пунов. В следующий раз, Ферон, позаботься, чтобы их было по крайней мере шесть раз по тринадцать.

— Ты слишком много воображаешь о себе, мудрец!

— Ничуть.

Тиран начал спускаться по узкой каменистой тропинке. Сделав несколько шагов, он обернулся и крикнул:

— Посмотрим, чья возьмет!

В тот же миг он поскользнулся и упал. Поскользнулся, хотя дождя не было уже много дней. Чертыхаясь и вытирая рукой испачканный хитон, Ферон вскочил на ноги и быстро зашагал вниз. Эмпедокл тихо рассмеялся. Это было самое маленькое чудо, на которое он был способен.

Тиран скрылся из виду, а мудрец все стоял на холме. Над его головой сгущались тучи и вскоре хлынул дождь. Мудрец стоял, и крупные капли стекали по его бледному лицу. Губы Эмпедокла тихо шептали лишь одно слово:

— Посмотрим.

* * *

Бродяга-критянин по имени Фрост шарил в развалинах древнего дворца. Ему было совершенно начхать на все эти байки, будто здесь живет страшное чудовище, пожирающее людей. Не так давно он собственными глазами видел, как отсюда вышли двое чужестранцев — целехонькие и невредимые, а их кошели были туго набиты монетами. Фрост имел возможность лично

убедиться в этом, когда один из чужестранцев расплачивался в портовой харчевне. Он бросил на стол полновесный мидийский дарик, которому рад любой торговец. У бродяги не было полной уверенности, что чужестранец не привез монеты с собою, однако что-то подсказывало, что он нашел их именно в развалинах. Ведь дворец некогда был переполнен сокровищами. Об этом рассказывали старики, а кое-кто уверял, что видел эти сокровища собственными глазами. Фросту было нечего терять. Ему надоело перебиваться подачками и случайными заработками, а кроме того, почему чудище должно непременно сожрать его. Ведь он возьмет совсем немного. Несколько дней бродяга собирался с духом, прежде чем наконец решился. Он взял в руки крепкую дубину и отправился на поиски сокровищ.

Озираясь и вздрагивая при малейшем шорохе, Фрост шнырял меж каменных обломков, переворачивая куски черепицы и осколки ярко расписанных амфор. Найди он хотя бы один такой сосуд целым — и можно считать, что потратил время с пользой. На свете немало богатых чудаков, готовых платить деньги за разного рода диковинки. Однако под ногами противно хрустели лишь искалеченные временем черепки, не стоившие даже обола. Вдоволь наползавшись по каменным нагромождениям, Фрост устал и присел отдохнуть на обломок гигантской колонны.

Человек появился ниоткуда, даже не из воздуха, Бродяга мог поклясться, что еще мгновение назад у этой полуразвалившейся стены никого не было, и вот теперь здесь стоял облаченный в пурпурную хламиду человек. Фрост вздрогнул и вознес молитву Зевсу. Однако незнакомец не проявлял признаков враждебности. Внимательно оглядев его, Фрост обнаружил, что тот безоружен, и осмелел. Он прикинул, сколько можно выручить за такую великолепную хламиду. Получалось весьма немало. Да и трудно было предположить, чтобы обладатель подобной одежды ходил без туго набитого кошеля.

К-ха-к-ха! Бродяга откашлялся и собрался поинтересоваться, что делает сиятельный господин в подобном месте, но в этот миг незнакомец заговорил сам. Причем губы его не шевелились, однако Фрост все прекрасно слышал.

— Следуй за мной.

— А кто ты такой, чтобы мне приказывать?! — возмутился Фрост. Чтобы придать словам весомость, Фрост выразительно подкинул на ладони свою увесистую дубинку.

Незнакомец бросил на оружие Фроста быстрый взгляд, и оно превратилось в труху.

— Следуй за мной.

От подобного фокуса Фрост едва не подавился собственным кадыком. Несколько мгновений он ошалело взирал на кучку древесной трухи, лежавшую на его ладони, а затем бросился бежать. Однако он не сумел сделать и нескольких шагов. Какая-то неведомая сила схватила его за ноги. Впечатление было такое, будто

они по самые бедра завязли в камне. Бродяга попытался вырваться, но безуспешно.

— Следуй за мной, — в третий раз повторил незнакомец и добавил:

— Иначе я убью тебя.

— Да, мой господин, — быстро пробормотал Фрост. — Я повинуюсь вам, мой господин.

В тот же миг он почувствовал, что свободен. На всякий случай критянин пошевелил левой ногой. И впрямь, его больше никто не держал. Бродяга заискивающе посмотрел на могущественного незнакомца, тот поманил его пальцем. Изобразив на лице улыбку, Фрост приблизился к магу. О, теперь он ничуть не сомневался, что перед ним могущественный маг!

— Пойдем, — велел маг и двинулся вперед. При этом он столь беззаботно подставил свою спину, что у Фроста непроизвольно возникло желание размозжить незнакомцу голову одним из тех славных камней, что во множестве валялись под ногами. Едва он подумал об этом, как его руки онемели.

— Я пошутил, благородный господин! Прости меня! — взмолился Фрост. Маг не ответил, но бродяга вновь почувствовал себя свободным. Больше он не рисковал даже подумать о сопротивлении, безропотно подчинившись таинственному незнакомцу.

Тот неторопливо пробирался между каменных обломков. Фрост покорно следовал за ним. Они миновали огромные колонны и нагромождения рухнувших стен. Маг шагал уверенно, словно уже бывал здесь. По дороге он несколько раз нагибался, подбирал разноцветные кусочки сосудов и внимательно рассматривал их. Один из таких кусочков он зачем-то передал Фросту. На покрытой глазурью глине было мастерски изображено морское чудовище. У него были выпученные черные глаза и множество извивающихся беспалых рук. Фрост повертел осколок в руке, не зная что с ним делать. Когда они двинулись дальше, критянин незаметно уронил его на землю.

Вскоре путники достигли завала, внутри которого виднелся черный глаз.

— Ступай внутрь, — велел незнакомец.

Фрост задрожал от ужаса.

— Нет, мой господин! Лучше смерть! Там живет чудовище!

— Верно, — спокойным тоном подтвердил маг.

— Но оно сожрет меня!

— Да, если ты не будешь слушаться моих приказаний. — Незнакомец указал рукой на подземную щель, из которой веяло сыростью и холодом. — Ступая, иначе я съем тебя!

Произнося «я», маг ласково улыбнулся, и Фрост понял, что тот не шутит. Тогда критянин заявил:

— Но я ничего не увижу в темноте. Как я найду дорогу?

Однако мага трудно было смутить подобными отговорками.

— Держи. — Он протянул бродяге небольшой матовый

шарик, сделанный из стекла. — Этот светильник рассеет тьму. И ничего не бойся, я буду идти вслед за тобой. Если будешь в точности исполнять то, что я велю, то не только останешься целым, но и разбогатеешь.

Фрост кивнул — а что еще ему оставалось делать? — и неохотно шагнул в темноту.

Едва исчезло солнце, шарик, который дал ему маг, чудесным образом преобразился. Он вдруг начал светиться. Сначала робко, словно степной светлячок, затем все ярче и ярче. Вскоре он сиял сильнее, чем дюжина восковых факелов, вырывая из тьмы не менее ста локтей бесконечного подземного коридора, уходящего, как показалось Фросту, в бездну.

— Иди вперед, — велел маг, который также вошел в подземелье. — И ничего не бойся, я буду рядом.

Кивнув, критянин несмело двинулся по коридору. Он не испытывал ни малейшего удовольствия от этой, насильно навязанной ему, прогулки, но теперь хотя бы мог не опасаться, что чудовище внезапно нападет на него из темноты. Фрост медленно шагал вперед, его губы шептали горячую молитву Зевсу-Лабрису[1]. Он не мог видеть, что при каждом упоминании имени Зевса идущий сзади маг тихо улыбается в бороду.

Постепенно коридор становился шире, затем начал распадаться на ответвления. Несколько раз критянин избирал неверный путь, и тогда в его голове звучал голос мага, предупреждавший об опасности.

— Там бездонный провал. Ты идешь прямо в лапы подземного краба.

После каждого подобного предупреждения Фрост стремглав мчался обратно и долго успокаивал бешено колотящееся сердце.

Казалось, они пробыли под землей целую вечность, когда незнакомец сказал:

— Будь осторожней. Мы приближаемся к его логову.

Тело Фроста стало ватным. Он прижался спиной к стене и поклялся, что никакая сила не заставит его идти дальше. Однако ноги критянина вдруг проявили чрезмерную прыть. Они перестали повиноваться хозяину и повлекли его вперед. Бродяга пытался сопротивляться своенравным конечностям, он хватался руками за шероховатые стены, но все, чего он добился, были ободранные в кровь ладони да гневный окрик незнакомца, буквально разорвавший наполненный ужасом мозг:

— Идиот, не вырони шар!

Таким, самым неестественным образом Фрост был доставлен к пещере, из которой пахло живым существом. Запах этот был слабым и незнакомым. Люди или скот пахнут иначе. Сердце застучало барабанной дробью.

— Теперь будь осторожней, — вновь велел незнакомец.

Хорошо сказать — будь. Но как? Ноги упорно влекли своего хозяина вперед. Фрост буквально влетел в подземную залу и,

лишь очутившись в центре ее, застыл, пораженный представшим его взору зрелищем. Да, здесь было от чего превратиться в недвижный столб. Вся пещера была буквально завалена сокровищами. По большей части это были разные статуи и посуда, но жадные глаза Фроста узрели и горы серебряных слитков, и разноцветные камушки, небрежно рассыпанные между изящных чаш. Пока бродяга раскрыв рот созерцал невиданное богатство, в пещеру вошел маг. Равнодушным взором пробежав по сокровищам, он заметил:

— Странно, его здесь нет.

В тот же миг в мозгу Фроста раздался еще один голос — хриплый и низкий.

— Ничего странного.

— А, ты все-таки здесь! — обрадовался маг. — А ну-ка, покажись!

Голос с усмешкой поинтересовался:

— Ты полагаешь, я сошел с ума?

— К сожалению, нет. Хотя это было бы совсем неплохо. Но где ты? Я хочу поговорить с тобой.

— Говори.

Ошалевший от испуга Фрост полубессознательно внимал этому странному диалогу.

— Я привел тебе подарок. Почему ты не взял его?

— Ты полагаешь, я не чувствовал, что кто-то сканирует мозг этого недоумка? — вопросом на вопрос ответил Голос. — Кроме того, он использует вместо свечи источник энергии, которой владеют лишь высшие посвященные.

— Этот свет раздражает тебя?

— Немного. Хотя я нахожусь на достаточном отдалении.

— Я уберу его, — сказал маг, и шар мгновенно погас.

Фрост заорал от ужаса, очень живо представив себе, как обладатель Голоса подкрадывается к нему, скаля ужасные клыки. Маг прочел эти мысли и захохотал. Клацая зубами, критянин вознес горячую молитву Зевсу. На этот раз захохотали оба — и маг, и Голос. Последний к своему смеху присовокупил:

— Идиот! Ты просишь помощи у того, кто завел тебя сюда!

Критянин не понял, что Голос имеет в виду, но кричать перестал, потому что Голос доверительно шепнул:

— Не бойся, я не буду есть тебя. Я боюсь отравиться.

После этого Голос сделал паузу и поинтересовался у незнакомца:

— Что тебе надо?

— Я хотел бы договориться с тобой.

— Но вначале ты хотел убить меня.

— Я и сейчас не прочь это сделать, — откровенно признался спутник Фроста, — но раз ты сумел вовремя спрятаться, то полагаю, нам лучше договориться.

— Давай попробуем. Я слушаю тебя.

— Ты должен перестать вмешиваться в мои дела, а также сообщать о них тем, кто может повредить мне.

Голос задумался. Затем в голове Фроста прозвучал его ответ:

— Допустим, я соглашусь. Что ты предлагаешь мне взамен?

— Безопасность и столько вкусных человечков, сколько ты в состоянии слопать. Я восстановлю культ Минотавра, и тебе будут вновь поклоняться. Тебе будут приносить в жертву самых интересных людей — философов, царей, отважных воинов, путешественников, побывавших во многих странах.

— Разве ты не нуждаешься в подобных помощниках?

— А зачем они мне?

— Я полага́л, что новому миру нужны мудрые и сильные люди.

— Считается — да. Но, если быть откровенным, к чему мне лишние проблемы? Кто силен и мудр, тот самостоятелен; мне же проще иметь дело с людьми покорными и послушными. Вроде этого, что я привел тебе в подарок.

— Заманчивое предложение, — прошептал Голос. — Заманчивое... Но где гарантии, что ты не обманешь меня?

— Мое слово.

Голос захохотал.

— Оно немногого стоит.

— Ты обижаешь меня, — процедил маг.

— Я не знал, что ты обидчив.

— Какие же гарантии тебе нужны?

— Я хочу получить Первоключ.

— Ты знаешь о нем? — изумился незнакомец. — Впрочем, глупый вопрос. Конечно знаешь.

— Как и обо всем остальном, — подтвердил Голос. — Если ты дашь мне Первоключ, я прекращу борьбу против тебя.

— Но как я могу быть уверен, что ты не используешь Первоключ против меня?

— Я дам тебе слово.

Теперь засмеялся незнакомец.

— Оно тоже немного стоит. А если учесть то, что ты без труда проникаешь в мои парасознания, это означает, что с помощью энергии Ключа ты сможешь контролировать их. Ведь так?

— В общем, да, — неохотно согласился Голос.

— Выходит, заимей ты Первоключ и завтра я вполне могу оказаться в одном из парамиров, облаченный в звериную шкуру?

— Ты весьма неплохо смотрелся бы в ней, — невозмутимо заметил Голос.

— Еще лучше я смотрелся бы, накинув на плечи твою шкуру.

Голос издал серию квохтающих звуков, нечто похожее на ехидный смех.

— Ну, это не дано даже Юпитеру!

Маг дождался, когда Голос перестал веселиться и подвел итог торгу.

— Надеюсь, ты сам понимаешь, я не могу дать тебе Первоключ. Если хочешь, я подарю тебе один из миров.

— Неужели я кажусь настолько глупым, чтобы добровольно залезть в клетку?

Незнакомец помолчал, затем задумчиво ответил:

— Мне кажется, ты что-то задумал.

Критянин почувствовал, как в душе мага пробуждается нечто похожее на тревогу. Надо признаться, это странное приключение захватило фроста. Он постепенно начинал понимать, зачем понадобился облаченному в пурпурную хламиду незнакомцу. Сначала тот использовал его в качестве приманки, а потом критянин превратился в живое устройство, через которое маг и Голос переговаривались друг с другом. Странное слово — передатчик. Фрост мог поклясться, что прежде не знал его. Увлекателен был не только разговор, во многом непонятный бродяге, еще более захватывали воображение Фроста чувства, бушевавшие в загадочных собеседниках.

Сильнее других была ненависть — эдакая багровая стена, клубящаяся серыми прожилками. Стена была очень прочной и это немудрено — ведь ненависть — самое сильное чувство у каждого живого существа.

Подозрительность походила на хамелеона. Она была многоцветной — синей, зеленой, розовой, голубой в черную крапинку, коричневой, но чаще серой. Подозрительность зарождалась тоненьким ручейком и постепенно превращалась в бушующий поток.

Уважение походило на золотистую фольгу, которая то тускнела, то начинала блестеть по мере того, как противники оценивали хитроумные маневры друг друга. Голос уважал мага несколько сильнее, из чего критянин сделал вывод, что маг обладает огромным могуществом. Это предположение подтверждал и страх, белесоватый, липкий, время от времени проскальзывавший в мыслях Голоса. Маг же проявил подобное чувство лишь раз, когда понял, что Голос ведет нечистую игру.

— Похоже, ты намереваешься замуровать меня в лабиринте, — задумчиво произнес он.

— С чего ты взял? — поспешно откликнулся Голос, но его мысли были пронизаны изумрудными прожилками коварства и Фрост понял, что Голос блефует.

— Пожалуй, мне пора, — решил маг.

— Постой, я как раз подумываю над твоим предложением относительно переселения в один из парамиров.

— Пора... — Маг неизвестно чему рассмеялся. — Человека я оставляю тебе в подарок.

Установилась невыносимая тишина. Зато где-то вдалеке прогрохотало эхо обвала, толчками пробежавшее по стенам.

— Ушел, — процедил Голос. — Ушел...

Он замолчал и молчал довольно долго. Затем задумчиво процедил:

— Что же мне с тобой делать?

Вопрос был адресован к Фросту. Тот не ответил и задрожал от ужаса.

— Съесть что ли?

— Не надо! — взмолился критянин.

— Надо — не надо, — пробормотал Голос. — Съел бы, да уж больно ты невкусный. — Голос замычал что-то неразборчивое, явно размышляя. — Ну ладно, я не буду тебя есть и даже вознагражу. За страх. Возьми себе что-нибудь из сокровищ и выметайся.

— Но как? Я ничего не вижу!

— А-а-ах! — Голос был недоволен. — Как это хлопотно — быть добрым. Ладно, сейчас я вдохну жизнь в твой энергомодуль.

Шарик, который критянин по-прежнему крепко сжимал в кулаке, замерцал и осветил пещеру.

— Выбирай скорее! — велел Голос. — А не то я вновь погашу его. Не люблю свет.

Фрост поспешно схватил два слитка, один из которых был золотой, а другой — электровый или серебряный. Шарик тут же погас.

— А что я должен делать теперь? — осведомился критянин. Приключение, похоже, заканчивалось вполне удачно, и Фрост слегка обнаглел. — Как я, по-твоему, найду обратную дорогу?

Голос вновь недовольно заворчал.

— Связался с тобой. Надо было сожрать и все. Ладно, я выведу тебя. Следуй по светящимся линиям.

Под ногами Фроста появились две золотистые черточки, ведущие в темноту.

— Иди по ним! — велел хозяин подземелья. Критянин не сдвинулся с места. Голос рассердился. — Почему ты стоишь?

— Мне страшно, — признался бродяга.

Голос удовлетворенно хмыкнул и принял покровительственный тон.

— Не бойся. Я буду рядом. Здесь полно всяких пакостных созданий, но меня они боятся, потому что я умный. Иди.

Фрост нерешительно шагнул вперед. Ничего дурного не произошло. Тогда он медленно пошел в темноту, стараясь держаться золотистых линий. Голос оставил свое убежище и двигался неподалеку от человека, то обгоняя его, то заходя ему за спину. До Фроста время от времени долетало хриплое дыхание, а пол пещеры сотрясался от тяжелой поступи. Темнота отдавала сыростью, невидимые стены давили на плечи, со всех сторон слышался шорох, от которого у Фроста выступал холодный пот. Однажды впереди послышался шум схватки. Критянин остановился и прижал холодные слитки к бухающему сердцу. Он оставался недвижим несколько мгновений, затем Голос сообщил:

— Мохнатый паук. Та-акой противный! Я завязал ему лапы узлом. Ступай дальше.

Странно, но Фросту показалось, что Голос немного сочувствует ему. Едва он подумал об этом как Голос насмешливо фыркнул:

— Ничуть.

Внезапно золотистые линии оборвались.

— Пришли, — сообщил Голос. — Фу, как я устал. Стой здесь, я отвалю камень. А может быть, мне все-таки съесть тебя?

Бродяга закричал от ужаса, вызвав смех Голоса.

— Ну ладно, не ори. Я пошутил. Я вообще люблю шутить. Сейчас ты увидишь свет. Быстро иди вперед и ни в коем случае не оборачивайся. Это может плохо для тебя кончиться. Закрой глаза.

Фрост поспешно исполнил то, что ему велели.

— А теперь уматывай!

Критянин открыл глаза и тут же зажмурился от невыносимо яркого света. Вытирая слезы, он шагнул вперед и осмотрелся. Перед ним в обрамлении сумрачных стен было ярко-солнечное небо, где-то внизу глухо плескалось море.

Жив! Да еще и богат! Фросту хотелось петь от радости. Сзади послышалось хриплое дыхание. Это хозяин лабиринта приблизился к солнечному кругу и жадно вдыхал соленый воздух. Не в силах сдержать любопытство Фрост начал медленно поворачивать голову.

— Не оглядывайся! — крикнул Голос.

Но было поздно. Критянин обернулся. В следующий миг он закричал от ужаса и рухнул со скалы в беснующееся меж рифами море.

— Я же предупреждал тебя, дурак, не оглядывайся, — прошептал Турикор. Чудовище потерло рукой свою кошмарную физиономию. — Впрочем, он мог бы вести себя поприличнее. Неужели я так плохо выгляжу?

Щурясь от нестерпимо яркого для его глаз света, монстр поспешно завалил вход и с облегчением вздохнул.

— Темнота!

Затем он зашагал вниз — туда, где был его дом, куда не проникало беспощадное солнце.

Где-то далеко плескало принявшее очередную жертву море.

Продолжение романа в следующем томе серии «Монстры Вселенной».

ЭПИЛОГ

Сказка зари человечества

1

Человеку ведомо множество сказок — забавных и поучительных, загадочных и страшных. Но ни одна из этих сказок не может сравниться с волшебной поэмой Олимпа, феерической и причудливой хроникой жизни и деяний бо́гов, героев и людей. Это поистине прекраснейшая сказка зари человечества.

Зевс, Аполлон, Афродита, Дионис, Афина, Арес, Посейдон и Аид, грозный Кронос и титаны, Гея и хтонические чудовища, Уран и существа, порожденные эфиром, великие герои, средь которых и закованный в львиную шкуру Геракл, и Тесей, и Персей, и те, что сложили головы под стенами семивратных Фив, и под стенами Трои, великие бунтари Сизиф и Беллерофонт, прекрасный Гиацинт и несчастный Актеон, завораживающий своим пением Орфей и жертвенная Алкеста, кентавры, лапифы, коринфяне, фиванцы, афиняне, троянцы, эфиопы, амазонки, мрачный Тартар и Элизиум — можно ли назвать это религией? Или спросим иначе: может ли современный человек воспринимать это как религию?

Вся история распятого занимает тридцать три года и двадцать одну главу Евангелия от Иоанна. Суть зороастризма или магометанства можно выразить сотней нравоучительных фраз. Иудаизм, очищенный от словесной шелухи каббалы и расплывчатых песнопений Торы вполне уместится в книге Ионы.

То, что создала великая культура античных эллинов, невозможно втиснуть в рамки религии. Это сплав веры, обычаев и архаичной истории. Это причудливая мозаика легенд, явившихся человеку во сне на границе сознания. Это чудесная сказка, самая лучшая из тех, что знал мир. И потому несправедливо бы было наречь ее религией, чья суть есть догматы, довлеющие над человеком. Творение эллинов походит на занимательную поэму с бесчисленным множеством живых, наполненных телесной, чувственной сутью персонажей. Правильней именовать веру эллинов **мифорелигией,** ибо сказочные мифы заменяют здесь религиозные каноны.

Мифорелигия совершенно не похожа на монорелигии — иудаизм, христианство, мусульманство. Они есть религии пророков — порождение зараженного манией мессианизма ума, **мифорелигия** — слепок с человеческой жизни, настолько реалистичный и «заземленный», что порой нетрудно признать в олимпийцах конкретных земных правителей и героев, волею людской памяти вознесенных на божественный пьедестал.

История знавала немало примеров обожествления человека.

Но лишь однажды люди попытались «очеловечить» богов. И возник причудливый мир **человекобогов,** скорее людей, нежели богов, хотя суть их божественна. Посмотрите, как они человечны, похожи на людей — властный базилевс Зевс, надменный Аполлон, хмельной чудотворец Дионис, мудрый и неуклюжий Пан, прекрасная Афродита. Всмотритесь в их лица, прислушайтесь к их речам. Это люди, но лишь взошедшие на Олимп и по воле судьбы обретшие бессмертие и власть над миром. Но в душе они остались людьми. Они ссорятся и влюбляются, ревнуют и ненавидят, интригуют и заботятся друг о друге. Они верны клятвам и преступают их, они незыблемы и непостоянны, они придерживаются олимпийского братства, но в то же время непрочь выгадать себе лишнюю толику власти. Они могут благоволить к смертным и могут сурово покарать их, они вступают в бой против людей и, случается, терпят от них поражение. И тогда они кричат от боли совсем как люди и спешат на Олимп залечивать раны.

Про них известно все. Что они едят и что пьют. Какую одежду носят и чем умащивают волосы. Сосчитаны каждая ипостась — превращение Зевса и каждая родинка на теле Афродиты. Люди возливают в их здравие вино и негромко надсмехаются над их слабостями.

Зачем?

Зачем человеку понадобилось создать богов, столь похожих на него? Почему эллины подобно иным, поднявшимся из мрака небытия народам не создали монобога — грозного и всемогущего, пред которым следует пасть на колени и молить его о милости. Они же предпочли поставить над собой легкомысленных олимпийцев, почти людей. Почему?

Это феномен, встречающийся в человеческой культуре лишь единожды. Нет, конечно же, многие племенные религии наделяли своих божеств вполне человеческими качествами и даже псевдочеловеческим обликом. Но все это были идолы на уровне деревянного чурбана перед хижиной, они были инстинктивны, но не осмысленны, и рано или поздно они уступали свое место монобогу, — существу, бестелесному по сути. Лишь эллины смогли создать веру, где боги сохранили свой человекоподобный облик в течение столетий, а Зевс так и не превратился в монотеистического духа, подобного Яхве. Объяснить это своеобразие мифорелигии можно двумя обстоятельствами.

Первое из них связано с особенностью формирования эллинского социума.

Все значительные ранние монорелигии возникли в кочевых племенах /арии, иудеи/, жизнь которых происходила в постоянном перемещении, набегах и т. п. Эти племена в меньшей мере, чем оседлые, зависели от капризов природы, так как при неблагоприятных природных условиях могли переместиться в иной район. Но в таком случае они неизбежно приходили в столкновение с соседними племенами. Потому у кочевых народов было

сильно влияние военного руководителя — вождя племени — и куда меньшее — старейшин. Именно вождь решал, куда следует перекочевать, он руководил организацией набега, дававшего скот, женщин, рабов, определял, следует ли дать отпор вторгнувшемуся в племенные кочевья врагу или перебраться на новые пастбища. Постепенно вождь персонифицировался с монобогом, обладающим всеобъемлющей властью.

Значительное влияние оказывало здесь и то обстоятельство, что по мере завоевания кочевниками более культурных народов племена перенимали вместе с культурой и деспотические традиции, свойственные этим народам. Деспотическая власть нуждается в сильном, или, по крайней мере, стабильном монобоге. Это характерно не только для Востока, но и для более позднего Запада. Римские императоры, несмотря на проявляемую в целом веротерпимость, предпочитали поклоняться божествам восточного пантеона — Митре, Мардуку, обладавшим определенно деспотическими чертами. Подобную тенденцию можно обнаружить и у древних эллинов. В период господства тираний среди возводимых храмов преобладали святилища Зевса, «старшего» бога.

Праэллинские племена не несли в себе семени зарождающихся деспотий, явления чуждого в архаичные века Западу. Кроме того, в отличие от большинства народов эллины формировались как оседлая нация. В их жизни верховный вождь не играл столь большой роли. Все решала родовая знать, в руках которой были сконцентрированы земельные богатства. Вождь руководил по преимуществу военными операциями, весьма немногочисленными, и лишь с течением времени он начинает вмешиваться в обыденную жизнь, но его воздействие не столь определяющее, как у владык кочевых племен. Последние в полной мере — боги и цари своего племени, а вождь у эллинов скорее мудрый базилевс, образно выражаясь — «первый среди равных». Базилевсы обладали куда меньшей властью, чем деспотические вожди. Решения их были далеко не бесспорны, влияние — весьма относительно. Рядовые члены племени без особого страха возражали своим базилевсам и те воспринимали это как само собой разумеющееся. Гомер красочно описывает, как «буйный» Терсит поносит Агамемнона, своего базилевса — «Что, Агамемнон, ты сетуешь, чем ты еще недоволен?..». Расплатой за дерзость будут лишь несколько оплеух, полученных от Одиссея. Причем Одиссей выступает в данном случае скорее не как базилевс Итаки, а как пользующийся уважением воин.

Не обладая деспотической властью, базилевс персонифицируется не с монобогом, а с владыкой многочисленного пантеона, располагающим главным образом военными и частично судебными функциями. Остальные функции в равной мере распределены между другими богами, которые являются не слугами, как ангелы у Яхве, а помощниками с равным или почти равным пра-

вом голоса. Зевс таким образом предстает перед нами как своего рода «председательствующий» бог, и прочие относятся к нему как к старшему, но не как к хозяину. Если вдруг действия Зевса не устраивают олимпийцев, они без колебаний выступают против него. И это не квалифицируется как бунт против основополагающих канонов. Зевс воспринимает это почти как само собой разумеющееся.

Однако, думается, феномен **мифорелигии** невозможно объяснить лишь социумными особенностями. Определенную роль здесь играли и особенности сознания эллинов, единственного народа в ойкумене, чьи корни исходили не с Востока.

Эллины имели свое особое восприятие мира. В отличие от прочих народов они строили концепцию мироздания не на основе революционного взрыва, выраженного в божественном сотворении, взрыва из разряда тех, что осчастливливают насильно. В **мифорелигии** начало мира также привносится свыше, но это не божественное начало, а некая потенциальная искра, звездой упавшая из Космоса. И мир сотворен не за шесть дней, и совсем не похож на Эдем.

Сначала было нечто неопределенное. Точнее не было...
Не было моря, земли и над всем распростертого неба, —
Лик был природы един во всей широте мирозданья, —
Хаосом звали его. Нечлененной и грубой громадой,
Временем косным он был, — и только, — где собраны были
Связанных слабо вещей семена разносущие вкупе.

. . . . . .

Там, где суша была, пребывали и море, и воздух.
И ни на суше стоять, ни по водам нельзя было плавать.
Воздух был света лишен, и форм ничто не хранило.
Все еще было в борьбе, затем что в массе единой
Холод сражался с теплом, сражалась с влажностью сухость,
Битву с весомым вело невесомое, твердое с мягким.

ОВИДИЙ

И начинается сотворение мира. Но это не революционный взрыв, созданный чьей-то прихотливой волей, а постепенная эволюция, где материальная суть возникает путем проб и ошибок — вспомним хотя бы хтонических чудовищ, отдаленно напоминающих грандиозных ископаемых ящеров. Это не демиургическое отворение свода, земли и воды, подобно тому, как строительная фирма возводит стены, затем прилаживает крышу, а в довершение выкапывает бассейн и разбивает цветник. Это процесс, наполненный мукой и болью. Земли рождает земное в ужасных страданиях. Пред нами проходит процесс эволюции, обозначенный столь ярко, что создается впечатление, будто Гесиод и прочие мифорграфы сошли на землю с неба, где в течение мириадов лет наблюдали за тем, как взрываются огненными облаками вулканы, как первоначальное ядро распадается на твердь и влагу, как

возникают простейшие существа, как рыбы заполняют моря и как, наконец, на сушу выползает первое земноводное существо; как мир гигантских ящеров сменяется царством не столь грозных, но таких живучих млекопитающих. И появляется человек.

Этот мир творит эволюция, представляемая эллинами как союз Урана и Геи, Космоса и Земного начала. Лишь много позднее, не без влияния Востока, появляется упоминание о некоем демиурге — «некий — какой неизвестно» (Овидий), обладающий явно монотеистическими чертами.

Мир стал осмысленным лишь когда появились земля и небо. Но это был разум природы, логосфера. Потребовался новый творец, должный осуществить качественное преображение логосферы в человеческий разум. И потребовалось время; время не бесконечное, а считаемое. Недаром нового творца звали Кронос, что означает Время.

Век Кроноса прозвали Золотым. Это был страшный век, когда родители пожирали новорожденных детей, а дети умерщвляли дряхлых отцов. Но он не был наполнен топотом конских орд, свистом мечей надсмотрщиков и звоном острого металла, и потому остался в людской памяти сладчайшим воспоминанием.

Не отдыхая, поля золотились в тяжелых колосьях,
Реки текли молока, струились и нектара реки,
Капал и мед золотой, сочась из зеленого дуба.

ОВИДИЙ

Кронос был идеальным монобогом, хотя и не демиургического склада, и должно быть, очень причудливо сознание людей, если те вдруг свергают сильное и великое божество, возводя на престол вздорных и непостоянных детей его. От сильного, монолитного начала — к кучке божеств, здорово смахивающих на родовых идолов, исчезнувших с возникновением племени.

Это трудно объяснить с логической точки зрения. Обыкновенно наблюдался обратный процесс — от множества родовых божков, каждый из которых имел собственные прикладные функции, человек переходил к единому сильному монобогу, объединявшему в себе все; от конкретного идола — к абстрактному, высшему духу, суть которого весьма туманна и потому удобна. Подобный бог вроде бы и есть, а, если рискнуть возволить себе дерзкую мысль, его вроде бы и не существует. Как есть огонь, есть вода, есть земля, которых порой, в конкретной ситуации, может и не быть. Этот бог требует жертв и не обязательно дарует удачу. И на него нельзя обидеться или рассердиться как на деревянного идола, ибо он есть вселенский дух. А как можно обижаться на вселенского духа! Как можно опровергнуть существование этого духа, ведь он незрим, но всем известно, что он присутствует везде — в каждой частице воздуха, воды или земли.

Подобный вселенский дух — или почти подобный — был и у

эллинов. Монобог, идентичный Иегове, Зрвану или Аллаху. И вдруг этот монобог низвергнут, а на смену ему приходят **боги-люди** — а как же иначе назвать тех, кто ежедневно ссорится, интригует, вступает в любовные связи, набивает чрево нектаром и амврозией. Почему вдруг эллины пошли своим особым путем — не от дубовых идолов к абстрактному духу, напротив от синкретического творца к куда более как конкретным божествам?

Вольно или невольно мы возвращаемся к тому, о чем уже говорили. Этот феномен не объяснить никакими сверхъестественными особенностями эллинов. Просто сознание жителей Эллады не было отягчено вековой «восточной» покорностью племенным вождям; они были типичным северным народом, гордым и независимым, нуждающимся не в повелителе, а в старшем брате, помощнике в трудных делах. Эти люди уже осознавали, что они **сами** способны творить историю и изменять время. И тогда они низвергли непонятного и ненужного им более духа и возвели на его место людей — удачливых воинов и самых прекрасных женщин, позволив им владычествовать над собою. И родились **боги-люди.**

На их долю пришлось три века, первым из которых был серебряный. То была эпоха расставания с дикостью, когда человек уже с трудом довольствовался тем, что имел и был менее счастлив.

Когда же он обзавелся собственной женой и познал сладость жены соседа, пришел век медный, наполненный бранным лязгом.

И, наконец, настал железный, самый несовершенный из всех. Ведь только самый несовершенный век достоин несовершенных своим непостоянством богов и столь же несовершенных людей.

Это были те самые боги, каких искали эллины. Они пришли не с неба, — небо было домом их предков, — этих богов породила земля: зеленые леса и луга, гневливое море, напоенный светом эфир. Эти боги были плотью земли.

2

Человечество не знало сказки более прекрасной, чем эллинские мифы.

Человечество не знало религии более совершенной, нежели религия эллинов.

Наполненная живыми, «плотскими» героями, она более похожа на занимательную историю, нежели на теологические каноны. В отличие от религий пророков, туманных и запутанных, противоречивых настолько, что разрешить эти противоречия не в состоянии самые опытные теологи, **мифорелигия** столь тщательно разработана, что походит на добротно написанную хронику — хронику царствования, смут, радостей и горестей Олимпийцев.

Здесь действуют боги, очень похожие на людей, но только живущие в несколько ином, «верхнем» мире, хотя он также чрез-

вычайно похож на мир людей и также полон склок и ссор, интриг и любовных интрижек, обид и непостоянной дружбы. Боги любят, завидуют, ненавидят, обижаются, причиняют боль и терпят ее. Они наделены столь узнаваемыми и близкими человеку чертами: Зевс — справедливость, Афродита — любовь, Арес — жестокость, Аполлон — расчетливость с долей самолюбования, Дионис — буйное хмельное веселье.

Кроме этого, человек наделил богов ярко выраженными антропологическими чертами. Ведь поначалу это были обыкновенные тотемы. Так, Зевс почитался в образе камня, некогда проглоченного, а позднее извергнутого Кроносом, Геру отождествляли с обрубком древесного ствола, Аполлона — с каменной пирамидой, Лето — с необработанным поленом. Примеров подобного архаического фетишизма можно привести еще немало. Однако постепенно эллины изменяли обличье своих богов, все более приближая его к человеческому. И вот перед нами **боги-люди.** Зевс — высокий дородный мужчина с грозным взором и окладистой бородой, Аполлон — холоднолицый красавец, Афина — совоглазая, с грозно сведенными бровями, Арес — могучий, с жестоким выражением губ, Афродита — прекрасная, словно душистый майский цветок. Они конкретны, «телесны». Они имеют высшую нечеловеческую суть, схожую с грозными природными катаклизмами и т. п., но чрезвычайно редко используют ее. И потому они близки людям, ведь они похожи на людей, они и действуют как люди. Монобоги же четко проводят границу хозяин/слуга, являются пред человеком лишь в сверхъестественном облике — огненный свет, гром, ураган. Так явился Яхве Моисею на горе Синай. Можно возразить на это замечание, напомнив, что Христос предстал перед людьми в обличье человека. Но в тот миг он еще не был монобогом, он был божьим и человеческим сыном, мессией, мостом для спасения человечества. Богом он стал лишь когда утратил свою человеческую сущность и вознесся на небо.

Эллины постарались дать своим божествам подробную и почеловечески правдоподобную биографию, как-то объяснить их появление, наделить естественными чертами, вложить в них собственные привычки и чувства. Прежде всего мифы подробно информируют, где и каким образом появились на свет боги. Причем место их рождения вовсе не абстрактное «небо», а вполне реальное место на земле.

Зевс вышел из лона Реи на Крите, Аполлон родился на Делосе, Пан — в Аркадии, Афродита — на Кипре.

Многие из богов появлялись на свет самым невероятным образом. Дионис вышел из бедра Зевса. Гера родила Ареса от прикосновения к волшебному цветку. Афродита появилась из пены, образованной кровью оскопленного Кроносом Урана.

Нередко способ появления на свет каким-то образом соответствовал качествам того или иного божества. Так, Афина вышла

из головы Зевса, причем в этот миг она уже была взрослой женщиной. Это должно было свидетельствовать о мудрости богини, предначертанной самой судьбой, а кроме того — о полном отсутствии архаичного инфантилизма, в той или иной мере свойственного почти всем Олимпийцам. Афродита появилась из пены — и в воображении сразу возникает что-то воздушное, легкое, непостоянное, прекрасное. Это и есть Киприда.

В отличие от монорелигий в **мифорелигии** присутствует четкая локализация местопребывания богов. Ни один из монобогов не имеет четко определенного места обитания. Оно где-то там, наверху: небо, облака, солнце, эфир... У эллинских богов имеется вполне определенное жилище. Они живут почти на земле — на горе Олимп. Почему именно здесь? Ну, во-первых, конечно, из-за того, что Олипм — самая высокая вершина Эллады. Во-вторых, он находится достаточно далеко от основных культурных центров архаической и классической Греции — Аттики, Беотии, Пелопоннеса. Таким образом вряд ли у кого возникнет желание повторить подвиг Беллерофонта и проверить, все ли в порядке у Олимпийцев. И кто будет прислушиваться к лепету фессалийцев или полудиких македонян, клянущихся, что вершина Олимпа пуста, словно скорлупа первозданного яйца? Эллин лишь усмехнется и скажет, что не каждому дано увидеть олимпийские чертоги, что на это нужно особое благоволение богов.

Боги жили на земном Олимпе весьма долго, вплоть до классического периода. Лишь со временем, когда в эллинистическом обществе стали возникать нигилистические тенденции, место обитания богов было перенесено на Олимп небесный.

Объяснив рождение богов и назначив им место жительства, эллины на этом не успокоились. Они дали каждому более-менее значительному богу свой индивидуальный характер и предоставили определенное поле деятельности.

ЗЕВС — «отец», «дарователь жизни», «покровитель», «владыка владык». Зевс — глава олимпийского пантеона и верховный судья, покровитель людей, земледелия, городов, помощник воинов и т. д. Он поистине всеобъемлющ и в этом несколько схож с монобогом, но не всемогущ. Рок, хотя он зачастую и персонифицируется с Зевсом, довлеет даже над ним.

АПОЛЛОН — второй по значимости бог после Зевса. «Поистине сияющий», «стреловержец», «заступник», «целитель». Это самый грозный бог среди Олимпийцев, даже Зевс порой опасается его, но в то же время Аполлон — блюститель гармонии, бог светлого начала, бог-аристократ.

ДИОНИС — антагонист Аполлона. «Буйный», «шумный», «страдающий». Бог умирающий и бог возрождающийся. Бог грусти и экстатического веселья. Загадочный, вечно хмельной, наполненный порой почти женственной негой (именно таким его увидел Микеланджело), Дионис в конце концов потрясет основы **мифорелигии.**

ПОСЕЙДОН — «водяной», «синевласый». Бог моря, он непрочь заявить свои притязания и на земной престол, недаром претендует на имя «землевержца». Поначалу Посейдон самый опасный соперник Зевса, но постепенно он отходит от дворцовой борьбы и занимается по преимуществу делами своего царства.

АИД — «невидный», «ужасный». Бог подземного царства, третий из братьев, свергнувших Кроноса. В дела Олимпийцев вмешивается редко.

АРЕС — «беснующийся», «вероломный», «запятнанный кровью». Бог бесцельной, разрушительной войны. Нелюбим Олимпийцами и весьма быстро растворяется в облике более благородного Марса.

АФИНА — «совоокая», «световоздушная». Олицетворение мудрости и справедливой войны. Афина — ближайшая помощница Зевса. Она сурова, почти мужеподобна, своего рода «Зевс в юбке». Как и Аполлон олицетворяет гармонию, прежде всего гармонию мысли.

АФРОДИТА — «золотая», «прекрасноокая», «пенорожденная». Богиня красоты и любви. Ей подвластны все: и люди, и боги, за исключением трех божественных девственниц — Афины, Артемиды и Гестии. Власть Афродиты незрима, но очень сильна и потому это шаловливое, непостоянное, влюбчивое создание пользуется определенным авторитетом у других богов. Кроме того, боги-олимпийцы весьма неравнодушны к ней, и это дает Афродите дополнительную силу. Естественно, Афродита покровительствует влюбленным и карает тех, кто бежит от любви.

ГЕРА — «госпожа», «волоокая». Гера сильна прежде всего тем, что является супругой Зевса. Ревнива, мстительна, умеет ненавидеть. Гера — защитница брака и материнского начала.

ГЕФЕСТ — бог огня и кузнечного дела. Мастер на все руки. Некрасивый и неуклюжий из-за своей хромоты нередко служит мишенью для насмешек остальных богов, но в целом все они относятся к Гефесту хорошо, уважая его за умелые руки и добрый нрав.

ГЕРМЕС — вестник богов, покровитель путников, проводник душ умерших. Вдобавок плут, хитрец, обманщик. Он не имеет никакой зримой власти, но прочие боги осторожничают с ним, так как Гермес знает все их тайны; мало кто из Олимпийцев не пострадал от его лукавых проделок.

ПАН — «понравившийся всем». Козлоподобный урод, своего рода душа Олимпа. Пан покровительствует природе и воинам. Добрый по натуре, он при желании может навести на врагов беспричинный страх.

Вот и все основные божества эллинского пантеона. Присмотритесь, типичная патриархальная семья Золотого века. Боги как боги. Люди как люди. Боги как люди.

Однако эллины идут дальше. Они идентифицируют богов с

героями: мифическими или реальными. Спартанцы отождествляли Зевса с Агамемноном, афиняне — Посейдона с Эрехтеем, троянцы — Немесиду с Еленой. Таким образом, боги еще более приближаются к человеку. Меж ними всего шаг, одна ступень. До бога уже можно дотянуться рукой. Одно движение, и ты уподобишься богу. И станешь бессмертным...

3

Бессмертие! Именно оно заставляло человека стремиться вознестись до бога.

Любая религия дает человеку надежду на жизнь после смерти. Телесную или духоподобную, счастливую или наполненную муками ада. Эллинов после смерти ждала тоска.

Иудаизм, Зороастризм, христианство, ислам — везде есть понятие о двойственной загробной жизни, о рае и аде. (Не говоря уже о индуистах, верующих в переселение душ, или о буддистах, полагающихся на животворящую суть кармы). Местообитание праведных душ именуется по-разному: у иудеев и христиан — рай, зороастрийцев — пара-дайз, мусульман — джанна, но суть одна — там сыто и тепло, там наслаждаешься беседой и покоем, а кое-где даже можно предаться плотским утехам. И не требуется лезть из кожи, чтобы попасть в эту обитель совершенного счастья, не требуется совершать нечто из ряда вон выходящее. Достаточно быть праведником, т. е. точно соблюдать каноны религии.

Для тех, кто нарушают их, существует христианский ад, иудейский шеол, мусульманский джаханнам или огненные пустыни, населенные злобными духами — для зороастрийцев. В это место лучше не попадать. Здесь скверно, хотя, как шутливо заметил Вольтер, в аду приличная компания. Но ада нетрудно избегнуть, если старательно замаливать свои грехи.

Для эллина нет понятия грех, как нет ни рая, ни ада. Все, что у него есть, это Тартар или Аид, или Гадес — со временем у мифографов происходит путаница этих понятий. Это весьма мрачное место; здесь не мучают как в аду, — мучениям подвергаются лишь самые отъявленные мерзавцы и бунтари, которых можно перечесть по пальцам, — но здесь очень тоскливо. Тоска! Тоска нескончаемая и всепоглощающая. И никак не избежать ее. И эллин не имеет надежды на воскрешение в день страшного суда, понятие о котором есть в любой монорелигии, но совершенно отсутствует в **мифорелигии.** А значит напрашивается единственный вывод — эллину не приходится рассчитывать на счастливую загробную жизнь, ему надо спешить насладиться

жизнью земной, более того — прожить ее так, чтобы стать великим героем и обрести бессмертие. Это не подвижничество; эллины не знали, что значит жить ради бога, они жили ради жизни.

Данное обстоятельство делало их исключительными жизнелюбами, заставляло жить со вкусом и смыслом, способствовало в конечном счете их **активности,** невиданной доселе национальной **потенции.** Безысходность тартара учила их — carpe diem[1]. И они ловили.

Сыны Эллады развивали бешеную деятельность, покоряя моря и основывая новые города. Эллин становился корсаром, завоевателем, первопроходцем. Он свершал множество подвигов и все ради того, чтобы прослыть героем и быть допущенным на Олимп. Во всей мировой истории античные эллины были, пожалуй, самым предприимчивым народом. В какой-то мере с ними могли сравниться лишь евреи и испано-португальцы времен американской конкисты. Но первые проявляли подобную активность вынужденно, будучи вытеснены с родной земли завоевателями-иноверцами, вторых толкала за море неуемная жажда золота. Сыны Эллады отправлялись в неизведанное не за желтым металлом и не из желания сохранить веру предков. Они искали случая совершить нечто такое, что будет признано подвигом и позволит им избегнуть неотвратимой смерти путем обретения бессмертия.

Должно быть, здесь сыграла роль и подсознательная тяга человечества к совершенству. Человек далек от идеала, однако далеки от него и боги. Так, быть может, человек в состоянии вознестись до бога, стать **богочеловеком.** Эта мысль навязчиво преследовала эллинов, тем более, что традиция свидетельствовала об осуществимости подобной мечты. Ведь стали богоравными не только герои, рожденные от Олимпийцев (Геракл, Тесей, Менелай), но и Тидей, имевший смертных родителей. А значит, любой может уподобиться богам и пировать вместе с ними на Олимпе. Подобная надежда толкала эллинов на свершение героических поступков, наполняла их потенцией, равной которой не обладал ни один другой народ.

Этим двум причинам: отсутствию рая и стремлением к богочеловечеству Эллада обязана появлением многих тысяч отважных моряков и воинов, пускающихся в отчаянные авантюры и основывавших колонии в диких неизведанных землях. И моря заполонили многие тысячи парусов.

Плыли, как будто по стремю, легко; нас, здоровых, и бодрых
По морю мчали они, повинуясь кормилу и ветру.

ГОМЕР, «Одиссея»

Но шли века. У эллинов возрастал теологический скептицизм. Они подвергали сомнению существование богов, а значит и безальтернативность Тартара как загробной жизни. Здесь, очевидно, играет роль извечная мечта человека жить бесконечно долго. Возникают «ереси», схожие с более поздним буддийским учением. Наиболее яркий пример тому — Эмпедокл с его тысячью перерождений, чья философия продумана настолько тщательно, что поневоле задаешься вопросом: а не носила ли какая-нибудь сороковая по счету ипостась Эмпедокла имя Будда. Однако все же в этом учении чувствуется определенный налет Востока, чуждый политеистической Элладе. Кроме того, от подобных «ересей» веяло поэзией натурфилософов, а эллинская мысль вступила в фазу четких, близких к догмату концепций Платона и Аристотеля.

По мере того как эллины теряли свою религиозную чистоту, все более возникала нужда в утешении слабых — в рае, надежде на то, что уж если не тело, то по крайней мере душа не исчезнет безвозвратно. Мудрый старается оставить о себе добрую память, глупец ищет утешения в сказке об обиталище души, где она будет пребывать после смерти. И тогда возникает легенда об Элизиуме или Островах Блаженных. Эта легенда существовала и раньше, о ней упоминает еще Гесиод. Но прежде Острова Блаженных были местом обитания героев, из числа самых великих, которым в силу их небожественного происхождения не нашлось места на Олимпе. Со временем традиция начинает помещать в это «райское» место всех праведников. Неизведанный мир был велик и Острова блаженных было нетрудно разместить за Геркулесовыми столпами. Идеальный мир, схожий с Атлантидой Платона. И вновь вопрос — Платон ли срисовывал свою Атлантиду с Островов Блаженных или же древние мифографы придали эллинскому раю черты смутнопамятной, канувшей в Лету империи?

С тех пор, как эллины уверовали в существование спасительного рая, пришел конец эллинской **потенции.** Эллада была поглощена Римом, верившим не в сказку о загробной жизни, а лишь в гражданскую доблесть и меч. Сами римляне, к слову, сойдут с арены истории, когда уверуют в христианский рай.

4

Какое влияние оказывала **мифорелигия** на становление эллинской государственности?

Политеизм в целом не препятствует становлению единого национального государства. Это характерно для случая, когда

создание пантеона идет попутно с национально-государственным оформлением. Так было в Египте.

В Элладе этот процесс шел иначе. Эллины легко воспринимали новых богов и поклонялись всем им сразу, но при этом предпочтение отдавалось богу-эпониму[1]. Разделенная горными хребтами и местными культами, Эллада так и не оформилась в единое государство, а до поглощения Римом представляла огромное множество полисов, объединяющихся время от времени в непрочные политические образования.

Мифорелигия при всем своем жизнелюбии не смогла создать стержня, объединяющего нацию. Коринфянин чувствовал себя прежде всего коринфянином, аргосец — аргосцем, афинянин — афинянином. И лишь потом они чувствовали себя эллинами. Подобная национальная раздробленность была в истории любого народа, но у древних эллинов она была перманентной. Поразительно, что именно на эти века приходится расцвет эллинской культуры!

Мифорелигия отличается веротерпимостью. Пожалуй, невозможно привести хотя бы один пример того, чтобы эллины по религиозным мотивам сокрушали храмы иных божеств. Напротив, они очень легко идентифицировали иноземных богов со своими. Так Геродот без колебания отождествляет с Зевсом и скифского Папия, и египетского Аммона, с Афродитой — малоазийскую Кибелу и египетскую гатор, с Аполлоном — скифского Гойтосира. Некоторые боги, к примеру Дионис, вообще позаимствованы эллинами у других народов, но они вписались в **мифорелигию** столь естественно, словно присутствовали в ней изначально.

Любая вера, не исключая даже самую пассивную — христианскую, содержит в себе некое наступательное начало. В моноверах это начало жестокое, насильственное, — сила, исходящая от бога, — у эллинов оно творческое. Эллин может убивать, жечь и грабить, но он не вправе насиловать сознание, привнося в него свои идеалы. Эллины отправлялись в поход не с шестиконечной звездой, крестом или полумесяцем, они несли с собой гармонию Аполлона, вино Диониса и красоту Афродиты. Они признавали рабство, но лишь физическое — над телом, а не над сознанием. Рабы эллинов могли поклоняться кому угодно и не терпели за это никакой кары. Как и не имели никакой выгоды, если отрекались, скажем, от Мардука и начинали поклоняться Зевсу.

Мифорелигия сделала эллина предприимчивым к миру, она же сделала мир восприимчивым к эллинистической культуре. Мир чрезвычайно легко принимал эллинских богов и с удовольствием поклонялся им. Эти боги были близки человеку, они помогали избавиться от страха перед сверхъестественным, ко-

торый присутствует в любой восточной монорелигии. Бог превратился из господина в друга и покровителя. Друга, возливая которому из чаши, ты пьешь вместе с ним; пьешь вино, а не кровь.

Однако при всей своей человечности — имеется в виду близость к человеку — **мифорелигия** порой была очень жестокой. Несоблюдение религиозных норм, как-то осквернение храма пролитием крови ищущих покровительства у божества (случай с Алкмеонидами)[1], разрушение священных изображений (Алкивиад[2]), несовершение погребального обряда (Аргинузские острова) каралось не менее строго, чем нарушение христианских догматов в эпоху инквизиции, магометанских норм в период правления халифов или иудаистских при великих царях.

Чем объяснить эту жестокость — отголосками архаического прошлого или проявлением религиозного догматизма? Думается, таким образом эллины пытались предотвратить начавшееся разложение общества. Не в силах удержать человека в рамках общественной морали они пытались заменить ее строгим соблюдением религиозных канонов.

5

Механизм самоуничтожения присутствует в каждой вере. **Мифорелигия** не исключение. Как и прочие, она была насквозь пропитана скепсисом. Не мятущимся, переполняющим душу индивидуума, а взрывным, бунтарским. Сами боги порой восстают против божественных устоев. Аполлон, Афина, Посейдон и Гера интригуют против Зевса и тому волей-неволей приходится прибегнуть к помощи титанов — могучей силе земли, чтобы подавить «придворный» бунт. Но все это дворцовые шалости, а вот уже Аполлон учит смертных противостоять воле божественных предопределений.

Как же смогли б вы, Эней, защитить вопроеки и
бессмертным,
Трою высокую, если теперь ниспослать вам победу
Хочет сам Зевс, а вы лишь трепещете, стоя без битвы?
Видел когда-то других я людей, — только собственной силе,
Собственной смелости духа и мощи они доверяли...

ГОМЕР, «Илиада»

Здесь Аполлон выступает по сути против Зевса, отвергая возможность преемственного восприятия последним вселенского духа. Фрондер по натуре, светозарный бог, не прочь занять олимпийский престол, не колебля при этом основ веры. Однако выступая против отца, он волей-неволей наносит сильнейший удар

по всему зданию веры. Это не бунт, но уже его предвестие.

Активно содействовал разрушению веры титан Прометей. Он осмелился взбунтоваться и против Зевса и против предопределения, так как, обладая даром предвиденья, знал, какие последствия повлечет его поступок, но тем не менее отважился на него. Прометей дал людям знание, порождающее религиозный скептицизм. Он был примерно наказан, но затем его фактически помиловали и даже пригласили на Олимп. По логике событий Прометей должен был занять место рядом с Зевсом, потеснив таким образом верховного бога. Это уже первое проявление бунта.

Апогей бунта начнется тогда, когда на Олимпе объявится буйный гость из Фракии — Дионис.

Бог разрушающий и созидающий. Бог умирающий и воскресающий вновь. О нем писали так много и столь многие (достаточно упомянуть имена Ф. Ницще, Вяч. Иванова, В. Вересаева), что я не хочу много говорить об этом, вне всякого сомнения, самом загадочном боге эллинского пантеона. Затронем лишь одну тему — как Дионис, самый языческий из всех языческих богов похоронил языческий Олимп.

До него Олимп был подобен несокрушимым мраморным чертогам, покоящимся на зевсовой мудрости и аполлонической гармонии. Дионис, воплотивший в себе суть растерзанного и сожранного титанами Загрея, нес в себе титаническую силу, частицу укрощенного им хаоса; если только вообще можно говорить об укрощении хаоса. Он подарил Элладе вакхическое неистовство, сокрушив гармонию аполлонического эллина. Произошел взрыв. Эллин внезапно узрел еще одну возможность уподобиться богам, слиться с ними воединов в хмельном экстазе. И не нужны были больше подвиги и свершения, достаточно было принести возлияние хмельному богу и выпить чашу неразбавленного вина. Дионис, самый жизнелюбивый из богов таким образом лишил эллина активной жизненной позиции, той самой **потенции** , что двигала афинскими и эгинскими триерархами, коринфскими переселенцами и гоплитами спартиатами. Он понизиз авторитете Элизиума, а значит и всей веры. Но это было полбеды. Помимо всего Дионис был вечно умирающим и воскресающим богом, то есть присущее богам бессмертие он дробил на жизненные циклы, свойственные человеку. И люди заговорили о переселении душ. Первым об этом сказал Ферекид, его мысль подхватили и развили Пифагор и Эмпедокл. Человек обретал бессмертие, а значит уподоблялся богам. А разве может подобный тебе служить авторитетом?

Дионис заменил стройное логическое предопределенное начало на буйную хаотичную стихию, стремился преодолеть неотвратимость рока и вернуться к хаосу. Поначалу бунтарская

суть дионисийства проявлялась в принципе умирающей и воскресающей природы, но здесь наличествовало спиралеобразное развитие, не противоречившее логическим законам времени. Однако постепенно Дионис превращается в свою первую ипостась, противоречившую Зевсу и уничтоженную им. Дионис по сути поворачивает время вспять, потрясая устои бытия.

Двоякая суть Диониса — бога вечно веселящегося и вечно страдающего. В этой сути было нечто, несвойственное Олимпийцам, которым было чуждо страдание как категория. В ней — черный червь, копошащийся сомнением в душе человека — быть или не быть. И эллин уже не находи ответа. То, что было для него ясным и понятным, вдруг стало запутанным. Человек ищет выход в радости, как прежде, но не находит его, потому что в его душе поселилось страдание. И тогда он ищет выход в страдании, но это уже не олимпийская вера, наполненная оптимизмом. Страдание порождает мессианизм, потребность в божестве, к которому можно б было обратиться со слезливой молитвой. Был ли Дионис таким божеством? Однозначно — нет. Ведь:

Принес он смертным влажный сок лозы.
Когда бессчастный человек той влаги,
Рожденной виноградом, изопьет, —
То улетает скорбь, и сон приходит,
Приходит повседневных зол забвенье, —.
Иного средства от страданий нет.

ЕВРИПИД, «Вакханки»

Дионис имеет средство от страданий. Он единственный может избавить от страдания, привнесенного им же. Но человек уже не нуждается в излечении. Как это сладко — страдать! Достоевский устами Алексея Ивановича («Игрок») замечает: «Есть, есть наслаждение в последней степени приниженности и ничтожества. Черт знает, может быть, оно есть и в кнуте, когда кнут ложится на спину и рвет в клочки мясо».

Человек наслаждается душевным мазохизмом. Он начинает размышлять о грехе — понятии, чуждом аполлоническому эллину. Грех становится изначален и с этого мгновения Дионис преображается. Его сладострастный, порочно-хмельной, вечно возрождающийся лик «дьявола», сменяется скорбным лицом Христа. Остается лишь умертвить суть бунтаря, объявив себя рабом раба, и животворящая сила Диониса исчезает. Дионис свергает олимпийцев лишь затем, чтобы самому пасть под тяжестью креста.

Человечество должно было содрогнуться в тот миг, когда

Дионис обдуманно-нечаянным ударом тирса убил великого Пана, душу олимпийской Эллады. Но оно осталось равнодушно, ибо еще не осознало этой утраты. Оно стояло на коленях пред висящим на кресте, не задумываясь над тем, что этот крест подмял не просто лживых языческих идолов Юлиана Отступника, не демонических божеств канувшей в Лету эпохи. Он подмял самую прекрасную сказку, когда-либо созданную человечеством. Юная сказка ушла, уступив место согбенноспинной старости.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

стр. 13 [1] Гесиод «Дела и дни», 112—117.

стр. 14 [1] Овидий «Метаморфозы», книга первая, 114—115.

стр. 15 [1] Арей (Арес) — греческий бог войны.

[2] Гесиод «Дела и дни», 145—149.

стр. 17 [1] ЗАРАТУСТРА, Заратуштра (Зороастр — греч.) — древнеперсидский жрец и пророк. Предположительное время жизни — 12—11 вв. до н. э. Основатель зороастризма.

[2] АХУРАМАЗДА, Ахура-Мазда (Ормазд — греч.) — «господь премудрый», верховное божество зороастрийского пантеона, олицетворяющее силы света и добра.

[3] АНГЛО-МАЙНЬЮ, Анхра-Манью (Ариман — греч.) — бог-противник Ахурамазды, олицетворение сил тьмы и зла.

[4] АВЕСТА — священная книга зороастрийцев.

стр. 18 [1] ЛОКОТЬ — мера длины, используемая в древнем мире. Примерно 44 см.

стр. 19 [1] Жреческое сословие магов включало три ступени: совершенный наставник (дестур-мобед), наставник (мобед), ученик (гербед).

стр. 20 [1] ХАЗАРАПАТ — начальник личной охраны (первой тысячи) персидского царя. Помимо своих основных обязанностей осуществлял функции верховного контроля. Без согласия хазарапата ни один посетитель не мог попасть на прием к царю.

[2] ФРАТАРАК — наместник округа, средней территориальной единицы в Персидской империи.

[3] САТРАП — наместник сатрапии, крупнейшей территориальной единицы в Персидской империи.

стр. 22 [1] ЭФЕРГЕТ (благодетель — перс.) — наиболее приближенный к царю человек. Титул эвергета присваивался за значительные заслуги перед Персидской империей. Среди эвергетов были персидские вельможи, так и иноземцы, к примеру афинянин Фемистокл, спартиат Демарат, милетянин Гистиэй.

стр. 24 [1] Ф. Ницше «Так говорил Заратустра».

стр. 27 [1] Ф. Ницше «Так говорил Заратустра».

стр. 48 [1] ПАРАСАНГ — мера длины, равная 5549 метрам.

стр. 62 [1] СКИФСКИЙ ПОНТ — Черное море.

стр. 67 [1] ХУМУТ-ТАБАЛ — в шумеро-аккадской мифологии демон, перевозящий души мертвых через «реку, которая отделяет от людей» — границу между миром живых и миром мертвых.

[2] ГИППОДАМ — известный греческий архитектор (5 в. до н. э.).

[3] ЗИККУРАТ — культовая башня ярусного типа в Шумере или Вавилоне.

стр. 81 [1] КАНДИЙ — парадное одеяние древнеперсидских вельмож, отличительной чертой которого были широкие рукава.

стр. 85 [1] СИКОФАНТ (греч.) — шпион, доносчик.

стр. 110 [1] КУР — древнеперсидская мера объема, равная 150 литрам.

стр. 120 [1] Тора, Левит, 6, 26.

стр. 145 [1] ЭПАКТРИДА — быстроходное маневренное судно средних размеров. Излюбленный корабль пиратов.

стр. 148 [1] АВЛЕТ — Флейтист на корабле, задающий темп гребли.

стр. 150 [1] ПЕХЛЕВИЙСКАЯ — т. е. относящаяся к эпохе Сасанидов.

стр. 156 [1] СОТЕР — спаситель (греч.).

[2] ВАВИЛОНСКОЕ ПЛЕНЕНИЕ — После взятия Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором 2 евреи были насильственно переселены в Вавилонию (586 г. до н. э.). Вернулись обратно по разрешению персидского царя Кира 2 (539 г. до. н. э.).

Стр. 157 [1] ХВАРНО — божественная субстанция, обладание которой дает счастье и могущество.

стр. 163 [1] АРШАКИДЫ — парфянская династия (250 г. до н. э. — 224 г. н. э.).

[2] САСАНИДЫ — иранская династия (224—651 гг. н. э.).

Стр. 167 [1] ТАНАТОС — бог смерти в греческой мифологии.

[2] КРОНИОН — т. е. сын Крона. Обычно так называли Крона.

[3] Гесиод «Дела и дни», 157—160.

стр. 171 [1] ОЙКУМЕНА — обитаемый мир.

стр. 173 [1] МОЙРА — в ранней греческой мифологии судьба, получаемая человеком при рождении. Позднее мойрами называли трех богинь, определяющих людскую судьбу: Лахесис («дающая жребий»), Клото («прядущая»), Атропос («неотвратимая»).

[2] ГЕРА — верховная греческая богиня, жена Зевса.

Стр. 176 [1] ИАПЕТ — в греческой мифологии один из титанов, отец Атланта, Менетия, Прометея и Эпиметея.

[2] УРАН — в греческой мифологии божество неба. От брака с Геей произвел титанов, киклопов и гекатонхейров.

[3] ГЕЯ — в греческой мифологии богиня животворящей земли.

стр. 177 [1] ГЕКАТОНХЕЙРЫ (сторукие — греч.) — сторукие и пятидесятиглавые гиганты гиганты Бриарей, Гий и Котт.

[2] ОРФЕЙСКАЯ ГОРА — место обитания титанов.

стр. 182 [1] МИЛЛИРЕН, меллирен — в Спарте мальчик старшего возраста.

[2] ПОНТИЙСКИЙ — причерноморский.

[3] ПЕРИЭКИ — полузависимая часть лаконского общества, сохранившая личную свободу, но не располагающая полноценными гражданскими правами.

[4] ИРЕН — спартиат 10—30 лет.

[5] АГЕЛА — подразделение мальчиков-спартиатов.

[6] ФИДИТИЯ — коллективная трапеза спартиатов.

Стр. 183 [1] ХИТОН — женская и мужская исподняя одежда у древних греков.

[2] ГИМАТИОН, гиматий — верхняя одежда в форме плаща, у мужчин застегивалась под правой рукой.

[3] ЭФОР — высшее должностное лицо в Спарте.

[4] ПЕДОН — спартиат-наставник, следивший за воспитанием юношей.

[5] ФЕОР — спартанский посол.

[6] ГОЛЕЙ — опытный воин-спартиат старше 35 лет.

[7] КРАТЕР — сосуд для смешивания жидкостей.

[8] КИАФ — сосуд с одной ручкой. Использовался как черпак для вина.

стр. 184 [1] Персов в Элладе называли мидянами.

стр. 185 [1] ИЛОТЫ — порабощенное коренное население Лаконики и Мессении.

[2] ГЕРОНТ — спартиат не моложе 60 лет, входивший в состав геруссии.

[3] АПЕЛЛА — народное собрание в древней Спарте.

[4] КРЕПИДА — вид обуви типа сандалий.

стр. 186 [1] АГАТОЕРГ — всадник-спартиат.

[2] СКИРИАТ — париэк, проживающий в области Скириатиде.

[3] ОРГИЯ — античная мера длины, равная 1776 метрам.

стр. 189 [1] ГЕРУССИЯ — совет старейшин в Спарте, подготавливающий решения по важнейшим государственным делам.

стр. 192 [1] КРИПТИЯ — форма обучения молодых спартиатов, в ходе которой осуществлялось наблюдение за поведением илотов, а в случае необходимости организовывались карательные операции против них.

[2] СЕЛЕНА — древнегреческая богиня Луны.

стр. 194 [1] ПОЛЕМАРХ — командир подразделения.

стр. 198 [1] ПЕВТЕКОНТЕРА — судно с пятьюдесятью веслами.

стр. 202 [1] КСИФОС — короткий греческий меч.

стр. 203 [1] ТАЛАССОКРАТИЯ — господство на море.

стр. 204 [1] АСФОДЕЛЬ — тюльпан.

[2] Вергилий «Энеида» 6, 286—290.

стр. 205 [1] АВЕРН — латинское название Тартара.

[2] ДИТ — латинский аналог Аида.

[3] Вергилий «Энеида» 6, 127—130.

стр. 206 [1] Спустя 300 лет со дня первых Олимпийских игр, т. е. в 476 году до н. э.

стр. 207 [1] ЛЕКИФ — древнегреческий сосуд для масла цилиндрической формы.

[2] КЕНОТАФ — надгробный памятник или могила умершего, останки которого захоронены на чужбине.

стр. 209 [1] СИМПОСИОН, симпосий — попойка, организуемая после совместной трапезы.

[2] ГИМНАСИОН, гимнасий — первоначально помещение для физического воспитания, позднее высшее учебное заведение.

[3] КИНОСАРГ — холм близ Афин, где находился гимнасион, посещать который могли люди, не имеющие афинского гражданства.

[4] ФАРОС — парадный плащ.

стр. 212 [1] ПРИТАНЕЙ — здание, в котором собирались на общественную трапезу пританы, члены буле, исполнявшие текущие государственные обязанности. Обед в пританее считался для афинянина высокой почестью.

стр. 213 [1] ЭВПАТРИД — афинский аристократ.

стр. 214 [1] СОВЕТ ПЯТИСОТ (буле — греч.) — государственный совет, ведавший важнейшими государственными делами.

[2] ФИЛАРХ — командир небольшого подразделения.

[3] ГОПЛИТ — тяжеловооруженный пехотинец. Гоплиты составляли основную часть армий эллинских полисов.

[4] МЕТЕК — некоренной житель полиса, обладавший личной свободой, но не имевший гражданских прав.

[5] ЛУЧНИКИ-СКИФЫ — рабы, представители кочевых племен, чаще всего скифы, исполнявшие в Афинах полицейские функции.

стр. 215 [1] КЛЕР — земельный участок афинского гражданина.

стр. 217 [1] ПРОРЕТ — начальник моряков на носу корабля.

[2] ФЕТ — представитель малоимущей прослойки граждан Афин. Феты не обладали полным объемом прав, которые имели представители трех высших разрядов. Во время войны обычно служили гребцами или легковооруженными пехотинцами.

стр. 218 [1] СТАДИЙ — мера длины, равная 178,6 метра.

стр. 225 [1] ФЛЕГРЕЙСКИЕ ПОЛЯ — местность к западу от Неаполя, где происходила мифическая битва между богами и гигантами.

стр. 232 [1] АТА, Ате — богиня, олицетворяющая мгновенное безумие.

стр. 235 [1] КУРЕТЫ — демонические существа, слуги младенца Зевса.

стр. 236 [1] Гомер «Илиада», 5, 336—340.

стр. 238 [1] СЫНОВЬЯ АЛОЭЯ — От и Эфиальт. Обладавшие огромной силой, они пытались взобраться на небо, взгромоздив на Олимп горы Пелин и Оссуг.

[2] БЕРСЕРКИР — викинг, сражавшийся в состоянии яростного исступления.

Стр. 239 [1] ОБОЛ — самая мелкая греческая монета, равная 1/16 драхмы.

[2] НЕЗРИМАЯ ПОД ШЛЕМОМ АИДА — шлем Аида обладал способностью делать человека невидимым.

стр. 240 [1] ОЖЕРЕЛЬЕ ГАРМОНИИ. — Гармония — супруга цифического царя Кадма из Фив. В качестве свадебного подарка получила изготовленное Гефестом ожерелье, приносившее несчастье всем его обладателям.

стр. 245 [1] ... БЫЛ В ПОЧЕТЕ БЕЛЫЙ ЦВЕТ. — Одежду белого цвета в 5 веке носили по преимуществу аристократы.

[2] ФАЭТОН — сын Гелиоса. Управляя колесницей солнца не смог удержать огнедышащих лошадей, вызвав страшный пожар на земле, за что Зевс поразил его молнией.

стр. 246 [1] СПАРТ — мифический воин, рожденный из посеянных в земле зубов дракона, сраженного Кадмом. Кадм и пять спартов были основателями Фив.

[2] БЕОТАРХ — высшее должностное лицо в Фивах.

[3] МЕГАРОН — помещение для пира.

стр. 251 [1] ДРАХМА — серебряная монета в Древней Греции. Вес 4,36 грамма.

стр. 252 [1] ТАЛАНТ — денежная единица, равная 6000 драхм.

стр. 253 [1] НАЯДЫ — нимфы источников, прудов и озер.

стр. 266 [1] ХЛАМИС (ХЛАМИДА) — плащ из плотной шерстяной материи, надеваемый поверх хитона.

стр. 272 [1] СТИЛОБАТ — поверхность фундамента здания, на которой покоится основание колонны.

стр. 282 [1] ГАРМОДИЙ И АРИСТОГИТОН — афинские аристократы, осуществившие покушение на тиранов Гиппарха и Гиппия.

[2] МИЛОСЕРДИЕ КИРА. Согласно легенде Кир приказал пощадить побежденного им и приговоренного к сожжению лидийского царя Креза, напомнившего победителю о превратностях судьбы.

[3] ДЕЛЬФИН ОРФЕЯ. Орфей — легендарный греческие поэт и певец. Согласно Геродоту, возвращаясь из Тарента в Коринф, был ограблен моряками и, спасаясь, прыгнул за борт. Находившийся неподалеку дельфин подобрал Орфея и доставил его к берегу.

стр. 287 [1] ЭНДРОМИДА — сапоги с отверстиями для пальцев.

стр. 293 [1] ПОЛИКРАТ — тиран Самоса (538—522 гг. до н. э.). Превратил Самос в крупнейший экономический, культурный и военный центр своего времени. Был коварно схвачен и посажен на пол персидским сатрапом Оройтом.

[2] ТАНТАЛ — сын Зевса, царь горы Сипила близ Смирны (Малая Азия), пользовался благорасположением богов. Желая узнать всеведущи ли боги, Тантал убил своего сына Пелопса и накормил их его мясом. Боги заключили Тантала в Тартар и наказали его вечной жаждой и голодом — «танталовы муки».

стр. 301 [1] ТЕРИСЕЙ — мифический слепой прорицатель из Фив. Единственный человек, которому по воле судьбы довелось быть и мужчиной и женщиной. Призванный разрешить спор Зевса и Геры, кому любовь приносит больше наслаждения — женщине или мужчине, Тиресий ответил, что на долю мужчины приходится лишь одна десятая того наслаждения, что испытывает женщина. За это разгневанная Гера ослепила его, а Зевс наделил даром прорицателя. Согласно другому мифу Тиресий случайно увидел купающуюся Афину, за что был ослеплен ею.

стр. 317 [1] БИРСА — холм, на котором был основан Карфаген.

[2] СУФФЕТ — высшее должностное лицо (верховный судья, во время войны часто главнокомандующий) Карфагенской республики.

[3] БААЛ-ХАММОН — Финикийский бог солнца и плодородия.

стр. 225 [1] ЭНОМОТИЯ — подразделение спартиатов не более 64 человек, скрепленное взаимной клятвой.

[2] ПЛЕТР — мера площади равная 876 м^2.

стр. 331 [1] Эмпедокл, из поэмы «Очищения».

стр. 334 [1] МИНА — мера массы, равная 600 гр.

стр. 335 [1] ВЕЛИКАЯ ЭЛЛАДА — группа греческих полисов, находящихся в Южной Италии. Наиболее значительными являлись Таронт, Сибарис, Кротон, Неаполь, Посидония.

стр. 339 [1] ФАЛАРИД (ФАЛАРИС) — тиран Акраганта, правивший в 6 в. до н. э. Проводил активную экспансионистскую политику. «Прославился» тем, что сжигал свои политических противников в медном быке. Несмотря на жестокость деятельность Фаларида высоко оценивалась его современниками, в том числе и Пифагором.

[2] БАЗИЛЕВС — царь в архаичной Греции.

[3] ПРОТАГОР (480—410 до н. э.) — виднейший философ-софист, оказавший влияние на Перикла, Еврипида и Демокрита. За скептическое отношение к богам был изгнан из Афин. Эмпедокл, из поэмы «Очищения».

стр. 341 [1] Эмпедокл, из поэмы «Очищения».

стр. 342 [1] АЛКИВИАД (450—404 до н. э.) — афинский государственный деятель и полководец. Был обвинен в осквернении статуй Гермеса (герм) и бежал. Позднее вернулся, но вскоре вновь вынужден был удалиться в изгнание. Убит по приказу персидского сатрапа Фарнабаза.

[2] ТИМОФЕЙ (4 в. до н. э.). Афинский политический деятель. Умер в изгнании.

[3] ГЕРОИ АРГИНУЗСКИХ ОСТРОВОВ. В 406 г. до н. э. возле Аргинузских островов афинский флот одержал победу над спартанским. Из-за разыгравшейся бури афиняне не смогли предать земле тела погибших товарищей. По возвращению в Афины шесть из десяти стратегов, командовавших афинским флотом (остальные отказались вернуться) были обвинены в надругательстве над памятью павших и приговорены к смерти. Против смертного приговора голосовал лишь Сократ.

[4] ФОКИОН (402—318 до н. э.) — афинский государственный деятель, 45 раз избиравшийся стратегом. Был казнен по ложному обвинению.

[5] КАЗНАЧЕЙ, ПОЛЕТЫ, АПОДЕКТЫ, ЛОГИСТЫ — афинские чиновники, распоряжавшиеся финансами.

[6] КЛИСФЕН СИКИОНСКИЙ (600—565 до н. э.) — тиран города Сикиона, дед известного афинского государственного деятеля Клисфена.

[7] ОЛИГАРХИЯ — власть нескольких родов. Аристотель называл олигархию вырождением аристократии.

[8] СОФИСТ — представитель философского течения, отрицающего судить двояко. К наиболее известным софистам следует отнести Протагора, Горгия и Гиппия. Софисты оказали значительное влияние на почти все философские школы античности.

стр. 343 [1] СОЛОН (640—560 до н. э.) — афинский политический деятель, законодатель и поэт. Эллины относили Солона к числу семи древних мудрецов.

[2] ГЕРАКЛИТ (554—483 до н. э.) — эфесский философ и государственный деятель. Учение Гераклита содержит много диалектических и материалистических положений.

[3] АНАКРЕОН (АНАКРЕОНТ) — поэт-лирик 6-го века до н. э. Жил при дворах Поликрата Самосского и Гиппарха Афинского.

[4] ДЕМОКЕД — известный греческий врач.

[5] ПИФАГОР (540—500) — великий греческий философ-идеалист, основатель пифагорейской школы.

Стр. 344 [1] КИЛОН — афинский аристократ, предпринявший неудачную попытку установить тиранию (632 г. до н. э.) — так называемая Килонова смута.

[2] ГИППИЙ — афинский тиран в 528—519 гг. до н. э.

стр. 348 [1] ЭРЕХТЕЙ — мифический царь Афин.

стр. 353 [1] ТРИБОН — короткий спартанский плащ.

[2] «СТО» — отряд отборных воинов, выполнявший функции телохранителей спартанского царя.

стр. 363 [1] МЕНЕЛАЙ — мифический царь Спарты, муж Елены.

[2] ПОХИЩЕННАЯ ВАРВАРОМ ЖЕНЩИНА ИЗ СПАРТЫ — речь идет о Елене, бежавшей в Трою с Парисом. Варварами эллины именовали представителей других племен и народов.

стр. 366 [1] ПАЛЕСТРА — площадка для спортивной борьбы и упражнений.

[2] НЕРЕЙ — морское божество, отец пятидесяти дочерей-нереид.

стр. 383 [1] ДИФР — низкий табурет без спинки.

стр. 392 [1] МЕНАДА — спутница Диониса. Менады участвовали в шествиях Диониса, впадая при этом в исступленный экстаз.

[2] КАССИЯ — вид благовония.

стр. 393 [1] САГАРИСА — обоюдоострая боевая секира. Сагарисами были вооружены состоявшие в войске Ксеркса скифы.

[2] СКИРОФОРИОН — месяц, соответствующий периоду с 22 июня по 21 июля.

стр. 395 [1] ХЕНИК — мера объема сыпучих тел, равная 1,09 литра.

[2] ХУС — мера объема жидких тел, равная 3,28 литра.

стр. 397 [1] ЯХМОС — в данном случае речь идет о египетском фараоне, основателе 18 династии Яхмосе 1 (1580—1559 гг. до н. э.), освободившем Египет от владычества гиксосов.

[2] ТИГЛАТПАЛАСАР — речь идет о Тиглатпаласаре 1 (1114—1076 гг. до н. э.), ассирийском царе, совершившем множество завоевательных походов.

[3] ХЕТТЫ — народ, проживавший в Малой Азии в 18—12 вв. до н. э.

стр. 398 [1] СИКЕЛИЯ — так эллины, в особенности сицилийские, называли Сицилию.

[2] МОЛОСС — порода овчарок, выведенная в Эпире.

стр. 399 [1] ЛУТРОФОР — длинный узкогорлый сосуд, использовавшийся для обряда омовения невесты.

[2] ГИДРИЯ — сосуд для воды с двумя горизонтальными и одной ручкой.

[3] МЕЛИТА — район Афин.

стр. 403 [1] ФИЛА — административная единица в Афинах. Всего было 10 фил.

[2] ПАГАСЕЦ — житель города Пагасы, придерживавшегося персофильской ориентации.

стр. 416 [1] КУРОС — общее название каменных статуй мужчин, созданных в 7—6 вв. до н. э.

[2] ХАРИТЫ — богини красоты и женской прелести, сопровождали Афродиту. Наиболее известны три хариты — Аглая (Блеск), Евфросина (Радость) и Тадия (Цвет).

стр. 429 [1] ЗЕВС-ЛАБРИС — одно из имен Зевса. Зевсу-Лабрису поклонялись на Крите.

стр. 446 [1] Carpediem (лат.) — лови мгновение.

стр. 448 [1] БОГ-ЭПОНИМ — бог-покровитель, давший название городу, определенной местности.

стр. 449 [1] АЛКМЕОНИДЫ — афинский род, ведший свою родословную от Алкмеона. Принадлежавший к роду Алкмеонидов архонт Мегакл приказал истребить участников заговора Килона, искавших спасение у алтарей богов. За это весь род Алкмеонидов был проклят и изгнан из Афин.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Восток. Парса.

Пролог: «Эпоха Востока» 13
Глава первая: «Так говорил Заратустра» 17
Глава вторая: «Вокруг одни заговоры» 33
Глава третья: «О любви, о царе Дарии, о скифском походе и о судьбе милетянина Гистиэя» 54
Глава четвертая: «Тени мертвого города» 67
Глава пятая: «Призрак у кровати. Явление первое» 79
Глава шестая: «Какой был бал!» 91
Глава седьмая: «Призрак у кровати. Явление второе» 106
Глава восьмая: «Самая короткая» 117
Глава девятая: «Из парсов в греки»-1 122
Глава десятая: «Из парсов в греки»-2 136
Эпилог: «Устами Зороастра» 150

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Запад. Эллада.

Пролог: «Эпоха Запада» 167
Мифологическая библиотечка.
Эпитома первая: «Камень Прометея» 172
Глава первая: «Пелопоннес. Спарта» 182
Мифологическая библиотечка.
Эпитома вторая: «Тесей» 197
Глава вторая: «Афины. Аттика» 207
Мифологическая библиотечка.
Эпитома третья: «Отцы и дети. Небесный гость» 220
Глава третья: «Олимп. Мессения» 227
Мифологическая библиотечка.
Эпитома четвертая: «Ярость» 238
Глава четвертая: «Фивы. Беотия» 245
Мифологическая библиотечка.
Эпитома пятая: «Месть Аполлона» 257
Глава пятая: «Дельфы, Фокида» 264
Мифологическая библиотека.
Эпитома шестая: «Отцы и дети. Остров Блаженных» 284
Глава шестая: «Олимп. Фессалия» 293
Мифологическая библиотечка.
Эпитома седьмая: «Киклоп» 310
Глава седьмая: «Акрагант. Сицилия» 317
Мифологическая библиотечка.
Эпитома восьмая: «Мастер» 346
Глава восьмая: «Остров Крит» 353

Мифологическая библиотечка.
Эпитома девятая: «Отцы и дети. Будни Олимпа» 364
Глава девятая: Олимп. Фессалия»-2 373
Глава десятая: «Время точить мечи»-1 393
Глава одиннадцатая: «Время точить мечи»-2 415
Эпилог: «Сказка зари человечества» 436

Дж. Коуль

АТЛАНТЫ. ВОИН

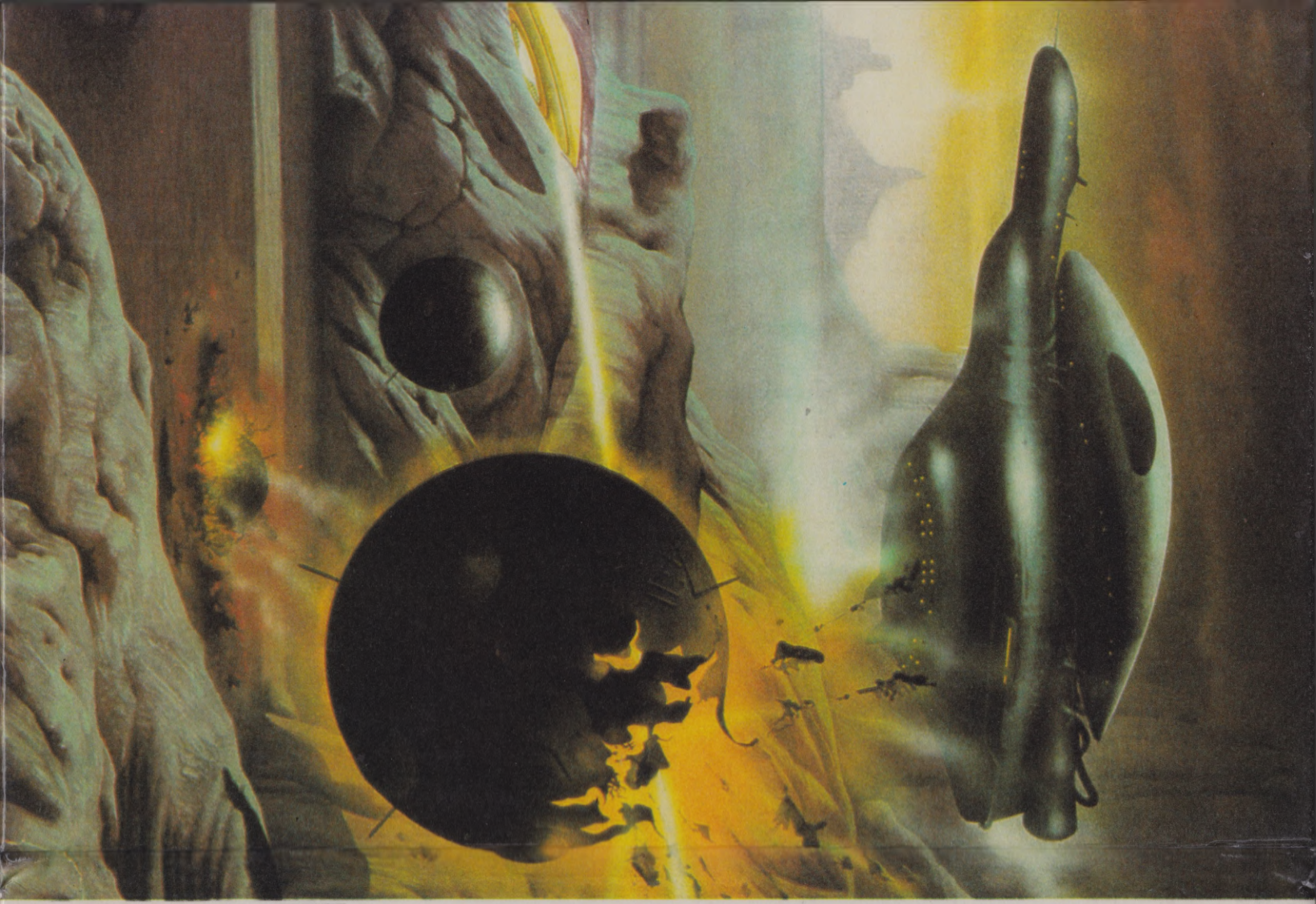
Зарубежная фантастика

Лицензия ЛР № 061382 от 03.07.92 г. Подписано в печать 14.04.95 г.
Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 29 физ. печ. л.
Тираж 20 000 экз. Заказ 40.

ГФ «Полиграфресурсы», Москва, Петровка, 26.

ТОО «Транспорт», Москва, ул. Верхоянская, 6.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат», 170024, Тверь, пр. Ленина, 5.



МВ

Дж. КОУЛЬ · АТЛАНТЫ. ВОИН